4°
Biogr.
300 v
(1-3)

Biografija

Band 2 fehlt

E.A.E

<36603251920019

<36603251920019

Bayer. Staatsbibliothek

26 Lj.

Biografija

БІОГРАФІЯ, ПИСЬМА

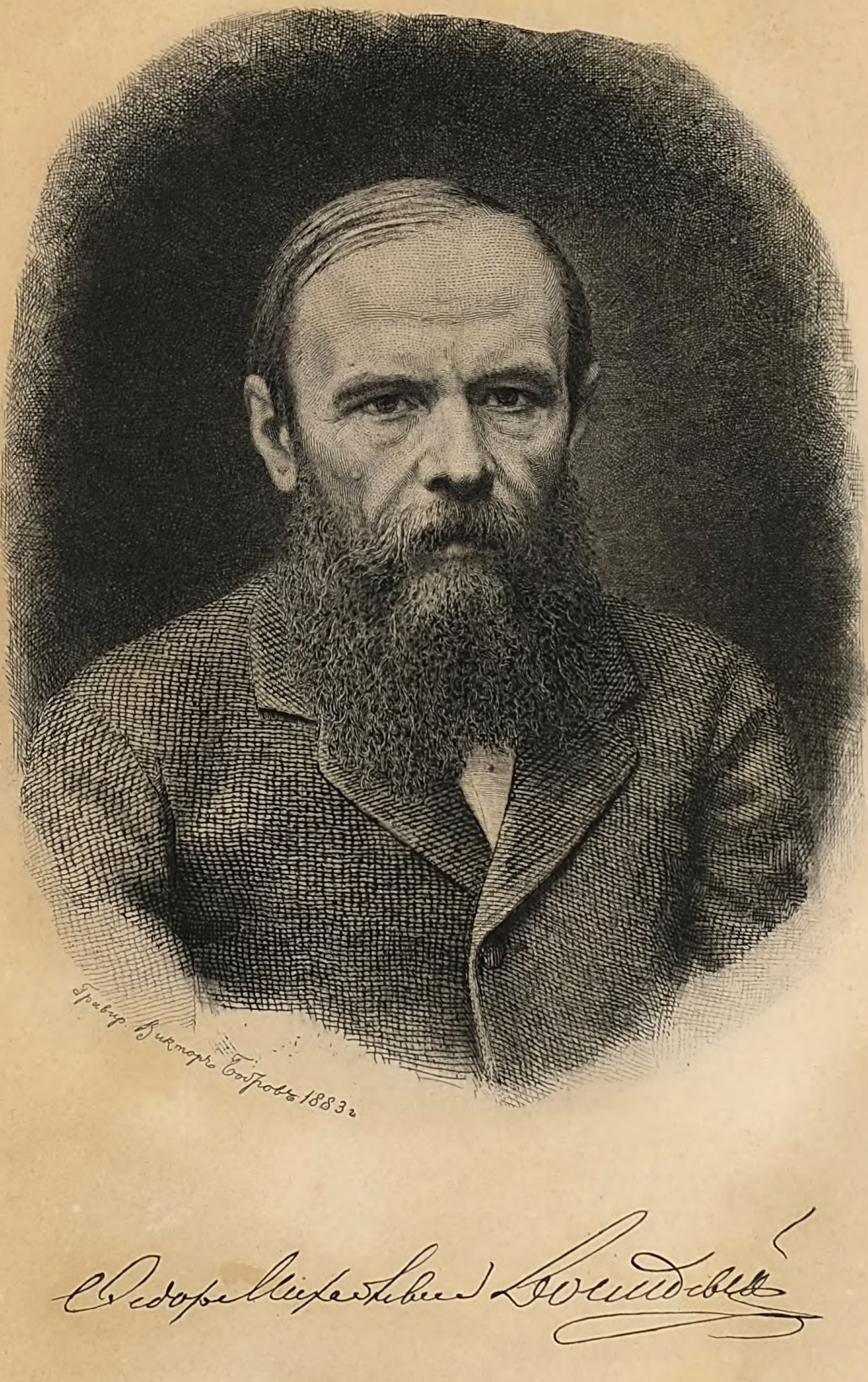
и

ЗАМѢТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

371 И

4765/12

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

БІОГРАФІЯ,

ПИСЬМА

и

ЗАМѢТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

и

ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

41356

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. № 11—2.
1883

G.n. 5176

Bayerische
Staats-
Bibliothek
München

Библиотека
Социалистической
Академии.

Направлено
в обменный фонд

41366

[1.]

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЖИЗНЕОПИСАНІЯ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Bayerische Staats-Bibliothek München

Публика съ нетерпѣніемъ ждетъ жизнеописанія такъ недавно еще схороненнаго „властителя нашихъ думъ" (употребляя выраженіе излюбленнаго Достоевскимъ поэта). Но смѣлости не хватаетъ назвать настоящимъ жизнеописаніемъ то, что̀ можетъ образоваться отъ приведенія въ порядокъ имѣющагося теперь матерьяла. Слишкомъ много еще ощущается различныхъ пробѣловъ, пополнить которые зависитъ отъ доброй воли тѣхъ, кто, должно быть, считаетъ письма Достоевскаго или же свои воспоминанія о немъ своею частною собственностью, и тѣмъ самымъ заставляетъ невольно согласиться съ словами Прудона: la propriété c'est le vol. Но хотя жизнеописаніе Достоевскаго еще невозможно въ своемъ настоящемъ смыслѣ,—удерживать подъ спудомъ накопившійся уже матерьялъ было бы, въ свою очередь, со стороны его собирателей такимъ же присвоеніемъ себѣ общественной собственности. Пусть только публика смотритъ на то, что̀ представляется ей на этихъ страницахъ, какъ на сводъ матерьяловъ — не болѣе.

Задача пишущихъ эти страницы значительно облегчается тѣмъ, что хотя Достоевскій и не велъ постоянныхъ записокъ, но основной источникъ для его жизнеописанія оставленъ намъ имъ самимъ. Онъ заключается: 1) въ данныхъ, продиктованныхъ имъ за нѣсколько лѣтъ до смерти супругѣ своей Аннѣ Григорьевнѣ; 2) въ воспоминаніяхъ преимущественно о молодыхъ годахъ, разсѣянныхъ по „Дневнику Писателя"; 3) во множествѣ внѣшнихъ и внутреннихъ фактовъ сибирской жизни Достоевскаго, систематически изложенныхъ имъ въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома"; 4) въ кое-какихъ субъективныхъ чертахъ, разсѣянныхъ по различнымъ его романамъ *); наконецъ, 5) въ письмахъ къ различнымъ, какъ знако-

*) Преимущественно въ „Бѣлыхъ Ночахъ", „Униженныхъ и Оскорбленныхъ", „Преступленіи и Наказаніи", „Идіотѣ". Само собой разумѣется, что романами Достоевскаго, какъ источникомъ для его біографіи, можно пользоваться только съ величайшею осторожностью. Такая осторожность соблюдена далеко не вездѣ въ рѣчи о Достоевскомъ проф. Булича, признавшаго за автобіографическій матерьялъ даже „Записки изъ Подполья".

ымымъ, такъ и незнакомымъ (подъ конецъ жизни) лицамъ, письмахъ, которыя являются тѣмъ болѣе важными для біографа, что Достоевскій вообще не отличался въ нихъ лаконизмомъ и хотя не любилъ, но часто считалъ своею обязанностью ихъ писать. Матерьялъ этотъ былъ бы особенно богатъ, если бы многіе упорно не оставляли его до сихъ поръ у себя въ столѣ.

Лицъ, близко стоявшихъ къ Достоевскому въ ту или другую пору его жизни, въ живыхъ еще, слава Богу, не мало, — но воспоминаній о немъ сообщено, какъ мы уже сказали, не особенно много. Сверхъ того, что̀ появилось уже въ печати (съ подписями А. П. Милюкова, А. Н. Майкова, Н. Н. Страхова, Вс. С. Соловьева, г. Масленникова и нѣк. др.), имѣются въ нашемъ распоряженіи записки о дѣтствѣ Ѳ. М. Достоевскаго родного брата его Андрея Михайловича, воспоминанія о пребываніи его въ инженерномъ училищѣ А. И. Савельева, обстоятельныя записки о времени до ссылки Ѳедора Михайловича въ Сибирь, доктора А. Е. Ризенкампфа *), воспоминанія С. Д. Яновскаго. Многое записано со словъ товарищей Ѳ. М. по такъ называемому дѣлу Петрашевскаго: покойнаго Н. А. Спѣшнева (А. Г. Достоевскою), затѣмъ Н. С. Кашкина, Н. А. Момбелли, А. И. Пальма и И. М. Дебу нами и доставлено намъ въ видѣ письменныхъ воспоминаній И. Л. Ястржемскимъ. Вотъ и все почти, если не считать отрывочныхъ замѣтокъ, — не смотря на неоднократныя воззванія въ печати.

При столь слабой отзывчивости лицъ, близко знавшихъ покойнаго, слишкомъ отзывчивыми съ другой стороны оказывались нѣкоторые, знавшіе его очень издалека и спѣшившіе сообщить о немъ свѣдѣнія апокрифическаго характера. Выходило, впрочемъ, по пословицѣ: „нѣтъ худа безъ добра“. Это заставляло того или другого близкаго къ Достоевскому человѣка нарушать молчаніе и выступать съ печатнымъ или устнымъ опроверженіемъ.

*) Указанія на него встрѣчаются въ двухъ письмахъ Ѳедора Михайловича къ брату Михаилу Михайловичу. Такъ 27 февраля (1841 г.?), онъ говоритъ: „я ни у кого еще не былъ... ни у Григоровича, ни у Ризенкампфа; а 14 февраля 1844 г.: „Напиши, что у тебя было съ Егоромъ Ризенкампфомъ (въ домѣ котораго жилъ Михаилъ Михайловичъ). Отецъ (т. е. Егоръ) писалъ что-то своему сыну. А я тебѣ въ будущемъ письмѣ напишу про моего Ризенкампфа, Алексѣя“ (описка вм. Александра). Но этого *будущаго* письма не имѣется на лицо.

I.

Дѣтство и учебные годы.

Днемъ рожденія Ѳедора Михайловича было 30-е октября, что̀ же касается года, то самъ онъ указывалъ 1822-й, между тѣмъ въ нѣкоторыхъ некрологахъ его указанъ 1821 г. Оказывается, что въ этомъ случаѣ, какъ и часто, память измѣнила Ѳедору Михайловичу. Запись о рожденіи его, по свидѣтельству Андрея Михайловича, оказывается въ метрическихъ книгахъ Московской Духовной Консисторіи *за 1821 годъ.* Вотъ эта запись (дословно переданная Андреемъ Михайловичемъ):

„Срѣтенскаго-Сорока, Церкви Петра и Павла, что̀ при больницѣ для бѣдныхъ, тысяча восемьсотъ двадцать перваго года, Октября 30-го дня, родился младенецъ, въ домѣ больницы для бѣдныхъ, у штабъ-лекаря Михаила Андреевича Достоевскаго,—сынъ Ѳедоръ.—Молитвовалъ священникъ Василій Ильинъ, при немъ былъ дьячекъ Герасимъ Ивановъ. Крещенъ мѣсяца Ноября 4-го дня; воспріемниками были: штабъ-лекарь надворный совѣтникъ Григорій Павловъ Масловичъ и княгиня Прасковья Тимофѣевна Козловская; московскій купецъ Ѳедоръ Тимофѣевъ Нечаевъ и купеческая жена Александра Ѳедоровна Куманина. — Оное крещеніе совершалъ священникъ Ильинъ съ причтомъ *).“

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Аннѣ Григорьевнѣ Достоевской въ Москвѣ близкими родственниками Ѳ. М., онъ родился въ правомъ флигелѣ Маріинской больницы, тамъ, гдѣ теперь отдѣленіе для приходящихъ малолѣтнихъ. Два же года спустя послѣ его рожденія, родители его переселились въ лѣвый флигель.

Едвали не самымъ раннимъ воспоминаніемъ Ѳ. М. было, какъ однажды няня привела его, лѣтъ около трехъ, при гостяхъ въ гостинную, заставила стать на колѣни передъ образами и, какъ это всегда бывало на сонъ грядущій, прочесть молитву: „Все упованіе, Господи, на Тебя возлагаю. Матерь Божія, сохрани мя подъ кровомъ Своимъ“. Гостямъ это очень понравилось и они говорили, лаская его: „ахъ, какой умный маль-

*) Григ. Павл. Масловичъ, замѣчаетъ Андрей Михайловичъ, былъ мужъ двоюродной сестры нашей матушки; Ѳед. Тим. Нечаевъ—отецъ матушки, а Алекс. Ѳедоров. Куманина—родная ея сестра,—слѣдовательно все лица намъ родственныя.—Въ какихъ же отношеніяхъ къ намъ была княгиня Козловская—не знаю.—Вѣроятно она была одна изъ многочисленныхъ паціентокъ моего отца.

чикъ"! Воспоминаніе это врѣзалось въ его память, молитву же ту онъ твердилъ всю жизнь и ею же напутствовалъ ко сну своихъ собственныхъ дѣтей. Ѳедоръ Михайловичъ вспоминалъ также, что держали ихъ строго и рано начинали учить. Его уже четырехлѣтнимъ сажали за книжку и твердили: „учись!", а на воздухѣ было такъ тепло, хорошо, такъ и манило въ большой и тѣнистый больничный садъ! Зато когда отецъ уѣзжалъ на практику, мать отпускала дѣтокъ на волю.

Обратимся теперь къ воспоминаніямъ Андрея Михайловича Достоевскаго.

„Я моложе, говоритъ онъ, брата Ѳ. М. на 3 года и $4^{1}/_{2}$ мѣсяца.— Ежели принять во вниманіе, что два старшихъ брата мои Михаилъ и Ѳедоръ были отвезены отцомъ изъ Москвы въ Петербургъ въ маѣ мѣсяцѣ 1837 года, когда брату Ѳедору было 15 лѣтъ и 7мѣсяцевъ, а мнѣ слишкомъ 12 лѣтъ, и то, что я начинаю себя сознательно помнить съ пятилѣтняго возраста,—то и обозначится, что въ памяти у меня могло вполнѣ сохраниться дѣтство брата Ѳ. М. въ продолженіи семи лѣтъ." —

„Отецъ нашъ, сообщаетъ Андрей Михайловичъ, штабъ-лекарь Михаилъ Андреевичъ Достоевскій, по окончаніи курса медицины въ существовавшей тогда московской Медицинской академіи въ 1812 году, былъ зачисленъ медикомъ въ военную службу, а по окончаніи войны служилъ въ Московскомъ военномъ госпиталѣ. — Въ 1819 году онъ женился на дочери московскаго купца Ѳедора Тимофѣевича Нечаева, Марьѣ Ѳедоровнѣ; а въ 1820 году родился старшій братъ нашъ Михаилъ. — Въ концѣ 1820 года отецъ перешелъ изъ военнаго вѣдомства въ гражданское и поступилъ врачемъ, съ званіемъ штабъ-лекаря, въ московскую Маріинскую больницу, гдѣ и родился братъ Ѳедоръ Михайловичъ и всѣ остальныя дѣти, кромѣ послѣдней младшей сестры нашей."

„Квартира, занимаемая отцомъ, была въ нижнемъ этажѣ. — Сравнивая теперешнія помѣщенія служащихъ лицъ въ казенныхъ квартирахъ, невольно обратишь вниманіе на то, что въ старину довались эти помѣщенія гораздо экономнѣе. И въ самомъ дѣлѣ: отецъ нашъ, уже семейный человѣкъ, имѣвшій въ то время 4—5 человѣкъ дѣтей, пользуясь штабъ-офицерскимъ чиномъ, — занималъ квартиру, состоящую собственно изъ двухъ комнатъ, кромѣ передней и кухни. При входѣ, какъ обыкновенно, была передняя въ одно окно, отъ которой задняя часть отдѣлялась досчатой столярной перегородкой; образовавшаяся отъ сего полу-темная комнатка служила дѣтскою для двухъ старшихъ братьевъ (т. е. для Михаила и Ѳедора Михайловичей). — Далѣе залъ, — довольно помѣстительная комната о 2-хъ окнахъ на улицу и 3-хъ на чистый дворъ. —

Потомъ гостиная въ два окна на улицу, отъ которой таковою же перегородкою было отдѣлено полу-свѣтлое помѣщеніе для спальни.—Вотъ и вся квартира. — Въ послѣдствіи, когда семейство наше увеличилось, — прибавили къ квартирѣ еще одну комнату. Обстановка квартиры была очень скромная. Передняя съ прилегающею къ ней дѣтскою была окрашена темно-перловою клеевою краскою; залъ—свѣтло-канареечною; а гостиная съ прилегающею спальнею — кобальтовою. Обмеблировка была самая простая: въ залѣ помѣщались два ломберныхъ стола (хоть въ карты никогда въ семействѣ нашемъ не играли), которые служили старшимъ братьямъ для занятій; обѣденный столъ и дюжина березовыхъ стульевъ съ мягкими сидѣньями, обитыми зеленымъ сафьяномъ (конечно не на пружинахъ). Эта зала была нашею семейною комнатою, гдѣ и учились и играли, обѣдали и пили чай. Гостиная же была нашею комнатою отдохновенія. — Когда мы, дѣти, оканчивали свои уроки, то приходили въ гостиную, и тамъ усаживались вмѣстѣ съ родителями". (По воспоминаніямъ другихъ родственниковъ, это было за круглымъ столомъ, при чемъ мать работала, а дѣти читали вслухъ). Самъ Ѳ. М. вспоминалъ, что когда начиналось шитье или кройка, то ихъ, дѣтей, отгоняли, вслѣдствіе чего кройка и впослѣдствіи производила на него всегда непріятное дѣйствіе.

„Съ самаго моего младенчества, продолжаетъ Андрей Михайловичъ, какъ я начинаю вспоминать нашу дѣтскую жизнь, мнѣ рисуются слѣдующіе члены семейства: отецъ, мать, старшій братъ Михаилъ, братъ Ѳедоръ, сестра Варвара и я.—Мною кончается, такъ сказать, первая, старшая серія насъ, дѣтей. Хотя за мною и слѣдовали еще сестра Вѣра, братъ Николай и сестра Александра, но они были еще такъ малы, что не могли принимать участія ни въ нашихъ занятіяхъ, ни въ нашихъ играхъ, — и жили какъ бы отдѣльною отъ насъ дѣтскою жизнію. — Мы же четверо постоянно почти были вмѣстѣ, и наши интересы, наши занятія и игры имѣли много общаго".—(По словамъ самого Ѳ. М. онъ очень любилъ въ дѣтствѣ „сестру Варю", впослѣдствіи вышедшую замужъ за г. Карепина). „Упоминаю это для того, чтобы показать, что вся дѣтская жизнь двухъ старшихъ братьевъ, въ сказанный періодъ времени, была на моихъ глазахъ. Всѣ ихъ занятія, всѣ ихъ разговоры происходили при мнѣ. Они не стѣснялись моимъ присутствіемъ, и развѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ отгоняли меня прочь, называя своимъ хвостикомъ. Старшіе братья были погодки, росли вмѣстѣ и были очень дружны;—дружба эта сохранилась до конца жизни старшаго брата. Но не смотря на эту дружбу, они были совершенно различныхъ характеровъ. Братъ Михаилъ былъ и въ дѣтствѣ

менѣе рѣзвъ, менѣе энергиченъ, менѣе горячъ въ разговорахъ, нежели братъ Ѳедоръ, который былъ во всѣхъ проявленіяхъ своихъ — *настоящій огонь,* какъ выражались наши родители.

„Говоря о нашемъ семействѣ, я не могу не упомянуть о личности, которая входила въ него всею своею жизнію, всѣми своими интересами. Это была няня Алена Фроловна.—Упоминаю объ ней не съ цѣлію показать, чтобы Аленѣ Фроловнѣ, какъ нянѣ Пушкина, можно было приписать какое либо вліяніе на дѣтское развитіе брата Ѳедора. Это была личность добрая, любившая насъ, — но и только. — Она была московская мѣщанка (еще не старая и довольно толстая, какъ припоминаютъ другіе) и не безъ важности величала себя *гражданкою.*—Но, упомянувъ о ней, какъ объ одной изъ прислугъ нашихъ, я не могу не замѣтить, какъ дорого было даже впослѣдствіи воспоминаніе объ нихъ у брата Ѳ. М. Въ многочисленныхъ произведеніяхъ его разбросано много именъ, которыми называлась наша прежняя прислуга. Такъ няня у Лизы Тушиной (въ романѣ „Бѣсы“) названа Аленой Фроловной, гдѣ выводился на сцену староста, — то назывался Савиномъ Макаровымъ, прикащикъ назывался Григорьемъ Васильевымъ и т. д. — все это имена бывшихъ нашихъ городскихъ и деревенскихъ слугъ.“

По увѣренію Андрея Михайловича, Алена Фроловна не умѣла разсказывать сказки. —Это не совсѣмъ сходится съ воспоминаніями другихъ родственниковъ и самого Ѳедора Михайловича. Вѣроятно, Алена Фроловна разсказывала сказки не такъ хорошо, какъ, напримѣръ, кормилицы. „Изъ всѣхъ дѣтей своихъ, продолжаетъ Андрей Михайловичъ, — матушка кормила сама только одного старшаго брата Михаила (котораго, по словамъ Ѳ. М., особенно любила), всѣхъ же прочихъ дѣтей кормили наемныя кормилицы. Вотъ эти-то бывшія кормилицы ежегодно (преимущественно зимою) приходили къ намъ въ гости, раза по два. Приходъ ихъ для насъ, дѣтей, былъ настоящимъ праздникомъ. Онѣ приходили изъ ближайшихъ деревень, всегда на довольно долгое время, гостя у насъ дня по два, по три. Какъ теперь рисуется въ моихъ воспоминаніяхъ слѣдующая картина: однимъ зимнимъ утромъ является къ матушкѣ въ гостиную няня Алена Фроловна и докладываетъ: „кормилица Лукерья пришла“. Мы, мальчики, вбѣгаемъ изъ залы въ гостиную и чуть не бьемъ въ ладоши отъ радости.—„Зови ее“, говоритъ матушка. И вотъ является лапотница Лукерья. Первымъ дѣломъ помолится и поздоровается съ матерью, потомъ перецалуетъ всѣхъ насъ, потомъ обдѣлитъ насъ всѣхъ деревенскими гостинцами, въ видѣ лепешекъ, испеченныхъ на пахтаньѣ; но вслѣдъ затѣмъ удаляется опять въ кухню, — дѣтямъ некогда, они дол-

жны утромъ заниматься. Но вотъ наступаютъ сумерки, матушка занимается въ гостиной, отецъ также занятъ впискою рецептовъ въ скорбные листы (по больницѣ), которые ежедневно приносились ему массами, а мы, дѣти, ожидаемъ уже въ темной неосвѣщенной залѣ прихода кормилицы. Она является, усаживаемся всѣ въ темнотѣ на стульяхъ, и тутъ-то начинается разсказываніе сказокъ. Это удовольствіе продолжалось часа по три, по четыре; разсказы передавались почти шопотомъ, чтобы не мѣшать родителямъ; тишина такая, что слышенъ скрипъ отцовскаго пера. И какихъ только сказокъ мы не слыхивали, и названій теперь всѣхъ не припомню; разсказывалось и про Жаръ Птицу, и про Алешу Поповича, и про Синюю Бороду и много другихъ. Помню только, что нѣкоторыя сказки казались для насъ очень страшными *). Къ разсказчицамъ этимъ мы относились и критически, замѣчая, напримѣръ, что Варина кормилица, хотя и больше знаетъ сказокъ, но разсказываетъ ихъ хуже чѣмъ Андрюшина, или что̀-то подобное". По воспоминаніямъ другихъ родственниковъ Ѳ. М., сказки разсказывала имъ еще—уже не народныя, а изъ „Тысячи и одной ночи" — какая-то часто гостившая у нихъ старушка Александра Николаевна. Сказка такъ и лилась у нея за сказкой и дѣти не отходили отъ нея. Вѣроятно это было еще до той поры, о которой можетъ помнить Андрей Михайловичъ.

„День проходилъ въ нашемъ семействѣ, продолжаетъ онъ,—по разъ заведенному порядку, одинъ какъ другой. Вставали утромъ рано, часовъ въ 6. Въ восьмомъ часу отецъ выходилъ уже въ больницу или въ „палату", какъ у насъ говорилось. Въ 9 часовъ утра отецъ, возвратившись изъ больницы, ѣхалъ сейчасъ же въ объѣздъ своихъ городскихъ паціентовъ или, какъ у насъ говорилось, „на практику". Въ его отсутствіе мы, дѣти, занимались уроками. Возвращался отецъ постоянно почти въ 12 часовъ, и сейчасъ же обѣдали. Въ 4 часа дня пили вечерній чай, послѣ котораго отецъ вторично шелъ въ палату къ больнымъ. Вечера проводились въ гостиной, и ежели отецъ не былъ занятъ „скорбными листами", то читали вслухъ. Въ праздничные дни, въ особенности въ Святки, въ той же гостиной иногда играли, при участіи родителей, въ карты — въ короли, при чемъ братъ Ѳедоръ, по юркости своего характера, всегда уловчался сдѣлать какой нибудь обманъ, въ чемъ и бывалъ не разъ уличаемъ. Въ девятомъ часу вечера, аккуратно, накрывался ужинный столъ

*) Такъ какъ онѣ разсказывались въ темной комнатѣ, то этимъ, можетъ быть, и объясняется то, что Ѳ. М. въ дѣтствѣ боялся темноты (какъ самъ разсказывалъ). *Прим. О. М.*

и, поужинавъ, мы, мальчики, становились передъ образомъ; прочитавъ молитвы и простившись съ родителями, отходили ко сну.

„Посторонніе или такъ называемые гости у насъ появлялись очень рѣдко, въ особенности по вечерамъ. Все знакомство родителей ограничивалось большею частію утренними визитами. Когда же, изрѣдка, случалось, что родители выѣдутъ вечеромъ въ гости, то игры наши дѣлались болѣе шумными и разнообразными. Впрочемъ, отсутствіе родителей никогда не было продолжительнымъ; въ 9 — 10 часовъ вечера они непремѣнно возвращались.

„Дни семейныхъ праздниковъ, въ особенности день именинъ отца,— 8-го ноября, всегда былъ для насъ очень знаменательнымъ. Начать съ того, что старшіе братья обязательно должны были приготовить утреннее привѣтствіе имениннику. Привѣтствія эти были всегда на французскомъ языкѣ, тщательно переписанныя, на почтовой бумагѣ, и, свернутыя въ трубочку, подавались отцу и говорились наизусть. Помню даже, что одинъ разъ было сказано что̀-то изъ Генріады (Богъ вѣсть ради чего). Отецъ умилялся и горячо цаловалъ привѣтствующихъ. Въ этотъ день всегда было много гостей, въ особенности на обѣдъ. Впослѣдствіи же, когда мы, дѣти, подросли, то раза два устраивался и вечерній пріемъ гостей на танцы; но, сколько помню, ни одинъ изъ насъ, мальчиковъ, не танцовалъ охотно, а былъ выдвигаемъ къ танцамъ какъ на какую-то необходимую и тяжелую работу.

„Въ лѣтнюю пору въ домашнемъ препровожденіи времени появлялось нѣкоторое разнообразіе, а именно совершались семейныя вечернія прогулки. Домъ московской Маріинской больницы находился на Божедомкѣ, между зданіями двухъ женскихъ институтовъ — Екатерининскаго и Александровскаго, и вблизи Марьиной рощи. Эта роща была всегдашнею цѣлью нашихъ лѣтнихъ прогулокъ. Часовъ въ 7 вечера, мы всѣ дѣти съ родителями, и по большей части съ другими обитателями Маріинской больницы, отправлялись на эту прогулку. Проходя мимо часоваго, стоявшаго при ружьѣ и въ полной солдатской формѣ у воротъ Александровскаго института, принято было за непремѣнную обязанность давать этому часовому копѣйку или грошъ; но подача эта дѣлалась не въ руку, а просто бросалась подъ ноги. Прогулки происходили весьма чинно, и дѣти даже за городомъ, въ Марьиной рощѣ, не позволяли себѣ порѣзвиться, побѣгать. Въ прогулкахъ этихъ отецъ всегда разговаривалъ съ дѣтьми о предметахъ, могущихъ развить ихъ. Такъ помню неоднократныя наглядныя толкованія его о геометрическихъ началахъ, объ острыхъ, тупыхъ и прямыхъ углахъ, кривыхъ и ломаныхъ линіяхъ,

каковыя въ московскихъ кварталахъ встрѣчаются почти на каждомъ шагу.

„Къ числу лѣтнихъ разнообразныхъ дѣлъ нужно отнести также ежегодныя посѣщенія Троицкой лавры. Но это было въ самое раннее наше дѣтство, такъ какъ съ покупкой родителями въ 1831 году своего имѣнія, поѣздки къ Троицѣ прекратились. Я помню одно только такое путешествіе къ Троицѣ, въ которомъ участвовалъ и я. Ѣздили „на долгихъ", останавливаясь по цѣлымъ часамъ почти на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ теперь останавливаются на 2 — 3 минуты. У Троицы проводили дня два, посѣщали всѣ церковныя службы и, накупивъ игрушекъ, тѣмъ же порядкомъ возвращались домой, употребивъ на все путешествіе дней 5—6. Отецъ, по служебнымъ обязанностямъ, въ этихъ путешествіяхъ не участвовалъ, а мы ѣздили только съ матушкой и съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ.

„Въ театрахъ родители наши почти никогда не бывали и я помню всего одинъ или два раза, когда, на большіе праздники, бралась ложа, и мы всѣ дѣти ѣздили вмѣстѣ съ родителями въ театръ. Но при этомъ пьесы выбирались съ большимъ разборомъ. Помню, что одинъ разъ мы видѣли „Жако или Бразильскую Обезьяну". Не совсѣмъ припоминаю сюжетъ этой пьесы, но въ памяти моей сохранилось только то, что артистъ, игравшій обезьяну, былъ замѣчательный эквилибристъ; братъ Ѳедоръ долгое время бредилъ имъ и пытался подражать ему. Это было еще въ самыхъ раннихъ годахъ его дѣтства". Самъ Ѳ. М. разсказывалъ Аннѣ Григорьевнѣ о томъ сильномъ впечатлѣніи, какое произвело на него, десятилѣтняго, представленіе совершенно другаго рода — „Разбойниковъ" Шиллера—съ Мочаловымъ въ главной роли.

„Ежели мы рѣдко бывали въ театрахъ, продолжаетъ Андрей Михайловичъ, — то зато въ балаганахъ московскихъ на праздники и на масляницу мы бывали постоянно. У насъ былъ дѣдушка (родной дядя матери) Василій Михаловичъ Котельницкій *). Онъ былъ профессоромъ Московскаго университета по одной изъ каѳедръ медицинскаго факультета; былъ бездѣтенъ и имѣлъ свой собственный деревянный домъ *„подъ Новинскимъ"*. Этотъ-то дѣдушка, очень уважаемый родителями, и очень любившій насъ, дѣтей, кажется поставилъ родителямъ въ обязательство, чтобы во время праздниковъ и масляницы мы всѣ приходили къ нему на цѣлый день. Такъ какъ всѣ балаганы были почти около его дома, то дѣдъ и

*) Отецъ этого Василія Михайловича, — Михаилъ Ѳедоровичъ Котельницкій, родной дѣдъ моей матери, былъ въ концѣ семисотыхъ годовъ корректоромъ при московской Духовной типографіи, и по отзывамъ матери, былъ очень умный человѣкъ.

водилъ насъ въ эти балаганы по своему выбору. Родители наши уже не сопутствовали намъ въ этихъ прогулкахъ, вполнѣ довѣряя насъ дѣду.

„Родители наши были люди весьма религіозные, въ особенности матушка. Всякое воскресенье и большой праздникъ мы обязательно ходили въ церковь къ обѣднѣ, а наканунѣ ко всеночной. Исполнять это было удобно, такъ какъ у насъ была очень большая и хорошая церковь.

„При больницѣ находился большой и красивый садъ, съ многочисленными липовыми аллеями и содержащимися въ большой чистотѣ дорожками. Этотъ-то садъ и былъ почти нашимъ жилищемъ въ лѣтнее время. Тамъ мы чинно прогуливались съ нянею или, усѣвшись на скамейкахъ, проводили цѣлые часы. Тамъ же происходили и наши дѣтскія игры. Играть, впрочемъ, позволялось только въ лошадки; игры же въ мячъ, и въ особенности при помощи палокъ, какъ-то въ лапту и проч., — строго воспрещались, какъ игры опасныя и неприличныя. Въ больницѣ кромѣ насъ было много жильцовъ, докторовъ и прочихъ служащихъ; но, сколько запомню, въ семействахъ этихъ не было дѣтей намъ сверстниковъ, дѣти были или старше насъ, или совсѣмъ маленькія, а потому мы по неволѣ довольствовались только играми между собою, которыя и были очень однообразны. Разъ намъ удалось видѣть, на какомъ-то гуляньѣ, бѣгуна, который за деньги показывалъ свое искусство бѣгать. При этомъ онъ во рту держалъ конецъ платка, напитаннаго какимъ-то спиртнымъ веществомъ. Я помню, что братъ Ѳедоръ долгое время представлялъ этого бѣгуна, и неутомимо бѣгалъ по садовымъ аллеямъ, держа во рту тоже конецъ носоваго своего платка. (Это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что Ѳ. М., по его собственнымъ словамъ, любилъ въ дѣтствѣ выказываться силою, ловкостью и т. п.) „Въ больничномъ саду прогуливались также и больные, или въ суконныхъ верблюжьяго цвѣта халатахъ или въ лѣтнихъ тиковыхъ, смотря по погодѣ, но всегда въ бѣлыхъ какъ снѣгъ колпакахъ, вмѣсто фуражекъ, и въ башмакахъ или туфляхъ безъ задковъ. Братъ Ѳедоръ очень любилъ, какъ нибудь украдкою, вступать въ разговоры съ этими больными, въ особенности ежели попадались мальчики; но это строго преслѣдовалось и отецъ былъ весьма недоволенъ, ежели до него доходили объ этомъ слухи". Отецъ, по воспоминаніямъ родственниковъ, вообще былъ строгъ и нянѣ Еленѣ Фроловнѣ не разъ приходилось скрывать отъ него вины дѣтей и вообще защищать ихъ отъ родительской грозы.

„Болѣе разнообразныя игры наши, продолжаетъ Андрей Михайловичъ, происходили въ деревнѣ, въ позднѣйшее уже время. Купленная нашими родителями въ 1831 году деревня находилась въ Тульской гу-

берніи, въ Каширскомъ уѣздѣ, въ 150 верстахъ отъ Москвы. Въ эту-то деревню каждою раннею весною матушка наша переселялась на цѣлое лѣто хозяйничать. Отецъ по служебнымъ обязанностямъ оставался въ Москвѣ, пріѣзжая только на нѣсколько дней въ срединѣ лѣта. Въ первые годы, когда еще старшіе братья не были въ пансіонѣ, мы всѣ сопутствовали матери, и проводили все лѣто въ деревнѣ. Поѣздка въ деревню для насъ, дѣтей, составляла эпоху, которой мы дожидались съ нетерпѣніемъ. Ѣздили обыкновенно на своихъ деревенскихъ же лошадяхъ, которыя нарочно пріѣзжали за нами съ крестьяниномъ Семеномъ Широкимъ, слывшимъ за лучшаго наѣздника, любителя и знатока лошадей. Совершали эту поѣздку обыкновенно въ двое сутокъ, — на третьи. Во время поѣздокъ этихъ братъ Ѳедоръ бывалъ въ какомъ-то лихорадочномъ настроеніи. Онъ всегда избиралъ мѣсто сидѣнія на облучкѣ. Не бывало ни одной остановки, хотя бы на минуту, при которой братъ не соскочилъ бы съ брички, не обѣгалъ бы близь лежащей мѣстности, или не повертѣлся бы съ Семеномъ Широкимъ около лошадей.

„При воспоминаніи объ этомъ не могу не сдѣлать отступленія. Нынѣшнимъ лѣтомъ мнѣ пришлось сдѣлать поѣздку на лошадяхъ изъ г. Рязани въ мѣстность отстоящую за 100 верстъ, вмѣстѣ съ Анной Григорьевной Достоевскою и ея двумя дѣтьми, — моими племянниками. Племянникъ мой, маленькій Ѳедя, до чрезвычайности похожій на отца, во все время путешествія живо напоминалъ мнѣ наши поѣздки полъ-вѣка тому назадъ; и я какъ бы въ фотографическомъ изображеніи видѣлъ въ сынѣ — изображеніе отца въ дѣтскомъ его возрастѣ“.

Самъ Ѳ. М. не разъ говорилъ, что сынъ напоминаетъ ему собственный его характеръ въ дѣтствѣ.

„Мѣстность въ нашей деревнѣ была очень пріятная и живописная, продолжаетъ А. М. Маленькій плетневый мазанковый домикъ, о трехъ комнатахъ, стоялъ въ липовой рощѣ, довольно большой и тѣнистой. Роща эта, чрезъ небольшое поле, примыкала къ березовому лѣсу, очень густому, и съ довольно мрачною и дикою мѣстностію, изрытою оврагами. Лѣсокъ этотъ назывался *Брыково* *). Мѣстность эта очень полюбилась брату Ѳедору, такъ что лѣсокъ этотъ въ семействѣ начали называть Ѳединою рощею. Впрочемъ, матушка неохотно намъ дозволяла тамъ гулять, такъ какъ ходили слухи, что въ оврагахъ попадаются змѣи и забѣгаютъ даже волки“.

*) Названіе это, кажется, не одинъ разъ попадается, замѣчаетъ А. М., въ произведеніяхъ покойнаго брата. Въ романѣ „Бѣсы“ мѣстность поединка Ставрогина и Гаганова названа этимъ именемъ.

Этимъ, вѣроятно, и объясняется тотъ волкъ, который однажды померещился Ѳ. М., какъ онъ о томъ вспоминаетъ въ „Дневникѣ Писателя“ въ разсказѣ о мужикѣ „Мареѣ“.

Андрей Михайловичъ подробно вспоминаетъ объ ихъ дѣтскихъ играхъ въ деревнѣ. „Братъ Ѳедоръ, говоритъ онъ, тогда уже читавшій, вѣроятно познакомился съ описаніями жизни дикарей. Игра въ „дикихъ“ была любимою его игрою. Она состояла въ томъ, что, выбравши мѣсто болѣе густое въ липовой рощѣ, мы строили тамъ шалашъ, и дѣлали его главнымъ пребываніемъ дикихъ племенъ. Раздѣвшись, мы расписывали себѣ тѣло красками, на манеръ татуировки; дѣлали себѣ поясныя и головныя украшенія изъ листьевъ и выкрашенныхъ гусиныхъ перьевъ, и, вооружившись самодѣльными луками и стрѣлами, производили воображаемые набѣги на Брыково. Конечно, братъ Ѳедоръ, какъ выдумавшій эту игру, былъ главнымъ предводителемъ племени. Братъ Михаилъ рѣдко учавствовалъ непосредственно въ этой игрѣ, она была не въ его характерѣ; но онъ, какъ начинавшій въ то время рисовать и имѣвшій въ то время краски, былъ нашимъ костюмеромъ и размалевывалъ насъ. Особый интересъ въ этой игрѣ былъ тотъ, чтобы за нами, дикими, не было присмотра старшихъ, и чтобы такимъ образомъ совершенно уединиться отъ всего обычнаго—не дикаго. Разъ, помню, что въ отличную сухую погоду, матушка, желая продлить нашу игру и наше удовольствіе, рѣшилась не звать насъ къ обѣду, и велѣла отнести дикарямъ обѣдъ на воздухъ, въ особой посудѣ, и поставить его гдѣ нибудь подъ кустомъ. Это доставило намъ большое удовольствіе, и мы поѣли, безъ помощи вилокъ и ножей, а просто руками, какъ и приличествовало дикимъ. Но когда мы предназначали...

„Другая игра, тоже выдуманная братомъ Ѳедоромъ, была въ „Робинзона“. Въ эту игру мы играли съ нимъ вдвоемъ, и конечно братъ былъ Робинзономъ, а мнѣ приходилось изображать Пятницу. Мы усиливались воспроизвести въ нашей липовой рощѣ всѣ тѣ лишенія, которыя испытывалъ Робинзонъ на необитаемомъ островѣ.

„Вспоминаю еще—не игру, а особую, совершенную нами процессію. За липовой рощей было кладбище и вблизи его стояла ветхая деревянная часовня, въ которой на полкахъ помѣщались иконы. Дверь въ эту часовню никогда не запиралась. Гуляя однажды въ сопровожденіи горничной, нанятой въ Москвѣ и жившей у насъ долго, очень разбитной, мы зашли въ эту часовню... и, долго не думая, подняли образа, и съ пѣніемъ различныхъ церковныхъ стиховъ и пѣсенъ, подъ предводительствомъ

сказанной горничной ,начали обходъ по полю. „Андрей Михайловичъ называетъ эту продѣлку, которая удавалась имъ раза два-три, непростительной. Но при ихъ религіозномъ воспитаніи, надо думать, это дѣлалось съ чистымъ сердцемъ, по крайней мѣрѣ, со стороны ихъ, дѣтей. Тѣмъ не менѣе имъ досталось за это порядкомъ, когда дѣло дошло до матери.

„Въ деревнѣ, продолжаетъ А. М., мы постоянно почти были на воздухѣ, и исключая игръ, проводили цѣлые дни на поляхъ, присутствуя и приглядываясь къ труднымъ полевымъ работамъ. Всѣ крестьяне любили насъ очень, въ особенности брата Ѳедора. — Онъ по своему живому характеру, — брался за все; то попроситъ водить лошадь съ бороной, то погоняетъ лошадь, идущую въ сохѣ и т. п. Любилъ онъ также вступать въ разговоры съ крестьянами, которые всегда охотно съ нимъ говорили; но верхомъ удовольствія его было исполнить какое-либо порученіе, или сдѣлать одолженіе, и быть чѣмъ нибудь полезнымъ. Я помню, что одна крестьянка, вышедшая на поле жать, вмѣстѣ съ маленькимъ ребенкомъ въ люлькѣ, пролила нечаянно жбанчикъ воды, и бѣднаго ребенка нечѣмъ было напоить. Братъ сейчасъ же взялъ жбанчикъ, сбѣгалъ въ деревню (версты $1^1/_2$) за водою, и принесъ къ радости матери полный жбанъ воды. Онъ самъ зналъ, что его любили. Сцена, описанная имъ съ такою теплотою въ „Дневникѣ Писателя“, съ крестьяниномъ Мареемъ *), достаточно рисуетъ эту любовь.

„Имѣніе наше состояло изъ двухъ небольшихъ деревенекъ, расположенныхъ другъ отъ друга въ $1^1/_2$ верстахъ; въ одной, а именно сельцѣ Даровое, мы жили, а другая называлась Чермашня **). Въ эту Чермашню мы хаживали очень часто пѣшкомъ, а братъ Ѳедоръ иногда ѣздилъ верхомъ. Онъ очень любилъ, когда матушка давала какое-либо порученіе, чтобы сообщить что-либо въ Чермашню, и всегда вызывался исполнить это порученіе.

„Въ заключеніе краткихъ своихъ воспоминаній о деревнѣ, я не могу не упомянуть о дурочкѣ Аграфенѣ. Въ деревнѣ у насъ была дурочка, не принадлежавшая ни къ какой семьѣ; она все время проводила шляясь

*) Крестьянинъ Марей — лицо дѣйствительно существовавшее; это былъ красивый мужикъ, выше среднихъ лѣтъ (40—45), брюнетъ съ окладистою бородою, въ которую пробивалась уже сѣдина. Онъ считался въ деревнѣ большимъ знатокомъ рогатаго скота, и когда приходилось покупать на ярмаркѣ коровъ, то всегда посылали Марея.

**) Названіе Чермашни встрѣчается въ послѣднемъ романѣ „Братья Карамазовы“. Такъ названо имѣніе старика Карамазова, куда онъ даетъ порученіе старшему своему сыну Ив. Ѳед., по поводу продажи лѣсной дачи.

по полямъ, и только въ сильные морозы зимой ее насильно пріючивали къ какой-либо избѣ. Ей уже было тогда лѣтъ 20—25; говорила она очень мало, неохотно, непонятно и несвязно; можно было только понять, что она вспоминаетъ постоянно о ребенкѣ, похороненномъ на кладбищѣ. Читая въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ исторію Лизаветы Смердящей, я невольно вспоминалъ нашу дурочку Аграфену“.

Ѳедоръ Михайловичъ и самъ подробно вспоминалъ о своемъ дѣтскомъ житьѣ-бытьѣ въ деревнѣ и о значеніи ея въ его жизни въ „Дневникѣ“ 1877 г. (Іюль—Августъ). Во время своего тогдашняго путешествія по Россіи, онъ нарочно сдѣлалъ „маленькій крюкъ—изъ Москвы полтораста верстъ въ сторону“. Деревня, принадлежавшая когда-то его родителямъ и давно уже перешедшая во владѣніе одной ихъ родственницы, „оставила въ немъ самое глубокое и сильное впечатлѣніе на всю потомъ жизнь“ и все въ ней „было полно для него самыми дорогими воспоминаніями“ *).

Тамъ-то, „еще въ этихъ“ мѣстахъ дѣтства, произошло его первое сближеніе съ народомъ—съ тою „правдой“, которую видитъ онъ въ чудесныхъ разсказахъ „о мученикахъ и подвижникахъ“ и съ которою онъ познакомился еще ранѣе—въ Москвѣ, чрезъ тѣхъ деревенскихъ людей, которыхъ, какъ видѣли мы, у нихъ бывало не мало. „Я самъ въ дѣтствѣ, вспоминаетъ онъ въ томъ же „Дневникѣ“, слышалъ такіе разсказы прежде еще, чѣмъ научился читать. Слышалъ я потомъ эти разсказы, прибавляетъ онъ, даже въ острогахъ у разбойниковъ и разбойники слушали и воздыхали. Эти разсказы передаются не по книгамъ, а заучились изустно и они, говоритъ онъ, „остались у меня на сердцѣ“ **). Школой „народной правды“ могла ему послужить и та встрѣча съ „мужикомъ Мареемъ“, которая вспомнилась ему со всѣми подробностями двадцать лѣтъ спустя—въ Сибири, среди всѣхъ отталкивающихъ впечатлѣній острожной жизни.

О томъ, какъ однажды въ дѣтствѣ померещился ему выбѣжавшій изъ лѣса волкъ и какъ успокоивалъ его этотъ Марей, разсказываетъ онъ въ „Дневникѣ“ 1876 г. за февраль. „Конечно, всякій бы ободрилъ ребенка, говоритъ Достоевскій, но тутъ... случилось какъ бы что-то совсѣмъ другое, и еслибъ я былъ собственнымъ его сыномъ, онъ не могъ бы посмотрѣть на меня сіяющимъ болѣе свѣтлою любовью взглядомъ, а кто его заставлялъ? Былъ онъ собственный крѣпостной нашъ мужикъ, а я все же его барченокъ; никто бы не узналъ, какъ онъ ласкалъ меня, и не

*) Соч. т. XII, стр. 199.
**) Ibidem 76, 48.

наградилъ за то... Встрѣча была уединенная, въ пустомъ полѣ, и только Богъ, можетъ быть, видѣлъ сверху, какимъ глубокимъ и просвѣщеннымъ человѣческимъ чувствомъ, и какою тонкою, почти женственною нѣжностью можетъ быть наполнено сердце иного грубаго, звѣрски невѣжественнаго крѣпостного русскаго мужика, еще и не ждавшаго, не гадавшаго тогда о своей свободѣ“ *). Такимъ же нагляднымъ проявленіемъ народной правды должна была послужить для девятилѣтняго Ѳедора Михайловича и ихъ няня, Алена Фроловна, хотя, какъ она выражалась, и „гражданка“, но въ сущности принадлежавшая къ тому же „народу“. Когда, какъ разъ на Свѣтлой недѣлѣ, получено было въ Москвѣ извѣстіе, что вотчина Достоевскихъ сгорѣла,—и родители Ѳедора Михайловича, благочестивые по старинѣ, бросились на колѣни и стали молиться,—эта самая Алена Фроловна, обыкновенно не бравшая жалованья, чтобы дать ему накопиться, вдругъ шепнула матери своихъ питомцевъ: „Коли надо вамъ будетъ денегъ, такъ ужь возьмите мои, а мнѣ что̀, мнѣ не надо“. Денегъ у нея не взяли, обошлись и безъ того, но, вспоминая объ этомъ въ апрѣльскомъ нумерѣ „Дневника“ 1876 г., Достоевскій спрашивалъ: „какъ опредѣлить ея поступокъ? Явилась-ли она съ нимъ „лишь на степени стихійнаго существованія, замкнутаго идиллическаго быта и пассивной жизни“,—или проявила что нибудь поэнергичнѣе пассивности? ...Мнѣ съ презрѣніемъ отвѣтятъ, что это единичный случай; но я и одинъ успѣлъ вотъ замѣтить въ жизни моей такихъ случаевъ многія сотни въ нашемъ простонародьи“ **). И значительная часть изъ нихъ (сверхъ двухъ приведенныхъ), надо думать, была замѣчена имъ еще въ дѣтствѣ, когда ему всего болѣе представлялось случаевъ быть съ глаза на глазъ съ народомъ.

Живая школа народности со своею самородною человѣчностью служила для Достоевскаго лучшимъ восполненіемъ къ той книжной школѣ, которую прошелъ онъ сперва въ родительскомъ домѣ, потомъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Послушаемъ подробный разсказъ объ этомъ Андрея Михайловича.

„Первоначальнымъ обученіемъ всѣхъ насъ такъ называемой грамотѣ, т. е. азбукѣ, говоритъ онъ, занималась наша матушка. Азбуку учили не по нынѣшнему: *а, б, в* и т. д., а выговаривали по старинному, т. е. *азъ, буки, вѣди*... и, дойдя до *ижицы*, всегда приговаривалась извѣстная присказка. Послѣ буквъ слѣдовали склады: двойные, тройные, четверные и чуть-ли не пятерные, въ родѣ тѣхъ, которые часто и выговаривать было

*) „Дневникъ Писателя“ 1876 г., февраль. (Соч., т. XI).
**) „Дневникъ Писателя“ 1876 г., апрѣль.

трудно. Когда премудрость эта уже постигалась, тогда приступали къ постепенному чтенію.—Конечно, я не помню, какъ учились азбукѣ старшіе братья, и эти воспоминанія относятся ко мнѣ лично. Но такъ какъ учительница была одна (наша мать) и даже руководство или азбука преемственно перешла отъ старшихъ ко мнѣ, то я имѣю основаніе предполагать, что и братья начинали ученіе тѣмъ же способомъ. Первою книгою для чтенія была у всѣхъ насъ одна. Это Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ (кажется переведенная съ нѣмецкаго сочиненія Гибнера). Она называлась собственно: „Сто четыре Священныхъ Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта“. При ней было нѣсколько довольно плохихъ литографій съ изображеніемъ: сотворенія міра, пребыванія Адама и Евы въ раю, потопа и прочихъ главныхъ священныхъ фактовъ.—Помню, какъ въ недавнее уже время, а именно въ концѣ 70-хъ годовъ, я, разговаривая съ братомъ Ѳ. М. про наше дѣтство, упомянулъ объ этой книгѣ, и съ какимъ онъ восторгомъ объявилъ мнѣ, что ему удалось разыскать этотъ же самый экземпляръ книги (т. е. нашъ дѣтскій), и что онъ бережетъ ее какъ святыню.

„Какъ я начинаю себя помнить, я засталъ уже братьевъ умѣющими читать и писать и приготовляющимися къ поступленію въ пансіонъ. Домашнее ихъ пребываніе безъ выѣздовъ въ пансіонъ я помню непродолжительное время, годъ, много полтора.—Въ это время къ намъ ходили на домъ два учителя. Первый—это дьяконъ, преподававшій Законъ Божій.—Дьяконъ этотъ чуть-ли не служилъ въ Екатерининскомъ институтѣ, по крайней мѣрѣ навѣрное знаю, что онъ состоялъ тамъ учителемъ. Къ его приходу въ залѣ всегда раскидывался ломберный столъ, и мы четверо дѣтей помѣщались за этимъ столомъ, вмѣстѣ съ преподавателемъ. Матушка всегда садилась сбоку въ сторонѣ и занималась какой нибудь работой. Многихъ впослѣдствіи имѣлъ я законоучителей, но такого, какъ отецъ дьяконъ,—не припомню. Онъ имѣлъ отличный даръ слова, и весь урокъ, продолжавшійся по старинному часа $1^1/_2$—2, проводилъ въ разсказахъ, или, какъ у насъ говорилось—въ толкованіи св. Писанія.—Бывало, придетъ, употребитъ нѣсколько минутъ на спросъ уроковъ, и сейчасъ же приступитъ къ разсказамъ. О потопѣ, приключеніяхъ Іосифа, Рождествѣ Христовѣ онъ говорилъ особенно хорошо... такъ что, бывало, и матушка, прекративъ свою работу, начинаетъ не только слушать, но и глядѣть на воодушевляющагося преподавателя.—Положительно могу сказать, что онъ своими уроками и своими разсказами умилялъ наши дѣтскія сердца. Очень жалѣю, что я не помню ни имени, ни фамиліи этого почтеннаго преподавателя; мы просто звали его отцемъ дьякономъ. Но,

не смотря на все это, уроки онъ требовалъ заучивать буквально по руководству, не выпуская ни одного слова. Руководствомъ же служили извѣстные „Начатки“ митрополита Филарета, начинающіеся такъ: „Единъ Богъ, во святой Троицѣ покланяемый, есть вѣченъ, то есть не имѣетъ ни начала, ни конца Своего бытія, но всегда былъ, есть и будетъ“... Это скорѣе философское сочиненіе, нежели руководство для дѣтей.

„Другой учитель, ходившій къ намъ въ это время, былъ Николай Ивановичъ Сушардъ; онъ былъ преподавателемъ французскаго языка въ Екатерининскомъ институтѣ и ходилъ къ намъ давать уроки того же языка. Не смотря на свое иностранное происхожденіе, онъ горячо желалъ сдѣлаться чисто русскимъ.—Я помню разсказъ отца, что въ одно изъ посѣщеній института императоромъ Николаемъ, Н. И. Сушардъ просилъ у государя, какъ милости, позволенія, вывернувъ свою фамилію, прибавить къ ней окончаніе *овъ*, что ему и было дозволено, вслѣдствіе чего онъ впослѣдствіи и назывался Драшусовъ. (Сушардъ-Драшусъ-Драшус—овъ).

„Время для старшихъ братьевъ начало подходить такое, что по возрасту ихъ пора уже было отдать куда-либо въ пансіонъ съ гимназическимъ курсомъ, а одного чтенія и письма, Закона Божія и французскаго языка — было далеко недостаточно. Для подготовленія къ такому пансіону, двухъ старшихъ братьевъ отдали на полупансіонъ къ тому же Н. И. Драшусову, куда они ѣздили впродолженіе цѣлаго года или даже болѣе, ежедневно по утрамъ, и возвращались къ обѣду. — У Драшусова былъ маленькій пансіонъ для приходящихъ; онъ самъ занимался французскимъ языкомъ, два взрослыхъ сына его занимались преподаваніемъ математики и словесныхъ предметовъ, и даже жена его Евгенія Петровна, кажется, что-то преподавала. Но въ этомъ скромномъ пансіонѣ некому было заниматься латинскимъ языкомъ, а потому подготовленіе братьевъ по этому предмету принялъ на себя самъ отецъ. Помню даже утро, въ которое онъ, ѣздивши на практику, купилъ латинскую грамматику Бантышева и отдалъ ее братьямъ. И вотъ, съ этого времени каждый вечеръ отецъ началъ заниматься съ братьями латынью. Разница между отцомъ-учителемъ и посторонними учителями, ходившими къ намъ, была та, что у послѣднихъ ученики сидѣли впродолженіе всего урока; у отца же братья, занимаясь нерѣдко по часу и болѣе, не смѣли не только сѣсть, но даже и облокотиться на столъ. Стоятъ, бывало, какъ истуканчики, склоняя по очереди *mensa, mensae*... или спрягая *amo, amas, amat*... Братья очень боялись этихъ уроковъ, происходившихъ всегда по вечерамъ. Отецъ, при всей своей добротѣ, былъ чрезвычайно взыскателенъ и нетерпѣливъ; а

главное очень вспыльчивъ". (По воспоминаніямъ нѣкоторыхъ родственниковъ, онъ былъ человѣкъ угрюмый, нервный, подозрительный). „Бывало, чуть какой либо со стороны братьевъ промахъ, — такъ сейчасъ и разразится крикъ. Замѣчу тутъ кстати, что не смотря на вспыльчивость отца, въ семействѣ нашемъ принято было обходиться съ дѣтьми очень гуманно, и не смотря на извѣстную присказку къ ижицѣ, насъ не только не наказывали тѣлесно, — никогда и никого, но даже я не помню, чтобы когда либо старшихъ братьевъ ставили на колѣни или въ уголъ. Главнѣйшимъ наказаніемъ для насъ было то, что отецъ вспылитъ. Такъ и при латинскихъ урокахъ: при малѣйшемъ промахѣ со стороны братьевъ, отецъ разсердится, обзоветъ ихъ лѣнтяями, тупицами, въ крайнихъ же случаяхъ даже броситъ занятіе, недокончивъ урока, что̀ считалось уже хуже всякаго наказанія.

„Вѣроятно, это гуманное отношеніе къ намъ, дѣтямъ, со стороны родителей и было поводомъ къ тому, что при жизни своей они не рѣшались помѣстить насъ въ гимназію, хотя это стоило бы гораздо дешевле. Гимназіи не пользовались въ то время хорошею репутаціею и въ нихъ существовало обычное и заурядное, за всякую малѣйшую провинность, наказаніе тѣлесное. Вслѣдствіе чего и были предпочтены частные пансіоны. Когда подготовленіе братьевъ было окончено, то они поступили въ пансіонъ Леонтія Ивановича Чермака, съ начала учебнаго курса 1834 года.

„Пансіонъ Л. И. Чермака былъ однимъ изъ старинныхъ частныхъ учебныхъ заведеній въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ въ то уже время онъ существовалъ болѣе 20 лѣтъ. Помѣщался онъ на Новой Басманной, въ домѣ бывшемъ княгини Касаткиной (нынѣ Алексѣева), возлѣ Басманной полицейской части. Я не былъ одновременно съ братьями въ этомъ пансіонѣ; но, поступивъ въ него вслѣдъ за братьями, т. е. въ 1837 году, и пробывъ въ немъ болѣе трехъ лѣтъ, я въ правѣ сказать нѣсколько словъ объ этомъ пансіонѣ, гдѣ и братъ провелъ около трехъ лѣтъ. Въ заведеніе это принимались дѣти бо̀льшею частію на полный пансіонъ, т. е. находились тамъ въ теченіи цѣлой недѣли, возвращаясь домой (ежели было куда) на время праздниковъ.

„Подборъ хорошихъ преподавателей и строгое наблюденіе за исправнымъ и своевременнымъ приходомъ ихъ, и въ то же время — присутствіе характера семейственности, напоминающаго дѣтямъ хотя отчасти ихъ домъ и домашнюю жизнь, — вотъ по моему идеалъ закрытаго воспитательнаго заведенія. Пансіонъ Л. И. Чермака былъ близокъ къ этому идеалу. Говорю только „близокъ", потому что совершенства нѣтъ ни въ чемъ.

Преподавателями въ пансіонъ избирались только лица, зарекомендованныя казенными инспекторами, а въ послѣднее время, въ высшемъ классѣ, преподавали даже профессора университета, напр. Дм. Матв. Перевощиковъ по математикѣ, И. И. Давыдовъ по словесности и другіе. Уроки начинались ежедневно въ 8 час. утра въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-й) отъ 8 до 10 час., 2-й) отъ 10 до 12 час. Послѣ этого урока слѣдовалъ обѣдъ. Послѣобѣденные классы были: 3-й) отъ 2 до 4 час. и 4-й) отъ 4 до 6 час. Далѣе слѣдовалъ чай и время для приготовленія уроковъ. Въ 9 часовъ былъ ужинъ, послѣ котораго всѣ шли въ спальню. Самъ Л. И., человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ, былъ мало или совсѣмъ не образованъ, но имѣлъ тотъ тактъ, котораго часто не достаетъ и директорамъ казенныхъ учебныхъ заведеній. Въ началѣ каждаго урока онъ обходилъ всѣ классы, и ежели заставалъ классъ безъ преподавателя, то оставался въ немъ до прихода запоздавшаго учителя, котораго и встрѣчалъ съ добрѣйшей улыбкой, одною рукою здоровался съ нимъ, а другою вынималъ часы, какъ бы для справки. При такихъ порядкахъ трудно было и манкировать! Но, главное, нашъ старикъ былъ человѣкъ съ душою. Онъ входилъ самъ въ мельчайшія подробности нуждъ ввѣренныхъ ему дѣтей, въ особенности тѣхъ, у которыхъ не было въ Москвѣ родителей или родственниковъ и которые жили у него безвыходно. Отличныхъ по успѣхамъ учениковъ, т. е. каждаго, получившаго четыре балла (пятичная система балловъ тогда еще не существовала), онъ очень серьезно зазывалъ къ себѣ въ кабинетъ и тамъ вручалъ ему маленькую конфетку. Случалось иногда, что подобныя награды давались и ученикамъ старшихъ классовъ, но никогда ни одинъ изъ нихъ не принималъ этого съ насмѣшкой. Ежели кто въ пансіонѣ заболѣвалъ, Чермакъ мгновенно посылалъ его внизъ къ своей женѣ, говоря „иди къ Августѣ Францовнѣ“. Она сейчасъ уложитъ заболѣвшаго и приметъ первыя домашнія мѣры, а затѣмъ пошлетъ за годовымъ докторомъ, которымъ въ то время былъ Вас. Вас. Трейтеръ.

„Пища была приличная. Самъ Леонтій Ивановичъ и его семейство (мужскаго пола) постоянно имѣли столъ общій съ учениками. По праздникамъ же, вслѣдствіе небольшаго количества остававшихся пансіонеровъ, и весь женскій персоналъ его семейства обѣдалъ за общимъ пансіонскимъ столомъ. Чермакъ содержалъ свой почти образцовый пансіонъ болѣе чѣмъ 25 лѣтъ; ученики изъ его пансіона были лучшими студентами въ университетѣ, и въ заведеніи его получили начальное воспитаніе люди, сдѣлавшіеся впослѣдствіи видными общественными дѣятелями. Помимо Ѳ. М. Достоевскаго и М. М. Достоевскаго я могу указать на Гу-

бера, Геннади“. Самъ Ѳ. М. указывалъ на то, что съ нимъ вмѣстѣ учились въ пансіонѣ Чермака Шумахеръ, сынъ профессора Каченовскаго и Мюльгаузенъ (бывшій потомъ ректоромъ Московскаго университета).

„Я слышалъ впослѣдствіи, что Л. И. Чермакъ въ концѣ 40-хъ годовъ принужденъ былъ закрыть свой пансіонъ и умеръ въ большой бѣдности. Ежели разсматривать это обстоятельство съ коммерческой точки зрѣнія, то Чермака нельзя отнести ни къ неосторожнымъ, ни къ несчастнымъ банкротамъ. Можно сказать, что всѣ могущія быть сбереженія (а они могли быть значительны) Л. И. Чермакъ принесъ въ даръ московскому юношеству!

„Итакъ, съ 1834 года старшіе братья начали ѣздить на цѣлую недѣлю въ пансіонъ. Старшая сестра тоже была отдана около этого времени въ пансіонъ. Родителями рѣшено было, чтобы братья и сестра мои по праздникамъ раздѣляли между собою труды по обученію меня различнымъ предметамъ. На долю старшаго брата Михаила отецъ отнесъ ариѳметику и географію; на долю брата Ѳедора пали исторія и русскій языкъ, а сестрѣ поручено было заниматься французскимъ и нѣмецкимъ языками. Учительскія отношенія ко мнѣ братьевъ и сестры нисколько не измѣнили нашихъ братскихъ, доселѣ существовавшихъ отношеній. Въ субботу съ утра чувствовалось уже прибытіе всей семьи подъ родной кровъ. И родители дѣлались нѣсколько веселѣе, и къ столу приготовлялось кое-что лишнее, однимъ словомъ, пахло чѣмъ-то праздничнымъ. Въ этотъ день и неизмѣняемое время обѣда (12 час.) по неволѣ измѣнялось. Покуда лошади поѣдутъ съ Божедомки на Басманную, покуда соберутся братья и пріѣдутъ, проходитъ добрыхъ 1½—2 часа, такъ что обѣдъ подавался въ этотъ день къ двумъ часамъ. За сестрой ѣздили большею частію по вечерамъ, уже въ сумерки. Но вотъ пріѣхали братья, не успѣли поздороваться, какъ и горячее на столѣ; садимся обѣдать, и тутъ же, не удовлетворивши перваго аппетита, братья начинаютъ разсказывать о всемъ случившемся впродолженіи недѣли. Воп ервыхъ, отрапортуютъ правдиво о всѣхъ полученныхъ впродолженіи недѣли по различнымъ предметамъ баллахъ, а потомъ и начнутся разсказы про учителей, про различныя дѣтскія, а иногда и не совсѣмъ приличныя шалости товарищей. За разсказами и разговорами, и обѣдъ въ этотъ день продолжался гораздо долѣе. Родители самодовольно слушали и молчали, давая высказаться пріѣзжимъ. Можно сказать, что откровенность въ разсказахъ была полная. Вспоминаю, что отецъ ни разу не давалъ наставленій сыновьямъ. При разсказахъ о различныхъ шалостяхъ, случавшихся въ классѣ, отецъ только приговаривалъ: „ишь шалунъ, ишь разбойникъ, ишь негодяй“...

и т. п. смотря по степени шалости; но ни разу не говаривалъ: „смотрите, не поступайте-де и вы такъ!“ Этимъ давалось, кажется, знать, что отецъ и ожидать не можетъ отъ нихъ подобныхъ шалостей. Пообѣдавъ и поговоривъ еще нѣсколько, братья садились за свои ломберные столы и предавались чтенію. Помню, я рѣдко видалъ, чтобы по субботамъ и воскресеньямъ братья занимались приготовленіемъ уроковъ, и привозили съ собою учебники. Зато книгъ для чтенія привозилось достаточно, такъ что братья постоянно проводили домашнее время за чтеніемъ. Въ послѣднюю пору, т. е. около 1836 года, братья съ особеннымъ воодушевленіемъ разсказывали про своего учителя русскаго языка, который просто сдѣлался ихъ идоломъ, такъ какъ на каждомъ шагу былъ ими воспоминаемъ. Вѣроятно это былъ преподаватель не заурядный, а въ родѣ нашего почтеннаго отца дьякона; братья отзывались объ немъ не только какъ хорошемъ учителѣ, но въ нѣкоторомъ отношеніи какъ о джентльменѣ. Очень жаль, что я не помню теперь его фамиліи; но въ мое время учителя этого, кажется, не было уже и въ высшихъ классахъ.

„Выше я упомянулъ о семейныхъ чтеніяхъ, происходившихъ въ гостиной. Чтенія эти существовали, кажется, постоянно въ кругу родителей. Читали попеременно вслухъ или отецъ или мать; я помню, что при чтеніяхъ этихъ всегда находились и старшіе братья, еще до поступленія ихъ въ пансіонъ. Впослѣдствіи и они сами читали вслухъ, когда уставали родители. Читались по преимуществу произведенія историческія: „Исторія Государства Россійскаго“ Карамзина (у насъ былъ свой экземпляръ) и чаще всего 11-й и 12-й томы, „Біографія Ломоносова„ Ксеноф. Полеваго и проч. Изъ чисто литературныхъ произведеній помню читали Державина (въ особенности оду „Богъ“), Жуковскаго — переводную прозу, повѣсти Карамзина: „Бѣдную Лизу“ и „Марѳу Посадницу“, а также и „Письма русскаго путешественника“; изъ Пушкина, — преимущественно повѣсти. Впослѣдствіи начали читать и романы: „Юрій Милославскій“, „Ледяной Домъ“, „Стрѣльцы“ и сентиментальный романъ „Семейство Холмскихъ“; читались также и сказки Казака Луганскаго“.

По собственнымъ словамъ Ѳ. М., онъ очень любилъ читать путешествія и подъ вліяніемъ такого чтенія пламенною мечтою его сдѣлалось посѣтить Венецію, Константинополь и вообще востокъ, сильно занимавшій его воображеніе.

„Старшіе братья, продолжаетъ свои воспоминанія Андрей Михайловичъ, читали во всякое свободное время. Въ рукахъ брата Ѳеодора я чаще всего видалъ Вальтеръ-Скотта—Квентина Дорварда и Ваверлея; у насъ были собственные экземпляры, и вотъ ихъ-то онъ перечитывалъ не одно-

кратно, не смотря на тяжелый и старинный переводъ. Такому же чтенію и перечитыванію подвергались и всѣ произведенія Пушкина. Любилъ также братъ Ѳедоръ повѣсти Нарѣжнаго, изъ которыхъ „Бурсака“ перечитывалъ неоднократно. Не помню навѣрное, читалъ-ли онъ тогда что-либо изъ Гоголя, а потому не могу объ этомъ и говорить. Помню также, что онъ съ большимъ удовольствіемъ прочелъ романъ Вельтмана „Сердце и Думка“. Исторія же Карамзина была его настольною книгою, и онъ читалъ ее всегда, когда не было чего-либо новенькаго. Появлялись въ нашемъ домѣ и книжки издававшейся въ то время „Библіотеки для Чтенія“. Какъ теперь помню эти книжки, мѣнявшія ежемѣсячно цвѣтъ своихъ обложекъ, на которыхъ изображался загнутый уголокъ съ именами литераторовъ, участвовавшихъ въ изданіи. Эти книги уже были исключительнымъ достояніемъ братьевъ. Родители ихъ не читали. Я потому обозначилъ названія нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній, которыя читалъ тогда братъ, что съ названіями этими, а равно и съ именами ихъ авторовъ я, еще бывши ребенкомъ, познакомился исключительно со словъ брата. Вообще братъ Ѳедоръ любилъ болѣе чтеніе серьезное, въ отличіе отъ брата Михаила, который любилъ поэзію и самъ пописывалъ стихи, бывши въ старшихъ классахъ пансіона (чѣмъ братъ Ѳедоръ не занимался). Но на Пушкинѣ они мирились, и оба, кажется, и тогда чуть не всего знали наизусть *). Надо припомнить, что Пушкинъ тогда былъ еще современникъ; объ немъ, какъ о современномъ поэтѣ, мало говорилось еще съ каѳедры; произведенія его еще не заучивались наизусть по требованію преподавателей. Авторитетность Пушкина, какъ поэта, была тогда менѣе авторитетности Жуковскаго, даже между преподавателями словесности,— она была менѣе и во мнѣніи нашихъ родителей, что̀ вызывало неоднократно горячіе протесты со стороны братьевъ, въ особенности брата Ѳедора. Помню, что братья какъ-то одновременно выучили наизусть два стихотворенія: старшій братъ „Графа Габсбургскаго“, а братъ Ѳедоръ, какъ бы въ параллель тому, „Смерть Олега“. Когда эти стихотворенія были произнесены ими въ присутствіи родителей, — то предпочтеніе было отдано первому, вѣроятно вслѣдствіе бо̀льшей авторитетности сочинителя. Матушка наша очень полюбила два эти произведенія, и часто просила братьевъ произносить ихъ; помню, что даже во время своей болѣзни, уже лежа въ постели (она умерла чахоткой), она съ удовольствіемъ прислушивалась къ нимъ.

*) Конечно, только то, что попадалось имъ въ руки, такъ какъ полнаго собранія его сочиненій тогда еще не было.

„Не могу не припомнить здѣсь одного случившагося у насъ эпизода. Изъ товарищей къ братьямъ не ходилъ никто. Разъ только къ старшему брату пріѣзжалъ изъ пансіона нѣкто Кудрявцевъ. Брату позволено было отдать ему визитъ, но тѣмъ знакомство и кончилось. Зато въ домъ нашъ былъ вхожъ одинъ мальчикъ *), сынъ знакомой нашихъ родителей. Онъ учился въ гимназіи и былъ нѣсколько старше моихъ братьевъ. Этому-то гимназисту удалось гдѣ-то достать ходившую тогда въ рукописи сатиру Воейкова „Домъ Сумасшедшихъ“ и заучить на память. Со словъ его братья тоже выучили эту сатиру и сказали ее въ присутствіи отца. Отецъ остался очень не доволенъ и высказалъ предположеніе, что это вѣроятно измышленія и продѣлки гимназистовъ; но когда его увѣрили, что это сочиненіе Воейкова, то онъ всетаки высказалъ, что оно не прилично, потому что въ немъ помѣщены дерзкія выраженія противъ извѣстныхъ литераторовъ, а въ особенности противъ Жуковскаго. По разсказамъ того же гимназиста мы познакомились со сказкою Ершова „Конекъ Горбунокъ“ и всѣ выучили ее наизусть“.

Если, за исключеніемъ Ванички Умнова,—впрочемъ и не товарища Достоевскихъ по пансіону—никто не ходилъ къ нимъ изъ сверстниковъ, то это, вѣроятно, происходило отъ строгой разборчивости и мнительности родителей, особенно отца, въ такомъ дѣлѣ, какъ выборъ пріятелей. Самъ Ѳ. М. разсказывалъ, что онъ постоянно стремился имѣть ихъ, но это ему не давалось вслѣдствіе крайней его обидчивости. Его деликатное сердце не выносило тѣхъ подчасъ грубыхъ шутокъ и насмѣшекъ, съ какими, какъ быть водится, обращались къ нему товарищи. Зато, какъ вспоминаетъ одинъ изъ его однокашниковъ, онъ любилъ защищать и другихъ—особенно новичковъ—отъ придирокъ и насильственнаго обращенія съ ними старшихъ учениковъ, столь обычнаго во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ.

„Отецъ нашъ, продолжаетъ Андрей Михайловичъ, былъ чрезвычайно внимателенъ въ наблюденіи за нравственностью дѣтей, и въ особенности относительно старшихъ братьевъ, когда они сдѣлались уже юношами. Я не помню ни одного случая, когда-бы братья вышли куда нибудь одни; это считалось отцомъ за неприличное, между тѣмъ какъ къ концу пребыванія братьевъ въ родительскомъ домѣ старшему было почти уже 17 лѣтъ, а брату Ѳедору почти 16-ть. Въ пансіонъ они всегда ѣздили на своихъ лошадяхъ, и точно также и возвращались. Родители наши были отнюдь не скупы,—скорѣе даже таровbooks;—но, вѣроятно, по тогдашнимъ понятіямъ считалось тоже за неприличное, чтобы молодые люди имѣли свои

*) Ваничка Умновъ.

хотя маленькія карманныя деньги. — Я не помню, чтобы братья имѣли въ своемъ распоряженіи хотя нѣсколько мелкихъ монетъ, и вѣроятно они ознакомились съ деньгами только тогда, когда отецъ оставилъ ихъ въ Петербургѣ. Я упоминалъ выше, что отецъ не любилъ дѣлать нравоученій и наставленій; но у него была одна, какъ мнѣ кажется теперь, слабая сторона. Онъ очень часто повторялъ, что онъ человѣкъ бѣдный, что дѣти его, въ особенности мальчики, должны готовиться пробивать себѣ сами дорогу, что со смертію его они останутся нищими и т. п. Все это рисовало мрачную картину! — Я припоминаю еще и другія слова отца, которыя служили не нравоученіемъ, а скорѣе остановкою и предостереженіемъ. Я уже говорилъ неоднократно, что братъ Ѳедоръ былъ слишкомъ горячъ, энергично отстаивалъ свои убѣжденія, и вообще былъ довольно рѣзокъ на слова. При такихъ проявленіяхъ со стороны брата отецъ неоднократно говаривалъ: „Эй, Ѳедя, уймись, не сдобровать тебѣ... быть тебѣ подъ красной шапкой!“

„У насъ въ больницѣ былъ священникъ отецъ Іоаннъ Баршевъ, — почтенный старичокъ и общій нашъ духовникъ. У этого священника были два уже взрослые сына: Сергѣй Ивановичъ и Яковъ Ивановичъ, извѣстные впослѣдствіи профессора-юристы. Послѣ поѣздки, на казенный счетъ, за границу, молодые люди эти возвратились къ своему отцу и посѣтили и нашихъ родителей. Отецъ нашъ часто говаривалъ: „вотъ, ежели-бы и мнѣ дождаться, когда мои сыновья такъ отличатся!“

„Не могу не упомянуть о томъ мнѣніи, какое братъ Ѳ. М. высказалъ мнѣ о нашихъ родителяхъ. Это было не такъ давно, а именно въ концѣ 70-хъ годовъ. Я какъ-то разговорился съ нимъ о нашемъ давно прошедшемъ и упомянулъ объ отцѣ. Братъ мгновенно воодушевился, схватилъ меня за руку повыше локтя (обыкновенная его привычка, когда онъ говорилъ по душѣ), и горячо высказалъ: „Да знаешь-ли, братъ, вѣдь это были люди передовые, и въ настоящую минуту они были бы передовыми!... А ужъ такими семьянами, такими отцами... намъ съ тобою не быть, братъ!“

„Наступила зима 1836—1837 года. Еще съ осени наша мать слегла въ постель съ тѣмъ, чтобы болѣе съ нея не вставать! Это было самое горькое время въ дѣтскій періодъ нашей жизни; мы готовились ежеминутно потерять мать! Не смотря на помощь многихъ врачей и тогдашнихъ знаменитостей, которые поспѣшили протянуть руку помощи своему собрату, исходъ былъ неизбѣженъ, и мы лишились матери 27-го февраля 1837 года.

„Спустя нѣсколько времени послѣ смерти матушки, отецъ нашъ началъ

серьезно подумывать о поѣздкѣ въ Петербургъ (въ которомъ ни разу еще не бывалъ), чтобы отвезти туда двухъ старшихъ сыновей для помѣщенія ихъ въ Инженерное училище.

„Надо сказать, что гораздо еще ранѣе отецъ чрезъ посредство главнаго доктора Маріинской больницы, Алек. Андр. Рихтера, подавалъ докладную записку Вилламову о принятіи братьевъ въ училище на казенный счетъ. Отвѣтъ Вилламова, очень благопріятный, былъ полученъ еще при жизни матери, и тогда же была рѣшена поѣздка въ Петербургъ“.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Аннѣ Григорьевнѣ въ Москвѣ, тетка юношей Достоевскихъ, А. Ѳ. Куманина, которую очень любилъ Ѳ. М. какъ и ея почтеннаго мужа, свозила ихъ передъ этимъ на богомолье къ Сергію, они же всю дорогу читали и декламировали ей стихи.

Между тѣмъ, не стало того поэта, котораго оба они такъ страстно любили—и любили самостоятельно, а не по примѣру старшихъ.

„Не знаю, говоритъ Андрей Михайловичъ, вслѣдствіе какихъ причинъ, извѣстіе о смерти Пушкина дошло до нашего семейства уже послѣ похоронъ матушки. Вѣроятно наше собственное горе и сидѣніе всего семейства постоянно дома было причиною этому. Помню, что братья чуть съума не сходили, услыхавъ объ этой смерти и о всѣхъ подробностяхъ ея. Братъ Ѳедоръ въ разговорахъ съ старшимъ братомъ нѣсколько разъ повторялъ, что ежели бы у насъ не было семейнаго траура, то онъ просилъ бы позволенія отца носить трауръ по Пушкинѣ. Конечно, до насъ не дошло еще тогда стихотвореніе Лермонтова на смерть Пушкина, но братья гдѣ-то достали другое стихотвореніе, неизвѣстнаго мнѣ автора. Они такъ часто произносили его *), что я его помню и теперь спустя 45 лѣтъ. Вотъ оно:

Нѣтъ поэта, рокъ свершился,
Опустѣлъ родной Парнассъ!
Пушкинъ умеръ, Пушкинъ скрылся
И на вѣкъ покинулъ насъ.

Сѣверъ, сѣверъ, гдѣ твой геній?
Гдѣ пѣвецъ твоихъ чудесъ?
Гдѣ виновникъ наслажденій?
Гдѣ нашъ Пушкинъ?—Онъ исчезъ!

Да, исчезъ онъ, духъ могучій,
И землѣ онъ измѣнилъ!
Онъ вознесся выше тучей,
Онъ взлетѣлъ туда, гдѣ жилъ!

*) Вѣроятно за неимѣніемъ подъ руками лучшаго. *Пр. О. М.*

„Поѣздка отца съ братьями въ Петербургъ чуть было не замедлилась, потому что братъ Ѳедоръ заболѣлъ. У него безъ всякаго видимаго повода открылась горловая болѣзнь и онъ потерялъ голосъ, такъ что съ большимъ напряженіемъ говорилъ шопотомъ и его трудно было разслышать *). Болѣзнь была такъ упорна, что не поддавалась никакому леченію. Испытавъ всѣ средства и не видя пользы, отецъ,—самъ строгій аллопатъ, рѣшился испытать, по совѣту другихъ, гомеопатію. И вотъ братъ Ѳедоръ былъ почти отдѣленъ отъ семейной жизни и даже обѣдалъ за отдѣльнымъ столомъ, чтобы не обонять запаха отъ кушанья, подаваемаго намъ—здоровымъ. Впрочемъ и гомеопатія не приносила видимой пользы: то дѣлалось лучше, то опять хуже. Наконецъ посторонніе доктора посовѣтовали отцу пуститься въ путь, не дожидаясь полнаго выздоровленія брата, предполагая, что путешествіе въ хорошее время года должно помочь больному. Такъ и случилось. Но только мнѣ кажется, что у брата Ѳ. М. остались на всю его жизнь слѣды этой болѣзни. Кто помнитъ его голосъ и манеру говорить, тотъ согласится, что голосъ его былъ не совсѣмъ естественный,—болѣе грудной, нежели бы слѣдовало.

„Отецъ, по возвращеніи своемъ изъ Петербурга, намѣревался совсѣмъ переселиться въ деревню (онъ подалъ уже въ отставку), а потому до поѣздки въ Петербургъ желалъ поставить памятникъ на могилѣ нашей матери. Избраніе надписи на памятникѣ отецъ предоставилъ братьямъ. Они оба рѣшили, чтобы было только обозначено имя, фамилія, день рожденія и смерти. На заднюю же сторону памятника выбрали надпись изъ Карамзина: „Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра“. И эта прекрасная надпись была исполнена.

„Наконецъ наступилъ день отъѣзда. Отецъ Іоаннъ Баршевъ отслужилъ напутственный молебенъ и путешественники, усѣвшись въ кибитку, двинулись въ путь (ѣхали на сдаточныхъ), объ которомъ хотя и мелькомъ, но такъ поэтично упомянулъ братъ Ѳ. М. 40 лѣтъ спустя въ одномъ изъ нумеровъ „Дневника Писателя“.

Извѣстно, что это было въ январскомъ нумерѣ „Дневника“ 1876 г. „Мы съ братомъ, говоритъ Ѳедоръ Михайловичъ, стремились тогда въ новую жизнь... Мы вѣрили чему-то страстно и хотя мы оба отлично знали все, чтò требовалось къ экзамену изъ математики, но мечтали мы только о поэзіи и о поэтахъ. Братъ писалъ стихи, каждый день стихотворенія по три, и даже дорогой, а я безпрерывно въ умѣ сочинялъ романъ изъ венеціанской жизни. Тогда, всего два мѣсяца передъ тѣмъ, скончался Пуш-

*) Не была ли тутъ простуда отъ декламаціи по дорогѣ къ Сергію? *Пр. О. М.*

кинъ, и мы дорогой сговаривались съ братомъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, тотчасъ же сходить на мѣсто поединка и пробраться въ бывшую квартиру Пушкина, чтобы увидѣть ту комнату, въ которой онъ испустилъ духъ".

Вдругъ, среди столь высокаго настроенія, на одной станціи имъ представилась такого рода картина: здоровенный фельдъегерь понукалъ что̀ есть силы громаднымъ своимъ кулакомъ ямщика, парня лѣтъ двадцати, а тотъ зато волей-неволей давалъ себя знать лошадямъ. „Тутъ, вспоминалъ въ 1876 г. Достоевскій, каждый ударъ по скоту, такъ сказать, самъ собою выскакивалъ изъ каждаго удара по человѣку. Въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ эпоху моихъ самыхъ беззавѣтныхъ и страстныхъ мечтаній, мнѣ пришла вдругъ однажды въ голову мысль, что еслибъ случилось мнѣ когда основать филантропическое общество, то я непремѣнно далъ бы вырѣзать эту курьерскую тройку на печати общества, какъ эмблему и указаніе".

Но именно при такой „эмблемѣ и указаніи", при этой особаго рода начальнической школѣ, доставшейся на долю простому русскому человѣку, тѣмъ болѣе, конечно, цѣны получали для Достоевскаго не заглохшіе, не смотря ни на что̀, въ народѣ слѣды живой христіанской правды. Оставленные отцомъ въ Петербургѣ въ приготовительномъ пансіонѣ Коронада Филипповича Костомарова, оба брата писали отцу отъ 23-го іюля: „воспитатель надѣется на насъ болѣе, чѣмъ на всѣхъ восьмерыхъ, которые у него приготовляются. Скоро мы начнемъ учиться фронту, сообщали они; на фронтъ чрезвычайно смотрятъ и хоть знать все превосходно, то за фронтомъ можно попасть въ низшіе классы. И при томъ этимъ однимъ мы можемъ выиграть у его высочества Михаила Павловича". Озабоченные своими дѣлами, они не забываютъ, однако же, напомнить чрезъ отца „сестрѣ Варенькѣ", чтобы она помнила данное имъ обѣщаніе прочитывать исторію Карамзина. „Что̀ касается до Андрюши, говорится далѣе, то навѣрное онъ и среди удовольствій деревни не позабываетъ исторіи, которую онъ бывало и частенько мнѣ плохо зналъ". Что мѣстоименіе *мнѣ* относится къ Ѳедору Михайловичу, это ясно изъ вышеприведенныхъ словъ Андрея Михайловича, что исторіею занимался съ нимъ Ѳедоръ Михайловичъ. Шестаго сентября братья писали отцу: „всѣхъ кандидатовъ 43... прошлаго года было сто двадцать, а третьяго года 150 и болѣе. И ученики Костомарова всегда были изъ первыхъ". Уже въ первомъ письмѣ упомянуто о старомъ товарищѣ ихъ по пансіону Чермака, Шидловскомъ, имя котораго часто намъ будетъ встрѣчаться въ письмахъ Ѳедора Михайловича. Отецъ, очевидно, интересовался этимъ хорошо зна-

комымъ и ему молодымъ человѣкомъ. Вотъ братья и сообщаютъ ему, что они только что провели съ нимъ часъ въ Казанскомъ соборѣ. „Намъ это хотѣлось давно, поясняютъ они, особенно передъ экзаменомъ“.

Отправляя обоихъ сыновей въ Инженерное училище, Достоевскій отецъ, какъ слышалъ д-ръ Ризенкампфъ, разсчитывалъ между прочимъ и на своего родственника, генер.-лейтенанта Кривопишина, занимавшаго вліятельную должность въ Инспекторскомъ департаментѣ. Но медицинское свидѣтельство главнаго доктора Инженернаго училища, Волькенау, признавшаго совершенно здороваго старшаго брата — чахоточнымъ, а болѣзненнаго младшаго — здоровымъ, разстроило планы отца. Михаилъ Михайловичъ не былъ принятъ и въ іюнѣ 1838 года отправился въ Ревель для поступленія кондукторомъ въ тамошнюю инженерную команду. Такимъ образомъ, Ѳедору Михайловичу совершенно неожиданно пришлось разлучиться съ братомъ. Чрезъ это собственное его поступленіе въ Инженерное училище могло порадовать его только въ томъ отношеніи, что этимъ по крайней мѣрѣ на половину исполнялось желаніе отца. Само по себѣ это заведеніе — съ математикой, черченьемъ и выправкой — не могло представляться привлекательнымъ для того, кто бредилъ поэзіей. Предназначая своихъ дѣтей въ это заведеніе, Достоевскій отецъ руководился, конечно, понятными при небогатомъ его состояніи разсчетами на выгодную карьеру. Но не слѣдуетъ забывать при этомъ, что Инженерное училище видимо выдѣлялось въ научномъ отношеніи изъ ряда остальныхъ тогдашнихъ военно-учебныхъ заведеній. Въ историческомъ очеркѣ, изданномъ къ пятидесятилѣтію Инженернаго училища, не даромъ указано на то обстоятельство, что при самомъ его открытіи въ преподаватели туда приглашенъ былъ его основателемъ, тогда еще великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, подъ собственною своею отвѣтственностью, удаленный изъ университета, по навѣтамъ Магницкаго, профессоръ Арсеньевъ. Это, оказанное въ его лицѣ, особое уваженіе къ выдающейся научной силѣ послужило характернымъ признакомъ направленія, такъ и сохранившагося затѣмъ въ училищѣ. „Не смотря на то, сказано въ его историческомъ очеркѣ, что оно нѣкоторое время состояло въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній, сложилось оно при совершенно особыхъ обстоятельствахъ, и шло инымъ путемъ, а потому въ немъ оказалось много самостоятельнаго... Учебная часть... всегда стояла значительно выше, чѣмъ въ бывшихъ корпусахъ... Типа такъ называемаго *стараго кадета*, не только не занимавшагося науками, но открыто игнорировавшаго все, что преподавали въ классахъ и признававшаго только строевую часть, въ Инженерномъ училищѣ положительно не было, да и быть не могло. По-

ступали въ училище не дѣтьми, но въ возрастѣ почти юношескомъ, не моложе 14 лѣтъ, и непремѣнно по конкурсному экзамену. Основаніемъ для поступленія служило (въ особенности въ началѣ) не право происхожденія, но знаніе. Могъ-ли юноша впослѣдствіи не только презирать, но даже охлаждаться къ образованію, когда только для поступленія въ заведеніе онъ долженъ былъ уже учиться, чтобы пріобрѣсти довольно обширныя познанія *)".

При всемъ томъ, само собою разумѣется, такъ высоко уважаемая въ заведеніи наука оставалась наукою главнымъ образомъ прикладною. Общеобразовательнаго было тутъ, конечно, не много. Въ напечатанномъ въ „Историческомъ Очеркѣ" росписаніи классовъ за періодъ времени, когда былъ въ заведеніи Достоевскій, сюда должны быть отнесены, сверхъ Закона Божія, на который полагалась всего одна часовая лекція, слѣдующіе предметы: *россійская словесность*—2 лекціи ($3^1/_2$ часа,) преподаватель Плаксинъ (Исторія литературы языка съ практическимъ упражненіемъ въ сочиненіяхъ); *французскій языкъ*—2 лекціи (3 часа), преподаватель Курнандъ (Исторія литературы, элемент. практич. упражненія и т. д.); *исторія*—2 лекціи (4 часа), профессоръ Шульгинъ (Исторія трехъ послѣднихъ столѣтій до Ахенскаго конгресса 1838 г.); *физика*—2 лекціи ($3^1/_2$ часа), преподаватьль Эвальдъ. Понятно, что для такой натуры, какъ Достоевскій, этого было слишкомъ мало. Съ другой же стороны, онъ прямо тяготился тѣмъ, чего было много —прикладными предметами; тяготился и лагерною жизнью.

Къ 1838 г., надо думать, относится письмо Ѳедора Михайловича къ отцу, помѣченное просто 10-мъ мая. Оно вызвано матерьяльными нуждами, которыхъ отецъ, повидимому, не предполагалъ, имѣя въ виду, что сынъ его поступилъ на полное казенное содержаніе. Нужды эти связывались въ лагерною порою, повидимому, еще впервые открывшеюся тогда передъ Ѳедоромъ Михайловичемъ. „Милый, добрый родитель мой, пишетъ онъ; неужели вы можете думать, что сынъ вашъ, прося отъ васъ денежной помощи, проситъ у васъ лишняго?.. Будь я на волѣ... отданъ самому себѣ, я бы не потребовалъ отъ Васъ копѣйки, я обжился бы съ желѣзной нуждою. ...Теперь я вамъ высказываю себя одними обѣщаніями въ будущемъ. Но это будущее не далеко и вы меня современемъ увидите. Теперь же, любезный папенька, вспомните, что я *служу* въ полномъ смыслѣ слова. Лагерная жизнь каждаго воспитанника требуетъ, по

*) „Историч. очеркъ развитія Главнаго Инженернаго Училища", Спб. 1869 г., стр. 50—51, 99—101.

крайней мѣрѣ, 40 руб. денегъ". Слѣдуетъ подробный разсчетъ самому необходимому. „Уважая вашу нужду, заключаетъ Ѳедоръ Михайловичъ, не буду пить чаю". Изъ письма къ брату отъ 9-го августа 1838 года видно, что 20-го іюля отецъ выслалъ Ѳедору Михайловичу просимые имъ 40 руб. (письмо Ѳедора Михайловича было ему не вдругъ доставлено). „Ты жалуешься на свою бѣдность, пишетъ онъ Михаилу Михайловичу, — нечего сказать, и я не богатъ. Вѣришь-ли, что я во время выступленья изъ лагерей не имѣлъ ни копѣйки денегъ; заболѣлъ дорогою отъ простуды (дождь лилъ цѣлый день, а мы были открыты) и отъ голода, и не имѣлъ ни гроша, чтобы смочить горло глоткомъ чаю. Но я выздоровѣлъ и въ лагерѣ участь моя была самая бѣдственная до полученія папенькиныхъ денегъ. Тутъ я заплатилъ долги и издержалъ остальное. Но описаніе твоего состоянія превосходитъ все. Можно-ли не имѣть 5 копѣекъ, питаться Богъ знаетъ чѣмъ, и лакомымъ взоромъ ощущать всю сладость прелестныхъ ягодъ, до которыхъ ты такой охотникъ! Какъ мнѣ жаль тебя!" Далѣе говорится о деньгахъ, которыя слѣдовало бы получить отъ однихъ знакомыхъ, и о томъ, что обращеніе къ нимъ не имѣло почти никакого результата. Письмо вообще исполнено печальнаго настроенія. „Не знаю, стихнутъ-ли когда мои грустныя идеи? спрашиваетъ Ѳедоръ Михайловичъ, — мнѣ кажется, что міръ нашъ — чистилище духовъ небесныхъ, отуманенныхъ грѣшною мыслію... Изъ высокой, изящной духовности вышла сатира". Далѣе, сквозь мистическій туманъ, какъ будто проглядываетъ даже мысль о самоубійствѣ, сложившаяся, разумѣется, книжнымъ путемъ: „видѣть одну жесткую оболочку, подъ которой томится вселенная, знать, что одного взрыва воли достаточно разбить ее и слиться съ вѣчностью, знать, и быть какъ послѣднее изъ созданій... Ужасно! Какъ малодушенъ человѣкъ! Гамлетъ! Гамлетъ!" Вслѣдъ за Шекспиромъ упоминается и Паскаль, однажды сказавшій фразу: „кто протестуетъ противъ философіи, тотъ самъ философъ". „Жалкая философія!" восклицаетъ Достоевскій, — не вполнѣ, однако, удовлетворяемый въ эту пору и вѣрой. Письмо заканчивается указаніемъ на прочитанное въ лагерѣ: „весь Гофманъ русскій и нѣмецкій (т. е. не переведенный „Котъ Муръ"), почти весь Бальзакъ (Бальзакъ великъ! Его характеры — произведенія ума вселенной! Не духъ времени, но цѣлыя тысячелѣтія приготовили бореньемъ своимъ такую развязку въ душѣ человѣка); Фаустъ Гёте и его мелкія стихотворенія, Исторія Полеваго, Уголино, Ундина... Также Викторъ Гюго, кромѣ Кромвеля"... Послѣ подписи — приписка въ тонѣ цѣлаго: „у меня есть прожектъ — сдѣлаться сумасшедшимъ... Ежели ты читалъ всего Гофмана, то навѣр-

ное помнишь характеръ Альбана... Ужасно видѣть человѣка, у котораго во власти непостижимое, человѣка, который не знаетъ, что̀ дѣлать ему, играетъ игрушкой, которая есть — Богъ!“.

Въ письмѣ не упоминается вовсе Жоржъ Зандъ, между тѣмъ въ іюньскомъ № „Дневника Писателя“ 1876 г. Достоевскій говоритъ: „мнѣ было, я думаю, лѣтъ шестнадцать (т. е. это приходилось именно въ 1838 году), когда я прочелъ въ первый разъ ея повѣсть: „*Ускокъ*“... Я помню, я былъ потомъ въ лихорадкѣ всю ночь“. Впрочемъ временемъ окончательнаго вліянія на него, какъ и на многихъ у насъ (по его выраженію о Жоржъ Зандъ) „одной изъ самыхъ ясновидящихъ предчувственницъ болѣе счастливаго будущаго, ожидающаго человѣчество“, была, какъ видно изъ того же „Дневника“, уже половина 40-хъ годовъ.

До такой степени давая себя поглощать литературному чтенію, Достоевскій, конечно, не могъ особенно усердно заниматься чертежами, хотя и понималъ, что этакъ, пожалуй, его оставятъ еще на годъ въ томъ же классѣ. Въ связи съ этимъ находится письмо къ отцу изъ Ревеля Михаила Михайловича—безъ даты. „О братѣ Ѳедѣ не безпокойтесь, уговариваетъ его добрый сынъ; онъ мнѣ писалъ то же самое, но это только однѣ его догадки. Это больше зависитъ отъ экзамена, нежели отъ чертежей. Притомъ же, ежелибъ его и оставили еще на годъ въ 3-мъ классѣ, то это еще не совсѣмъ бѣда, а можетъ было бы и къ лучшему... Что̀ же касается до его выключки, то я право не знаю, чѣмъ побожиться вамъ, что этого никогда не можетъ быть... Вы полагаете, что тамъ одинъ только онъ дурно чертитъ. Повѣрьте, что тамъ гораздо болѣе половины такихъ, которые не только чертить, но и учиться не умѣютъ“. Вышло, однако же, для Ѳедора Михайловича не ладно, хотя въ самомъ дѣлѣ не отъ чертежей.

31-го октября 1838 г. онъ пишетъ брату: „я не переведенъ! о, ужасъ! еще годъ, цѣлый годъ лишній. Я бы не бѣсился такъ, ежели бы не зналъ, что подлость, одна подлость низложила меня; я бы не жалѣлъ, ежели бы слезы бѣднаго отца не жгли души моей... Такъ хотѣлъ одинъ преподающій (алгебру), которому я нагрубилъ въ продолженіи года, и который нынче имѣлъ подлость напомнить мнѣ это, объясняя причину, отчего остался я... При 10-ти полныхъ я имѣлъ 9½ среднихъ, и остался!“ Чтобъ забыть свое горе, Ѳедоръ Михайловичъ далѣе переходитъ къ философіи своего брата, вычитанной изъ его писемъ. „Что̀ ты хочешь сказать словомъ *знать?* спрашиваетъ онъ. Познать природу, душу, Бога, любовь... Это познается сердцемъ, а не умомъ. ...Умъ—способность матерьяльная... душа же или духъ живетъ мыслію, которую нашептываетъ

ей сердце"... Далѣе сказывается такое же меланхолическое настроеніе, какъ и въ предыдущемъ письмѣ. „Братъ, грустно жить безъ надежды... Смотрю впередъ и будущее меня ужасаетъ. ...Я давно не испытывалъ взрывовъ вдохновенія... зато часто бываю и въ такомъ состояніи, какъ, помнишь, шильонскій узникъ послѣ смерти братьевъ въ темницѣ... Послушай! мнѣ кажется, что слава также содѣйствуетъ вдохновенью поэта. Байронъ былъ эгоистъ; его мысль о славѣ была ничтожна, суетна!.. Но одно помышленіе о томъ, что нѣкогда вслѣдъ за твоимъ былымъ восторгомъ вырвется изъ праха души чистая, возвышенно прекрасная мысль, что вдохновенье, какъ таинство небесное, освятитъ страницы, надъ которыми плакалъ ты и будетъ плакать потомство, не думаю, чтобы эта мысль не закрадывалась въ душу поэта и въ самыя минуты творчества"...

Къ письму нѣсколько приписокъ. Ѳедоръ Михайловичъ проситъ брата „написать ему главную мысль Шатобріанова „Génie du Christianisme" и жалуется на непониманіе французскою критикою (Низаромъ) драмъ и романовъ В. Гюго. Въ другомъ мѣстѣ на поляхъ критикуется стихотвореніе Михаила Михайловича: „Видѣніе Матери". „Не понимаю, говоритъ онъ, въ какой странный абрисъ облекъ ты душу покойницы. Этотъ замогильный характеръ не выполненъ. „Зато въ другой припискѣ Ѳедоръ Михайловичъ восторженно отзывается о стихахъ ихъ общаго друга Ивана Николаевича Шидловскаго. „Мнѣ жаль бѣднаго отца, приписано въ другомъ мѣстѣ. Странный характеръ! Ахъ, сколько несчастій перенесъ онъ! Горько до слезъ, что нечѣмъ его утѣшить. — А знаешь-ли? Папенька совершенно не знаетъ свѣта: прожилъ въ немъ 50 лѣтъ и остался при своемъ мнѣніи о людяхъ, какое онъ имѣлъ тридцать лѣтъ назадъ. Счастливое невѣдѣніе. Но онъ очень разочарованъ въ немъ, это кажется общій удѣлъ нашъ".

Въ ноябрѣ 1838 г. посѣтилъ Ѳедора Михайловича въ Инженерномъ училищѣ Александръ Егоровичъ Ризенкампфъ, пріѣхавшій для поступленія въ Медико-хирургическую академію изъ Ревеля, гдѣ познакомился съ Михаиломъ Михайловичемъ, поручившимъ ему передать Ѳедору Михайловичу письмо. „Здѣсь, вспоминаетъ г. Ризенкампфъ, въ пріемномъ покоѣ, находившемся на южномъ фасадѣ инженернаго замка, мы провели нѣсколько незабвенныхъ часовъ. Онъ продекламировалъ мнѣ со свойственнымъ ему увлеченіемъ стихи: изъ Пушкина „Египетскія ночи" и Жуковскаго „Смальгольмскій баронъ" и др., разсказывалъ о своихъ собственныхъ литературныхъ опытахъ, и жалѣлъ только, что заведенная въ училищѣ строгость не позволяла ему отлучаться. Но мнѣ это не мѣшало бывать у него по воскресеньямъ передъ обѣдомъ; кромѣ же того

по пятницамъ мы встрѣчались въ гимнастическомъ заведеніи шведа де-Рона, помѣщавшемся въ одномъ изъ павильоновъ инженернаго замка".

Вотъ какъ описываетъ д-ръ Ризенкампфъ тогдашняго Ѳедора Михайловича: „довольно кругленькій, полненькій свѣтлый блондинъ съ лицомъ округленнымъ и слегка вздернутымъ носомъ... Свѣтлокаштановые волосы были коротко острижены, подъ высокимъ лбомъ и рѣдкими бровями скрывались небольшіе, довольно глубоко лежащіе сѣрые глаза; щеки были блѣдныя, съ веснушками; цвѣтъ лица болѣзненный, землистый, губы толстоватыя. Онъ былъ далеко живѣе, подвижнѣе, горячѣе степеннаго своего брата... Онъ любилъ поэзію страстно, но писалъ только прозою, потому что на обработку формы не хватало у него терпѣнія... Мысли въ его головѣ родились подобно брызгамъ въ водоворотѣ... Природная прекрасная его декламація выходила изъ границъ артистическаго самообладанія".

О времени пребыванія Ѳ. М. въ Инженерномъ училищѣ (1838—1841 г.) подробныя воспоминанія доставлены намъ А. И. Савельевымъ, бывшимъ въ то время въ этомъ заведеніи старшимъ дежурнымъ офицеромъ.

„Въ 1838 году, говоритъ г. Савельевъ, кондукторская рота Инженернаго училища, гдѣ находился Ѳ. М. Достоевскій *), представляла собою, по своему внутреннему устройству, совершенно отдѣльный міръ, весьма мало имѣвшій общаго съ остальнымъ учебнымъ міромъ, — это была особая корпорація молодыхъ людей, отъ 14 до 18 и болѣе лѣтъ, у которыхъ были свои преданія, правила и обычаи. Молодые люди, находившіеся въ училищѣ, числились на службѣ и на вѣрность ея присягали съ поступленія въ училище. Большая часть изъ нихъ получала порядочное домашнее воспитаніе, а нѣкоторые—университетское образованіе, и всѣ соблюдали по наружности приличія хорошаго общества, любили училище и гордились своимъ званіемъ кондуктора,—что иногда, однакожь, переходило у нѣкоторыхъ изъ нихъ границы скромности и благоразумія. Въ этомъ маленькомъ мірку молодые люди щеголяли честностію, безпристрастіемъ, уваженіемъ къ личности и другими качествами человѣка, понимающаго свои нравственныя права и обязанности. Но, при кажущемся равенствѣ между всѣми товарищами, при полномъ отчужденіи всего, что̀ носило на себѣ видъ суроваго деспотизма, въ этомъ обществѣ молодежи существовали весьма замѣтные разряды: были юноши между ними, кото-

*) Ѳ. М. Достоевскій поступилъ въ Инженерное училище въ 1838 году, января 16-го.

рые не имѣли въ ротѣ ни собственнаго голоса, ни какихъ-либо правъ, принадлежавшихъ другимъ, старшимъ ихъ товарищамъ—это были юноши вновь поступившіе въ роту, новички, или по мѣстному выраженію: *рябцы.* Это былъ особенный разрядъ молодыхъ людей, которые обязаны были исполнять приказаніе старшаго безусловно, и въ случаѣ неповиновенія подвергались взысканіямъ старшихъ—болѣе или менѣе строгимъ, если ротные обычаи того требовали. Былъ разрядъ кондукторовъ, которые не пользовались ни вниманіемъ, ни расположеніемъ общества—это тѣ, которые случайно или съ намѣреніемъ нарушали традиціонные обычаи роты. Всѣ остальные составляли между собою дружную корпорацію, въ которой особеннымъ почетомъ пользовались кондукторы старшаго класса, стоявшіе во мнѣніи роты внѣ всякаго контроля и выше всѣхъ начальниковъ и воспитателей. Къ чести этого послѣдняго разряда молодежи должно сказать, что они по большей части отличались хорошими качествами, принимали живое участіе въ сохраненіи порядка въ ротѣ и болѣе начальства имѣли вліяніе на поведеніе своихъ младшихъ товарищей.

„Понятно, что господство старшихъ воспитанниковъ надъ младшими возбуждало взаимныя неудовольствія; постоянно велась, хотя келейно, борьба между двумя разрядами, старшими и младшими, являлись партіи, ссоры и пр., хотя не имѣвшія дурныхъ послѣдствій“. Въ „Историческомъ Очеркѣ Главнаго Инженернаго Училища“ указывается даже на то, что „однажды въ училищѣ былъ генеральный бой между 1-мъ и 2-мъ классами по поводу неуваженія одного воспитанника младшаго класса въ отношеніи старшаго. Натянутое положеніе, продолжавшееся нѣсколько дней, разыгралось, наконецъ, общею дракою въ камерахъ... Молодежь схватилась въ рукопашную; въ пылу боя, видя, что перевѣсъ не склоняется ни на ту, ни на другую сторону, кто-то вспомнилъ про ружья—многіе бросились за ними съ цѣлью употребить ихъ въ дѣло“. Но тутъ же, однако, оказалось, какое громадное вліяніе могъ имѣть на эту же разбушевавшуюся молодежь уважаемый и любимый начальникъ—Скалонъ *). Услыхавъ про свалку, онъ тотчасъ же явился и крикнулъ: „да вы меня погубить хотите! Не хочу быть вашимъ командиромъ! Въ отставку выйду!“ Молодежь сразу пріостановилась. „Мы не пустимъ васъ въ отставку! Вы должны остаться съ нами“. ...Съ криками “ура“ подняли его на плечи и понесли по камерамъ. Придя къ себѣ, Скалонъ разсадилъ всѣхъ кругомъ... По командѣ Скалона: „цѣлуй направо!“—старшій классъ поцѣло-

*) Командиръ кондукторской роты. Это было уже послѣ выпуска Ѳ. М. Достоевскаго изъ училища, но тутъ только дошло до апогея то, что подготовлялось, разумѣется, издавна.

валъ младшій; „цѣлуй налѣво!“ — младшій классъ отдалъ поцѣлуй старшему“ (Стр. 104—105).

„Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ А. И. Савельевъ, что испытаніямъ въ послушаніи старшимъ, въ первый годъ своего пребыванія въ училищѣ, могъ подвергнуться и Ѳ. М. Достоевскій. Исключеній въ этомъ случаѣ никому не дѣлалось.

„Наблюдая за молодежью, изучая ее, насколько у меня доставало способностей и усердія, для правильной оцѣнки характера и наклонностей юношей, ввѣренныхъ моему наблюденію, мнѣ не разъ случалось видѣть, и въ часы классныхъ занятій, и во время прогулокъ (рекреацій) кондукторовъ, Ѳ. М. Достоевскаго или одного или вдвоемъ, но ни съ кѣмъ инымъ, какъ съ кондукторомъ старшаго класса, Ив. Бережецкимъ. Я никогда не видалъ, чтобы эти молодые люди принимали участіе не только въ нѣкоторыхъ продѣлкахъ товарищей, но и въ общихъ любимыхъ играхъ (напр. *загонки);* никогда они не ходили въ танцклассъ, бывшій въ ротѣ по вторникамъ и отличавшійся особеннымъ одушевленіемъ. Часто, подъ предлогомъ нездоровья, оставались они или у столика у кровати, занимаясь чтеніемъ, или гуляли вдвоемъ по камерамъ (спальнямъ). Къ сожалѣнію, какъ тогда, такъ и теперь истинное значеніе этой дружбы двухъ молодыхъ людей опредѣлить очень трудно. Ѳ. М. Достоевскій поступилъ въ училище годомъ позже Бережецкаго, который былъ уже „старенькимъ“, къ тому же характеры и домашнее воспитаніе ихъ были различны: Бережецкаго считали за человѣка состоятельнаго, онъ любилъ щеголять своими богатыми средствами (носилъ часы, брилліантовыя кольца, имѣлъ деньги) и отличался свѣтскимъ образованіемъ, щеголялъ своею одеждою, туалетомъ и особенно мягкостію въ обращеніи. Ѳ. М. Достоевскій былъ сынъ бѣднаго штабъ-лекаря, — юноша съ хорошимъ научнымъ образованіемъ, съ твердымъ характеромъ и чувствомъ собственнаго достоинства. Онъ очень далеко держалъ себя отъ начальства и старшихъ товарищей, но не чуждался тѣхъ лицъ, которыя, будучи его начальниками, не показывали надъ нимъ своего господства, и особенно былъ ласковъ съ тѣми лицами, которыя по положенію своему въ училищѣ не имѣли ни собственнаго голоса, ни защиты. По мнѣнію нѣкоторыхъ его товарищей, Ѳ. М. Достоевскій казался имъ мистикомъ или идеалистомъ. Онъ безропотно покорялся всѣмъ требованіямъ военной службы, не смотря на то, что не имѣлъ къ ней призванія; отъ природы своеобычный, но не своенравный, онъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ натурамъ, которыя не легко мирятся съ идеями и поступками общества, если они бываютъ не согласны съ ихъ убѣжденіями. Такого

рода личности не поддаются никакимъ давленіямъ, хотя бы это упорство имъ стоило дорого".

А. И. Савельевъ полагаетъ, что Бережецкій могъ защитить Достоевскаго, подобно тому, какъ Ѳ. Ѳ. Радецкій (впослѣдствіи герой Шипки) однажды защитилъ „новичка" Григоровича (Дмитрія Васильевича), но по мнѣнію лица, бывшаго тогда портупей-юнкеромъ и сообщившаго свои замѣчанія на воспоминанія А. И. Савельева, этого не могло быть, потому что Бережецкій не имѣлъ никакого вліянія на товарищей, что же касается Достоевскаго, то его, какъ „чудака", вскорѣ оставили въ покоѣ. По словамъ самого А. И. Савельева, Бережецкій самъ былъ подъ сильнымъ вліяніемъ Достоевскаго, слушался его и повиновался ему, какъ преданный ученикъ учителю.

„Въ 1840 г. Ив. Бережецкій былъ произведенъ въ инженерные офицеры и перешелъ въ нижній офицерскій классъ (что нынѣ Инженерная академія), а Ѳ. М. Достоевскій остался въ кондукторской ротѣ и былъ переведенъ въ слѣдующій классъ. И тутъ его нельзя было замѣтить ни въ классахъ, ни въ ротѣ (въ каморахъ) въ какихъ-либо партіяхъ недовольныхъ воспитанниковъ; онъ оставался невозмутимымъ и молчаливымъ юношей, котораго не могли его товарищи вызвать ни на какое *„общественное дѣло"*. Можетъ быть изъ массы его товарищей были у него и враги, которымъ не нравилось въ Достоевскомъ именно то, что онъ держалъ себя всегда далеко отъ нихъ, въ свою очередь увлекаясь своею мечтательностію. Его можно было видѣть и въ бытность его въ старшемъ классѣ большею частію одного — или сидящимъ за своимъ столикомъ, занимающимся, или гуляющимъ по комнатамъ, всегда въ понуренною головою и сложенными назадъ руками".

Изъ писемъ Ѳ. М. мы узнаемъ о сношеніяхъ его со старымъ товарищемъ и молодымъ поэтомъ Шидловскимъ. Передъ нами большое письмо послѣдняго къ Михаилу Михайловичу отъ 17-го января 1839 г., дающее возможность заглянуть въ глубину этой богато-одаренной, но странной натуры. „Ваша поэзія, пишетъ Шидловскій, своимъ изящнымъ характеромъ возвращаетъ меня къ младенчеству, къ той чистой простотѣ, чуждой современнаго суемудрія, Байроновскаго бѣшенаго эгоизма, безъ которой нельзя внити въ царствіе Божіе... Полевой чудесно выразился при мнѣ однажды, говорится далѣе, что на человѣка надобно смотрѣть какъ на средство къ проявленію великаго въ человѣчествѣ, а тѣло, глиняный кувшинъ, рано или поздно разобьется, и прошлыя добродѣтели, случайные пороки сгинутъ". И вотъ — Шидловскій чуть было преждевременно не разбилъ самовольно этого „глинянаго кувшина". „Съ самаго

возвращенія изъ дому, пишетъ онъ, сердце мое начало нагрѣваться болѣе и болѣе тепломъ вѣры и смиренія"; однакожь, какъ разъ наканунѣ Рождества, имъ овладѣвала рѣшимость „расторгнуть цѣпи бытія, покинуть этотъ плѣнъ,—и дно рѣчное, дно моей милой Фонтанки, пишетъ онъ, манило меня страстно, какъ брачный одръ обрученнаго"...

Восторженно и вмѣстѣ съ тѣмъ сострадательно отзывается Ѳедоръ Михайловичъ о Шидловскомъ въ большомъ письмѣ своемъ къ брату отъ 1-го января 1840 г. „Ежели бы ты видѣлъ его прошлый годъ... Онъ изсохъ, щеки впали... духовная красота его лица возвышалась съ упадкомъ физической... Боже мой! Какъ любилъ онъ какую-то дѣвушку... Она же вышла за кого-то замужъ. Безъ этой любви онъ не былъ бы чистымъ, возвышеннымъ, безкорыстнымъ жрецомъ поэзіи.

„Часто мы съ нимъ просиживали цѣлые вечера, толкуя Богъ знаетъ о чемъ. О, какая откровенная, чистая душа!.. Пришедъ изъ лагеря, мы мало пробыли вмѣстѣ. Въ послѣднее свиданіе мы гуляли въ Екатерингофѣ. О, какъ провели мы этотъ вечеръ! Вспоминали нашу зимнюю жизнь, когда мы разговаривали о Гомерѣ, Шекспирѣ, Шиллерѣ, Гофманѣ... Мы говорили съ нимъ о насъ самихъ, о прошлой жизни, о будущемъ, о тебѣ мой милый. Теперь онъ уже давно уѣхалъ, и вотъ ни слуху, ни духу о немъ! Живъ-ли онъ! Здоровье его тяжко страдало—о, пиши къ нему!"

Но далѣе изъ того же письма мы какъ будто узнаемъ о другой дружбѣ Ѳедора Михайловича. „Прошлую зиму, пишетъ онъ, я былъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи. Знакомство съ Шидловскимъ подарило меня столькими часами лучшей жизни; но не то было тогда причиною этого... Сказать-ли тебѣ, милый? я никогда не былъ равнодушенъ къ тебѣ, я любилъ тебя за стихотворенья твои, за поэзію твоей жизни, за твои несчастья, и не болѣе... Я имѣлъ у себя товарища, одно созданье, которое такъ любилъ я". Вѣроятно тутъ разумѣется тотъ Бережецкій, о которомъ, говорится въ воспоминаньяхъ А. И. Савельева. „Ты писалъ ко мнѣ, братъ, продолжаетъ Ѳедоръ Михайловичъ, что я не читалъ Шиллера. Ошибаешься, братъ! Я вызубрилъ Шиллера, говорилъ имъ, бредилъ имъ, и я думаю, что ничего болѣе кстати не сдѣлала судьба въ моей жизни, какъ дала мнѣ узнать великаго поэта въ такую эпоху моей жизни; никогда бы я не могъ узнать его такъ, какъ тогда. Читая *съ нимъ* Шиллера, я повѣрялъ *надъ нимъ* и благороднаго, пламеннаго Донъ-Карлоса, и Маркиза Позу и Мортимера. Эта дружба такъ много принесла мнѣ и горя и наслажденья! Теперь я вѣчно буду молчать объ этомъ; имя же Шиллера стало мнѣ роднымъ, какимъ-то волшебнымъ звукомъ, вызывающимъ столько мечтаній; они горьки, братъ; вотъ почему я ничего не говорилъ о Шиллерѣ, о впе-

чатлѣньяхъ, имъ произведенныхъ; мнѣ больно, когда я услышу хоть имя Шиллера." Тому, что̀ говоритъ тутъ Ѳедоръ Михайловичъ о своихъ отношеніяхъ къ брату, въ сущности противорѣчитъ начало письма, свидѣтельствующее о томъ, какъ приступалъ онъ къ чтенію писемъ Михаила Михайловича: „возьму твое письмо, перевертываю нѣсколько минутъ въ рукахъ, щупаю его, полновѣсно-ли оно, и, насмотрѣвшись, налюбовавшись на запечатанный конвертъ, кладу его въ карманъ... Наконецъ, съ жадностью нападаю на пакетъ, рву печать и пожираю твои строки, твои милыя строки."

Въ письмѣ этомъ есть указаніе на *опекуна.*—Дѣло въ томъ, что Михаилъ Андреевичъ Достоевскій скончался въ 1839 г. Опекуномъ дѣтей сдѣлался мужъ старшей изъ дочерей покойнаго, г. Карепинъ. Само собой разумѣется, что вѣсть о смерти отца должна была вызвать особыя письма Ѳедора Михайловича къ брату. Да и вообще промежутокъ между 31-мъ октября 1838 г. и 1-мъ января 1840 г. слишкомъ великъ и относящихся къ нему писемъ только нѣтъ передъ нами теперь, но они несомнѣнно были. Да и заключеніе письма отъ 1-го января 1840 г. прямо указываетъ на какое-то, неизвѣстное намъ по прежнимъ письмамъ, сопоставленье Гомера съ Викторомъ Гюго, вызывающее тутъ у Ѳедора Михайловича поясненія, которыми, впрочемъ, по ихъ страстной парадоксальности, едва-ли онъ могъ удовлетворить корреспондента. „Вѣдь въ Иліадѣ Гомеръ, пишетъ Ѳедоръ Михайловичъ, далъ всему древнему міру организацію и духовной, и земной жизни, совершенно въ той же силѣ, какъ Христосъ новому. Теперь поймешь-ли ты меня! Victor Hugo, какъ лирикъ, чисто съ ангельскимъ характеромъ, съ христіанскимъ младенческимъ направленьемъ поэзіи, и никто не сравнится съ нимъ въ этомъ... Только Гомеръ съ такою же непоколебимою увѣренностью въ призваніи, съ младенческимъ вѣрованьемъ въ бога поэзіи, которому служитъ онъ, похожъ въ направленіи источника поэзіи на Victor'a Hugo, но только въ направленьи, а не въ мысли... Державинъ, кажется, можетъ стоять выше ихъ обоихъ въ лирикѣ."

Въ припискѣ къ письму Ѳедоръ Михайловичъ защищаетъ отъ нападокъ брата французскихъ классиковъ. На его взглядъ Корнель—„по гигантскимъ характерамъ—почти Шекспиръ." Да читалъ-ли ты *Cinna?*—спрашиваетъ Ѳедоръ Михайловичъ... Бѣднякъ, ежели ты не читалъ этого... Особенно разговоръ Августа съ *Cinna*, гдѣ онъ прощаетъ ему измѣну... Увидишь, что такъ только говорятъ оскорбленные ангелы... Читалъ-ли ты „Le Cid". Прочти, жалкій человѣкъ, прочти и пади въ прахъ передъ Корнелемъ... Впрочемъ, не сердись, милый, за обидныя выраженія; не будь Иваномъ Ивановичемъ Перерепенко".

Трудно, кажется, не сознаться, что эти письма свидѣтельствуютъ о большой литературной начитанности, носятъ на себѣ отпечатокъ такой *образованности*, съ какою далеко не всегда выходятъ и изъ университетовъ. Можно, конечно, жалѣть о томъ, что Достоевскій всетаки попалъ не въ свое заведеніе; но относить его къ числу какихъ-то *полуневѣждъ* собственно потому что онъ не былъ въ университетѣ, значитъ доводить уваженіе къ академической наукѣ до какого-то фетишизма.

Совершенною зрѣлостью взгляда отзывается письмо Ѳ. М. къ брату отъ 19 іюля 1840 г., хотя оно писано изъ лагеря юношей, не получившимъ аттестата зрѣлости, да и въ такую пору, когда эти аттестаты еще никому не грезились. Младшій братъ сильно озабоченъ тутъ экзаменомъ, вскорѣ предстоящимъ старшему, тѣмъ болѣе для него важнымъ, что онъ писалъ Ѳ. М. „о своихъ надеждахъ, о своей Эмиліи.“ Юноша, которому еще не минуло 18-ти лѣтъ, философствуетъ тутъ съ братомъ о высшихъ цѣляхъ жизни, о томъ, какъ она бываетъ грустна, „когда чувствуешь, что пламень душевный задавленъ, потушенъ Богъ знаетъ чѣмъ; когда сердце разорвано по клочкамъ, и отчего? Отъ жизни, достойной пигмея, а не великана, ребенка, а не человѣка“.

Въ концѣ 1840 г. Ѳедору Михайловичу довелось увидѣться съ братомъ, пріѣхавшимъ, по свидѣтельству г. Ризенкампфа, въ Петербургъ держать экзаменъ на чинъ прапорщика полевыхъ инженеровъ. Онъ и былъ произведенъ въ офицеры въ январѣ 1841 г. и оставался затѣмъ въ Петербургѣ до 17 февраля. Наканунѣ отъѣзда онъ собралъ къ себѣ друзей на прощальный вечеръ.

Былъ тутъ, конечно, и Ѳедоръ Михайловичъ и читалъ отрывки изъ двухъ своихъ драматическихъ опытовъ (навѣянныхъ, надо думать, чтеніемъ Шиллера и Пушкина): „Маріи Стюартъ“ и „Бориса Годунова“. Что̀ касается перваго сюжета, то Ѳедоръ Михайловичъ, по свидѣтельству г. Ризенкампфа, продолжалъ ревностно имъ заниматься и въ 42 г., чему способствовало сильное впечатлѣніе, произведенное на него въ роли Маріи Стюартъ нѣмецкою трагическою актрисою Лилли Лёве. Достоевскій хотѣлъ обработать эту трагическую тему по своему, для чего тщательно принялся за приготовительное историческое чтеніе. Куда дѣвались наброски его „Маріи Стюартъ“, а равно и „Бориса“—остается неизвѣстнымъ.

Ко времени послѣ отъѣзда Михаила Михайловича надо отнести письмо Ѳедора Михайловича, помѣченное 27-мъ февраля. „Вотъ и опять письмо, милый другъ мой! Давно-ли думали мы почти на вѣкъ не разставаться и кое-какъ, весело, безпечно проводили время, и вотъ вдругъ, въ одинъ мигъ ты отнятъ отъ меня на долго на долго“. Хотя года на письмѣ и не зна-

чится, но изъ словъ этихъ надобно заключить, что оно писано въ 1841 г.— десять дней спустя послѣ отъѣзда Михаила Михайловича въ Нарву, какъ видно далѣе изъ письма. „Въ день твоего отъѣзда, продолжаетъ Ѳ. М., пріѣзжаетъ ко мнѣ Кривопишинъ (тотъ родственникъ, на котораго такъ разсчитывалъ старикъ Достоевскій *); мы обѣдали тогда и я не видалъ его. Въ воскресенье я былъ у него вечеромъ и онъ мнѣ показываетъ донесенье... на счетъ твоей командировки въ Ревель. Вѣроятно (да и безъ сомнѣнія), ты уже въ Ревелѣ и цѣлуешь свою Эмилію." Тутъ Ѳедоръ Михайловичъ указываетъ на невѣсту брата, а далѣе извѣщаетъ его, что писалъ къ опекуну. (Дѣло въ томъ, что Михаилъ Михайловичъ, опредѣлившись на службу въ ревельскую инженерную команду, задумалъ жениться на тамошней уроженкѣ Эмиліи Ѳедоровнѣ Дитмаръ. Этотъ выборъ, по свидѣтельству г. Ризенкампфа, пришелся не по вкусу опекуну братьевъ Достоевскихъ. Онъ отказался выдавать Михаилу Михайловичу, за непослушаніе, причитавшіеся каждому изъ братьевъ съ выходомъ въ офицеры 4000 асс. въ годъ). Въ томъ же письмѣ Ѳедоръ Михайловичъ жалуется далѣе на зубренье. „Сижу и по праздникамъ, а вотъ ужь наступаетъ мартъ мѣсяцъ,—весна, таетъ, солнце теплѣе, свѣтлѣе, вѣетъ югомъ—наслажденье да и только. Чтò дѣлать! Но зубрить осталось немного". Въ концѣ письма сказывается горячее нетерпѣніе: скорѣе къ пристани, скорѣе на свободу! Свобода и призванье дѣло великое. Мнѣ снится и грезится оно опять, какъ не помню когда-то. Какъ-то расширяетъ душу, чтобъ понять великость жизни."

Возвратимся теперь къ воспоминаніямъ А. И. Савельева. „Въ 1841 г., говоритъ онъ, Ѳ. М. былъ уже на выпускѣ въ старшемъ классѣ. Какъ прежде задумчивый, скорѣе, угрюмый, можно сказать, замкнутый, онъ рѣдко сходился съ кѣмъ-либо изъ своихъ товарищей, хотя и не удалялся, даже часто дѣлился съ ними своими учебными записками, которыя онъ составлялъ за лекціями преподавателей; нерѣдко писалъ товарищамъ сочиненія **) на заданныя темы по русской литературѣ (В. Т. Плаксина), но никогда нельзя было его видѣть празднымъ и веселымъ. Любимымъ мѣстомъ его занятій была амбразура окна въ угловой (такъ называемой круглой каморѣ) спальнѣ роты, выходящей на Фонтанку. Въ этомъ изолированномъ отъ другихъ столиковъ мѣстѣ, сидѣлъ и занимался Ѳ. М. Достоевскій; случалось нерѣдко, что онъ не замѣчалъ ничего, чтò кругомъ его дѣлалось; въ извѣстные установленные часы товарищи его строились

*) По словамъ г. Ризенкампфа.

**) Ген.-лейт. В. А. Родіоновъ помнитъ, что Ѳ. М. Достоевскій писалъ ему, какъ близкому его товарищу, сочиненія на слѣдующія темы: „Ночь на маневрахъ", „Ермакъ Тимофеевичъ", „Характеръ Ярослава" и др.

къ ужину, проходили по круглой каморѣ въ столовую, потомъ съ шумомъ проходили въ рекреаціонную залу, къ молитвѣ, снова расходились по каморамъ; Достоевскій только тогда убиралъ въ столикъ свои книги и тетради, когда проходившій по спальнямъ барабанщикъ, бившій вечернюю зорю, принуждалъ его прекратить свои занятія. Бывало, въ глубокую ночь, можно было замѣтить Ѳ. М. у столика сидящимъ за работою. Набросивъ на себя одѣяло сверхъ бѣлья, онъ, казалось, не замѣчалъ, что отъ окна, гдѣ онъ сидѣлъ, сильно дуло; щиты, которые ставились къ рамамъ, нисколько не предохраняли отъ внѣшняго холода, особенно это было чувствительно подлѣ окна, гдѣ Ѳ. М. любилъ заниматься. Нерѣдко на замѣчанія мои, что здоровѣе вставать ранѣе и заниматься въ платьѣ, Ѳ. М. любезно соглашался, складывалъ свои тетради и, повидимому, ложился спать; но проходило немного времени, его можно было видѣть опять въ томъ же нарядѣ, у того же столика, сидящимъ за его работою. Привычка заниматься ночью осталась у Ѳ. М. до послѣднихъ дней его жизни. Въ то время нельзя было думать, чтобы предметомъ занятій Ѳ. М. былъ его первый романъ: „Бѣдные люди", но, зная способности и прилежаніе его въ учебныхъ занятіяхъ, нельзя было предполагать, чтобы Ѳ. М. Достоевскому не доставало бы времени днемъ для этихъ занятій; я тогда же допускалъ, что постоянная усидчивая его работа, работа письменная ночью, когда никто ему не мѣшалъ, была литературная и, конечно, не для газеты, издававшейся въ ротѣ, подъ заглавіемъ „Рижскій снятокъ", а для болѣе серьезнаго предмета. Но какая это была работа, отгадать было трудно; самъ же Ѳ. М. никому объ ней не говорилъ *).

„Часто, на дежурствѣ въ училищѣ, я любилъ бесѣдовать съ молодежью и пользовался сочувствіемъ ко мнѣ. Но, признаюсь, ни одна изъ ихъ бесѣдъ не оставляла во мнѣ такого глубокаго впечатлѣнія, какъ мои бесѣды съ Достоевскимъ. Онъ говорилъ всегда тихо, медленно, съ разстановкою, казалось это происходило вслѣдствіе физическихъ причинъ— особеннаго устройства его груди, легкихъ или дыхательныхъ органовъ (надо вспомнить его горловую болѣзнь передъ поступленіемъ въ училище, на которую указалъ А. М. Достоевскій), но совсѣмъ не отъ старанія говорить риторически, изящно и убѣдительно; самое простое воспоминаніе о своемъ дѣтствѣ, какой-нибудь неважный историческій эпизодъ,

*) Сорокъ лѣтъ спустя при одномъ изъ моихъ свиданій съ Ѳ. М. Достоевскимъ, когда я припомнилъ его ночныя письменныя занятія въ ротѣ, особенно то обстоятельство, что я мѣшалъ ему иногда заниматься ночью, то онъ мнѣ сказалъ, что онъ тогда дѣйствительно писалъ романъ „Бѣдные люди", но что началъ писать этотъ романъ еще до поступленія своего въ училище.

имъ передавались медленно, но прекрасно, съ особеннымъ ему свойственнымъ одушевленіемъ; онъ, кажется, сознавалъ самъ, какое впечатлѣніе на слушателя производили его разсказы, и потому любилъ говорить обо всемъ съ одинаковымъ увлеченіемъ, хотя нерѣдко въ словахъ его замѣтна была желчность, но съ другой стороны въ разсказахъ Достоевскаго заключалось столько же теплоты, сколько и правды.

„Мѣстомъ нашихъ бесѣдъ была чаще всего такъ называемая комната для дежурнаго офицера, окнами выходящая на черный дворикъ. Должно замѣтить, что въ Михайловскомъ (инженерномъ) замкѣ, сохранилось до сихъ поръ много устныхъ преданій о первой четверти нынѣшняго столѣтія, касающихся исторіи замка: сохранились указанія, гдѣ была тронная зала императора, его спальня, столовая, кухня, не такъ давно задѣланъ ходъ въ стѣнѣ, въ которомъ шла лѣстница изъ средняго этажа въ нижній, уничтоженъ корридоръ, шедшій къ дверямъ, ведущимъ къ каналу, гдѣ когда-то стояла лодка; сохранился въ одной изъ овальныхъ комнатъ замка крюкъ, на которомъ висѣлъ голубь, принадлежавшій сектѣ хлыстовъ, подъ которымъ они совершали свои „радѣнія“ и проч.“. Въ памяти самого Ө. М., кстати будетъ замѣтить, отчетливо сохранилась историческая топографія инженернаго замка, который очень нравился ему своею архитектурой *).

„Но не столько занимали насъ, въ нашей бесѣдѣ, продолжаетъ А. И. Савельевъ, эти историческія воспоминанія, комнаты, ходъ, дворики и пр. замка, сколько настоящая жизнь училища, такъ называемый духъ заведенія, система воспитанія въ немъ и пр. Эта исключительная военная система, это суровое обращеніе старшихъ съ младшими, начальства съ подчиненными—при отсутствіи коллективнаго устройства въ дѣлѣ оцѣнки достоинствъ молодежи — были главною причиною той затаенной недовѣрчивости, иногда и злобы ихъ къ своимъ воспитателямъ, которая разрушала всякую связь между ними. Дѣти въ бывшихъ кадетскихъ корпусахъ (о настоящихъ я не говорю) могли ничего не знать, что̀ дѣлалось вокругъ нихъ, въ учебномъ мірѣ, и покоряться безусловно всякому распоряженію начальства, но въ высшемъ учебномъ заведеніи, гдѣ воспитывались не дѣти, а зрѣлые юноши, сознававшіе себя и обсуждавшіе всѣ дѣйствія начальства, ими, молодежью, скоро отличалась истина отъ обмана. Никакою популярностію и никакимъ сладкорѣчіемъ купить ихъ было нельзя, напротивъ, въ молодежи такъ былъ развитъ духъ скептицизма и такъ было мало довѣренности къ безпристрастію начальства, что

*) Занесено въ записную книжку А. Г. Достоевской.

небольшое послабленіе однимъ на счетъ другихъ воспитанниковъ,—особенно въ послѣднемъ курсѣ, въ старшемъ классѣ, когда всякая единица въ суммѣ балловъ могла имѣть вліяніе на дальнѣйшую службу, иногда и на судьбу молодаго человѣка—поселяла въ душѣ юношей глубокія нравственныя раны.—Все это вмѣстѣ взятое — недостаточно вѣрная оцѣнка прилежанія и успѣховъ въ наукахъ и нравственныхъ достоинствахъ (поведеніи) Достоевскаго; наконецъ, можетъ быть и другія, неизвѣстныя мнѣ обстоятельства въ его жизни, которыя разрушали въ немъ всякое довѣріе къ людямъ,—все это тяжело ложилось на душу весьма впечатлительнаго человѣка, искавшаго въ людяхъ милосердія и справедливости"...

Подтвержденіе этому можно найти въ вышеприведенномъ письмѣ Ѳ. М. Достоевскаго объ учебной его неудачѣ, что же касается болѣе раннихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, то и тутъ А. И. Савельевъ не ошибается: стоитъ только вспомнить нѣкоторыя подробности семейной его обстановки въ дѣтствѣ.

Къ числу непріятностей, перенесенныхъ Ѳ. М—чемъ въ Инженерномъ училищѣ, относится и то, что со словъ его записала Анна Григорьевна объ отправленіи его въ ординарцахъ къ В. К. Михаилу Павловичу. При этомъ онъ забылъ отрапортовать слова: „къ Вашему Императорскому Высочеству". „Посылаютъ же такихъ дураковъ", замѣтилъ Великій Князь *).

„Тѣмъ не менѣе, заключаетъ г. Савельевъ, Достоевскій любилъ вспоминать училище, воспитателей, которыхъ имена произносятся всѣми знавшими ихъ съ благодарностію; любилъ говорить о тѣхъ же предметахъ и тогда, когда въ голосѣ его звучали уже ноты отживающаго человѣка, при этомъ въ глазахъ по временамъ вспыхивалъ прежній блескъ, хотя и скоро проходившій".

Въ октябрьскомъ „Дневникѣ Писателя" 1877 г. Ѳ. М. вспоминаетъ о получившихъ образованіе въ томъ же заведеніи и составившихъ себѣ извѣстность на различныхъ поприщахъ. „Тотлебенъ, говоритъ онъ, вышелъ

*) Изъ разсказа этого образовался—своего рода lapsus-memoriae — другой, будто бы на одномъ чертежѣ Ѳ. М—ча былъ какой-то пропускъ и императоръ Николай Павловичъ написалъ на немъ: „Какой дуракъ это чертилъ", будто это было уже тогда, когда Ѳ. М. уже офицеромъ занимался въ чертежной Инженернаго департамента и будто онъ подалъ въ отставку вслѣдствіе того, что помѣтка государя была покрыта лакомъ и чертежъ съ нею отданъ на сохраненіе въ архивъ Инженернаго управленія. Между тѣмъ, послѣ тщательныхъ розысковъ въ архивѣ при обязательномъ содѣйствіи А. И. Савельева, ничего подобнаго тамъ не оказалось.

тремя или четырьмя годами прежде меня. Кауфмана я помню въ офицерскихъ классахъ. Съ младшимъ Кауфманомъ я былъ въ одно время еще въ кондукторскихъ. Радецкій, Петрушевскій и Іолшинъ были всего лишь однимъ классомъ старше меня. Изъ моихъ же одноклассныхъ товарищей удалились съ прямого пути на путь шаткій и неопредѣленный всего только трое: „я, писатель Григоровичъ и живописецъ Трутовскій" *). Когда Достоевскій писалъ это, имя Ѳ. Ѳ. Радецкаго еще не было связано съ высотами Шипки. Нѣсколько позже Достоевскому довелось привѣтствовать его какъ одного изъ самыхъ чистыхъ и при томъ вполнѣ скромныхъ героевъ той великой освободительной войны, истолкователемъ которой являлся онъ въ своемъ „Дневникѣ Писателя".

Если теперь сопоставить все то добро и зло Инженернаго училища, о которомъ говорилось выше, то едва ли можно будетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы прямо къ нему относились слова героя „Записокъ изъ Подполья": „проклятіе на эту школу, на эти ужасные каторжные годы!.. Меня сунули въ эту школу мои дальніе родственники, сунули сиротливаго, уже забитаго ихъ попреками, уже задумывающагося, молчаливаго и дико на все озиравшагося". Достоевскаго, какъ мы знаемъ, отвезъ въ училище самъ отецъ и ни о какихъ попрекахъ родни мы изъ писемъ Ѳ. М. ничего не знаемъ. Такъ же трудно признать, по крайней мѣрѣ безъ оговорокъ, чтобы Достоевскій разумѣлъ своихъ собственныхъ товарищей въ дальнѣйшихъ словахъ того же озлобленнаго героя „Подполья": „какія глупыя были у нихъ лица. Въ нашей школѣ выраженія лицъ какъ-то особенно глупѣли и перерождались. Сколько прекрасныхъ собою дѣтей поступало къ намъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ на нихъ и глядѣть становилось противно. Еще въ 16 лѣтъ я угрюмо на нихъ дивился; меня ужь тогда изумляли мелочь ихъ мышленія, глупость ихъ занятій, игръ, разговоровъ... Они привыкли поклоняться одному успѣху. Все, что̀ было справедливо, но унижено и забито, надъ тѣмъ они жестокосердно и позорно смѣялись. Чинъ почитали за умъ; въ 16 лѣтъ уже толковали о теплыхъ мѣстечкахъ... Развратны они были до уродливости..." Между тѣмъ именно главнаго, что̀ испыталъ Достоевскій, тутъ и нѣтъ — т. е. деспотизма корпораціи старшихъ воспитанниковъ. Вы-

*) Соч. т. XII, стр. 297. Имена послѣднихъ, какъ ставшихъ знаменитостями, хотя и не на военномъ поприщѣ, вмѣстѣ съ именемъ И. М. Сѣченова, особо указаны и въ изданномъ въ 1869 г. „Истор. очеркѣ развитія Главнаго Инженернаго Училища" (стр. 206). Но замѣчательно, что ни одной изъ знаменитостей — даже прямо военныхъ — не оказывается на мраморныхъ доскахъ училища (содержаніе которыхъ напечатано въ той же книгѣ въ концѣ); на нихъ нѣтъ ни Тотлебена, ни Радецкаго, ни профессоровъ военныхъ наукъ Г. А. Леера, Ц. А. Кюи, а есть только имя профессора академіи генеральнаго штаба Рехневскаго.

хвачено изъ собственныхъ воспоминаній тутъ развѣ только преждевременное стремленіе товарищей къ житейскому успѣху, да собственная молчаливая одинокость среди нихъ... Къ тому же герой „Подполья", конечно, очень мало похожъ на самого Ѳедора Михайловича. Въ „Запискахъ изъ Подполья" есть только одна несомнѣнно автобіографическая черта, которая должно быть и соблазнила проф. Булича истолковать въ такомъ же смыслѣ и остальное". *) Первымъ дѣломъ моимъ по выходѣ изъ школы, говоритъ герой „Подполья", было оставить ту спеціальную службу, къ которой я предназначался, чтобы всѣ нити порвать, проклясть прошлое и прахомъ его посыпать". Но выходъ Ѳ. М. въ отставку у насъ еще впереди. Пока мы дошли съ нимъ только до окончанія учебныхъ годовъ.

Изъ временнаго билета, выданнаго Ѳ. М. въ 1859 г., видно, что 5-го августа 1841 г. онъ произведенъ въ прапорщики съ оставленіемъ въ Инженерномъ училищѣ для продолженія полнаго курса наукъ, въ нижнемъ офицерскомъ классѣ, а 11-го августа 1842 г. по экзамену сдѣланъ подпоручикомъ съ переводомъ въ верхній офицерскій классъ. Къ этому времени должно быть отнесено его письмо къ брату, помѣченное 22-мъ декабря (безъ года—конечно 1841 г.) Ѳедоръ Михайловичъ касается тутъ затруднительности положенія брата при предстоящей ему женитьбѣ. „Милый, милый мой! пишетъ онъ. Еслибъ ты зналъ, какъ я счастливъ, что могу хоть чѣмъ нибудь помочь тебѣ. Съ какимъ наслажденіемъ посылаю я эту бездѣлку **), которая хоть сколько нибудь можетъ возстановить покой твой; этого мало, я знаю это. Но что̀ же дѣлать, если болѣе, братъ,—клянусь, не могу!.. У меня на рукахъ братъ ***) а писать скоро въ Москву—Богъ знаетъ, что̀ они подумаютъ ****). Далѣе Ѳедоръ Михайловичъ говоритъ объ усиленныхъ занятіяхъ. „Репутаціи потерять не хочется,—вотъ и зубришь, *съ отвращеніемъ*, а зубришь". А тутъ еще бѣда. „Андрюша боленъ, я разстроенъ чрезвычайно... Его приготовленіе и его житье у меня вольнаго, одинокаго, независимаго, это для меня нестерпимо. Ничѣмъ нельзя ни заняться, ни развлечься"... Изъ словъ этихъ ясно, что Ѳедоръ Михайловичъ въ то время жилъ уже самъ по себѣ на квартирѣ, посѣщая офицерскіе классы, съ которыми и связаны были упоминаемыя въ письмѣ приготовленія къ экзамену. Матерьяльное положеніе его могло бы быть хорошо, потому что опекунъ, какъ бы въ пику Михаилу Михайловичу,

*) Ѳ. М. Достоевскій и его сочиненія. (Историко-литературные очерки) I, Казань 1881 г., стр. 11—14.

**) Полтораста рублей.

***) Андрей Михайловичъ.

****) Т. е. опекунъ и его семья.

аккуратно высылалъ ему со времени производства его въ офицеры причитающіеся ему деньги.

По свидѣтельству д-ра Ризенкампфа, онъ вмѣстѣ съ жалованьемъ получалъ около 5000 р. ассигнаціями въ годъ. Но Ѳедоръ Михайловичъ отличался крайней непрактичностью и потому по большей части сидѣлъ безъ денегъ. Онъ началъ съ того, что нанялъ себѣ квартиру на Владимірской въ домѣ почтъ-директора Прянишникова за 1200 р. асс. Въ этой обширной квартирѣ не было зато никакой другой мебели, кромѣ стараго дивана, рабочаго стола и нѣсколькихъ стульевъ. Все дѣло въ томъ, что Ѳедору Михайловичу очень понравился хозяинъ дома—извѣстный любитель искусства, мягкій, обходительный, никогда не безпокоившій его насчетъ расплаты. Съ другой же стороны ему такъ нравилась благодушная физіономія его деньщика Семена, что на всѣ предостереженія отъ его долгихъ рукъ онъ преспокойно отвѣчалъ: „пусть себѣ воруетъ; не разорюсь я отъ этого“. На самомъ же дѣлѣ онъ положительно разорялся и входилъ въ долги. Вскорѣ приходилось воспользоваться своимъ литературнымъ вкусомъ — съ прозаическимъ разсчетомъ на заработокъ — частью сообща съ Михаиломъ Михайловичемъ.

Между тѣмъ 12 августа 1843 г., по окончаніи полнаго курса наукъ въ верхнемъ офицерскомъ классѣ, Ѳ. М. Достоевскій выпущенъ былъ на дѣйствительную службу въ инженерный корпусъ и зачисленъ при С.-Петербургской инженерной командѣ съ употребленіемъ при чертежной Инженернаго департамента.

Но разладъ между чертежничествомъ и авторствомъ долженъ былъ сказаться вскорѣ.

II.

Начало литературнаго поприща.

Какъ разъ къ первымъ годамъ жизни Ѳедора Михайловича на свободѣ относится продолжительный перерывъ въ его перепискѣ съ братомъ.

Пробѣлъ, оказывающійся въ письмахъ, до нѣкоторой степени восполняется тѣмъ болѣе драгоцѣнными воспоминаніями доктора Ризенкампфа. Побывавъ въ Ревелѣ въ іюлѣ 1842 г. и повидавшись тамъ съ Михаиломъ Михайловичемъ, Александръ Егоровичъ Ризенкампфъ, по возвращеніи своемъ осенью въ Петербургъ, сталъ чаще навѣщать Ѳедора Михайловича, о незавидномъ матерьяльномъ положеніи котораго наслышался

отъ его брата. На повѣрку въ самомъ дѣлѣ оказалось, что изъ всей занимаемой Ѳедоромъ Михайловичемъ квартиры отапливался только одинъ кабинетъ. Ѳедоръ Михайловичъ совершенно почти отказался отъ удовольствій, послѣ того какъ не мало потратился въ 1841 и началѣ 1842 г. на Александринскій театръ, процвѣтавшій въ то время, отчасти и на балетъ, который онъ почему-то тогда любилъ, и на дорогіе концерты такихъ виртуозовъ, какъ Оле-Буль и Листъ. Теперь, послѣ утренняго посѣщенія офицерскихъ классовъ, онъ сидѣлъ запершись въ своемъ кабинетѣ, предавшись литературнымъ занятіямъ. Цвѣтъ лица его былъ какой-то земляной, его постоянно мучилъ сухой кашель, особенно обострявшійся по утрамъ; голосъ его отличался усиленною хрипотой; къ болѣзненнымъ симптомамъ присоединялась еще опухоль подчелюстныхъ железъ. Все это однако же упорно скрывалось отъ всѣхъ, и даже пріятелю-доктору насилу удавалось прописать Ѳедору Михайловичу хотя какія-нибудь средства отъ кашля и заставить его хоть нѣсколько умѣреннѣе курить жуковскій табакъ. Изъ товарищей часто навѣщалъ тогда Достоевскаго только Дм. Вас. Григоровичъ, представлявшій во многихъ отношеніяхъ прямую противоположность Ѳедору Михайловичу. „Молодой, ловкій, статный, вспоминаетъ докторъ Ризенкампфъ, свѣтскій, красивый и живой, сынъ богатаго гусарскаго полковника и его жены—француженки-аристократки, другъ поручика Тотлебена, тогда уже обнаруживавшаго задатки будущей своей извѣстности, и артиста Рамазанова, любимецъ и поклонникъ прекраснаго пола, вращавшійся постоянно въ лучшемъ петербургскомъ обществѣ, Григоровичъ привязался къ нелюдиму и затворнику Достоевскому по врожденной ему страсти къ литературѣ“. Тогда онъ, сколько помнится г. Ризенкампфу, переводилъ съ французскаго какую-то пьесу изъ китайскаго быта, а Достоевскій, отказавшись отъ продолженія своей „Маріи Стюартъ“, усердно принялся за „Бориса Годунова“, также оставшагося неоконченнымъ. Кромѣ того, Ѳедора Михайловича тогда уже занимали различныя повѣсти и разсказы, планы которыхъ такъ и смѣняли другъ друга въ его плодовитомъ воображеніи. Подобнаго рода производительность поддерживалась въ немъ постояннымъ литературнымъ чтеніемъ. (О томъ, будто Ѳ. М—чъ еще въ Инженерномъ училищѣ писалъ своихъ „Бѣдныхъ людей“, докторъ Ризенкампфъ, ничего не зналъ). Изъ русскихъ писателей онъ особенно охотно читалъ тогда Гоголя и любилъ произносить наизусть цѣлыя страницы изъ „Мертвыхъ душъ“. Изъ французскихъ писателей, кромѣ прежде уже ему особенно полюбившихся Бальзака, Жоржъ Зандъ и Виктора Гюго, онъ, по свидѣтельству г. Ризенкампфа, читалъ Ламартина-Фредерика-Сулье (особенно любя его „Mé-

moires du diable"), Эмиля Сувестра, отчасти даже Поль-де-Кока. Понятно, что при все болѣе и болѣе развивающихся литературныхъ наклонностяхъ, Достоевскій долженъ былъ тяготиться посѣщеніемъ офицерскихъ классовъ. Онъ бы давно бросилъ ихъ, если бы не угроза опекуна прекратить въ такомъ случаѣ выдачу ему денегъ. А Ѳедоръ Михайловичъ въ нихъ постоянно нуждался!

Въ ноябрѣ 1842 г. получено было изъ Ревеля извѣстіе о рожденіи у Михаила Михайловича сына. Ѳедоръ Михайловичъ былъ его крестнымъ отцомъ и, по замѣчанію г. Ризенкампфа, проявилъ по этому случаю свою обычную щедрость. Въ декабрѣ младшій братъ, Андрей Михайловичъ, жившій, какъ мы знаемъ изъ писемъ, съ 1841 г. у Ѳедора Михайловича, поступилъ въ Строительное училище. Оставшись одинъ, Ѳедоръ Михайловичъ сталъ тѣмъ усиленнѣе готовиться къ экзамену изъ офицерскихъ классовъ. Въ то же время и г. Ризенкампфу пришлось серьезно думать о выпускномъ экзаменѣ изъ Медицинской академіи. Поневолѣ они стали видѣться рѣже.

Въ великомъ посту 1842 г., запомнилъ однако г. Ризенкампфъ, Ѳедоръ Михайловичъ, у котораго вдругъ оказался опять приливъ денегъ (расщедрился, можетъ быть, опекунъ, чтобы поощрить его усидчивыя занятія инженерными науками), позволилъ себѣ отдыхать отъ трудовъ на концертахъ вновь прибывшаго Листа, а также знаменитаго пѣвца Рубини и кларнетиста Блаза. Послѣ Пасхи, въ апрѣлѣ, онъ сошелся съ докторомъ Ризенкампфомъ на представленіи „Руслана и Людмилы". Но уже съ мая Ѳедоръ Михайловичъ опять отказался отъ всякихъ удовольствій, чтобы вполнѣ отдаться приготовленіямъ къ окончательному экзамену, продолжавшемуся съ 20-го мая по 20-е іюня. Въ то же время держалъ свой выпускной экзаменъ и д-ръ Ризенкампфъ. Отъ усиленныхъ занятій онъ заболѣлъ, и еще 30-го іюня лежалъ въ постели. Какъ вдругъ въ этотъ день пріѣзжаетъ къ нему Ѳедоръ Михайловичъ, котораго нельзя было и узнать. Веселый, съ здоровымъ видомъ, довольный судьбой, онъ возвѣстилъ о благополучномъ окончаніи экзаменовъ, выпускѣ изъ заведенія съ чиномъ подпоручика (въ полевые инженеры), о полученіи отъ опекуна такой суммы денегъ, которая дала ему возможность расплатиться со всѣми кредиторами, наконецъ о полученіи 28-дневнаго отпуска въ Ревель и о своемъ намѣреніи отправиться туда на другой же день. Теперь же онъ силою стащилъ пріятеля съ постели, посадилъ его съ собой на пролетку и повезъ въ ресторанъ Лерха на Невскомъ проспектѣ. Тутъ Достоевскій потребовалъ себѣ номеръ съ рояломъ, заказалъ роскошный обѣдъ съ винами и заставилъ больного пріятеля ѣсть и пить съ собой вмѣстѣ. Какъ

ни казалось это сначала невозможнымъ для больного г. Ризенкампфа, но примѣръ Ѳедора Михайловича подѣйствовалъ на него заразительно;— онъ хорошо пообѣдалъ, сѣлъ за рояль—и выздоровѣлъ.

На другой день, въ 10 часовъ утра, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, проводилъ Ѳедора Михайловича на пароходъ, а черезъ три недѣли и самъ отправился въ Ревель, гдѣ нашелъ его вполнѣ наслаждающимся свободой въ семействѣ брата. Пришлось, однако, познакомиться и съ ревельскимъ обществомъ, и оно, по свидѣтельству д-ра Ризенкампфа, „своимъ традиціональнымъ, кастовымъ духомъ, своимъ непотизмомъ и ханжествомъ, своимъ піэтизмомъ, разжигаемымъ фанатическими проповѣдями тогдашняго моднаго пастора гернгутера Гуна, своею нетерпимостью особенно въ отношеніи военнаго элемента“, произвело на Достоевскаго весьма тяжелое впечатлѣніе. Оно такъ и не изгладилось въ немъ во всю жизнь. Онъ былъ тѣмъ болѣе пораженъ, что ожидалъ встрѣтить въ культурномъ обществѣ здоровые признаки культуры. „Съ трудомъ я могъ убѣдить Ѳедора Михайловича, говоритъ д-ръ Ризенкампфъ, что все это — только мѣстный колоритъ, свойственный жителямъ Ревеля... При своей склонности къ генерализаціи, онъ возъимѣлъ съ тѣхъ поръ какое-то предубѣжденіе противъ всего нѣмецкаго“.

Между тѣмъ Михаилъ Михайловичъ, съ помощью жены, снабдилъ брата полнымъ ремонтомъ бѣлья и платья, столь дешеваго въ Ревелѣ. Увѣренный въ томъ, что Ѳедоръ Михайловичъ никогда не знаетъ, сколько у него чего, онъ, по словамъ г. Ризенкампфа, просилъ послѣдняго поселиться въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Михайловичемъ и, по возможности, подѣйствовать на него примѣромъ нѣмецкой аккуратности. Вернувшись въ Петербургъ въ сентябрѣ 1843 г., докторъ Ризенкампфъ такъ и сдѣлалъ. Засталъ онъ Ѳедора Михайловича безъ копѣйки, кормящимся молокомъ и хлѣбомъ, да и то въ долгъ изъ лавочки. „Ѳедоръ Михайловичъ, говоритъ онъ, принадлежалъ къ тѣмъ личностямъ, около которыхъ живется всѣмъ хорошо, но которыя сами постоянно нуждаются. Его обкрадывали немилосердно, но, при своей довѣрчивости и добротѣ, онъ не хотѣлъ вникать въ дѣло и обличать прислугу и ея приживалокъ, пользовавшихся его безпечностью“. Самое сожительство съ докторомъ чуть было не обратилось для Ѳедора Михайловича въ постоянный источникъ новыхъ расходовъ. Каждаго бѣдняка, приходившаго къ доктору за совѣтомъ, онъ готовъ былъ принять, какъ дорогаго гостя. „Принявшись за описаніе быта бѣдныхъ людей, говорилъ онъ, какъ бы въ оправданіе, я радъ случаю ближе познакомиться съ пролетаріатомъ столицы“. На повѣрку однако же оказалось, что громадные счеты, подававшіеся въ концѣ мѣсяца даже

однимъ булочникомъ, зависятъ не столько отъ подобнаго гостепріимства Ѳедора Михайловича, сколько оттого, что его деньщикъ Семенъ, находясь въ интимныхъ отношеніяхъ съ прачкой, прокармливалъ не только ее, но и всю ея семью и цѣлую компанію ея друзей—на счетъ своего барина. Мало того: вскорѣ раскрылась и подобная же причина быстраго таянія бѣлья, ремонтировавшагося каждые три мѣсяца, т. е. при каждой получкѣ денегъ изъ Москвы. Но точно такъ же какъ въ деньщикѣ, пришлось разочаровывать Ѳедора Михайловича въ его портномъ, сапожникѣ, цирюльникѣ и т. д., а равнымъ образомъ доводить его до сознанія, что и въ числѣ угощаемыхъ имъ посѣтителей далеко не всѣ заслуживали участія.

Крайнее безденежье Ѳедора Михайловича продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Какъ вдругъ, въ ноябрѣ, онъ сталъ расхаживать по залѣ какъ-то не по обыкновенному—громко, самоувѣренно, чуть не гордо. Оказалось, что онъ получилъ изъ Москвы 1000 руб. „Но на другой же день утромъ, разсказываетъ далѣе д-ръ Ризенкампфъ, — онъ опять своею обыкновенною тихою, робкою походкою вошелъ въ мою спальню съ просьбою одолжить ему 5 рублей“. Оказалось, что большая часть полученныхъ денегъ ушла на уплату за различные заборы въ долгъ, остальное же частію проиграно на бильярдѣ, частію украдено какимъ-то партнеромъ, котораго Ѳедоръ Михайловичъ довѣрчиво зазвалъ къ себѣ и оставилъ на минуту одного въ кабинетѣ, гдѣ лежали незапертыми послѣдніе 50 рублей.

По всей вѣроятности зазванный Ѳедоромъ Михайловичемъ незнакомецъ, въ свою очередь, показался ему любопытнымъ субъектомъ для наблюденій. Особенное его вниманіе остановилъ на себѣ одинъ молодой человѣкъ, болѣе долгое время пользовавшійся совѣтами г. Ризенкампфа — братъ фортепьяннаго мастера Келера. Это былъ, разсказываетъ докторъ, вертлявый, угодливый, почти оборванный нѣмчикъ, по профессіи — коммиссіонеръ, а въ сущности — приживалка. Замѣтивъ беззавѣтное гостепріимство Ѳедора Михайловича, онъ сдѣлался одно время ежедневнымъ его посѣтителемъ—къ чаю, обѣду и ужину, и Ѳедоръ Михайловичъ терпѣливо выслушивалъ его разсказы о столичныхъ пролетаріяхъ. Нерѣдко онъ записывалъ слышанное и г. Ризенкампфъ впослѣдствіи убѣдился, что кое что изъ келеровскаго матеріала отразилось потомъ на романахъ „Бѣдные люди“, „Двойникъ“, „Неточка Незванова“ и т. д.

Въ декабрѣ 1843 г. Ѳедоръ Михайловичъ опять дошелъ до крайняго недостатка въ деньгахъ. Дѣло дошло до займа у одного отставнаго унтеръ-офицера, бывшаго прежде пріемщикомъ мяса у подрядчиковъ во 2-мъ Сухопутномъ госпиталѣ и дававшаго деньги подъ закладъ. Ѳедору

Михайловичу пришлось дать ростовщику довѣренность на полученіе впередъ жалованья за январскую треть 1844 г., съ ручательствомъ казначея Инженернаго управленія. При этой операціи вмѣсто 300 руб. асс. Ѳедору Михайловичу доставалось всего 200, а 100 р. считались процентами за четыре мѣсяца. Понятно, что при этой сдѣлкѣ Ѳедоръ Михайловичъ долженъ былъ чувствовать глубокое отвращеніе къ ростовщику. Оно, можетъ быть, припомнилось ему — когда, столько лѣтъ спустя, онъ описывалъ ощущенія Раскольникова при первомъ посѣщеніи имъ процентщицы. Въ единственномъ, дошедшемъ до насъ письмѣ 1843 г., относящемся къ его послѣднему дню, самъ Ѳ. М. говоритъ о своихъ долгахъ, хотя опекунъ и не оставляетъ его безъ денегъ. Онъ подбиваетъ брата общими усиліями перевести „Матильду“ Евгенія Сю, при чемъ молодое, разыгравшееся воображеніе сулитъ ему огромный барышъ для поправленія ихъ запутанныхъ денежныхъ обстоятельствъ.

Къ 1-му февраля 1844 г. Ѳ. М— чу выслали опять изъ Москвы 1,000 р., но уже къ вечеру въ карманѣ у него, по свидѣтельству г. Ризенкампфа, оставалось всего сто. На бѣду, отправившись ужинать къ Доминику, онъ съ любопытствомъ сталъ наблюдать за билліардной игрой. Тутъ подобрался къ нему какой-то господинъ, обратившій его вниманіе на одного изъ участвующихъ въ игрѣ — ловкаго шулера, которымъ была подкуплена вся прислуга въ ресторанѣ. „Вотъ, продолжалъ незнакомецъ— домино такъ совершенно невинная, честная игра“. Кончилось тѣмъ, что Ѳедоръ Михайловичъ тутъ же захотѣлъ выучиться новой игрѣ,—но за урокъ пришлось заплатить дорого: на это понадобились цѣлыхъ 25 партій и послѣдняя сторублевая Достоевскаго перешла въ карманъ партнера-учителя.

На другой день новое безденежье, новые займы нерѣдко за самые варварскіе проценты,—чтобы только было на что̀ купить сахару, чаю и т. п. Въ мартѣ доктору Ризенкампфу пришлось оставить Петербургъ, не успѣвъ пріучить Ѳедора Михайловича къ нѣмецкой аккуратности и практичности.

Съ 1844 года снова имѣются на лицо письма Ѳедора Михайловича къ брату, по которымъ мы и можемъ слѣдить за нимъ. Мы увидимъ, что нѣкоторыя изъ признаній Ѳедора Михайловича въ общихъ чертахъ подтверждаютъ показанія доктора Ризенкампфа.

Къ началу года должно быть отнесено письмо безъ даты, начинающееся выговоромъ брату за то, что онъ давно не писалъ, по неизвѣстности ему адреса Ѳедора Михайловича. „Адреса, замѣчаетъ Ѳедоръ Михайловичъ, можно было и не имѣть, зная, что я служу въ чертежной Ин-

женернаго департамента" (значитъ, это было уже по выходѣ изъ офицерскихъ классовъ). Далѣе, желая „хорошѣть Ѳедюшкѣ" (крестнику), Ѳедоръ Михайловичъ говоритъ объ ожиданіи новаго пришельца въ ихъ семью, желаетъ имъ дочку и выражаетъ готовность опять крестить. Такъ какъ увеличеніе семейства заставляло думать и объ увеличеніи средствъ, то Ѳедоръ Михайловичъ и предлагаетъ брату участіе въ какомъ-то коллективномъ переводческомъ предпріятіи. „Не худо—пишетъ онъ—еслибы крайнимъ срокомъ переслалъ ты намъ переводъ къ 1-му марта",—срокъ, дающій поводъ думать, что письмо относится къ самому началу года, тѣмъ болѣе, что далѣе говорится: „на праздникахъ я перевелъ Евгенію Grandet Бальзака" (конечно на Рождествѣ). Средства на изданіе должны быть пріобрѣтены въ складчину. Товарищъ Ѳедора Михайловича, Поттонъ дастъ 700, мать его ссудитъ сына 2000 (по 40%!!); про себя Ѳедоръ Михайловичъ говоритъ: „сколочусь и дамъ 500". Розыгравшееся воображеніе сулитъ ему 4000 барыша. Между тѣмъ, въ концѣ письма Ѳедоръ Михайловичъ сознается, что у „будущаго тысячника" нѣтъ денегъ на переписку „Евгеніи Гранде" и проситъ брата „ради ангеловъ небесныхъ" прислать ему 35 руб. асс. „Клянусь Олимпомъ, заключаетъ онъ, и моимъ жидомъ Янкелемъ (оконченной драмой) *) и чѣмъ еще? развѣ усами, которые, надѣюсь, когда нибудь выростутъ, что половина того, что̀ возьму за Евгенію, будетъ твоя".

Имѣется затѣмъ письмо, помѣченное 14-мъ февраля 1844 года, въ которомъ Ѳедоръ Михайловичъ проситъ брата „повременить до времени, и не переводить", такъ какъ „дѣло, кажется, не пойдетъ на ладъ". „Какъ жалко, другъ мой, какъ мнѣ-то тебя жалко, заключаетъ Ѳедоръ Михайловичъ. — Извини, голубчикъ, и меня, бѣдняка; вѣдь я Мурадъ несчастный".

Слѣдуетъ письмо опять безъ даты, но находящееся въ очевидной связи съ только что приведеннымъ письмомъ. Ѳедоръ Михайловичъ ссылается на какое-то до насъ не дошедшее письмо, предполагая, что послѣ него Михаилъ Михайловичъ немедленно взялся за работу. Работа эта—переводъ „Донъ-Карлоса". „На дняхъ, пишетъ онъ,—въ головѣ моей блеснула идея — это: напечатать „Донъ-Карлоса" немедленно по полученіи, на свой счетъ. Деньги я достану, именно возьму впередъ жалованье (что̀ я уже не разъ дѣлывалъ)"... „У тебя семейство, пишетъ Ѳ. М.—Жалованье маленькое... Горе въ молодости опасно. Слѣдовательно нужно рабо-

*) Какой это, и гдѣ она? Гдѣ также оставшіеся неоконченными, какъ мы знаемъ, драмы „Марія Стюартъ" и „Борисъ Годуновъ"?

тать". Про себя онъ далѣе говоритъ, что переводитъ Жоржъ-Зандъ и беретъ 25 руб. асс. съ печатнаго листа. Переводъ Донъ-Карлоса, къ которому Ѳедоръ Михайловичъ хотѣлъ написать предисловіе, можно начать печатать въ іюнѣ (значитъ письмо писано значительно ранѣе). Вслѣдъ за письмомъ слѣдуетъ приписка: „Служба надоѣдаетъ. Служба надоѣла какъ картофель... Пріѣду къ вамъ въ сентябрѣ, когда выйду въ отставку".

Это прямое свидѣтельство самого Ѳ. М. о томъ, что служба ему опротивѣла, не мирится съ тѣмъ, будто онъ „страстно любилъ инженерную часть" (какъ говорятъ нѣкоторые). Если бы Ѳ. М. такъ страстно ее любилъ, то онъ, при своемъ умѣньи и охотѣ работать, былъ бы въ числѣ первыхъ учениковъ, а этого не было. Къ тому же, по замѣчанію А И. Савельева, тогда бы онъ безъ сомнѣнія былъ назначенъ на службу въ одну изъ первоклассныхъ крѣпостей, а не въ чертежную Инженернаго департамента. Инженерная часть совсѣмъ не сходилась съ литературнымъ призваніемъ Ѳ. М—ча, а потому онъ и долженъ былъ выйти въ отставку.

Въ письмѣ, помѣченномъ 30-мъ сентября (1844 г.?), Ѳедоръ Михайловичъ извѣщаетъ брата, что получилъ „Донъ-Карлоса" и что переводъ весьма хорошъ, хотя мѣстами и неровенъ. „Я взялъ смѣлость, говоритъ онъ, — кое что поправить, также кое гдѣ сдѣлать стихъ позвучнѣе". (Любопытно бы знать, не стихами-ли писалъ Ѳедоръ Михайловичъ и начатыя имъ драмы). Онъ недоволенъ иностранными словами въ переводѣ и часто употребляемымъ словомъ *сиръ,* котораго, сколько ему извѣстно, въ Испаніи не было (Ѳедоръ Михайловичъ позабылъ, что оно есть у Шиллера). Онъ собирается отнести переводъ „этимъ дуракамъ въ репертуаръ— пусть рты розинутъ... не то въ „Отечественныя Записки"... За мелочь, говоритъ онъ, — не продамъ, будь покоенъ". Далѣе рѣчь идетъ опять о цѣломъ изданіи Шиллера — съ раздѣленіемъ на три выпуска. „На счетъ издателей посмотримъ. Но штука въ томъ, что гораздо лучше самимъ, иначе нѣтъ барыша". Далѣе Ѳедоръ Михайловичъ извѣщаетъ о томъ, что̀ ранѣе или позже должно было совершиться. „Подалъ я въ отставку, т. е., клянусь тебѣ не могъ служить болѣе... Зачѣмъ терять хорошіе годы? А, наконецъ, главное: меня хотѣли командировать—что̀ бы я сталъ дѣлать безъ Петербурга?" Желая тутъ же и устранить возраженіе, что чѣмъ же онъ будетъ жить, Ѳедоръ Михайловичъ говоритъ: „кусокъ хлѣба я найду скоро. Я буду адски работать. Теперь я свободенъ". Слѣдуетъ, однако же, разсчетъ долгамъ и жалоба на „ихъ привычку присылать только треть чего просишь... Никто не знаетъ, говоритъ онъ, — что я выхожу въ отставку... У меня нѣтъ ни копѣйки на платье. Отставка моя выходитъ

14-го октября. Если... москвичи промедлятъ, я пропалъ. И меня пресерьезно стащутъ въ тюрьму (это ясно)". Онъ готовъ совсѣмъ отказаться отъ своей доли въ имѣніи, только бы дали ему 500 руб. сер. разомъ и и другіе 500 съ уплатою по 100 руб. сер. въ мѣсяцъ... Поручись, пожалуйста, душа моя, за меня... въ томъ, что я не простру далѣе моихъ требованій... Ты говоришь, продолжаетъ Ѳедоръ Михайловичъ, — спасеніе мое драма (опять представляется намъ вопросъ—какая, и гдѣ ея слѣдъ?) Да вѣдь постановка требуетъ времени. Плата также. А у меня на носу отставка". Далѣе — важное сообщеніе: „У меня есть надежда. Я кончаю романъ, въ объемѣ Евгеніи Grandet. Романъ довольно оригинальный... Къ 14-му я уже навѣрно и отвѣтъ получу за него. (Отдалъ въ „Отечеств. Записки". Я моей работой доволенъ). Получу можетъ быть рублей 400... Я бы тебѣ болѣе распространился о моемъ романѣ, да некогда. (Драму поставлю непремѣнно. Я этимъ жить буду)". Слѣдуетъ жалоба на опекуна, совѣтующаго не увлекаться Шекспиромъ". Можно бы подумать, не была-ли *драма* какою нибудь передѣлкой Шекспировской темы. Но далѣе Ѳ. М. спрашиваетъ: „ну къ чему тутъ Шекспиръ?.. Какъ я его отдѣлалъ (опекуна). Мои письма — chef d'oeuvre *летристики*". На поляхъ приписано повтореніе просьбы написать за него въ Москву. „Хлестаковъ соглашается идти въ тюрьму, только *благороднымъ образомъ*. Ну, а если у меня *штановъ* не будетъ, будетъ-ли это благороднымъ образомъ? „Въ письмѣ есть и еще приписка: „адресъ мой—у Владимірской, въ Графскомъ пер., д. Прянишникова". Значитъ Ѳ. М. еще не оставилъ тогда своей дорогой квартиры. Опять приписка: „Я чрезвычайно доволенъ романомъ моимъ. Не нарадуюсь. Съ него-то я деньги навѣрно получу, а тамъ"...

Рѣчь, конечно, идетъ о „Бѣдныхъ людяхъ". О нихъ же, вѣроятно, говорится и въ письмѣ, помѣченномъ 24-мъ марта (надо думать 1845 г.). Романъ, сообщается тутъ, былъ оконченъ еще въ ноябрѣ, но въ декабрѣ Ѳ. М. „вздумалъ его весь передѣлать; передѣлалъ и переписалъ, но въ февралѣ началъ опять снова обчищать, обглаживать, вставлять и выпускать". Изъ этого видно, что первый романъ стоилъ молодому автору не мало труда. „Около половины марта, пишетъ онъ, я былъ готовъ и доволенъ. Но тутъ другая исторія: цензура не беретъ менѣе чѣмъ на мѣсяцъ... Я взялъ назадъ рукопись, не зная, на что рѣшиться." Далѣе мы узнаемъ, что ему совѣтуютъ отдать въ „Отеч. Записки", но онъ боится, что прочтутъ не ранѣе какъ черезъ полгода. Къ тому же, „отдавать, по его словамъ, вещь въ журналъ, значитъ идти подъ ярмо не только главнаго maitre d'otel'я, но даже всѣхъ чумичекъ и поваренковъ, гнѣздящихся въ гнѣздахъ, откуда распространяется просвѣ-

щеніе". Онъ рѣшается ждать и войти пожалуй опять въ долги и къ 1-му сентября, „когда всѣ переселятся въ Петербургъ и будутъ какъ гончія собаки искать носомъ чего нибудь новенькаго", тиснуть на послѣднія крохи... „Напечатать самому, утверждаетъ онъ далѣе,—значитъ пробить впередъ грудью, и если вещь хорошая, то она не только не пропадетъ, но окупитъ меня отъ долговой кабалы и дастъ мнѣ ѣсть". Къ концу письма Ѳ. М. говоритъ: „моимъ романомъ я серьезно доволенъ.. Это вещь строгая и стройная. Есть, впрочемъ, ужасные недостатки". Онъ смотритъ на свое первое произведеніе какъ на единственный якорь спасенія. „Если мое дѣло не удастся, пишетъ онъ, — я, можетъ быть, повѣшусь"... „Въ „Инвалидѣ"... только что прочелъ о нѣмецкихъ поэтахъ, умершихъ съ голоду, холоду и въ сумасшедшемъ домѣ".

Мы дошли до самаго рѣшительнаго момента въ жизни Достоевскаго. Въ слѣдующемъ письмѣ, уже отъ 4-го мая 1855 г., Ѳедору Михайловичу пришлось, однако, признаться: „этотъ мой романъ... задалъ мнѣ такой работы, что, еслибъ зналъ, такъ не начиналъ бы его совсѣмъ. Я вздумалъ его еще разъ переправлять и ей Богу къ лучшему". И это не смотря на столь затруднительныя финансовыя обстоятельства; ясно, что достоинство этого пробнаго камня было для Ѳ. М. важнѣе всего. „Ты несправедливо говоришь, тутъ же и замѣчаетъ онъ,— что меня не мучаетъ мое положеніе" (братъ, вѣроятно, его упрекаетъ за медленность съ романомъ)... „Часто я по цѣлымъ ночамъ не сплю отъ мучительныхъ мыслей. Мнѣ говорятъ, что я пропаду, если напечатаю мой романъ отдѣльно... Книгопродавецъ—алтынная душа—прижметъ непремѣнно... И такъ я рѣшился обратиться къ журналамъ и отдать мой романъ за безцѣнокъ—разумѣется въ „Отеч. Записки". Дѣло въ томъ, что онѣ расходятся въ 2,500 экземплярахъ, прочтутъ, значитъ, по разсчету Ѳ. М., до 100000 человѣкъ. „Напечатай я тамъ, говоритъ онъ — моя будущность литературная, жизнь—все обезпечено". Тутъ же сообщается, что есть еще „много новыхъ идей, которыя, если первый романъ пристроится, упрочатъ его литературную извѣстность". Но пока, увы, у него нѣтъ денегъ. „Чортъ знаетъ куда они исчезли. Зато мало долговъ". Относительно перемѣны квартиры (на необходимость этой перемѣны вѣроятно указывалъ братъ), Ѳ. М. замѣчаетъ, что за нее кое что еще долженъ, что не стоитъ же мѣнять теперь, когда неизвѣстно, поѣдетъ ли онъ въ въ Ревель, или нѣтъ, пристроитъ ли романъ или нѣтъ. Въ припискѣ — опять старая мысль объ изданіи Шиллера. Только бы устроить романъ, тогда „Шиллеръ найдетъ себѣ мѣсто, или я—не я". Слѣдуетъ указаніе на только что прочитанное по русски и по французски. „Емеля Вельт-

мана — прелесть. „Тарантасъ“ хорошо написанъ, только иллюстраціи — гадость. „Вѣчный Жидъ“ не дуренъ. Впрочемъ, Сю весьма недалекъ“. Сбоку — новая приписка: „а не пристрою романа, такъ, можетъ быть, и въ Неву! Что же дѣлать? Я ужь думалъ обо всемъ? Я не переживу смерти моей idée fixe“.

О дальнѣйшей судьбѣ „Бѣдныхъ людей“ мы узнаемъ подробно по воспоминаніямъ Ѳ. М. въ „Дневникѣ писателя“ 1877 г. (въ письмахъ — опять пробѣлъ).

Воспоминанія эти вызваны были свиданьемъ его съ Некрасовымъ во время тяжкой предсмертной болѣзни послѣдняго. „Намъ, говоритъ тутъ Ѳедоръ Михайловичъ (т. е. ему съ Некрасовымъ), было по двадцати съ немногимъ лѣтъ. Я жилъ въ Петербургѣ, уже годъ какъ вышелъ въ отставку изъ инженеровъ, самъ не зная зачѣмъ, съ самыми неясными и неопредѣленными цѣлями. Былъ май мѣсяцъ сорокъ пятаго года“. Память значитъ нѣсколько измѣнила Ѳедору Михайловичу. Изъ писемъ его мы уже знаемъ, что отставка его должна была послѣдовать въ октябрѣ 1844 г. *), стало быть въ маѣ 1845 г. минуло съ тѣхъ поръ только около полугода. „Въ началѣ зимы я началъ вдругъ „Бѣдныхъ людей“, мою первую повѣсть, до тѣхъ поръ ничего еще не писавши“. (Драмы могли быть не въ счетъ. Но какъ согласить слова Ѳ. М.: „я *началъ вдругъ* „Бѣдныхъ людей“, съ вышеприведеннымъ свидѣтельствомъ А. И. Савельева, что они писались еще въ Инженерномъ училищѣ? Неужели память могла до такой степени измѣнить Ѳ. М? Или, можетъ быть, онъ уничтожилъ то, что было написано въ училищѣ, и принялся съизнова писать „Бѣдныхъ людей“ уже по выходѣ въ отставку?) Слѣдуетъ извѣстный разсказъ о томъ, какъ Д. В. Григоровичъ — старый его товарищъ и единственный тогдашній знакомый изъ литературнаго міра — свелъ его съ Некрасовымъ, собиравшимся къ будущему году издать сборникъ. Достоевскій сконфузился, отдавая ему свою рукопись, и страшно боялся Бѣлинскаго: „осмѣетъ онъ моихъ „Бѣдныхъ людей“, думалось ему, „а писалъ я ихъ съ страстью, почти со слезами“. Вечеромъ того же дня Ѳедоръ Михайловичъ пошелъ къ одному изъ своихъ прежнихъ товарищей, и, по обычаю тогдашней молодежи, всю ночь читалъ съ нимъ Богъ вѣсть въ который разъ „Мертвыя души“. Воротился онъ домой уже въ четыре часа утра — въ бѣлую, свѣтлую какъ днемъ и на этотъ разъ даже теплую петербургскую ночь. Спать какъ то не хотѣлось, а хотѣлось просто си-

*) Изъ выданнаго ему въ Сибири билета видно, что онъ уволенъ отъ службы (за болѣзнью) поручикомъ 19 октября, изъ списковъ-же Петербургской инженерной команды исключенъ 17 декабря 1844 г.

дѣть у отвореннаго окна. Какъ вдругъ — звонокъ. Вбѣгаютъ Григоровичъ съ Некрасовымъ, бросаются его обнимать. Наканунѣ вечеромъ они стали читать его рукопись на пробу: „съ десяти страницъ видно будетъ". Но за первыми десятью послѣдовали еще десять, и т. д. пока незамѣтнымъ образомъ не было въ одинъ присѣстъ прочтено все. Когда дѣло дошло до того мѣста, гдѣ за гробомъ Покровскаго бѣжитъ его старый отецъ, Некрасовъ, какъ потомъ уже разсказывалъ Григоровичъ, стукнулъ ладонью по рукописи: „ахъ, чтобъ его!" Оба рѣшили сейчасъ-же бѣжать къ Достоевскому: „что жь такое, что спитъ, — мы разбудимъ его: *это* выше сна".

На Ѳедора Михайловича особенно подѣйствовала именно необычайность всего этого. „У иного успѣхъ, говоритъ онъ, ну хвалятъ, встрѣчаютъ, поздравляютъ, а вѣдь эти прибѣжали со слезами, въ четыре часа, разбудить, потому что это выше сна". Тотъ чистый родъ славы, о которомъ мечталъ онъ, какъ мы видѣли, въ одномъ изъ своихъ писемъ, — славы, основывающейся на глубокомъ задушевномъ сочувствіи, сразу доставался ему. Впереди оставалось еще свиданье съ Бѣлинскимъ. Некрасовъ, входя къ нему съ „Бѣдными людьми", провозгласилъ: „Новый Гоголь явился".— „У васъ Гоголи-то какъ грибы ростутъ", строго замѣтилъ Бѣлинскій но, прочитавъ романъ, сказалъ: „приведите, приведите его скорѣе". Когда Достоевскаго привели къ „страшному критику", тотъ встрѣтилъ его „чрезвычайно важно и сдержанно". Но не прошло, пожалуй, и минуты, какъ Бѣлинскій заговорилъ: „да вы понимаете-ли сами, что вы это такое написали?" Послѣдовала цѣлая патетическая тирада. „Я вышелъ отъ него въ упоеніи, вспоминаетъ Ѳедоръ Михайловичъ... Я всѣмъ существомъ своимъ ощущалъ, что въ жизни моей произошелъ торжественный моментъ, переломъ на вѣки... „И неужели вправду я такъ великъ", стыдливо думалъ я про себя въ какомъ-то робкомъ восторгѣ... „О, я буду достойнымъ этихъ похвалъ, и какіе люди, какіе люди!... Я заслужу, постараюсь стать такимъ же прекраснымъ, какъ и они, пребуду „вѣренъ!" О, какъ я легкомысленъ, и еслибъ Бѣлинскій только узналъ, какія во мнѣ есть дрянныя, постыдныя вещи"... „Я это все думалъ, заключаетъ Ѳедоръ Михайловичъ, я припоминаю ту минуту въ самой полной ясности... Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я въ каторгѣ, вспоминая ее, укрѣплялся духомъ" *).

Между тѣмъ въ трудѣ, появившемся несравненно ранѣе „Дневника Писателя", въ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ", относящихся еще къ на-

*) „Дневникъ Писателя" 1877 г., Январь. (Сочин., т. XII).

чалу 1860-хъ годовъ, Ѳедоръ Михайловичъ, подъ видомъ романа Ивана Петровича описывая, очевидно, свой собственный первый романъ, говорилъ, что „если онъ былъ счастливъ когда нибудь, то это даже и не во время первыхъ упоительныхъ минутъ своего успѣха, а тогда, когда еще не читалъ и не показывалъ никому своей рукописи: въ тѣ долгія ночи среди восторженныхъ надеждъ и мечтаній и страстной любви къ труду, когда онъ сжился съ своей фантазіей, съ лицами, которыхъ самъ создалъ, какъ съ родными, какъ будто съ дѣйствительно существующими; любилъ ихъ, радовался и печалился съ ними, а подчасъ даже плакалъ самыми искренними слезами надъ незатѣйливымъ героемъ своимъ. „Что онъ несомнѣнно говоритъ тутъ о себѣ, это видно изъ того, что въ романѣ Ивана Петровича „выставлены, по отзыву слушающаго его старика Ихменева, какой-то маленькій, забитый и даже глуповатый чиновникъ, у котораго и пуговицы на вицмундирѣ обсыпались“ (очевидно М. А. Дѣвушкинъ), маленькую же Нелли огорчаетъ въ этомъ романѣ, „зачѣмъ умеръ вотъ этотъ молодой, въ чахоткѣ“ (Покровскій), и ей очень хотѣлось бы знать, „будутъ-ли дѣвушка и старичекъ (Варенька и Макаръ Алексѣевичъ) жить вмѣстѣ и будутъ-ли они когда нибудь не бѣдными?“ Не менѣе ясное указаніе на „Бѣдныхъ людей“ сказывается тутъ и въ томъ, что, прочитавъ романъ Ивана Петровича, критикъ Б., впослѣдствіи умершій въ чахоткѣ, обрадовался какъ ребенокъ; Иванъ же Петровичъ оказывается прямо Ѳедоромъ Михайловичемъ уже потому, что „не хочетъ служить, а хочетъ сочинять романы“ *).

Не трудно примирить свидѣтельство начала 1860-хъ годовъ со свидѣтельствомъ 1870-хъ. Когда Ѳедоръ Михайловичъ писалъ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“, въ памяти его были особенно живы тѣ высокія душевныя наслажденія, какія испыталъ онъ во время писанія своего перваго романа. Когда же въ „Дневникѣ“ онъ описывалъ свое свиданіе съ съ больнымъ Некрасовымъ, то это выдвинуло впередъ въ его памяти собственно тотъ моментъ, когда они сблизились по поводу „Бѣдныхъ Людей“, а самый процессъ созданія ихъ и то, что онъ когда-то писалъ о немъ, оставалось отодвинутымъ, такъ сказать, въ туманную даль.

Но въ обоихъ случаяхъ Достоевскій, разсказывая о восторженномъ пріемѣ его роману, не обратилъ вниманія читателя на то, что въ сущности однакоже — если не Некрасовъ (печатнаго отзыва котораго мы не имѣемъ), то Бѣлинскій видѣлъ въ романѣ далеко не все то, что̀ самъ авторъ. Слова Бѣлинскаго: „да понимаете-ль сами то, что вы это такое на-

*) „Униженные и Оскорбленные“, ч. I, гл. V, VI и XI; ч. III, гл. V. (Соч. т. V).

писали!“ и то, что еще прибавилъ онъ къ этому, какъ припоминаетъ Достоевскій: „вы только непосредственнымъ чутьемъ, какъ художникъ, это могли написать... не можетъ быть, чтобы вы въ ваши двадцать лѣтъ это понимали“ — въ сущности значили, что критикъ понималъ Достоевскаго по своему, а Достоевскій въ свои двадцать три года понималъ такъ же и то, чего, при всей своей даровитости, по многимъ причинамъ не понималъ критикъ. „Да вѣдь этотъ вашъ несчастный чиновникъ... даже и несчастнымъ-то себя не смѣетъ почесть отъ приниженности, продолжалъ Бѣлинскій,—и когда добрый человѣкъ, его генералъ, даетъ ему эти сто рублей, онъ раздробленъ, уничтоженъ отъ изумленія, что такого, какъ онъ, могъ пожаловать „ихъ превосходительство“, не „его превосходительство“, а „ихъ превосходительство“, какъ онъ у васъ выражается. А эта оторвавшаяся пуговица... да вѣдь тутъ ужь не сожалѣніе къ этому несчастному, а ужасъ, ужасъ! Въ этой благодарности-то его ужасъ! Это трагедія!.. Мы, публицисты и критики, только разсуждаемъ... а вы, художники, одною чертой, разомъ въ образѣ выставляете самую суть... что бы самому неразсуждающему читателю стало вдругъ все понятно“. Кромѣ этого, сохраненнаго самимъ Достоевскимъ устнаго отзыва критика подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ „Бѣдныхъ людей“, другой устный отзывъ о нихъ Бѣлинскаго сохраненъ намъ П. В. Анненковымъ. *) Тутъ уже видно, что знаменитый критикъ обратилъ вниманіе и на другую сторону романа — не отрицательную, а положительную — но и ее понялъ *по своему,* т. е. опять же *какъ отрицательную.* „Дѣло тутъ простое, говорилъ онъ г. Анненкову:—нашлись добродушные чудаки, которые полагаютъ, что любить весь міръ есть необычайная пріятность и обязанность для каждаго человѣка. Они ничего и понять не могутъ, когда колесо жизни со всѣми ея порядками, наѣхавъ на нихъ, дробитъ имъ молча члены и кости. Вотъ и все, — а какая драма, какіе типы“.

Только позже, въ своей печатной статьѣ, болѣе вдумавшись въ романъ, при помощи, вѣроятно, непосредственнаго знакомства съ авторомъ, Бѣлинскій усмотрѣлъ наконецъ въ „Бѣдныхъ людяхъ“ и *положительное* значеніе Макара Алексѣевича. „Многіе могутъ подумать, говоритъ онъ тутъ, что въ лицѣ Дѣвушкина авторъ хотѣлъ изобразить человѣка, у котораго умъ и способности придавлены, приплюснуты жизнію... Мысль автора гораздо глубже и гуманнѣе: онъ показалъ намъ, какъ много прекраснаго, благороднаго и свѣтлаго лежитъ въ самой ограниченной человѣческой натурѣ“. Далѣе однако же и тутъ на первый планъ выдвинута

*) Очерки и воспоминанія, ч. III, стр. 138.

сцена съ *пуговицей,* даже и выписанная у критика цѣликомъ, тогда какъ вовсе не разсказывается тотъ моментъ, когда Дѣвушкинъ, сначала, правда, „умалившись“ передъ зрѣлищемъ столичнаго блеска и шума, начинаетъ затѣмъ разсуждать о живущихъ среди этого блеска, что нѣтъ человѣка, который бы шепнулъ имъ на ухо: „полно о себѣ одномъ думать, для себя одного жить“, а отъ сознанія своей способности на подобныя разсужденія приходитъ къ выводу, что „не отъ чего было въ грошъ себя оцѣнять, испугавшись одного шума и грома“ *).

Да, критика, при всей восторженности пріема, оказаннаго ею въ лицѣ Бѣлинскаго „Бѣднымъ людямъ“, въ сущности не оцѣнила ихъ во всей глубинѣ ихъ значенія. Но Достоевскій точно будто тогда не замѣтилъ этого—можетъ быть подъ живымъ впечатлѣніемъ похвалъ, польстившихъ его самолюбію. А самолюбіе въ немъ сильно сказывалось.

Понятно, что при лестномъ отзывѣ такого критика какъ Бѣлинскій, Ѳедоръ Михайловичъ могъ не только не огорчаться, но даже почти гордиться тою бранью, съ какою приняли его многіе другіе. Это прямо видно изъ дальнѣйшей переписки съ братомъ.

Передъ нами во-1-хъ письмо безъ даты, относящееся, по содержанію, уже къ тому времени, когда Достоевскій былъ занятъ новымъ типомъ — Голядкина (въ „Двойникѣ“). Написано оно тотчасъ по возвращеніи изъ лѣтней поѣздки къ брату — надо думать, въ 1845 г. „Какъ грустно было мнѣ въѣзжать въ Петербургъ, пишетъ Ѳ. М... Еслибъ моя жизнь прекратилась въ эту минуту, то я бы, кажется, съ радостію умеръ“. Тутъ сказалась вся подвижная впечатлительность его натуры; — давно-ли писалъ онъ, что „пропалъ бы безъ Петербурга“? Но дѣло, кажется, въ томъ, что романъ, хотя и великолѣпно принятый въ рукописи, не былъ еще напечатанъ — такъ какъ „Петербургскому Сборнику“ Некрасова предстояло выйти въ свѣтъ только къ 1846 году. Денежныя обстоятельства Достоевскаго оставались крайне печальными. „Человѣка моего, пишетъ онъ дальше про свой пріѣздъ,—дома не оказалось... Дворникъ вручилъ мнѣ осиротѣлый ключъ моей, въ 600 рублей, квартиры (въ долгахъ)... Григоровича и Некрасова нѣтъ еще въ Петербургѣ... явятся развѣ-развѣ къ 15-му сентября... Какъ жаль, что нужно работать, чтобъ жить. Моя работа не терпитъ принужденія... Я теперь настоящій Голядкинъ, которымъ я, между прочимъ, займусь завтра же“. Такимъ образомъ, не дождавшись еще напечатанія перваго романа, онъ принимался уже за второй—ради насущнаго хлѣба.

*) Сочин. т. II, стр. 95.

Въ письмѣ отъ 8-го октября (конечно того же 1845 г.) Ѳ. М. сообщаетъ брату, что его „Голядкинъ“ пойдетъ по крайней мѣрѣ въ 1,500 р. асс. Тутъ же мы узнаемъ, что Бѣлинскій совѣтуетъ ему требовать за печатный листъ не менѣе 200 р., и что Некрасовъ набавилъ ему 100 р. серебромъ за „Бѣдныхъ людей“, сознавшись, что 150 р. „плата не христіанская“. Одна бѣда, „изъ цензуры ничего еще не слыхать“ на счетъ „Бѣдныхъ людей“. „Такой невинный романъ, пишетъ Ѳ. М., таскаютъ-таскаютъ, и я не знаю, чѣмъ они кончатъ. „Голядкинъ“, повидимому, стоилъ Ѳ. М. не мало труда: онъ называетъ его въ письмѣ „подлецомъ страшнымъ“, который „никакъ не хочетъ впередъ идти... раньше половины ноября никакъ не соглашается окончить карьеру“.— Сообщая брату о томъ, что Бѣлинскій уже разгласилъ о „Голядкинѣ“ въ литературномъ мірѣ (о „Бѣдныхъ же людяхъ“ говоритъ полъ-Петербурга, одинъ Григоровичъ чего стòитъ), „Ѳ. М. замѣчаетъ, что Бѣлинскій видитъ въ немъ, Достоевскомъ „*доказательство передъ публикою* и оправданіе мнѣній своихъ“. Не замѣчая въ этомъ, повидимому, съуженія своего настоящаго значенія, Достоевскій обнаруживаетъ въ томъ же письмѣ и другой признакъ своего тогдашняго подпаденія подъ вліяніе Бѣлинскаго. Сообщая содержаніе задуманнаго Некрасовымъ „Зубоскала“, онъ безъ малѣйшей оговорки касается и заготовленныхъ для этого журнала выходокъ противъ славянофиловъ (они тутъ выставлены занятыми доказательствомъ, что Адамъ былъ славянинъ). Письмо оканчивается восторженнымъ отзывомъ о „Теверино“ Ж. Занда въ „Отеч. Запискахъ“. „Ничего подобнаго не было еще въ нашемъ столѣтіи. Вотъ люди первообразовъ“. Тутъ же Ѳ. М. говоритъ и о задуманныхъ имъ „Запискахъ лакея о своемъ баринѣ“.

Въ письмѣ съ помѣткою: *16-го ноября 1845 г.* Достоевскій жалуется, что „временемъ совсѣмъ не богатъ“. Къ 25-му надо непремѣнно окончить „Голядкина“... Настроеніе письма однако далеко не мрачное, потому что „Бѣдные люди“, хотя и все еще ненапечатанные, успѣли уже „довести его славу до апогеи“... „Всюду почтеніе неимовѣрное, любопытство на счетъ меня страшное. Кн. Одоевскій проситъ меня осчастливить его своимъ посѣщеніемъ, а графъ Соллогубъ рветъ на себѣ волосы отъ отчаянія. Панаевъ объявилъ ему, что есть талантъ, который ихъ всѣхъ въ грязь втопчетъ“... Тутъ же Достоевскій говоритъ о знакомствѣ своемъ съ „только что вернувшимся изъ Парижа поэтомъ Тургеневымъ“. На первыхъ порахъ они очень полюбились другъ другу. Достоевскій отзывается тутъ о немъ восторженно. „Прочти его повѣсть „Андрей Колосовъ“, пишетъ Ѳ. М. Это онъ самъ, хотя и не думалъ тутъ себя вы-

ставить". Между тѣмъ матерьяльное положеніе автора „Бѣдныхъ людей" было по прежнему—бѣдное же. „Надняхъ я былъ безъ гроша, пишетъ онъ. Некрасовъ между тѣмъ затѣялъ „Зубоскала"—прелестный юмористическій альманахъ, къ которому объявленіе писалъ я. Объявленіе надѣлало шуму... Надняхъ, не имѣя денегъ, я зашелъ къ Некрасову. Сидя у него, у меня пришла идея „Романа въ 9-ти письмахъ". Прійдя домой, я написалъ этотъ романъ въ одну ночь... Напечатанъ онъ будетъ въ въ первомъ нумерѣ „Зубоскала"... Вотъ ты самъ увидишь, хуже ли это, напримѣръ, „Тяжбы Гоголя". Отсюда видно, что похвалы положительно вскружили молодому писателю голову. „Романъ въ 9-ти письмахъ", напечатанный не въ „Зубоскалѣ", а въ „Современникѣ", вошелъ въ настоящее собраніе сочиненій Достоевскаго, и читателямъ не трудно увидѣть, что произведеніе это ничѣмъ особеннымъ не отличается—особливо послѣ такого перла, какъ „Бѣдные люди". „Я думаю, продолжаетъ Ѳ. М. въ томъ же письмѣ, что у меня будутъ деньги. „Голядкинъ" выходитъ превосходно — это будетъ мой chef d'oeuvre". На поляхъ приписка: „Бѣлинскій охраняетъ меня отъ антрепренеровъ". И другая приписка, „привлекательная своею искренностью: „Я перечелъ мое письмо и нашелъ, что я во 1-хъ безграмотенъ, а во 2-хъ самохвалъ". Изъ особой опять приписки видно, что старое переводческое предпріятіе не переставало занимать Достоевскаго: „Нашъ Шиллеръ пойдетъ на ладъ непремѣнно", пишетъ онъ. Есть, наконецъ, въ этомъ письмѣ и еще одна приписка, въ которой, надо думать, большую роль играло воображеніе: „Минушки, Кларушки, Маріанны и т. п. похорошѣли до нельзя, но стоютъ страшныхъ денегъ. На дняхъ Тургеневъ и Бѣлинскій разбранили меня за безпорядочную жизнь". Тутъ для провѣрки можно будетъ возвратиться къ воспоминаніямъ д-ра Ризенкампфа, довольно долго, какъ мы знаемъ, жившаго съ Ѳедоромъ Михайловичемъ и не мало, какъ мы видѣли, сообщившаго объ его безпорядочности — въ смыслѣ неумѣнія вести хозяйство и беречь деньги. Тотъ же д-ръ Ризенкампфъ съ другой стороны говоритъ: „молодые люди въ своихъ двадцатыхъ годахъ обыкновенно гонятся за женскими идеалами, привязываются къ хорошенькимъ женщинамъ. Замѣчательно, что у Ѳедора Михайловича ничего подобнаго не было замѣтно. Къ женскому обществу онъ всегда казался равнодушнымъ и даже чуть-ли не имѣлъ къ нему какую-то антипатію". Впрочемъ, тутъ же дѣлается и оговорка: „можетъ быть, и въ этомъ отношеніи онъ скрывалъ кое что; по крайней мѣрѣ меня удивляло, что онъ не мало интересовался стихами влюбленнаго П. Сушкова, адресованными, какъ извѣстно, къ актрисѣ Асенковой, и особенно любилъ романсъ: „Прости меня,

прелестное созданье", который онъ то и дѣло тихо роспѣвалъ про себя".

Въ письмѣ отъ 1-го февраля 1846 г. Достоевскій извѣщаетъ брата, что 28-го числа онъ наконецъ окончилъ „своего подлеца Голядкина", а что „Бѣдные люди" вышли еще 15-го" (въ альманахѣ Некрасова, который онъ тутъ же и посылаетъ брату). „Ругаютъ, ругаютъ, а всетаки читаютъ, пишетъ онъ.—Сунулъ же я имъ всѣмъ собачью кость. Пусть грызутся—мнѣ славу дурачье строятъ!.. Наши всѣ и Бѣлинскій даже нашли, что я далеко ушелъ отъ Гоголя. Въ „Библіотекѣ для чтенія", гдѣ критику пишетъ Никитенко, будетъ огромнѣйшій разборъ „Бѣдныхъ людей" въ мою пользу"... Относительно же неблагопріятныхъ для него критикъ онъ между прочимъ замѣчаетъ: „во всемъ они привыкли видѣть рожу сочинителя, я же моей не показывалъ. А имъ и не вдогадъ, что говоритъ Дѣвушкинъ, а не я, и иначе говорить не можетъ" *)... Съ извѣщеніемъ, что „сегодня выходитъ Голядкинъ", Достоевскій, и прежде похваливавшій его, соединяетъ оцѣнку этого романа уже окончательно не въ мѣру: онъ будто бы „въ десять разъ выше „Бѣдныхъ людей". Наши говорятъ, что послѣ „Мертвыхъ душъ" на Руси не было ничего подобнаго... Тебѣ онъ понравится лучше „Мертвыхъ душъ", я это знаю... За Голядкина взялъ я ровно 600 руб. серебромъ. Сверхъ того я еще получилъ бездну денегъ, такъ что истратилъ 3,000 послѣ разлуки съ тобою. Живу-то я безпорядочно, вотъ въ чемъ вся штука. Я переѣхалъ съ квартиры и нанимаю теперь двѣ превосходно-меблированныхъ комнаты отъ жильцовъ. Мнѣ очень хорошо жить (у Владимірской, на углу Гребецкой д. Кучина, № 9". — Замѣчательно, что это тотъ самый домъ, въ которомъ скончался Ѳедоръ Михайловичъ, и что переѣхавъ въ него за нѣсколько лѣтъ до смерти, онъ такъ и не вспомнилъ, что жилъ въ немъ еще молодымъ). „Я боленъ нервами, сообщаетъ въ заключеніе Достоевскій, и боюсь горячки или лихорадки нервической. Порядочно жить я не могу, до того я безпутенъ", — конечно, въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это докторъ Ризенкампфъ. О такомъ безпутствѣ можно говорить такъ прямо и такъ спокойно.

*) Это прямо подходитъ и къ библіографической замѣткѣ „Библіотеки для чтенія", гдѣ объ авторѣ „Бѣдныхъ людей" говорится: „онъ такой скромненькій, тихонькій... объясняется все уменьшительными... Все у него миньонное—идейка самая капельная, подробности самыя крошечныя... сложокъ такой чистенькій... наблюденьице такое маленькое, чувства и страстицы такія нѣжненькія" и т. д. Между тѣмъ статья эта помѣщена въ той же февральской книжкѣ 1846 г., гдѣ появилась и сочувственная въ цѣломъ статья А. В· Никитенка. За доставленіе мнѣ вырѣзки съ этой замѣткой я благодаренъ студенту Б. Б. Глинскому.

Слѣдующее письмо написано ровно черезъ два мѣсяца—1-го апрѣля. Достоевскій извиняется въ долгомъ молчаніи и позднемъ исполненіи порученій брата. „Въ моей жизни, пишетъ онъ, каждый день столько новаго... столько хорошаго для меня и выгоднаго; столько и непріятнаго и невыгоднаго, что и самому раздумывать некогда. Во первыхъ, я весь занятъ. Идей бездна и пишу безпрерывно. Не думай, чтобы я совсѣмъ былъ на розахъ. Вздоръ. Во первыхъ я прожилъ ровно 4,500 р. со времени нашей разлуки съ тобою и на 1000 р. асс. продалъ впередъ своего товару... Но это ничего. Слава моя достигла до апогеи. Въ 2 мѣсяца обо мнѣ было говорено до 35 разъ въ различныхъ изданіяхъ... Но вотъ что̀ подло и мучительно: свои, — наши, Бѣлинскій, всѣ мною недовольны за „Голядкина“. Первое впечатлѣніе было безотчетный восторгъ, говоръ, шумъ, толки. Второе—критика: именно всѣ, всѣ съ общаго говору, т. е. *наши* и вся публика нашли, что до того „Голядкинъ“ скученъ и вялъ, до того растянутъ, что читать нѣтъ возможности“. Въ утѣшеніе себѣ Достоевскій однако же замѣчаетъ: „всѣ сердятся на меня за растянутость и всѣ до одного читаютъ напропалую, и перечитываютъ напропалую“. Сознаваясь, что на нѣкоторое время впалъ даже въ уныніе, Ѳедоръ Михайловичъ объясняетъ это тѣмъ, что у него есть „ужасный порокъ: неограниченное самолюбіе и честолюбіе... Мнѣ Голядкинъ опротивѣлъ. Многое въ немъ писано наскоро и въ утомленіи. 1-ая половина лучше послѣдней. Рядомъ съ блистательными страницами есть скверность, дрянь, изъ души воротитъ, читать не хочется. Вотъ это-то создало мнѣ на время адъ и я заболѣлъ отъ горя“. — Окончательнымъ объясненіемъ, какъ это прежде пришли въ восторгъ, а потомъ разбранили, служатъ воспоминанія Ѳедора Михайловича въ „Дневникѣ Писателя“ за ноябрь 1877 г. „Кажется въ началѣ декабря 1845 г., пишетъ онъ тутъ,—Бѣлинскій настоялъ, чтобы я прочелъ у него хоть двѣ—три главы этой повѣсти (Двойника). Для этого онъ устроилъ даже вечеръ... Былъ И. С. Тургеневъ, прослушалъ лишь половину того, что я прочелъ, похвалилъ и уѣхалъ, очень куда-то спѣшилъ. Три или четыре главы, которыя я прочелъ, понравились Бѣлинскому чрезвычайно“ (хоть и не стоили того, какъ судитъ тутъ Достоевскій). Но Бѣлинскій не зналъ конца повѣсти и находился подъ обаяніемъ „Бѣдныхъ людей“. Самъ Ѳедоръ Михайловичъ прямо тутъ говоритъ, что повѣсть эта ему положительно не удалась, но что „идея ея была довольно свѣтлая и серьезнѣе этой идеи онъ никогда ничего въ литературѣ не проводилъ“. Но форма этой повѣсти, говоритъ онъ, не удалась ему совершенно. Онъ сильно исправилъ ее потомъ, лѣтъ пятнадцать спустя, для тогдашняго собранія своихъ со-

чиненій, но и тогда опять убѣдился, что это „вещь совсѣмъ не удавшаяся“.

Возвратимся къ письму отъ 1-го апрѣля. Въ немъ слѣдуетъ извѣстіе о томъ, что Бѣлинскій оставляетъ „Отеч. Записки“ и ѣдетъ по разстроенному здоровью на воды, для поддержанія же своихъ финансовъ издаетъ сборникъ. „Я пишу для него, говоритъ Достоевскій, двѣ повѣсти: 1) „Сбритыя бакенбарды“ и 2) „Повѣсть объ уничтоженныхъ канцеляріяхъ“ — обѣ съ потрясающимъ трагическимъ интересомъ, и уже отвѣчаю — сжатыя до нельзя“. Возвѣщая затѣмъ, что „явилась цѣлая тьма новыхъ писателей“, Достоевскій говоритъ, что изъ нихъ особенно замѣчательны Герценъ и Гончаровъ. „Ихъ ужасно хвалятъ. Первенство остается за мною покамѣстъ, самоувѣренно прибавляетъ онъ, и надѣюсь, что навсегда“.

Самолюбіе молодаго писателя, развитое первымъ блестящимъ успѣхомъ, поддерживаемое и послѣ тѣми, кого называлъ онъ *нашими*, и дошедшее въ самомъ дѣлѣ до крайней степени, въ чемъ онъ и самъ, какъ мы видѣли, сознавался брату, подавало поводъ различнымъ завистникамъ — а могли-ли они у него не явиться? — къ различнымъ выдумкамъ про него на готовую тему. Сюда принадлежитъ и тотъ *ободокъ*, безъ котораго будто бы Достоевскій не соглашался напечатать „Бѣдныхъ людей“ въ „Петербургскомъ сборникѣ“ — для того, чтобы самымъ внѣшнимъ видомъ выдѣлиться изъ ряду другихъ участниковъ изданія — о чемъ такъ положительно говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ г. Анненковъ. Слуху этому легко помогаетъ держаться то, что „Петербургскій сборникъ“ давно уже составляетъ библіографическую рѣдкость. Но стоитъ только вытребовать его въ Публичной библіотекѣ и поискать, гдѣ въ немъ бордюръ вокругъ „Бѣдныхъ людей“?

Заботясь какъ объ альманахѣ, такъ и о доходѣ для брата, Ѳедоръ Михайловичъ предлагаетъ ему въ томъ же письмѣ перевести „Рейнеке-Фуксъ“ Гёте.

Небольшое письмо отправилъ Ѳедоръ Михайловичъ къ брату черезъ Бѣлинскихъ (16 мая 1846 г.) Оно напоминаетъ многія изъ его прежнихъ меланхолическихъ писемъ. „Скука, грусть, апатія, и лихорадочное, судорожное ожиданіе чего-то лучшаго мучитъ меня“, говоритъ онъ тутъ. Лѣтомъ послѣдовала, надо думать, новая поѣздка Ѳедора Михайловича въ Ревель, такъ какъ онъ говоритъ о возвращеніи въ Петербургъ моремъ въ письмѣ своемъ отъ 5-го сентября. Тутъ сообщается, что онъ нанялъ за 14 руб. сер. отъ жильцовъ двѣ маленькія комнатки — противъ Казанскаго собора, но еще не переѣхалъ (ясно, что онъ все болѣе и болѣе

съуживался въ своемъ житьѣ-бытьѣ,—не даромъ потомъ говорится: „хочу жить скромнѣйшимъ образомъ). Далѣе сообщается, что въ „Современникѣ“ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ напечатано будетъ духовное завѣщаніе Гоголя, въ которомъ онъ отрекается отъ всѣхъ своихъ сочиненій и т. д. „Вотъ — заключай самъ“, говоритъ Достоевскій. Другая новость — своя собственная: у Краевскаго начали набирать „Прохарчина“ (не его-ли прежде разумѣлъ Ѳ. М. подъ „повѣстью объ уничтоженныхъ канцеляріяхъ“?), а появится онъ въ октябрѣ. Въ письмѣ опять звучитъ меланхолическая нота: „на мнѣ грусть страшная“, говоритъ Достоевскій на первой же страницѣ. „Много бы хотѣлось написать, замѣчаетъ онъ въ концѣ, — да иногда лучше и не говорить“.

Письмо, помѣченное просто 17-мъ сентября (безъ года), должно быть помѣщено вслѣдъ за предшествующимъ, въ которомъ упоминалось о задержкѣ въ отправкѣ шинели для Михаила Михайловича, теперь, наконецъ, при письмѣ отъ 17 сентября, высылаемой. Далѣе говорится, что на новой квартирѣ, о которой также упоминалось въ предшествующемъ письмѣ, не дурно. „Только средствъ въ будущемъ почти не имѣю, прибавляетъ Ѳедоръ Михайловичъ.—Краевскій далъ 50 руб. сер. и по виду его можно судить, что больше не дастъ. „Прохарчинъ“ страшно обезображенъ въ извѣстномъ мѣстѣ. Эти господа извѣстнаго мѣста запретили даже слово *чиновникъ*... и вычеркнули его во всѣхъ мѣстахъ. Все живое исчезло... Отступаюсь отъ своей повѣсти“. Ясно изъ этого, что *направленіе* Достоевскаго уже обратило на себя вниманіе цензуры. Обстоятельство, тутъ сообщаемое, слѣдуетъ, конечно, имѣть въ виду при оцѣнкѣ повѣсти „Господинъ Прохарчинъ“. Въ связи со скромнымъ образомъ жизни, какимъ задался Ѳедоръ Михайловичъ, находится сообщеніе: „я обѣдаю въ складчинѣ. У Бекетова собралось 6 человѣкъ знакомыхъ, въ томъ числѣ я и Григоровичъ. Каждый даетъ 15 коп. въ день и мы имѣемъ хорошихъ кушаній 2 и довольны“. О занятіяхъ же своихъ Ѳедоръ Михайловичъ тутъ сообщаетъ: „пишу все „Сбритыя бакенбарды“... „Я слышалъ, прибавляетъ онъ,—что въ провинціи „Петербургскій сборникъ“ не иначе называется какъ „Бѣдными людьми“. Въ концѣ—опять нота недовольства. „У насъ здѣсь ужаснѣйшая тоска. И работаешь хуже. Я у васъ жилъ какъ въ раю, а чортъ знаетъ, давай мнѣ хорошаго, я непремѣнно самъ сдѣлаю своимъ характеромъ худшее“.

Въ письмѣ отъ 7-го октября 1846 г. — ссылка на какое-то до насъ недошедшее письмо, въ которомъ Ѳедоръ Михайловичъ извѣщалъ брата о сборахъ своихъ за границу. „Я ѣду не гулять, а лечиться, поясняетъ онъ теперь.—Въ Петербургѣ адъ для меня“ (въ этомъ самомъ Петербургѣ,

безъ котораго онъ бы прежде „пропалъ“). — „Деньги-то будутъ... Краевскій, напримѣръ, навязываетъ, но я взялъ уже у него 100 руб. сер. и теперь отъ него бѣгаю. Ибо чтò 50 цѣлковыхъ, то и листъ печатный... система всегдашняго долга, которую такъ распространяетъ Краевскій, есть система моего рабства и зависимости литературной“... Далѣе указывается на 20-е октября, какъ время обязательнаго окончанія „Сбритыхъ бакенбардъ“, и на то, что уже съ 15-го должно начаться печатаніе сборника его повѣстей—съ „Бѣдныхъ людей“.

Изъ письма отъ 17-го октября мы однакоже узнаемъ, что „Сбритыя бакенбарды“ все еще не совсѣмъ кончены, а что „Прохарчина“ очень хвалятъ. — Къ сборнику повѣстей, конечно, относятся въ этомъ письмѣ слова, что „издавать никакъ не предстоитъ къ Рождеству“, что „изданіе можетъ развѣ состояться къ 1-му мая. Экъ сколько труда и тягости разной нужно перенести сначала, пишетъ Ѳ. М.,—чтобъ устроить себя. Здоровье свое, напримѣръ, нужно пускать на *авось,* а обезпеченіе чортъ знаетъ еще будетъ когда“.

Но вотъ въ письмѣ, не имѣющемъ никакой даты, сообщается, что „изданіе не состоится, ибо не состоялось ни одной изъ тѣхъ новыхъ повѣстей, о которыхъ онъ говорилъ. Онъ не пишетъ „Сбритыхъ бакенбардъ“, ибо все это есть ни что иное, какъ „повтореніе стараго“... „Въ моемъ положеніи однообразіе гибель“, замѣчаетъ онъ. — „Я пишу другую повѣсть, и работа идетъ какъ нѣкогда въ „Бѣдныхъ людяхъ“ — свѣжо, легко и успѣшно... Написавъ повѣсть къ январю, перестаю печатать совсѣмъ до самаго будущаго года, а пишу романъ, который ужь и теперь не даетъ мнѣ покоя“. Но чѣмъ же онъ пока будетъ жить? Онъ разсчитываетъ издать „Бѣдныхъ людей“ и „Двойника“ отдѣльными книжками. „Кляну судьбу, говоритъ онъ, — что нѣтъ у меня 700 руб. асс., чтобъ издать на свой счетъ. Издавать на свой счетъ—это все“. Слѣдуютъ горькія жалобы на книгопродавцевъ и просьба, чтобы братъ далъ ему 200 руб. сер. на изданіе, съ возвращеніемъ долга къ 1-му января изъ выручки и предоставленіемъ ему $^1/_4$ доли остальнаго барыша. На поляхъ оговорка: „отбрось въ этомъ дѣлѣ всю братскую любовь... Изъ желанія мнѣ добра не обкради самъ себя, хотя даже и не на большое время. У тебя рождается новое дитя“. То же болѣе или менѣе повторяется и въ другой припискѣ съ просьбою лишь о томъ, чтобы, въ случаѣ согласія, деньги высланы были немедленно. Въ особой припискѣ сообщается слухъ о смерти Гоголя, потомъ оказавшійся ложнымъ.

Письмо съ помѣткою 26-го ноября 1846 г. написано послѣ того, какъ братъ не прислалъ ему денегъ. Пусть онъ не думаетъ, что Ѳедоръ

Михайловичъ на него разсердился, и потому молчалъ. Ѳ. М. мирится съ тѣмъ, что всѣ его изданія лопнули, не состоялись. „Публика, можетъ быть, не подалась бы“. Далѣе сообщается объ окончательной ссорѣ съ „Современникомъ“—въ лицѣ Некрасова. „Онъ, говоритъ Достоевскій, — досадуетъ на то, что я всетаки даю повѣсти Краевскому, которому я долженъ, и что я не хотѣлъ публично объявить, что не принадлежу къ „Отеч. Запискамъ“. Отчаявшись получить отъ меня въ скоромъ времени повѣсть, надѣлалъ мнѣ грубостей и неосторожно потребовалъ денегъ... Я обѣщалъ заемнымъ письмомъ выдать ему сумму къ 15-му дек... Теперь они выпускаютъ, что я зараженъ самомнѣньемъ, возмечталъ о себѣ и передаюсь Краевскому... Некрасовъ собирается меня ругать... Что̀ же касается Бѣлинскаго, то это такой слабый человѣкъ, что даже въ литературныхъ мнѣніяхъ у него пять пятницъ на недѣлѣ“. Впрочемъ, Достоевскій тутъ же замѣчаетъ, что съ Бѣлинскимъ онъ всетаки „сохранилъ прежнія добрыя отношенія“, такъ какъ „онъ человѣкъ благородный“. Не смотря на всѣ непріятности, письмо отличается бодростью. Ѳ. М. только жаждетъ независимости положенія и „работы для святаго искусства, работы святой, чистой, въ простотѣ сердца, которое еще никогда такъ не дрожало и не двигалось у него, говоритъ онъ, какъ теперь передъ всѣми новыми образами, которые создаются въ душѣ его! Братъ, продолжаетъ онъ, я возрождаюсь не только нравственно, но и физически. Никогда не было во мнѣ столько изобилія и ясности, столько ровности въ характерѣ, столько здоровья физическаго. Я много обязанъ въ этомъ дѣлѣ моимъ добрымъ друзьямъ Бекетовымъ... и другимъ, съ которыми я живу; это люди дѣльные, умные, съ превосходными сердцами, съ благородствомъ, съ характеромъ... Они меня вылечили своимъ обществомъ. Наконецъ, я предложилъ жить вмѣстѣ. Нанялась квартира большая и всѣ издержки по всѣмъ частямъ хозяйства, все не превышаетъ 1200 руб. асс. съ человѣка въ годъ. Такъ велики благодѣянія ассоціаціи“, заключаетъ онъ. (Слова эти имѣютъ уже у него, можетъ быть, особенный смыслъ: указываютъ на его занятія и увлеченія „соціализмомъ“). Къ числу людей, имѣвшихъ на Ѳедора Михайловича такое благодѣтельное вліяніе, принадлежалъ и С. Д. Яновскій, которому Достоевскій писалъ въ 1872 г., вспоминая старое: „вы любили меня и возились со мною съ больнымъ *душевною болѣзнію* (вѣдь я теперь сознаю это) до моей поѣздки въ Сибирь, гдѣ я вылечился“.

Объ этой нервной своей болѣзненности, надо думать, Ѳ. М. вспоминалъ въ 1861 г., говоря отъ лица Ивана Петровича (въ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“): „съ самаго наступленія сумерекъ я сталъ впадать въ

то состояніе души, которое такъ часто приходитъ ко мнѣ теперь, въ моей болѣзни, по ночамъ, и которое я называю *мистическимъ ужасомъ* (слѣдуетъ подробная психіатрическая характеристика этого состоянія) *).

Но обратимся къ остальнымъ его письмамъ къ брату до самой, какъ выражается онъ, „поѣздки въ Сибирь".

Отъ 17-го декабря 1846 г. онъ пишетъ брату, что совершенно заваленъ работой: къ 5-му января „обязался поставить Краевскому 1-ую часть романа „Неточка Незванова". Пишетъ онъ день и ночь, развлекая себя только итальянскою оперою, гдѣ у него мѣсто въ галлереѣ (указаніе, надо думать, на экономію). Здоровье хорошо. „Мнѣ все кажется, говоритъ онъ, что я завелъ процессъ со всею нашею литературою... и тремя частями романа моего въ „Отеч. Запискахъ" устанавливаю и за этотъ годъ мое первенство на зло недоброжелателямъ моимъ". Мысль о поѣздкѣ за границу оставлена; вмѣсто того онъ опять пріѣдетъ лѣтомъ къ брату. Живетъ онъ на острову съ Бекетовыми — не скучно, хорошо и экономно. Бываетъ у Бѣлинскаго, который все хвораетъ. „Я плачу все долги мои посредствомъ Краевскаго, пишетъ онъ далѣе... Когда-то я выйду изъ долговъ: бѣда работать поденщикомъ! Погубишь все—и талантъ, и юность, и надежду, омертвѣетъ работа и сдѣлаешься, наконецъ, пачкуномъ, а не писателемъ". Эту сторону своего тогдашняго положенія Ѳ. М. воспроизвелъ впослѣдствіи въ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ", въ лицѣ того же Ивана Петровича. „Вы бѣдны, вы берете у вашего антрепренера впередъ, съ презрительною жалостью говоритъ ему князь, платите свои должишки, на остальное паритесь полгода однимъ чаемъ, и дрожите на своемъ чердакѣ, въ ожиданіи, когда напишется вашъ романъ въ журналѣ вашего антрепренера". Князь, положимъ, преувеличиваетъ, но вѣдь и самъ Иванъ Петровичъ разсказываетъ: „повѣсть моя совершенно кончена и антрепренеръ, хотя я ему и много теперь долженъ, всетаки дастъ мнѣ хоть сколько нибудь, увидя въ своихъ рукахъ добычу — хоть *пятьдесятъ рублей*" (даже и сумма та, о которой говорится въ письмахъ Ѳ. М—ча). Слѣдуетъ характеристика антрепренера, который вѣдь „не виноватъ въ томъ, что въ литературѣ онъ всю жизнь былъ *только* антрепренеромъ", а потому и примѣняетъ свой литературный судъ лишь съ чужаго голоса. Обреченный судьбою работать на антрепренера, Иванъ Петровичъ можетъ только „исписаться", по мнѣнію Наташи, указывающей ему на С* и Н*, у которыхъ „все какъ отчеканено отдѣлано". — Да, но они обезпечены и

*) Часть I, гл. X. (Сочин., т. V, стр. 53—54).

пишутъ не на срокъ, говоритъ бѣдный Иванъ Петровичъ; а я — почтовая кляча“ *).

Далѣе слѣдуетъ помѣстить *письмо безъ даты*, относящееся, вѣроятно, къ началу 1847 г. Въ немъ говорится о скоромъ появленіи „Неточки Незвановой“. Письмо начинается жалобою на тоску и сожалѣніемъ объ участи брата, который хотя и съ любимой семьей, но „безъ людей кругомъ“ (мы знаемъ уже, какъ не понравились Ѳедору Михайловичу остзейскіе нѣмцы). „Но не унывай духомъ, братъ! ободряетъ его Ѳедоръ Михайловичъ. Просвѣтлѣетъ время. Видишь ли, чѣмъ больше въ насъ самихъ духа и внутренняго содержанія, тѣмъ краше нашъ уголъ и жизнь... Я много думаю о тебѣ. Но Боже! Какъ много отвратительныхъ, подло-ограниченныхъ, сѣдобородыхъ мудрецовъ, знатоковъ-фарисеевъ жизни, *гордящихся* опытностью, т. е своею безличностью (ибо всѣ въ одну мѣрку сточаны), негодныхъ, которые вѣчно проповѣдуютъ довольство судьбой, вѣру во что-то, ограниченіе въ жизни и довольство своимъ мѣстомъ... довольство, похожее на монастырское истязаніе и ограниченіе, и съ неистощимою мелкою злостью осуждающихъ сильную, горячую душу, не выносящую ихъ пошлаго дневнаго росписанія и календаря жизненнаго. Подлецы они со своимъ водевильнымъ земнымъ счастьемъ. Подлецы они!“ Строки эти заключаютъ въ себѣ несомнѣнно тотъ протестъ отрицательнаго характера, какой хотѣлъ по преимуществу вычитать еще изъ „Бѣдныхъ людей“ Бѣлинскій. Тутъ уже осуждается „монастырское самоограниченіе“, тогда какъ тамъ Достоевскій несомнѣнно видѣлъ *положительную* черту въ томъ, что Дѣвушкинъ совѣстился курить табакъ, когда Варенька не имѣла и самаго необходимаго. Судя по приведеннымъ строкамъ письма, надо думать, что Бѣлинскій возъимѣлъ тогда рѣшительное вліяніе на Достоевскаго.

Слѣдуетъ опять указаніе на безденежье. „Еслибъ не было добрыхъ людей, я бы погибъ. Разложеніе моей славы въ журналахъ доставляетъ мнѣ болѣе выгоды чѣмъ невыгоды. Тѣмъ скорѣе схватятся за новое мои поклонники, которые, кажется, очень многочисленны, и отстоятъ меня. Я живу очень бѣдно и всего съ того времени, какъ тебя оставилъ, прожилъ 250 р. серебромъ, да 300 р. употребилъ на долги“ (какое сравненіе съ тѣмъ, что тратилось у него прежде). „Меня сильнѣе всѣхъ подрѣзалъ Некрасовъ, которому я отдалъ его 150 р. сер... Къ веснѣ сдѣлаю у Краевскаго большой заемъ и пришлю тебѣ 400 р. непремѣнно“. Далѣе говорится о леченіи лѣтомъ водою у Присница, съ оговоркой, что это у

*) „Униженные и Оскорбленные“ ч. III, гл. X (ср. ч. II, гл. VIII) и Эпилогъ.

него „въ воображеніи“. Съ раскаяніемъ вспоминаетъ Ѳедоръ Михайловичъ о томъ, какъ онъ былъ угловатъ и тяжелъ у нихъ въ Ревелѣ. „Я былъ боленъ, братъ, говоритъ онъ, прибавляя: „у меня такой скверный, отталкивающій характеръ. Я тебя всегда цѣнилъ выше и лучше себя... Я тогда только могу показать, что я человѣкъ съ сердцемъ и любовью, когда самая внѣшность, обстоятельства, случай вырветъ меня насильно изъ обыденной пошлости. До того времени я гадокъ“. Въ „Неточкѣ Незвановой“, говоритъ онъ далѣе, будетъ тоже „исповѣдь“, какъ и въ Голядкинѣ, „хотя въ другомъ тонѣ и родѣ. О Голядкинѣ, говоритъ онъ, я слышу изподтишка (и отъ многихъ) такіе слухи, что ужасъ. Иные прямо говорятъ, что это произведеніе *чудо* и не понято, что ему страшная роль въ будущемъ, что еслибъ я написалъ одного Голядкина, то довольно съ меня... Но вотъ самолюбіе мое расхлесталось, опять съ полнѣйшею искренностію сознается онъ, — но, братъ! Какъ пріятно быть понятымъ. Братъ! За что ты такъ любишь меня?.. Пожелай мнѣ успѣха. Я пишу мою „Хозяйку“. Въ сужденіи о ней — такая же чрезмѣрная оцѣнка ея, какую мы видѣли выше по отношенію къ „Роману въ девяти письмахъ“. „Уже выходитъ лучше „Бѣдныхъ Людей“, говоритъ Достоевскій про „Хозяйку“, утверждая, что „это въ томъ же родѣ“. „Перомъ моимъ, говоритъ онъ, водитъ родникъ вдохновенія, выбивающійся прямо изъ души. Не такъ какъ въ Прохарчинѣ, которымъ я страдалъ все лѣто“.

Послѣ такого увлеченья „Хозяйкой“ понятно, какое тяжелое впечатлѣніе долженъ былъ произвести на Ѳедора Михайловича совсѣмъ уже неблагопріятный отзывъ о ней Бѣлинскаго. Но мы ничего не узнаемъ объ этомъ изъ его писемъ. Передъ нами еще одно письмо безъ даты, которое, по замѣчанію А. Г. Достоевской, должно быть отнесено къ веснѣ 1847 г., такъ какъ въ припискѣ къ нему сказано: *„вотъ уже третій годъ литературнаго моего поприща я какъ въ чаду*. Не вижу жизни, некогда опомниться, говорится тутъ далѣе, наука уходитъ за невременьемъ... Сдѣлали они мнѣ извѣстность сомнительную и я не знаю, до какихъ поръ пойдетъ этотъ адъ: тутъ бѣдность, срочная работа — кабы покой!“ Въ самомъ текстѣ письма говорится о томъ, что „придется писать едва ли не два фельетона въ недѣлю, т. е. ужь не болѣе какъ на 250—300 р. асс.“ (гдѣ писать? Въ „Зубоскалѣ“?). Между тѣмъ Ѳ. М—ча тяготитъ его долгъ Майковымъ, „хотя они не спрашиваютъ“. Но онъ всетаки хочетъ сколько нибудь присылать брату. Осенью зато надѣется получить съ Краевскаго послѣ окончанія романа (вѣроятно „Неточки“) 1000 р. с. впередъ на неопредѣленный срокъ. „Счастье его и мое, пишетъ Ѳ. М.,

что романъ мой печатается въ концѣ года. Онъ завершитъ годъ, пойдетъ во время подписки и главное будетъ, если не ошибаюсь, теперь капитальною вещью въ году и утретъ носъ друзьямъ-Современникамъ и всѣмъ, которые рѣшительно стараются похоронить меня". Въ то же время онъ думаетъ еще о переводахъ, полагая, что „лѣтъ черезъ десять можно будетъ о нихъ позабыть".

Въ письмѣ этомъ впервые упоминается о семействѣ Майковыхъ, съ однимъ изъ которыхъ, нашимъ извѣстнымъ поэтомъ, у Ѳедора Михайловича впослѣдствіи завязалась обширная переписка. По воспоминаніямъ С. Д. Яновскаго, въ семействѣ Майковыхъ каждое воскресенье вечеромъ постоянно сходилась „та молодежь, въ душу которой Господь вложилъ извѣстную долю таланта, сердце которой билось съ самаго рожденія любовію къ ближнему, къ добру и правдѣ, а умъ во всемъ и вездѣ искалъ свѣта и свѣта. Подлѣ хозяевъ, Николая Аполлоновича (извѣстнаго академика живописи) и Евгеніи Петровны, продолжаетъ д-ръ Яновскій, — первое и почетное мѣсто занималъ немного старшій годами остальныхъ гостей И. А. Гончаровъ. Тутъ же обыкновенно присутствовалъ Ст. Сем. Дудышкинъ (послѣ смерти Бѣлинскаго и Валеріана Майкова завѣдывавшій критикой въ „Отеч. Запискахъ"), братья Дружинины, М. А. Языковъ и др." Вотъ тутъ-то случалось нерѣдко и Ѳедору Михайловичу „со свойственнымъ ему атомистическимъ анализомъ разбирать характеры произведеній Гоголя, Тургенева—а затѣмъ объяснять и своего Прохарчина, оставшагося въ то время въ большинствѣ читателей непонятымъ, а всѣ слушатели до одного уразумѣвали вполнѣ не только цѣльные характеры, но и самомалѣйшія подробности, относившіяся къ тому или другому характеру".

Но въ то время существовали уже и другіе назначенные дни, не менѣе усердно посѣщавшіеся Ѳедоромъ Михайловичемъ. О нихъ мы рѣшительно ничего не знаемъ изъ его переписки съ братомъ, прекращающейся на долгое время. Она пока заключается письмомъ отъ 9-го сентября 1847 года, которое находится въ связи съ намѣреніемъ Михаила Михайловича выйти въ отставку. Ѳ. М. совѣтуетъ брату не слушаться отговаривающихъ и не пугаться того, что и у него, Ѳ. М., „первый блинъ комомъ"... „Погоди, братъ, поправимся, продолжаетъ Ѳ. М., невозможно, чтобы мы оба не выбились на дорогу". Далѣе Ѳ. М. сообщаетъ объ оканчиваемой имъ повѣсти („Хозяйкѣ"?), говоритъ, что ему некогда издавать „Бѣдныхъ людей" хотя черезъ одну типографію онъ надѣется ихъ напечатать безъ денегъ. „Какъ жаль, что ты не доперевелъ театра Шиллера, заключаетъ онъ". На поляхъ приписка: „видишь ли, что значитъ ассо-

ціація? Работай мы врозь,—упадемъ... А двое вмѣстѣ для одной цѣли—тутъ другое дѣло". Между тѣмъ въ жизни Ѳедора Михайловича все болѣе и болѣе подготовлялись обстоятельства, которымъ суждено было произвести въ ней рѣшительное и далеко не кратковременное потрясеніе.

III.

Катастрофа.

Въ повѣсти „Бѣлыя ночи" встрѣчаются слѣдующія строки: „есть въ Петербургѣ довольно странные уголки... Въ эти мѣста какъ будто не заглядываетъ то же солнце, которое свѣтитъ для всѣхъ петербургскихъ людей, а заглядываетъ какое-то другое, новое, какъ будто нарочно заказанное для этихъ угловъ, и свѣтитъ на все инымъ, особеннымъ свѣтомъ. Въ этихъ углахъ... выживается какъ будто совсѣмъ другая жизнь, не похожая на ту, которая возлѣ насъ кипитъ, а такая, которая можетъ быть въ тридесятомъ невѣдомомъ государствѣ, а не у насъ въ наше серьезное, пресерьезное время... Въ этихъ углахъ проживаютъ странные люди—мечтатели". Въ нашей печати уже было заявлено мнѣніе, что такимъ мечтателемъ былъ и самъ Достоевскій *). Мы же позволяемъ себѣ думать, что тутъ заключается намекъ на тотъ особый видъ „мечтательства", который наконецъ, привелъ Достоевскаго къ „поѣздкѣ въ Сибирь".

Онъ однако тутъ же относится отчасти и критически къ загадочному населенію упоминаемыхъ имъ угловъ. Онъ видитъ въ ихъ жизни „смѣсь чего-то чисто фантастическаго, горячо идеальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ тускло прозаичнаго и обыкновеннаго, чтобы не сказать: до невѣроятности пошлаго" **).

Объ этой-то порѣ въ своей жизни Достоевскій вспомнилъ съ большою подробностью по поводу тѣхъ новѣйшихъ политическихъ движеній, которыя воспроизвелъ онъ въ своемъ романѣ „Бѣсы". Воспоминанія эти сохранились въ началѣ и концѣ того „Дневника Писателя", который имъ велся въ „Гражданинѣ" за 1873 г. Тутъ эти воспоминанія связываются съ первымъ его вступленіемъ на литературное поприще. „Грустное, роковое для меня время", отзывается онъ тутъ о немъ, — отзывается, зна-

*) Въ актовой рѣчи о немъ проф. Булича (стр. 32).

**) Соч. т. II, стр. 504 — 505. (Первоначально повѣсть „Бѣлыя ночи" напечатана въ „Отечеств. Зап." 1848 г.).

читъ, совсѣмъ не такъ, какъ три года спустя отозвался *) о той же порѣ (въ „Дневникѣ“ 1876 г.). Такое противорѣчіе психологически опять вполнѣ объяснимо. Дѣло и тутъ только въ особой воспріимчивости и впечатлительности Ѳедора Михайловича. Свиданіе съ Некрасовымъ въ 1876 г. возобновило въ его памяти всю, такъ сказать, праздничную для него сторону перваго ихъ знакомства. Политическія движенія, которыхъ ст олкователемъ-лѣтописцемъ сталъ онъ въ 1873 г., напомнили ему о тѣхъ кружкахъ, въ которыхъ самъ онъ участвовалъ въ концѣ перваго періода своей жизни—участвовалъ въ силу вліяній, которымъ сталъ подвергаться съ самаго вступленія своего на литературное поприще. Вліянія эти связываются въ „Дневникѣ“ 1873 г. съ обаятельною личностью „великаго критика“, который постарался истолковать Достоевскому въ немъ же самомъ то, чего, по мнѣнію критика, самъ онъ не понималъ въ себѣ. Вліяніе, очевидно, было взаимное: романиста на критика и критика на романиста. Вліянію Достоевскаго на Бѣлинскаго, какъ мы видѣли, должно быть приписано то, что критикъ, наконецъ, разглядѣлъ въ М. А. Дѣвушкинѣ и его положительную сторону (впослѣдствіи опять отошедшую на второй планъ у Добролюбова въ его „Забитыхъ людяхъ“). Про вліяніе же на себя Бѣлинскаго вотъ что говоритъ Достоевскій въ „Дневникѣ“ 1873 г.: „въ первые дни знакомства привязавшись ко мнѣ всѣмъ сердцемъ, онъ тотчасъ же бросился, съ самою простодушною торопливостью, обращать меня въ свою вѣру... Я засталъ его страстнымъ соціалистомъ, и онъ прямо началъ со мной съ атеизма. Въ этомъ много для меня знаменательнаго,—именно удивительное чутье его и необыкновенная способность глубочайшимъ образомъ проникаться идеей. Интернаціоналка въ одномъ изъ своихъ воззваній... начала прямо съ знаменательнаго заявленія: „мы прежде всего общество атеистическое“, т. е. начала съ самой сути дѣла; тѣмъ же началъ и Бѣлинскій... Какъ соціалисту, ему слѣдовало прежде всего низложить христіанство; онъ зналъ, что революція непремѣнно должна начинать съ атеизма“. Тутъ однако же представлялось одно громадное затрудненіе: гуманная, нравственно-поэтическая природа Бѣлинскаго не могла не остановиться передъ личностью Христа. „Ученіе Христово, продолжаетъ Достоевскій, онъ, какъ соціалистъ, необходимо долженъ былъ разрушать, называть его ложнымъ и невѣжественнымъ человѣколюбіемъ, осужденнымъ современною наукой и экономическими началами; но всетаки оставался пресвѣтлый ликъ Богочеловѣка, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудотворная красота. Но въ

*) (См. выше стр. 58—59).

безпрерывномъ неугасимомъ восторгѣ своемъ Бѣлинскій не остановился даже и предъ этимъ неодолимымъ препятствіемъ, какъ остановился Ренанъ... „Да знаете-ли вы, взвизгивалъ онъ разъ вечеромъ, обращаясь ко мнѣ, знаете-ли вы, что нельзя насчитывать грѣхи человѣку и обременять его долгами и подставными ланитами, когда общество такъ подло устроено, что человѣку невозможно не дѣлать злодѣйствъ, когда онъ экономически приведенъ къ злодѣйству"... Вотъ тутъ-то, надо думать, Бѣлинскій когда нибудь и дошелъ до той бѣшеной выходки, о которой Ѳедоръ Михайловичъ съ такимъ неизгладимымъ негодованіемъ вспоминалъ въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ писемъ (отъ 18-го мая 1871 г. къ Н. Н. Страхову): „этотъ человѣкъ ругалъ мнѣ Х.....а между тѣмъ никогда онъ не былъ способенъ самъ себя и всѣхъ двигателей всего міра сопоставить съ Х....омъ для сравненія: онъ не могъ замѣтить того, сколько въ немъ и въ нихъ мелкаго самолюбія, злобы, нетерпѣнія, раздражительности, подлости, а главное самолюбія. Ругая Х....а, онъ не сказалъ себѣ никогда: чтожь мы поставимъ вмѣсто Него, неужели себя?—тогда какъ мы такъ гадки; нѣтъ, онъ никогда и не задумался надъ тѣмъ, что онъ самъ гадокъ. Онъ былъ доволенъ собой въ высшей степени"... О той же самой бѣшеной выходкѣ Бѣлинскаго говорилъ мнѣ Ѳ. М. года за три до своей смерти—говорилъ съ тѣмъ же неугасшимъ съ годами негодованіемъ — и этимъ объяснилось для меня до тѣхъ поръ казавшееся мнѣ страннымъ крайнее нерасположеніе его къ Бѣлинскому.

Сюда, надо думать, относятся приводимыя въ „Дневникѣ" 1873 г. слова Бѣлинскаго: „каждый-то разъ, когда я вотъ такъ помяну Христа, у него все лицо измѣняется, точно заплакать хочетъ... Да повѣрьте же, наивный вы человѣкъ, набросился онъ опять на меня (вспоминаетъ Достоевскій), повѣрьте же, что вашъ Христосъ, если бы родился въ наше время, былъ бы самымъ незамѣтнымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ; такъ и стушевался бы при нынѣшней наукѣ и при нынѣшнихъ двигателяхъ человѣчества".

А между тѣмъ измѣнившееся лицо этого „наивнаго человѣка", эта готовность его заплакать отъ такой обиды — сильно, должно быть, дѣйствовали на Бѣлинскаго. Не даромъ въ своемъ „Обзорѣ русской литературы" 1847 г. онъ такъ восторженно отзывался о нравственномъ вліяніи христіанства въ соціальномъ смыслѣ. Ясно, что бесѣды съ Достоевскимъ заставляли его подвергать пересмотру такъ страстно усвоенныя имъ антихристіанскія заключенія.

Но именно поэтому, вѣроятно, Достоевскому и пришлось въ заключеніе вспомнить: „въ послѣдній годъ его жизни я уже не ходилъ къ нему.

Онъ меня не взлюбилъ". Онъ не взлюбилъ человѣка, имѣвшаго на него такое совершенно особаго рода, такъ сказать, нелогическое вліяніе, тогда какъ самъ этотъ человѣкъ въ свою очередь сознается: „я страстно принялъ тогда все ученіе его". Вотъ поэтому-то, заговоривъ о первомъ знакомствѣ своемъ съ Бѣлинскимъ, Достоевскій и замѣтилъ: „грустное, роковое для меня время" *).

Вопреки столь ясному свидѣтельству самого Достоевскаго, у насъ было заявлено сомнѣніе въ томъ, чтобы онъ могъ быть посвященъ въ соціализмъ Бѣлинскимъ.

„Въ большой біографіи Бѣлинскаго, по мнѣнію г. Булича, мы не находимъ упоминанія объ отношеніяхъ его къ соціализму, съ которымъ онъ конечно былъ знакомъ, да и не могъ не быть знакомымъ, принадлежа къ числу образованнѣйшихъ людей Россіи" (?) **).

„Для Бѣлинскаго, продолжаетъ г. Буличъ, во всю его жизнь умственный прогрессъ, на которомъ лишь основываются и нравственные успѣхи общества, былъ всего дороже". Это, пожалуй, и такъ. И Достоевскій въ томъ же своемъ „Дневникѣ" вспоминаетъ о томъ, какъ Бѣлинскій любилъ смотрѣть на строившуюся тогда Николаевскую желѣзную дорогу и этимъ „отводить себѣ душу". Подобныя восторженныя отношенія къ капиталистическому предпріятію, конечно, мудрено бы было найти у истаго соціалиста. Но дѣло въ томъ, что у Бѣлинскаго одновременно сказывались различныя теченія мысли ***). И Достоевскій признаетъ, что онъ „выше всего цѣнилъ разумъ, науку и реализмъ". Но Ѳедоръ Михайловичъ признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Бѣлинскій сознавалъ, что „основа всему—начала нравственныя". Въ этомъ отношеніи онъ долгое время сходился съ Жоржъ Зандъ — „учительницей" Достоевскаго, какъ называетъ ее г. Буличъ, совершенно напрасно противополагающій Бѣлинскому слѣдующій отзывъ о ней Достоевскаго: „Она основывала свой соціализмъ, свои убѣжденія, надежды и идеалы на нравственномъ чувствѣ человѣка, на духовной жаждѣ человѣчества, на стремленіи его къ совершенству и къ чистотѣ, а не на муравьиной необходимости". Но Достоевскій имѣлъ основаніе утверждать, что въ глазахъ Бѣлинскаго Жоржъ Зандъ открывала собою рядъ тѣхъ французовъ, къ которымъ, по его воззрѣнію, „предназначалось примкнуть Христу".

*) Нельзя не пожалѣть о томъ, что особая статья Ѳ. М—ча „Мое знакомство съ Бѣлинскимъ" безслѣдно пропала. (О ней помнитъ Н. Н. Страховъ).

**) Рѣчь о Достоевскомъ (стр. 45).

***) Изъ сочиненій его—и не времени „Бородинской годовщины"—можно привести мѣста, отзывающіяся напримѣръ аристократизмомъ и буржуазностью.

Чѣмъ болѣе увлекался онъ самоновѣйшими изъ этихъ французовъ, все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе промѣнивавшими соціальный духъ на соціальную усовершенствованную механику, тѣмъ болѣе онъ охладѣвалъ къ Жоржъ Зандъ. Вотъ такимъ-то образомъ и дошло до того, что въ одномъ изъ его послѣднихъ писемъ оказываются слова, приводимыя г. Буличемъ: „посмотрите на Жоржъ Зандъ въ тѣхъ ея романахъ, *гдѣ рисуетъ она свой идеалъ общества:* читая ихъ, думаешь читать переписку Гоголя". Дѣло въ томъ, что она до конца основывала свой соціализмъ на нравственномъ чувствѣ человѣка, Бѣлинскій же все болѣе и болѣе увлекался тѣми строителями общества, которые думали обойтись безъ живой человѣческой души и которымъ не оказывалось уже никакой надобности даже и въ „примыкающемъ къ нимъ" Христѣ.

Если во времена Бѣлинскаго, какъ вспоминаетъ Достоевскій въ послѣдней главѣ „Дневника писателя" 1873 г., „понималось дѣло еще въ самомъ розовомъ и райско-нравственномъ свѣтѣ", то самъ Бѣлинскій уже въ 1846 г. „посвятилъ Достоевскаго во всю *правду* грядущаго обновленнаго міра и во всю *святость* будущаго коммунистическаго общества". Если Достоевскій тутъ же утверждаетъ, что онъ вмѣстѣ съ другими былъ „зараженъ идеями тогдашняго теоретическаго соціализма", потому что „политическаго соціализма тогда еще не существовало въ Европѣ"— то, по его же мнѣнію, дѣло могло однако-же обернуться и такъ, что изъ Петрашевцевъ вышли бы „Нечаевцы".

Не даромъ, начавъ съ того, что Нечаевцы вовсе „не одна только недоучившаяся, какъ утверждали у насъ, молодежь, не одни шелопаи или идіоты, онъ говоритъ: „я самъ старый нечаевецъ".—„Знаю, вы, безъ сомнѣнія, возразите мнѣ, что я вовсе не изъ Нечаевцевъ, а всего только изъ „Петрашевцевъ". Пусть изъ Петрашевцевъ,—(хотя, по моему, названіе это неправильное, ибо чрезмѣрно большее число... совершенно такихъ же какъ мы Петрашевцевъ, осталось совершенно нетронутымъ и необезпокоеннымъ. Правда, они никогда и не знали Петрашевскаго, но совсѣмъ не въ Петрашевскомъ было и дѣло во всей этой давнопрошедшей исторіи)".

Въ сороковыхъ годахъ образовалось нѣсколько отдѣльныхъ кружковъ. По свидѣтельству И. М. Дебу, одинъ изъ нихъ завелся въ Петербургскомъ университетѣ — въ видѣ противовѣса существовавшимъ въ немъ тогда корпораціямъ на дерптскій манеръ. Традиціонный кутежъ съ традиціонною обязательностью дуэлей показались, наконецъ, слишкомъ пошлыми нѣкоторымъ изъ нашей молодежи. Стали думать о чтеніяхъ, объ устройствѣ особой студенческой библіотеки. Между тѣмъ, увлекаясь лек-

ціями Порошина по предмету, который теперь бы назвали *соціологіей*, не особенно многочисленные, правда, студенты и вообще увлеклись экономическими вопросами. Мало по малу стали сами знакомиться съ Л. Штейномъ и Гакстгаузеномъ съ одной, Л. Бланомъ, Фурье и Прудономъ съ другой стороны. Къ кружку этому принадлежали (по словамъ участвовавшаго въ немъ г. Дебу) Ханыковъ и фонъ-Визинъ (сынъ декабриста, выѣхавшій изъ Петербурга на югъ въ 1847 г.). Затѣмъ стали заводиться кружки и помимо университета и составъ ихъ оказывался самымъ разнообразнымъ. Какимъ образомъ пріобрѣли они мало по малу характеръ политически-оппозиціонный, это объясняется словами А. П. Милюкова: „въ Россіи господствовалъ тяжелый застой, наука и печать все болѣе и болѣе стѣснялись и придавленная общественная жизнь ничѣмъ не проявляла своей дѣятельности. Изъ заграницы проникала контрабанднымъ путемъ масса либеральныхъ сочиненій“. Вотъ этотъ-то запретный плодъ и сталъ наконецъ служить главнымъ угощеніемъ въ научно-литературныхъ кружкахъ.

Зная о существованіи такихъ кружковъ, ими думалъ воспользоваться Петрашевскій, лицеистъ, окончившій затѣмъ курсъ въ университетѣ (въ 1841 г.) служившій въ департаментѣ внутреннихъ сношеній министерства Иностранныхъ дѣлъ, и не смотря на то—по какому-то удивительному въ то время снисхожденію къ его „чудачеству“ что-ли — носившій бороду и съ огромными полями шляпу. Ему желательно было, чтобы такихъ кружковъ заводилось какъ можно болѣе, чтобы ими съ разныхъ концовъ велась пропаганда — при чемъ не только не было нужно, но не было даже желательно, чтобы кружки эти знали другъ друга, а достаточно было за ними за всѣми слѣдить ему, Петрашевскому.

Воспоминанія, вынесенныя Ѳ. М. изъ „давно прошедшей исторіи“, помогли ему впослѣдствіи оцѣнить тѣ явленія, которыя выставлены имъ въ романѣ „Бѣсы“, а толкованіе смысла этого романа дало ему поводъ вернуться въ „Дневникѣ“ 1873 г. къ этой „давно прошедшей исторіи“. Въ біографическихъ данныхъ, занесенныхъ со словъ Ѳ. М. въ послѣдніе годы его жизни въ записную книжку А. Г. Достоевской, сказано прямо: „соціалисты произошли отъ Петрашевцевъ. Петрашевцы посѣяли много сѣмянъ“.

На то, какъ подготовляется почва для воспріятія этихъ сѣмянъ, Ѳ. М. указываетъ вопросомъ: „развѣ можетъ русскій юноша остаться индифферентнымъ къ вліянію предводителей европейской прогрессивной мысли... и особенно къ русской сторонѣ ихъ ученій?.. Эта русская сторона этихъ ученій существуетъ дѣйствительно. Состоитъ она въ тѣхъ выводахъ изъ

ученій этихъ, въ видѣ несокрушимѣйшихъ аксіомъ, которыя дѣлаются только въ Россіи *).

Эти *русскіе* выводы изъ европейскихъ ученій—выводы самые крайніе, выводы, приводящіе, наконецъ, къ „отрицанію Европы и ея культуры, чуждой во многомъ, слишкомъ во многомъ русской душѣ", какъ говоритъ Ѳ. М. въ „Дневникѣ писателя" 1876 г.

Въ новѣйшемъ европейскомъ ученіи—соціализмѣ—полнаго вниманія заслуживаетъ, по мнѣнію Л. Штейна, критика нынѣшней цивилизаціи. „Непремѣннымъ условіемъ какого либо развитія, какой либо свободы, говоритъ въ его изложеніи Фурье,—является богатство. Богатство должно быть добыто, оно является плодомъ труда. Но пусть только оглянутся на количество тѣхъ, которые наслаждаются богатствомъ, не зарабатывая его, на могучія силы, расточаемыя въ чистѣйшей праздности... Если мы примемъ за правильное, самою природою данное, отношеніе, что каждый можетъ производить лишь столько, сколько назначенъ онъ потреблять, то выходитъ, что ежели одна треть является исключительно потребительницею, то другой трети зато приходится отказывать въ удовлетвореніи своимъ наклонностямъ, даже своимъ потребностямъ, тогда какъ всѣ имѣютъ одинаковое право на это. Это противорѣчитъ идеѣ назначенія человѣка, это основная ошибка цивилизаціи" **). Но вѣдь эта нынѣшняя цивилизація—*европейская,* стали выводить у насъ нѣкоторые,—она коренится въ европейскомъ прошломъ, въ основныхъ началахъ европейской исторіи. У насъ, рѣшались продолжать иные,—не тѣ начала въ историческомъ прошломъ; тѣмъ менѣе цѣны имѣетъ для насъ эта цивилизація, тѣмъ болѣе имѣетъ цѣны то, что̀ на нее возстаетъ.

Такимъ образомъ въ исторіи нашего соціалистическаго движенія Достоевскій, какъ непосредственный участникъ его первой поры и какъ глубокій психологъ, усматриваетъ въ одно и то же время и беззавѣтное увлеченье Европой и затаенный отпоръ нашей русской натуры той же осиливающей насъ Европѣ. И въ этой-то двусторонности движенія и заключается, можетъ быть, разгадка того, что „оно, по словамъ Ѳ. М., продолжается до сихъ поръ и кажется вовсе не намѣрено останавливаться"... „У насъ русскихъ, поясняетъ Достоевскій въ томъ же „Дневникѣ" 1876 г., двѣ родины: наша Русь и Европа... Естественно, что могучія имена и вліятельныя идеи Европы переманили отъ насъ, изъ нашей вѣчно создающейся Россіи, слишкомъ много думъ, любви святой и благородной

*) „Дневникъ писателя" 1873 г. (Соч. т. X, стр. 152—156).

**) *L. Stein,* Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs. Leipz. 1848, p. 347—348 (2-e Ausg).

силы порыва, живой жизни и дорогихъ убѣжденій". И вотъ—вслѣдъ за столькими европейскими именами съ вліятельными идеями появляется вдругъ такое имя, какъ Луи Бланъ съ его негодующимъ кличемъ противъ такого европейскаго корифея, какъ Вольтеръ. („Non, Voltaire n'aimait pas assez le peuple", etc.) У Бѣлинскаго, по прочтеніи этого отзыва Луи Блана, невольно вырывается восклицаніе: „святители! да это Шевыревъ". Бѣлинскаго, при всемъ своемъ *соціализмѣ* остававшагося до конца слишкомъ ярымъ поклонникомъ европейской *культуры*, это, разумѣется, оттолкнуло. Другихъ — кого сознательно и явно, кого затаенно и ему самому неясно, могло только болѣе привлекать то, что въ Луи Бланѣ слышится „Шевыревъ", а въ Жоржъ Зандѣ—„Гоголь" *).

„У насъ, продолжаетъ Ѳ. М. свое толкованіе „давно прошедшаго", т. е. своей первой поры, не смотря ни на какихъ Магницкихъ и Липранди, еще съ прошлаго столѣтія всегда тотчасъ же становилось извѣстнымъ о всякомъ интеллектуальномъ движеніи въ Европѣ и тотчасъ же изъ высшихъ слоевъ нашей интеллекціи передавалось въ массѣ хотя чуть чуть интересующихся и мыслящихъ людей" **). Но Магницкіе и Липранди, издавна у насъ существовавшіе, не только не помѣшали Петрашевцамъ пріобрѣтать въ Петербургѣ всевозможныя запретныя сочиненія, но даже прямо удобряли почву для успѣха ихъ пропаганды ***). Такъ оно было всегда и вездѣ, такъ оно особенно было у насъ—частью по сравнительной неумѣлости (даже при полнотѣ усердія) нашихъ героевъ сыска, частію же потому, что у насъ исключительно полагались на нихъ, тогда какъ у насъ-то и слѣдовало посмотрѣть на дѣло поглубже, такъ какъ оно имѣло и имѣетъ у насъ, по мнѣнію Ѳ. М—ча, не одинъ, а *два корня.*

Какимъ образомъ Магницкіе и Липранди подготовляютъ почву для пропаганды, пользующейся, какъ вѣрнѣйшимъ средствомъ, „игрою на благородныхъ струнахъ человѣческой души", это Достоевскій наглядно намъ пояснилъ въ томъ же своемъ романѣ „Бѣсы" (въ психологическомъ смыслѣ автобіографическомъ и такъ странно у насъ непонятомъ). Игра эта въ его время не была только доведена до такой виртуозности. Впро-

*) Замѣчательно, что и въ наше время Л. Болье, возражая кн. Васильчикову усматривалъ совпаденіе „соціалистовъ" съ „славянофилами" въ „общемъ отвращеніи къ европейскому обществу". (См. мою статью о кн. Васильчиковѣ въ журн. „Мысль" 1882 г., ноябрь.

**) „Дневникъ Писателя" 1876 г. (Соч. т. XI, стр. 187—190).

***) По разсказу одного изъ нашихъ „фурьеристовъ", когда къ кому-то изъ нихъ при допросѣ обратились съ словами: „да откуда же получались у васъ запрещенныя книги?" тотъ отвѣчалъ: „отъ генерала Перовскаго" (предсѣдателя судной коммисіи—черезъ служившее у него лицо).

чемъ въ „Дневникѣ Писателя“ 1873 г. онъ писалъ, что „даже убійство à la Нечаевъ не остановило бы, пожалуй, нѣкоторыхъ изъ нихъ“ *).

„Тутъ было все, что̀ и въ послѣдующихъ заговорахъ, которые были только списками съ этого, разсказывалъ Ѳедоръ Михайловичъ, т. е. тайная типографія и литографія, хотя не было конечно посягательствъ“ (до нихъ не дошло, хотя въ слѣдственномъ дѣлѣ попадаются намеки на ихъ возможность) **). Они (Петрашевцы) точно также вѣрили, продолжалъ диктовать Ѳ. М., что народъ съ ними. Замѣчательно, что онъ прибавилъ: „и имѣли основаніе, такъ какъ народъ былъ крѣпостной“.

Слова эти, прежде всего, заключаютъ въ себѣ полнѣйшее осужденіе „Нечаевщины“—указаніемъ на то, что если бы дошло до нея въ то время, то это было бы все же понятнѣе, чѣмъ въ наши дни, послѣ 19-го февраля, когда „Нечаевщина“ является уже не государственнымъ преступленіемъ только, но и преступленіемъ противъ человѣчества.

Съ точки зрѣнія государственной „Петрашевцы“, конечно, представлялись опасными. „Государство только защищало себя, осудивъ насъ“, говорилъ Достоевскій. Когда же кто-то однажды сердобольно замѣтилъ ему (разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. Н. Майковъ): „какое однако несправедливое дѣло была эта ваша ссылка“. онъ даже съ раздраженіемъ возразилъ: „нѣтъ справедливое. Насъ

*) Это подтверждается слѣдующими словами доклада о дѣлѣ: „Момбелли, возъимѣвъ умыселъ составить тайное общество... сдѣлалъ предложеніе Львову, Петрашевскому и Спѣшневу... составить комитетъ изъ учредителей... упомянувъ въ видѣ угрозы *про смерть измѣннику* (Общ. Проп. 133—134). Такъ оно, конечно, и во всѣхъ тайныхъ обществахъ. Въ бумагахъ Спѣшнева найдена обязательная подписка: „Я нижеподписавшійся... поступаю въ русское общество и беру на себя слѣдующія обязанности: когда распорядительный комитетъ общества... рѣшитъ, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принять полное открытое участіе въ возстаніи и дракѣ... вооружившись огнестрѣльнымъ или холоднымъ оружіемъ... беру на себя обязанность увеличивать силы общества пріобрѣтеніемъ обществу новыхъ членовъ. Впрочемъ, согласно съ правилами русскаго общества, обязываюсь самъ лично болѣе пяти афильировать... обязываюсь съ каждаго, мною афильированнаго, взять письменное обязательство“ (Общ. Проп. 63—64). „Въ отношеніи этой подписки, сказано однако далѣе, — Спѣшневъ показалъ, что она была имъ составлена нѣсколько лѣтъ назадъ, во время пребыванія заграницею, когда онъ, занимаясь изученіемъ исторіи тайныхъ обществъ вообще, думалъ объ учрежденіи такого же въ Россіи, но впослѣдствіи начатую имъ исторію уничтожилъ, о подпискѣ же, заронившейся между бумагами, забылъ и никому ея не показывалъ. Чтобы подписка эта была составлена,—оговорено въ докладѣ,—для какого нибудь существовавшаго общества, по дѣлу не открыто; ни у одного изъ обвиненныхъ подобной подписки не найдено, и ни одинъ, ни собственнымъ сознаніемъ, ни опечатанными бумагами не уличенъ, чтобы зналъ о существованіи этого обязательства“. (Тамъ же, стр. 132).

**) Общ. Проп., стр. 124, 129, 151, 155, 155.

бы осудилъ народъ"*). Кстати вспомнить при этомъ и разсказъ Макензи Уоллеса, какъ въ одномъ обществѣ въ Петербургѣ кто-то сочувственно отзывался при немъ объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ, и этотъ кто-то, къ великому удивленію Уоллеса, оказался Достоевскимъ**). При нервной впечатлительности Достоевскаго это психологически вполнѣ совмѣстимо съ тѣмъ, что приведено нѣсколько выше. Припоминая, что они разсчитывали на народъ, онъ признавалъ, что въ этомъ разсчетѣ въ ту пору было своего рода основаніе, но окончательно онъ же призналъ, что народъ, въ сущности ожидавшій свободы отъ верховной власти и отъ нея же наконецъ ея и дождавшійся, увидѣлъ бы въ нихъ все же баръ, а потому и не могъ бы вполнѣ повѣрить чистотѣ ихъ стремленій.

Вспомнимъ, что говоритъ о тогдашнемъ движеніи въ молодежи А. П. Милюковъ. „Во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, не смотря на ихъ кастрированье, безпрестанно проходили возбудительныя рѣчи и статьи... Понятно, какъ все это дѣйствовало раздражительно на молодыхъ людей, которые съ одной стороны изъ проникающихъ изъ-за границы книгъ знакомились не только съ либеральными идеями, но и съ самыми крайними программами соціализма, а съ другой — видѣли у насъ преслѣдованіе всякой мало-мальски свободной мысли"... Тѣмъ не менѣе г. Милюковъ утверждаетъ, что въ томъ изъ тогдашнихъ свободно-мыслящихъ кружковъ, гдѣ онъ видалъ Достоевскаго, „не было никакихъ чисто революціонныхъ замысловъ". Прежде всего они (Дуровцы) въ своихъ бесѣдахъ не мало сѣтовали на строгость тогдашней цензуры. Это тѣмъ понятнѣе, что между ними были юные литераторы и вообще люди, пламенно сочувствующіе литературѣ. Достоевскій, какъ вспоминаетъ А. П. Милюковъ, являлся при этомъ и адвокатомъ нашей старой литературы. Когда кто-то заявилъ, что видитъ въ Державинѣ только напыщеннаго оратора и низкопоклоннаго панегириста, Ѳ. М. „вскочилъ, какъ ужаленный" и въ опроверженіе прочелъ на память оду „Властителямъ и судіямъ" съ такою силою, что всѣхъ увлекъ... и поднялъ въ общемъ мнѣніи пѣвца Фелицы. Въ другой разъ, сравнивая Пушкина съ В. Гюго, онъ доказывалъ, что нашъ поэтъ, какъ художникъ, выше. „Но особенно занимали ихъ, конечно, политическіе вопросы—прежде всего вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. При этомъ замѣчательно, что, по словамъ А. П. Милюкова, Достоевскій прямо говорилъ, что „народъ

*) „Въ память Ѳ. М. Достоевскаго". (Торжественное собраніе Славянскаго общества 14 февраля 1881 г.). Спб. 1881 г., стр. 14.

**) Передано газетами вскорѣ послѣ смерти Ѳ. М. (за различныя вырѣзки изъ тогдашнихъ газетъ приношу мою благодарность студенту-филологу г. Кюну).

нашъ не пойдетъ по стопамъ европейскихъ революціонеровъ... Я помню, прибавляетъ г. Милюковъ, какъ съ обычной своей энергіей онъ читалъ стихотвореніе Пушкина: „Уединеніе". Какъ теперь слышу восторженный голосъ, съ какимъ онъ прочелъ заключительный куплетъ:

Увижу-ль, о друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію Царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли наконецъ прекрасная заря?

„Когда при этомъ кто-то выразилъ сомнѣніе въ возможности освобожденія крестьянъ легальнымъ путемъ, Ѳ. М. рѣзко выразилъ, что ни въ какой иной путь онъ не вѣритъ". Тѣмъ не менѣе А. И. Пальму помнится, что когда однажды споръ сошелъ на вопросъ: „ну, а если бы освободить крестьянъ оказалось невозможнымъ иначе, какъ чрезъ возстаніе?", то Достоевскій съ своею обычною впечатлительностью воскликнулъ: „такъ хотя бы чрезъ возстаніе!" Вообще въ кружкѣ Дурова были, повидимому, самые пылкіе люди, и эта пылкость доводила ихъ до неосторожности, которую вовсе не одобрялъ Петрашевскій. Одинъ изъ членовъ другаго кружка, который можно назвать по преимуществу кружкомъ „фурьеристовъ" (въ немъ выдавался Ханыковъ) говоритъ, что Петрашевскій остался даже очень недоволенъ рѣшимостью Дуровцевъ обзавестись чѣмъ-то въ родѣ тайной литографіи для печатанія и распространенія рѣчей и статей — съ точки зрѣнія тогдашней цензуры совсѣмъ не невиннаго свойства. — Впрочемъ и въ кружкѣ „фурьеристовъ", отличавшемся большою сдержанностью, случайно завелась мысль о *тайномъ обществѣ*—собственно ради того, чтобы испугать этимъ нѣкоторыхъ неподходящихъ членовъ кружка и такимъ образомъ избавиться отъ лишняго элемента (по достиженіи же этой цѣли — форма тайнаго общества становилась уже вовсе ненужною, по замѣчанію того же лица). Въ романѣ своемъ „Алексѣй Слободинъ" г. Пальмъ, какъ онъ мнѣ говорилъ, въ лицѣ самого Слободина воспроизвелъ нѣкоторыя черты молодой поры Ѳ. М. Достоевскаго. Тутъ во время одного изъ обычныхъ споровъ въ описываемомъ въ романѣ кружкѣ „одни грудью стояли за гласное судопроизводство, другіе видѣли все спасеніе въ свободѣ печатнаго слова, третьи провозглашали выборное начало и т. д... Слободинъ тихо и медленно сказалъ: „освобожденіе крестьянъ несомнѣнно будетъ первымъ шагомъ въ нашей великой будущности". Эти слова, сказанныя спокойнымъ тономъ давно уже воспринятаго и отстоявшагося убѣжденія, сильно подѣйствовали на разгоряченныхъ спорщиковъ, примирили всѣ мнѣнія" *). Въ томъ же романѣ выставленъ другой

*) „Вѣстн. Европы" 1873 г., февраль, стр. 543.

споръ по поводу политическаго переворота во Франціи, причемъ Слободинъ замѣчаетъ: „политическіе вопросы меня слишкомъ мало занимаютъ... мнѣ по-истинѣ все равно, кто у нихъ будетъ—Луи Филиппъ или какой нибудь Бурбонъ, или даже хоть и республика... Кому отъ этого будетъ легче? Народъ выиграетъ нѣсколько громкихъ фразъ, причтетъ нѣсколько новыхъ именъ къ своему мартирологу и пойдетъ на ту же самую работу, прибыльную только для одного буржуа, — а стало быть и жизнь ни на волосъ не будетъ лучше... Я не вѣрю въ полезность игры въ старыя политическія формы“ *)... Это, впрочемъ, соотвѣтствуетъ ученію Фурье. И. Л. Ястржембскій, по крайней мѣрѣ, говоритъ: „я, какъ убѣжденный послѣдователь Фурье, политикой въ собственномъ смыслѣ не интересовался вовсе и въ особенности къ формѣ правленія былъ совершенно равнодушенъ. Замѣчательно, наконецъ, что въ „Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ“, изданномъ Петрашевскимъ подъ именемъ Кириллова, (въ которомъ, однако, мало писано самимъ Петрашевскимъ, а всего болѣе статей покойнаго Вал. Майкава **)) словарѣ, изъятомъ изъ продажи, вотъ какимъ образомъ характеризуется *конституція:* „этотъ образъ правленія въ западныхъ государствахъ, былъ слѣдствіемъ сильнаго развитія сословій... Защитники его доказываютъ, что онъ основанъ на правѣ каждаго члена общества участвовать въ управленіи того цѣлаго, котораго онъ часть, но на практикѣ это начало неосуществимо въ большихъ государствахъ. Вездѣ необходимость заставляетъ ограничить число лицъ, имѣющихъ право выбрать депутата отъ провинціи или отъ сословія. А такъ какъ единственная мѣра, которою вездѣ руководствуются, состоитъ въ количествѣ имущества гражданина, то на практикѣ до сихъ поръ это хваленое правленіе есть не что иное, какъ аристократія богатства... Защитники конституціи забываютъ, что человѣческій характеръ заключается не въ *собственности,* а въ *личности,* и что, признавъ политическую власть богатыхъ надъ бѣдными, они защищаютъ самую сильную деспотію. 200,000 богатыхъ, управляющихъ 33-мя милліонами бѣдныхъ и нищихъ, тоже самое, что каста аѳинскихъ или римскихъ гражданъ, которые утопали въ нѣгѣ и роскоши, попирая личность милліоновъ людей, оффиціально называвшихся вещами“ ***).

Что касается взглядовъ Слободина, то они вполнѣ соотвѣтствуютъ

*) Ibidem, 531.

**) По свидѣтельству ближайшихъ родственниковъ рано умершаго даровитаго критика.

***) Словарь Кириллова стр. 133 — 134 (Слово *конституція*). Въ запискѣ Липранди, разумѣется, нѣтъ такихъ выписокъ.

тому, что припоминаетъ о Достоевскомъ А. П. Милюковъ: „Онъ всегда высказывался противъ мѣропріятій, способныхъ стѣснить чѣмъ нибудь народъ, и въ особенности смущали его злоупотребленія, отъ которыхъ страдали низшіе классы и учащаяся молодежь". Видно, Ѳедоръ Михайловичъ подозрѣвалъ такую опасность для народа не въ однихъ только оффиціальныхъ сферахъ. Съ другой стороны, говорятъ, онъ былъ готовъ и на непосредственное сближеніе съ недовольными изъ народа. Слободинъ въ романѣ г. Пальма заводитъ сношенія съ раскольниками. По словамъ одного петрашевца, который не бывалъ въ кружкѣ Дурова, но зналъ, что въ немъ дѣлалось (потому что многое сообщалъ о томъ „фурьеристамъ" слѣдившій за всѣми кружками Петрашевскій), Ѳ. М. дѣйствительно думалъ о сближеніи съ раскольниками. Нѣкоторые изъ Петрашевцевъ, какъ видно по слѣдственному дѣлу, разсчитывали на возстаніе крѣпостныхъ людей. Относительно Достоевскаго однако же изъ доклада о дѣлѣ видно, что онъ, „сознаваясь въ участіи въ разговорахъ о возможности нѣкоторыхъ перемѣнъ и улучшеній, отозвался, что предполагалъ ожидать этого отъ правительства". Какихъ именно перемѣнъ онъ хотѣлъ, тутъ не сказано, а что дѣло главнымъ образомъ сводилось на освобожденіе крестьянъ видно изъ отзыва о другомъ лицѣ — Головинскомъ, который „хотя разъ сгоряча сказалъ, что для этого всѣ мѣры хороши, вообще же говорилъ объ освобожденіи крестьянъ въ томъ смыслѣ, что это можетъ сдѣлать правительство въ силу самодержавнаго права" *).

Собственно говоря, Головинскій „указывалъ на необходимость для освобожденія крестьянъ диктатуры, долженствующей предшествовать измѣненію образа правленія, а затѣмъ пояснилъ, что подъ диктатурой разумѣлъ самодержавіе", на что генералъ-аудиторіатъ въ своемъ докладѣ замѣтилъ,

*) Общество пропаганды въ 1849 г. Лейпцигъ, 1875 г., стр, 145 и 146. Про Достоевскаго въ другомъ мѣстѣ слѣдственнаго дѣла сказано, что въ преніяхъ объ освобожденіи крестьянъ онъ соглашался съ мнѣніемъ Головинскаго (стр. 60). Про Головинскаго опять въ другомъ мѣстѣ мы узнаемъ, что 1-го апрѣля „онъ возражалъ на рѣчь Петрашевскаго въ самыхъ зловредныхъ выраженіяхъ... разбирая три главные вопроса: освобожденіе крестьянъ, свободу книгопечатанія и преобразованіе судопроизводства... 15 апрѣля... принималъ сторону Петрашевскаго въ главныхъ трехъ вопросахъ... говорилъ, что болѣе прочихъ противенъ освобожденію крестьянъ гр. Панинъ, сказалъ, что въ слѣдующія двѣ пятницы предполагаетъ сказать о законной возможности крестьянъ требовать освобожденія". (Общ. Проп., стр. 48—49). Освобожденіе крестьянъ стояло также на первомъ планѣ у Спѣшнева и Европеуса. Они доказали это и своею дѣятельностью въ интересахъ крестьянъ послѣ 19-го февраля — какъ усерднѣйшіе исполнители великой реформы покойнаго государя. Замѣчательно, что когда зашла рѣчь о назначеніи мировымъ посредникомъ Н. С. Кашкина и остановились было передъ тѣмъ, что онъ когда-то былъ петрашевцемъ, то Высочайшая воля перешагнула черезъ это препятствіе.

что „понятія о диктатурѣ и самодержавіи совершенно противоположны" *). Между тѣмъ, съ точки зрѣнія, проводимой въ запискѣ о Петрашевцахъ И. П. Липранди, и надежды на освобожденіе крестьянъ чрезъ подлинное самодержавіе должны были представляться преступленіемъ. Разбирая нѣкоторыя рукописи Петрашевцевъ, Липранди, между прочимъ, приводитъ изъ нихъ слѣдующее: „причина неравенства людей есть феодальное и крѣпостное владѣніе... то и другое не имѣетъ нравственной необходимости и было слѣдствіемъ случайныхъ обстоятельствъ". Затѣмъ Липранди прямо возражаетъ, что „это..... существуетъ у насъ и имѣетъ законную силу" **). Понятно, что при такомъ отношеніи къ дѣлу (а оно вѣроятно сказывалось и не у одного Липранди), при его изложеніи въ докладѣ не могли быть вполнѣ выдѣлены тѣ изъ подсудимыхъ, которые въ своихъ освободительныхъ замыслахъ прежде всего обращались къ самой же верховной власти. Нѣкоторые изъ слѣдователей и судей могли руководиться въ своей строгости тѣмъ дворянскимъ чувствомъ, для котораго въ крестьянскомъ вопросѣ нежелательна была именно полнота и безусловность самодержавія.

Между тѣмъ въ самомъ Петрашевскомъ могли бы они наоборотъ разглядѣть и кое-какія черты, способныя подкупить дворянское чувство (на это, можетъ быть, и разсчитывалъ вообще Петрашевскій). Петрашевскимъ составлена была въ 1848 г. литографированная записка, розданная на выборахъ многимъ дворянамъ, записка, которой, конечно, нельзя было оффиціально не признать за вредную за заключавшійся въ ней разсчетъ какъ бы то ни было возбудить дворянъ. Но та же записка представлялась въ высшей степени несочувствованною и многимъ изъ самихъ Петрашевцевъ — тѣмъ, которые являлись прямыми и цѣльными, неспособными къ тому, что теперь называютъ *оппортунизмомъ*. Въ приложенномъ къ слѣдственному дѣлу письмѣ Кайданова изъ Ростова прямо объ этой запискѣ сказано: „я не могу сочувствовать его проекту, какъ и всему тому, что ведетъ къ меркантильному феодализму и финансовой аристократіи; да и къ тому же я не помѣщикъ, меня нисколько не интересуетъ возвышеніе цѣнности населенныхъ имѣній (о чемъ и трактовалось въ запискѣ); пусть цѣны на имѣнія падаютъ ниже и ниже и даютъ государству возможность пріобрѣтать эти имѣнія отъ помѣщиковъ" ***). По свидѣтельству И. М. Дебу, одинъ изъ главныхъ участниковъ того кружка, къ которому онъ принадлежалъ, Ханыковъ, узнавъ о запискѣ Петрашевскаго, прямо

*) Ibidem, стр. 164.

**) Ibidem, стр. 31 и 32.

***) Ibidem, 83.

воскликнулъ: „да это измѣна!“ Петрашевскій старался имъ объяснить, въ чемъ дѣло. Онъ разсчитывалъ, заинтересовавъ дворянъ, добиться того, чтобы право на пріобрѣтеніе населенныхъ имѣній получили и лица другихъ сословій, что, по его мнѣнію, могло облегчить рѣшеніе крестьянскаго вопроса. Объясненія Петрашевскаго однако же мало удовлетворили „фурьеристовъ“ *).

Но замѣчально и то, что писалъ Петрашевскій по поводу слуховъ у насъ о настроеніи крестьянъ въ Галиціи.

Это возъимѣло, какъ сообщилъ онъ въ письмѣ, найденномъ въ бумагахъ Кузьмина, „свое вліяніе на возобновленіе общаго вниманія къ эманципаціи крестьянъ“. Казалось бы, если такъ, что надо было только желать, чтобы это вниманіе не остыло по старымъ примѣрамъ и къ эманципаціи непосредственно приступила самодержавная власть, не позволяя болѣе себя сдерживать рабовладѣльческой кастѣ. Но это значило бы для агитаторовъ выпустить дѣло изъ своихъ рукъ, дать ему сдѣлаться такъ, какъ то чаялось издавна народомъ. Какъ бы то ни было, Петрашевскій считаетъ нужнымъ замѣтить, что „вопросъ этотъ (эманципація) не можетъ быть разрѣшенъ безъ предварительнаго преобразованія судоустройства и судопроизводства“ **). У болѣе раннихъ заговорщиковъ тоже предполагалось нѣчто *предварительное* — совершенное измѣненіе государственнаго строя. Не даромъ со словъ Достоевскаго было записано: „идея декабристовъ была ограничить самодержавіе: стать лордами. Они, признаетъ онъ, хотѣли освободить крестьянъ, но безъ земли“. И оно, конечно, и вышло бы такъ, еслибы было ими достигнуто ихъ *предварительное* ***). Замѣчательно, что своего рода „предварительное“ оказы-

*) Странно, что г. Ястржембскій, напротивъ, слышалъ, будто Петрашевскій вмѣстѣ съ полковникомъ Дуровскимъ (помѣщикомъ петербургской губ.) внесъ въ дворянское собраніе проектъ освобожденія крестьянъ, что крайне раздражило министра Перовскаго. Дѣло, вѣроятно, было передано г. Ястржембскому неточно и тутъ разумѣется не какая другая записка, какъ таже о возвышеніи цѣнности Дворянскихъ имѣній (мы видѣли какъ ее объяснялъ Петрашевскій). Оффиціальныя же лица могли быть раздражены всякою запискою неоффиціальнаго происхожденія.

**) Ibidem, стр. 104. Напротивъ того, Ахшарумовъ говорилъ, что вопросы о судопроизводствѣ и объ освобожденіи крестьянъ должны разрѣшиться въ одинъ и тотъ же день. (Общ. Проп., стр. 55). Впрочемъ, по увѣренію одного изъ близкихъ къ Петрашевскому лицъ, и Петрашевскій высказывался въ такомъ смыслѣ.

***) Были между ними однако немногіе, глядѣвшіе дальше—наприм. Рылѣевъ (существуетъ слухъ, будто и Пестель думалъ о земельномъ надѣлѣ). Но всѣ они начинали съ *конституціи*, а при ней, разумѣется, меньшинство, согласившееся на надѣлъ, должно бы было спасовать передъ большинствомъ. Мы видѣли какъ характеризуется конституція въ „Словарѣ“ Петрашевскаго (главнымъ работникомъ котораго былъ однакоже не онъ самъ).

вается и у противника декабристовъ, Карамзина: у него оно заключалось въ народномъ образованіи на основаніи Жанъ-Жаковскаго: „надо сперва освободить души, а потомъ тѣла“. Такимъ образомъ, люди различныхъ направленій сходились у насъ въ признаваніи необходимости *предварительнаго.* Но о немъ совершенно не думали „Дуровцы“, къ которымъ принадлежалъ и Достоевскій, не думали и послѣдовательные изъ „фурьеристовъ“, какъ не думалъ въ XVIII в. Радищевъ (потому-то наша барско-бюрократическая оппозиція и отомстила ему, давно уже покойнику, оффиціальнымъ сожженіемъ его сочиненій уже послѣ освобожденія крестьянъ). Касаюсь всего этого, считая необходимымъ выдѣлить положеніе Достоевскаго и многихъ между Петрашевцами относительно того, кто далъ прозванье всему дѣлу — самого Петрашевскаго. Ѳ. М-чъ имѣлъ основаніе говорить, что изданная въ Лейпцигѣ книжка о пропагандѣ „вѣрна, но не полна. Я, пояснялъ онъ, не вижу въ ней моей роли“... „Многія обстоятельства, прибавляетъ онъ, — совершенно ускользнули; цѣлый заговоръ пропалъ“. Въ самомъ дѣлѣ, если въ запискѣ Липранди говорится, что „тутъ былъ не столько мелкій и отдѣльный заговоръ, сколько всеобъемлющій планъ общаго движенія, переворота и разрушенія“, то изъ самаго дѣла выходитъ, что собственно и заговора не оказалось, „по разномыслію соучастниковъ“. Петрашевскій руководилъ ими, но самъ онъ былъ для многихъ изъ нихъ довольно антипатичнымъ. По свидѣтельству И. М. Дебу, къ нему не то съ соревнованіемъ, а не то и съ ревностью относился Спѣшневъ, у котораго собирался особый кружокъ. А къ Спѣшневу съ своей стороны точно также относился Петрашевскій. Въ памяти самого Ѳ. М. очевидно сохранилось, что *въ замыслѣ* заговоръ существовалъ — т. е. существовалъ въ будущемъ. Онъ, повидимому, вытекалъ изъ общаго недовольства, которое оставалось главной связью между членами „общества пропаганды“, какъ оно вѣрно и озаглавлено въ лейпцигской книжкѣ. Имѣлось въ виду пропагандировать недовольство существующимъ порядкомъ вездѣ, начиная съ учебныхъ заведеній; завязывать связи со всѣмъ, въ чемъ было уже недовольство — съ раскольниками и крѣпостными крестьянами. И. М. Дебу говоритъ, что для пропаганды наиболѣе подходящей представлялась членамъ различныхъ кружковъ страстная натура Достоевскаго, производившая на слушателей ошеломляющее дѣйствіе. „Какъ теперь, говоритъ онъ, вижу я передъ собою Ѳедора Михайловича на одномъ изъ вечеровъ у Петрашевскаго, вижу и слышу его разсказывающимъ о томъ, какъ былъ прогнанъ сквозь строй фельдфебель финляндскаго полка, отмстившій ротному командиру за варварское обращеніе съ его товарищами, или же о томъ, какъ поступаютъ

помѣщики со своими крѣпостными. Не менѣе живо помню его, разсказывающаго свою „Неточку Незванову“ гораздо полнѣе, чѣмъ была она напечатана; помню, съ какимъ живымъ человѣческимъ чувствомъ относился онъ и тогда къ тому общественному „проценту“, олицетвореніемъ котораго явилась у него впослѣдствіи Сонечка Мармеладова (не безъ вліянія, конечно, ученія Фурье). Понятно, говоритъ онъ, что Достоевскимъ особенно дорожили и „фурьеристы“, желая его видѣть въ числѣ своихъ. Разсчитывать на то, чтобы его перетянуть къ себѣ, казалось возможнымъ по особой его впечатлительности и неустановленности.

По свидѣтельству покойнаго Спѣшнева (записано съ его словъ А. Г. Достоевской) на Ѳ. М—ча Петрашевскій производилъ отталкивающее впечатлѣніе тѣмъ, что былъ безбожникъ и глумился надъ вѣрой. Ѳ. М., по словамъ Спѣшнева, бывалъ у Петрашевскаго довольно рѣдко. Самъ Петрашевскій, какъ видѣли мы, не брезгалъ какъ будто даже возбужденіемъ „меркантильныхъ и феодальныхъ инстинктовъ“, нѣкоторые изъ пропагандистовъ готовы были, ради усиленія недовольства, распространять пауперизмъ *), а во время слѣдствія и суда дѣлали на своихъ же извѣты, для того, вѣроятно, чтобы выставленіемъ дѣла въ преувеличенномъ видѣ болѣе напугать правительство, другіе же были гораздо болѣе разборчивы нравственно, что касается какъ союзниковъ такъ и средствъ, и Достоевскій несомнѣнно принадлежалъ къ нимъ. Мы уже видѣли, что у многихъ была даже своего рода антипатія къ самому Петрашевскому. „Онъ показался мнѣ, вспоминаетъ А. П. Милюковъ, не очень симпатичнымъ, по рѣзкой парадоксальности его взглядовъ и холодности ко всему русскому. (Послѣднее, надо замѣтить, положительно отрицаетъ И. М. Дебу). Кружокъ Дурова, говоритъ А. П. Милюковъ, состоялъ изъ людей, посѣщавшихъ Петрашевскаго, но не вполнѣ согласныхъ съ его мнѣніями... „Всѣ мы читали соціалистовъ, продолжаетъ А. П. Милюковъ, но далеко не вѣрили въ возможность практическаго осуществленія ихъ плановъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Ѳ. М. Достоевскій. Онъ читалъ соціальныхъ писателей, но относился къ нимъ критически... (По свидѣтельству г. Дебу, Достоевскій самъ ихъ не изучалъ, но познакомился съ ними черезъ Ханыкова. Про самого г. Дебу въ докладѣ сказано, что онъ собирался быть переводчикомъ Фурье; по его же словамъ, о настоящемъ переводѣ нельзя было и думать, такъ какъ Фурье слишкомъ труденъ для читающей публики) **).

Достоевскій настаивалъ на томъ, что и всѣ эти теоріи не имѣютъ

*) Если вѣрить запискѣ Липранди. (Общ. Проп., стр. 24).

**) Общ. Проп., стр. 141.

для насъ никакого значенія, что въ общинѣ, въ артели и круговой порукѣ давно уже существуютъ основы, болѣе прочныя и нормальныя, чѣмъ всѣ мечтанія Сенъ-Симона и его школы. Онъ говорилъ, что жизнь въ Икарійской коммунѣ или фаланстерѣ представляется ему ужаснѣе и противнѣе всякой каторги". (По словамъ И. М. Дебу и у „фурьеристовъ" обращено было вниманіе на русскую общину, съ которою познакомилъ ихъ, какъ и многихъ другихъ у насъ, Гакстгаузенъ. Относительно же фаланстеры, говоритъ онъ, взглядъ Ѳ. М—ча былъ практичнѣе, чѣмъ ихъ собственный) *).

По разсказу А. П. Милюкова, на одномъ изъ вечеровъ у Дурова онъ прочелъ свой переводъ на церковно славянскомъ языкѣ одной главы изъ „Paroles d'un croyant" Ламеннэ, про который Достоевскій сказалъ, что суровая библейская рѣчь этого сочиненія вышла въ переводѣ на нашъ древній литературный языкѣ выразительнѣе чѣмъ въ оригиналѣ. Названное сочиненіе Ламеннэ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ тому направленію, къ которому можно примѣнить терминъ, впослѣдствіи употреблявшійся Достоевскимъ въ примѣненіи къ его собственному направленію: „христіанскій соціализмъ". Между безусловными соціалистами той поры, по воспоминаніямъ самого Ѳ. М., занесеннымъ въ книжку женою, самымъ ярымъ былъ Н. Я. Данилевскій **). Впослѣдствіи онъ отказался отъ идей Фурье и сталъ вполнѣ славянофиломъ. Между тѣмъ, г. Данилевскаго вовсе не оказывается въ слѣдственномъ дѣлѣ. Въ самомъ же Ѳ. М., какъ выходитъ по свидѣтельству г. Милюкова, въ то время уже сказывались зачатки славянофильства. Но дальнѣйшее развитіе этихъ зачатковъ и ихъ окончательное торжество надъ прививными теоріями, по свидѣтельству самого Достоевскаго въ „Дневникѣ Писателя" 1873 г., произошло „не такъ скоро, а постепенно и послѣ долгаго времени.... „А между тѣмъ я былъ, говоритъ онъ, однимъ изъ тѣхъ, которымъ наиболѣе облегченъ былъ возвратъ къ народному корню, къ узнанію русской души, къ признанію духа народнаго. Я происходилъ изъ семейства русскаго и благочестиваго... Мы, въ семействѣ нашемъ, знали евангеліе чуть не съ перваго дѣтства. Мнѣ было всего лишь десять лѣтъ, когда я уже зналъ почти всѣ главные эпизоды русской исторіи изъ Карамзина, котораго вслухъ по вечерамъ

*) Впрочемъ, и вообще наши фурьеристы далеко не слѣпо слѣдовали своему учителю. Такъ Кайдановъ писалъ: „ты знаешь, что я, будучи совершенно убѣжденъ въ истинѣ и исполнимости ученія Фурье, вовсе не считаю себя обязаннымъ слѣпо вѣрить à toutes les extravagances de notre maître". (Общ. проп. 82).

**) По словамъ И. М. Дебу, онъ вмѣстѣ съ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ писателей случайно пріобрѣли Фурье на Апраксиномъ дворѣ, стали читать, и г. Данилевскій окончательно имъ увлекся.

читалъ намъ отецъ. Каждый разъ посѣщеніе кремля и соборовъ московскихъ было для меня чѣмъ-то торжественнымъ. У другихъ, можетъ быть, не было такого рода воспоминаній, какъ у меня" *).

Всѣ эти задатки въ направленіи Достоевскаго ни мало не видны изъ слѣдственнаго дѣла, въ которомъ, однако, отмѣчено, что въ бумагахъ другаго лица, А. И. Пальма, „какъ увѣдомилъ князь Голицынъ, видна сильная любовь къ Россіи" **). Нѣкоторые изъ Петрашевцевъ даже очень враждебно относились къ славянофиламъ. Толь говорилъ: „общество ихъ основано на глупѣйшихъ началахъ, потому что отвергаетъ заслуги Петра В... Общество это стремится къ соединенію всѣхъ славянскихъ племенъ вмѣстѣ, къ составленію отдѣльнаго совершенно не общеевропейскаго, но особеннаго славянскаго элемента. Правительство же преслѣдуетъ это общество за то, что оно въ этомъ смыслѣ не ортодоксально, что думаетъ завести правленіе въ родѣ древне-новгородскаго съ вѣчемъ и посадниками". (Общ. проп., стр. 44—45) ***). Изъ приложеннаго же къ дѣлу письма А. Н. Плещеева изъ Москвы видно, что ему было вовсе не по душѣ то стремленіе къ народному русскому, которое окрещено у насъ славянофильствомъ. Про Хомякова онъ тутъ говоритъ, что это „человѣкъ безъ серьезныхъ убѣжденій, умѣющій заставить себя слушать"; про К. С. Аксакова, что онъ „фанатикъ, ходитъ съ бородою по колѣно, какъ царь Берендей; носитъ зипунъ, штаны въ сапоги и ходитъ въ церковь едва-ли не каждый день; считаетъ все грѣхомъ, и театры и литературу (!!)" ***). Быть можетъ, именно зная кое-какіе задатки славянофильства у Достоевскаго, г. Плещеевъ и поспѣшилъ ему выслать изъ Москвы знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, считавшееся побѣдоноснымъ манифестомъ западничества. Но Достоевскій, такъ же мало какъ и истые славянофилы довольный очень многимъ въ „Перепискѣ" Гоголя, и вполнѣ недовольный вмѣстѣ съ ними его крѣпостническими воззрѣніями, съ полнымъ сочувствіемъ читалъ у Петрашевскаго письмо Бѣлинскаго, что и послужило однимъ изъ капитальныхъ пунктовъ его обвиненія (письмо Бѣлинскаго названо въ дѣлѣ „полнымъ дерзкихъ выраженій противъ православной церкви и верховной власти"). При чтеніи присутствовалъ И. Л.

*) Соч. X, 158.

**) „Общество пропаганды", стр. 148.

***) Другой Толь, обозначенный въ докладѣ 2-мъ, былъ значительно иного мнѣнія, если судить по тому, что сочувствовалъ обращенію остзейскихъ крестьянъ въ православіе, а равно и болѣе энергическому образу дѣйствій правительства относительно остзейскихъ Нѣмцевъ (конечно, то и другое съ соціальной точки зрѣнія). (Общ. Проп., стр. 46—47).

****) Ibidem 78.

Ястржембскій, въ первый разъ тогда слышавшій Достоевскаго. Онъ живо помнитъ, до какой степени былъ онъ пораженъ симпатичнымъ голосомъ Ѳ. М. „Читать онъ былъ мастеръ", замѣчаетъ г. Ястржембскій. Впослѣдствіи, говоритъ онъ, „это чтеніе послужило поводомъ къ осужденію какъ Достоевскаго, такъ и меня, за то, что я выражалъ одобреніе и сочувствіе мыслямъ письма и даже *кивалъ головою*".

Самъ Ѳ. М. въ томъ, что удалось записать съ его словъ, указывалъ еще и другой обвинительный пунктъ, слѣдъ котораго совершенно не существуетъ въ томъ, что̀ напечатано изъ слѣдственнаго дѣла. „Я, говоритъ онъ, между прочимъ, пострадалъ за свои слова о томъ, что Россія служитъ политикѣ Меттерниха". Слова эти находились опять въ несомнѣнной связи съ славянофильскими задатками Достоевскаго. **)

Если изъ дѣла совсѣмъ не видно, что упоминаемыя въ немъ разногласія между Петрашевцами сводились отчасти къ двумъ тогда уже начинавшимъ обозначаться зачаткамъ типовъ — западническаго и самобытническаго или славянофильскаго, то въ отношеніи религіозныхъ воззрѣній всѣ вообще Петрашевцы выставлены тутъ согласными—т. е. вовсе не религіозными или даже антирелигіозными. Даже составленный Филипповымъ перифразъ заповѣдей обозванъ тутъ совершенно атеистическимъ, тогда какъ въ немъ можно видѣть только непозволительное, конечно, перенесеніе религіи на политическую почву, но никакъ не что либо исполненное невѣрія *). На самомъ дѣлѣ вполнѣ отъявленнымъ атеистомъ былъ Петрашевскій, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ словъ Спѣшнева. Самъ Спѣшневъ, какъ припоминалъ мнѣ на словахъ г. Момбелли, читалъ у Петрашевскаго трактатъ объ атеизмѣ. Если судить по слѣдственному дѣлу, то на религію по фейербаховски смотрѣли Толь, Ахшарумовъ и др. Но нѣкоторые изъ Петрашевцевъ несомнѣнно были религіозны. Такъ Ѳедоръ Михайловичъ говорилъ про Дурова, что онъ даже былъ „до смѣшнаго религіозенъ". Самъ Ѳ. М., какъ мы уже знаемъ, приходилъ въ негодованіе и отъ вспышекъ Бѣлинскаго, и отъ систематически-антихристіанскаго направленія Петрашевскаго. По свидѣтельству Ст. Дм. Яновскаго, въ 1847

*) Какъ излишне должно было послѣэтого показаться Ѳ. М-чу стараніе А. Д. Градовскаго вразумить его уже подъ конецъ его жизни на счетъ вреда нашей службы Меттерниховщинѣ.

**) Вотъ образчикъ: „всѣ вы идете, говоритъ Филипповъ, — смотрѣть, какъ наказываютъ мужиковъ, что посмѣли ослушаться господина или убили его. Развѣ вы не понимаете, что они исполнили волю Божію и что принимаютъ наказаніе, какъ мученики за своихъ ближнихъ. Развѣ не будете защищаться, коли нападутъ на васъ разбойники; а помѣщикъ, обижающій крестьянъ своихъ, не хуже-ли онъ разбойника?" (Общ. Проп. 90).

и 1849 гг. Ѳ. М. вмѣстѣ съ нимъ говѣлъ у Вознесенья и „дѣлалъ это не для формы". — Д-ръ Яновскій тогда уже, какъ онъ выражается, „благоговѣлъ передъ его твердостью въ православіи и заслушивался его бесѣдъ на тему любви и милосердія". Если Ѳ. М. находилъ Дурова религіознымъ *до смѣшнаго,* то это, конечно, значитъ, что религіозность его доходила до какихъ нибудь крайностей.

Относительно другихъ ихъ качествъ замѣтимъ, что Дуровъ, по словамъ Ѳ. М., былъ уменъ, но въ одну сторону и добръ. По словамъ г. Ястржембскаго, онъ былъ при этомъ воспитанъ въ нѣгѣ и холѣ и былъ въ высшей степени деликатенъ и нравственно и физически. Это, конечно, совсѣмъ не къ лицу заговорщику. По внѣшнему виду, какъ замѣтилъ одинъ изъ знакомыхъ Спѣшнева, истый типъ заговорщика сказывался въ Ѳедорѣ Михайловичѣ: онъ былъ молчаливъ, любилъ говорить одинъ на одинъ, былъ скорѣе скрытенъ, чѣмъ откровененъ. Къ тому же, по словамъ Спѣшнева, Ѳ. М. никогда не казался молодъ, такъ какъ имѣлъ болѣзненный видъ (а во время слѣдствія ему было всего 27 лѣтъ). Въ другой формѣ болѣе или менѣе такую же характеристику Достоевскаго даетъ и И. Л. Ястржембскій: „онъ былъ тихій, скромный, на видъ очень симпатичный молодой человѣкъ; его лице обнаруживало болѣзненность. Говорилъ онъ всегда мало и тихо". Но къ этому г. Ястржембскій прибавляетъ: „всѣ мы всегда въ немъ видѣли человѣка мягкаго, нервнаго, способнаго къ самой нѣжной чувствительности. При интимныхъ бесѣдахъ въ немъ всегда можно было узнать автора „Неточки Незвановой". Но этотъ самый, тихій и скромный человѣкъ, какъ мы выше слыхали отъ И. М. Дебу, способенъ былъ доходить въ своихъ рѣчахъ до самаго потрясающаго паѳоса.

Съ какихъ поръ завелись у насъ эти „заговорщики" или, какъ выразился Ѳ. М. въ своихъ „Бѣлыхъ ночахъ"—„мечтатели?"

Если вѣрить запискѣ Липранди, то общество пропаганды существовало уже въ 1842 г. Изъ самаго же дѣла видно, что по показаніямъ лицъ, бывавшихъ у Петрашевскаго, собранія у него начались съ конца 1845 г. Кромѣ того въ зиму 1846—1847 гг. особые еженедѣльные вечера завелъ у себя Момбелли, но потомъ, познакомившись съ Петрашевскимъ, сталъ постоянно посѣщать уже его собранія по пятницамъ *).

Изъ рукописей, приложенныхъ къ дѣлу, самыми ранними являются выдержки изъ учебныхъ тетрадей П. И. Ламанскаго, приводимыя въ видѣ доказательства издавна подготовленной пропаганды въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1845 и 1846 гг. вышли въ Петербургѣ два выпуска

*) Общество пропаганды (стр. 120, 133).

изданнаго Петрашевскимъ подъ именемъ Кириллова *„Карманнаго Словаря иностранныхъ словъ“*, входящихъ въ составъ русскаго языка (до буквы *О* включительно), вскорѣ по выпускѣ въ продажу отобранные изъ лавокъ, причемъ издатель остался однако внѣ всякаго преслѣдованія. Между тѣмъ, если вѣрить Липранди, „не трудно было узнать, что у него въ продолженіи уже нѣсколькихъ лѣтъ бываютъ постоянныя по пятницамъ собранія, на которыхъ, по выраженію простолюдиновъ, онъ пишетъ новые законы“. Въ „Словарѣ“ Петрашевскаго, по свидѣтельству того же Липранди, про ученіе Христово сказано было, что оно имѣло цѣлію *„водвореніе свободы и уничтоженіе частной собственности“*, и что „какъ ни прекрасно было начало его ученія, но оно еще не получило нормальнаго развитія“ *). Въ докладѣ о дѣлѣ говорится объ одномъ сочиненіи Петрашевскаго, въ которомъ онъ „дерзнулъ назвать Іисуса Христа демагогомъ, нѣсколько неудачно кончившимъ свою карьеру“ *). Эта точка зрѣнія вполнѣ подходитъ къ той, въ которую посвящалъ Достоевскаго Бѣлинскій еще въ томъ же 1846 г. По собственному сознанію Ѳ. М. на судѣ, онъ посѣщалъ собранія у Петрашевскаго 3 года ***), т. е. долженъ былъ начать посѣщать ихъ съ того же 1846 г. Онъ былъ такимъ образомъ въ числѣ самыхъ раннихъ посѣтителей Петрашевскаго (вмѣстѣ съ Плещеевымъ, Ханыковымъ и Толемъ) другіе стали посѣщать его съ 1847 г., наибольшее же число только съ 1848 г. Но мы знаемъ уже, что Ѳ. М. посѣщалъ Петрашевскаго не особенно часто. Писемъ Ѳ. М. за весь этотъ любопытнѣйшій періодъ времени съ 1846 по 1849 г. вовсе не сохранилось, т. е. очень можетъ быть, что они были уничтожены. Собранія у Кашкина начались только съ конца 1848 г., а собранія у Дурова—по субботамъ—съ марта 1849 г. На собраніяхъ, происходившихъ у Петрашевскаго, какъ припоминалъ мнѣ на словахъ г. Момбелли, завелся, хотя и не вдругъ, обычай руководить преніями по поводу рефератовъ, при помощи президента. Рефераты читались, между прочимъ, такіе, какъ объ атеизмѣ, объ освобожденіи крестьянъ и т. п. Казалось бы все это, особенно при тогдашнихъ порядкахъ, давно должно было привлечь вниманіе и усердіе полиціи. Но она, какъ припоминалъ Ѳ. М., была тогда ужасно плоха, до того, что они цѣлый годъ искали себѣ порядочнаго шпіона и не могли найти. Липранди въ своей запискѣ объясняетъ это тѣмъ, что „тутъ недостаточно было ввести въ собранія человѣка только благонамѣреннаго; агентъ этотъ долженъ былъ сверхъ того стоять въ уровень въ познаніяхъ

*) Ibidem, стр. 32. Цитата изъ „Словаря“ приведена вѣрно.
**) Ibidem, 129.
***) Ibidem, 143.

съ тѣми лицами, въ кругъ которыхъ онъ долженъ былъ вступить... и наконецъ стать выше предразсудка, который въ молвѣ столь несправедливо и потому безнаказанно пятнаетъ ненавистнымъ именемъ доносчика... Такіе агенты, прибавляетъ онъ, за деньги не отыскиваются". — Такимъ, „ставшимъ выше предразсудка" оказался наконецъ Антонелли, сынъ художника, получившій образованіе въ петербургскомъ университетѣ и служившій въ департаментѣ внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ дѣлѣ о немъ значится, что онъ съ 11-го марта по 15-е апрѣля былъ каждую пятницу на собраніяхъ у Петрашевскаго. Ѳ. М. въ своихъ устныхъ воспоминаніяхъ указывалъ на то, что тамъ же служилъ и Петрашевскій. Имъ такимъ образомъ не трудно было познакомиться. По словамъ Ѳ. М., когда онъ явился, то всѣ тотчасъ поняли, что это шпіонъ и сказали Петрашевскому, а когда Антонелли позвалъ ихъ къ себѣ, то никто не пошелъ.

Повидимому Петрашевцевъ окончательно погубилъ обѣдъ въ честь Фурье 7-го апрѣля, которымъ открывался предполагавшійся рядъ обѣдовъ въ честь знаменитыхъ людей какъ нашего времени, такъ и прошедшихъ вѣковъ (въ числѣ ихъ отводилось мѣсто и основателю христіанства—совершенно соотвѣтственно тому взгляду, о которомъ мы уже слышали выше отъ самого Ѳ. М—ча). На обѣдѣ 7-го апрѣля Петрашевскій произнесъ рѣчь, законченную словами: „Мы осудили на смерть настоящій бытъ общества; надо же приговоръ намъ исполнить". Въ рѣчи же, произнесенной на этомъ обѣдѣ Ахшарумовымъ, излагалась (утверждается въ докладѣ о дѣлѣ) „необходимость уничтоженія семьи, собственности, государства, законовъ, войска, городовъ и храмовъ" *). Достоевскій въ обѣдѣ этомъ не участвовалъ. Въ дѣлѣ о немъ, сверхъ общаго указанія на посѣщеніе имъ собраній у Петрашевскаго, сказано только: „принималъ участіе въ разговорахъ о строгости цензуры и на одномъ собраніи въ мартѣ 1849 г. прочелъ полученное изъ Москвы отъ Плещеева письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, потомъ читалъ его на собраніяхъ у Дурова и отдалъ для списанія копіи Момбелли. На собраніяхъ у Дурова слушалъ чтеніе статей, зналъ о предположеніи завести литографію, у Спѣшнева слышалъ чтеніе „Солдатской бесѣды" (составленной Григорьевымъ) **).

Роковымъ днемъ для Петрашевцевъ было 23-е апрѣля, когда какъ самъ Буташевичъ-Петрашевскій, такъ и нѣкоторыя изъ посѣщавшихъ его лицъ, всего 34 человѣка, были арестованы. По свидѣтельству А. П.

*) Общество пропаганды, стр. 128, 138.

**) Ibidem, стр. 143.

Bayerische Staats-Bibliothek München

Милюкова, взяты были только тѣ члены кружковъ, которые посѣщали Петрашевскаго. Затѣмъ, сказано въ дѣлѣ, „признаны подлежащими окончательно судебному разбору 23 человѣка: титулярный совѣтникъ Михаилъ Буташевичъ-Петрашевскій (27 лѣтъ), помѣщикъ Курской губ. Николай Спѣшневъ (28 лѣтъ); поручикъ л.-гв. московскаго полка Николай Момбелли (27 лѣтъ); поручикъ л.-гв. конногренадерскаго полка Ник. Григорьевъ (27 лѣтъ); штабсъ-капитанъ л.-гв. егерскаго полка Ѳед. Львовъ (25 лѣтъ), въ должности репетитора при павловскомъ корпусѣ; студентъ спб. университета Пав. Филипповъ (24 лѣтъ); состоящій при азіятскомъ департаментѣ кандидатъ спб. унив. Дмитрій Ахшарумовъ (26 лѣтъ); студ. спб. унив. Александръ Ханыковъ (24 лѣтъ); служащій въ азіятскомъ департаментѣ Конст. Дебу 1-й (38 лѣтъ); служащій въ томъ же департаментѣ Иппол. Дебу 2-й (25 лѣтъ); служащій въ томъ же департаментѣ Николай Кашкинъ (20 лѣтъ); отставной коллежскій ассессоръ литераторъ Сергѣй Дуровъ (33 лѣтъ); отставной инженеръ-поручикъ литераторъ Ѳедоръ Достоевскій (27 лѣтъ); неслужащій дворянинъ литераторъ Алексѣй Плещеевъ (23 лѣтъ); состоящій при министерствѣ юстиціи титулярный совѣтникъ Василій Головинскій (20 лѣтъ); учитель въ главномъ инженерномъ училищѣ Феликсъ Толль (26 лѣтъ); помощникъ инспектора въ технологическомъ институтѣ Ив. Ястржембскій (34 лѣтъ); поручикъ л.-гв. егерскаго полка Александръ Пальмъ (27 лѣтъ); служащій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ тит. сов. Константинъ Тимковскій (35 лѣтъ); отставной коллежскій секретарь Александръ Европеусъ (22 лѣтъ); мѣщанинъ Петръ Шапошниковъ (28 л.); сынъ почетнаго гражданина Вас. Катеневъ (19 лѣтъ); отставной подпоручикъ Рафаилъ Черносвитовъ (39 лѣтъ).

Такой разнородный составъ общества далъ поводъ къ слѣдующимъ толкованіямъ въ запискѣ Липранди: „обыкновенные заговоры бываютъ большею частію изъ людей однородныхъ... наприм., въ заговорѣ 1825 г. участвовали исключительно дворяне и притомъ преимущественно военные. Тутъ же, напротивъ, съ гвардейскими офицерами и съ чиновниками мин. ин. дѣлъ рядомъ находятся не кончившіе курсъ студенты, мелкіе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующіе табакомъ. Очевидно, что сѣть была заткана такая, которая должна была захватить все народонаселеніе и, слѣдовательно, чтобъ дѣйствовать не на одномъ мѣстѣ, а повсюду. *)

Самимъ Петрашевцамъ параллель съ декабристами могла представляться

*) „Общество пропаганды“ стр. 10.

и въ другомъ смыслѣ. „Преступленія тѣхъ были важнѣе, разсуждали они въ крѣпости, такъ какъ они проникли въ войско и располагали пушками и оружіемъ" (разсказывалъ Ѳ. М. Достоевскій). „Декабристы дрались на площади, въ народѣ, а мы только говорили въ комнатѣ", замѣтилъ А. Г. Достоевской покойный Спѣшневъ. Но Ѳ. М., какъ мы видѣли, утверждалъ, что „тутъ былъ цѣлый заговоръ и все, что и въ послѣдующихъ заговорахъ, кромѣ посягательствъ".

О томъ, какъ произведенъ былъ арестъ Ѳ. М—ча мы узнаемъ изъ воспоминаній А. П. Милюкова, передающаго разсказъ о томъ прибѣжавшаго къ нему 23-го апрѣля Михаила Михайловича, который сказалъ при этомъ, что не сегодня — завтра возьмутъ и его. „Брата Андрея, говорилъ онъ, арестовали... Онъ ничего не знаетъ, никогда не бывалъ съ нами... Его взяли по ошибкѣ вмѣсто меня".

„Мы уговорились, вспоминаетъ А. П. Милюковъ, идти сейчасъ же разузнать, кто еще изъ нашихъ друзей арестованъ, а вечеромъ опять повидаться. Прежде всего я отправился къ квартирѣ С. Ѳ. Дурова: она была заперта и на дверяхъ висѣли казенныя печати. То же самое нашелъ я у Н. А. Момбелли въ Московскихъ казармахъ и на Васильевскомъ Острову, у П. И. Филиппова. На вопросы мои деньщику и дворникамъ мнѣ отвѣчали: „господъ увезли ночью". Деньщикъ Момбелли, который зналъ меня, говорилъ это со слезами на глазахъ. Вечеромъ я зашелъ къ М. М. Достоевскому и мы обмѣнялись собранными свѣдѣніями. Онъ былъ у другихъ нашихъ общихъ знакомыхъ и узналъ, что бо̀льшая часть изъ нихъ арестованы въ прошлую ночь. По тому, что̀ мы узнали, можно было заключить, что задержаны тѣ только, кто бывалъ на сходкахъ у Петрашевскаго, а принадлежавшіе къ одному Дуровскому кружку, остались пока на свободѣ. Ясно было, что объ этомъ кружкѣ еще не знали, и если Дуровъ, Пальмъ и Щелковъ арестованы, то не по поводу ихъ вечеровъ, а только по знакомству съ Петрашевскимъ. М. М. Достоевскій тоже бывалъ у него и очевидно не взятъ былъ только потому, что вмѣсто него по ошибкѣ задержали его брата Андрея Михайловича *)..... Онъ цѣлыя двѣ недѣли ждалъ каждую ночь неизбѣжныхъ гостей".

Относительно своего ареста, Андрей Михайловичъ Достоевскій доста-

*) Онъ былъ указанъ въ спискѣ, приложенномъ въ запискѣ И. П. Липранди, съ помѣткою: „18-го марта былъ на собраніи" и примѣчаніемъ: „есть еще 3-й братъ, Михайло, отставной прапорщикъ. ...Неизвѣстно, находится-ли въ тайнѣ съ прочими братьями. „Немного выше у Липранди сказано: „По словамъ Петрашевскаго, братья Достоевскіе и Майковы разыгрываютъ первую роль въ обществѣ литераторовъ" („Общество пропаганды", стр. 61).

вилъ обстоятельныя воспоминанія. „22-го апрѣля, говоритъ онъ, въ пятницу вечеромъ, часовъ въ 6-ть, я вышелъ изъ дому и направился на Литейную, чтобы побывать у своего товарища, архитектора Карпова. День былъ очень жаркій... Проходя по Загородному проспекту (изъ Измайловскаго полка) я совершенно неожиданно встрѣтился съ братомъ Ѳедоромъ Михайловичемъ близь церкви Введенія (Семеновскаго полка). Мы поздоровались и постояли минутъ пять. „Скверно, братъ, очень скверно, сказалъ Ѳ. М—чъ, чувствую, что болѣзнь подтачиваетъ меня, нужно бы отдохнуть, полечиться, куда нибудь поѣхать на лѣто... а средствъ нѣтъ! Что̀ ты не заходишь? Заходи когда нибудь.

— „Да вѣдь послѣ завтра увидимся у брата (Михаила Михайловича).

— „А ты будешь у брата?

— „Непремѣнно.

— „Ну такъ до свиданья!

„Но въ воскресенье, прибавляетъ Андрей Михайловичъ, намъ обоимъ уже не удалось быть у брата Михаила Михайловича". Воротившись домой, Андрей Михайловичъ еще долго читалъ, легъ поздно, но уже въ четвертомъ часу утра былъ разбуженъ пріѣхавшими за нимъ жандармами и полицейскими. Его привезли въ 3-е отдѣленіе.

Тамъ, въ залѣ, онъ засталъ уже человѣкъ двадцать. Они шумно разговаривали, какъ знакомые между собою; кто просилъ чаю, кто кофею. Они въ самомъ дѣлѣ и были между собою знакомы, сходясь въ отдѣльныхъ кружкахъ и у Петрашевскаго—но Андрей Михайловичъ оставался ото всего отъ этого въ сторонѣ *). „Вдругъ, продолжаетъ онъ, вижу—подбѣгаетъ ко мнѣ братъ Ѳедоръ.

— „Ты, братъ, зачѣмъ здѣсь?" спросилъ онъ; но тутъ же къ намъ подошли два жандарма и мы были разведены въ различныя помѣщенія".

О томъ, какъ арестовали Ѳедора Михайловича, сохранился его собственный разсказъ, написанный имъ уже по возвращеніи изъ ссылки въ альбомъ дочери А. П. Милюкова въ 1860 г. Разсказъ не чуждъ своего рода юмора.

„Двадцать второго, или, лучше сказать, двадцать третьяго апрѣля (1849 г.) разсказываетъ Ѳ. М., я воротился домой часу въ четвертомъ отъ Григорьева, легъ спать и тотчасъ же заснулъ. Не болѣе какъ черезъ часъ я, сквозь сонъ, замѣтилъ, что въ мою комнату вошли какіе-то по-

*) Въ спискѣ у Липранди показано невѣрно. (Въ 1872 г. онъ самъ напечаталъ свою записку въ „Русской Старинѣ" за іюль, съ новымъ предисловіемъ, но безъ списка.

дозрительные и необыкновенные люди. Брякнула сабля, нечаянно за что-то задѣвшая. Что за странность? Съ усиліемъ открываю глаза и слышу мягкій, симпатичный голосъ: „вставайте!“ — Смотрю: квартальный или частный приставъ съ красивыми бакенбардами. Но говорилъ не онъ; говорилъ господинъ, одѣтый въ голубое съ подполковничьими эполетами. „Что случилось? спросилъ я, привставая съ кровати. — „По повелѣнію“... — Смотрю: дѣйствительно „по повелѣнію“. (По словамъ И. Л. Ястржембскаго и ему голосъ жандарма показался „сладенькимъ“, когда произносилъ: „творю волю пославшаго мя“). „Въ дверяхъ, продолжаетъ Ѳ. М., стоялъ солдатъ, тоже голубой. У него-то и звякнула сабля... „Эге! да это вотъ что, подумалъ я“. „Позвольте же мнѣ“, началъ было я.— „Ничего, ничего! одѣвайтесь. Мы подождемъ-съ, прибавилъ подполковникъ еще болѣе симпатическимъ голосомъ. — Пока я одѣвался, они потребовали всѣ книги и начали рыться;—немного нашли, но все перерыли. Бумаги и письма аккуратно связали веревочкой. Приставъ обнаружилъ при этомъ много предусмотрительности; онъ полѣзъ въ печку и пошарилъ моимъ чубукомъ въ старой золѣ. Жандармскій унтеръ-офицеръ по его приглашенію сталъ на стулъ и полѣзъ на печь, но оборвался съ карниза и громко упалъ на стулъ, а потомъ со стуломъ на полъ. Тогда прозорливые господа убѣдились, что на печи ничего не было. На столѣ лежалъ пятіалтынный, старый и согнутый. Приставъ внимательно разглядывалъ его и наконецъ кивнулъ подполковнику. „Ужь не фальшивый-ли?“ спросилъ я. „Гм... Это однако же надо изслѣдовать... бормоталъ приставъ и кончилъ тѣмъ, что присоединилъ и его къ дѣлу“. (Этимъ пріемамъ совершенно соотвѣтствуетъ то, что и у И. Л. Ястржембскаго обшарили всю мебель и даже висѣвшія на стѣнахъ картины, причемъ тѣ изъ нихъ, которыя были наклеены на папкѣ, разрѣзали). „Мы вышли, продолжаетъ Ѳедоръ Михайловичъ. Насъ провожала испуганная хозяйка и человѣкъ ея Иванъ, хоть и очень испуганный, но глядѣвшій съ какою-то тупою торжественностью, приличною событію; впрочемъ торжественностью не праздничною. У подъѣзда стояла карета, въ нее сѣлъ солдатъ, я, приставъ и подполковникъ. „Мы отправились на Фонтанку, къ Цѣпному мосту у Лѣтняго сада. Тамъ много было ходьбы и народу. Я встрѣтилъ многихъ знакомыхъ. Всѣ были заспанные и молчаливые. Какой-то господинъ, статскій, но въ большомъ чинѣ, принималъ... безпрерывно входили голубые господа съ разными жертвами. „Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день“, сказалъ мнѣ кто-то на ухо. 23-го апрѣля былъ дѣйствительно Юрьевъ день. Мы мало-по-малу окружили статскаго господина со спискомъ въ рукахъ. Въ спискѣ передъ именемъ г. Антонелли написано было

карандашомъ: „агентъ по найденному дѣлу“.—„Такъ это Антонелли“, подумали мы. Насъ размѣстили по разнымъ угламъ, въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія, куда кого дѣвать. Въ такъ называемой бѣлой залѣ насъ собралось человѣкъ семнадцать. Вошелъ Леонтій Васильевичъ (Дубельтъ). Но здѣсь я прерываю мой разсказъ. Долго разсказывать. Но увѣряю, что Леонтій Васильевичъ былъ препріятный человѣкъ“.

Возвратимся къ воспоминаніямъ объ арестѣ А. М. Достоевскаго.

„Весь день 23-го апрѣля вплоть до ночи, говоритъ онъ, мы провели въ 3-мъ отдѣленіи. Насъ размѣстили по отдѣльнымъ заламъ—человѣкъ по 8—10-ти. Это былъ день томительной неизвѣстности. Около полудня пріѣхалъ шефъ жандармовъ кн. Орловъ. Онъ обошелъ всѣ залы, обращаясь къ арестованнымъ съ небольшою рѣчью, сущность которой сводилась къ тому, что мы своимъ образомъ дѣйствій вынудили правительство лишить насъ свободы, что надъ нами, по тщательномъ разборѣ дѣла, будетъ произнесенъ судъ, а окончательная наша участь будетъ зависѣть отъ милосердія Государя. Намъ, продолжаетъ Андрей Михайловичъ, подавали чай, завтракъ, кофе, обѣдъ, однимъ словомъ кормили на славу. (То же подтверждаетъ и И. М. Дебу, прибавляя къ этому, что имъ даже предлагались сигары. По его же словамъ, везшій его въ крѣпость жандармскій офицеръ счелъ нужнымъ утверждать, что въ жандармы переводятъ лучшихъ офицеровъ изъ полковъ армейской кавалеріи и что ихъ служба далека отъ обыкновеннаго соглядатайства). Около вечера, вспоминаетъ Андрей Михайловичъ, стало долетать до насъ изъ разговоровъ между жандармами: „что, наведены?“ — „Наводятъ, наводятъ“. Это говорилось о мостѣ, по которому мы должны были проѣхать въ крѣпость“. Но для Андрея Михайловича (вѣроятно и для другихъ), слова эти сначала казались непонятными. Часовъ около 11-ти ихъ стали по одиночкѣ выкликать, и разъ позванный уже болѣе не возвращался. „Наконецъ, говоритъ Андрей Михайловичъ, позвали и меня и повели въ кабинетъ Л. В. Дубельта, который, спросивъ мою фамилію, велѣлъ мнѣ отправиться съ г. поручикомъ, который и сѣлъ со мною въ карету вмѣстѣ съ жандармомъ... Странное дѣло... мнѣ вовсе не приходило въ голову, что меня везутъ въ крѣпость“. По пріѣздѣ туда, дѣло, разумѣется, стало ясно. Отведенный, по приказанію коменданта, въ 1-й номеръ, А. М. очутился въ комнатѣ, едва освѣщенной плошкою на высокомъ уступѣ оконной амбразуры. Дверь за нимъ съ шумомъ задвинули и заперли двумя замками. Номеръ первый оказался очень сырымъ, и когда на слѣдующее утро туда заглянулъ комендантъ, то долженъ былъ замѣтить: „да, здѣсь не хорошо, очень не хорошо—надо поторопиться“.

Послѣднія слова, какъ оно потомъ выяснилось, означали, что надо поскорѣе отдѣлывать новые временные казематы.

На вопросъ коменданту: „за что я арестованъ“ А. М. получилъ въ отвѣтъ: „вамъ объяснятъ при допросѣ“. И вотъ, продолжаетъ онъ, потекла моя жизнь изо дня въ день въ полнѣйшемъ ничего недѣланіи. Ни книгъ, ни бумаги! „Разнообразіе составляло развѣ то, что двери каземата отворялись по пяти разъ въ день: въ 7 час. утра, когда приносили умываться и убирали комнату; въ 10 час., при обходѣ казематовъ начальствомъ—почти всегда самимъ комендантомъ; въ 12 час., когда приносили обѣдъ (два блюда — щи или супъ съ нарѣзанною говядиною *) и каша; хлѣба вдоволь); въ 7 час. вечера, когда приносили ужинъ (одно горячее блюдо) и наконецъ, когда стемнѣется, чтобы поставить на окно плошку“.

Такъ прошло 10 дней. Только 2-го мая А. М. былъ отведенъ въ слѣдственную коммисію (собиравшуюся, по словамъ И. Л. Ястржембскаго, тутъ-же въ крѣпости въ квартирѣ какого-то комендантскаго чиновника) и изъ допроса выяснилось, что онъ въ самомъ дѣлѣ ничего обо всемъ этомъ дѣлѣ не знаетъ. Особенно помогло то, что на вопросъ о Буташевичѣ-Петрашевскомъ, онъ наивно отвѣчалъ: „нѣтъ, я Петрашевскаго не знаю, а какъ ваше превосходительство назвали другаго? (Онъ вообразилъ, что ему назвали не одно лице, а двухъ). Когда невинность А. М. обнаружилась, комендантъ велѣлъ перевести его изъ сыраго каземата въ новое помѣщеніе, вслѣдъ же затѣмъ, впредь до устраненія всѣхъ формальностей, мѣшавшихъ его немедленному освобожденію, даже перевелъ его къ себѣ на квартиру. Но вотъ 5-го мая А. М. узналъ отъ плацъ-маіора, что уже получено разрѣшеніе окончательно освободить его, но что это пока въ секретѣ. „Какія же могутъ оставаться препятствія теперь же выпустить меня отсюда?“ спросилъ А. М. — „Очень просто: не хотятъ, чтобы вы встрѣтились въ городѣ съ такими лицами, съ которыми вамъ встрѣчаться не слѣдуетъ“. Я понялъ, замѣчаетъ А. М., что не хотятъ, чтобы я видѣлся съ братомъ Михаиломъ Михайловичемъ. Но вотъ въ ночь съ 5-го на 6-е мая, братъ Михаилъ Михайловичъ былъ арестованъ, а утромъ 6-го мая послѣдовало мое освобожденіе“.

„Скоро сдѣлалось извѣстно, продолжаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. П. Милюковъ, что для изслѣдованія дѣла Петрашевскаго назначается особая слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ коменданта крѣпости генерала Набокова, изъ кн. Долгорукова, Л. В. Дубельта, кн. П.

*) Ножи и вилки не полагались—изъ предосторожности. Пища вообще была довольно сытная и свѣжая (что подтверждается и другими). Дозволялось и пополнять ее на свой счетъ съ присовокупленіемъ вина.

П. Гагарина и Я. И. Ростовцева. Прошло двѣ недѣли, и вотъ однажды рано утромъ прислали мнѣ сказать, что и М. М. Достоевскій въ прошлую ночь арестованъ. Жена и дѣти его остались безъ всякихъ средствъ, такъ какъ онъ нигдѣ не служилъ... и жилъ однѣми литературными работами для „Отечественныхъ Записокъ"... Съ арестомъ его семейство очутилось въ крайне тяжеломъ положеніи и только А. А. Краевскій помогъ ему пережить это несчастное время. Я не боялся особенно за М. М. Достоевскаго... хотя онъ и бывалъ у Петрашевскаго, но не симпатизировалъ большинству его гостей... въ послѣднее время онъ почти совсѣмъ отсталъ отъ кружка. Поэтому я надѣялся, что арестъ его не будетъ продолжителенъ...

„Въ концѣ мая (1849 г.) я нашелъ небольшую лѣтнюю квартиру въ Колтовской... и взялъ погостить къ себѣ старшаго сына М. М. Достоевскаго... Однажды, кажется въ серединѣ іюля, я сидѣлъ въ нашемъ садикѣ и вдругъ маленькій Ѳедя бѣжитъ ко мнѣ съ крикомъ: папа, папа пріѣхалъ!.. Понятно, съ какой радостью обнялись мы послѣ двухмѣсячной разлуки. Онъ разсказалъ мнѣ подробности о своемъ арестѣ, о допросахъ въ слѣдственной коммисіи и данныхъ имъ показаніяхъ. Онъ сообщилъ мнѣ и то, что̀ именно изъ данныхъ ему вопросныхъ пунктовъ относилось къ Ѳедору Михайловичу. Мы заключили, что хотя онъ обвиняется только въ либеральныхъ разговорахъ, порицаніи нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ и распространеніи запрещенныхъ сочиненій и роковаго письма Бѣлинскаго, но если дѣлу захотятъ придать серьёзное значеніе, что̀ по тогдашнему времени было очень вѣроятно, то развязка можетъ быть печальная. Правда, нѣсколько человѣкъ изъ арестованныхъ въ апрѣлѣ постепенно были освобождены, зато о другихъ ходили неутѣшительные слухи. Говорили, что многимъ не миновать ссылки" *).

Объ арестѣ своего старшаго брата вспоминалъ и самъ Ѳедоръ Михайловичъ въ „Дневникѣ Писателя" 1876 г. (апрѣль). „Братъ не участвовалъ, говоритъ онъ тутъ, ни въ организованномъ тайномъ обществѣ у Петрашевскаго, ни у Дурова. Тѣмъ не менѣе онъ бывалъ на вечерахъ Петрашевскаго и пользовался изъ тайной, общей библіотеки, складъ которой находился въ домѣ Петрашевскаго, книгами. Онъ былъ тогда фурьеристомъ и со страстью изучалъ Фурье. Такимъ образомъ, въ эти два мѣсяца въ крѣпости онъ вовсе не могъ считать себя безопаснымъ, и разсчитывать съ увѣренностью, что его отпустятъ. То, что онъ былъ фурьери-

*) „Русск. Старина", 1881 г., мартъ, стр. 698—700.

стомъ и пользовался библіотекой—открылось и, конечно, онъ могъ ожидать если не Сибири, то отдаленной ссылки, какъ подозрительный человѣкъ. (Ѳедоръ Михайловичъ такимъ образомъ смотрѣлъ на дѣло значительно иначе, чѣмъ А. П. Милюковъ). И многіе изъ освобожденныхъ черезъ два мѣсяца (какъ и Михаилъ Михайловичъ) подверглись бы ей (ссылкѣ) непремѣнно (говорю утвердительно), еслибъ не были всѣ освобождены по волѣ покойнаго Государя (Николая Павловича), о чемъ я узналъ тогда же отъ князя Гагарина, ведшаго все слѣдствіе по дѣлу Петрашевскаго. По крайней мѣрѣ узналъ тогда то, что касалось освобожденія моего брата, о которомъ сообщилъ мнѣ князь Гагаринъ, нарочно вызвавъ меня для того изъ каземата въ комендантскій домъ, въ которомъ производилось дѣло, чтобы обрадовать меня. Но я былъ одинъ, холостой, безъ дѣтей; братъ же, попавъ въ крѣпость, оставилъ на квартирѣ испуганную жену свою и трехъ дѣтей, изъ которыхъ старшему тогда было всего 7 лѣтъ, и вдобавокъ безъ копѣйки денегъ. Братъ мой нѣжно и горячо любилъ дѣтей своихъ и воображаю, что перенесъ онъ въ эти два мѣсяца. Между тѣмъ, онъ не далъ *никакихъ показаній*, которыя бы могли компрометтировать другихъ, съ цѣлью облегчить тѣмъ собственную участь, тогда какъ могъ бы кое что сказать, ибо хотя самъ ни въ чемъ не участвовалъ, но *зналъ о многомъ*. Я спрошу: многіе-ли такъ поступили бы на его мѣстѣ? Я твердо ставлю такой вопросъ, потому что знаю—о чемъ говорю. Я знаю и видѣлъ, какими оказываются люди въ подобныхъ несчастіяхъ, и не отвлеченно объ этомъ сужу". (Строки эти написаны въ опроверженіе нѣкоторыхъ обвиненій, взведенныхъ на Михаила Михайловича послѣ его смерти и задѣвшихъ за живое нѣжно любившаго его Ѳедора Михайловича).

Участіе, съ какимъ отнесся тутъ къ братскому чувству князь Гагаринъ, конечно, говоритъ въ пользу этого выдающагося члена слѣдственной коммисіи, того, который и руководилъ ею вмѣсто предсѣдателя. По словамъ же г. Ястржембскаго, ему „извѣстно нѣсколько случаевъ, когда Л. В. Дубельтъ дѣлалъ всевозможныя облегченія политическимъ обвиненнымъ". Въ дѣлѣ Петрашевскаго такой его образъ дѣйствій можетъ объясняться тѣмъ, что дѣло это поднято было И. П. Липранди помимо III отдѣленія (по словамъ покойнаго Спѣшнева, Липранди добивался занять положеніе Дубельта). По словамъ И. М. Дебу, кн. Гагаринъ держалъ себя при допросѣ просто, указывалъ на свое знакомство съ ученьемъ Фурье (черезъ сына), но утверждая при этомъ, что послѣ 1848 года такой писатель не можетъ уже представляться безвреднымъ. Особенно много разспрашивалъ онъ г. Дебу о Черносвитовѣ, но допрашиваемый не же-

лалъ быть откровеннымъ, не признавая даже факта чтенія Достоевскимъ письма Бѣлинскаго.

Тяжелое впечатлѣніе произвелъ кн. Гагаринъ на И. Л. Ястржембскаго, сохранившаго зато другаго рода воспоминанія о Л. В. Дубельтѣ.

Чтò касается того, кто велъ слѣдствіе, то г. Ястржембскому пришлось даже, какъ онъ утверждаетъ, обратиться за защитою отъ „пристрастнаго допроса" къ Я. И. Ростовцеву, какъ своему непосредственному начальнику (по учебнымъ заведеніямъ, въ которыхъ г. Ястржембскій былъ преподавателемъ). Замѣчательно при этомъ, что, по словамъ г. Ястржембскаго, то, чего отъ него добивались, зависѣло отъ невѣрно переданнаго разговора объ отношеніяхъ его къ Польшѣ и къ человѣчеству, разговоръ же происходилъ не у Петрашевскаго и слышать его не могъ Антонелли (стало быть, намекаетъ г. Ястржембскій, былъ тутъ и какой-то другой шпіонъ). Далѣе, кн. Гагаринъ требовалъ отъ него признанія въ томъ, будто онъ „проповѣдывалъ извозчикамъ необходимость убіенія помѣщиковъ". Допрашиваемый пояснилъ, что однажды извозчикъ жаловался ему на значительность оброка и при этомъ сказалъ: „некому за насъ заступиться—Богъ высоко, Царь далеко", онъ же, Ястржембскій, по привычкѣ своей думать иногда вслухъ, замѣтилъ: „да, французы, нѣмцы и прочіе нехристи свободны, а русскій православный народъ въ рабствѣ". Случай этотъ онъ потомъ разсказывалъ у Петрашевскаго, и на этотъ разъ подслушалъ уже несомнѣнно Антонелли и передалъ съ различными дополненіями и извращеніями *).

По словамъ покойнаго Спѣшнева, кн. Гагаринъ всѣхъ вообще усовѣщевалъ раскаяться, что касается Я. И. Ростовцева, то онъ журилъ тѣхъ Петрашевцевъ, которые получили образованіе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, а остальныхъ касался мало.

Ѳедоръ Михайловичъ припоминалъ, что ген. Ростовцевъ предложилъ ему разсказать все дѣло. Достоевскій же на всѣ вопросы коммисіи отвѣчалъ уклончиво. Тогда Я. И. Ростовцевъ обратился къ нему со словами: „я не могу повѣрить, чтобы человѣкъ, написавшій „Бѣдныхъ людей", былъ за-одно съ этими порочными людьми? Это невозможно. Вы мало замѣшаны и я уполномоченъ отъ имени Государя объявить вамъ прощеніе, если вы захотите разсказать все дѣло". „Я, вспоминалъ Ѳ. М., молчалъ".

*) Въ приложеніяхъ къ запискѣ Липранди объ этомъ сказано: „старался убѣдить присутствовавшихъ, что простой народъ принципомъ зла непремѣнно понимаетъ Государя. Усиливался доказать это разговоромъ своимъ съ извозчикомъ, котораго научалъ не платить господамъ подать, а какъ будутъ требовать, то давать имъ колотушку" и т. д. („Общество пропаганды", стр. 42).

Тогда Дубельтъ съ улыбкой замѣтилъ: „я вѣдь вамъ говорилъ". Тогда Ростовцевъ, вскричавъ: „я не могу больше видѣть Достоевскаго", выбѣжалъ въ другую комнату и заперся на ключъ, а потомъ оттуда спрашивалъ: „вышелъ-ли Достоевскій? Скажите мнѣ, когда онъ выйдетъ,—я не могу его видѣть". Достоевскому это казалось напускнымъ. Болѣе или менѣе такое же впечатлѣніе произвелъ Я. И. Ростовцевъ и на И. М. Дебу и И. Л. Ястржембскаго. Послѣдній сочувственно отзывается, какъ мы видѣли, о Л. В. Дубельтѣ; онъ же вынесъ выгодное впечатлѣніе и отъ „благородной натуры" кн. Долгорукова. Спѣшневъ, по собственнымъ его воспоминаніямъ, вызвалъ со стороны руководившаго слѣдствіемъ замѣчаніе *): „Я вижу тутъ однѣ фразы и фразы, а не вижу дѣла". Это можно бы объяснить тѣмъ, что Спѣшневъ, какъ разсказывалъ мнѣ г. Кашкинъ, если и говорилъ, то только про себя, а про другихъ ничего". Самому Кашкину онъ успѣлъ шепнуть: „говорите, что вы меня не знаете". Дѣло въ томъ, что на Спѣшнева смотрѣли, какъ на одного изъ важнѣйшихъ участниковъ дѣла; онъ, должно быть, зналъ это, и старался выгородить мало замѣшаннаго молодого человѣка. Между тѣмъ изъ дѣла видно, что онъ сообщилъ кое-что о Черносвитовѣ и Момбелли (который подтвердилъ мнѣ это на словахъ). Но дѣло, можетъ быть, опять въ томъ, что онъ считалъ послѣдняго и безъ того уже сильно замѣшаннымъ сравнительно съ другими, на Черносвитова же, по словамъ одного изъ участниковъ дѣла, нѣкоторые изъ нихъ смотрѣли подозрительно. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ бывшій исправникъ, намекавшій Петрашевцамъ на возможность цареубійства, поплатился исключительно отправленіемъ на жительство въ Вятку. Выше уже замѣчено, что и Петрашевскій, если вѣрить докладу о дѣлѣ, наговаривалъ на другихъ. Въ докладѣ замѣчено, будто онъ поступилъ такъ, „чтобы облегчить свое обвиненіе", но это какъ-то не вяжется съ тѣмъ, что онъ „одинъ изъ всѣхъ арестантовъ велъ себя предосудительно, являлся дерзкимъ и наглымъ" **). Потому-то я и позволилъ себѣ выше замѣтить, что, по всей вѣроятности, наговаривая на нѣкоторыхъ, онъ думалъ выставить дѣло въ болѣе угрожающемъ видѣ и этимъ озадачить представителей власти. Тѣмъ же, можетъ быть, руководился и Спѣшневъ, въ одно и то же время выгораживая мало замѣшанныхъ и выдвигая впередъ такихъ же сильно скомпрометтированныхъ, какъ и онъ самъ. Изъ доклада видно, что про Тимковскаго онъ замѣтилъ:

*) Онъ называетъ его генераломъ Перовскимъ, членами же коммисіи кн. Гагарина, Дубельта и т. д. Очевидно, что память тутъ измѣнила Спѣшневу; генер. Перовскій былъ предсѣдателемъ не слѣдственной, а судной коммисіи.

**) „Общество пропаганды", стр. 128—127.

„рѣчь его была нѣсколько горяча, но онъ положительно и добросовѣстно отклонялъ въ ней отъ всякаго политическаго переворота *). Надо, кажется, имѣть въ виду эту обоюдность его отношеній къ слѣдствію, чтобы понять настоящій смыслъ его заключительныхъ словъ: „Теперь я исполнилъ свой долгъ. Вотъ моя полная исповѣдь; виноватъ и меня слѣдуетъ наказать“ **). Какъ бы то ни было, въ словахъ этихъ звучитъ уже и сознаніе своей виновности. То же отчасти слышно и въ показаніяхъ другихъ подсудимыхъ (одинъ изъ нихъ, если вѣрить докладу о дѣлѣ, даже назвалъ себя „гнуснымъ либераломъ“) ***). Но изъ этого, по словамъ одного изъ Петрашевцевъ, нельзя заключить, чтобы они тогда и точно раскаявались. Они были подавлены долговременнымъ сидѣніемъ въ крѣпости и дѣйствительно могли пенять на себя, что довели себя до такой бѣды безъ всякаго результата—вотъ и все. Впрочемъ, если Ө. М. показалъ, что онъ „ни вольнодумцемъ, ни противникомъ самодержавію не былъ“, то это въ сущности соотвѣтствуетъ тому, какъ онъ рисуется въ воспоминаніяхъ А. П. Милюкова; совершенно соотвѣтствуетъ этому и показаніе, „что онъ никогда не былъ соціалистомъ, хотя и любилъ читать и изучать соціальные вопросы и съ большимъ любопытствомъ слѣдилъ за переворотами западными. Соціализмъ предлагаетъ тысячи мѣръ къ устройству общественному, и такъ какъ всѣ соціальныя книги написаны умно, горячо и нерѣдко съ неподдѣльною любовью къ человѣчеству, то онъ, Достоевскій, читалъ ихъ съ любопытствомъ; но онъ не принадлежитъ ни къ какой соціальной системѣ, будучи увѣренъ, что примѣненіе ихъ не только къ Россіи, но даже ко Франціи, поведетъ за собою неминуемую гибель“.

И. Л. Ястржембскій, по его словамъ, на слѣдствіи назвалъ себя „убѣжденнымъ монархистомъ“, хотя тутъ же при другомъ случаѣ сказалъ, что онъ „убѣжденный послѣдователь ученія Фурье“. Одно съ другимъ далеко, впрочемъ, не такъ несовмѣстимо, какъ оно кажется многимъ и несомнѣнно казалось членамъ слѣдственной коммисіи. Они, конечно, не знали,

*) Другіе, напротивъ, наговаривали на Тимковскаго.

**) Ibidem, 133, 150.

***) Другой просилъ себѣ помилованія въ письмѣ: „Государь мой! прости меня увлеченный чтеніемъ непозволительныхъ книгъ, въ заблужденіи, въ моихъ мысляхъ даже осуждалъ я тебя, писалъ безразсудныя, безсмысленныя слова, прости мнѣ ихъ, въ память заслугъ отца моего“. Третій говорилъ: „еслибъ я могъ молить о милосердіи того, кто неистощимо милосердъ къ несчастнымъ. Но я не стою ничего, я ничего не заслужилъ“. Четвертый, подъ вліяніемъ письма, полученнаго отъ отца, выражался такимъ образомъ: „моя послѣдняя надежда остается только на Бога и милосердіе Государя. Молю дать мнѣ средство доказать нашему общему отцу на землѣ, что онъ можетъ найти во мнѣ вѣрнаго сына“. („Общество пропаганды“, стр. 133, 138, 139, 148).

что Фурье обращался съ письмомъ къ Императору Александру I, указывая ему на принадлежащее ему право самодержавія, какъ на самое надежное средство для проведенія коренной соціальной реформы. Вспомнимъ и тотъ вполнѣ несочувственный отзывъ о конституціи, который выписанъ выше изъ „Карманнаго словаря", изданнаго Петрашевскимъ.

Возвращаясь къ Ѳ. М—чу, замѣчу, что уже тономъ вынужденной уступки томительному положенію звучатъ у него слова о прочитанномъ имъ на вечерѣ письмѣ Бѣлинскаго, будто онъ былъ твердо увѣренъ, что это письмо, „наполненное ругательствами, написанное желчью и потому отвращающее сердце, никого въ соблазнъ привести не можетъ"; впрочемъ онъ „теперь понимаетъ, что сдѣлалъ ошибку, прочитавъ эту статью вслухъ"... „либерализмъ его состоялъ въ желаніи всего лучшаго своему отечеству, но это желаніе никогда не переходило черту невозможнаго", однако же онъ „не осмѣливается сказать, чтобы никогда не заблуждался въ своихъ желаніяхъ, которыя въ отношеніи усовершенствованія и общей пользы, быть можетъ, очень ошибочны, такъ что исполненіе ихъ послужило бы ко всеобщему вреду, а не къ пользѣ" *). Мы знаемъ со словъ самого Ѳ. М—ча, что на устные вопросы онъ отвѣчалъ уклончиво, не желая воспользоваться милостью, обѣщанною ему Я. Ив. Ростовцевымъ, который, раздраженный его запирательствомъ, даже вышелъ изъ залы засѣданія. Достоевскій такимъ образомъ никого не выдалъ. Но потомъ отъ него, какъ и отъ другихъ, потребовали письменныхъ показаній. Тутъ онъ, какъ и другіе, утомленный, нервно измученный (что особенно должно было отозваться на немъ, при его издавней особенной нервности), опять-таки никого не запутывая, сталъ нѣсколько преувеличенно винить себя—можетъ быть, просто для того, чтобы этимъ, наконецъ, удовлетворились и оставили его въ покоѣ. По крайней мѣрѣ въ „Дневникѣ" 1873 г. онъ прямо говоритъ, что во время слушанія ими приговора ни въ комъ изъ нихъ не было раскаянія. Собственный его взглядъ на все это дѣло, говоритъ онъ тутъ же, измѣнился только позже.

Заключеніе въ крѣпости продолжалось 8 мѣсяцевъ. Ѳ. М. сидѣлъ въ Алексѣевскомъ равеллинѣ № 7 и 9; первые два мѣсяца ничего не дѣлалъ, а остальное время давали читать книги больше духовнаго содержанія **), и позволяли писать. Выпускали гулять на 1/4 часа на маленькомъ дворикѣ одного, безъ товарищей, но подъ конвоемъ. Сношенія съ товари-

*) „Рус. Старина" 1881 г. Мартъ, стр. 707—708.

**) По словамъ И. М. Дебу, книги были допущены только по окончаніи слѣдствія.

щемъ сосѣдомъ по заключенію (Филипповымъ) происходили при помощи постукиванія. Часовой, конечно, ничего не понималъ. О настроеніи своемъ Ѳ. М. припоминалъ, что „по складу его ума, сердца и характера ему было ясно, что если *ихъ* сторона взяла, то дѣлать нечего и слѣдуетъ нести наказаніе. Къ тому же вѣдь правительство, постоянно утверждалъ онъ, съ своей точки зрѣнія было право“. — Въ Алексѣевскомъ же равелинѣ находился и И. Л. Ястржембскій. По словамъ его, „гигіеническія условія были тутъ удовлетворительны: чистый воздухъ, опрятность, здоровая пища“. Въ доказательство приводитъ онъ то, что хотя въ это время въ Петербургѣ была сильная холера, изъ заключенныхъ не заболѣлъ никто. Чистотѣ воздуха должно было однако же мѣшать, что въ комнату ставились всѣ необходимыя принадлежности, о сырости же свидѣтельствуетъ шляпа г. Ястржембскаго, которая въ казематѣ заплѣсневѣла. Всего тяжелѣе было выносить одиночность заключенія. По словамъ И. М. Дебу, оно возбуждало состраданіе ихъ корридорнаго сторожа (изъ гарнизонныхъ солдатъ—еще не стараго). По временамъ онъ отворялъ изъ корридора окошечко, находившееся въ двери каземата, и говорилъ: „скучно вамъ? потерпите! и Христосъ терпѣлъ. И за что̀ это васъ посадили? всѣ вы тихіе такіе, а бывало тутъ все такой буйный народъ“.

Къ этому времени относится нѣсколько писемъ Ѳ. М. къ брату, напечатанныхъ вскорѣ послѣ его смерти въ „Недѣлѣ“. 18-го іюля онъ отвѣчаетъ брату на его увѣщанія не унывать: „да я и не унываю... Другой разъ даже чувствуешь, какъ будто уже привыкъ къ такой жизни и все равно... но... другой разъ, прежняя жизнь такъ и ломится въ душу съ прежними впечатлѣніями... Теперь ясные дни и немножко веселѣе стало... у меня есть и занятія. Я времени даромъ не потерялъ; выдумалъ три повѣсти и два романа, одинъ изъ нихъ пишу теперь... Я здѣсь читалъ немного: два путешествія къ св. мѣстамъ и сочиненія св. Димитрія Ростовскаго; послѣднія меня очень заняли“. Первое время, надо думать, дозволялось только душеспасительное чтеніе. Но въ письмѣ къ брату отъ 27-го августа Ѳ. М. ждетъ отъ него присылки „Отечественныхъ Записокъ“, причемъ прибавляетъ однако: „всего лучше, если бы ты мнѣ прислалъ библію“. Тутъ же онъ съ удовольствіемъ сообщаетъ брату: „мнѣ опять позволили гулять въ саду, въ которомъ почти 17 деревьевъ. Кромѣ того я могу теперь имѣть свѣчу по вечерамъ. Въ письмѣ отъ 14-го сентября Ѳ. М. благодаритъ за книги. „Это все хоть развлеченіе. Вотъ уже 5 мѣсяцевъ безъ малаго, какъ я живу своими средствами, т. е. одной своей головой и больше ничѣмъ... Вѣчное думанье и одно только думанье, безъ всякихъ внѣшнихъ впечатлѣній, чтобъ возрождать и поддерживать думу — тяжело! Я весь

какъ будто подъ воздушнымъ насосомъ, изъ подъ котораго воздухъ вытягиваютъ...“

Романъ, упоминаемый въ одномъ изъ этихъ писемъ, сочиненный въ крѣпости—это, какъ записано со словъ Ѳ. М., былъ собственно разсказъ или повѣсть „Маленькій герой“, (тамъ, пояснялъ Ѳ. М., можно было писать только самое невинное). Произведеніе это было впослѣдствіи передано Михаиломъ Михайловичемъ Достоевскимъ редактору „Отечественныхъ Записокъ“, гдѣ было напечатано только въ 1857 г., но безъ имени *).

Но, какъ ни невинно содержаніе „Маленькаго героя“, тутъ есть одно лицо, въ которомъ Ѳ. М., повидимому, выставилъ тотъ не симпатичный ему элементъ, какой имѣлся, какъ мы видѣли, въ „обществѣ пропаганды“. Конечно, тутъ есть и черты прибавочныя, такъ сказать замаскировывающія. „М-г М*, говоритъ Достоевскій, былъ европеецъ, человѣкъ современный, съ образчиками новыхъ идей и тщеславящійся своими идеями... Называли его умнымъ человѣкомъ. Такъ въ иныхъ кружкахъ называютъ одну особую породу растолстѣвшаго на чужой счетъ человѣчества... Отъ нихъ поминутно слышишь, что имъ нечего дѣлать, вслѣдствіе какихъ то очень запутанныхъ, враждебныхъ обстоятельствъ, которыя „утомляютъ ихъ геній“... Эти господа тѣмъ и пробавляются на свѣтѣ, что устремляютъ всѣ свои инстинкты на грубое зубоскальство... На все у него припасена готовая фраза... особенно же запасаются они своими фразами въ изъявленіе своей глубочайшей симпатіи къ человѣчеству... наконецъ, чтобы безостановочно карать романтизмъ, т. е. зачастую все прекрасное и истинное, каждый атомъ котораго дороже всей ихъ слизняковой природы“.

Замѣчательно, что съ этимъ типомъ нѣсколько сходенъ Рутковскій въ романѣ г. Пальма „Алексѣй Слободинъ“, воспроизводящемъ, какъ мы уже знаемъ, нѣкоторыя черты „давно прошедшей исторіи“ (а Рутковскій тутъ одинъ изъ главнѣйшихъ „мечтателей“).

Благодушіе, съ какимъ отнесся Ѳ. М. къ своему положенію, его терпѣніе и выносливость тѣмъ болѣе замѣчательны, что, по его собственнымъ словамъ, онъ былъ до своей катастрофы мнителенъ до болѣзненности, предполагалъ въ себѣ всевозможные недуги и въ самомъ дѣлѣ отъ мнительности хворалъ, причемъ самъ себя лечилъ горчичниками. Вскорѣ послѣ его смерти Андрей Михайловичъ указывалъ въ „Новомъ Времени“ на то, что въ молодости Ѳедоръ Михайловичъ нерѣдко оставлялъ передъ сномъ

*) За подписью М. —ій (въ августовской книжкѣ).

записочки такого, приблизительно, содержанія: „сегодня со мной можетъ случиться летаргическій сонъ, а потому — не хоронить меня столько-то дней“.

По собственнымъ словамъ Ѳ. М—ча, онъ сошелъ бы съума, еслибы не катастрофа, которая переломила его жизнь. Явилась идея, передъ которой здоровье и забота о себѣ оказались пустяками (занесено въ записную книжку Анной Григорьевной) *).

Съ однимъ изъ его товарищей вышло наоборотъ: Григорьевъ именно въ крѣпости сталъ мѣшаться въ умѣ, какъ разсказывалъ покойный Спѣшневъ. Онъ былъ помѣщенъ рядомъ со Спѣшневымъ, который слышалъ, что кто-то тамъ ходитъ, разговариваетъ и постукиваетъ въ стѣну. Спѣшневъ сталъ думать, не желаетъ ли сосѣдъ вступить съ нимъ въ сношенія и началъ стучать: разъ, разъ—два, разъ, два, три и т. д., желая обратить вниманіе сосѣда, но сосѣдъ не откликался. Такъ Спѣшневъ и не зналъ, кто сидитъ около него—до того самаго времени, когда отворили двери казематовъ передъ объявленіемъ имъ приговора и онъ увидалъ Григорьева, вышедшаго изъ сосѣдняго каземата **).

Изъ слѣдственной коммисіи дѣло Петрашевскаго поступило въ особую, назначенную по именному Высочайшему повелѣнію судную коммисію подъ предсѣдательствомъ генерала Перовскаго (членами были: гр. Строгановъ, А. Ѳ. Веймарнъ и др.).

По словамъ И. Л. Ястржембскаго, онъ изъ вѣрнаго источника слышалъ, что судная коммисія рѣшила по недостаточности доказательствъ отъ отвѣтственности всѣхъ ихъ освободить. Это, говоритъ онъ, тѣмъ вѣроятнѣе, что *въ дѣлѣ* о состоящихъ подъ надзоромъ лицахъ о рѣшеніи этой коммисіи не сказано ни слова. Дѣло это—въ оффиціальной копіи—сообщено было г. Ястржембскому мною, ко мнѣ же перешло съ Апраксина двора, гдѣ случайно нашлось среди различнаго антикварнаго хлама. Слѣдовъ судной коммисіи не оказывается и въ матеріалахъ, изданныхъ заграницей подъ заглавіемъ: „Общество пропаганды“. Дѣло было передано въ генералъ-аудиторіатъ, хотя, по замѣчанію г. Ястржембскаго, на это не имѣлось никакого юридическаго основанія, такъ какъ особая, по именному Высочайшему повелѣнію назначенная судная коммисія іерархиче-

*) О прежней его близости къ душевной болѣзни см. выше.

**) По докладу о дѣлѣ, во время слѣдствія также подвергся умственному разстройству Катеневъ и былъ отправленъ въ больницу всѣхъ скорбящихъ, почему и не былъ спрошенъ военнымъ судомъ („Общество пропаганды“, стр. 153). Временно былъ постигнутъ душевною болѣзнью также и Конст. Матв. Дебу. Объ этомъ вспоминалъ Ѳ. М. и это подтверждено Ипп. Матв. Дебу.

ски стояла выше генералъ-аудиторіата. По словамъ И. М. Дебу, самъ обрѣйшій комендантъ крѣпости былъ этимъ пораженъ и съ сильнымъ волненіемъ сообщилъ объ этомъ подсудимымъ. Докладъ генералъ-аудиторіата подписали:

Генералъ отъ инфантеріи кн. Шаховскій.
„ „ артиллеріи Игнатьевъ.
„ „ инфантеріи Княжнинъ.
„ „ „ Штегманъ.
„ „ „ Мандерштернъ.
„ лейтенантъ Гельвихъ.
„ „ Карпенко.
„ аудиторъ Ноинскій.
Въ должн. нач. отд. Полянскій.

На докладѣ генералъ-аудиторіата имѣется помѣтка, заключающая въ себѣ слѣдующія цифровыя данныя: „Дѣло сіе начато: слѣдствіемъ 29-го апрѣля 1849, судомъ 30-го сентября, кончено 16-го ноября, въ Аудиторіатскій департаментъ поступило 13-го ноября *).

Старанія нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ выдѣлить въ благопріятнѣйшемъ смыслѣ для ихъ участи кое-кого изъ своихъ товарищей содѣйствовали, конечно, тому, что генералъ-аудиторіатъ не могъ не усмотрѣть между членами общества различной степени виновности. „Одни изъ нихъ, заключилъ онъ, болѣе, другіе менѣе принимали участія въ злоумышленіи, но какъ всѣ они суждены по полевому уголовному уложенію, въ преступленіяхъ же государственныхъ, по точной силѣ нашихъ законовъ, не поставлено различія между главными виновниками и соучастниками, то на основаніи сего уложенія всѣ вышеупомянутые члены общества, за исключеніемъ одного Черносвитова, приговорены къ „смертной казни разстрѣляніемъ“, Черносвитовъ же, какъ не признавшійся и не уличенный, не смотря на крайне невыгодныя, какъ мы видѣли, показанія Петрашевскаго и Спѣшнева, „оставленъ въ сильномъ подозрѣніи и высланъ въ Вятку“. Затѣмъ однако же генералъ-аудиторіатъ „не могъ не принять въ уваженіе тѣхъ облегчительныхъ обстоятельствъ, которыя представляются по дѣлу“, а именно: „раскаяніе многихъ, добровольное сознаніе въ поступкахъ, кои, безъ ихъ откровенности, могли бы остаться неизвѣстными, юность лѣтъ нѣкоторыхъ и, наконецъ, то, что преступныя ихъ начинанія не достигли вредныхъ послѣдствій, бывъ своевременно предупреждены мѣрами со стороны правительства“. На основаніи этого, генералъ-аудиторіатъ, „повер-

*) „Общество пропаганды“, 116, 159.

гая участь подсудимыхъ монаршему милосердію, на основаніи правилъ, въ руководство ему данныхъ, осмѣливался всеподданнѣйше ходатайствовать объ опредѣленіи имъ, вмѣсто смертной казни, наказаній по мѣрѣ вины съ соблюденіемъ постепенности". Самого Петрашевскаго „за преступный замыселъ къ ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго устройства, привлеченіе на бывшія у него сходбища разнаго званія большею частію молодыхъ людей, распространеніе между ними зловредныхъ идей противъ религіи, возбужденіе въ нихъ ненависти къ правительству, и, наконецъ, за покушеніе составить для этой же преступной цѣли тайное общество", генералъ-аудиторіатъ приговорилъ „лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока".

Рукою Императора Николая Павловича отмѣчено было: „Быть по сему".

Во вторую категорію генералъ-аудиторіатомъ отнесены были вмѣстѣ Момбелли и Спѣшневъ, но первый изъ нихъ приговоренъ къ каторжной работѣ на 15 лѣтъ, второй же, за добровольныя показанія о Черносвитовѣ и Момбелли, только на 12 лѣтъ.

Противъ Спѣшнева рукою Государя помѣчено: „на 10 лѣтъ". Противъ Момбелли ничего не написано. Государь, утвердивъ приговоръ на 15 лѣтъ Григорьева и на 12 лѣтъ Львова, втрое уменьшилъ срокъ каторги Филиппову и Ахшарумову (вмѣсто 12 всего 4).

Студенту Ханыкову „за участіе въ преступныхъ замыслахъ и произнесеніе на обѣдѣ, данномъ въ честь Фурье, возмутительной рѣчи" присуждена была каторжная работа въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ.

Рукою Государя помѣчено: „рядовымъ въ оренбургскіе линейные батальоны".

Дуровъ за участіе въ преступныхъ замыслахъ, учрежденіе у себя на квартирѣ собраній для этой цѣли и покушеніе къ распространенію сочиненій противъ правительства посредствомъ домашней литографіи ссылался на каторгу на восемь лѣтъ. Государь сократилъ на четыре года съ перечисленіемъ затѣмъ въ рядовые.

Вслѣдъ за Дуровымъ (въ той же категоріи) поименованъ въ приговорѣ Ѳ. М. Достоевскій. „За такое же участіе въ преступныхъ замыслахъ, распространеніе письма литератора Бѣлинскаго, полнаго дерзкихъ выраженій противъ православной церкви и верховной власти, и за покушеніе, вмѣстѣ съ прочими, къ распространенію сочиненій противъ правительства посредствомъ домашней литографіи", онъ ссылался на каторгу тоже на 8 лѣтъ. Рѣшеніе же Государя относительно его было совершенно та-

кое же, какъ и относительно Дурова: „на четыре года, а потомъ рядовымъ“ *).

Самъ Ѳ. М. по поводу этого продиктовалъ для заграничной своей біографіи: „приговоръ этотъ былъ по формѣ своей первымъ еще случаемъ въ Россіи, ибо всякій, приговоренный въ Россіи въ каторгу, теряетъ гражданскія права свои на вѣки, хотя бы и окончилъ свой срокъ каторги (такъ оно и выходило по рѣшенію генералъ-аудиторіата). Достоевскому же назначалось, диктовалъ онъ о себѣ въ третьемъ лицѣ (но тоже, какъ мы знаемъ, и Дурову), по отбытіи срока каторги поступить въ солдаты,— т. е. возвращались опять права гражданина. Впослѣдствіи, прибавилъ Ѳ. М., подобныя помилованія случались не разъ, но тогда это былъ первый случай и произошелъ по волѣ Императора Николая I, пожалѣвшаго въ Достоевскомъ (мы видѣли, что и въ Дуровѣ) его молодость и талантъ“. Это, конечно, тѣмъ болѣе замѣчательно, что никакой „добровольной откровенности“ со стороны Достоевскаго, какъ и Дурова, изъ дѣла не видно. Между тѣмъ, замѣнивъ Дебу 1-му 8-ми-лѣтній срокъ каторги четырьмя годами въ военныхъ арестантахъ, а Дебу 2-му 4 года каторги двумя годами въ военныхъ арестантахъ, и Толлю четырехлѣтнюю каторгу двухлѣтнею, Государь, напротивъ того, Ястржембскому прибавилъ 2 года (вмѣсто 4-хъ шесть), хотя о послѣднемъ сказано только, что онъ, сверхъ преступныхъ замысловъ вообще, провинился лишь тѣмъ, что читалъ у Петрашевскаго лекціи о политической экономіи въ либеральномъ духѣ (по нынѣшней терминологіи слѣдовало бы, конечно, сказать въ *соціалистическомъ*). Самъ И. Л. Ястржембскій причиною такого ухудшенія своей участи считаетъ то, что, призванный въ судную коммисію, отказался подписаться подъ заявленіемъ такого рода: „я нижеподписавшійся симъ свидѣтельствую, что ничего не могу привести въ свое оправданіе“. Вмѣсто того, чтобы подписать это, онъ тогда написалъ: „симъ объявляю, что никогда злоумышленникомъ не былъ и никакой вины за собой не признаю“. Тогда, утверждаетъ онъ, генералъ Перовскій сказалъ: „такъ вы не виноваты? Въ такомъ случаѣ ступайте и спите спокойно“.

Усиленіе наказанія произошло и относительно Тимковскаго. Приговоренный генералъ-аудиторіатомъ всего только къ высылкѣ въ Олонецъ, онъ былъ Государемъ назначенъ въ арестантскія роты на шесть лѣтъ (не смотря на стараніе Спѣшнева выставить его менѣе виновнымъ). Также и Европеусъ, приговоренный лишь къ высылкѣ въ Вятку, по волѣ Государя

*) „Общество пропаганды“, стр. 167—170.

назначенъ рядовымъ въ кавказскіе линейные батальоны. Съ другой же стороны опять, Плещеевъ и Кашкинъ, къ которымъ, правда, и генералъ-аудиторіатъ отнесся снисходительнѣе по *молодости лѣтъ,* дождались отъ Государя еще бо́льшаго смягченія своей участи: оба были назначены рядовыми — первый въ оренбургскіе, а послѣдній въ кавказскіе линейные батальоны.

Если имѣть въ виду то, что Плещеевъ, какъ и Достоевскій съ Дуровымъ, особенно налегали на освобожденіе крестьянъ и ждали его отъ правительства, то на смягченіе ихъ участи не повліяло-ли издавнее намѣреніе Императора Николая I освободить крестьянъ, неосуществившееся вслѣдствіе противодѣйствія дворянства? Но почему же тогда не была смягчена участь Головинскаго, державшагося болѣе или менѣе того же взгляда? Генералъ-аудиторіатъ въ своемъ приговорѣ налегъ на то, что Головинскій у Петрашевскаго „объяснялъ возможность освобожденія крестьянъ безъ воли правительства“ (впрочемъ Головинскій и былъ присужденъ только къ опредѣленію на службу рядовымъ въ одинъ изъ линейныхъ батальоновъ Оренбургскаго корпуса).

Одинъ лишь А. И. Пальмъ, по рѣшенію самого генералъ-аудиторіата, былъ только переведенъ тѣмъ же чиномъ въ армію, а рѣшеніе Государя гласило: „быть по сему“ *).

Въ № „Русскаго Инвалида“ отъ 22-го декабря 1849 г. напечатанъ былъ приговоръ. Вотъ какъ характеризуется тутъ самое дѣло: „Пагубныя ученія, породившія смуты и мятежи во всей западной Европѣ и угрожающія ниспроверженіемъ всякаго порядка и благосостоянія народовъ, отозвалися, къ сожалѣнію, въ нѣкоторой степени и въ нашемъ отечествѣ. ...Горсть людей, совершенно ничтожныхъ, большею частію молодыхъ и безнравственныхъ, мечтала о возможности попрать священнѣйшія права религіи, закона и собственности... Тит. сов. Буташевичъ-Петрашевскій собиралъ у себя въ назначенные дни молодыхъ людей разныхъ сословій. Богохуленія, дерзкія слова противъ священной особы Государя Императора, представленіе дѣйствій правительства въ искаженномъ видѣ и порицаніе государственныхъ лицъ—вотъ тѣ орудія, которыя употреблялъ Петрашевскій для возбужденія своихъ посѣтителей... Въ концѣ 1848 г.

*) Ibidem, стр. 170—173. На облегченіе участи нѣкоторыхъ могло имѣть вліяніе и особое о нихъ ходатайство по имѣвшимся у нихъ во вліятельныхъ сферахъ связямъ. Съ другой стороны, однако, за мѣщанина Шапошникова едвали могло быть какое нибудь особое ходатайство, между тѣмъ, вмѣсто шести лѣтъ въ арестантскихъ ротахъ, онъ, по волѣ Государя, назначенъ рядовымъ въ оренбургскіе линейные батальоны

онъ приступилъ къ образованію тайнаго общества... Затѣмъ написанъ былъ планъ для производства общаго возстанія въ государствѣ".

О днѣ объявленія приговора, какъ говорилъ Ѳ. М., никто изъ нихъ заранѣе не зналъ. Рано утромъ 22-го декабря они замѣтили необычный шумъ и ходьбу по корридору и стали догадываться, что произойдетъ нѣчто особенное! Покойный Спѣшневъ разсказывалъ опредѣлительно, что это было въ 6 часовъ, а въ 7 часовъ посадили въ кареты и повезли. По словамъ Ѳ. М., ихъ предварительно заставили переодѣться въ собственное ихъ платье и отправлены они были въ сопровожденіи надзирателя. Спѣшневъ, недоумѣвая, куда ихъ везутъ, предполагалъ, что для выслушанія приговора, а такъ какъ ихъ судили военно-полевымъ судомъ, то полагалъ, что это должно происходить въ ордонансгаузѣ. Между тѣмъ везли очень долго. Спѣшневъ дорогой спросилъ солдата: „куда везутъ?" Тотъ отвѣчалъ: „не приказано сказывать". Былъ морозъ и сквозь обледенѣлыя окна кареты нельзя было хорошенько разобрать, по какой дорогѣ везутъ. Спѣшневу казалось, что перевезли на ту сторону Невы, затѣмъ повезли по Литейной. Чтобы хорошенько убѣдиться въ томъ, гдѣ везутъ, онъ пробовалъ отчистить стекло пальцемъ, но солдатъ сказалъ: „не дѣлайте этого, не то меня будутъ бить". Спѣшневъ послѣ этого отказался удовлетворить свое столь понятное любопытство. Выше было уже замѣчено, что мысль о смертной казни не приходила имъ въ голову. Не думали они и о томъ, чтобы приговоръ, состоявшійся и отмѣненный Государемъ, былъ тѣмъ не менѣе имъ прочитанъ съ цѣлью произвести впечатлѣніе, ужасъ. (Какъ выражался въ устныхъ своихъ воспоминаніяхъ Спѣшневъ). Но вотъ, послѣ казавшейся имъ безконечною дороги, ихъ наконецъ привезли на Семеновскій плацъ и выстроили въ извѣстномъ порядкѣ. Затѣмъ ихъ взвели на эшафотъ и, какъ разсказывалъ Ѳ. М., поставили по одной сторонѣ 9, а по другой 11 человѣкъ. По словамъ Спѣшнева, они хотѣли другъ съ другомъ поздороваться и поговорить, но это не было имъ дозволено, такъ что затѣмъ можно было шептаться только по сосѣдству. Вотъ тутъ-то, надо думать, оказавшійся подлѣ Н. А. Момбелли Ѳ. М—чъ передалъ ему вкратцѣ планъ повѣсти, написанной имъ въ крѣпости. Черта эта, сообщенная мнѣ самимъ г. Момбелли, фактически подтверждаетъ возможность того смѣшаннаго, разносторонняго, спокойно-взволнованнаго состоянія духа въ такія минуты, съ какимъ мы знакомимся по нѣкоторымъ произведеніямъ Ѳ. М—ча. Тутъ, кромѣ глубокой психологической прозорливости, руководилъ имъ и собственный опытъ. (Самъ онъ объ этомъ не разсказывалъ, стало быть объ этомъ не помнилъ, но слѣдъ отъ этого, надо думать, оставался у него въ сознаніи).

Когда они разставлены были на эшафотѣ по обѣимъ сторонамъ, на середину вышелъ аудиторъ и прочелъ приговоръ. Во время чтенія проглянуло солнце и Ѳ. М., стоя подлѣ Дурова, сказалъ ему: „не можетъ быть, чтобы насъ казнили“. Въ отвѣтъ на это Дуровъ указалъ ему на телѣгу, на которой, какъ ему представлялось, положены были гробы, прикрытые рогожей (потомъ оказалось, что это ихъ арестантское платье). Тутъ уже, вспоминалъ Ѳ. М., не оставалось никакого сомнѣнія. Ѳедору Михайловичу такъ и врѣзались на всю жизнь въ сознаніе столько разъ повторенныя въ роковой бумагѣ слова: „приговорены къ смертной казни разстрѣляніемъ“. Но при этомъ также глубоко врѣзалась ему въ память и такая внѣшняя подробность, какъ то, что, окончивъ чтеніе, аудиторъ сложилъ бумагу и, положивъ ее въ боковой карманъ, сошелъ съ возвышенія. (Повидимому въ связи съ этимъ воспоминаніемъ находится предположеніе „Идіота“ относительно приговореннаго къ смертной казни, что у него въ головѣ должно быть стучатъ разныя мысли, все неконченныя и, можетъ быть, и смѣшныя, постороннія такія мысли: „вотъ этотъ глядитъ—у него бородавка на лбу, вотъ у палача одна нижняя пуговица заржавѣла“). На смѣну аудитору взошелъ на эшафотъ священникъ съ крестомъ въ рукахъ и пригласилъ къ исповѣди. Но, по свидѣтельству Ѳ. М., исповѣдываться никто не пошелъ, кромѣ одного Шапошникова (по происхожденію мѣщанина). Онъ исповѣдывался не долго. Къ кресту же, по свидѣтельству Ѳ. М., приложились всѣ. Стало быть и Петрашевскій, оказывающійся не только по слѣдственному дѣлу, но и по воспоминаніямъ о немъ вполнѣ атеистомъ? Фактъ этотъ (если Ѳ. М. не ошибся) остается также невыясненнымъ, какъ и то, почему исповѣдывался одинъ Шапошниковъ, тогда какъ были и между другими несомнѣнно религіозные люди (Дуровъ, какъ выразился Ѳ. М., даже „до смѣшнаго“). Въ связи съ этимъ эпизодомъ изъ собственной жизни отчасти, должно быть, находится слѣдующее въ разсказѣ „Идіота“ о приговоренномъ къ смерти: „священникъ поскорѣй, скорымъ такимъ жестомъ и молча, ему крестъ къ самымъ губамъ вдругъ подставлялъ, маленькій такой крестъ, серебряный, четырехконечный... Крестъ онъ съ жадностію цаловалъ, спѣшилъ цаловать, точно спѣшилъ не забыть захватить что то про запасъ, на всякій случай, но врядъ ли въ эту минуту что нибудь религіозное сознавалъ“ *).

Появленіе священника для исповѣди, по словамъ Ѳ. М., заставило ихъ убѣдиться въ томъ, что казнь будетъ въ самомъ дѣлѣ совершена: не станутъ же, представлялось имъ, обращать это въ одну *декоративную*

*) Сочин. т. VII, стр. 66—67.

принадлежность. Мнѣ разсказывалъ г. Кашкинъ, что его вниманіе обратило на себя то, что со священникомъ не было св. даровъ. Воспользовавшись тѣмъ, что онъ стоялъ у самаго края эшафота, какъ разъ противъ оберъ-полицiймейстера, онъ рѣшился, наклонившись, спросить у него шепотомъ по французски: „неужели, предлагая намъ исповѣдываться, насъ оставятъ безъ причащенія“, на что ген. Галаховъ прошепталъ ему въ отвѣтъ по французски же: „вы будете всѣ помилованы“. Такимъ образомъ одинъ изъ присутствовавшихъ ранѣе другихъ узналъ, что казнь не будетъ совершена.

Между тѣмъ, какъ вспоминалъ Спѣшневъ, троихъ уже привязали къ столбамъ. По словамъ Ѳ. М. это были Петрашевскій, Момбелли и Григорьевъ. Передъ каждымъ столбомъ сталъ офицеръ съ солдатами и были уже произнесены командныя слова. Ѳ. М. припоминалъ, что сожалѣнія объ оставляемыхъ въ мiрѣ онъ тогда не чувствовалъ, да и времени было слишкомъ мало. Онъ ощущалъ только мистическій страхъ, весь находился подъ вліяніемъ мысли, что черезъ какихъ нибудь пять минутъ перейдетъ въ другую, неизвѣстную жизнь (въ немъ, стало быть, ни мало не была поколеблена вѣра въ безсмертье). Какъ ни былъ онъ потрясенъ, онъ однако не потерялся. Бывшій тогда на площади г. Загуляевъ передавалъ, что Ѳ. М. не былъ блѣденъ, довольно быстро взошелъ на эшафотъ, скорѣе былъ тороппивъ, чѣмъ подавленъ. Совершенно иначе подѣйствовало все это на нѣкоторыхъ товарищей. Мы знаемъ уже со словъ Спѣшнева, что еще въ крѣпости сталъ мѣшаться въ умѣ Григорьевъ. Привязываніе къ столбу и уже раздавшаяся команда довершили дѣло. Оставалось произнести: „пли!“ (пали) и все было бы кончено. Тутъ, по словамъ Спѣшнева, махнули платкомъ — и казнь была остановлена. Но когда Григорьева отвязали отъ столба съ двумя другими, онъ былъ блѣденъ какъ смерть. Умственныя способности окончательно ему измѣнили.

По словамъ И. М. Дебу многимъ изъ нихъ вѣсть о помилованіи вовсе не представилась радостною, а какъ будто бы даже обидною: такъ враждебно настроила ихъ вся эта только что совершившаяся съ ними процедура.

Объ общемъ настроеніи духа своемъ и своихъ товарищей въ эту пору Ѳ. М. вспоминалъ въ „Дневникѣ Писателя“ 1873 г. „Мы, Петрашевцы, говорилъ онъ тутъ, стояли на эшафотѣ и выслушивали нашъ приговоръ безъ малѣйшаго раскаянія. Безъ сомнѣнія, я не могу свидѣтельствовать обо всѣхъ, но думаю, что не ошибусь, сказавъ, что тогда, въ ту минуту, если не всякій, то по крайней мѣрѣ чрезвычайное большинство изъ насъ почло бы за безчестіе отрекаться отъ своихъ убѣжденій... Приговоръ смерт-

ной казни разстрѣляніемъ, прочтенный намъ всѣмъ предварительно, прочтенъ былъ вовсе не въ шутку; почти всѣ приговоренные были увѣрены, что онъ будетъ исполненъ и вынесли по крайней мѣрѣ десять ужасныхъ, безмѣрно страшныхъ минутъ ожиданія смерти. Въ эти послѣднія минуты нѣкоторые изъ насъ (я знаю положительно), инстинктивно углубляясь въ себя и провѣряя мгновенно всю свою, столь юную еще жизнь, — можетъ быть и раскаявались въ иныхъ тяжелыхъ дѣлахъ своихъ — (изъ тѣхъ, которыя у каждаго человѣка всю жизнь лежатъ въ тайнѣ на совѣсти); но то дѣло, за которое насъ осудили, тѣ мысли, тѣ понятія, которыя владѣли нашимъ духомъ — представлялись намъ не только не требующими раскаянія, но даже чѣмъ-то насъ очищающимъ, мученичествомъ, за которое многое намъ простится".

Ѳедоръ Михайловичъ въ тотъ же день писалъ брату о своемъ настроеніи въ послѣднюю рѣшительную минуту: „я вспомнилъ тебя, братъ, всѣхъ твоихъ; въ послѣднюю минуту ты, только одинъ ты, былъ въ умѣ моемъ, я тутъ только узналъ, какъ люблю тебя, братъ мой милый. Я успѣлъ тоже обнять Плещеева, Дурова, которые были возлѣ, и проститься съ ними. Наконецъ ударили отбой, привязанныхъ къ столбу привели назадъ и намъ прочли, что Его Императорское Величество даруетъ намъ жизнь".

Мысль о предстоящей каторгѣ однако же представлялась ему тогда ужасною. „Лучше, выражается онъ въ томъ же письмѣ, пятнадцать лѣтъ въ казематѣ съ перомъ въ рукѣ" и при этомъ прибавляетъ: „та голова, которая создавала, жила высшею жизнью искусства, которая свыклась съ возвышенными потребностями духа, та голова уже срѣзана съ плечъ моихъ" *).

Переиспытанное Достоевскимъ въ то время не разъ воспроизводилось имъ впослѣдствіи въ различныхъ его произведеніяхъ. Сюда, конечно, не можетъ быть отнесено то, что говорится, въ видѣ сравненія, объ ожиданіи казни въ „Маленькомъ героѣ", такъ какъ, во время пребыванія своего въ крѣпости, гдѣ написана эта повѣсть, Ѳ. М—чъ, конечно, не думалъ, чтобы дѣло могло привести къ казни. Зато относящееся сюда несомнѣнно встрѣчается въ „Преступленіи и Наказаніи". Когда Раскольниковъ сходитъ съ лѣстницы отъ Мармеладовыхъ „полный одного новаго необъятнаго ощущенія вдругъ прихлынувшей полной и могучей жизни", то авторъ по этому поводу замѣчаетъ: „это ощущеніе могло походить на

*) „Русск. Старина", 1881 г., май, стр. 34. Изъ письма этого тутъ напечатаны лишь отрывки. Оригиналъ, сохранявшійся у Анны Григорьевны и отданный на время кому-то, къ несчастію, затерялся.

ощущеніе приговореннаго къ смертной казни, которому вдругъ и неожиданно объявляютъ прощеніе“ *). (Его настроеніе, если такъ, не сходилось съ тѣмъ настроеніемъ, о которомъ говоритъ г. Дебу). Выше уже приведены два мѣста изъ „Идіота“, прямо отзывающіяся воспоминаніями о трагическомъ эпизодѣ въ собственной жизни Ѳ. М—ча.

Въ разсказахъ „Идіота“ о приговоренныхъ къ смерти, заключается цѣлая опытная психологія въ лицахъ въ связи съ религіозно-философскимъ вопросомъ о смертной казни. „Приготовленія тяжелы, разсказываетъ „Идіотъ“. Вотъ когда объявляютъ приговоръ, снаряжаютъ, вяжутъ, на эшафотъ взводятъ, вотъ тутъ ужасно. Народъ сбѣгается, даже женщины“. А въ другомъ мѣстѣ: „крикъ, шумъ, десять тысячъ лицъ, десять тысячъ глазъ — все это надо перенести“, а главное—мысль: „вотъ ихъ десять тысячъ, а ихъ никого не казнятъ, а меня-то казнятъ!“... Кто сказалъ, спрашиваетъ „Идіотъ“, что человѣческая природа въ состояніи вынести это безъ сумасшествія? Зачѣмъ такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное? Можетъ быть и есть такой человѣкъ, которому прочли приговоръ, дали помучиться, а потомъ сказали: „ступай, тебя прощаютъ“! Вотъ этакій человѣкъ, можетъ быть, могъ бы разсказать. Объ этой мукѣ и объ этомъ ужасѣ и Христосъ говорилъ. Нѣтъ, съ человѣкомъ такъ нельзя поступать“ **). Въ другомъ разсказѣ „Идіотъ“ говоритъ про человѣка, который „былъ разъ взведенъ, вмѣстѣ съ другими, на эшафотъ, и ему прочитанъ былъ приговоръ смертной казни разстрѣляніемъ за политическое преступленіе. Минутъ черезъ двадцать прочтено было помилованіе и назначена другая степень наказанія; но однако же въ промежуткѣ между двумя приговорами, двадцать минутъ или по крайней мѣрѣ четверть часа онъ прожилъ подъ несомнѣннымъ убѣжденіемъ, что черезъ нѣсколько минутъ онъ вдругъ умретъ... Шагахъ въ двадцати отъ эшафота, около котораго стоялъ народъ и солдаты, были врыты три столба, такъ какъ преступниковъ было нѣсколько человѣкъ. Троихъ первыхъ повели къ столбамъ, привязали, надѣли на нихъ смертный костюмъ... Затѣмъ противъ каждаго столба выстроилась команда изъ нѣсколькихъ человѣкъ солдатъ... Священникъ обошелъ всѣхъ съ крестомъ. Выходило, что остается жить минутъ пять, не больше. Онъ говорилъ, что эти пять минутъ казались ему безконечнымъ срокомъ, огромнымъ богатствомъ... Онъ умиралъ двадцати семи лѣтъ... (тогдашній возрастъ самого Ѳедора Михайловича) прощаясь съ товарищами, онъ помнилъ, что одному изъ нихъ задалъ довольно

*) См. сочиненія, т. VI, стр. 176. Ср. еще въ „Преступленіи и Наказаніи“ (соч. т. VI), стр. 72, 150.

**) Сочиненія, т. VII, стр. 24,—26, 66.

посторонній вопросъ и даже очень заинтересовался отвѣтомъ. Потомъ... настали... двѣ минуты, которыя онъ отсчиталъ, чтобы *думать про себя...* ему все хотѣлось представить себѣ... что вотъ какъ же это такъ: онъ теперь есть и живетъ, а черезъ три минуты будетъ уже *нѣчто,* кто-то или что-то—такъ кто-же? гдѣ-же?.. Невдалекѣ была церковь, и вершина собора съ позолоченною крышей сверкала на яркомъ солнцѣ (церковь Семеновскаго полка, хорошо видная съ плаца, о дѣйствіи которой на него въ то время Ѳ. М. разсказывалъ близкимъ). Онъ помнилъ, что ужасно упорно смотрѣлъ на эту крышу и на лучи, отъ нея сверкавшіе... ему казалось, что эти лучи его новая природа, что онъ черезъ три минуты какъ нибудь сольется съ ними.... Неизвѣстность и отвращеніе отъ этого новаго, которое будетъ и сейчасъ наступитъ, были ужасны... Что̀, еслибы не умирать, что̀, еслибы воротить жизнь — какая безконечность! И все это было бы мое!.. Эта мысль у него, наконецъ, въ такую злобу переродилась, что ужь ему хотѣлось, чтобъ его поскорѣй застрѣлили *). (Вотъ это отчасти подходитъ къ тому настроенію, о которомъ говоритъ г. Дебу).

Наконецъ, въ „Дневникѣ Писателя" 1876 г. Ѳ. М. спрашивалъ: „Знаете-ли вы, что такое смертный страхъ? Кто не былъ близко у смерти, тому трудно понять это". Это сказано тутъ по отношенію къ г-жѣ Великановой (въ дѣлѣ г-жи Каировой): „она проснулась ночью, разбуженная бритвой своей убійцы... Это почти все равно, что смертный приговоръ привязанному у столба къ разстрѣлянію и когда на привязаннаго уже надвинутъ мѣшокъ" **).

Въ сознаніи Достоевскаго, какъ психолога, главнымъ образомъ сохранилась внутренняя сторона ихъ тогдашняго положенія и, повидимому, безслѣдно исчезъ тотъ морозъ въ 21 град., при которомъ все это происходило. По разсказу покойнаго Спѣшнева, не смотря на такую температуру они должны были снять верхнее платье и простоять въ рубашкахъ во все время чтенія приговора, привязыванія къ столбамъ и новаго объявленія приговора. Все это, утверждалъ Спѣшневъ, продолжалось болѣе получаса (Достоевскій считалъ 20 минутъ, если признать автобіографическою и эту подробность въ разсказѣ „Идіота"). „Потрите щеку"; „потрите подбородокъ", говорили они другъ другу. По возвращеніи въ крѣпость всѣхъ ихъ обошелъ докторъ Окель вмѣстѣ съ комендантомъ Набоковымъ, чтобы освидѣтельствовать, не простудился ли кто нибудь. Уже въ Тобольскѣ докторъ декабристовъ Вольфъ замѣтилъ у Спѣшнева начало

*) Ibidem, 62, 63.
**) Соч. т. XI, стр. 173.

чахотки, но подъ вліяніемъ вдыханія смолистыхъ и лиственныхъ деревьевъ онъ мало по малу оправился.

Отправлены были въ Сибирь не всѣ вдругъ—а по два или даже по одному въ день. Петрашевскаго прямо съ мѣста казни одѣли въ тулупъ и отослали въ Минусинскъ. До Тобольска приходилось ѣхать по одной дорогѣ, а тамъ уже партіи раздѣлялись. Ѳ. М. отправленъ былъ, повидимому, въ самый рождественскій сочельникъ. Для него, выросшаго въ семьѣ и такъ любившаго семью, для него, не перестававшаго быть христіаниномъ, это былъ день, сопровождавшійся воспоминаніями совершенно другаго рода. Но власти, конечно, смотрѣли на всѣхъ осужденныхъ какъ на отъявленныхъ атеистовъ.

„Если не ошибаюсь, на третій день послѣ экзекуціи на Семеновской площади, говоритъ А. П. Милюковъ, М. М. Достоевскій пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ, что брата его отправляютъ въ тотъ же вечеръ и онъ ѣдетъ проститься съ нимъ *). Мнѣ тоже хотѣлось попрощаться съ тѣмъ, кого долго, а можетъ быть и никогда не придется видѣть. Мы поѣхали въ крѣпость, прямо къ извѣстному уже намъ плацъ-маіору М—ю, черезъ котораго надѣялись получить разрѣшеніе на свиданіе. Это былъ человѣкъ въ высокой степени доброжелательный. Онъ подтвердилъ, что дѣйствительно въ этотъ вечеръ отправляютъ въ Омскъ Достоевскаго и Дурова, но видѣться съ уѣзжающими, кромѣ близкихъ родственниковъ, нельзя безъ разрѣшенія коменданта. Это сначала меня огорчило, но, зная доброе сердце и снисходительность генерала Набокова, я рѣшился обратиться къ нему лично за позволеніемъ проститься съ друзьями. И я не ошибся въ своей надеждѣ: комендантъ разрѣшилъ и мнѣ видѣться съ Ѳ. М. Достоевскимъ и Дуровымъ.

„Насъ провели въ какую-то большую комнату въ нижнемъ этажѣ комендантскаго дома. Давно уже былъ вечеръ, и она освѣщалась одною лампою. Мы ждали довольно долго, такъ что крѣпостные куранты раза два успѣли проиграть четверти на своихъ разнотонныхъ колокольчикахъ. Но вотъ дверь отворилась, за нею брякнули приклады ружей, и въ сопровожденіи офицера вошли Ѳ. М. Достоевскій и С. Ѳ. Дуровъ. Горячо пожали мы другъ другу руки. Не смотря на восьмимѣсячное заключеніе въ казематахъ, они почти не перемѣнились: то же серьезное спокойствіе на лицѣ одного, та же привѣтливая улыбка у другаго. Оба уже одѣты были въ дорожное арестантское платье, въ полушубкахъ и валенкахъ.

*) Экзекуція была 22-го; третій день послѣ нея—24-е, а вечеръ этого дня—какъ разъ вечеръ на Рождество.

Крѣпостной офицеръ скромно помѣстился на стулѣ недалеко отъ входа и нисколько не стѣснялъ насъ. Ѳ. М—чъ прежде всего высказалъ брату свою радость, что онъ не пострадалъ вмѣстѣ съ другими, и съ теплой заботливостью разспрашивалъ его о семействѣ, о дѣтяхъ, входилъ въ самыя мелкія подробности о ихъ здоровьи и занятіяхъ. Во время нашего свиданія онъ обращался къ этому нѣсколько разъ. На вопросы о томъ, каково было содержаніе въ крѣпости, Достоевскій и Дуровъ съ особенною теплотой отозвались о комендантѣ, который постоянно заботился о нихъ и облегчалъ, чѣмъ только могъ, ихъ положеніе. Ни малѣйшей жалобы не высказали ни тотъ, ни другой на строгость суда или суровость приговора...

„Когда Ѳ. М—чъ началъ говорить съ братомъ о семейныхъ дѣлахъ, Дуровъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ мало-по-малу свыкся съ казематомъ, особенно съ того времени, какъ имъ стали присылать книги и журналы... Передавая мнѣ небольшой листокъ почтовой бумаги, онъ сказалъ: „это мои послѣдніе стихи... надняхъ написалъ въ казематѣ“ *).

„Смотря на прощанье братьевъ Достоевскихъ, продолжаетъ А. П. Милюковъ, всякій замѣтилъ бы, что изъ нихъ страдаетъ болѣе тотъ, который остается. Въ глазахъ старшаго брата стояли слезы, губы его дрожали, а Ѳ. М. былъ спокоенъ и утѣшалъ его. „И въ каторгѣ не звѣри, а люди, можетъ еще и лучше меня, можетъ достойнѣе меня“... Да мы еще увидимся, я надѣюсь на это, я даже не сомнѣваюсь, что увидимся. А вы пишите, да когда обживусь — книгъ присылайте; я напишу какихъ; вѣдь читать можно будетъ“. (Дѣйствительно воображалъ это Ѳ. М. или только утѣшалъ брата?) А выйду изъ каторги, писать начну“... Въ эти мѣсяцы я много пережилъ, въ себѣ самомъ много пережилъ, а тамъ впереди-то что̀ увижу и переживу; будетъ о чемъ писать“... Можетъ быть, замѣчаетъ г. Милюковъ, его именно занимала какъ бы врожденная и всегда присущая ему мысль найти въ самыхъ низко-падшихъ преступникахъ... ту глубоко подъ пепломъ затаившуюся, но не погасшую искру огня Божія, которая живетъ, какъ онъ вѣрилъ, въ самомъ закоренѣломъ злодѣѣ и послѣднемъ отверженцѣ“.

Свиданіе ихъ продолжалось болѣе получаса, но имъ показалось очень коротко. Но вотъ имъ сказали, что надо разстаться. Въ послѣдній разъ обнялись и пожали другъ другу руки. Узнавъ, что повезутъ чрезъ часъ, не позже, остающіеся подождали у воротъ крѣпости... Ночь была не хо-

*) Они были напечатаны въ мартовской книжкѣ „Русск. Старины“ 1881 г. и перепечатываются здѣсь въ приложеніяхъ „Изъ апостола Іоанна“.

лодная и свѣтлая... Куранты проиграли девять, когда выѣхали двое саней и на каждыхъ сидѣлъ арестантъ съ жандармомъ. „Прощайте!“ крикнули провожающіе. „До свиданія“ отвѣчали имъ.

Изъ этого драгоцѣннаго разсказа видно, какъ держалъ себя тутъ человѣкъ, такъ недавно еще чуть было не сошедшій съ ума отъ различныхъ самосочиненныхъ болѣзней. Уже по прибытіи на каторгу ему суждено было стать геніемъ-утѣшителемъ одного изъ товарищей своихъ по несчастію. Вотъ какъ вспоминаетъ объ этомъ И. Л. Ястржембскій. „Нельзя вообразить, какъ я былъ обрадованъ, когда меня, Достоевскаго и Дурова для отправленія въ Сибирь посадили въ одномъ поѣздѣ. Одиночное восьмимѣсячное заключеніе въ Алексѣевскомъ равелинѣ подѣйствовало на меня убійственно. Я былъ до того изможженъ и физически уничтоженъ, что стоявшій около меня на эшафотѣ Дуровъ меня не узналъ. Возможность побесѣдовать съ Дуровымъ и Достоевскимъ во время краткихъ отдыховъ въ пути доставила, по крайней мѣрѣ мнѣ, истинное счастье.

„Мы прибыли въ Тобольскъ... и были проведены въ огромную залу, въ которой приготовляли къ отправленію *партіи*. Тамъ было собрано человѣкъ до трехсотъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей разныхъ возрастовъ и племенъ; однихъ заковывали въ кандалы, другихъ нанизывали на желѣзный прутъ, третьимъ брили головы. Зрѣлище это произвело на меня потрясающее и удручающее впечатлѣніе... Мы были переданы въ руки смотрителя острога...

„Пропутешествовавъ всю ночь и часть дня на сорокаградусномъ морозѣ, неудивительно, что я съ представленіемъ о пріѣздѣ въ Тобольскъ соединялъ понятіе о кое-какомъ тепломъ пріютѣ и горячемъ чаѣ. На вопросъ мой: „можно-ли въ острогѣ, куда насъ вели, получить самоваръ“? Иванъ Гавриловичъ (смотритель) отвѣчалъ другимъ вопросомъ: „а какъ же вы будете дѣлать путешествіе по сибирскимъ этапамъ? Нѣтъ у насъ самовара!“ Эти слова открывали передо мною перспективу пѣшаго образа хожденія можетъ быть за тысячи верстъ. Тутъ же мнѣ вспомнилась только что видѣнная картина приготовленія къ отправкѣ *партіи*.

„Мы пришли въ канцелярію острога. Въ этой канцеляріи, темной и грязной, прежде всего я замѣтилъ *чиновниковъ*, занимающихся письмоводствомъ. Эти лица были въ арестантскихъ армякахъ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ на лбу и щекахъ видны были буквы: К. А. Т.; у другихъ, съ вырѣзанными ноздрями, лице и лобъ были помѣчены буквами: В. О. Р. Физіономіи были à l'avenant...

„Къ намъ тутъ же подступили еще какія-то три личности. Впослѣдствіи мы узнали, что это было начальство: прокуроръ, почтмейстеръ

и еще какой-то начальникъ... Иванъ Гавриловичъ подошелъ къ намъ. „Въ кандалахъ?“ спросилъ онъ рѣзко. „Да-съ“, отвѣчали мы. „Обыскать“, скомандовалъ онъ. Мы подверглись обшариванію кармановъ, вызвавшему на нашихъ лицахъ краску стыда и негодованія. Тутъ же почтенный Иванъ Гавриловичъ конфисковалъ у меня почти полную бутылку хорошаго рому, которую я купилъ было въ Казани. Все это не предвѣщало намъ ничего добраго. Повели насъ въ камеру. Узкая, темная, холодная, грязная комната... Въ камерѣ были нары и на нихъ три грязные мѣшка, набитые сѣномъ, вмѣсто тюфяковъ, и такія же три подушки. Совершенная темнота. За дверью, въ сѣняхъ, слышались тяжелые шаги часоваго, ступающаго взадъ и впередъ на сорокаградусномъ морозѣ.

„Мы присѣли и скорчились — Дуровъ на нарахъ, а я рядомъ съ Достоевскимъ на полу. За тонкой стѣной или скорѣе перегородкой, гдѣ, какъ мы узнали послѣ, помѣщались подсудимые, слышалось постукиваніе шкаликовъ и рюмокъ, возгласы играющихъ въ карты и въ юлу, и такая ругань, такія проклятія...

„У Дурова пальцы на рукахъ и ногахъ были отморожены и ноги сильно повреждены отъ кандаловъ. У Достоевскаго кромѣ того еще въ Алексѣевскомъ равелинѣ открылись на лицѣ и во рту золотушныя язвы. Я отморозилъ кончикъ носа.

„Среди такой неприглядной обстановки мнѣ вспомнилась моя жизнь въ Петербургѣ среди молодыхъ, симпатичныхъ и умныхъ товарищей по двумъ университетамъ: кіевскому и харьковскому... Я подумалъ, что̀ бы сказала моя сестра, если-бъ увидѣла, въ какомъ я положеніи? Я думалъ, что для меня нѣтъ спасенія и рѣшился покончить съ собою, къ чему еще въ Алексѣевскомъ равелинѣ я сдѣлалъ удачныя приготовленія... Напоминаю объ этомъ тяжкомъ прошедшемъ единственно потому, что оно дало мнѣ возможность ближе узнать личность Достоевскаго. Его симпатичная и милая бесѣда излечила меня отъ отчаянія и пробудила во мнѣ надежду.

„Совершенно нечаянно и нежданно мы получили сальную свѣчу, спички и горячій чай, который намъ показался вкуснѣе нектара. (По приказанію жандармскаго офицера, оказавшагося отчасти знакомымъ И. Л. Ястржембскому). У Достоевскаго оказались превосходныя сигары, которыхъ, по счастію, не досмотрѣлъ почтенный Иванъ Гавриловичъ. Въ дружеской бесѣдѣ мы провели большую часть ночи. Симпатичный, милый голосъ Достоевскаго, его нѣжность и мягкость чувства, даже нѣсколько его капризныхъ вспышекъ, совершенно женскихъ, подѣйствовали на меня успокоительно. Я отказался отъ всякаго крайняго рѣшенія. Мы

разстались съ Достоевскимъ и Дуровымъ въ тобольскомъ острогѣ, поплакали, обнялись и больше уже не видались.

„Достоевскій, заключаетъ И. Л. Ястржембскій, принадлежалъ къ разряду тѣхъ субъектовъ, о которыхъ Michelet сказалъ: que tout en étant le plus fort mâles, ils on beaucoup de la nature féminine. Этимъ обстоятельствомъ объясняется сторона его сочиненій, въ которой видятъ жестокость таланта и охоту мучить...

„При данной природѣ Достоевскаго тѣ тяжелыя страданія, которыя слѣпая и глухая судьба послала ему совершенно незаслуженно, отразились и на его характерѣ. Не мудрено, что онъ сдѣлался нервенъ и раздражителенъ въ высшей степени. Но, кажется, я не погрѣшу парадоксомъ, если скажу, что сами эти страданія послужили на пользу его таланта, развивъ въ немъ совершенство его психическаго анализа“.

Точно такъ-же смотрѣлъ на свою судьбу самъ Достоевскій. Захотѣвъ быть ему мачихой, она на самомъ дѣлѣ воспитала его какъ строгая, но попечительная мать.

IV.

Ссылка и освобожденіе.

„Когда мы, въ Тобольскѣ, въ ожиданіи дальнѣйшей участи, сидѣли въ острогѣ на пересыльномъ дворѣ, вспоминаетъ Ѳ. М. Достоевскій въ „Дневникѣ“ 1873 г., жены декабристовъ умолили смотрителя острога и устроили въ квартирѣ его свиданіе съ нами *). Мы увидѣли этихъ великихъ страдалицъ, добровольно послѣдовавшихъ за своими мужьями въ Сибирь... Ни въ чемъ неповинныя, онѣ въ долгія двадцать пять лѣтъ перенесли все, что̀ перенесли ихъ осужденные мужья. Свиданіе продолжалось часъ. Онѣ благословили насъ въ новый путь, перекрестили и каждаго обдѣлили евангеліемъ—единственная книга, позволенная въ острогѣ. Четыре года пролежала она подъ моей подушкой въ каторгѣ. Я читалъ ее иногда и читалъ другимъ. По ней выучилъ читать одного каторжнаго“ **).

Сами Петрашевцы были люди большею частью очень молодые, еще

*) По словамъ И. Л. Ястржембскаго это были: Муравьева, Анненкова съ дочерью) и Фонъ-Визина. Онѣ доставили также нашимъ „каторжникамъ“ изысканный обѣдъ съ винами.

**) Сочин. томъ X, стр. 9.

безсемейные. За ними некому было идти. Даръ, полученный ими отъ женъ декабристовъ—евангеліе—могли бы они получить и отъ самихъ декабристовъ, едва ли не въ большинствѣ добрыхъ христіанъ. И между Петрашевцами нѣкоторые, какъ мы видѣли, были настроены вполнѣ религіозно и могли стало быть оцѣнить такой даръ. Къ нимъ принадлежали Ѳедоръ Михайловичъ и оставшійся вмѣстѣ съ нимъ въ Омскѣ Дуровъ.

Въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“ Ѳедоръ Михайловичъ говоритъ, что у него была и вся библія (надо думать, доставленная ему еще въ крѣпость братомъ), но ее у него укралъ одинъ изъ каторжниковъ.

„Записки изъ Мертваго Дома“—конечно, отличный матеріалъ для жизнеописанія Ѳедора Михайловича, но къ нимъ могли бы быть примѣнены тѣ слова, какими Гете озаглавилъ свою автобіографію: Aus meinem Leben Wahrheit und Dichtung (изъ моей жизни правда и вымыселъ). Самъ Ѳ. М. въ томъ, чтò было имъ продиктовано для своей заграничной біографіи, говоритъ, что въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“ онъ „подъ вымышленными именами разсказалъ свою жизнь въ каторгѣ и описалъ своихъ прежнихъ товарищей каторжныхъ“. Самого себя онъ выставилъ тутъ подъ именемъ дворянина Александра Петровича Горянчикова, преступленіе котораго состояло въ убійствѣ изъ ревности. Когда же въ энциклопед. словарѣ проф. Березина въ статьѣ г. В. З. сказано было глухо, что, онъ „замѣшанъ былъ въ дѣло Петрашевскаго“, то Ѳ. М-чъ въ январьскомъ „Дневникѣ Писателя“ 1876 г. счелъ нужнымъ замѣтить: „никто не обязанъ знать и помнить про дѣло Петрашевскаго, а энциклопедическій словарь назначается для всеобщихъ справокъ и могутъ подумать, что я сосланъ былъ за грабежъ“. Это вынудило его тутъ же напечатать, что онъ сосланъ былъ *какъ государственный преступникъ* (послѣднія слова подчеркнуты имъ самимъ) *). „Записки изъ Мертваго Дома“, продиктовалъ онъ далѣе для иностранной своей біографіи, были прочитаны всей Россіей и до сихъ поръ цѣнятся весьма высоко, хотя порядки и обычаи, описанные въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“, давно уже измѣнились въ Россіи. Ѳедоръ Михайловичъ счелъ нужнымъ указать за границей на эти измѣненія, связывая ихъ, конечно, со всѣми тѣми многообразными измѣненіями, какими обязаны мы Государю Александру Николаевичу. Самое появленіе въ печати „Записокъ изъ Мертваго Дома“ было бы до Александра II немыслимо. Описать, напримѣръ, съ такимъ убійственнымъ реализмомъ тѣ только что вышедшія изъ подъ палокъ спины, которыя пришлось видѣть Достоевскому въ каторжной больницѣ,

*) Сочин. томъ XI, стр. 43.

можно было только при Царѣ, отмѣнившемъ палки. „Записки" и вообще, смѣло можно сказать, не отличаются утайками или недомолвками. Если Достоевскій нашелъ въ нихъ нужнымъ замаскироваться обыкновеннымъ преступникомъ изъ дворянъ, то онъ говоритъ и о настоящихъ политическихъ ссыльныхъ въ особой главѣ (появившейся въ журналѣ „Время" *) она, правда, потомъ опускалась въ отдѣльныхъ изданіяхъ, но въ настоящемъ полномъ собраніи сочиненій Ѳ. М. снова помѣщена въ своемъ первоначальномъ видѣ) **). Порядки (потомъ значительно измѣнившіеся) описаны такъ, что часто дѣйствительно становится жутко — и отъ кандаловъ, не снимаемыхъ даже въ банѣ и во время игры на сценѣ (однако допускаемой для этихъ каторжниковъ), и отъ еженедѣльнаго обязательнаго бритья половины головы, и отъ ночнаго ушата, заражающаго воздухъ въ камерѣ, и отъ цѣлыхъ легіоновъ блохъ, не дающихъ спать, и отъ пропитаннаго насквозь запахомъ гноя испачканнаго больничнаго халата, въ который тѣмъ не менѣе облекаются и здоровые, чтобы на время смѣнить хоть на такую больницу обычную острожную жизнь; наконецъ, отъ дикаго самодурства маіора, являющагося со своимъ: „я царь, я и Богъ" настоящимъ увѣнчаніемъ зданія этой *каторги*. Но въ то же самое время, читая эти записки, чувствуешь, что тутъ однако же нѣтъ того педантизма, того соблюденія, такъ сказать, святости правилъ, которое просто не въ натурѣ русскаго человѣка, чѣмъ и объясняется отзывъ критика въ журналѣ *Athenaeum* по поводу англійскаго перевода „Записокъ изъ Мертваго Дома" (на что обращено было вниманіе въ „Новомъ Времени") ***). Въ самомъ дѣлѣ эти каторжники и комедію играютъ, и большіе праздники не

*) 1862 г. Декабрь (подъ заглавіемъ: „Товарищи").

**) См. т. IV. По множеству цитатъ изъ „Записокъ изъ Мертваго Дома", позволяю себѣ не дѣлать ссылокъ на отдѣльныя страницы.

***) „Отдавая должную дань таланту и наблюдательности Достоевскаго, сказано тутъ, англійскій критикъ замѣчаетъ, что чтеніе „Записокъ изъ Мертваго Дома" производитъ тяжелое впечатлѣніе, и это не смотря на то, что критику приходится сознаться, что въ жизни осужденныхъ допускаются такія послабленія, которыя привели бы въ ужасъ строгихъ англійскихъ тюремщиковъ, что обращеніе съ политическими преступниками въ Сибири во многихъ случаяхъ предпочтительнѣе того, чему они подвергаются въ Западной Европѣ".

Между тѣмъ Достоевскому съ Дуровымъ пришлось попасть въ самый строгій острогъ. Участь нѣкоторыхъ была гораздо счастливѣе. Напримѣръ И. М. Дебу вспоминаетъ, что его везли въ Килію не въ кандалахъ, а только съ кандалами, что килійскій комендантъ и инженеры отнеслись къ нему съ большимъ участіемъ, облегчили его положеніе на сколько это было возможно, и что по переводѣ его въ севастопольскія военно-рабочія роты и тамъ онъ былъ встрѣченъ весьма гуманно какъ со стороны начальства, такъ и со стороны нѣкоторыхъ лицъ, вовсе ему до того времени незнакомыхъ. (Особенно тепло отзывается онъ о двухъ инженерныхъ офицерахъ К. Д. Хл—вѣ и М. М. Бар—вѣ).

проходятъ для нихъ безъ слѣда, да и въ будни, не смотря ни на какіе запреты, они и трубку курятъ, и даже въ карты играютъ, не лишены ни водки, ни даже порою иныхъ, казалось бы еще менѣе возможныхъ тутъ наслажденій, и работаютъ, что называется, въ тихомолку по ночамъ на себя со своею свѣчкой въ своемъ особомъ подсвѣчникѣ, а потомъ и выручаютъ и держатъ у себя—опять, разумѣется, въ тихомолку, кое какую деньгу. У Достоевскаго, какъ дворянина, она была и не заработанная и онъ хранилъ ее въ переплетѣ подареннаго ему (мы уже знаемъ кѣмъ) евангелія (помня, надо думать, слова грознаго маіора: „арестантъ не имѣетъ собственности"). Благодаря своимъ небольшимъ, конечно, деньгамъ, онъ могъ имѣть чай со своимъ особымъ чайникомъ и кое какую свою дополнительную ѣду—при помощи искусства острожныхъ „стряпокъ", хотя и острожная пища, по словамъ его, была сносна; хлѣбъ даже славился въ городѣ, зато щи не отличались крѣпостью, но изобиловали тараканами. „Помню ясно, говоритъ Достоевскій, что съ перваго шагу въ этой жизни поразило меня то, что я какъ будто и не нашелъ въ ней ничего особенно поражающаго, необыкновеннаго, или, лучше сказать, неожиданнаго... мнѣ показалось, что въ острогѣ гораздо легче жить, чѣмъ я воображалъ себѣ дорогой... Самая работа показалась мнѣ вовсе не такъ тяжелою, *каторжною*, и только довольно долго спустя я догадался, что тягость и *каторжность* этой работы—не столько въ трудности и безпрерывности ея, сколько въ томъ, что она *принужденная*, обязательная, изъ подъ палки".

Арестанты, вспоминаетъ Ө. М-чъ, работали по мастерскимъ, разгребали у казенныхъ зданій снѣгъ, нанесенный буранами, обжигали и толкли алебастръ, и пр. и пр.

Второй разрядъ каторги, въ которомъ онъ находился, состоявшій изъ крѣпостныхъ арестантовъ подъ военнымъ начальствомъ, былъ, по его собственнымъ словамъ, несравненно тяжелѣе остальныхъ двухъ разрядовъ, т. е. третьяго (заводскаго) и перваго (въ рудникахъ). „Тяжелъ онъ былъ не только для дворянъ, но и для всѣхъ арестантовъ, именно потому, что начальство и устройство этого разряда все военное, очень похожее на арестантскія роты въ Россіи... Всегда въ цѣпяхъ, всегда подъ конвоемъ, всегда подъ замкомъ; а этого нѣтъ въ такой силѣ въ двухъ другихъ разрядахъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили всѣ наши арестанты, а между ними были знатоки дѣла. „Товарищъ Ө. М. по мѣсту ссылки, С. Ө. Дуровъ, не вынесъ всей этой тяжести (мы знаемъ уже, что онъ былъ очень нѣжно воспитанъ). По словамъ А. П. Милюкова, къ нему относятся въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома" слова: „Онъ гасъ въ острогѣ, какъ

свѣчка; вошелъ онъ въ него вмѣстѣ со мною еще молодой, красивый, добрый, а вышелъ полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ, съ одышкой".

Въ первые три дня Ѳ. М-ча, какъ и всякаго новичка, ради отдыха вовсе не водили на работу... Потомъ, когда онъ сталъ работать, ему, какъ и другимъ изъ его класса, особенно доставалось—не отъ начальства, а отъ товарищей—за то, говоритъ онъ, „что въ насъ не было столько силы, какъ въ нихъ, и что мы не могли имъ вполнѣ помогать".—„Относительно меня, вспоминаетъ Ѳ. М., я замѣтилъ одну особенность: куда бы я ни приткнулся имъ помогать во время работы, вездѣ я былъ не у мѣста, вездѣ мѣшалъ, вездѣ меня чуть не съ бранью отгоняли прочь". Тѣмъ не менѣе, по его словамъ, онъ чувствовалъ, что „работа можетъ его спасти, укрѣпить его здоровье, тѣло". Онъ бодро работалъ, не смотря ни на какія насмѣшки. Обжигать и толочь алебастръ показалось ему работой легкой; инженерное начальство по возможности было готово облегчить работу дворянамъ, хотя это требовало величайшей осторожности и опасливости въ виду того, что они были главнымъ образомъ политическіе. „Въ городѣ въ то *недавнее давнопрошедшее* время, говоритъ Ѳ. М., было столько доносчиковъ, столько интригъ, столько рывшихъ другъ другу яму, что начальство естественно боялось доноса". „Другая работа, на которую я посылался, продолжаетъ Ѳ. М.,—въ мастерской вертѣть точильное колесо". Это была работа уже потруднѣе, но она „давала превосходный моціонъ".

Но особенно онъ любилъ разгребать снѣгъ. Весною же въ первый годъ своей острожной жизни ему пришлось ходить съ одной партіей на работу за нѣсколько верстъ на кирпичный заводъ, съ печниками подносчиками. Но это было всего два раза. Тутъ, по крайней мѣрѣ, по дорогѣ можно было полюбоваться на берега Иртыша. Лѣтнія работы были труднѣе зимнихъ—все больше по инженернымъ постройкамъ. Около двухъ мѣсяцевъ продолжалась носка кирпичей съ береговъ Иртыша къ строившейся казармѣ сажень на семьдесятъ разстоянія черезъ крѣпостной валъ. „Работа эта, говоритъ Ѳ. М., мнѣ даже понравилась, хотя веревка, на которой приходилось носить кирпичи, постоянно натирала мнѣ плечи. Но мнѣ нравилось то, что отъ работы во мнѣ очевидно развивалась сила". Сначала онъ могъ таскать только по 8-ми кирпичей (въ каждомъ по 12-ти фунтовъ), но потомъ дошелъ до 12-ти и даже 15-ти. „Физическая сила въ каторгѣ нужна не менѣе нравственной, говоритъ онъ, для перенесенія всѣхъ матерьяльныхъ неудобствъ этой проклятой жизни".

Какъ-то осенью пришлось разбирать на рѣкѣ старую барку и при этомъ стоять по колѣна въ водѣ. Послѣ этой работы, какъ разсказывалъ

потомъ Ѳ. М—чъ, особенно пошатнулось здоровье Дурова. (Воспом. А. П. Милюкова въ „Р. Стар.“ 1881 г. Май, стр. 35).

Однажды, вспоминаетъ Ѳ. М. въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“, инженерное начальство вздумало сдѣлать ему, и другому *политическому* изъ поляковъ—Б—му, втихомолку, большую поблажку: они цѣлыхъ три мѣсяца ходили въ инженерную канцелярію въ качествѣ писарей... „Мы ходили, переписывали бумаги, говоритъ онъ, даже почеркъ нашъ сталъ совершенствоваться, какъ вдругъ отъ высшаго начальства послѣдовало повелѣніе немедленно поворотить насъ на прежнія работы; кто-то ужь успѣлъ донести! Впрочемъ это и хорошо было: канцелярія стала намъ обоимъ очень надоѣдать“. Усовершенствованіе почерка въ самомъ дѣлѣ замѣтно по первымъ письмамъ, отправленнымъ Ѳ. М—мъ по окончаніи каторги изъ Сибири. Потомъ почеркъ становится въ письмахъ Ѳ. М. менѣе красивъ, хотя всегда былъ у него четкимъ.

Первое время пребыванія въ острогѣ—самое тяжелое—особенно глубоко врѣзалось въ память Ѳ. М., начиная съ того самаго перваго безотраднаго вечера, когда передъ нимъ мелькнули, какъ сотоварищи, и кучка фальшивыхъ монетчиковъ, и молоденькій каторжный съ тоненькимъ личикомъ, уже убившій 8 душъ, и нѣсколько мрачныхъ и угрюмыхъ личностей, обритыхъ и обезображенныхъ (не изъ тѣхъ-ли, которые такъ поразили И. Л. Ястржембскаго?), съ ненавистью смотрѣвшихъ изъ подлобья кругомъ себя; когда все это только мелькнуло предъ нимъ „среди дыма и копоти, среди ругательствъ и невыразимаго цинизма, въ мефитическомъ воздухѣ, при звонѣ кандаловъ, среди проклятій и безстыднаго хохота“; когда онъ легъ на голыхъ нарахъ, положивъ въ голову свое платье (подушки у него еще не было), накрылся тулупомъ, но долго не могъ заснуть, хотя былъ „весь измученъ и изломанъ отъ всѣхъ чудовищныхъ и неожиданныхъ впечатлѣній этого перваго дня“. Самымъ ужаснымъ представилось ему то, что до самаго конца каторги „ни разу, ни одной минуты онъ не будетъ одинъ. На работѣ всегда подъ конвоемъ, дома съ двумя стами товарищей, и ни разу, ни разу—одинъ!“ А составъ товарищей—самый разнообразный. „Иной изъ кантонистовъ, другой изъ черкесовъ, третій изъ раскольниковъ, четвертый — православный мужичекъ, семью, дѣтей милыхъ оставилъ на родинѣ, пятый—жидъ, шестой—цыганъ, седьмой—неизвѣстно кто, и всѣ-то они должны ужиться вмѣстѣ, во что бы то ни стало, согласиться другъ съ другомъ, ѣсть изъ одной чашки, спать на однихъ нарахъ“ (рискуя при этомъ, какъ видно изъ тѣхъ же „Записокъ“, быть обкраденнымъ своимъ ближнимъ сосѣдомъ). Но разница была тутъ и глубже—при сходствѣ преступленія, была

коренная разница въ побужденіяхъ къ нему — на чтò стали вообще обращать вниманіе опять-таки только въ гуманное царствованіе того, кто освободилъ Достоевскаго изъ ссылки и вывелъ изъ неволи русскій народъ. „Одинъ, вспоминаетъ Ѳ. М., убилъ человѣка такъ, за ничто, за луковицу... а другой убилъ, защищая отъ сладострастнаго тирана честь невѣсты, сестры, дочери. И чтò же?—и тотъ и другой поступаютъ въ ту же каторгу“. Но между каторжниками былъ при Достоевскомъ и стародубовскій старовѣръ, которому только захотѣлось „пострадать за вѣру“, и онъ поэтому сжегъ нечестивый съ его точки зрѣнія храмъ. (Вотъ гдѣ Ѳ. М—чу наконецъ пришлось сойтись съ тѣми недовольными изъ народа, къ сближенью съ которыми онъ, какъ говорятъ, стремился въ своемъ качествѣ „петрашевца“). Былъ тутъ и молодой горецъ, который изъ обычнаго у нихъ уваженія къ старшимъ въ семьѣ долженъ былъ содѣйствовать братьямъ въ ограбленіи проѣзжаго армянина, а въ каторгѣ пристрастился къ евангелію за то, что оно заповѣдуетъ намъ любить и самихъ враговъ. По прочтеніи съ Ѳ. М—чемъ нагорной проповѣди Христа, онъ сказалъ: „да, Иса святой пророкъ!... Какъ хорошо!“. То же повторили и его братья, вполнѣ увѣренные, что дѣлаютъ Ѳ. М—чу великое удовольствіе, восхваляя Ису. Бѣднымъ горцамъ, конечно, не чуялось, что они какъ бы вознаграждали этимъ Достоевскаго за ту ужасную брань, при которой и вообще, когда слышишь ее отъ пьяной толпы, становится страшно за человѣка и которая совершенно особенно поразила его, когда пришлось услышать ее въ Петербургѣ въ устахъ физически-трезваго и образованнаго человѣка — услышать въ связи съ святѣйшимъ для человѣчества именемъ — съ именемъ, предъ которымъ невольно преклонялись въ острогѣ эти иновѣрные „сыны природы“. Само собой разумѣется, что для Достоевскаго разнообразіе окружавшаго его острожнаго персонала не только составляло обильный психологическій кладъ, но и средство отвести себѣ душу—съ такою, напримѣръ, неиспорченною натурою, какъ этотъ горецъ Алей. Не то бы совсѣмъ замучили эти „длинные, душные, одинъ на другой точь въ точь похожіе дни!“ Дни эти были особенно тяжелы въ большіе праздники—не смотря на то, что острогъ тогда заваливался подаяньемъ отъ города, что священникъ съ крестомъ посѣщалъ арестантовъ. При всей религіозности Достоевскаго, онъ сознается, что какъ-то особенно тоскливо было ему въ свѣтлый праздникъ.

Зато предшествовавшая ему недѣля говѣнья производила отрадное впечатлѣніе. „Я давно не былъ въ церкви, вспоминаетъ онъ. Великопостная служба, такъ знакомая еще съ далекаго дѣтства въ родительскомъ домѣ, торжественныя молитвы, земные поклоны — все это расшеве-

лило въ душѣ моей далекое-далекое минувшее... и помню, мнѣ очень пріятно было, когда бывало утромъ, по подмерзшей за ночь землѣ, насъ водили подъ конвоемъ, съ заряженными ружьями, въ Божій домъ... Въ церкви мы становились тѣсной кучей у самыхъ дверей на самомъ послѣднемъ мѣстѣ. Я припоминалъ, какъ бывало еще въ дѣтствѣ, стоя въ церкви, смотрѣлъ я иногда на простой народъ, густо тѣснившійся у входа и подобострастно разступавшійся передъ густымъ эполетомъ... Тамъ, у входа, казалось мнѣ тогда, и молились-то не такъ, какъ у насъ, молились смиренно, ревностно, земно и съ какимъ-то полнымъ сознаніемъ своей приниженности. Теперь и мнѣ пришлось стоять на этихъ мѣстахъ, даже и не на этихъ: мы были закованные и ошельмованные, отъ насъ всѣ сторонились, насъ даже какъ будто боялись, насъ каждый разъ одѣляли милостыней, и, помню, мнѣ это было даже какъ-то пріятно, какое-то утонченное, особенное ощущеніе сказывалось въ этомъ странномъ удовольствіи“.

Впрочемъ съ нимъ онъ познакомился еще ранѣе—вскорѣ по своемъ прибытіи въ острогъ, когда его, возвращавшагося съ работы съ конвойнымъ, догнала дѣвочка, шедшая съ матерью — вдовою - солдаткой—и сунула ему въ руки монетку, говоря: „на, несчастный, возьми Христа ради копѣечку!“

Въ другой разъ, когда онъ шелъ со всѣми, встрѣтился имъ на дорогѣ какой-то мѣщанинъ, остановился и засунулъ руку въ карманъ. „Изъ нашей кучки, разсказываетъ Ѳ. М., немедленно отдѣлился арестантъ, снялъ шапку, принялъ подаяніе—пять копѣекъ, и проворно воротился къ своимъ. Эти пять копѣекъ въ то же утро проѣли на калачахъ, раздѣливъ ихъ на всю нашу партію поровну“.

Этимъ возобновились для него тѣ уроки „народной правды“, которые давались ему еще въ деревнѣ и на долго потомъ прекратились.

Такимъ же урокомъ было для него и то, когда при произнесеніи священникомъ словъ: „но яко разбойника мя пріими!“ почти всѣ каторжники „повалились въ землю, звуча кандалами, кажется,принявъ эти слова буквально на свой счетъ“.

Сначала, въ первый годъ своей острожной жизни, онъ, по его собственнымъ словамъ, не былъ способенъ вникать въ эти возобновившіеся уроки. „Я закрывалъ глаза и не хотѣлъ всматриваться, говоритъ онъ; среди злыхъ, ненавистныхъ моихъ товарищей каторжниковъ я не замѣчалъ хорошихъ людей, людей, способныхъ и мыслить, и чувствовать, не смотря на всю отвратительную кору, покрывающую ихъ снаружи. Между язвительными словами я иногда не замѣчалъ привѣтливаго и ласковаго

слова, которое тѣмъ дороже было, что выговаривалось безо всякихъ видовъ, а нерѣдко прямо изъ души, можетъ быть болѣе меня пострадавшей и вынесшей".

Почти годъ времени понадобилось ему для того, чтобы „освоиться съ своимъ положеніемъ въ острогѣ".—„Это былъ самый трудный годъ въ моей жизни, говоритъ онъ, оттого-то онъ такъ весь цѣликомъ и уложился въ моей памяти".

Остальные годы, „въ сущности одинъ на другой такъ похожіе, проходили вяло, тоскливо", но „страстное желаніе воскресенія, обновленія, новой жизни укрѣпило его ждать и надѣяться"... „Помню, говоритъ онъ далѣе, что „во все это время, не смотря на сотни товарищей, я былъ въ страшномъ уединеніи и полюбилъ наконецъ это уединеніе... Я пересматривалъ всю прошлую жизнь мою... судилъ себя неумолимо и строго, и даже въ иной часъ благословлялъ судьбу за то, что она послала мнѣ это уединеніе, безъ котораго не состоялись бы ни этотъ судъ надъ собой, ни этотъ строгій пересмотръ прежней жизни". Надо думать, что чѣмъ далѣе подвигалась у него впередъ эта работа самоизслѣдованія и самоосужденія, тѣмъ болѣе съ другой стороны вглядывался онъ и вокругъ себя — въ души этихъ многоразличныхъ „несчастныхъ", и онъ становился способнымъ „свидѣтельствовать, что и въ самой необразованной, въ самой придавленной средѣ, между этими страдальцами встрѣчаются черты самаго утонченнаго развитія душевнаго... Думаешь, что это звѣрь, а не человѣкъ... и вдругъ приходитъ случайно минута, въ которую душа его невольнымъ порывомъ открывается наружу и вы видите въ ней такое богатство, чувство, сердце, такое яркое пониманіе и собственнаго, и чужаго страданія, что у васъ какъ бы глаза открываются и въ первую минуту даже не вѣрится тому, что вы сами увидѣли и услышали".

Ѳедоръ Михайловичъ еще разъ вернулся къ той внутренней переработкѣ, которая въ немъ совершилась тогда, въ „Дневникѣ Писателя" 1873 г. Въ основѣ ея лежало, говоритъ онъ тутъ, „непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, братское соединеніе съ нимъ въ общемъ несчастіи, понятіе, что самъ сталъ такимъ же, какъ онъ, съ нимъ сравненъ и даже приравненъ къ самой низшей ступени его... Это не такъ скоро произошло, прибавляетъ онъ, а постепенно и послѣ очень долгаго времени... Мнѣ очень трудно было бы разсказать исторію перерожденія моихъ убѣжденій„, заключаетъ онъ тутъ, не усматривая, стало быть, такой полной исторіи въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома" *).

*) Соч., т. X, стр. 157—158.

Въ этихъ убѣжденіяхъ, впрочемъ, совсѣмъ не такъ многому приходилось переродиться, какъ это тогда представлялось самому Ѳедору Михайловичу. Мы видѣли, что уроки „народной правды“ начались для него еще въ дѣтствѣ и что слѣдъ ихъ не простывалъ и во время тѣхъ увлеченій, которыя довели его до Сибири. Острогъ только послужилъ для него *высшимъ курсомъ* „народной правды„.

Совершенно невѣрно, стало быть, понято положеніе Достоевскаго между обыкновенными каторжниками въ поэмѣ Некрасова „Несчастные“, гдѣ выставленъ, какъ говорилъ ему самъ Некрасовъ, не кто иной, какъ Ѳедоръ Михайловичъ *) (конечно подъ именемъ *Крота*). Тутъ политическій ссыльный выставленъ *учителемъ;* самъ же Достоевскій выставлялъ себя, напротивъ, *ученикомъ.* Если бы даже онъ и захотѣлъ промѣнять свою непредвидѣнную роль *ученика* на гораздо болѣе, повидимому, подобающую ему роль *учителя* въ этой темной и душевно больной средѣ, то этому помѣшали бы тѣ отношенія ея къ „дворянчику“, о которыхъ онъ такъ ясно говоритъ въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“.

Съ самаго начала, замѣтилъ онъ, стали на него смотрѣть косо. „Мнѣ надо было почти два года прожить въ острогѣ, продолжаетъ Ѳ. М., чтобы пріобрѣсть расположеніе нѣкоторыхъ изъ каторжныхъ“. Но и этимъ окончательно не уничтожилось разстояніе между нимъ и ими. Переставъ существовать для него, оно оставалось для нихъ. Дѣло въ томъ, что „всякій, говоритъ онъ, изъ новоприбывающихъ въ острогъ, черезъ два часа по прибытіи становится такимъ же, какъ и всѣ другіе, становится у *себя дома,* такимъ же равноправнымъ хозяиномъ въ острожной артели, какъ и всякій другой. Онъ всѣмъ понятенъ и самъ всѣхъ понимаетъ, всѣмъ знакомъ и всѣ считаютъ его за *своего.* Не то съ *благороднымъ,* съ дворяниномъ. Какъ ни будь онъ справедливъ, добръ, уменъ, его цѣлые годы будутъ ненавидѣть и презирать всѣ, цѣлой массой; его не поймутъ, а главное не повѣрятъ ему. Онъ не другъ и не товарищъ, и хоть и достигнетъ онъ наконецъ... того, что его обижать не будутъ, но всетаки онъ будетъ не свой и вѣчно, мучительно будетъ сознавать свое отчужденіе и одиночество... **). (Надо замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

*) „Дневн. Писат.“ 1877 г. Дек. (Соч. т. XII, стр. 386).

**) И въ этомъ отношеніи счастливѣе Ѳ. М. Достоевскаго былъ И. М. Дебу. По словамъ его, арестантъ *изъ благородныхъ* (политическихъ), не могъ стать другомъ и товарищемъ остальныхъ арестантовъ, но ему не особенно трудно было заслужить ихъ доброе къ себѣ расположеніе. Такъ, не смотря на то, что г. Дебу пользовался отъ начальства многими льготами, арестанты почти съ самаго прибытія его въ роту отнеслись къ нему дружелюбно и не хотѣли допустить его д

„Записокъ изъ М. Д.“ разсказывается, какъ нѣкоторые изъ арестантовъ ухаживали за Ѳ. М. словно за ребенкомъ, но дать ему *статъ съ собою на равную ногу* имъ и не думалось). Я вѣдь знаю, что всѣ, рѣшительно всѣ, прибавляетъ Ѳ. М., скажутъ, что я преувеличиваю... Но... я убѣдился не книжно, не умозрительно, а въ дѣйствительности, я имѣлъ очень довольно времени, чтобы провѣрить мои убѣжденія“. Главное же, онъ убѣдился *честно,* т. е., убѣдившись, счелъ себя обязаннымъ не скрывать этого совершившагося въ немъ переворота. Въ этомъ отношеніи въ немъ дѣйствительно совершился полный *переворотъ.* Вотъ почему онъ такъ сердился, когда ему сердобольно говорили о томъ, какъ несправедливо съ нимъ поступили. „Насъ осудилъ бы народъ“, отвѣчалъ онъ; — осудилъ бы прежде всего потому, что никогда бы не захотѣлъ, не смогъ имъ *повѣрить.*

Въ знаменитомъ своемъ романѣ „Преступленіе и Наказаніе“ Ѳедоръ Михайловичъ воспроизвелъ свое собственное положеніе среди каторжниковъ въ лицѣ Раскольникова. „Казалось, говоритъ онъ тутъ, онъ и они были разныхъ націй“... „Онъ зналъ и понималъ общія причины такого разъединенія, но никогда не допускалъ онъ прежде, чтобы эти причины были на самомъ дѣлѣ такъ глубоки и сильны. Въ острогѣ были тоже ссыльные поляки, политическіе преступники. Тѣ просто считали весь этотъ людъ за невѣждъ и хлоповъ и презирали ихъ свысока; но Раскольниковъ не могъ такъ смотрѣть: онъ ясно видѣлъ, что эти невѣжды во многомъ гораздо умнѣе этихъ самыхъ поляковъ“. Что и это—только воспроизведеніе видѣннаго и испытаннаго имъ самимъ въ острогѣ, ясно изъ предисловія къ „Мужику Марею“ въ „Дневникѣ Писателя“ 1876 г. Самая эта дѣтская еще встрѣча съ Мареемъ вспомнилась Ѳ. М. въ Сибири послѣ словъ одного политическаго ссыльнаго изъ поляковъ по поводу дѣйствительно дикаго разгула каторжниковъ въ свѣтлый праздникъ. „Je hais ces brigands“, сказалъ этотъ представитель интеллигенціи.

Возвращаясь къ „Запискамъ изъ Мертваго Дома“ кстати будетъ теперь привести изъ нихъ эпизодъ о *претензіи...* Ѳедоръ Михайловичъ вспоминаетъ, какъ онъ было сталъ въ ряды вмѣстѣ съ другими „бунтовщиками“ изъ-за дурной пищи, и вдругъ услышалъ: „ты здѣсь зачѣмъ?“— „Ишь тоже выползъ!“—„Тутъ каторга, а они калачи ѣдятъ, да поросятъ покупаютъ. Ты вѣдь собственное ѣшь: чего-жь сюда лѣзешь?“

внутреннихъ работъ (носить въ казармы воду и дрова и т. п.), а по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и довѣрчиво. Арестанты же изъ молоканъ относились къ нему сочувственно, считая его такимъ же протестующимъ, какъ и они;—„вмѣстѣ терпимъ“, какъ они говорили.

Оставалось только послушаться тѣхъ разсудительныхъ политическихъ ссыльныхъ изъ поляковъ, которые уговаривали его уйти вмѣстѣ съ ними на кухню. „Вспомните, за что мы пришли сюда, говорили они ему. Ихъ просто высѣкутъ, а насъ подъ судъ“. Ѳедору Михайловичу однако казалось, что на нихъ окончательно должны разсердиться за ихъ неучастіе въ общей претензіи.

„Да вамъ зачѣмъ показывать претензію? возразилъ ему одинъ изъ болѣе къ нему расположенныхъ каторжниковъ; вѣдь вы свое кушаете?

„— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь и изъ вашихъ есть, что свое ѣдятъ, а вышли же. Ну и намъ надо было... изъ товарищества...

„— Да... да какой же вы намъ товарищъ?—спросилъ онъ съ недоумѣніемъ...

„Я думалъ, нѣтъ-ли въ этихъ словахъ какой нибудь ироніи, злобы, насмѣшки? Ничего не бывало: просто не товарищъ, да и только. Ты иди своей дорогой, а мы своей“...

Однажды, припоминаетъ Ѳ. М., было посѣщеніе острога высокимъ гостемъ—ревизующимъ генераломъ. „Ему указали на меня: такъ и такъ, дескать, изъ дворянъ“.

„— А! отвѣчалъ генералъ.—А какъ онъ теперь ведетъ себя?

„— Покамѣстъ удовлетворительно, ваше превосходительство, отвѣчали ему“.

И никто, разумѣется, изъ всѣхъ властей не могъ бы догадаться, насколько эта „удовлетворительность“ зависѣла отъ каторжниковъ изъ народа съ ихъ убійственно-охладительнымъ: „намъ не товарищъ“.

Послѣ всего этого окончательно несообразна съ дѣйствительностью легенда о томъ, будто Ѳ. М. былъ въ каторгѣ высѣченъ именно ради своего заступничества за „товарищей“.

Изъ VIII-й главы II-й части „Записокъ изъ Мертваго Дома“ видно, что одинъ изъ ссыльныхъ дворянъ былъ дѣйствительно высѣченъ, но по другой причинѣ—просто вслѣдствіе отвѣта: „мы не бродяги, а политическіе преступники“, показавшагося дерзкимъ грозному плацъ-маіору. „Сто розогъ, сейчасъ же, сію же минуту!“ скомандовалъ острожный „богъ“ (какъ самъ онъ себя называлъ). Старика наказали (ему было за 50 лѣтъ). Онъ легъ подъ розги безпрекословно, закусилъ себѣ зубами руку и вытерпѣлъ наказаніе безъ малѣйшаго крика и стона, не шевелясь“. Не смотря на его дворянство, каторжные, какъ разсказываетъ Ѳ. М., стали очень уважать Ж—го (а былъ онъ къ тому же изъ польскихъ дворянъ). Имъ особенно понравилось, что онъ не кричалъ подъ розгами“. На нихъ, надо думать, также подѣйствовало и то, что прямо изъ-подъ розогъ онъ (че-

ловѣкъ очень набожный) смиренно сталъ на молитву. Другой изъ политическихъ ссыльныхъ (также полякъ) былъ передъ каторгой, какъ онъ разсказывалъ Ѳ. М—чу, прогнанъ сквозь строй,—но онъ не былъ дворянинъ. Самоуправство плацъ-маіора съ Ж—мъ вызвало нареканія со стороны жителей города и самихъ представителей власти. Это, конечно, не помѣшало ему однажды погрозить Достоевскому съ его партіей, только что доставленнымъ въ острогъ: „смотрите же, вести себя хорошо!... Не то... тѣлес-нымъ на-казаніемъ! За малѣйшій проступокъ—р-р-розги!“ Но это, по мнѣнію Ѳ. М—ча, доказываетъ только, что „можно нарваться на лихаго человѣка“. —„По этому примѣру, замѣчаетъ онъ, отнюдь нельзя судить объ обращеніи начальства въ Сибири съ ссыльными изъ дворянъ“... „Высшіе начальники, приводитъ онъ въ поясненіе, во первыхъ, сами дворяне, во вторыхъ, случалось еще и прежде, что нѣкоторые изъ дворянъ не ложились подъ розги и бросались на исполнителей, отчего происходили ужасы“. Къ тому же бывшіе въ то время въ Сибири „двадцатипятилѣтніе ссыльные изъ дворянъ (разумѣется декабристы), встрѣтившіе, по словамъ Ѳ. М—ча, его съ товарищами съ глубокой симпатіей, обѣщались имъ сдѣлать все, что̀ только могутъ, чрезъ знакомыхъ людей, чтобы защитить ихъ отъ бѣшенаго плацъ-маіора. „Три дочери генералъ-губернатора, пріѣхавшія изъ Россіи и гостившія въ то время у отца, говорили ему въ нашу пользу“, сообщаетъ Ѳ. М—чъ. Конечно, и онъ, по словамъ Ѳ. М., могъ только сказать маіору, чтобы тотъ „былъ нѣсколько поразборчивѣе“. Мы знаемъ уже, что маіоръ тѣмъ не менѣе пригрозилъ имъ розгами; но такъ какъ декабристы предупредили и ихъ самихъ на счетъ его бѣшенаго характера, то они, конечно, и сами были съ нимъ осторожны. Тѣмъ не менѣе, разумѣется, „нарваться на этого лихаго человѣка“ могъ бы и Достоевскій, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ежели бы жертвой насилія сталъ не Ж—ій, а онъ самъ, то онъ никогда бы не сталъ скрывать этого изъ ложнаго чувства стыда или чести, а если бы это соединялось съ его стороны съ защитою прочихъ каторжниковъ, то онъ бы тѣмъ болѣе не скрылъ, хотя бы въ бесѣдѣ съ близкими людьми, того впечатлѣнія, какое было этимъ произведено на каторжниковъ, такъ упорно не признававшихъ его за товарища. Между тѣмъ Ѳ. М. прямо не признавалъ въ своей каторжной жизни этого случая, съ которымъ легенда тенденціозно связываетъ начало его эпилептическаго недуга (падучей). И самъ Ѳ. М. приписывалъ свой недугъ каторгѣ,—но для такого человѣка, какъ онъ, чтобы занемочь подобной болѣзнью, совершенно достаточно было всего зауряднаго, испытаннаго имъ въ ней. Для такого человѣка, какъ онъ, чтобы такъ занемочь, не было никакой надобности

самому быть наказаннымъ, а совершенно достаточно было видѣть чужія, вздутыя и изборожденныя кровяными подтеками спины.

Изъ-за начала болѣзни Ѳ. М. въ нашей печати, послѣ его смерти, завязалась, какъ извѣстно, полемика. Нѣтъ, я полагаю, никакой надобности воспроизводить ее здѣсь. Достаточно сказать, что такой близкій къ Ѳ. М. человѣкъ, какъ докторъ Ст. Дм. Яновскій, утверждаетъ, что болѣзнь, отъ которой онъ лечилъ его еще до ссылки въ Сибирь, имѣла уже несомнѣнные признаки падучей и по временамъ въ такой сильной степени, что угрожала серьезною опасностію жизни.

Въ письмѣ своемъ къ А. Н. Майкову изъ Швейцаріи отъ 12 марта 1881 г. д-ръ Яновскій, касаясь упомянутой полемики, указываетъ на соединенную съ нею тенденцію „доказать не падучую, а то страшное и незабываемое"... (т. е. розги). „Никогда и ничего подобнаго, пишетъ г. Яновскій, ни отъ Ѳ. М., ни отъ брата его М. М., съ которымъ я однако же не одинъ разъ прямо на эту тему разговаривалъ, я не слыхалъ„. Дѣло въ томъ, что и про М. М—ча существовала сходная легенда, будто привычное у него подергиваніе головы и плечъ происходитъ отъ того, что онъ, при допросахъ по дѣлу Петрашевскаго, былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію. По словамъ д-ра Яновскаго, М. М. клятвенно его увѣрялъ, что это наглая ложь. „Когда же, продолжаетъ С. Д. Яновскій, М. М. окончилъ свой разсказъ, тогда Ѳ. М., бывшій въ тотъ разъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа, разсказывалъ намъ много эпизодовъ изъ своей каторжной жизни, и при этомъ не было произнесено ничего подобнаго... „Наконецъ надняхъ, прибавляетъ д-ръ Яновскій, остановившись въ Женевѣ, я провелъ нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ съ нашимъ протоіереемъ Аѳ. Конст. Петровымъ... Онъ лично зналъ Ѳ. М—ча и его теперешнюю вдову... Этотъ господинъ мнѣ сообщилъ, что Ѳ. М. велъ съ нимъ частыя и откровенныя бесѣды о томъ, что̀ онъ былъ до ссылки, что̀ было съ нимъ въ каторгѣ... но никогда Ѳ. М. даже не намекнулъ ему о „томъ страшномъ и незабываемомъ".

Что̀ касается собственно времени появленія и развитія болѣзни, то существующія въ этомъ отношеніи противорѣчія могутъ, кажется, быть примирены такимъ образомъ, что, появившись еще до ссылки и непризнанная за падучую самимъ Ѳ. М—чемъ, она окончательно развилась у него въ Сибири и дошла затѣмъ до такой степени, что не было уже никакой возможности и ему самому не убѣдиться въ ея настоящемъ характерѣ. Вѣдь и А. П. Милюковъ говоритъ: „если и до ссылки у него были, какъ говорятъ, припадки падучей болѣзни, то безъ сомнѣнія слабые и рѣдкіе. По крайней мѣрѣ до возвращенія его изъ Сибири я не подозрѣ-

валъ этого; но когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, болѣзнь его не была уже тайною ни для кого изъ близкихъ къ нему людей“ *)

Какъ ни однообразно жилось въ каторгѣ, время шло, какъ всегда идетъ, и вотъ наконецъ наступилъ ея послѣдній годъ. Онъ, по словамъ Ѳ. М. въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“, почти также памятенъ ему, какъ и первый, особенно самое послѣднее время въ острогѣ. „Въ послѣднее время, говоритъ онъ, я вообще имѣлъ больше льготъ, чѣмъ во все время каторги. Въ городѣ между служащими военными у меня оказались знакомые, и даже давнишніе школьные товарищи. Я возобновилъ съ ними сношенія. Черезъ нихъ я могъ имѣть больше денегъ, могъ писать на родину и даже имѣть книги. ...Трудно отдать отчетъ о томъ странномъ и вмѣстѣ волнующемъ впечатлѣніи, которое произвела во мнѣ первая, прочитанная мною въ острогѣ книга... Это былъ нумеръ одного журнала. Точно вѣсть съ того свѣта прилетѣла ко мнѣ... особенно бросался я на статью, подъ которой находилъ имя знакомаго, близкаго прежде человѣка... Но уже звучали и новыя имена... Я съ жадностью спѣшилъ съ ними познакомиться и досадовалъ, что у меня такъ мало книгъ въ виду... Прежде же, при прежнемъ плацъ-маіорѣ, даже опасно было носить книги въ каторгу“.

По словамъ А. П. Милюкова, Ѳ. М—чъ и по своемъ возвращеніи въ Петербургъ „съ горечью вспоминалъ о своемъ отчужденіи отъ литературы“, хотя и тутъ прибавлялъ, что „читая по необходимости одну библію, онъ яснѣе и глубже могъ понять смыслъ христіанства“ **).

Въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“, какъ уже сказано, Ѳ. М. нѣсколько замаскировалъ себя кое какими отклоненіями отъ того, какъ оно съ нимъ было. Тутъ каторга длится цѣлыхъ десять лѣтъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ прожилъ въ ней только четыре года; начинается она тутъ въ декабрѣ, тогда какъ въ декабрѣ онъ былъ еще въ Петербургской крѣпости, на Семеновскомъ плацу, а затѣмъ отправился въ дальнюю дорогу. Тѣмъ не менѣе онъ поступилъ въ острогъ „зимой и потому зимой же долженъ былъ выйти на волю“ — въ этомъ „Записки“ совершенно вѣрны дѣйствительности. „Съ какимъ нетерпѣніемъ, говоритъ онъ, я ждалъ зимы, съ какимъ наслажденіемъ смотрѣлъ въ концѣ лѣта, какъ

*) „Рус. Стар.“ 1881. Май, стр. 34. Есть еще одно совершенно особое свидѣтельство о болѣзни Ѳ. М., относящее ее къ самой ранней его юности и связывающее ее съ трагическимъ случаемъ въ ихъ семейной жизни. Но хотя это и передано мнѣ на словахъ очень близкимъ къ Ѳ. М. человѣкомъ, я ни откуда болѣе не встрѣтилъ подтвержденія этому слуху, а потому и не рѣшаюсь подробно и точно его изложить.

**) „Рус. Старина“ 1881 г. Май, стр. 40.

вянетъ листъ на деревѣ и блекнетъ трава въ степи". (На что̀ люди въ нормальномъ положеніи смотрятъ всегда такъ грустно)... „Настала, наконецъ, эта зима давно ожидаемая... Но странное дѣло: чѣмъ ближе подходилъ срокъ, тѣмъ терпѣливѣе и терпѣливѣе я становился... Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что вслѣдствіе мечтательности и долгой отвычки, свобода казалась у насъ въ острогѣ какъ-то свободнѣе настоящей свободы, т. е. той, которая есть на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности". (Припомнимъ, что съ другой стороны каторга представилась ему менѣе *каторгой,* чѣмъ онъ о томъ также, пожалуй, *мечталъ* заранѣе). И то сказать, приготовляемое ему судьбою—если не мачихой, то очень строгой матерью—было и въ самомъ дѣлѣ скорѣе менѣе и никакъ ужь не болѣе той свободы, „которая есть въ самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности".

„Наканунѣ самаго послѣдняго дня, вспоминаетъ Ѳ. М—чъ, я обошелъ *въ послѣдній разъ* около паль весь нашъ острогъ... Здѣсь, за казармами, скитался я въ первый годъ моей каторги одинъ, сиротливый, убитый. Помню, какъ считалъ я тогда, сколько тысячъ дней мнѣ остается... На другое утро рано, еще передъ выходомъ на работу, когда только еще начинало свѣтать, обошелъ я всѣ казармы, чтобы попрощаться со всѣми арестантами. Много мозолистыхъ, сильныхъ рукъ протянулось ко мнѣ привѣтливо. Иные жали ихъ совсѣмъ по товарищески, но такихъ было не много. Другіе уже очень хорошо понимали, что я сейчасъ стану совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ они... и прощались со мной хоть и привѣтливо, хоть и ласково, но далеко не какъ съ товарищемъ, а будто съ бариномъ. Иные отвертывались отъ меня и сурово не отвѣчали на мое прощаніе. Нѣкоторые посмотрѣли даже съ какою-то ненавистью".

Судя по „Запискамъ изъ Мертваго Дома", переписка Ѳ. М. должна была возобновиться еще къ концу каторги. Между тѣмъ, дошедшія до насъ сибирскія его письма помѣчены уже изъ Семипалатинска и начинаются съ 30-го іюля 1854 года.

Впрочемъ, письмо, помѣченное этимъ числомъ и писанное къ „брату Мишѣ", прямо указываетъ на предшествующія. Ѳедоръ Михайловичъ жалуется, что братъ не отвѣчаетъ ему на столько писемъ. „Кромѣ своего январьскаго письма ты отвѣчалъ мнѣ только на одно, на первое", пишетъ онъ. Этотъ отвѣтъ, т. е. второе письмо твое, писанное въ апрѣлѣ, я получилъ въ началѣ іюня и до сихъ поръ не отвѣчалъ тебѣ на него". Но неужели же имъ считаться письмами, какъ визитами. „И такъ ужь давно не видались, и такъ ужь давно не писали другъ другу!" Ѳедоръ Михайловичъ давно не писалъ, потому что очень былъ занятъ: „ученье, смотры бригаднаго и дивизіоннаго командировъ и приготовленія къ нимъ". Это

объясняется тѣмъ, что̀ значится въ его билетѣ: „по окончаніи срока каторги зачисленъ рядовымъ 1854 года марта 2-го, съ опредѣленіемъ въ сибирскій линейный № 7 баталіонъ“. Далѣе Ѳ. М. въ письмѣ увѣряетъ, что хотя онъ „фрунтовой службы почти не зналъ ничего“, онъ въ іюлѣ „стоялъ на смотру на ряду съ другими и зналъ свое дѣло не хуже другихъ“. Братъ, онъ полагаетъ, пойметъ, что „солдатство не шутка, что солдатская жизнь... не совсѣмъ-то легка для человѣка съ такимъ здоровьемъ и такой отвычкой“... „Я не ропщу, прибавляетъ онъ; это мой крестъ и я его заслужилъ“. Кромѣ служебныхъ занятій, по словамъ Ѳ. М., не было у него никакихъ. „Внѣшнихъ событій, переворотовъ, жизненныхъ экстренныхъ случаевъ тоже никакихъ. А душу, сердце, умъ—что̀ выросло, что̀ созрѣло, что̀ завяло, что̀ выбросилось вонъ вмѣстѣ съ плевелами, того не передашь и не разскажешь на клочкѣ бумаги“. Живетъ онъ уединенно, отъ людей даже прячется. „Я пять лѣтъ, объясняетъ онъ, былъ подъ конвоемъ, а потому мнѣ величайшее наслажденіе очутиться иногда одному. Вообще каторга многое вывела изъ меня и многое привила ко мнѣ. Я, напримѣръ, уже писалъ тебѣ о моей болѣзни. Странные припадки, похожіе на падучую и однакожь не падучая“. Ясно, что Ѳ. М. и тутъ не хотѣлъ еще признавать настоящаго характера своей болѣзни. „Впрочемъ, продолжаетъ онъ, сдѣлай одолженіе не подозрѣвай, что я такой же меланхоликъ, и такой же мнительный, какъ былъ въ Петербургѣ послѣдніе годы. Все совершенно прошло, какъ рукой сняло. Впрочемъ, все отъ Бога и у Бога. Благодарю брата Колю за приписку“. Изъ того же письма видно, что онъ „получилъ, наконецъ, письма отъ сестеръ Вареньки и Вѣрочки. „Какіе ангелы! Я увѣренъ, говоритъ онъ, что онѣ меня также любятъ, какъ говорятъ“.

За обычнымъ поклономъ Эмиліи Ѳедоровнѣ (супругѣ Михаила Михайловича)—воспоминанія о томъ, что должна была она испытать въ тѣ два мѣсяца, когда онъ былъ арестованъ. „Грустно жить въ письмахъ, не видавшись 5 лѣтъ, заключаетъ онъ; теперь буду писать и больше и чаще“. На вопросъ брата о деньгахъ слѣдуетъ простой откровенный отвѣтъ: „ты самъ знаешь мое положеніе. Можешь прислать, такъ пришли. Вѣдь ты моя главная надежда“.

Между этимъ и слѣдующимъ письмомъ къ Михаилу Михайловичу должно быть помѣщено письмо отъ 6-го ноября 1854 года къ Андрею Михайловичу. „Вотъ уже скоро 10 мѣсяцевъ, какъ я вышелъ изъ каторги, пишетъ тутъ Ѳ. М., и началъ мою новую жизнь. А тѣ четыре года считаю я за время, въ которое я былъ похороненъ живой и закрытъ въ гробу. Все это время я не имѣлъ обо всѣхъ васъ ни вѣсточки. Выйдя изъ

каторги я вскорѣ получилъ письмо отъ М. М., моего вѣрнаго брата, друга и благодѣтеля. Послѣ того, въ скоромъ времени, обрадовали меня сестры... Наконецъ, вотъ пишешь и ты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и любезнѣйшая сестрица Домника Ивановна (супруга Андрея Михайловича, къ которой приложено и особое письмецо отъ того же числа). „Радъ несказанно, что ты, судя по всему, счастливъ. Поздравляю тебя съ женитьбой, хотя уже срокъ минулъ четырехлѣтній... Нѣтъ ничего выше на свѣтѣ счастья семейнаго“. Далѣе изъ этого письма видно, что, завязавъ переписку со всѣми близкими, Ѳ. М. „не писалъ только къ одной сестрицѣ Сашенькѣ... Она ко мнѣ не писала, поясняетъ онъ, а мнѣ какъ-то щекотливо. Не подумали-бъ, что я заискиваю изъ выгодъ, будучи въ положеніи во всякомъ случаѣ бѣдномъ. Я не объ ней говорю, а объ ея мужѣ, котораго еще не знаю“.

Между тѣмъ, неожиданно, можно сказать, наступило новое царствованіе. Въ сибирскій острогъ, конечно, не успѣлъ предварительно дойти слухъ о кратковременной болѣзни Николая Павловича, и вѣсть о воцареніи Александра Николаевича пришла тѣмъ болѣе неожиданно. О томъ, какъ началось новое царствованіе, недавно еще намъ напомнилъ поэтъ, пережившій вмѣстѣ съ нами ту пору. Упомянувъ о той тяжелой дорогѣ, какою вела насъ исторія, онъ говоритъ:

Но вдругъ явился Царь!.. и былъ его восходъ
Надъ русскою землей зарею жизни новой
И радостно его привѣтствовалъ народъ.

Въ первомъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ Ѳ. М—ча, относящихся уже къ новой порѣ, не говорится еще ничего о событіи, которое неминуемо должно было отразиться и на его собственной судьбѣ.

Письмо это, помѣченное 14-го мая 1855 года, относится опять къ Михаилу Михайловичу. Оно начинается съ жалобъ на то, что передъ послѣднимъ письмомъ онъ не писалъ Ѳ. М—чу съ 3-го октября. „Ты знаешь, какъ я мнителенъ, пишетъ Ѳ. М. Какъ же я мучился! Къ счастью, передъ весной попались газеты съ твоими объявленіями... Каково-то идутъ твои дѣла торговыя?“ (вѣроятно, папиросная фабрика). На бѣду, долго не писала и „сестра Варенька“, а „остальные и совсѣмъ перестали писать“. Узнавъ изъ недавно полученнаго письма, что М. М. побывалъ въ Москвѣ, Ѳ. М. радуется, что онъ сошелся съ дядей и теткой (конечно, Куманиными). Письмо заканчивается жалобами на повторяющіеся припадки и на то, что „всю-то жизнь“ ему приходится „быть на содержаніи у М. М—ча“.

Затѣмъ слѣдуютъ два письма къ новому лицу—сибирскому пріятелю, барону Александру Егоровичу Врангелю, переписка съ которымъ продол-

жалась долго. Въ письмѣ къ А. Н. Майкову отъ 18-го января 1856 г., которое должно было быть ему доставлено этимъ самымъ сибирскимъ пріятелемъ Достоевскаго, совершившимъ тогда поѣздку въ Петербургъ, заключается слѣдующая его характеристика: „баронъ Врангель человѣкъ очень молодой *), съ прекрасными качествами души и сердца, пріѣхавшій въ Сибирь прямо изъ лицея съ *великодушной* мечтой узнать край, быть полезнымъ и т. д... Добра онъ сдѣлалъ мнѣ множество, но я его люблю и не за одно добро, мнѣ сдѣланное". Впрочемъ и безъ этой характеристики, съ А. Е. Врангелемъ можно коротко познакомиться по письму къ нему Ѳ. М. отъ 14-го августа 1855 года, отправленному въ Барнаулъ. Сообщая тутъ о смерти „несчастнаго А. И. Исаева" и описывая тяжелое положеніе его вдовы Маріи Дмитріевны, Ѳедоръ Михайловичъ проситъ его послать къ ней ту сумму, о которой они между собой говорили, при письмѣ его, тутъ же и прилагаемомъ (оно до насъ не дошло). „Но, повторяю вамъ, прибавляетъ Ѳ. М., я болѣе чѣмъ тогда въ мысляхъ считать всѣ эти 75 рублей (прежніе 25) и моимъ долгомъ вамъ. Я вамъ отдамъ непремѣнно, но не скоро". Лицу, о которомъ тутъ такъ заботится Ѳ. М., суждено было играть въ его дальнѣйшей жизни видную роль. О Маріи Дмитріевнѣ говорится и въ слѣдующемъ письмѣ— отъ 23-го августа. Ѳедоръ Михайловичъ пишетъ, что ему отъ нея досталось за то, что, самъ нуждаясь, онъ еще ей помогаетъ. „Я отвѣчалъ, прибавляетъ онъ, что деньги ваши, а не мои... Я вамъ покажу ея письмо, когда вы пріѣдете. Боже мой! что это за женщина! Жаль, что вы ее такъ мало знаете!" Про себя Ѳ. М. пишетъ, что ему скучно. „Кругомъ все такъ плохо и людей нѣтъ. Я почти никуда не хожу. Знакомиться терпѣть не могу"... „Желалъ бы отъ души, заключаетъ онъ, чтобы вамъ было въ 10,000 разъ веселѣе моего".

Въ письмѣ къ А. Н. Майкову, отъ 18-го января 1856 г., посланномъ съ А. Е. Врангелемъ, Ѳ. М. говоритъ: „Вы пишете, что много прошло времени, много измѣнилось... Но одно то хорошо, что мы какъ люди не измѣнились. Я за себя отвѣчаю... Въ часы, когда мнѣ нечего дѣлать, я кое что записываю изъ воспоминаній моего пребыванія въ каторгѣ (не это-ли послужило впослѣдствіи матерьяломъ для „Записокъ изъ М. Д."?)... Зная меня очень хорошо, вы вѣрно отдадите мнѣ спра-

*) Въ письмѣ къ самому барону Врангелю отъ 31-го октября 1859 г., Ѳ. М—чъ говоритъ: „что это вы мнѣ пишете... о своемъ сердцѣ, что оно уже не можетъ жить по прежнему? И когда же? *въ 26 лѣтъ*". Стало быть въ началѣ 1856 г., когда писано письмо къ А. Н. Майкову, барону Врангелю могло быть только 23 года.

ведливость, что я всегда слѣдовалъ тому, что̀ мнѣ казалось лучше и прямѣе, и не кривилъ сердцемъ, и то, чему я предавался, предавался горячо (sic). Не думайте, что я этими словами дѣлаю какіе нибудь намеки на то, за что я попалъ сюда. Я говорю теперь о послѣдовавшемъ за тѣмъ, о прежнемъ говорить не у мѣста, да и было то оно не болѣе, какъ случай. Идеи мѣняются, сердце остается одно... Я всегда былъ истинно русскій, говорю вамъ откровенно..." Обращаясь затѣмъ къ поэмѣ А. Н. Майкова „Клермонтскій соборъ"—въ первой ея редакціи, связанной съ тогдашнею восточной войной, Ѳ. М. восхищается послѣдними строками поэмы. „Да, говоритъ онъ, я раздѣляю съ вами идею, что Европу и назначеніе ея окончитъ Россія. Для меня это давно было ясно (полнѣйшее подтвержденіе тому, что̀ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. П. Милюковъ). Я, напримѣръ, до такой степени родня всему русскому, что даже каторжные не испугали меня,—это былъ русскій народъ, мои братья по несчастью, и я имѣлъ счастіе отыскать не разъ даже въ душѣ разбойника великодушіе потому собственно, что могъ понять его, ибо былъ самъ русскій. Несчастіе мое дало мнѣ многое узнать практически... я узналъ практически и то, что я всегда былъ русскимъ по сердцу... Не могу вамъ выразить, сколько я мукъ потерпѣлъ отъ того, что не могъ въ каторгѣ писать. А между прочимъ внутренняя работа кипѣла... Я создалъ тамъ въ головѣ, говоритъ онъ, большую повѣсть". Съ этимъ соединяется также признаніе: „одно обстоятельство, одинъ случай, долго медлившій въ моей жизни и, наконецъ, посѣтившій меня, увлекъ и поглотилъ меня совершенно. Я былъ счастливъ, я не могъ работать. Потомъ грусть и горе посѣтили меня. Я потерялъ то, что̀ составляло для меня все. Сотни верстъ раздѣлили насъ... Я отложилъ главное мое произведеніе въ сторону... Я шутя началъ комедію... и такъ понравился мнѣ мой герой, что я бросилъ форму комедіи, несмотря на то, что она удавалась, собственно для удовольствія какъ можно дольше слѣдить за приключеніями моего новаго героя..." Далѣе слѣдуютъ уже отзывы о современныхъ писателяхъ, съ которыми сталъ знакомиться Ѳ. М. „Тургеневъ, пишетъ онъ, мнѣ нравится наиболѣе—жаль только, что при огромномъ талантѣ въ немъ много невыдержанности". Л. Толстой ему очень нравится, но, по неоправдавшемуся, слава Богу, мнѣнію Ѳ. М—ча, онъ „не много напишетъ". Островскаго Ѳ. М. мало читалъ, но ему кажется, что, зная, можетъ быть, извѣстный классъ Руси хорошо, онъ „не художникъ". Къ тому же, прибавляетъ Ѳ. М. съ прибавкою *„кажется"*—Островскій поэтъ безъ идеала".

Важное значеніе въ частной жизни Ѳ. М. имѣетъ письмо его къ А. Е. Врангелю отъ 23-го марта 1856 г.—со вложеніемъ въ него

писемъ къ брату и ген.-адъютанту Тотлебену (до насъ недошедшихъ). У послѣдняго Ѳ. М. поручаетъ Врангелю побывать также и лично. „Съ этимъ человѣкомъ, пишетъ онъ, когда-то я былъ знакомъ хорошо; съ братомъ его я другъ съ дѣтства. Еще за нѣсколько дней до ареста моего я случайно встрѣтился съ нимъ и мы такъ привѣтливо подали другъ другу руки. Что-же? Онъ, можетъ быть, не забылъ меня. Человѣкъ онъ добрый, простой, съ великодушнымъ сердцемъ (онъ это доказалъ), настоящій герой севастопольскій, достойный именъ Нахимова и Корнилова“. При личномъ свиданіи съ генераломъ Тотлебеномъ, Врангель долженъ, предварительно изучивъ письмо къ нему Ѳ. М., напирать на то, чтобы Ѳ. М—чу оставить военную службу—быть уволеннымъ, съ правомъ поступить въ статскую 14-мъ классомъ и вернуться въ Россію, главное же съ правомъ печатать свои сочиненія. „Нельзя-ли будетъ, прибавляетъ Ѳ. М., пустить въ ходъ стихотвореніе“. Онъ, вѣроятно, подразумѣваетъ то, которое сохранилось въ бумагахъ бывшаго III-го отдѣленія и посвящено восточной войнѣ. Этимъ стихотвореніемъ, глубоко-патріотическимъ (Ѳ. М. не даромъ писалъ Майкову, что онъ всегда былъ русскимъ, но къ сознанію этого пришелъ въ Сибири — чему не мало, конечно, содѣйствовали и впечатлѣнія восточной войны), этимъ стихотвореніемъ онъ могъ съ полнымъ основаніемъ надѣяться выказать себя въ благопріятномъ свѣтѣ новому, гуманному Государю *). Особенно важно право печатанья, хотя бы пока безъ подписи своего имени: все равно узнаютъ! „Двѣ вещи, сообщаетъ онъ, одна—статья, другая—романъ, будутъ готовы къ сентябрю... Вѣдь если позволятъ печатать (а я не вѣрю, слышите: не вѣрю, чтобы этого нельзя было выхлопотать), вѣдь это гулъ пойдетъ, книга раскупится, доставитъ мнѣ деньги, значеніе, обратитъ на меня вниманіе правительства, да и возвращеніе придетъ скорѣй. А мнѣ

*) Оно было напечатано въ „Гражданинѣ“ 1883 г. и прилагается къ настоящему изданію. Замѣчательно, что съ такимъ же точно патріотическимъ чувствомъ относился къ нашей восточной войнѣ и болѣе ранній ссыльный—декабристъ Н. А. Бестужевъ. Въ письмѣ отъ 11-го марта 1854 г. онъ говоритъ: „меня оживили добрыя извѣстія о славныхъ дѣлахъ нашихъ моряковъ, но горизонтъ омрачается. Не знаю, удастся ли намъ справиться съ французами и англичанами вмѣстѣ, но крѣпко-бы хотѣлось, чтобы наши покорили этихъ вѣроломныхъ островитянъ за ихъ подлую политику во всѣхъ частяхъ свѣта... Читая „*Indépendance Belge*“ видно, какъ общее мнѣніе склоняется въ Европѣ на нашу сторону, не смотря на упрямство правительствъ Англіи и Франціи“. (См. статью о Н. А. Бестужевѣ С. В. Максимова въ мартовской книжкѣ „Наблюдателя“ 1883, стр. 115). Не менѣе замѣчательно и то, что писалъ онъ въ 1849 г. о непониманіи Россіи Н. И. Тургенѣвымъ (La Russie et les Russes) съ его „благомыслящимъ аристократизмомъ“, которому Бестужевъ противополагаетъ ученіе о *русской общинѣ* (тамъ же, стр. 112—113, 116—119).

что̀ надобно: 2, 3 тысячи въ годъ ассигнаціями... Что̀-же, этого мало, что̀-ли, для содержанія нашего?.. Ну неужели, имѣвъ столько мужества и энергіи въ продолженіи 6 лѣтъ для борьбы съ неслыханными страданіями, я неспособенъ буду достать столько денегъ, чтобы прокормить себя и жену".

Дѣло въ томъ, что онъ уже положительно рѣшился тогда жениться на Марьѣ Дмитріевнѣ Исаевой, а потому-то и стало для него такъ настоятельно скорѣйшее измѣненіе въ его общественномъ и экономическомъ положеніи. „Ну, положимъ, что еще годъ непозволятъ печатать, продолжаетъ онъ. Но я при первой перемѣнѣ судьбы напишу къ дядѣ, попрошу у него 1,000 р. серебромъ для начала на новомъ поприщѣ—не говоря о бракѣ; я увѣренъ, что дастъ". Дядя этотъ—конечно мужъ его любимой тетки, Александры Ѳедоровны Куманиной, по всѣмъ свѣдѣніямъ о немъ, прекраснѣйшій человѣкъ, общій благодѣтель ихъ семьи.

Письмо это заключаетъ въ себѣ еще и порученіе повидаться съ братомъ Михаиломъ Михаиловичемъ. „Въ какихъ онъ мысляхъ обо мнѣ? спрашиваетъ Ѳ. М.; прежде это былъ человѣкъ меня любившій горячо! Онъ плакалъ, прощаясь со мной!.. Не измѣнилъ-ли онъ характера?.. Не вѣрится мнѣ какъ-то этому. Но опять: чѣмъ же объяснить, что онъ не пишетъ иногда по 7, по 8 мѣсяцевъ... Никогда не забуду, что онъ сказалъ Хоментовскому, передавшему ему мою просьбу похлопотать за меня, *что мнѣ лучше оставаться въ Сибири*"... „Что̀, если онъ, говорится далѣе, подобно всевозможнымъ дядюшкамъ и роднымъ въ романахъ, сердится *на любовь мою къ ней* и отговариваетъ васъ помогать мнѣ!.. Мы съ нимъ когда-то вздорили, но горячо любили другъ друга... У меня дурной характеръ, но когда дойдетъ до дѣла, тогда я стою за друзей. Когда насъ арестовали, то ужь тутъ, кажется бы, въ первую минуту ужаса позволительно бы было подумать прежде всего о себѣ. Что̀-же? Я думалъ только объ немъ, о томъ, какъ поразитъ арестъ его семью... я умолялъ третьяго моего брата, котораго арестовали ошибкой, не объяснять ошибки арестовавшимъ какъ можно долѣе и послать денегъ брату, полагая, что у него нѣтъ"... „Уговаривайте брата, заключаетъ Ѳ. М., помогать мнѣ... Внушите ему, что я только осчастливлю себя бракомъ съ нею, что намъ не много надо, чтобъ жить... что если позволятъ писать и печатать, тогда я спасенъ, что я не буду *имъ никому въ тягость*... а главное, не сейчасъ же я женюсь, а выжду чего нибудь обезпеченнаго".

По поводу этого письма, я позволилъ себѣ обратиться за разъясненіемъ къ Андрею Михайловичу Достоевскому. Слѣдствіемъ моего обращенія была обстоятельная записка объ арестѣ Андрея Михайловича, изъ

которой такъ много заимствовано въ предъидущей главѣ. Изъ того, что приведено тамъ, видно, что Ѳ. М—чъ при своемъ свиданіи съ братомъ въ III-мъ отдѣленіи успѣлъ только спросить его: „братъ, ты зачѣмъ здѣсь", а Андрей Михайловичъ даже не успѣлъ ему на это отвѣтить. Въ объясненіе же словъ Ѳ. М—ча въ письмѣ къ барону Врангелю: „я умолялъ третьяго моего брата... не объяснять ошибки арестовавшимъ", Андрей Михайловичъ приводитъ слѣдующее: „можетъ быть братъ писалъ мнѣ въ этомъ смыслѣ записку въ томъ же III-мъ отдѣленіи и поручилъ кому нибудь передать ее мнѣ, но записка эта не дошла до меня".

Непосредственнымъ продолженіемъ служитъ письмо къ тому же А. Е. Врангелю отъ 13-го апрѣля 1856 года въ отвѣтъ на полученное отъ него письмо отъ 12-го марта. Оказывается, что и въ жизни корреспондента-пріятеля поднимался или, лучше сказать, поднимали тогда вопросъ о бракѣ. „Выгодно, но вѣдь не одни деньги въ жизни, говоритъ по этому поводу Ѳ. М. Всякій поступаетъ по совѣсти, а порядочный человѣкъ по совѣсти и разсчитываетъ". Ѳ. М—чъ радуется, что пріятель его не намѣренъ остаться въ Россіи, а хочетъ вернуться въ Сибирь. Особенно радъ онъ и тому, что Михаилъ Михайловичъ произвелъ выгодное впечатлѣніе на А. Е. Врангеля. „Какъ я радъ, что онъ все тотъ же, пишетъ Ѳ. М—чъ, и любитъ меня. Много я вамъ написалъ о моихъ сомнѣніяхъ даже на его счетъ въ прошломъ письмѣ. Но еслибъ вы знали, въ какомъ грустномъ я былъ положеніи и какъ я раскаиваюсь въ моихъ предположеніяхъ на счетъ брата... Въ прошломъ письмѣ я просилъ у него еще 100 руб. не для меня... а для всего, что только теперь есть у меня самаго дорогаго въ жизни... Если только онъ можетъ исполнить мою просьбу, пусть исполнитъ, и Господь его наградитъ за это, а онъ меня, можетъ быть, этимъ осчастливитъ и избавитъ отъ отчаянія". Далѣе, Ѳ. М. проситъ, чтобы и братъ его, и А. Е. Врангель написали къ Марьѣ Дмитріевнѣ. По поводу слуховъ о милостяхъ къ коронаціи, онъ проситъ, нельзя-ли заранѣе что нибудь узнать относительно его участи. „Вы пишете, говоритъ онъ, что всѣ любятъ царя. Я самъ обожаю его... я думаю переслать вамъ въ скоромъ времени стихи на коронацію частнымъ образомъ, но пойдутъ они также и оффиціальнымъ путемъ. Вы вѣрно встрѣтитесь съ Гасфордомъ (генералъ-губернаторомъ Сибири). Онъ вѣдь ѣдетъ на коронацію. Не поговорите-ли вы ему, чтобы онъ самъ представилъ мои стихи". Слѣдъ этихъ стиховъ пропалъ; — изъ архива III-го отдѣленія получена только копія со стиховъ на восточную войну. Въ тѣхъ, т. е. въ стихахъ на коронацію, такъ же какъ и въ этихъ, не было, вѣроятно, поэзіи,—но былъ, конечно, тотъ же задушевный патріо-

тизмъ. Привѣтствуя будущаго освободителя крестьянъ, Ѳ. М. являлся выразителемъ чувствъ какъ лучшей части русскаго общества, такъ, конечно, и многихъ изъ своихъ бывшихъ соучастниковъ по такъ называемому дѣлу Петрашевскаго. Тѣмъ чувствительнѣе утрата этихъ стиховъ, которыя Достоевскій съ чистымъ сердцемъ подносилъ своему „обожаемому“ государю. Далѣе онъ говоритъ, что имъ написана статья о Россіи, но что она вышла чисто политическимъ памфлетомъ. „Изъ статьи моей, пишетъ онъ, я слова не захотѣлъ бы выкинуть, но врядъ-ли позволили бы мнѣ начать мое печатаніе съ памфлета, не смотря на самыя патріотическія идеи“. Пришлось бросить эту статью и приняться за другую: *письма объ искусствѣ*. Она—плодъ десятилѣтнихъ обдумываній. Онъ надѣется, посвятивъ ее великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, какъ президенту Академіи художествъ, скорѣе достигнуть ея напечатанія—хотя бы безъ имени. „Въ нѣкоторыхъ главахъ, сообщаетъ онъ, цѣликомъ будутъ страницы изъ памфлета. Это собственно о назначеніи христіанства въ искусствѣ“. Но онъ въ большомъ затрудненіи, гдѣ ее помѣстить. „Современникъ“, по его словамъ, всегда былъ ему враждебенъ. „Москвитянинъ“ тоже. „Русскій Вѣстникъ“ сталъ печатать статьи о Пушкинѣ, гдѣ идеи, какъ онъ говоритъ, совершенно противоположны его идеямъ... Онъ хотѣлъ бы снова начать печататься съ такой статьи, какъ статья объ искусствѣ, ибо „на романъ до сихъ поръ смотрятъ, какъ на пустяки“. Мы не знаемъ о дальнѣйшей судьбѣ этой статьи Достоевскаго. Въ тогдашнихъ журналахъ она не появлялась. Но не вошло-ли многое изъ нея въ тѣ статьи о русской литературѣ, которыя печатались впослѣдствіи въ журналѣ „Время“ *). Вторая между ними касается именно вопроса объ искусствѣ въ формѣ полемики съ Г—бовымъ (Добролюбовымъ). Но вѣдь и въ письмѣ къ А. Е. Врангелю Достоевскій говоритъ по поводу своей тогдашней статьи объ искусствѣ, что „во многомъ съ нимъ будутъ не согласны многіе“, но что „онъ въ свои идеи вѣритъ“. Въ концѣ письма, касаясь опять своихъ практическихъ цѣлей, онъ изъявляетъ готовность, при переходѣ въ статскую службу, остаться хотя бы и въ Барнаулѣ. На это, надо думать, соглашалась тогда и Марья Дмитріевна, любовь къ которой, все болѣе и болѣе разгоравшаяся въ Ѳ. М., какъ можно заключить изъ всей совокупности его писемъ къ А. Е. Врангелю, составляла источникъ и новаго для него счастья и сильнѣйшихъ страданій. Повидимому, они мучили другъ друга взаимною ревностью. По крайней мѣрѣ докторъ Яновскій въ своемъ письмѣ къ А. Н. Майкову, касаясь этого обстоятельства, говоритъ, что,

*) Соч. т. X.

подъ вліяніемъ взаимной ревности, все болѣе и болѣе развивалась болѣзнь Ѳ. М. Этому, вѣроятно, лишь содѣйствовало то, что онъ великодушно боролся въ себѣ съ этимъ чувствомъ и побѣждалъ его до самоотверженныхъ заботъ объ участи того, къ кому ревновалъ. Близкое знакомство съ письмами къ А. Е. Врангелю въ ихъ *полномъ* видѣ кидаетъ новый свѣтъ на романъ, написанный по возвращеніи изъ Сибири. Уже выше приходилось говорить объ автобіографическихъ чертахъ въ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ". Но онѣ сказываются не въ одной авторской участи Ивана Петровича, а до нѣкоторой степени и въ его отношеніяхъ къ Наташѣ, такъ легкомысленно понятыхъ современною критикой.

Въ письмѣ къ А. Е. Врангелю отъ 23-го мая 1856 г. Ѳ. М., получившій уже свѣдѣнія о пріемѣ, оказанномъ его просьбѣ генераломъ Тотлебеномъ, восклицаетъ: „это рыцарская душа, возвышенная и великодушная". Столь же радуютъ его новыя свѣдѣнія о томъ, какъ горячо любятъ всѣ государя. „Больше вѣры, больше единства, пишетъ Ѳ. М., а если любовь къ тому, то все сдѣлано. Каково же кому нибудь оставаться назади, не прильнуть къ общему движенію, не принесть свою лепту? О, дай Богъ, чтобы моя судьба поскорѣе устроилась!" Онъ желаетъ тутъ этого уже не ради только себя, т. е. своихъ тогдашнихъ частныхъ отношеній, но и ради участія въ общей гражданской работѣ за одно съ такимъ государемъ! О *своихъ* дѣлахъ онъ не можетъ тутъ сообщить ничего добраго: „Я почти въ отчаяніи, пишетъ онъ. Трудно перестрадать сколько я выстрадалъ". Онъ хотѣлъ бы, чтобы братъ написалъ Марьѣ Дмитріевнѣ, наведя справки относительно помѣщенія ея сына въ Павловскій корпусъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ—отъ 14-го іюля—онъ съ восторженною благодарностью отзывается снова о стараніяхъ ему помочь генерала Тотлебена и самого Врангеля, но въ то же время говоритъ: „и такъ—теперь я могу надѣяться крѣпко, но... уже поздно". Дѣло въ томъ, что его надежды на семейное счастье совсѣмъ было тогда разстроились. Но онъ по прежнему озабоченъ судьбою сына Марьи Дмитріевны, котораго, за неимѣніемъ ваканціи, только государь можетъ утвердить сверхштатнымъ. По прежнему нужны Ѳ. М. и деньги, конечно, не для себя только. „Если есть у васъ, пишетъ онъ, дѣйствительно надежда и убѣжденіе, что мнѣ позволятъ печатать, то ради Бога займите (ибо у васъ самихъ вѣрно нѣтъ) 300 руб. до января".

Черезъ недѣлю — новое письмо (21-го іюля) съ просьбою ускорить въ Петербургѣ выдачу единовременнаго пособія Марьѣ Дмитріевнѣ. „Я трепещу, пишетъ Ѳ. М., чтобы она, недождавшись этихъ денегъ, не вышла замужъ. Тогда, пожалуй (какъ я полагаю), ей еще откажутъ въ немъ.

У него ничего нѣтъ, у ней тоже. Бракъ потребуетъ издержекъ, отъ которыхъ они оба года два не поправятся. И вотъ опять для нея бѣдность, опять страданіе"... Обращаясь къ себѣ, Ѳ. М. говоритъ: „ей Богу хоть въ воду! хоть вино начать пить!"

Въ письмѣ къ А. Е. Врангелю слѣдуетъ затѣмъ значительный перерывъ, вызванный молчаніемъ сибирскаго друга, на которое Ѳ. М. сильно сѣтуетъ въ письмѣ къ нему отъ 9-го ноября 1856 г. „Вы пишете, отвѣчаетъ ему Ѳ. М., что я кромѣ безконечно милосердаго монарха нашего, долженъ благодарить Тотлебена и его высочество принца Ольденбургскаго. Благодарю ихъ отъ горячаго сердца и, если увидите Тотлебена, скажите ему, что у меня нѣтъ словъ, чтобъ выразить мою благодарность ему. Всю жизнь буду помнить о благородномъ его поступкѣ со мною". Ѳ. М. много приписываетъ при этомъ однако и стараніямъ Врангеля. О томъ, что̀ достигнуто было тогда, можно узнать изъ „билета", выданнаго Ѳ. М. передъ отъѣздомъ изъ Сибири: „по высочайшему повелѣнію за отличіе по службѣ произведенъ въ прапорщики 1856 г. октября 1-го, съ оставленіемъ въ томъ же баталіонѣ (послѣ того какъ въ унтеръ-офицеры онъ былъ произведенъ 15-го января того же года)". Очень можетъ быть, что Врангель и молчалъ такъ долго, желая сообщить Ѳ. М. что нибудь положительное по его служебнымъ дѣламъ. Между тѣмъ Ѳ. М., „ни разу не усомнившись въ его дружбѣ", сильно тревожился, вообразивъ, что съ нимъ случилось „что нибудь трагическое" — въ родѣ того, о чемъ они между собою когда-то говорили. Изъ писемъ видно, что и въ жизни барона Врангеля разыгрывался въ то время романъ. Что̀ касается Ѳ. М—ча, то производство въ офицеры радуетъ его въ связи съ его собственнымъ, продолжающимся романомъ. „Еслибъ меня выпустили въ отставку, — хоть бы оставя здѣсь *на время,* пишетъ онъ — вотъ все мое желаніе. Я бы добылъ себѣ денегъ на существованіе... Напишите мнѣ положительно: во-первыхъ, *могу-ли я,* въ очень скоромъ времени, по слабости здоровья подать въ отставку (прося на всякій случай возвращенія въ Россію *для совѣта съ докторами*) и во-вторыхъ, могу ли я *печатать* — вопросъ для меня *самый главный*". Ѳ. М. прилагаетъ письмо къ брату, прося поскорѣе его передать (его у насъ нѣтъ).

Въ письмѣ отъ 1-го декабря Ѳ. М. сообщаетъ „коротко и ясно" своему другу: „*если не помѣшаетъ одно обстоятельство,* то я до масляницы женюсь — вы знаете на комъ... Она сама мнѣ сказала: *да.* То, что я писалъ вамъ объ ней лѣтомъ, слишкомъ мало имѣло вліянія на ея привязанность ко мнѣ... Она скоро разувѣрилась въ своей новой привязанности... О, еслибъ вы знали, что такое эта женщина!" Денегъ у него, ра-

зумѣется, нѣтъ ни копѣйки; онъ хочетъ пока занять, а съ будущей почтой напишетъ въ Москву, къ дядѣ, который не разъ помогалъ ихъ семейству (конечно, Куманину). „Одна надежда, поясняетъ онъ, и на отдачу долга, и на средства къ будущей жизни моей, это если мнѣ позволятъ печатать. Не удивляйтесь, другъ мой, что, не имѣя ничего, занимаю такіе куши, какъ 600 руб. Но у меня есть готоваго для печати слишкомъ на 1,000 руб. серебромъ... Но если печатать не позволятъ еще годъ—я пропалъ. Тогда лучше не жить!" Письмо заключается просьбами. Во-первыхъ—узнать, отчего не печаталась его *дѣтская сказка*. Надо думать, это то, что̀ было написано имъ еще въ крѣпости и извѣстно теперь подъ именемъ „Маленькаго Героя".—„Не отказали-ли? спрашиваетъ Ѳ. М. Это очень важно мнѣ знать. Разумѣется, я готовъ печатать *хоть навсегда безъ имени* или псевдонимомъ". Во-вторыхъ—и тутъ онъ проситъ уже „на колѣняхъ"—за того В., о которомъ просилъ еще лѣтомъ. „Теперь онъ мнѣ дороже брата роднаго, пишетъ Ѳ. М. О В. не грѣшно просить: *онъ того стоитъ*... Ради Бога сдѣлайте же хоть что нибудь, подумайте и будьте мнѣ роднымъ братомъ".

Изъ письма къ бар. Врангелю отъ 25-го февраля 1857 г. мы узнаемъ, что предложенія Ѳ. М. на счетъ займа осуществились. Онъ спѣшитъ свадьбой. Между тѣмъ, по его разсчету, изъ занятыхъ имъ 600 р. по возвращеніи въ Семипалатинскъ у него почти ничего не останется. Если не поможетъ еще 600 р. дядя, придется мѣсяцевъ 8 прожить какъ нищему—до того времени, когда, по разсчетамъ, можно будетъ что нибудь напечатать. Братъ огорчаетъ его своимъ молчаніемъ мѣсяцевъ по 8-ми и тѣмъ, что и при такихъ рѣдкихъ сношеніяхъ, "никогда не пишетъ о нужномъ". Между тѣмъ, „есть столько о чемъ надо писать и что̀ можно написать...... Онъ мнѣ ни слова не пишетъ о литературѣ, а вѣдь это мой хлѣбъ, моя надежда".

Совершенно спокойнымъ тономъ сообщаетъ Ѳ. М. своему другу въ письмѣ отъ 9-го марта 1857 г., что свадьба его совершилась въ Кузнецкѣ 6-го февраля—конечно описка вмѣсто 6-го марта (такъ какъ въ письмѣ отъ 27-го февраля онъ только еще предвозвѣщалъ свою свадьбу). Онъ очень смущенъ тѣмъ, что въ Барнаулѣ съ нимъ случился припадокъ и докторъ сказалъ ему, что у него настоящая эпилепсія, такъ что, при отсутствіи правильнаго леченія, припадки могутъ принять самый опасный оборотъ. По возвращеніи въ Семипалатинскъ—съ одной стороны хлопоты по устройству квартиры, съ другой—какъ нельзя менѣе кстати смотръ бригаднаго командира. Пришлось отложить письма къ Врангелю и къ брату (послѣднее до насъ не дошло). Далѣе Ѳ. М. съ тонкимъ чутьемъ психо-

лога старается разъяснить своему другу тяжелыя отношенія между нимъ и его отцомъ. Предполагая въ послѣднемъ „смѣсь подозрительности самой мрачной, болѣзненной чувствительности и великодушія", онъ можетъ быть припоминаетъ отчасти характеръ собственнаго своего отца. Касаясь мрачнаго настроенія своего друга, онъ готовъ, повидимому, пожелать ему „сильнаго переворота въ жизни", ссылаясь при этомъ на собственный свой примѣръ: „я былъ, говоритъ онъ, ипохондрикомъ въ высшей степени, но излечился вполнѣ крутымъ переворотомъ, случившимся въ судьбѣ моей".

Этимъ письмомъ заканчивается тогдашній рядъ писемъ Ѳ. М. къ А. Е. Врангелю. Затѣмъ передъ нами новый рядъ его писемъ къ брату Михаилу Михайловичу (мы не разъ замѣчали выше, что изъ прежнихъ писемъ къ нему нѣкоторыя, должно быть, утрачены, или еще не отысканы). Въ письмѣ отъ 1-го марта 1858 г. Ѳ. М. говоритъ, что ему не совсѣмъ пріятно было узнать о напечатаніи „Дѣтской Сказки" въ видѣ не передѣланномъ, тогда какъ ему хотѣлось „все никуда не годное начало выбросить вонъ". Затѣмъ рѣчь идетъ о денежныхъ разсчетахъ за „Дѣтскую Сказку" съ редакторомъ „Отечественныхъ Записокъ". Такъ какъ послѣдній не считаетъ себя болѣе должнымъ Ѳ. М., то братъ думалъ занять 200 р., чтобы ихъ ему выслать. Ѳ. М. ни за что этого не хочетъ, и такъ уже считая себя облагодѣтельствованнымъ братомъ. Въ припискахъ къ письму говорится о сношеніяхъ съ „Русскимъ Словомъ" и „Русскимъ Вѣстникомъ". „Положеніе мое критическое, прибавляетъ тутъ Ѳ. М. Если Плещеевъ дастъ 1,000 р., тотчасъ поѣду въ Россію, а не дастъ—не знаю, какъ и буду". Надо думать, что надежда на позволеніе возвратиться въ Россію усилилась. Въ особой припискѣ—поклонъ имъ всѣмъ и въ особенности Эмиліи Ѳедоровнѣ отъ него и жены.

Письмо отъ 31-го мая 1858 г. написано послѣ извѣстія о потерѣ въ 3,000 р., понесенной Михаиломъ Михаиловичемъ. Тѣмъ труднѣе послѣ этого Ѳ. М—чу обременять его своими просьбами. Но Ѳ. М. сообщаетъ брату, что, завязавъ сношенія съ М. Н. Катковымъ, онъ получилъ отъ него впередъ за обѣщанную повѣсть 500 р. „при весьма умномъ и любезномъ письмѣ", въ которомъ редакторъ „Р. Вѣстника" проситъ его „какъ можно менѣе стѣснять себя, работать не спѣша, т. е. не на срокъ". Романъ отложилъ онъ писать до возвращенія въ Россію. „Въ немъ идея довольно счастливая, характеръ новый, еще нигдѣ не являвшійся. Но такъ какъ этотъ характеръ вѣроятно теперь въ Россіи въ большомъ ходу въ дѣйствительной жизни, особенно теперь, судя по движенію и идеямъ, которыми всѣ полны, то я увѣренъ, что я обогачу мой романъ новыми

наблюденіями, возвратясь въ Россію"... Какой романъ разумѣется тутъ? Можетъ быть оставшійся неосуществленнымъ? Или же—можетъ ли быть?—уже „Преступленіе и Наказаніе", или, какъ названъ онъ въ нѣмецкомъ переводѣ по главному характеру, Раскольниковъ? Тогда основа этого "современнаго типа" должна быть вычитана Ѳ. М—чемъ изъ только что раскрывшихся передъ нимъ опять журналовъ,—въ связи съ личными воспоминаніями о „мечтателяхъ" 40-хъ годовъ. Не даромъ, можетъ быть, въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома", появившихся гораздо раньше „Раскольникова", подъ непосредственнымъ вліяніемъ сибирскихъ думъ, въ одномъ мѣстѣ сказано (чего вовсе не замѣтила критика): „свойства палача въ зародышѣ находятся почти въ каждомъ современномъ человѣкѣ" *). Покамѣстъ, говоритъ далѣе Ѳ. М., „пишу двѣ повѣсти, которыя будутъ только что сносны". Подъ этимъ, конечно, подразумѣваются „Дѣдушкинъ сонъ" и „Село Степанчиково". Тутъ Ѳ. М. возстаетъ противъ защищаемаго братомъ мнѣнія, что „картина должна быть написана сразу". Онъ утверждаетъ, что Пушкинъ, Гоголь работали долго, т. е. вырабатывали свои произведенія. У Шекспира если и не было помарокъ, то отъ этого онъ вовсе не выигрывалъ. „Я, говоритъ онъ наконецъ и про себя, сцену сейчасъ же и записываю, такъ какъ она мнѣ явилась впервые, и радъ ей, но потомъ цѣлые мѣсяцы, годъ, обрабатываю ее, вдохновляюсь ею *по нѣскольку разъ*, а не одинъ (потому что люблю эту сцену) и нѣсколько разъ прибавлю къ ней или убавлю что нибудь... и повѣрь, что выходитъ гораздо лучше. Было-бы вдохновеніе. Безъ вдохновенія, конечно, ничего не будетъ". Долго писались и тщательно отдѣлывались, какъ мы уже знаемъ, „Бѣдные люди". Но обстоятельства далеко не всегда позволяли Ѳ. М—чу работать такъ, какъ бы онъ хотѣлъ.

Письмо заключается отзывомъ о только что прочтенномъ романѣ Писемскаго: „Тысяча Душъ". Ѳ. М—чъ идетъ въ разрѣзъ съ господствовавшимъ тогда мнѣніемъ, что романъ прекрасенъ. „Окончаніе 2-ой части рѣшительно неправдоподобно, утверждаетъ онъ. Калиновичъ, обманывающій сознательно, невозможенъ".

По прежнему Ѳ. М. озабоченъ своимъ положеніемъ. „Чтò будетъ со мною, спрашиваетъ онъ, до окончанія года, когда я получу за свою работу". Но не безпокойся обо мнѣ очень, прибавляетъ онъ и затѣмъ проситъ брата хорошенько принять Плещеева съ женой, которые должны быть въ Петербургѣ. „Чтò съ нашими родными, спрашиваетъ Ѳ. М. Ни слова, ни слова до сихъ поръ".

*) Ч. II, гл. III (Соч. т. IV, стр. 187).

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 19-го іюля) онъ сѣтуетъ опять и на самого Михаила Михайловича. Дѣло не въ обѣщанномъ, но не дошедшемъ до него платьѣ, дѣло въ молчаніи брата, заставляющемъ думать Богъ знаетъ что *). „О себѣ не могу тебѣ сказать ничего утѣшительнаго, пишетъ Ѳ. М. Отставка моя до сихъ поръ не приходитъ (уже 6 мѣсяцевъ какъ подалъ)... Здоровье не поправляется. Слѣдуетъ порученіе брату справиться у Плещеева, можетъ-ли онъ и скоро-ли, выслать обѣщанные 1,000 р. (изъ ожидаемаго имъ наслѣдства). „Ты пишешь, продолжаетъ Ѳ. М., прислать тебѣ повѣсть и говоришь, что тотчасъ же продашь ее и пришлешь деньги. Но, другъ мой, на заказъ писать не буду никогда: клятву далъ. Отъ этой работы я съ ума сойду"... Онъ пишетъ, правда, двѣ повѣсти, но романъ бросилъ, „ибо это, поясняетъ онъ, по всѣмъ признакамъ будетъ мой chef-d'œuvre, а портить торопясь не хочу, да и свѣдѣнія по нѣкоторымъ статьямъ романа надо собрать лично въ Россіи". Въ припискѣ: „жена кланяется. Она меня ободряетъ, но также безпокоится о тебѣ, какъ и я".

Къ концу 1858 г. относится письмо Ѳ. М—ча (отъ 12-го декабря) къ г. Е—у, съ которымъ онъ познакомился еще въ 1854 г., когда г. Е—ъ исполнялъ служебное порученіе объѣхать нѣкоторыя мѣстности Сибири **). Ѳ. М—чъ писалъ ему еще ранѣе—15-го апрѣля въ точности неизвѣстно какого года (по догадкѣ редакціи „Русск. Старины" 1856). Тутъ Ѳ. М—чъ извѣщалъ своего новаго знакомаго о полученіи сочиненій Пушкина въ изданіи П. В. Анненкова ***). На предложеніе г. Е—а

*) Кромѣ пропажи платья, ранѣе еще, должно быть, пропали книги (въ томъ числѣ древніе историки и отцы церкви) и ящикъ сигаръ, посланные Михаиломъ Михайловичемъ для Ѳедора Михайловича г. Е—у. Объ этомъ упоминается въ письмѣ къ послѣднему Ѳ. М—ча, помѣченномъ 15-мъ апрѣля. По догадкѣ редакціи „Русской Старины" (напечатавшей это письмо въ сентябрьской книжкѣ 1883 г.) оно относится къ 1856 г. Въ примѣчаніи редакціи дѣло объясняется тѣмъ, что г. Е—ъ отправилъ посылку М. М—ча по почтѣ на имя одного знакомаго чиновника для передачи Ѳ. М—чу, но тотъ, испугавшись сношеній съ политическимъ преступникомъ, вовсе отказался отъ полученія посылки, которая такъ неизвѣстно гдѣ и пропала.

**) По словамъ ред. „Рус. Старины", Ѳ. М—чъ находился тогда въ арестантскихъ ротахъ въ Красноярскѣ (?) и по просьбѣ г. Е—а былъ назначенъ расчищать снѣгъ на дворѣ того казеннаго дома, гдѣ остановился г. Е—ъ, но „само собой разумѣется, что онъ на этотъ разъ снѣга не расчищалъ, а провелъ нѣсколько часовъ съ г. Е—ъ". Такъ какъ два письма къ нему Ѳ. М—ча появились въ „Рус. Старинѣ" только въ сентябрѣ, когда начало этой главы уже было отпечатано, то мнѣ и пришлось отнести первое изъ нихъ не совсѣмъ къ мѣсту. Надо замѣтить, что въ билетѣ, выданномъ Ѳ. М—чу при отъѣздѣ изъ Сибири, *никакого указанія на пребываніе его въ арест. ротахъ въ Кр—скѣ нѣтъ.* *Ор. М.*

***) Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ тутъ же касается и той пропажи, о которой упомянуто выше въ примѣчаніи.

собирать въ Сибири народныя пѣсни, Ѳ. М—чъ отвѣчалъ: „съ большимъ удовольствіемъ постараюсь, если что найду. Но врядъ-ли. Впрочемъ постараюсь. Самъ же я до сихъ поръ не собиралъ ничего подобнаго. Меня останавливала мысль, что если дѣлать, то дѣлать хорошо. А случайно собирать хоть бы народныя пѣсни, ничего не соберешь. Безъ усилій ничего недостается. Къ тому же занятія мои теперь другаго рода. Сколько нужно прочесть и какъ я отсталъ".

Въ письмѣ къ тому же лицу отъ 12-го декабря 1858 г. изъ Семипалатинска Ѳ. М—чъ кается въ долгомъ своемъ молчаніи. Причиною отчасти то, что хотѣлось бы написать о себѣ что̀ нибудь положительное. „Каждый день и часъ, говоритъ онъ, жду рѣшенія судьбы моей и не дождусь". Семипалатинскъ надоѣлъ ему страшно. „Можете-ли вы себѣ представить, продолжаетъ онъ, что даже самыя занятія литературой сдѣлались для меня не отдыхомъ, не облегченіемъ, а мукой... Во всемъ виновата моя обстановка и болѣзненное положеніе мое. Журналовъ я не читаю и вотъ уже полгода не бралъ въ руки даже газеты. Полагая, что скоро выѣду въ Россію, не записался, а брать не у кого, потому что не хочется быть инымъ людямъ хоть чѣмъ нибудь одолженнымъ". Далѣе говорится о томъ начатомъ и брошенномъ пока романѣ для г. Каткова, про который мы уже знаемъ по другимъ письмамъ. „Хочу написать хорошо, поясняетъ тутъ Ѳ. М—чъ, а недостаетъ кое-какихъ справокъ, которыя нужно сдѣлать самому лично въ Россіи. Наобумъ же писать не хочу". Принявшись за другой романъ (конечно „Село Степанчиково"), Ѳ. М., не успѣвъ окончить его для „Русскаго Вѣстника", долженъ былъ приняться за повѣсть для „Русск. Слова" (конечно „Дядюшкинъ сонъ") и „пишетъ ее на почтовыхъ", такъ какъ М. М—чъ взялъ впередъ изъ редакціи и выслалъ ему 500 руб. Это, поясняетъ онъ, отъ нужды въ деньгахъ по поводу женитьбы: „весь задолжалъ".

Въ письмѣ отъ 11 апрѣля 1859 г. Ѳ. М. извѣщаетъ брата, что онъ получилъ отъ гр. Кушелева (издателя „Русскаго Слова") 1,000 р. за повѣсть, которая, какъ писалъ ему Михаилъ Михайловичъ, многимъ нравится. Г. Каткову Ѳ. М. писалъ, прося выслать еще 200 р. и назначая плату по 100 р. съ листа. „Каковъ-то будетъ отвѣтъ? Онъ на меня сердится, говоритъ Ѳ. М., и не отвѣчалъ на мое послѣднее письмо". Романъ, посланный г. Каткову, считаетъ онъ выше „Дядюшкина Сна" (повѣсти у гр. Кушелева). Прежде „романъ" этотъ онъ называлъ „повѣстью" („Село Степанчиково", какъ видно изъ слѣдующаго письма). Онъ долженъ появиться осенью.

Въ письмѣ говорится уже о переѣздѣ въ Тверь: вслѣдъ за позво-

леньемъ печатать—и даже съ подписью—послѣдовало 18-го марта и давно желанное увольненіе за болѣзнью отъ службы подпоручикомъ, при чемъ Ѳ, М., какъ сказано въ билетѣ, „изъявилъ мѣсто жительства въ Твери". На самомъ же дѣлѣ, какъ видно изъ письма, ему хотѣлось въ Москву. „Мнѣ вѣдь отказали, пишетъ онъ, не по высочайшей волѣ, а просто инспекторскій департаментъ точно и ясно написалъ сюда, что онъ не *беретъ на себя* разрѣшить этотъ вопросъ, *не зная*, позволено-ли мнѣ жить въ Москвѣ, и *совѣтуетъ* обратиться о разрѣшеніи къ Государю Императору черезъ III-е отдѣленіе". Ѳ. М. разсчитываетъ на 8-е сентября—совершеннолѣтіе Наслѣдника. „При совершеннолѣтіи нынѣ царствующаго Императора, пишетъ онъ, оказаны были огромныя милости политическимъ преступникамъ*). Я увѣренъ, что Государь, и при теперешнемъ празднествѣ вспомнитъ о насъ несчастныхъ". Въ припискѣ: „о моемъ Пашѣ позаботься". Посылается поклонъ отъ жены и привѣтствіе со свѣтлымъ праздникомъ.

Слѣдующее письмо—отъ 9-го мая 1859 г.—уже послѣднее изъ Семипалатинска. Ѳ. М. очень озабоченъ болѣзненными припадками брата. Хотя отставка и вышла, но разныя формальности задержатъ его до іюля. Затѣмъ придется еще прожить нѣсколько въ Омскѣ „по дѣлу о взятіи Паши изъ корпуса". Ѳ. М. проситъ сообщить ему *безъ утайки* все, чтò говорятъ о романѣ.

Самъ Ѳ. М. думаетъ, что хотя романъ этотъ и „имѣетъ величайшіе недостатки, а, главное, можетъ быть, растянутость", но онъ имѣетъ въ то же время и „великія достоинства", и это его „лучшее произведеніе". „Я писалъ его, говоритъ онъ, два года (съ перерывомъ въ срединѣ „Дядюшкина сна"). Начало и средина обдѣланы, конецъ писанъ наскоро. Но тутъ положилъ я мою душу, мою плоть и кровь... Въ романѣ, сознается онъ, мало сердечнаго (т. е. страстнаго элемента) какъ, наприм., въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ" **)—но въ немъ есть два огромныхъ типическихъ характера, *создаваемыхъ* и *записываемыхъ* пять лѣтъ, обдѣланныхъ безукоризненно (по моему мнѣнію), характеровъ вполнѣ русскихъ и плохо до сихъ поръ указанныхъ русской литературой". Это, конечно, представитель „смирнаго типа"—Ростаневъ, и ставшій изъ забитаго „хищнымъ" Ѳома (употребляя термины покойнаго А. А. Григорьева). „Не знаю, оцѣнитъ-ли Катковъ, говоритъ далѣе Ѳ. М., но если публика приметъ мой романъ холодно, то, признаться, я можетъ быть впаду въ отчаяніе".

*) Какъ извѣстно, при содѣйствіи Жуковскаго.

**) Еще недавно тогда прочитанномъ Ѳ. М—чемъ.

Публика, какъ извѣстно, отнеслась къ этому роману довольно сдержанно. Между тѣмъ въ томъ же письмѣ Ѳ. М. говоритъ опять и о большомъ, давно задуманномъ имъ романѣ, относительно котораго онъ намѣренъ вступить въ переговоры съ Кушелевымъ: „во 1-хъ, чтобъ сѣсть мнѣ за романъ, пишетъ онъ, и написать его — 1½ года сроку; 2) чтобъ писать его 1½ года — нужно быть въ это время обезпеченнымъ, а я ничего ровно не имѣю. Въ 3-хъ, ты пишешь мнѣ безпрерывно такія извѣстія, что Гончаровъ, напримѣръ, взялъ 7000 за свой романъ... а Тургеневу, за его *Дворянское Гнѣздо* (я, наконецъ, прочелъ,—чрезвычайно хорошо), самъ Катковъ (у котораго я прошу 100 р. съ листа) давалъ 4000 р., т. е. по 400 р. съ листа. Другъ мой! Я очень хорошо знаю, что я пишу хуже Тургенева, но вѣдь не слишкомъ же хуже и, наконецъ, я надѣюсь написать совсѣмъ не хуже. Зачѣмъ же я-то, съ моими нуждами, беру только 100 р., а Тургеневу, у котораго 2000 душъ, по 400? Отъ бѣдности *я принужденъ* торопиться и писать для денегъ, слѣдовательно *непремѣнно портить*. И потому, при свиданіи съ Кушелевымъ, я намѣренъ прямо изложить ему, чтобы онъ далъ мнѣ полуторагодичный срокъ, 300 р. съ листа, и, сверхъ того, чтобъ жить во время работы,— 3000 р. с. впередъ". Въ припискѣ къ письму говорится, что г. Каткову онъ пошлетъ всего 15 листовъ по 100 р.—1500 р., „Взялъ я у него, прибавляетъ Ѳ. М., 500, да еще, пославъ ¾ романа, просилъ 200 р. на дорогу, итого взято 700. Пріѣду я въ Тверь безъ копѣйки, но зато въ самомъ непродолжительномъ времени получаю съ Каткова 700 или 800 р. Это еще ничего. Можно обернуться". Въ другихъ припискахъ— возобновленный планъ изданія въ 2-хъ томахъ своихъ сочиненій, поклонъ брату отъ жены и поклонъ чрезъ брата Плещееву. „Что онъ ко мнѣ не пишетъ? спрашиваетъ Ѳ. М. Ужь не разсердился ли за требованіе денегъ?— Не можетъ быть!"

Временной билетъ на проѣздъ впредь до полученія паспорта выданъ былъ Ѳ. М—чу въ Семипалатинскѣ 30-го іюня 1859 г. Вскорѣ послѣ того, конечно, онъ и выѣхалъ, наконецъ, изъ Сибири. Отъ 19-го сентября онъ пишетъ уже изъ Твери къ брату М. М—чу: „я хоть и сижу въ Твери, а все таки *продолжаю странствовать;* когда-то насъ опять соединитъ судьба?" Судя по концу письма, М. М—чъ успѣлъ до того побывать у него въ Твери. „Вотъ ты уѣхалъ, говорится тутъ, а я вѣдь знаю, что мы вовсе еще не такъ познакомились другъ съ другомъ, какъ надо, какъ-то не высказались, не показались", т. е. послѣ тѣхъ десяти лѣтъ разлуки, которые, какъ говорится далѣе' „ихъ, однако, не разъединили?" Ѳ. М—чъ сообщаетъ, что былъ у губернатора гр. Баранова

съ письмомъ къ кн. Долгорукову: „Мучился ужасно надъ этими письмами“, говорится далѣе. Гр. Барановъ совѣтовалъ отложить отправку этого письма до возвращенія кн. Долгорукова въ Петербургъ (въ половинѣ октября). Ѳ. М—чъ разсчитываетъ, что затѣмъ дѣло скоро сдѣлается и къ 1-му декабря онъ будетъ уже въ Петербургѣ. Пока онъ ждетъ, что его вскорѣ навѣстятъ въ Твери бар. Врангель и А. Н. Майковъ. „Ты пишешь, говорится далѣе, что не засталъ Некрасова дома... не опоздать-бы съ рукописью. Уйдетъ время и они будутъ другое печатать въ октябрьской книжкѣ... Въ отношеніяхъ съ Некрасовымъ замѣчай всѣ подробности и всѣ его слова... Для меня вѣдь это очень интересно“. Въ припискѣ: „обдумываю романъ, который тебѣ пересказывалъ, и вмѣстѣ жаль большаго романа. Я думалъ его писать. Ахъ, кабы деньги да обезпеченіе“. Отъ 22-го сентября пишетъ онъ къ А. Е. Врангелю объ ожидаемомъ имъ пріѣздѣ этого стараго пріятеля. „Поговоримъ, пишетъ онъ, о старомъ, когда было такъ хорошо, о Сибири, которая мнѣ теперь мила стала“. Эти сочувственныя отношенія къ Сибири, развившіяся въ Твери, отразились впослѣдствіи въ словахъ Ивана Петровича (въ романѣ „Униженные и Оскорбленные“, и вообще, какъ мы видѣли, представляющемъ не мало автобіографическаго интереса): „полноте, Анна Андреевна, въ Сибири совсѣмъ не такъ дурно, какъ кажется...“ *). Дѣло въ томъ, что желаніе поскорѣе дождаться возможности жить гдѣ вздумается, дѣлаетъ для Достоевскаго эту яко бы выбранную имъ самимъ Тверь—„настоящей тюрьмой“. Не даромъ, съ другой стороны, онъ съ самой своей женитьбы не сообщалъ никому ничего о своемъ семейномъ житьѣ-бытьѣ. „Если спросите обо мнѣ, пишетъ онъ теперь, что̀ вамъ сказать: взялъ на себя заботы семейныя и тяну ихъ. Но я вѣрю, что еще не кончилась моя жизнь и не хочу умирать. Болѣзнь моя по прежнему—ни то, ни се, Хотѣлъ бы посовѣтоваться съ докторами, но пока не доберусь до Петербурга,—не буду лечиться“.—Чтобы добиться права переѣхать въ Петербургъ, ему приходится ждать возвращенія кн. Долгорукова, письмо къ которому взялся переслать тверской губернаторъ гр. Барановъ. „Я, конечно, почти увѣренъ, пишетъ онъ, что мою просьбу уважатъ. Примѣры уже были: многіе изъ нашихъ въ Петербургѣ. Къ тому же, Государь безпримѣрно добръ и милостивъ. Да и я постоянно былъ хорошо атестованъ. Но вотъ чего я боюсь: затянется дѣло, а я живи въ Твери“. Вотъ онъ и хочетъ снова обратиться къ ген. Тотлебену съ просьбою походатайствовать о сокращеніи формальностей.

*) Часть 1, гл. 13-я (Сочин. т. V, стр. 69).

При слѣдующемъ письмѣ (отъ 4-го октября) приложено уже и письмо къ ген. Тотлебену. Ѳ. М. не перестаетъ рваться вонъ изъ Твери, хотя онъ и прекрасно принятъ въ просвѣщенномъ семействѣ губернатора. Если ему позволятъ переѣхать въ Петербургъ, то сперва онъ пріѣдетъ одинъ, безъ жены, и остановится у брата. „Напишите, напоминаетъ онъ старую просьбу, куда бы пристроить моего мальчика“ (пасынка Пашу).

За три дня до того Ѳ. М. писалъ брату (1-го октября), тревожась молчаньемъ Некрасова, съ которымъ заведены были переговоры о романѣ. Въ то же время онъ думалъ уже начать писать большой романъ—вѣроятно тотъ, который слагался у него въ головѣ еще въ Сибири. Съ нимъ нельзя спѣшить, а надо его писать „свободно“. „Этотъ романъ съ идеей и дастъ мнѣ ходъ, увѣренъ Ѳ. М. Но чтобъ писать его, надо быть обезпеченнымъ. Запродать его впередъ и на это жить—самоубійство. Это значитъ взять 100 или 120 р., тогда какъ я, можетъ быть, выторговалъ бы 150 или 200 р. Я самъ буду своимъ судьей и если романъ удастся—самъ положу цѣну. А потому нужно не запродавать впередъ... „Но вопросъ, гдѣ взять денегъ, чтобы обезпечить себя по крайней мѣрѣ на годъ? Вотъ онъ и обращается къ старой идеѣ объ изданіи прежнихъ своихъ сочиненій (теперь уже въ 3-хъ частяхъ), а на расходы проситъ брата выдать за него вексель и думаетъ еще призанять у кого нибудь. Прежнія свои сочиненія хочетъ онъ издать въ исправленномъ видѣ—особенно „Двойника“. „Повѣрь, братъ, это исправленіе, снабженное предисловіемъ, будетъ стоить новаго романа. Они увидятъ, наконецъ, что̀ такое „Двойникъ!.. Если я теперь не поисправлю „Двойника“, то когда же я его поправлю? Зачѣмъ мнѣ терять превосходную идею, величайшій типъ по своей соціальной важности, который я первый открылъ и котораго я былъ провозвѣстникомъ?“ Если изданіе пойдетъ и медленно, то „на кормъ мой и медленной продажи достанетъ“, заключаетъ онъ свои очень скромные, стало быть, разсчеты. Возвращаясь къ своему тверскому житью-бытью, Ѳ. М. разсказываетъ, что видѣлся съ Головинскимъ (вѣроятно бывшимъ товарищемъ по дѣлу Петрашевскаго) и что тотъ его со всѣми въ Твери познакомилъ *). Ѳ. М. однако же „не намѣренъ слишкомъ поддерживать со всѣми“, а „всѣми силами радъ бы вырваться изъ Твери“.

*) „Въ ряду милостей, какими ознаменовано начало царствованія Императора Александра Николаевича, было прощеніе всѣхъ пострадавшихъ по дѣлу М. В. Буташевича-Петрашевскаго. Царская милость застала однихъ въ каторжныхъ работахъ въ разныхъ мѣстахъ Сибири, другихъ на поселеніи или въ военной службѣ въ сибирскихъ батальонахъ и на Кавказѣ. Всѣ поспѣшили воспользоваться дарованной свободой и мало по малу возвратились изъ ссылки, кромѣ П. Н. Филиппова, тяжело раненаго при штурмѣ Карса и умершаго въ Александро-

Въ утѣшеніе Ө. М—чу, разсказываетъ А. П. Милюковъ, посылались ему въ Тверь книги—между прочимъ, по его просьбѣ, псалтырь на славянскомъ языкѣ, коранъ во французскомъ переводѣ Казимірскаго и Les romans de Voltaire. „Өедоръ Михайловичъ потомъ говорилъ, прибавляетъ г. Милюковъ, что задумывалъ какое-то философское сочиненіе, но послѣ внимательнаго обсужденія отказался отъ этой мысли" *).

Уже 2-го октября, Ө. М—чъ отправилъ къ брату новое письмо— о томъ, что надо непремѣнно застать Некрасова и кончить съ нимъ дѣло. „Вѣдь обѣщался-же онъ дать впередъ 1200 р. за 10 печатныхъ листовъ, изъ которыхъ 700 опредѣлены сейчасъ-же тебѣ, а 500 мнѣ. Теперь-же мнѣ эти 500 нужны до крайности"... „Положеніе мое, жалуется Ө. М—чъ, тяжелое, скверное и грустное. Сердце высохнетъ. Кончатся-ли когда нибудь мои бѣдствія и дастъ-ли мнѣ Богъ, наконецъ, возможность обнять васъ всѣхъ и обновиться въ новой и лучшей жизни".

За этимъ слѣдовало письмо къ брату отъ 9-го октября. Этого письма пока нѣтъ на лицо, но ссылка на него есть въ письмѣ отъ 11-го октября **). „Теперь дѣло затѣвается съ Краевскимъ", пишетъ тутъ Ө. М—чъ. „Цѣна—120 съ листа; если *en bloc*, то 1700 р. впередъ, или, пожалуй, 1000 подъ тѣмъ условіемъ, чтобы напечатано было *непремѣнно* въ этомъ году (тогда остальные 700 при напечатаніи)". Далѣе въ письмѣ на первый разъ удивляетъ порученіе, даваемое брату, предложить новому журналу „Свѣточъ" романъ „Село Степанчиково" за 2500 р., тогда какъ мы знаемъ, что онъ запроданъ былъ „Русскому Вѣстнику". Но далѣе мы узнаемъ изъ того-же письма, что редакція возвратила Ө. М—чу рукопись, „испугавшись 100 р. съ листа". Катковъ-бы и далъ, слышалъ Ө. М—чъ, но „всѣмъ журналомъ управляетъ Леонтьевъ и держитъ Каткова въ рукахъ". Въ томъ-же письмѣ важное извѣстіе: „въ будущемъ году еще двѣ вещи могутъ быть напечатаны: „Мертвый Домъ" и *первый эпизодъ большаго романа.* Это пойдетъ въ „Современникъ". Небось тогда не упустятъ, да я и отдамъ-то съ рекомендаціей (какъ понимать это?) Что-же касается до „Мертваго Дома", то вѣдь у нихъ не бараньи

польскомъ госпиталѣ, и Петрашевскаго, который отказался отъ помилованія, требуя пересмотра своего дѣла, и остался въ восточной Сибири". (Воспом. А. П. Милюкова въ „Русской Старинѣ" 1881 г., май, стр. 33).

*) „Р. Старина", 1881 г., май, стр. 35.

**) И оно досталось мнѣ, вмѣстѣ съ тремя за нимъ слѣдующими, лишь тогда, когда вся эта глава была уже въ наборѣ. Пришлось дѣлать дополненія по этимъ письмамъ уже въ корректурѣ. Вѣроятно, найдется и письмо 9-го октября и другія, когда тѣмъ или другимъ лицамъ не лѣнь будетъ ихъ отыскать и сообщить.

головы. Вѣдь они понимаютъ, какое любопытство можетъ возбудить такая статья въ первыхъ (январьскихъ) нумерахъ журнала. Если дадутъ 200 съ листа, то напечатать въ журналѣ, а нѣтъ, такъ и не надо...“ „Не думай, поясняетъ онъ брату, что я задралъ носъ... совсѣмъ нѣтъ; но я очень хорошо понимаю любопытство и *значеніе* статьи и своего терять не хочу“. Надо думать, что Ѳ. М—чъ, называя „Мертвый Домъ“ *статьей,* сначала не предвидѣлъ, до какихъ размѣровъ разростется у него хроника его сибирской жизни, задуманная, какъ видно, вотъ еще когда. Въ концѣ письма—опять о переговорахъ съ Некрасовымъ на счетъ *романа* (того-же „Степанчикова“, какъ видно изъ дальнѣйшаго). Очень важно, чтобы онъ былъ напечатанъ въ „Современникѣ“. „Этотъ журналъ, пишетъ Ѳ. М—чъ, прежде гналъ меня, а теперь самъ хлопочетъ о моей статьѣ... Некрасовъ, возвратившій тебѣ рукопись и *пришедшій опять за ней* (о чемъ, вѣроятно, писалъ М. М—чъ) и (еслибъ такъ было) наконецъ вошедшій въ резонъ, всѣми этими продѣлками придаетъ чрезвычайное значеніе роману... Мимоходомъ скажи Некрасову откровенно мнѣніе „Русскаго Вѣстника“ о романѣ (и про Леонтьева, и назови его скрягой)“. Въ другомъ мѣстѣ письма говорится про Л—ва съ г. Катковымъ, что „отъ начала они были просто въ восторгѣ“, но что „конецъ, по ихъ мнѣнію, слабъ и вообще романъ требуетъ сокращенія“. „Прибавь Некрасову, продолжаетъ Ѳ. М—чъ, что я самъ хорошо знаю недостатки своего романа, но что мнѣ кажется, что и въ моемъ романѣ есть нѣсколько хорошихъ страницъ... Не худо это-же сказать и Краевскому. Говори имъ откровеннѣе. Откровенность—сила“. Письмо оканчивается извѣстіемъ, что приступить къ писанію „Мертваго Дома“ онъ намѣренъ послѣ 15-го, теперь-же болятъ глаза и нельзя при свѣчахъ заниматься.

Въ письмѣ къ брату отъ 20-го октября Ѳ. М. напоминаетъ ему о тѣхъ-же переговорахъ на счетъ „Степанчикова“ съ Некрасовымъ, Калиновскимъ („Свѣточъ“), и Краевскимъ. Относительно послѣдняго, Ѳ. М—чъ замѣчаетъ: „помнишь литературныя сужденія полковника Ростанева о литературѣ, о журналахъ, объ учености „Отеч. Записокъ“ и проч. Непремѣнное условіе: чтобъ ни одной строчки Краевскій не выбрасывалъ изъ этого разговора. Мнѣніе Ростанева не можетъ ни унизить, ни обидѣть Краевскаго“.

На другой день послѣ этого письма къ брату, т. е. 21-го октября, Ѳ. М. писалъ бар. Врангелю: „вы знаете, что я написалъ прямо къ Государю и что письмо мое отослано здѣшнимъ губернаторомъ гр. Барановымъ Адлербергу, который передастъ его Государю Императору лично. Вотъ

ужь 12 дней, какъ пошло письмо"... Ѳ. М. объясняетъ себѣ дѣло предположеніемъ „не отослалъ-ли Его Императорское Величество его письмо кн. Долгорукову, чтобы спросить его, не существуетъ-ли противъ просьбы Ѳ. М. какихъ нибудь особенныхъ препятствій (такъ, ему кажется, и должно идти дѣло; это формальный ходъ). Ѳ. М. тѣмъ не менѣе рѣшительно теряетъ терпѣніе и проситъ Врангеля навести въ Петербургѣ справки. Хотѣлось-бы ему увидаться, наконецъ, снова и съ самимъ Врангелемъ. „Сколько прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались, говоритъ онъ. И вы и я пожили и *много прожили*".

Вскорѣ послѣ того Ѳ. М—чъ былъ обрадованъ пріѣздомъ въ Тверь С. Д. Яновскаго. Онъ пишетъ объ этомъ брату отъ 29-го октября. Зато продолжающіеся переговоры съ редакціями изъ-за „Степанчикова" просто его терзаютъ. „Не топите меня живаго, говоритъ онъ. Нѣтъ возможности (я убѣдился въ этомъ) кончить раньше 1-ю часть, т. е. не на 12-ой главѣ. Ради Христа, спаси меня... Покажи мое письмо Андр. Александровичу. Некрасовъ и тутъ сразу рѣшилъ, что остановиться не на 12-ой главѣ значитъ сразу манкировать весь эффектъ"...

Изо всего этого видно, какъ не легко было Достоевскому пристроить свои первыя послѣ Сибири произведенія. И это послѣ блестящаго успѣха, которымъ побаловала его судьба въ самомъ началѣ его литературнаго поприща, и того тяжкаго испытанія, какое она ему послала потомъ! А какъ нибудь пристроиться надо-же было, чтобы только просуществовать съ женою и пасынкомъ.

Вскорѣ Ѳедоръ Михайловичъ порадованъ былъ письмомъ отъ Э. И. Тотлебена о томъ, что съ кн. Долгорукимъ и ген.-адъют. Тимашевымъ о немъ говорено, что оба они изъявили согласіе на житье его въ Петербургѣ и просятъ, чтобы онъ написалъ къ нимъ объ этомъ письма. Мы узнаемъ объ этомъ изъ письма его отъ 2-го ноября къ барону Врангелю. Но тутъ уже видно, что Ѳ. М. сильно озабоченъ тѣмъ, какъ-бы генералъ Тотлебенъ не обидѣлся, что онъ обратился также черезъ гр. Баранова къ самому Государю, т. е. будто не положился на заступничество Эдуарда Ивановича. Онъ старается объяснить ему чрезъ бар. Врангеля свой поступокъ: гр. Баранова нельзя же было обойти, такъ какъ справки у него, какъ тверскаго губернатора, во всякомъ случаѣ были бы наведены. Ѳ. М. думалъ выиграть время, „къ тому же, поясняетъ онъ еще, въ письмѣ моемъ къ Государю я прошу о помѣщеніи моего пасынка Паши въ гимназію. Марья Дмитріевна убивается за судьбу сына. Ей все кажется, что если я умру, то она останется съ подростающимъ сыномъ опять въ такомъ же горѣ, какъ и послѣ перваго

вдовства. Она напугана, и хоть сама не говоритъ мнѣ всего, но я вижу ея безпокойство... Я, въ рѣшительную минуту, пустился на крайнюю мѣру и написалъ къ Государю, надѣясь на Его милосердіе. Вотъ исторія письма моего. Я разсуждалъ, что если откажутъ въ одномъ, то, можетъ быть, не захотятъ отказать въ другомъ".

Въ послѣднемъ письмѣ — отъ 19-го ноября — Ө. М. извѣщаетъ о своемъ рѣшеніи, по совѣту гр. Баранова, просить у кн. Долгорукаго позволенія—впредь до окончательнаго рѣшенія его дѣла—временно побывать въ Петербургѣ по своимъ литературнымъ дѣламъ. Бар. Врангель долженъ сообщить это ген. Тотлебену.

Передъ нами, наконецъ, и то письмо къ Государю, о которомъ говорится въ предшествующихъ письмахъ. Копія съ него была доставлена изъ архива бывшаго III-го Отдѣленія по распоряженію графа Н. П. Игнатьева вмѣстѣ съ сибирскими стихами Ө. М. Достоевскаго. Письмо „бывшаго государственнаго преступника", какъ онъ называетъ себя въ самомъ началѣ, заключаетъ въ себѣ краткую повѣсть его „преступленія и наказанія", а затѣмъ и его прощенія. Сказавъ о болѣзни своей, открывшейся въ первый же годъ каторжной работы (Ө. М., какъ мы видѣли, былъ увѣренъ, что она открылась только въ Сибири), онъ прибавляетъ: „болѣзнь моя усиливается болѣе и болѣе. Отъ каждаго припадка я видимо теряю память, воображеніе, душевныя и тѣлесныя силы. Исходъ моей болѣзни—разслабленіе, смерть или съумасшествіе". Если онъ такъ писалъ, то онъ, разумѣется, такъ и думалъ. Каково же было тогда его душевное настроеніе? Оно поддерживалось, конечно, мнительностью жены, женщины также больной, о чемъ онъ и говорилъ въ письмѣ къ А. Е. Врангелю. „У меня жена и пасынокъ, о которомъ я долженъ пещись"—продолжаетъ онъ откровенную бесѣду со своимъ Государемъ. Состоянія я не имѣю никакого и снискиваю средства къ жизни единственно литературнымъ трудомъ, тяжкимъ и изнурительнымъ въ болѣзненномъ моемъ положеніи. А между тѣмъ врачи обнадеживаютъ меня излеченіемъ, основываясь на томъ, что болѣзнь моя пріобрѣтенная, а не наслѣдственная". Вотъ онъ и разсчитываетъ на помощь спеціалистовъ по нервнымъ болѣзнямъ въ Петербургѣ. „Воскресите меня, пишетъ онъ Государю, и даруйте мнѣ возможность, съ поправленіемъ здоровья, быть полезнымъ моему семейству и, можетъ быть, хоть чѣмъ нибудь моему отечеству". Но онъ не скрываетъ отъ себя, что, не смотря на всѣ его надежды, дурной исходъ болѣзни или смерть могутъ оставить безъ всякой помощи его жену и пасынка. „Государь Всемилостивѣйшій! говоритъ онъ поэтому, простите мнѣ еще и другую просьбу и благоволите оказать чрезвычайную милость, повелѣвъ при-

нять моего пасынка, двѣнадцатилѣтняго Павла Исаева, на казенный счетъ въ одну изъ петербургскихъ гимназій". Если нельзя въ гимназію, прибавляетъ онъ, то въ одинъ изъ петербургскихъ кадетскихъ корпусовъ. „Вы, Государь, какъ солнце, которое свѣтитъ на праведныхъ и неправедныхъ. Вы уже осчастливили милліоны народа Вашего; осчастливьте же еще бѣднаго сироту, мать его и несчастнаго больнаго, съ котораго до сихъ поръ еще не снято отверженіе и который готовъ отдать сейчасъ же всю жизнь свою за Царя, облагодѣтельствовавшаго народъ свой".

Столь же далека отъ чего либо „казеннаго" и самая подпись: „съ чувствами благоговѣнія и горячей, безпредѣльной преданности осмѣливаюсь именовать себя вѣрнѣйшимъ и благодарнѣйшимъ изъ подданныхъ Вашего Императорскаго Величества".

На подлинномъ рукою шефа жандармовъ князя Долгорукаго написано: „Высочайше повелѣно относительно Исаева снестись съ кѣмъ слѣдуетъ. 27-го ноября 1859 г. Чтò касается до самого Достоевскаго, то просьба его уже рѣшена по письму, которое онъ ко мнѣ писалъ".

Въ свѣдѣніяхъ, продиктованныхъ Ө. М—чемъ уже въ послѣдніе годы жизни Аннѣ Григорьевнѣ для иностранной своей біографіи, все, здѣсь изложенное, вкратцѣ передано такимъ образомъ: „Въ 1859 г., будучи въ падучей болѣзни, нажитой еще въ каторгѣ (онъ и тутъ налегалъ на это), былъ уволенъ въ отставку и возвращенъ въ Россію—сначала въ г. Тверь, а затѣмъ въ Петербургъ. Въ Петербургѣ Достоевскій началъ вновь заниматься литературой".

Изъ отрывка письма Ө. М—ча къ г-жѣ Ш., напечатаннаго въ „Русской Старинѣ" *) (оно помѣчено 14-мъ марта 1860 г.) видно однако, что и въ Петербургѣ, отчасти, можетъ быть, подъ вліяніемъ скверной погоды, ему было не по себѣ. „Хоть-бы дней на 7 оставить этотъ гадкій Петербургъ, пишетъ онъ. Авось состоится наша поѣздка въ Москву". Она и состоялась, какъ видно изъ письма его къ той-же особѣ отъ 3-го мая. „Опять, говоритъ онъ о своемъ возвращеньи, пріѣхалъ на сырость, на слякоть, на ладожскій ледъ, на скуку... Воротился я сюда и нахожусь вполнѣ въ лихорадочномъ положеніи. Всему причиной мой романъ. Хочу написать хорошо, чувствую, что въ немъ есть поэзія, знаю, что отъ удачи его зависитъ вся моя литературная карьера... Мѣсяца три придется теперь сидѣть дни и ночи..." (Рѣчь, вѣроятно, идетъ о давно задуманномъ—еще въ Сибири—большомъ романѣ).

Въ томъ-же письмѣ проявляются теплыя отношенія Достоевскаго къ

*) Въ той-же сентябрьской книжкѣ 1883 г., гдѣ напечатаны и письма къ г. Е—у.

литературнымъ попыткамъ молодаго поколѣнія. „Видѣлъ Крестовскаго, пишетъ онъ. Я его очень *люблю.* Написалъ онъ одно стихотвореніе и съ гордостью прочелъ намъ его. Мы всѣ сказали ему, что это стихотвореніе ужасная гадость, такъ какъ между нами принято говорить правду. Что-же? Ни мало не обидѣлся. Милый, благородный мальчикъ! Онъ мнѣ такъ нравится (все болѣе и болѣе), что хочу когда нибудь на попойкѣ выпить съ нимъ на *ты*".

Вполнѣ отраднымъ для Достоевскаго былъ, конечно, самый моментъ его окончательнаго освобожденія, т. е. переѣзда изъ Твери въ кругъ его петербургскихъ родныхъ и друзей.

„Однажды, вспоминаетъ А. П. Милюковъ, Михаилъ Михайловичъ пришелъ ко мнѣ утромъ съ радостной вѣстью, что брату его разрѣшено жить въ Петербургѣ и онъ долженъ пріѣхать въ тотъ же день. Мы поспѣшили въ вокзалъ Николаевской желѣзной дороги, и тамъ, наконецъ, я обнялъ нашего изгнанника послѣ десяти-лѣтней почти разлуки. Вечеръ провели мы вмѣстѣ. Ѳ. М—чъ, какъ мнѣ показалось, не измѣнился физически: онъ даже какъ будто смотрѣлъ бодрѣе прежняго и не утратилъ нисколько своей обычной энергіи. Не помню, кто изъ общихъ знакомыхъ былъ на этомъ вечерѣ, но у меня осталось въ памяти, что при этомъ первомъ свиданіи мы обмѣнивались только новостями и впечатлѣніями и вспоминали старые годы и нашихъ друзей. Послѣ того видались мы почти каждую недѣлю". Относительно того, какъ относился Ѳ. М—чъ къ пережитому имъ въ Сибири, А. П. Милюковъ замѣчаетъ, что онъ „не жаловался никогда на свою собственную судьбу... Правда, говоритъ онъ, и отъ другихъ возвратившихся изъ каторги „Петрашевцевъ" мнѣ не случалось слышать рѣзкихъ жалобъ, но у нихъ это, кажется, происходило отъ присущаго русскому человѣку свойства не помнить зла; у Достоевскаго же соединялось еще какъ будто съ чувствомъ благодарности къ судьбѣ, которая дала ему возможность въ ссылкѣ не только хорошо узнать русскаго человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и лучше понять самого себя". Не даромъ впослѣдствіи устами „Идіота", Ѳ. М—чъ, надѣливши его многимъ *своимъ*, сказалъ: „мнѣ показалось, что и въ тюрьмѣ можно огромную жизнь найти". Вотъ за эту-то, нежданно предъ нимъ открывшуюся *огромную* жизнь и былъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, благодаренъ—судьбѣ—своей мнимой мачихѣ. „Бесѣды наши, говоритъ А. П. Милюковъ, въ новомъ небольшомъ кружкѣ пріятелей, во многомъ уже не походили на тѣ, какія бывали въ Дуровскомъ обществѣ. И могло-ли быть иначе? Западная Европа и Россія въ эти десять лѣтъ какъ будто помѣнялись ролями: тамъ разлетѣлись въ прахъ увлекавшія насъ прежде гуманныя утопіи и реакція во всемъ торжествовала, а здѣсь

начинало осуществляться многое, о чемъ мы мечтали, и готовились или совершались реформы, обновлявшія русскую жизнь и порождавшія новыя надежды. Понятно, что въ бесѣдахъ нашихъ не было уже прежняго пессимизма" *).

Это было, такъ сказать, уже наканунѣ той поры, когда бывшему сибирскому узнику предстояло дождаться осуществленія завѣтныхъ надеждъ своего любимаго поэта—увидѣть, наконецъ,

Народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію Царя...

Это уже положительно тогда ожидалось всѣми—ожидалось, конечно, не съ одинаковымъ настроеніемъ. Достоевскій, какъ мы видѣли, еще въ 1856 г. писалъ: „больше вѣры, больше единства, а если любовь къ тому, то все сдѣлано". Но вѣра, единство, любовь далеко не проявились, да пожалуй и не могли проявиться послѣ 19-то февраля 1861 г. Еслибъ они проявились тогда, то могло бы осуществиться и дальнѣйшее желаніе Пушкина:

И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взошла бы, наконецъ, прекрасная заря!

Достоевскій, съ такимъ жаромъ читавшій эти стихи еще Петрашевцамъ, вмѣстѣ со многими другими возвращенными изъ ссылки товарищами, конечно, благословлялъ этотъ единственный въ исторіи день и въ этомъ они вполнѣ сошлись съ тѣми, чьи жены въ Сибири ихъ надѣлили евангеліемъ. Тѣ, дожившіе до благословеннаго дня, старцы, которыхъ Некрасовъ выставилъ въ лицѣ своего „Дѣдушки", не могли тогда не понять, къ чему бы привело узаконенное ограниченіе той верховной воли, которая совершила великое дѣло именно потому, что могла согласиться съ *меньшинствомъ.* Она и прежде могла бы согласиться съ нимъ, а меньшинство (самое, разумѣется, незначительное) въ „просвѣщенномъ" классѣ общества и прежде стояло за освобожденье крестьянъ, но верховная воля на дѣлѣ позволяла себя ограничивать дворянскому большинству. Впервые послѣ Петра она сознала себя во всей полнотѣ своего самодержавнаго права только въ лицѣ Александра II-го — не смотря на тѣ застращиванія и угрозы подметнаго свойства, о которыхъ когда нибудь узнаетъ исторія изъ нѣкоторыхъ современныхъ великой порѣ записокъ. Верховная воля—не смотря ни на что—положила въ основу освобожденья *надѣлъ землей,*—а это, на языкѣ того „благороднаго" большинства, адвокатомъ котораго при Александрѣ I-мъ былъ Карамзинъ, называлось не иначе, какъ „нарушеніемъ священныхъ правъ собственности". При Але-

*) „Русская Старина" 1881 г. май, стр. 35—36, 40.

ксандрѣ II-мъ такого выдающагося адвоката не оказалось на „обиженной" сторонѣ, зато она перешла въ затаенное, но упорное и послѣдовательное противодѣйствіе великой реформѣ—посредствомъ искаженья ея на дѣлѣ и задерживанья ея необходимыхъ послѣдствій. Съ другой же стороны, если французъ-радикалъ находилъ, что послѣ великаго акта 19-го февраля Герценовъ „Колоколъ" долженъ бы былъ умолкнуть *), то русскіе либеральные люди вовсе не находили этого.

Когда въ 1866—7 г. Тургеневъ писалъ свой „Дымъ", то ему приходилось въ немъ выставить уже слишкомъ ярко обозначившіеся тогда и консервативную „фронду", и радикальные кружки съ заправилою Губаревымъ — въ сущности просто крѣпостникомъ, отводившимъ себѣ душу игрой въ революціонную пропаганду. У насъ не хотѣли понять, что при томъ отпорѣ, который встрѣчалъ Государь въ заинтересованномъ классѣ, вовсе недумавшемъ сдаться и послѣ великаго акта, все что было въ нашемъ образованномъ обществѣ безкорыстнаго, въ самомъ дѣлѣ любящаго свободу, должно-бы было дружно соединиться вокругъ Государя на великую *зиждительную* работу. А у насъ, между тѣмъ, еще въ 1856 г. утверждали, обращаясь къ неподдававшемуся подобнымъ внушеніямъ поэту, будто тогда только

...дѣло прочно,
Когда подъ нимъ струится кровь.

Не сдававшіеся на такія теоріи вообще обвинялись въ недостаткѣ гражданскаго мужества. Насъ настоятельно въ ту уже пору стали учить „умирать", тогда какъ надо было учить насъ *жить*—честно, самоотверженно, стойко жить. Между тѣмъ, относительно правилъ *жизни* намъ уже съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ внушали: „добрымъ человѣкъ бываетъ тогда, когда для полученія пріятнаго себѣ онъ долженъ дѣлать пріятное другимъ; злымъ бываетъ онъ тогда, когда принужденъ извлекать пріятность себѣ изъ нанесенія непріятности другимъ" **). Такое явное упраздненіе человѣческой души съ ея внутреннимъ подвигомъ началось какъ разъ тогда, когда *положительные* дѣятели эпохи, подобные Ю. Ө. Самарину, наоборотъ находили, что теперь-то и нуженъ намъ внутренній подвигъ.—„Проповѣдь матерьялизма *въ Россіи*", представлялась Самарину особенно неумѣстною передъ освобожденьемъ крестьянъ. Онъ обратилъ на это вниманіе ***) по поводу одной книжки, появившейся

*) См. письмо Прудона къ Ю. Ө. Самарину во второмъ № „Руси" 1883 г.

**) См. въ „Современникѣ 1860 г. критическій разборъ книжки П. Л. Лаврова „Очерки практической философіи".

***) Въ примѣчаніи къ одной изъ своихъ статей въ „Сельскомъ Благоустройствѣ".

въ 1858 г., въ которой тогдашняя критика усмотрѣла „приниженіе личности“, потому что въ ней говорилось о началѣ самоотверженія, какъ необходимомъ спутникѣ начала личной самостоятельности. Помню я, какъ теперь, и то, чѣмъ объяснялъ мнѣ совсѣмъ для меня тогда непонятное озлобленіе на эту книжку человѣкъ большаго ума и опытности, стоявшій внѣ всякихъ партій*): „такъ оно нужно людямъ, задача которыхъ—все расшатать“. Справедливость этого замѣчанія впослѣдствіи подтвердилась доставшимся мнѣ въ руки гравированнымъ портретомъ даровитаго юноши, считавшагося самоновѣйшимъ авторитетомъ въ нашей критикѣ 60-хъ годовъ; на немъ приклеенъ ярлычекъ съ простой надписью его имени, но если читать на свѣтъ, то подъ этимъ ярлычкомъ оказываются слова: „дѣло разрушенія сдѣлано—дѣло созиданія будетъ впереди и займетъ собою не одно поколѣніе“.

Вотъ чтò приходилось застать у насъ человѣку, писавшему изъ Сибири: „больше вѣры, больше единства, а если любовь къ тому, то все сдѣлано“.

Это было совершенно на руку недовольнымъ изъ барской партіи. Съ революціоннымъ радикализмомъ, хотя и съ противоположнаго конца, но прямо сходился консерватизмъ—точно также *революціонный*, какъ мѣтко его окрестилъ Ю. Ѳ. Самаринъ. Извѣстно также, что тому „нигилизму“, котораго первую, такъ сказать, формацію выставилъ Тургеневъ въ лицѣ студента съ бурсацкой подкладкой Базарова, тотъ же Самаринъ столь же мѣтко противопоставлялъ „генеральскій“ нигилизмъ. „Французская поговорка: „les extrêmes se touchent“ оправдывалась у насъ самымъ блистательнымъ образомъ. Это могъ замѣтить каждый, кому довелось быть на томъ знаменитомъ литературномъ вечерѣ, на которомъ читалась статья по поводу праздновавшагося въ 1862 году тысячелѣтія Россіи. Великая реформа совершилась какъ разъ наканунѣ тысячелѣтія, и его, казалось бы, можно было отпраздновать съ успокоенной совѣстью и „со взглядомъ безъ боязни впередъ“. Лекторъ, коснувшись той чаши горечи, которую въ теченіе своей тысячелѣтней жизни досталось испить русскому народу, сказалъ: „къ восшествію на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора чаша переполнилась“... Ему не дали договорить, что Государь выплеснулъ изъ нея тотъ избытокъ горечи, который накопился отъ крѣпостнаго права;—слова его поняли совершенно не въ томъ смыслѣ, въ какомъ они были сказаны, и раздался бѣшеный взрывъ рукоплесканій и криковъ браво. Помню, какъ теперь, съ какимъ сладостраст-

*) Покойный профессоръ А. В. Никитенко.

нымъ упоеньемъ апплодировали тогда именно представители не базаровскаго нигилизма—это было ясно по тѣмъ украшеніямъ, которыя носили они, не смотря на то, что считали себя обиженными въ своихъ „священныхъ правахъ". Когда же лекторъ дошелъ до фразы: „наши администраторы стоятъ на краю бездны"... восторгъ *этихъ* нигилистовъ положительно слился съ восторгомъ *тѣхъ* — хотя „администраторы", разумѣется, понимались каждымъ *extrēm'омъ* по своему.

Не помню, былъ-ли на этомъ чтеніи Ѳ. М. Достоевскій,—но существенныя черты чтенія оказываются воспроизведенными имъ слишкомъ десять лѣтъ спустя въ томъ литературномъ чтеніи, которое описалъ онъ въ своихъ „Бѣсахъ". Живо помнится мнѣ, какъ я въ первый разъ увидалъ-услыхалъ Ѳ. М—ча именно на литературномъ вечерѣ. Онъ читалъ тогда изъ „Мертваго Дома" о смерти арестанта въ острожной больницѣ—столь не похожей въ его описаніи на описаніе такой же смерти въ „Несчастныхъ" Некрасова. Не знаю, съ умысломъ-ли выбралъ Ѳ. М. такую сцену, которая ярко выставляла всю особенность его отношеній къ народу отъ отношеній къ нему приглашавшихъ его читать—ту особенность, въ силу которой онъ говорилъ въ томъ же „Мертвомъ Домѣ": „не многому могутъ научить народъ мудрецы наши... сами они еще должны у него научиться".

Только послѣ смерти Ѳ. М—ча я узналъ, что ему было непріятно читать, какъ его обыкновенно просили, именно изъ „Мертваго Дома". „Выходитъ такъ, какъ будто я все жалуюсь публикѣ, все жалуюсь,—это не хорошо",—сказалъ онъ однажды послѣ такого чтенія г. Страхову *). При этомъ, надо думать, онъ хорошо понималъ, что его и приглашаютъ читать именно это — прямо ради демонстраціи. Не зная тогда лично Ѳ. М. и познакомившись съ нимъ только гораздо позже — въ семидесятыхъ годахъ—я и не воображалъ, какую новую *пытку* долженъ былъ выносить этотъ многострадальный человѣкъ, очутившись между людьми, почитавшими его *своимъ,* и почувствовавъ себя между ними *чужимъ.* А самъ онъ былъ все тотъ же, что и въ ту пору, когда читалъ стихи Пушкина, переставшіе быть запретными при „обожаемомъ" имъ Государѣ. Онъ сталъ „обожать" этого Государя именно потому, что оставался тѣмъ же; онъ сталъ его обожать не ради того, что этотъ Государь освободилъ его, Достоевскаго, а ради того, что стихамъ Пушкина о народной свободѣ не приходилось уже быть запретными. Онъ понялъ,

*) См. книжку „Въ память Ѳ. М. Достоевскаго". Торжественное собраніе Слав. общества 14 февр. 1881 г., стр. 24.

что время перемѣнилось, — а тѣ, которые хотѣли пользоваться имъ, Достоевскимъ, ради демонстраціи, не хотѣли этого понять. Самолюбіе или властолюбіе не позволяло имъ сознаться, что выходитъ-то по народному, что народъ въ непоколебимой надеждѣ своей на Царя оказался правъ.

И вотъ въ своемъ родѣ логически явилось желаніе показать народу, что это такъ только кажется, что онъ на самомъ дѣлѣ обманутъ. Ставшіе на эту дорогу мало по малу должны были дойти до того, что стали даже злорадно относиться къ народной бѣдѣ—и въ этомъ опять сошлись съ „революціонными *консерваторами*“.

Величайшимъ малодушіемъ было-бы не сознаваться во всемъ этомъ теперь, послѣ того ужаснаго дня, который навсегда останется въ нашей исторіи свидѣтельствомъ о небывалойвъ мірѣ неблагодарности, нашей вопіющей неблагодарности къ виновнику такого единственнаго въ міровой исторіи дня, какъ 19-е февраля.

Многимъ, конечно, еще памятно, чтò послѣдовало за литературнымъ вечеромъ, на которомъ читалась статья о тысячелѣтіи Россіи. Лекторъ поплатился—конечно, не за тѣ нѣсколько словъ, которыя онъ прочелъ сверхъ пропущеннаго цензурой, а за громовое дѣйствіе его чтенія—впрочемъ невѣрно понятаго. Вслѣдъ за тѣмъ на одной изъ лекцій, которыя въ то время читались въ гор. Думѣ, часть молодежи стала требовать отъ профессора, чтобы онъ не читалъ лекціи, такъ какъ послѣ того, чтò произошло, какія либо чтенія уже немыслимы. Профессоръ не находилъ, чтобы ради демонстраціи надо было у насъ упразднить науку—и прочелъ свою лекцію. Большинство проводило его, по обыкновенію, аплодисментами, часть же слушателей сильнымъ свистомъ, въ отвѣтъ на который популярный, но не искавшій популярности профессоръ, выйдя впередъ, обозвалъ свистуновъ „теперешними Репетиловыми—будущими Расплюевыми“. Результатомъ былъ выходъ рѣшительнаго профессора въ отставку—кажется, не по собственному желанью, тогда какъ его независимый образъ дѣйствій могъ бы, разумѣется, болѣе вразумить молодежь, чѣмъ предшествовавшее тому заключеніе въ крѣпость главныхъ зачинщиковъ тѣхъ волненій, вслѣдствіе которыхъ былъ закрытъ университетъ и лекціи перенесены въ Думу. Сидѣніе въ крѣпости, какъ извѣстно, только возвысило самомнѣніе въ молодежи, въ своемъ отказѣ принять новыя правила руководившейся однако весьма серьёзнымъ и весьма благороднымъ побужденіемъ—неспособностью помириться съ тѣмъ, что по этимъ правиламъ *всѣ должны были платить за слушаніе лекцій*, „вслѣдствіе чего лишались доступа къ высшему образованію всѣ тѣ молодые люди, которые не имѣли средствъ

къ выполненію этого требованія"*). Кто не зналъ этого, тому могло показаться грустно-комическимъ возстанье изъ за какихъ-то „матрикулъ" въ великую годину освобожденья крестьянъ! Народъ, конечно, не зналъ въ чемъ дѣло, и съ своей точки зрѣнья рѣшилъ: „это барчуки бунтуютъ за то, что намъ дали волю".

Все это составляло уже рядъ перепутанныхъ, разношерстныхъ явленій, положительно предвозвѣщавшихъ тѣ, которыя впослѣдствіи были выставлены Достоевскимъ въ „Бѣсахъ".

Но изъ „Дневника Писателя" 1873 г. мы можемъ узнать и прямо о томъ, какъ относился Ѳедоръ Михайловичъ къ прелюдіи, разыгранной еще въ 60-хъ годахъ. Онъ высказался тутъ со своею обычною откровенностью по поводу слуха о томъ, будто фантастическая повѣсть его „Крокодилъ" направлена противъ Н. Г. Чернышевскаго. Ѳедоръ Михайловичъ приводитъ тутъ свой разговоръ съ авторомъ: „Что̀ дѣлать?" о тогдашнемъ растравливаніи молодежи.

„Съ Николаемъ Гавриловичемъ Чернышевскимъ, говоритъ онъ, я встрѣтился въ пятьдесятъ девятомъ году, въ первый же годъ по возвращеніи моемъ изъ Сибири, не помню гдѣ и какъ. Потомъ иногда встрѣчались, но очень не часто, разговаривали, но очень мало. Всегда, впрочемъ, подавали другъ другу руку. Герценъ мнѣ говорилъ, что Чернышевскій произвелъ на него непріятное впечатлѣніе, т. е. наружностью, манерою. Мнѣ наружность и манера Чернышевскаго нравились.

„Однажды утромъ я нашелъ у дверей моей квартиры, на ручкѣ замка, одну изъ самыхъ замѣчательныхъ прокламацій изо всѣхъ, которыя тогда появлялись; а появлялось ихъ тогда довольно. Она называлась: „къ молодому поколѣнію". Ничего нельзя было представить нелѣпѣе и глупѣе. Содержанія возмутительнаго въ самой смѣшной формѣ, которую только ихъ злодѣй могъ бы имъ выдумать, чтобы ихъ же зарѣзать. Мнѣ ужасно стало досадно и было грустно весь день. Все это было тогда еще вновь и до того вблизи, что даже и въ этихъ людей вполнѣ всмотрѣться было тогда еще трудно. Трудно именно потому, что какъ-то не вѣрилось, чтобы подъ всей этой сумятицей скрывался такой пустякъ. Я не про движеніе тогдашнее говорю, въ его цѣломъ, а говорю только про людей. Что̀ до движенія, то это было тяжелое, болѣзненное, но роковое своею историческою послѣдовательностью явленіе, которое будетъ имѣть свою серьёзную

*) Петербургскій Университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Спб. 1870 г., примѣч. стр. 75.

страницу въ петербургскомъ періодѣ нашей исторіи. Да и страница эта, кажется, еще далеко не дописана.

„И вотъ мнѣ, давно уже душой и сердцемъ несогласному ни съ этими людьми, ни со смысломъ ихъ движенія,—мнѣ вдругъ тогда стало досадно и почти какъ бы стыдно за ихъ неумѣлость... Не смотря на то, что я уже три года жилъ въ Петербургѣ и присматривался къ инымъ явленіямъ,—эта прокламація въ то утро какъ бы ошеломила меня, явилась для меня совсѣмъ какъ бы новымъ, неожиданнымъ открытіемъ: никогда до этого дня не предполагалъ я такого ничтожества! Пугала, именно, степень этого ничтожества. Передъ вечеромъ мнѣ вдругъ вздумалось отправиться къ Чернышевскому. Никогда до тѣхъ поръ ни разу у него и не думалъ бывать, равно какъ и онъ у меня...

— Николай Гавриловичъ, чтò это такое? вынулъ я прокламацію.

„Онъ взялъ ее какъ совсѣмъ незнакомую ему вещь и прочелъ. Было всего строкъ десять.

— Ну чтожь? спросилъ онъ съ легкой улыбкой.

— Неужели они такъ глупы и смѣшны? Неужели нельзя остановить ихъ и прекратить эту мерзость?

Онъ чрезвычайно вѣско и внушительно отвѣчалъ:

— Неужели вы предполагаете, что я солидаренъ съ ними и думаете, что я могъ участвовать въ составленіи этой бумажки?

— Именно не предполагалъ, отвѣчалъ я, и даже считаю ненужнымъ васъ въ томъ увѣрять. Но во всякомъ случаѣ ихъ надо остановить во чтò бы ни стало. Ваше слово для нихъ вѣско и ужь, конечно, они боятся вашего мнѣнія.

— Я никого изъ нихъ не знаю.

— Я увѣренъ и въ этомъ. Но вовсе не нужно ихъ знать и говорить съ ними лично. Вамъ стоитъ только вслухъ, гдѣ нибудь, заявить ваше порицаніе, и это дойдетъ до нихъ.

— Можетъ и не произведетъ дѣйствія. Да и явленія эти, какъ сторонніе факты, неизбѣжны.

— И однако всѣмъ и всему вредятъ...

„...Долгомъ считаю замѣтить, что съ Чернышевскимъ я говорилъ искренно и вполнѣ вѣрилъ, какъ вѣрю и теперь, что онъ не былъ „солидаренъ“ съ этими разбрасывателями“.

Но если такое явленіе въ эпоху освобожденья крестьянъ по своему „ничтожеству“ было въ своемъ родѣ комично, то этого, конечно, уже нельзя сказать о польскомъ возстаніи 1863 г. Со стыдомъ вспоминаю, какъ, живя тогда за границей, я сначала повѣрилъ нѣмецкимъ газетамъ

въ томъ, что разглашали онѣ о жестокостяхъ нашихъ солдатъ въ Польшѣ. Между тѣмъ тамъ же, въ Германіи, раздался предо мною и такой безпристрастный, мало того — восторженный голосъ, какого положительно не пришлось слышать дома—о нашей крестьянской реформѣ. То былъ голосъ юнаго духомъ старца—Якова Гримма. Онъ вполнѣ сознавалъ и радостно привѣтствовалъ своимъ всеобъемлющимъ человѣческимъ сердцемъ наше, какъ онъ выражался, „исполинское движеніе впередъ". И вотъ это-то движенье понадобилось остановить—и, къ удовольствію того европейскаго большинства, которое не обладало благороднымъ духомъ Гримма — какъ разъ тогда-то и разыгралось польское возстаніе—со своимъ кровавымъ терроромъ. Тутъ Достоевскому уже не приходилось презрительно отзываться о „ничтожествѣ" явленія, тутъ онъ не могъ не исполниться негодующимъ ужасомъ. Достоевскаго, какъ извѣстно, многіе считаютъ отъявленнымъ врагомъ Польши и самые благородные изъ поляковъ не могутъ ему этого простить. Между тѣмъ, если мы обратимъ вниманіе на главу о политическихъ ссыльныхъ въ „Запискахъ изъ М. Д.", то въ ней говорится о ссыльныхъ полякахъ не только безъ враждебнаго предубѣжденія, но и съ полнымъ уваженіемъ. Ѳедора Михайловича только коробило ихъ высокомѣрное: „je hais ces brigands"—по отношенію къ каторжникамъ, въ которыхъ самъ онъ видѣлъ тотъ же русскій народъ. Прямо издѣвательствомъ уже надъ цѣлымъ русскимъ народомъ, только что наконецъ дождавшимся Царя-Освободителя, не могъ не представиться Достоевскому польскій мятежъ—какъ разъ въ эту благословенную пору, мятежъ, котораго жалкою, но все же печальной прелюдіей служили студенческіе безпорядки съ тогдашними *„глупыми"*, но все же зловѣщими прокламаціями. Между тѣмъ, какъ наши „барчуки" попали, такъ сказать, только случайно въ глазахъ народа въ такую противную ему роль,—въ польскомъ возстаніи слышался уже совершенно серьезно старый ясновельможный духъ, исполненный презрѣнія къ хлопскому народу. Не Польшу и не польскій народъ, наконецъ надѣленный землею тѣмъ же русскимъ Царемъ, не любилъ Достоевскій, онъ ненавидѣлъ тотъ традиціонный духъ Польши, которымъ былъ угнетенъ въ ней ея же родной народъ и который погубилъ Польшу. Этотъ старый духъ Польши онъ долженъ былъ ненавидѣть, какъ ненавидѣли его Прудонъ и многіе изъ самихъ поляковъ— изъ настоящихъ безкорыстно-честныхъ польскихъ патріотовъ. Этотъ старый духъ Польши былъ ненавистенъ Достоевскому, какъ *соціалисту,*—а соціалистомъ въ широкомъ человѣческомъ смыслѣ этого слова онъ никогда не переставалъ быть.

Но дѣло въ томъ, что наши—не только „либералы", но и „соці-

алисты“ готовы были протянуть братскую руку польскимъ панамъ—потому что видѣли въ нихъ обильнѣйшій запасъ недовольства—а у насъ тогда уже развился тотъ оппортунизмъ, который не брезгаетъ *никакими* недовольными элементами, на чтò такъ ясно указано въ письмахъ Самарина къ Герцену (въ № 1 „Руси“ 1883 г.).

Достоевскій никогда не былъ „вѣрноподданнымъ революціи“ (какъ выразился Самаринъ въ этихъ письмахъ къ Герцену), а потому не былъ никогда и „оппортунистомъ“.

Вернувшись изъ Сибири съ обильнымъ запасомъ вѣры и любви и съ горячею жаждой единства для зиждительной работы на пользу отечества, онъ долженъ былъ съ возростающимъ негодованіемъ замѣчать вокругъ себя все болѣе и болѣе выдававшіеся впередъ признаки отрицательной дѣятельности ради *разрушенія*. Понятно, что ему, съ его прямотой, предстояло все болѣе и болѣе себѣ наживать враговъ *).

Вотъ въ какомъ положеніи и при какихъ обстоятельствахъ окончательно возобновилась литературная дѣятельность Достоевскаго. Въ самый годъ освобожденія крестьянъ онъ сталъ издавать вмѣстѣ съ братомъ своимъ Михаиломъ Михайловичемъ журналъ „Время“.

Но моя задача состояла въ томъ, чтобы довести его до этого момента. Передаю перо ближайшему ихъ сотруднику — какъ непосредственному участнику и очевидцу дальнѣйшей поры въ жизни Ѳедора Михайловича.

Ор. Миллеръ.

*) Они не оставили его въ покоѣ и послѣ смерти. Не говоря о томъ, чтò всѣмъ извѣстно—потому что происходило у насъ на глазахъ, коснусь лишь одного изъ произведеній нашей заграничной прессы — брошюры г. Алисова „Ѳ. М. Достоевскій“. Авторъ заблагоразсудилъ прислать ее мнѣ по почтѣ—должно быть съ разсчетомъ меня „вразумить“. Но я былъ уже знакомъ съ другимъ произведеніемъ этого плодовитаго памфлетиста, напечатаннымъ послѣ 1-го марта и возбуждающимъ еще большее омерзѣніе. Если бы подобныя писанія не оставались запретными, то омерзѣніе къ нимъ, я увѣренъ, вскорѣ бы стало общимъ. Дѣло въ томъ, что сквозь цинически-кровожадный радикализмъ въ нихъ мѣстами выглядываетъ не что иное, какъ непримиримое, плохо замаскированное *крѣпостничество*. Сущій Тургеневскій Губаревъ, но уже окончательно одурманенный кровью.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

ѲЕДОРѢ МИХАЙЛОВИЧѢ

ДОСТОЕВСКОМЪ.

Считаю своимъ долгомъ записать все сколько нибудь важное и интересное, чтò сохранила мнѣ память о Ѳедорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ. Я былъ довольно долгое время очень близокъ къ нему, особенно, когда работалъ въ журналахъ, которыхъ онъ былъ руководителемъ. Поэтому отъ меня больше всего можно требовать и ожидать изложенія его мнѣній и настроеній во время этой его публичной дѣятельности. Близость наша была такъ велика, что я имѣлъ полную возможность знать его мысли и чувства, и я постараюсь изложить ихъ, какъ умѣю, насколько помню и насколько успѣлъ понять. Судьбу этихъ журналовъ, исторію ихъ превратностей едва-ли кто другой можетъ теперь разсказать съ такою полнотой, какъ я; а эта исторія имѣла важное значеніе въ жизни Ѳедора Михайловича и составляетъ важную сторону его писательства. Постараюсь также со всею искренностію и точностію указать его личныя свойства и отношенія, какія мнѣ довелось узнать. Но главнымъ моимъ предметомъ будетъ все-же литературная дѣятельность нашего писателя. Въ исторіи литературы онъ останется памятнымъ не только какъ художникъ, какъ авторъ романовъ, но и какъ журналистъ; и всего удобнѣе мнѣ начать свои воспоминанія именно съ указанія на его журналистику.

Н. Страховъ.

I.

Первыя встрѣчи.

Журнальная дѣятельность Ѳедора Михайловича, если взять все вмѣстѣ, имѣетъ очень значительный объемъ. Онъ питалъ къ этого рода дѣятельности величайшее расположеніе, и послѣднія строки, имъ написанныя, были статьи послѣдняго номера его „Дневника“.

Изданія, въ которыхъ онъ являлся какъ журналистъ, то есть какъ редакторъ, публицистъ и критикъ, были слѣдующія:

1) „Время“, ежемѣсячный толстый журналъ, издававшійся подъ редакціею брата Ѳедора Михайловича, Михайла Михайловича Достоевскаго, съ января 1861 по апрѣль 1863 (включительно).

2) „Эпоха“, такой же журналъ, выходившій съ начала 1864 года по февраль 1865 (включительно), сперва подъ редакціею того же Михайла Михайловича Достоевскаго, а съ іюня 1864 года, послѣ его смерти, подъ редакціею А. У. Порѣцкаго (нынѣ уже покойника).

3) „Гражданинъ“, изданіе, основанное въ 1872 году княземъ В. П. Мещерскимъ, еженедѣльная газета. Редакторомъ ея въ первый годъ былъ *Г. К. Градовскій*, а въ слѣдующій, 1873,—Ѳедоръ Михайловичъ. Здѣсь Ѳедоръ Михайловичъ началъ писать фельетоны подъ заглавіемъ „Дневникъ Писателя“; это былъ зачатокъ слѣдующаго изданія.

4) „Дневникъ Писателя“. Ежемѣсячное изданіе. Выходилъ въ 1876 и 1877 годахъ. Въ 1880 году вышелъ одинъ номеръ за августъ; въ 1881 вышелъ январьскій номеръ уже по смерти своего редактора.

Духъ и направленіе этихъ журналовъ составляютъ совершенно особую полосу въ петербургской журналистикѣ, отличающейся, какъ извѣстно, большою однородностію въ своихъ стремленіяхъ, вѣроятно вслѣдствіе однородности тѣхъ условій, среди которыхъ она развивается. Дѣятельность Ѳедора Михайловича шла въ разрѣзъ съ этимъ общимъ петербургскимъ настроеніемъ, и преимущественно онъ, силою таланта и жаромъ проповѣди, далъ значительный успѣхъ другому настроенію, болѣе широкому,—русскому, а не петербургскому.

Попытаюсь послѣдовательно указать ходъ этого дѣла. Мое знакомство съ Ѳедоромъ Михайловичемъ началось именно на журнальномъ поприщѣ, притомъ еще раньше, чѣмъ стало выходить „Время“. Въ концѣ 1859 года было объявлено объ изданіи въ слѣдующемъ году новаго ежемѣсячнаго журнала „Свѣточь“, подъ редакціею *Д. И. Калиновскаго.* Главнымъ сотрудникомъ въ этомъ журналѣ былъ А. П. Милюковъ, въ то время мой сослуживецъ по одному изъ учебныхъ заведеній. Я предложилъ ему для перваго же номера свою статью, первую большую статью, съ которою я выступалъ на петербургское журнальное поприще. Къ великой радости, статья была одобрена, и А. П. пригласилъ меня въ свой литературный кружокъ, на свои вторники, въ Офицерской улицѣ, въ домѣ Якобса. Съ перваго вторника, когда я явился въ этотъ кружокъ, я считалъ себя какъ-будто принятымъ, наконецъ, въ общество настоящихъ литераторовъ, и очень всѣмъ интересовался. Главными гостями А. П. оказались братья Достоевскіе, Ѳедоръ Михайловичъ и Михаилъ Михайловичъ, давнишніе друзья хозяина и

очень привязанные другъ къ другу, такъ что бывали обыкновенно вмѣстѣ. Кромѣ ихъ часто являлись А. Н. Майковъ, Вс. Вл. Крестовскій, Д. Д. Минаевъ, докторъ С. Д. Яновскій, А. А. Чумиковъ, Вл. Д. Яковлевъ и другіе. Первое мѣсто въ кружкѣ занималъ, конечно, Ѳедоръ Михайловичъ: онъ былъ у всѣхъ на счету крупнаго писателя и первенствовалъ не только по своей извѣстности, но и по обилію мыслей и горячности, съ которою ихъ высказывалъ. Кружокъ былъ невеликъ, и члены его были очень близки между собою, такъ что стѣсненія, столь обыкновеннаго во всѣхъ русскихъ обществахъ, не было и слѣда. Но и тогда была замѣтна обыкновенная манера разговора Ѳедора Михайловича. Онъ часто говорилъ съ своимъ собесѣдникомъ въ полголоса, почти шепотомъ, пока что нибудь его особенно не возбуждало; тогда онъ воодушевлялся и круто возвышалъ голосъ. Впрочемъ, въ то время его можно было назвать довольно веселымъ въ обыкновенномъ настроеніи; въ немъ было еще очень много мягкости, измѣнявшей ему въ послѣдніе годы, послѣ всѣхъ понесенныхъ имъ трудовъ и волненій. Наружность его я живо помню; онъ носилъ тогда одни усы и, не смотря на огромный лобъ и прекрасные глаза, имѣлъ видъ совершенно солдатскій, то есть, простонародныя черты лица. Помню также, какъ я въ первый разъ увидѣлъ, почти мелькомъ, его первую жену, Марью Дмитріевну; она произвела на меня очень пріятное впечатлѣніе блѣдностію и нѣжными чертами своего лица, хотя эти черты были неправильны и мелки; видно было и расположеніе къ болѣзни, которая свела ее въ могилу.

Разговоры въ кружкѣ занимали меня чрезвычайно. Это была новая школа, которую мнѣ довелось пройти, школа, во многомъ расходившаяся съ тѣми мнѣніями и вкусами, которые у меня сложились. До того времени я жилъ тоже въ кружкѣ, но въ своемъ, не публичномъ и литературномъ, а совершенно частномъ. Такихъ кружковъ всегда существуетъ очень много въ Петербургѣ, кружковъ часто любознательныхъ, читающихъ, вырабатывающихъ себѣ свои особенныя пристрастія и отвращенія, но иногда вовсе не стремящихся къ публичности. Мое знакомство этого рода состояло изъ людей моложе меня возрастомъ; назову изъ живыхъ Д. В. Аверкіева, изъ покойныхъ М. П. Покровскаго, Н. Н. Воскобойникова, В. И. Ильина, И. Г. Долгомостьева, Ѳ. И. Дозе. *) Тутъ господствовало большое поклоненіе наукѣ, поэзіи, музыкѣ, Пушкину, Глинкѣ; настроеніе было очень серьезное и хорошее. И тутъ сложились взгляды, съ которыми я вступилъ въ чисто-литературный кружокъ.

*) Эти имена потомъ всѣ стали принадлежать литературѣ, хотя участіе иныхъ было и чрезвычайно малое, даже вовсе незамѣтное.

Въ то время я занимался зоологіею и философіею и потому, разумѣется, прилежно сидѣлъ за нѣмцами и въ нихъ видѣлъ вождей просвѣщенія. У литераторовъ оказалось другое; всѣ они очень усердно читали французовъ и были равнодушны къ нѣмцамъ. Всѣмъ извѣстно было, что М. М. Достоевскій составляетъ исключеніе, владѣя нѣмецкимъ языкомъ такъ, чтобы читать на немъ и дѣлать переводы. Ѳедоръ же Михайловичъ, хотя, конечно, учился этому языку, но, какъ и другіе, совершенно его забросилъ и до конца жизни читалъ только пофранцузски. Въ ссылкѣ онъ, какъ видно, предполагалъ взяться за серьезныя занятія и просилъ брата выслать ему исторію философіи Гегеля въ подлинникѣ; но книга осталась нечитанною, и онъ подарилъ ее мнѣ вскорѣ послѣ перваго знакомства.

Естественно, что и направленіе кружка сложилось подъ вліяніемъ французской литературы. Политическіе и соціальные вопросы были тутъ на первомъ планѣ и поглощали чисто-художественные интересы. Художникъ, по этому взгляду, долженъ слѣдить за развитіемъ общества, и приводить къ сознанію нарождающееся въ немъ добро и зло, быть поэтому наставникомъ, обличителемъ, руководителемъ; такимъ образомъ почти прямо заявлялось, что вѣчные и общіе интересы должны быть подчинены временнымъ и частнымъ. Этимъ публицистическимъ направленіемъ Ѳедоръ Михайловичъ былъ вполнѣ проникнутъ и сохранялъ его до конца жизни.

Дѣло художественныхъ писателей полагалось главнымъ образомъ въ томъ, чтобы наблюдать и рисовать различные типы людей, преимущественно низкіе и жалкіе, и показывать, какъ они сложились подъ вліяніемъ *среды,* подъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ. У литераторовъ было въ привычкѣ заходить при случаѣ въ самыя грязныя и низкія мѣста, вступать въ пріятельскіе разговоры съ людьми, которыми гнушается купецъ и чиновникъ, и сострадательно смотрѣть на самыя дикія явленія. Разговоръ въ кружкѣ безпрестанно попадалъ на тему различныхъ типовъ такого рода, и множество остроумія и наблюдательности было обнаруживаемо въ этихъ *физіологическихъ* соображеніяхъ. На первыхъ порахъ меня очень удивляло, когда сужденія о человѣческихъ свойствахъ и дѣйствіяхъ произносились не съ высоты нравственныхъ требованій, не по мѣрилу разумности, благородства, красоты, а съ точки зрѣнія неизбѣжной власти различныхъ вліяній и неизбѣжной податливости человѣческой природы. Особенное настроеніе мыслей Ѳедора Михайловича, стоящее выше этой физіологіи, открылось мнѣ ясно только впослѣдствіи, и сначала я не замѣчалъ его въ общемъ потокѣ новыхъ для меня взглядовъ.

Очевидно, это направленіе мыслей сложилось подъ вліяніемъ французской литературы, было одно изъ направленій *сороковыхъ годовъ*, тѣхъ плодовитыхъ годовъ, когда Европа, кипѣвшая особенно сильно духовною жизнью, производила на насъ, русскихъ, большое вліяніе и посѣяла у насъ сѣмена, которыя долго потомъ развивались. Впослѣдствіи мнѣ сталъ понятенъ и часто удивлялъ меня этотъ процессъ *отставанія* отъ Европы, безпрестанно у насъ повторяющійся. Послѣ 1848 года на Западѣ совершился переломъ настроенія: радостныя надежды потускли, нравственный уровень опустился, обнаружилась страшная болѣзнь и стали господствовать тоска и пессимизмъ. Чуткій Герценъ, видѣвшій эту исторію своими глазами, высказывалъ безвыходное отчаяніе. Между тѣмъ въ Россіи ничего этого не было замѣтно; едва-ли было когда у насъ въ литературѣ такое радостное и оживленное настроеніе, какъ съ 1856 по 1862 годъ, до петербургскихъ пожаровъ; мы ни мало и ни въ чемъ не были разочарованы, и каждый спокойно отдавался любимымъ мыслямъ, проповѣдуя то, что̀ уже потеряло вѣсъ, или получило уже новый смыслъ въ Европѣ. Что̀ касается до меня, то я въ литературномъ отношеніи тоже принадлежалъ къ одному изъ направленій сороковыхъ годовъ, но еще болѣе старому, чѣмъ литературный кружекъ, о которомъ идетъ рѣчь, къ тому направленію, для котораго верхомъ образованія было *понимать Гегеля* и *знать Гёте наизусть*. Поэтому, и по другимъ причинамъ разногласія, настроеніе кружка рѣзко бросилось мнѣ въ глаза.

Въ основаніи этого настроенія, конечно, лежало прекрасное чувство, гуманность, состраданіе къ людямъ, попавшимъ въ трудное положеніе, и прощеніе имъ ихъ слабости. Въ самомъ дѣлѣ, легко провиниться въ нѣкоторой жестокости, когда мы указываемъ ближнимъ неисполненныя требованія,—даже если это нравственныя требованія. Поэтому литературный кружокъ, въ который я вступилъ, былъ для меня во многихъ отношеніяхъ школою гуманности. Но другая черта, поразившая меня здѣсь, представляла гораздо большую неправильность. Съ удивленіемъ замѣчалъ я, что тутъ не придавалось никакой важности всякаго рода *физическимъ* излишествамъ и отступленіямъ отъ нормальнаго порядка. Люди, чрезвычайно чуткіе въ нравственномъ отношеніи, питавшіе самый возвышенный образъ мыслей и даже большею частію сами чуждые какой-нибудь физической распущенности, смотрѣли однако совершенно спокойно на всѣ безпорядки этого рода, говорили объ нихъ какъ о забавныхъ пустякахъ, которымъ предаваться вполнѣ позволительно въ свободную минуту. Безобразіе духовное судилось тонко и строго; безобразіе плотское не ставилось ни во что̀. Эта странная *эманципація плоти* дѣйствовала

соблазнительно и въ нѣкоторыхъ случаяхъ повела къ послѣдствіямъ, о которыхъ больно и страшно вспомнить. Изъ числа людей, съ которыми пришлось мнѣ сойтись на литературномъ поприщѣ, особенно въ шестидесятыхъ годахъ, нѣкоторые на моихъ глазахъ умирали или сходили съ ума отъ этихъ физическихъ грѣховъ, которыми они такъ пренебрегали. И погибали вовсе не худшіе, а часто тѣ, у кого было слабо себялюбіе и жизнелюбіе, кто не расположенъ былъ слишкомъ бережно обходиться съ собственною особой. О нѣкоторыхъ случаяхъ этого рода, можетъ быть, придется мнѣ далѣе говорить. Но придется, конечно, умолчать о многихъ другихъ бѣдахъ, порожденныхъ вреднымъ ученіемъ, бѣдахъ не довольно страшныхъ для печати, но въ сущности иногда не уступающихъ смерти и сумасшествію.

Что̀ касается до взглядовъ на искусство, на задачи художниковъ, то тогда, въ началѣ моего знакомства съ литературнымъ міромъ, меня не могло не удивлять господство узкой теоріи, требовавшей служенія современной минутѣ. Самъ я держался обыкновенной нѣмецкой теоріи *свободы художника*, той теоріи, которая сложилась въ нѣмецкой философіи, проникла къ намъ еще при жизни Пушкина, и которой много обязана наша литература. Люди съ художественнымъ талантомъ, подъ вліяніемъ этого эстетическаго ученія, берегли и холили свой талантъ, давая ему просторъ, и потому привыкали къ искренности, правдивости, къ широкому, безпристрастному взгляду на предметы. Итакъ, я не безъ удивленія и не безъ противорѣчія слушалъ разговоры о современномъ значеніи различныхъ литературныхъ явленій и объ усиліяхъ уловить послѣднюю и новѣйшую черту въ общественной жизни. Ѳедоръ Михайловичъ былъ также чрезвычайно этимъ занятъ; изъ его литературной дѣятельности уже видно, какъ онъ былъ преданъ такому служебному направленію. Эта дѣятельность ясно распадается на два отдѣла: первый, отъ „Бѣдныхъ Людей“ до „Преступленія и Наказанія“, ясно носитъ на себѣ вліяніе Гоголя—по кругу предметовъ и задачъ; второй, болѣе самостоятельный, отъ „Преступленія и Наказанія“ и до конца, весь посвященъ нарождающимся общественнымъ явленіямъ и главной нашей внутренней болѣзни, нигилизму.

Но, твердо держась этого служенія минутѣ, безпрестанно вдумываясь въ современныя явленія и гордясь ихъ уловленіемъ въ своихъ произведеніяхъ, Ѳедоръ Михайловичъ въ то же время готовъ былъ ставить выше всего строгія требованія искусства и былъ почти безукоризненно чистъ отъ всякой исключительности. Хотя онъ всегда искалъ въ произведеніяхъ искусства какого нибудь современнаго или національнаго зна-

ченія, но художество само по себѣ восхищало его безъ всякихъ условій, и подъ конецъ жизни онъ прямо сталъ твердить знаменитую формулу *искусства для искусства.* Это противорѣчіе постоянно жило въ немъ, какъ и многія другія противорѣчія въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, конечно, находившія себѣ примиреніе въ глубинѣ его души и во многихъ случаяхъ, очевидно, спасавшія его отъ ложныхъ и ненормальныхъ путей; подымаясь надъ этими противорѣчіями, онъ восходилъ на тѣ высоты, которыя дали такое прекрасное настроеніе всей его дѣятельности. Въ настоящемъ случаѣ это какъ нельзя яснѣе: постоянное стремленіе къ настоящей художественности дало произведеніямъ Өедора Михайловича ту ширину и глубину, которой никогда-бы въ нихъ не было при узкомъ пониманіи задачи.

Здѣсь кстати вообще сказать, что читатель въ этихъ и слѣдующихъ замѣткахъ не долженъ видѣть попытки вполнѣ изобразить покойнаго писателя; прямо и рѣшительно отказываюсь отъ этого. Онъ слишкомъ для меня близокъ и непонятенъ. Когда я вспоминаю его, то меня поражаетъ именно неистощимая подвижность его ума, неизсякающая плодовитость его души. Въ немъ какъ-будто не было ничего сложившагося, такъ обильно наростали мысли и чувства, столько таилось неизвѣстнаго и непроявившагося подъ тѣмъ, что̀ успѣло сказаться. Поэтому и литературная дѣятельность его растетъ и расширяется какими-то порывами, не подходящими подъ обыкновенную форму развитія. Послѣ ровнаго ея теченія, и даже какъ-будто ослабленія, онъ вдругъ обнаруживалъ новыя силы, показывался съ новой стороны. Такихъ подъемовъ можно насчитать четыре: первый—„Бѣдные люди“, второй—„Мертвый Домъ“, третій—„Преступленіе и Наказаніе“, четвертый — „Дневникъ Писателя“. Конечно, всюду это тотъ-же Достоевскій, но никакъ нельзя сказать, что онъ вполнѣ высказался; смерть помѣшала ему сдѣлать новые подъемы и не дала намъ увидѣть, можетъ быть, гораздо болѣе гармоническихъ и ясныхъ произведеній.

Съ чрезвычайной ясностію въ немъ обнаруживалось особеннаго рода раздвоеніе, состоящее въ томъ, что человѣкъ предается очень живо извѣстнымъ мыслямъ и чувствамъ, но сохраняетъ въ душѣ неподдающуюся и неколеблющуюся точку, съ которой смотритъ на самого себя, на свои мысли и чувства. Онъ самъ иногда говорилъ объ этомъ свойствѣ и называлъ его рефлексіею. Слѣдствіемъ такого душевнаго строя бываетъ то, что человѣкъ сохраняетъ всегда возможность судить о томъ, что̀ наполняетъ его душу, что различныя чувства и настроенія могутъ проходить въ душѣ, не овладѣвая ею до конца, и что изъ этого глубокаго душев-

наго центра исходитъ энергія, оживляющая и преобразующая всю дѣятельность и все содержаніе ума и творчества.

Какъ-бы то ни было, Ѳедоръ Михайловичъ всегда поражалъ меня широкостію своихъ сочувствій, умѣньемъ понимать различные и противоположные взгляды. При первомъ знакомствѣ, онъ оказался величайшимъ поклонникомъ Гоголя и Пушкина, и безмѣрно восхищался ими съ художественной стороны. Помню до сихъ поръ, какъ въ первый разъ услышалъ я его чтеніе стиховъ Пушкина. Его заставилъ читать Михаилъ Михайловичъ, очевидно благоговѣвшій передъ братомъ и съ наслажденіемъ его слушавшій. Ѳедоръ Михайловичъ читалъ два удивительныхъ отрывка: „Только что на проталинахъ весеннихъ“ и „Какъ весенней теплой порою“, которые цѣнилъ очень высоко и изъ которыхъ послѣдній потомъ выбралъ для чтенія и на *Пушкинскомъ праздникѣ*. Въ первый разъ я ихъ услышалъ отъ него за двадцать лѣтъ до этого праздника, и помню мое разочарованіе: Ѳедоръ Михайловичъ читалъ очень хорошо, но тѣмъ нѣсколько подавленнымъ, пониженнымъ голосомъ, которымъ обыкновенно читаютъ стихи неопытные чтецы. Помню и другія его чтенія стиховъ и прозы: положительно онъ не былъ тогда вполнѣ искуснымъ чтецомъ. Упоминаю объ этомъ потому, что въ послѣдніе годы жизни онъ читалъ удивительно, и совершенно справедливо приводилъ публику въ восхищеніе своимъ искусствомъ.

Гоголь былъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ еще въ свѣжей памяти у всѣхъ, особенно у литераторовъ, употреблявшихъ безпрестанно въ разговорѣ его выраженія. Помню, какъ Ѳедоръ Михайловичъ дѣлалъ очень тонкія замѣчанія о выдержанности различныхъ характеровъ у Гоголя, о жизненности всѣхъ его фигуръ, Хлестакова, Подколесина, Кочкарева и пр. Вообще, литература, въ тѣ времена, имѣла еще для всѣхъ такое значеніе, какого она уже не имѣетъ для нынѣшнихъ поколѣній. Самъ-же Ѳедоръ Михайловичъ былъ преданъ ей всѣмъ сердцемъ, и не только воспитался на Пушкинѣ и Гоголѣ, но и постоянно ими питался. Когда его рѣчь на Пушкинскомъ праздникѣ затмила всѣ другія рѣчи и доставила ему торжество, о которомъ трудно составить понятіе тому, кто не былъ самъ его свидѣтелемъ, мнѣ не разъ приходило на мысль, что эта награда досталась Ѳедору Михайловичу по всей справедливости, что изъ всей толпы хвалителей и почитателей, конечно, никто больше его не любилъ Пушкина.

Bayerische Staatsbibliothek München

II.

Основаніе „Времени“.

Весь 1860 годъ мы только почти у А. П. Милюкова видѣлись съ Ѳедоромъ Михайловичемъ. Я съ уваженіемъ и любопытствомъ слушалъ его разговоры и едва-ли самъ что̀ говорилъ; но въ „Свѣточѣ“ шелъ рядъ небольшихъ моихъ статей натурфилософскаго содержанія, и онѣ обратили на себя вниманіе Ѳедора Михайловича. Достоевскіе уже собирали тогда сотрудниковъ: въ слѣдующемъ году они рѣшились начать изданіе *толстаго* ежемѣсячнаго журнала „Время“ и заранѣе усердно приглашали меня работать въ немъ. Хотя я уже имѣлъ маленькій успѣхъ въ литературѣ и обратилъ на себя нѣкоторое вниманіе М. Н. Каткова и Ап. А. Григорьева, всетаки я долженъ сказать, что больше всего обязанъ въ этомъ отношеніи Ѳедору Михайловичу, который съ тѣхъ поръ отличалъ меня, постоянно ободрялъ и поддерживалъ и усерднѣе чѣмъ кто нибудь до конца стоялъ за достоинства моихъ писаній. Читатели могутъ, конечно, смотрѣть на это, какъ на ошибку съ его стороны, но я долженъ былъ упомянуть объ этомъ фактѣ, хотя бы какъ объ образчикѣ его литературныхъ пристрастій, и охотно сознаюсь, что, не смотря на подшептыванія самолюбія, часто самъ видѣлъ преувеличеніе въ важности, которую придавалъ Ѳедоръ Михайловичъ моей дѣятельности.

Въ сентябрѣ 1860 года при главныхъ газетахъ и при афишахъ было разослано объявленіе объ изданіи „Времени“. Такъ какъ это объявленіе несомнѣнно писано Ѳедоромъ Михайловичемъ и такъ какъ оно представляетъ изложеніе самыхъ важныхъ пунктовъ его тогдашняго образа мыслей, то мы приведемъ его цѣликомъ.

Съ января 1861 года будетъ издаваться

„ВРЕМЯ“.

журналъ литературный и политическій ежемѣсячно, книгами отъ 25 до 30 листовъ большаго формата.

„Прежде чѣмъ мы приступимъ къ объясненію, почему именно мы считаемъ нужнымъ основать новый публичный органъ въ нашей литературѣ, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ мы понимаемъ наше время и именно настоящій моментъ нашей общественной жизни. Это послужитъ и къ уясненію духа и направленія нашего журнала.

„Мы живемъ въ эпоху въ высшей степени замѣчательную и критиче-

„скую. Не станемъ исключительно указывать, для доказательства нашего „мнѣнія, на тѣ новыя идеи и потребности русскаго общества, такъ единодушно заявленныя всею мыслящею его частью въ послѣдніе годы. Не „станемъ указывать и на великій крестьянскій вопросъ, начавшійся въ „наше время... Все это только явленія и признаки того огромнаго переворота, которому предстоитъ совершиться мирно и согласно во всемъ „нашемъ отечествѣ, хотя онъ и равносиленъ, по значенію своему, всѣмъ „важнѣйшимъ событіямъ нашей исторіи и даже самой реформѣ Петра. „*Этотъ переворотъ есть слитіе образованности и ея представителей съ началомъ народнымъ* *) и пріобщеніе всего великаго русскаго „народа ко всѣмъ элементамъ нашей текущей жизни, — народа, отшатнувшагося отъ Петровской реформы еще 170 лѣтъ назадъ и съ тѣхъ „поръ разъединеннаго съ сословіемъ образованнымъ, жившаго отдѣльно, „своей собственной, особенной и самостоятельной жизнью.

„Мы упомянули о явленіяхъ и признакахъ. Безспорно важнѣйшій „изъ нихъ есть вопросъ объ улучшеніи крестьянскаго быта. Теперь уже „не тысячи, а многіе милліоны русскихъ войдутъ въ русскую жизнь, внесутъ въ нее свои свѣжія непочатыя силы и скажутъ свое новое слово. „Не вражда сословій, побѣдителей и побѣжденныхъ, какъ вездѣ въ Европѣ, должна лечь въ основаніе развитія будущихъ началъ нашей „жизни. Мы не Европа, и у насъ не будетъ и не должно быть побѣдителей и побѣжденныхъ.

„*Реформа Петра Великаго и безъ того намъ слишкомъ дорого „стоила: она разъединила насъ съ народомъ.* Съ самаго начала народъ „отъ нея отказался. Формы жизни, оставленныя ему преобразованіемъ, „не согласовались ни съ его духомъ, ни съ его стремленіями, были ему „не по мѣркѣ, не въ пору. Онъ называлъ ихъ нѣмецкими, послѣдователей великаго царя иностранцами. Уже одно нравственное распаденіе народа съ его высшимъ сословіемъ, съ его вожатаями и предводителями, „показываетъ, какою дорогою цѣною досталась намъ тогдашняя новая „жизнь. Но, разойдясь съ реформой, народъ не палъ духомъ. Онъ неоднократно заявлялъ свою самостоятельность, заявлялъ ее съ чрезвычайными, судорожными усиліями, потому что былъ одинъ и ему было „трудно. Онъ шелъ въ темнотѣ, но энергически держался своей особой „дороги. Онъ вдумывался въ себя и въ свое положеніе, пробовалъ создать „себѣ свое воззрѣніе, свою философію, распадался на таинственныя урод-

*) Курсива нѣтъ въ подлинникѣ; здѣсь печатаются курсивомъ мѣста, которыя, по моему мнѣнію, всего яснѣе выражаютъ главныя мысли объявленія.
Н. С.

„ливыя секты, искалъ для своей жизни новыхъ исходовъ, новыхъ формъ. „Невозможно было болѣе отшатнуться отъ стараго берега, невозможно „было смѣлѣе жечь свои корабли, какъ это сдѣлалъ нашъ народъ при „выходѣ на эти новыя дороги, которыя онъ самъ себѣ съ такимъ муче-„ніемъ отыскивалъ. А между тѣмъ его называли хранителемъ старыхъ „до-петровскихъ формъ, тупаго старообрядства.

„Конечно, идеи народа, оставшагося безъ вожатаевъ на одни свои „силы, были иногда чудовищны, попытки новыхъ формъ жизни без-„образны. Но въ нихъ было общее начало, одинъ духъ, вѣра въ себя не-„зыблемая, сила непочатая. Послѣ реформы былъ между нимъ и нами, „сословіемъ образованнымъ, одинъ только случай соединенія—двѣнадца-„тый годъ, и мы видѣли, какъ народъ заявилъ себя. Мы поняли тогда, „что онъ такое. Бѣда въ томъ, что насъ-то онъ не знаетъ и не понимаетъ.

„Но теперь разъединеніе оканчивается. *Петровская реформа, про-„должавшаяся вплоть до нашего времени, дошла, наконецъ, до по-„слѣднихъ своихъ предѣловъ. Дальше нельзя идти, да и некуда: нѣтъ „дороги; она вся пройдена.* Всѣ, послѣдовавшіе за Петромъ, узнали „Европу, примкнули къ европейской жизни и не сдѣлались европейцами. „Когда-то мы сами укоряли себя за неспособность къ европеизму. Теперь „мы думаемъ иначе. Мы знаемъ теперь, что мы и не можемъ быть евро-„пейцами, что мы не въ состояніи втиснуть себя въ одну изъ западныхъ „формъ жизни, выжитыхъ и выработанныхъ Европою изъ собственныхъ „своихъ національныхъ началъ, намъ чуждыхъ и противоположныхъ,— „точно такъ, какъ мы не могли бы носить чужое платье, сшитое не по „нашей мѣркѣ. *Мы убѣдились, наконецъ, что мы тоже отдѣльная „національность, въ высшей степени самобытная, и что наша за-„дача — создать себѣ новую форму, нашу собственную, родную, „взятую изъ почвы нашей, взятую изъ народнаго духа и изъ народ-„ныхъ началъ.* Но на родную почву мы возвратились не побѣжденными. „Мы не отказываемся отъ нашего прошедшаго: мы сознаемъ и разумность „его. Мы сознаемъ, что реформа раздвинула нашъ кругозоръ, что черезъ „нее мы осмыслили будущее значеніе наше въ великой семьѣ всѣхъ народовъ.

„Мы знаемъ, что не оградимся уже теперь китайскими стѣнами отъ „человѣчества. *Мы предугадываемъ, и предугадываемъ съ благоговѣ-„ніемъ, что характеръ нашей будущей дѣятельности долженъ быть „въ высшей степени общечеловѣческій, что русская идея, можетъ „быть, будетъ синтезомъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя съ такимъ „упорствомъ, съ такимъ мужествомъ развиваетъ Европа, въ отдѣль-„ныхъ своихъ національностяхъ; что можетъ быть все враждебное*

„*въ этихъ идеяхъ найдетъ свое примиреніе и дальнѣйшее развитіе* „*въ русской народности.* Не даромъ же мы говорили на всѣхъ языкахъ, „понимали всѣ цивилизаціи, сочувствовали интересамъ каждаго европей- „скаго народа, понимали смыслъ и разумность явленій, совершенно намъ „чуждыхъ. Не даромъ заявили мы такую силу въ самоосужденіи, удив- „лявшемъ всѣхъ иностранцевъ. Они упрекали насъ за это, называли насъ „безличными, людьми безъ отечества, не замѣчая, что способность отрѣ- „шиться на время отъ почвы, чтобъ трезвѣе и безпристрастнѣе взглянуть „на себя, есть уже сама по себѣ признакъ величайшей особенности; спо- „собность же примирительнаго взгляда на чужое есть высочайшій и благо- „роднѣйшій даръ природы, который дается очень немногимъ національ- „ностямъ. Иностранцы еще и не починали нашихъ безконечныхъ силъ... „Но теперь, кажется, и *мы вступаемъ въ новую жизнь.*

„И вотъ передъ этимъ-то вступленіемъ въ новую жизнь, примиреніе „послѣдователей реформы Петра съ народнымъ началомъ стало необхо- „димостью. Мы говоримъ здѣсь не о славянофилахъ и не о западникахъ. „Къ ихъ домашнимъ раздорамъ наше время совершенно равнодушно. Мы „говоримъ о примиреніи цивилизаціи съ народнымъ началомъ. Мы чув- „ствуемъ, что обѣ стороны должны, наконецъ, понять другъ друга, „должны разъяснить всѣ недоумѣнія, которыхъ накопилось между ними „такое невѣроятное множество, и потомъ *согласно и стройно общими* „*силами двинуться въ новый широкій и славный путь. Соединеніе* „*во что бы то ни стало, не смотря ни на какія пожертвованія, и* „*возможно скорѣйшее—вотъ наша передовая мысль, вотъ девизъ нашъ.*

„Но гдѣ же точка соприкосновенія съ народомъ? Какъ сдѣлать пер- „вый шагъ къ сближенію съ нимъ,—вотъ вопросъ, вотъ забота, которая „должна быть раздѣляема всѣми, *кому дорого русское имя,* всѣми, кто „любитъ народъ и дорожитъ его счастіемъ. А счастіе его—счастіе наше. „Разумѣется, что первый шагъ къ достиженію всякаго согласія есть гра- „мотность и образованіе. Народъ никогда не пойметъ насъ, если не бу- „детъ къ тому предварительно приготовленъ. Другаго нѣтъ пути, и мы „знаемъ, что, высказывая это, мы не говоримъ ничего новаго. Но, пока „за образованнымъ сословіемъ остается еще первый шагъ, оно должно вос- „пользоваться своимъ положеніемъ и воспользоваться усиленно. Распро- „страненіе образованія, усиленное, скорѣйшее и во что бы то ни стало—вотъ „главная задача нашего времени, первый шагъ ко всякой дѣятельности.

„Мы высказали только главную передовую мысль нашего журнала, „намекнули на характеръ, на духъ его будущей дѣятельности. Но мы „имѣемъ и другую причину,—побудившую насъ основать новый незави-

„симый литературный органъ. Мы давно уже замѣтили, что въ нашей „журналистикѣ, въ послѣдніе годы, развилась какая-то особенная добро-„вольная зависимость, подначальность литературнымъ авторитетамъ. „Разумѣется, мы не обвиняемъ нашу журналистику въ корысти, въ про-„дажности. У насъ нѣтъ, какъ почти вездѣ въ европейскихъ литерату-„рахъ, журналовъ и газетъ, торгующихъ за деньги своими убѣжденіями, „мѣняющихъ свою подлую службу и своихъ господъ на другихъ един-„ственно изъ-за того, что другіе даютъ больше денегъ. Но, замѣтимъ, „однако же, что можно продавать свои убѣжденія и не за деньги. Можно „продать себя, напримѣръ, отъ излишняго врожденнаго подобострастія, „или изъ-за страха прослыть глупцомъ за несогласіе съ литературными „авторитетами. Золотая посредственность иногда даже безкорыстно тре-„пещетъ передъ мнѣніями, установленными столпами литературы, осо-„бенно если эти мнѣнія смѣло, дерзко, нахально высказаны. Иногда „только эта нахальность и дерзость доставляетъ званіе столпа и автори-„тета писателю неглупому, умѣющему воспользоваться обстоятельствами, „а вмѣстѣ съ тѣмъ доставляетъ столпу чрезвычайное, хотя и временное „вліяніе на массу. Посредственность, съ своей стороны, почти всегда бы-„ваетъ крайне пуглива, не смотря на видимую заносчивость, и охотно „подчиняется. Пугливость же порождаетъ литературное рабство, а въ „литературѣ не должно быть рабства. Изъ жажды литературной власти, „литературнаго превосходительства, литературнаго чина, иной, даже ста-„рый и почтенный литераторъ, способенъ иногда рѣшиться на такую не-„ожиданную, на такую странную дѣятельность, что она поневолѣ со-„ставляетъ соблазнъ и изумленіе современниковъ и непремѣнно перей-„детъ въ потомство, въ числѣ скандалезныхъ анекдотовъ о русской ли-„тературѣ въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія. И такія происшествія „случаются все чаще и чаще, и такіе люди имѣютъ вліяніе продолжи-„тельное, а журналистика молчитъ и не смѣетъ до нихъ дотрогиваться. „Есть въ литературѣ нашей до сихъ поръ нѣсколько установившихся „идей и мнѣній, не имѣющихъ ни малѣйшей самостоятельности, но суще-„ствующихъ въ видѣ несомнѣнныхъ истинъ, единственно потому, что „когда-то такъ опредѣлили литературные предводители. Критика пошлѣетъ „и мельчаетъ. Въ иныхъ изданіяхъ совершенно обходятъ иныхъ писате-„лей, боясь проговориться о нихъ. Спорятъ для верха въ спорѣ, а не „для истины. Грошовый скептицизмъ, вредный своимъ вліяніемъ на боль-„шинство, съ успѣхомъ прикрываетъ бездарность и употребляется въ „дѣло для привлеченія подписчиковъ. Строгое слово искренняго глубо-„каго убѣжденія слышится все рѣже и рѣже. Наконецъ, спекулятивный

„духъ, распространяющійся въ литературѣ, обращаетъ иныя періодическія „изданія въ дѣло преимущественно коммерческое, литература же и польза „ея отодвигаются на заднiй планъ, а иногда о ней и не мыслится.

„Мы рѣшились основать журналъ, вполнѣ независимый отъ литера„турныхъ авторитетовъ—не смотря на наше уваженіе къ нимъ—съ пол„нымъ и самымъ смѣлымъ обличеніемъ всѣхъ литературныхъ странностей „нашего времени. Обличеніе это мы предпринимаемъ изъ глубочайшаго „уваженія къ русской литературѣ. Нашъ журналъ не будетъ имѣть ни„какихъ нелитературныхъ антипатій и пристрастій. Мы даже готовы бу„демъ признаваться въ собственныхъ своихъ ошибкахъ и промахахъ, и „признаваться печатно, и не считаемъ себя смѣшными за то, что хвалимся „этимъ (хотя бы и заранѣе). Мы не уклонимся и отъ полемики. Мы не „побоимся иногда немного и „пораздразнить“ литературныхъ гусей; гуси„ный крикъ иногда полезенъ: онъ предвѣщаетъ погоду, хотя и не всегда „спасаетъ капитолій. Особенное вниманіе мы обратимъ на отдѣлъ кри„тики. Не только всякая замѣчательная книга, но и всякая замѣчатель„ная литературная статья, появившаяся въ другихъ журналахъ, будетъ „непремѣнно разобрана въ нашемъ журналѣ. Критика не должна же „уничтожиться изъ-за того только, что книги стали печататься не от„дѣльно, какъ прежде, а въ журналахъ. Оставляя въ сторонѣ всякія „личности, обходя молчаніемъ все посредственное, если оно не вредно, „Время“, будетъ слѣдить за всѣми сколько нибудь важными явленіями „литературы, останавливать вниманіе на рѣзко выдающихся фактахъ, „какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ, и безъ всякой уклон„чивости обличать бездарность, злонамѣренность, ложныя увлеченія, не„умѣстную гордость и литературный аристократизмъ—гдѣ бы они ни явля„лись. Явленія жизни, ходячія мнѣнія, установившіеся принципы, сдѣ„лавшіеся отъ общаго и слишкомъ частаго употребленія кстати и не„кстати какими-то опошлившимися, странными и досадными афоризмами, „точно также подлежатъ критикѣ, какъ и вновь вышедшая книга, или „журнальная статья. Журналъ нашъ поставляетъ себѣ неизмѣннымъ пра„виломъ говорить прямо свое мнѣніе о всякомъ литературномъ и честномъ „трудѣ. Громкое имя, подписанное подъ нимъ, обязываетъ судъ быть „только строже къ нему, и журналъ нашъ никогда не низойдетъ до обще„принятой теперь уловки—наговорить извѣстному писателю десять на„пыщенныхъ комплиментовъ, чтобы имѣть право сдѣлать ему одно не со„всѣмъ лестное для него замѣчаніе. Похвала всегда цѣломудренна; одна „лесть пахнетъ лакейской. Не имѣя мѣста въ простомъ объявленіи вхо„дить во всѣ подробности нашего изданія, скажемъ только, что программа

„наша, утвержденная правительствомъ, чрезвычайно разнообразна. Вотъ „она:

Программа.

„I. *Отдѣлъ литературный.* Повѣсти, романы, разсказы, мемуары, „стихи и т. д.

„II. *Критика и библіографическія замѣтки,* какъ о русскихъ книгахъ, такъ и объ иностранныхъ. Сюда же относятся разборы новыхъ „пьесъ, поставленныхъ на наши сцены.

„III. *Статьи ученаго содержанія.* Вопросы экономическіе, финансовые, философскіе, имѣющіе современный интересъ. Изложеніе самое „популярное, доступное и для читателей, не занимающихся спеціально „этими предметами.

„IV. *Внутреннія новости.* Распоряженія правительства, событія въ „отечествѣ, письма изъ губерній и проч.

„V. *Политическое обозрѣніе.* Полное ежемѣсячное обозрѣніе политической жизни государствъ. Извѣстія послѣдней почты, политическіе „слухи, письма иностранныхъ корреспондентовъ.

„VI. *Смѣсь.* a) Небольшіе разсказы, письма изъ-за границы и изъ „нашихъ губерній и проч. в) Фельетонъ. c) Статьи юмористическаго содержанія.

„Изъ этого перечня видно, что все, что̀ можетъ интересовать современнаго читателя, входитъ въ нашу программу. Изъ статей юмористическаго содержанія мы сдѣлаемъ особый отдѣлъ въ концѣ каждой „книжки.

„Мы не выставляемъ именъ писателей, принимающихъ участіе въ нашемъ изданіи. Этотъ способъ привлеченія вниманія публики оказался „въ послѣднее время совершенно несостоятельнымъ. Мы видѣли не одно „изданіе, дававшее громкія имена только въ своемъ объявленіи. Хотя „и мы въ нашемъ могли бы выставить не одно извѣстное въ нашей литературѣ имя, но нарочно удерживаемся отъ этого, потому что, при всемъ „уваженіи къ нашимъ литературнымъ знаменитостямъ, сознаемъ, что не „они составляютъ силу журнала.

„Время" будетъ выходить каждый мѣсяцъ, въ первыхъ числахъ, „книгами отъ 25 до 30 листовъ большаго формата, въ объемѣ нашихъ „большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ.

„Редакторъ *М. Достоевскій.*

„Печатать позволяется. Спб. 6-го сент. 1860 г. Цензоръ А. Ярославцевъ."

Ѳедоръ Михайловичъ, конечно, желалъ бы быть и объявить себя прямымъ редакторомъ журнала; но онъ тогда состоялъ подъ надзоромъ полиціи, почему и потомъ не могъ быть утвержденъ редакторомъ „Эпохи“. Только въ 1873 году это препятствіе было устранено, и онъ былъ оффиціально объявленъ редакторомъ „Гражданина“. Такъ какъ оба брата жили душа въ душу, то сначала вышло прекрасное раздѣленіе труда; всѣ матеріальныя хлопоты принялъ на себя Михайло Михайловичъ, а умственное руководство принадлежало Ѳедору Михайловичу.

Это объявленіе заслуживаетъ величайшаго вниманія. Безъ сомнѣнія оно было старательно обдумано и обработано Ѳедоромъ Михайловичемъ и, очевидно, оно содержитъ нѣкоторыя мысли и стремленія, характеризующія всю его дальнѣйшую дѣятельность. Какъ я уже замѣтилъ, направленіе его было своего рода славянофильствомъ; и въ подтвержденіе этого можно сослаться въ объявленіи на признаніе разрыва между народомъ и интеллигенціею, произведеннаго реформою Петра, на заявленіе, что намъ русскимъ суждено особое, самобытное развитіе, на требованіе вернуться къ своей почвѣ, къ народнымъ началамъ. Но читатели, знакомые съ образомъ мыслей нашихъ литературныхъ партій, легко замѣтятъ, что это, однако, еще не настоящее славянофильство. Во-первыхъ, исходная точка, очевидно, другая. Мысль Достоевскаго состоитъ въ томъ, что нужно примирить образованные классы съ народомъ, объединить ихъ, при чемъ ни образованные классы не должны отказываться отъ началъ своей образованности, ни народъ отъ своихъ почвенныхъ началъ. Требуется совершить нѣкоторый синтезъ, который совмѣстилъ бы въ себѣ тѣ и другія начала. Въ возможности этого синтеза Достоевскій ни мало не сомнѣвался; онъ пошелъ еще далѣе: онъ предполагалъ, что русскому народу даны духовныя силы, съ которыми онъ можетъ совершить *всемірный синтезъ*, то-есть найти исходъ и примиреніе для всѣхъ противорѣчій, какія обнаружились въ историческомъ человѣчествѣ. Мысль о такомъ свойствѣ и предназначеніи русскаго народа составляетъ содержаніе *пушкинской рѣчи* Ѳедора Михайловича, и слѣдовательно исповѣдывалась имъ до конца.

Мысль эта для него очень характерна. Она свидѣтельствуетъ о той ширинѣ симпатій, которою онъ отличался. Онъ не отказывался отъ сочувствія къ самымъ разнороднымъ и даже, повидимому, противорѣчащимъ явленіямъ, какъ скоро разъ сочувствіе къ нимъ успѣло въ немъ возникнуть. Онъ не съумѣлъ бы логически согласовать свои сочувствія, усмотрѣть противорѣчія, къ которымъ они могутъ повести въ дальнѣйшихъ выводахъ, и найти формулу, устраняющую эти противорѣчія; но онъ ми-

рилъ въ себѣ свои сочувствія психологически и эстетически. Такого рода настроеніе играло большую роль въ его дѣятельности и было для нея очень благопріятно. Общею чертою этой дѣятельности, чрезвычайно важною, нужно считать—отсутствіе злобы и презрѣнія въ постановкѣ нашей великой распри между западною и русскою идеею. Эта черта составляла сущность того электрическаго дѣйствія, которое произвела рѣчь Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ; она же, какъ мы увидимъ, характеризуетъ собою его романы и „Дневникъ".

Другая черта, которой нельзя не замѣтить въ объявленіи, есть неопредѣленность тѣхъ началъ, принциповъ, на которые оно ссылается. Такъ и слѣдовало этому быть при исходной точкѣ и умственномъ настроеніи Достоевскаго. Мысль его явилась ему пока только въ самомъ общемъ своемъ видѣ. Между тѣмъ какъ славянофилы прямо заявляли нѣкоторыя опредѣленныя религіозныя, философскія, политическія понятія, Достоевскій еще только ищетъ тѣхъ началъ, которыя поведутъ къ желаемому имъ примиренію. Тѣмъ не менѣе, онъ говоритъ объ этихъ искомыхъ началахъ съ большою твердостію и настойчивостію. Это также одно изъ его отличительныхъ свойствъ. Мысли самыя общія и отвлеченныя нерѣдко дѣйствовали на него съ большою силою, и онъ воодушевлялся ими чрезвычайно. Вообще онъ былъ человѣкъ въ высокой степени восторженный и впечатлительный. Простая мысль, иногда давно извѣстная и обыкновенная, вдругъ зажигала его, являясь ему во всей своей значительности. Онъ, такъ сказать, необыкновенно живо *чувствовалъ мысли.* Тогда онъ высказывалъ ее въ различныхъ видахъ, давалъ ей иногда очень рѣзкое, образное выраженіе, хотя и не разъяснялъ логически, не развертывалъ ея содержанія. Прежде всего онъ былъ все-таки художникъ, мыслилъ образами и руководился чувствами.

Третья знаменательная черта „Объявленія" есть, конечно, та живая надежда на скорость и возможность достиженія поставленныхъ цѣлей, которая въ немъ высказывается. Это также нужно отнести къ живости чувства, наполнявшаго Достоевскаго. Между тѣмъ, какъ славянофилы, поставивши свою задачу во всей ея глубинѣ, видѣли трудность ея исполненія и, чѣмъ громче былъ шумъ литературнаго и общественнаго движенія, тѣмъ яснѣе видѣли, что исполненіе завѣтныхъ ихъ желаній отодвигается самымъ этимъ движеніемъ,—Достоевскій, увлекаясь самъ господствующимъ возбужденіемъ и не видя въ немъ элементовъ, вполнѣ враждебныхъ своему идеалу, смѣло поднялъ знамя и думалъ, что увлечетъ за собою эту волнующуюся массу. Эта способность горячей вѣры и надежды не оставляла его до послѣднихъ дней. Всегда онъ увлекался стре-

мительностью своихъ мыслей и готовъ былъ думать, что неминуемо и скоро совершится то, что̀ такъ ясно видѣлъ его умственный взоръ.

Впрочемъ тогда, когда писалось „Объявленіе", рѣдко кто могъ воздержаться отъ увлеченія. Это было именно время надеждъ и порываній. Всѣ умы были въ такомъ возбужденномъ состояніи, все пришло въ такое броженіе, что, повидимому, могли совершиться самыя невѣроятныя вещи. Чувство дѣйствительности потерялось; казалось, чего мы захотимъ, то и сдѣлаемъ.

Вся вторая половина „Объявленія" посвящена уже не изложенію направленія журнала, а чисто литературнымъ дѣламъ того времени. Одною изъ причинъ основанія новаго журнала выставляется измельчаніе и рутинности критики, рабство журналистики передъ литературными авторитетами, отсутствіе вполнѣ независимыхъ голосовъ, господство ходячихъ мнѣній, обратившихся въ несомнѣнные афоризмы, и безнаказанное существованіе литературныхъ скандальныхъ и странныхъ явленій. Конечно, всѣ указанные здѣсь черты того времени справедливы: къ сожалѣнію, не могу припомнить частныхъ случаевъ, къ которымъ относятся слова „Объявленія". Достоевскіе, составляя особый кружокъ, не примыкавшій ни къ какому журналу, но въ то же время всею душею преданный литературѣ, естественно должны были строго судить объ ея явленіяхъ и составлять объ нихъ свои собственные приговоры; поэтому ихъ раздражало чужое пристрастіе и замалчиваніе. Но частныхъ поводовъ, къ сожалѣнію, указать не могу. Скажу только вообще, что сама печать питала тогда къ себѣ нѣкоторое уваженіе и представляла такое единодушіе, которому трудно повѣрить въ настоящее время; казалось, что въ существенныхъ вопросахъ всѣ согласны и что никто не дастъ другаго въ обиду. Существовалъ цѣлый рядъ именъ, которыя считались украшеніемъ русской литературы; это были большею частію поэты и романисты; говорить объ нихъ безъ уваженія, безъ очевиднаго признанія ихъ достоинствъ, считалось неприличнымъ по тогдашнимъ литературнымъ нравамъ. Разумѣется, тутъ могло встрѣчаться и раболѣпство и потворство, особенно когда вся литература сосредоточивалась въ журналахъ, которые больше или меньше питались громкими именами.

Достоевскій, выступая съ новою мыслію, очень вѣрно понималъ свое публицистическое дѣло; поэтому онъ такъ рѣшительно заявилъ, что „сила журнала не заключается въ знаменитостяхъ", что онъ будетъ прямо и смѣло обсуживать литературные авторитеты, даже „дразнить гусей" и вести полемику. Тутъ, если очень не ошибаюсь, имѣлись въ виду преимущественно сужденія о художественныхъ достоинствахъ писателей,

и во всякомъ случаѣ безпристрастье здѣсь разумѣлось въ самомъ широкомъ смыслѣ. Но положительно можно сказать, что, не смотря на эту похвальбу, „Время“ не отличилось никакимъ походомъ на авторитеты. Оно вело войну съ „Современникомъ“, но эта была полемика съ направленіемъ, а не развѣнчаніе того или другаго изъ извѣстныхъ писателей. Да „Время“ было и слишкомъ мягкосердечно, смотрѣло на вещи слишкомъ широко, для подобнаго занятія. Походъ на авторитеты и разрушеніе литературнаго единодушія совершены были другою литературною партіею, именно тою, во главѣ которой стоялъ „Современникъ“.

Эта печальная исторія мнѣ гораздо живѣе памятна, чѣмъ счастливый періодъ, ей предшествовавшій. Понемногу начались дѣйствія, которыя, кажется, всего лучше назвать *литературными казнями*. Эти казни сначала были рѣдки и совершались сперва съ тѣмъ единодушіемъ, которое тогда было свойственно литературѣ. Если какой нибудь писатель оказывался виновнымъ, то, бывало, вся литература набрасывалась на эту жертву, набрасывалась такъ же, какъ на взятки, побои или какой нибудь другой безобразный поступокъ, выплывшій на свѣтъ Божій. По всѣмъ журналамъ сыпались безчисленныя насмѣшки и несчастному писателю приходилось плохо. Такое времяпровожденіе очень понравилось, и нашлось много охотниковъ до такой расправы, производимой въ собственномъ литературномъ кругу. Партія „Современника“, имѣвшая сильный вѣсъ въ публикѣ, загорѣлась особеннымъ усердіемъ; она стала дѣйствовать какъ нѣкотораго рода *комитетъ общественнаго спасенія*, и этотъ комитетъ, отличавшійся великою и возрастающею жестокостію, долго сохранялъ, однакоже, полнѣйшій авторитетъ.

Литературныя имена одно за другимъ были уничтожаемы; каждая книжка журнала совершала нѣсколько казней и угрожала тѣмъ, кто еще не подвергся гибели. Память объ этихъ временахъ литературнаго террора теперь почти вовсе изгладилась; но тогда шумъ стоялъ большой и дѣло ни мало не казалось смѣшнымъ. Если не ошибаюсь, одинъ изъ первыхъ былъ уничтоженъ Розенгеймъ, потомъ стертъ съ лица земли Н. Львовъ, авторъ какой-то комедіи, низринутъ въ прахъ Погодинъ, погибли во цвѣтѣ лѣтъ Случевскій, Кусковъ и многое множество другихъ; очередь дошла наконецъ и до Костомарова и до самого Тургенева... Катастрофа съ Тургеневымъ, случившаяся въ началѣ 1862 года, есть конечно самое громкое происшествіе этой исторіи, и если читателямъ ничего не говоритъ напоминаніе и этого событія, то имъ трудно будетъ составить себѣ живое понятіе о волненіяхъ этой литературной эпохи.

Для поясненія тогдашняго состоянія дѣлъ припомню здѣсь случай

не столь значительный, но очень характеристическій и бывшій не задолго до казни Тургенева. Случилось, что вдругъ подвергся опасности Писемскій. Первый звукъ грозы, направленной противъ такого извѣстнаго писателя, сейчасъ-же обратилъ общее вниманіе, т. е. въ литературныхъ кружкахъ; дѣло казалось важнымъ и неслыханно дерзкимъ. Громъ выходилъ хотя не изъ центральнаго комитета, но изъ небольшого журнала съ каррикатурами (Искры), который могъ считаться отдѣломъ комитета. Въ этомъ журналѣ вдругъ заговорили о Писемскомъ такъ, какъ прежде никто не смѣлъ говорить; сказали, что онъ пишетъ *„гнусную дичь"*. Не знаю, разсердился-ли и испугался-ли Писемскій, но очень ясно помню, что за него многіе разсердились. Подняли толки, было предположено составить *протестъ* за Писемскаго, какъ это было тогда въ обычаѣ, и стали уже собирать подписи для этого протеста. Протестъ—это значило: заявить всею массою, отъ лица *всей литературы*, что такой-то поступокъ считается низкимъ, неблагороднымъ, возбуждающимъ негодованіе. На этотъ разъ число протестующихъ и ихъ негодованіе не достигли однако же нужной величины, протестъ не состоялся, и скоро это происшествіе было заглушено шумомъ новыхъ событій. Вотъ каковы были литературные нравы еще въ началѣ 1862 года; если сравнить ихъ съ теперешними, разница выйдетъ поразительная. Теперь никого не удивишь никакою бранью; ни казни, ни протесты невозможны, потому что нѣтъ ни единой и нераздѣльной публики, ни единой и нераздѣльной литературы.

III.

Новое направленіе.—Почвенники.

Обращаюсь опять къ той главной руководящей мысли, съ которою выступило „Время". Чтобы понять настроеніе, въ которомъ мы всѣ находились и подъ вліяніемъ котораго сложились и мнѣнія журнала братьевъ Достоевскихъ, нужно вспомнить, въ какое время все это происходило. Это былъ 1861 годъ, то есть годъ освобожденія крестьянъ, самая свѣтлая минута прошлаго царствованія, мгновеніе истиннаго восторга. Казалось, въ Россіи должна была начаться новая жизнь, что-то не похожее на все прежнее; казалось, сбываются и могутъ сбыться самыя смѣлыя и радостныя надежды; вѣра во все хорошее была легка и естественна.

Всѣмъ было извѣстно, что происходятъ работы по крестьянскому дѣлу и что они близки къ концу. Въ третьей, мартовской книжкѣ журнала уже

былъ напечатанъ манифестъ 19 февраля, который былъ объявленъ 5 марта, въ прощальное воскресенье, наканунѣ чистаго понедѣльника. Всѣ съ нетерпѣніемъ и волненіемъ ожидали великой минуты. Говорили тогда, что объявленіе манифеста было нарочно отложено до этого дня, чтобы сообщить народу вѣсть о переворотѣ въ его судьбѣ не среди разгула масляницы, а какъ разъ наканунѣ великаго поста. Тутъ были какія-то опасенія, вѣроятно со стороны тѣхъ, кто расположенъ видѣть въ народѣ „буйнаго звѣря"; но во всякомъ случаѣ минута выбрана была прекрасно. Всѣ мы потомъ дѣлились между собою впечатлѣніями, какія каждому удалось собрать въ этомъ знаменательный день. Оказывалось, что въ народѣ вѣсть объ освобожденіи была встрѣчена глубокою тишиною; шумная и пьяная масляница затихла; видно было, что людьми овладѣли тѣ важныя чувства, которыя мы такъ охотно переживаемъ въ молчаніи.

Послѣ этой радостной минуты быстро наступили, какъ извѣстно, минуты тяжелыя; въ концѣ того же года—студентская исторія; въ слѣдующемъ 1862 году—петербургскіе пожары; въ началѣ 1863 года—польское возстаніе. Но до 1861 года ничего подобнаго не было, и начиная съ самаго 1855 года радостное оживленіе безъ всякой помѣхи разрасталось въ обществѣ и литературѣ. Въ продолженіи семи лѣтъ постепенно и непрерывно шли всякія облегченія и дозволенія, нововведенія и преобразованія, и все шло благополучно.

Цензура съ каждымъ годомъ становилась снисходительнѣе, и число книгъ и журналовъ быстро росло. Въ это время высказались и договорились до конца тѣ мнѣнія и настроенія, которыя сложились и окрѣпли въ періодъ молчанія до 1855 года; на просторѣ и среди общаго оживленія, они смѣло пускались въ приложеніе и развитіе своихъ началъ; давнишняя же привычка и легкій надзоръ цензуры давали всему видъ и очень приличный и очень завлекательный. Такимъ образомъ въ эти семь лѣтъ сложились тѣ направленія, которыя господствуютъ до сихъ поръ. Послѣднимъ явленіемъ этого рода было направленіе „Времени", пущенное въ ходъ Ѳедоромъ Михайловичемъ. По его предположенію, это было совершенно новое, особенное направленіе, соотвѣтствующее той новой жизни, которая видимо начиналась въ Россіи, и долженствующее упразднить, или превзойти прежнія партіи западниковъ и славянофиловъ. Неопредѣленность самой мысли не пугала его, потому что онъ твердо надѣялся на ея развитіе. Но, что̀ всего замѣчательнѣе,—въ тогдашнемъ состояніи литературы были странныя черты, которыя позволяли ему думать, что давнишнія литературныя теченія, западническое и славянофильское, изсякли, или готовы изсякнуть, и что готово возникнуть что-то новое. Дѣло въ

томъ, что тогда партіи не выдѣлялись ясно и вся литература сливалась во что-то единое. Мнѣ еще памятно то почти дружественное чувство, которое тогда господствовало между пишущими. Получивши лишь недавно голосъ, имѣя въ виду общаго своего смотрителя, цензуру, нѣкогда столь грозную, литераторы считали себя обязанными беречь и поддерживать другъ друга. Вообще предполагалось, что литература дѣлаетъ нѣкоторое общее дѣло, передъ которымъ должны отступать на задній планъ разногласія во мнѣніяхъ. Дѣйствительно, всѣ одинаково стояли за просвѣщеніе, свободу слова, снятіе всякихъ узъ и стѣсненій и т. п., словомъ за самыя ходячія либеральныя начала, понимаемыя совершенно отвлеченно, такъ что подъ нихъ подходили самыя разнообразныя и противорѣчащія стремленія. Конечно, представители различныхъ направленій знали про себя границы, ихъ отдѣляющія, но для обыкновенныхъ читателей и для большинства пишущихъ литература составляла нѣчто цѣлое. Въ сущности это былъ хаосъ, безформенный и многообразный, и потому легко могло возникнуть желаніе—дать ему форму, или, по крайней мѣрѣ, выдѣлить изъ него нѣкоторое болѣе опредѣленное теченіе. Что̀ касается прямо до Ѳедора Михайловича, то, взглянувъ на всю его журнальную дѣятельность, нельзя не сказать, что онъ успѣлъ въ своемъ желаніи. Среди петербургской литературы иногда его голосъ раздавался громко, особенно въ послѣдніе годы его жизни, когда онъ даже перевѣшивалъ другіе голоса, протестуя и указывая другой путь.

Какъ бы то ни было, тогда, при началѣ „Времени", рѣшено было, что славянофилы и западники уже отжили и что пора начать нѣчто новое. Въ добавленіе къ тому, что̀ сказано объ этомъ пунктѣ въ „Объявленіи", приведемъ еще замѣтку, появившуюся въ № 1 „Времени" 1861 г. на задней страницѣ обертки.

Отъ Редакціи.

„Первый номеръ нашего журнала явился передъ публикой. Мы не „могли еще въ немъ разъяснить вполнѣ основную мысль нашу. Освѣтить „всѣ ея стороны, оправдать въ обществѣ ея потребность и жизненность „можно только цѣлымъ годомъ или даже годами изданія журнала. Мы „вѣруемъ только въ одно—что наша мысль отзывается на потребности „общества. Да и не мы первые провозгласили ее. Она давно уже вырывалась наружу и искала заявить себя:—и въ горячемъ словѣ, и въ „надеждахъ на будущее, и въ охлажденіи къ обѣимъ стариннымъ партіямъ, „еще такъ недавно раздѣлявшимъ всю мыслящую часть нашего общества.

„Но общество поняло, что съ западничествомъ мы упрямо натягивали на „себя чужой кафтанъ, не смотря на то, что онъ уже давно трещалъ по „всѣмъ швамъ, а съ славянофильствомъ раздѣляли поэтическую грезу „возсоздать Россію по идеальному взгляду на древній бытъ, взгляду, ставившему вмѣсто настоящаго понятія о Россіи какую-то балетную деко„рацію, красивую, но несправедливую и отвлеченную. И хотя въ славяно„филахъ было много любви къ родинѣ, но чутье русскаго духа они поте„ряли. Они также ошиблись, какъ ошибаются тѣ господа, большею частію „чистые и наивные сердцемъ, которые, надѣвъ на себя древній кафтанъ, „бархатную поддевку и шелковую рубашку съ золотыми галунами, „воображаютъ, что они соединились съ народнымъ началомъ. Общество „смотритъ на нихъ съ недоумѣніемъ, а народъ равнодушно. Но те„перь мы хотимъ жить и дѣйствовать, а не фантазировать. Общество „ищетъ дѣятельности и всѣми силами своими стремится угадать и опре„дѣлить ее.

„Мы особенно будемъ обращать вниманіе въ нашемъ журналѣ на всѣ „современныя явленія, которыми хоть сколько нибудь можемъ оправдать „и доказать нашу мысль. Кромѣ того, мы усиленно будемъ слѣдить за „движеніемъ всѣхъ современныхъ идей. Съ будущихъ номеровъ нашего „журнала мы надѣемся открыть въ немъ отдѣлъ для разбора и безпри„страстной оцѣнки, по возможности, всѣхъ тѣхъ ходячихъ идей, со„временныхъ предположеній и вопросовъ, которые появятся въ другихъ „русскихъ журналахъ.

„Рядъ статей о русской литературѣ (въ первой книгѣ мы напечатали „лишь введеніе) будетъ слѣдовать, по возможности, непрерывно. Со „втораго-же номера мы обратимся къ одному изъ самыхъ современныхъ „вопросовъ нашей литературы, вопросу о значеніи искусства и о насто„ящемъ отношеніи его къ дѣйствительной жизни. Это самый горячій изъ „современныхъ литературныхъ вопросовъ, который настоятельно требуетъ „разрѣшенія. Вообще нашъ журналъ употребитъ всѣ усилія, чтобъ не „быть отвлеченнымъ, и, повторяемъ, будетъ преимущественно заниматься „тѣмъ, что̀ относится къ самымъ современнымъ явленіямъ жизни. Онъ „не отказывается отъ споровъ, отъ возраженій. Кромѣ того, онъ сто„ронникъ гласности и порицаетъ скандалъ только въ умышленномъ намѣ„реніи оскорбить личность, въ заносчивости авторитетовъ, въ безстыдной „лжи передъ публикой, въ обличеніи не для пользы общества, а един„ственно для личнаго оскорбленія обличаемаго. Такія дѣйствія, если они „будутъ совершаться въ литературѣ, мы будемъ сами обличать всѣми „нашими силами. Особенное вниманіе обратимъ мы на отдѣлы „Внутрен-

„нихъ Новостей“ и „Политическаго Обозрѣнія“. Послѣдній отдѣлъ осо-
„бенно для насъ важенъ.“

Существенный поводъ къ этой замѣткѣ, очевидно, состоялъ въ томъ, что въ *Объявленіи* слишкомъ бѣгло было сказано о западничествѣ и славянофильствѣ, и нужно было яснѣе выразить мысль объ упраздненіи этихъ двухъ направленій. Кромѣ Ѳедора Михайловича, эта мысль нашла полную поддержку у *Ап. Григорьева,* который сталъ усердно писать во „Времени“, начиная со второй книжки. Привлеченію его къ журналу отчасти содѣйствовалъ я, считавшій и считающій его до сихъ поръ лучшимъ нашимъ критикомъ. Помню самый разговоръ. Отъ меня непремѣнно желали статей по литературной критикѣ; я отказывался и сталъ настойчиво указывать на Григорьева. Къ моей неожиданной радости, Ѳедоръ Михайловичъ объявилъ, что онъ самъ очень любитъ Григорьева и очень желаетъ его сотрудничества. Но приглашеніе состоялось уже немножко поздно, и первая книжка явилась безъ статьи того критика, котораго потомъ мы всѣ, до самой его смерти, признавали своимъ вождемъ въ сужденіяхъ о литературѣ. Статья Григорьева начиналась такъ:

„Къ числу несомнѣнныхъ, купленныхъ опытомъ, фактовъ нашего „времени, принадлежитъ тотъ фактъ, что въ сущности нѣтъ уже болѣе „теперь у насъ двухъ направленій, лѣтъ за десять тому назадъ рѣзко-„враждебно стоявшихъ одно противъ другаго,—*западнаго* и *восточ-„наго.* Фактъ этотъ пора засвидѣтельствовать для общаго сознанія; ибо „для сознанія отдѣльныхъ лицъ, для сознанія каждаго изъ насъ, пишу-„щихъ и мыслящихъ людей, онъ уже засвидѣтельствованъ давно“. („Время“, 1861. № 2).

Такое рѣшительное мнѣніе объ *упраздненіи* двухъ главныхъ литературныхъ направленій было внушено Григорьеву конечно *желаніемъ* такой перемѣны. Вспомнимъ, что онъ принадлежалъ къ такъ называемой *молодой редакціи* Погодинскаго „Москвитянина“, къ кружку, членами котораго нѣкогда (1850 — 1855) были А. Н. Островскій, Т. И. Филипповъ, А. Ѳ. Писемскій, А. А. Потѣхинъ, Е. Н. Эдельсонъ, Б. Н. Алмазовъ. Кружокъ этотъ, какъ и самъ Погодинъ, имѣлъ въ сущности славянофильское направленіе, но былъ очень свободенъ въ своихъ симпатіяхъ и по-немногу отдѣлился отъ чистаго славянофильства. Погодинъ, имѣвшій въ свое время вліяніе и на Пушкина и на первыхъ славянофиловъ, пользовался великимъ уваженіемъ и у *молодой редакціи* за свой глубочайшій патріотизмъ, за живость и глубину чисто русскихъ

симпатій; но онъ, оставаясь при своихъ мнѣніяхъ и называя себя *старою редакціею,* предоставилъ въ своемъ журналѣ просторъ молодому кружку, съ великимъ энтузіазмомъ работавшему на литературномъ поприщѣ. Главнымъ отличіемъ этого кружка было восторженное поклоненіе художественной литературѣ; въ ней они видѣли наилучшее выраженіе народнаго духа и духа времени, въ ней искали откровеній и правилъ. Тутъ Островскій былъ провозглашенъ *новымъ словомъ* въ литературѣ; тутъ господствовало благоговѣніе къ Гоголю и Пушкину и совершался отпоръ *натуральной школѣ* и другимъ уклоненіямъ петербургской литературы. Славянофильство, какъ извѣстно, было гораздо строже и скупѣе въ своихъ симпатіяхъ, и молодая редакція, упрекая его въ холодности къ литературѣ и мечтая занять мѣсто во главѣ литературнаго движенія, слегка обособилась въ отдѣльную партію. Къ этой-то партіи принадлежалъ Ап. Григорьевъ, и своимъ желаніемъ отдѣлиться отъ славянофиловъ онъ значительно поддержалъ мысль Өедора Михайловича о созданіи новаго направленія. Для всѣхъ насъ авторитетъ Ап. Григорьева въ этомъ дѣлѣ имѣлъ рѣшительное значеніе; его мы почитали настоящимъ судьею въ вопросахъ критики и направленій. Такъ образовалась та партія, которая долго была извѣстна въ петербургской литературѣ подъ именемъ *почвенниковъ;* выраженія, что мы *оторвались отъ своей почвы,* что намъ слѣдуетъ *искать своей почвы,* были любимыми оборотами Өедора Михайловича и встрѣчаются уже въ первой его статьѣ. Выраженіе это, очень образное и живое, имѣло ту выгоду, что было въ то же время очень обще, не указывало прямо опредѣленнаго принципа. Подъ него, конечно, подходило и славянофильство; но „Время“ давало постоянно чувствовать, особенно сначала, что оно разумѣетъ здѣсь другое, хотя и родственное направленіе.

Отношенія къ славянофиламъ были слѣдующія. Ап. Григорьевъ всегда говорилъ объ нихъ и устно и печатно съ величайшимъ уваженіемъ. Отъ него и мы всѣ научились этому уваженію, котораго невозможно было почерпнуть изъ петербургской литературы, никогда не упоминавшей о славянофилахъ безъ насмѣшки и презрѣнія. Припомню здѣсь маленькій случай, который какъ нельзя яснѣе покажетъ положеніе дѣлъ. Въ 1866 г., литераторы вздумали сдѣлать подарокъ Коммисарову, спасшему Государя отъ смерти, именно подарить ему коллекцію лучшихъ русскихъ книгъ. Образовался маленькій комитетъ, чтобы составить списокъ лучшихъ книгъ, и я былъ приглашенъ. Когда, между прочимъ, я предложилъ внести сочиненія Хомякова, Кирѣевскаго и Аксакова, то встрѣтилъ живѣйшее противодѣйствіе; члены комитета, люди очень почтенные и свѣдующіе,

говорили, что это писатели съ *странными* мнѣніями, никѣмъ не раздѣляемыми, и мнѣ едва удалось настоять на своемъ, и то потому, что членамъ пришли на мысль совершенно побочныя соображенія. Такъ стояли дѣла въ петербургской литературѣ, да и теперь они стоятъ едва-ли многимъ лучше.

Достоевскіе были прямыми питомцами петербургской литературы; это всегда нужно помнить при оцѣнкѣ ихъ литературныхъ пріемовъ и сужденій. Михайло Михайловичъ былъ, разумѣется, болѣе подчиненъ и былъ холоденъ или даже предъубѣжденъ противъ славянофиловъ, что и отразилось въ его вопросѣ: „Какіе-же глубокіе мыслители Хомяковъ и Кирѣевскій?“, такъ задѣвшемъ за живое Ап. Григорьева. Въ своемъ первомъ письмѣ изъ Оренбурга, Григорьевъ выставляетъ этотъ вопросъ чуть не прямою причиною, почему онъ, послѣ своей четвертой статьи, задумалъ покинуть журналъ и уѣхать*). Ѳедоръ Михайловичъ, хотя и былъ тогда почти вовсе незнакомъ съ славянофилами, конечно не былъ расположенъ противорѣчить Григорьеву, и своимъ широкимъ умомъ чувствовалъ, на чьей сторонѣ правда. Какъ-бы то ни было, очевидно, направленіе „Времени“ чрезъ Ап. Григорьева примыкаетъ къ одной вѣткѣ Погодинскаго славянофильства; и Григорьеву-же принадлежитъ твердое признаніе за чистымъ славянофильствомъ великаго, существеннаго значенія въ нашей умственной жизни.

Но самая важная и плодотворная роль во всемъ этомъ дѣлѣ, конечно, принадлежитъ Ѳедору Михайловичу. Онъ сознательно и прямо пошелъ на встрѣчу сперва Ап. Григорьеву, а потомъ славянофиламъ. При быстротѣ и гибкости своего ума онъ легко понималъ эти мнѣнія въ самыхъ ихъ основаніяхъ; главное-же тутъ было то, что онъ уже самъ, по складу убѣжденій, воспитанныхъ въ немъ сближеніемъ съ народомъ и внутреннимъ поворотомъ мыслей, былъ безсознательнымъ славянофиломъ. Славянофильство вѣдь не есть надуманная и оторванная отъ жизни теорія: оно есть естественное явленіе, съ положительной стороны—какъ консерватизмъ, т. е. приверженность къ давнишнимъ началамъ русской жизни, съ отрицательной—какъ реакція, т. е. желаніе сбросить умственное и нравственное иго, налагаемое на насъ Западомъ. Такимъ образомъ произошло и то, что Ѳедоръ Михайловичъ создалъ себѣ цѣлый рядъ взглядовъ и симпатій совершенно славянофильскихъ и выступилъ съ ними въ литературу, сперва не замѣчая своего сродства съ давно существующею литературною партіею, но потомъ прямо и открыто примкнулъ къ ней.

*) См. „Эпоха“, 1864 г., Октябрь. *Воспоминанія объ Ап. Григорьевѣ.*

Такіе союзники, какъ извѣстно, въ каждомъ дѣлѣ считаются самыми дорогими; это не вышколенные послѣдователи, не ученики, рабски повторяющіе слова учителей, а люди самостоятельные, способные сами крѣпко стоять за идею и развивать ее дальше. Съ большою тонкостію Ѳедоръ Михайловичъ угадывалъ приложенія своихъ началъ и открывалъ ихъ различныя стороны; случалось, ему потомъ и указывали, что то или другое было уже сказано славянофилами, и тогда онъ откровенно признавался: „я этого не зналъ“.

Для полноты картины прибавлю нѣсколько словъ о себѣ самомъ. Въ журналистику я вступилъ, сколько помню, съ нѣкоторымъ равнодушіемъ и даже лѣнью, и потому не принималъ большаго участія въ вопросѣ о направленіи. Мысль о *новомъ направленіи*, однако же, сперва занимала меня, особенно вслѣдствіе вліянія Ап. Григорьева; но очень скоро, можетъ быть, по своему нерасположенію къ неопредѣленности, я порѣшилъ, что нужно прямо признавать себя славянофиломъ, когда признаешь существенныя начала этого ученія. Такимъ образомъ, нѣкоторое время я расходился съ направленіемъ „*Времени*“, причемъ не могу сказать, чтобы горячо проповѣдывалъ или отстаивалъ свое расхожденіе. И безъ того дѣло шло своимъ естественнымъ путемъ и пришло къ необходимому выводу.

Не то было съ сотрудниками, которые были помоложе. Они всего тѣснѣе группировались около Ап. Григорьева, привлекавшаго ихъ не только умомъ, но и дѣтскою простотою и добродушіемъ. Молодые люди долго носились съ мыслью о новомъ направленіи. Дѣло, конечно, состояло въ томъ, чтобы дать нѣкоторый бо́льшій просторъ славянофильскому взгляду, захватить въ него тѣ явленія, которыя онъ ревниво исключалъ, напр. текущую литературу, или разныя западныя вліянія. Тутъ происходили безконечные споры и дѣлались попытки ежедневно перестроивать или исправлять свое міросозерцаніе чуть не съ самыхъ основъ. Картина этого умственнаго броженія предстала мнѣ однажды съ такою ясностію, что я позволю себѣ разсказать этотъ случай. Одинъ изъ сотрудниковъ „Времени“ и „Эпохи“, Иванъ Григорьевичъ Долгомостьевъ, умный и благородный молодой человѣкъ, на моихъ глазахъ подвергся съумасшествію, за которымъ скоро послѣдовала смерть. Это было въ 1867 году, два или три года послѣ прекращенія „Эпохи“ и разсѣянія всего ея кружка. Я давно зналъ Ивана Григорьевича, зналъ всѣ его мысли и занятія; нѣкоторое время послѣ паденія „Эпохи“ мы жили вмѣстѣ съ нимъ. На этотъ разъ онъ жилъ отдѣльно, но въ началѣ декабря, при наступленіи жестокихъ морозовъ, онъ вдругъ является ко мнѣ и со слезами жалуется на

нестерпимыя козни и преслѣдованія, которымъ онъ будто бы подвергается въ своей меблированной комнатѣ. Чтобы успокоить его, я предложилъ ему остаться у меня, довольно ясно понявши его состояніе. Черезъ нѣсколько дней, когда я, около часу ночи, вернулся домой, онъ, противъ обыкновенія, еще не спалъ и сталъ изъ своей комнаты говорить мнѣ что-то, довольно странное, какъ и всѣ его рѣчи въ послѣднее время. Я настоятельно попросилъ его не разговаривать и спать, улегся самъ и заснулъ. Черезъ часъ или полтора меня разбудилъ какой-то говоръ. Въ темнотѣ слушаю и слышу, что мой гость лежа говоритъ самъ съ собою. Разговоръ, очевидно, начатъ былъ шепотомъ, но становился съ каждою минутою громче и громче; наконецъ, онъ сѣлъ на своей постели и все продолжалъ говорить. Я понялъ, что это полный бредъ съумасшествія. Чтò было дѣлать? Толкаться среди ночи къ доктору или въ больницу было бы для всѣхъ большимъ безпокойствомъ, и едва-ли бы я выгадалъ много времени. Я рѣшился ждать разсвѣта. И вотъ въ продолженіе пяти или шести часовъ, лежа въ темнотѣ, я слушалъ этотъ бредъ. Такъ какъ мнѣ извѣстны были всѣ мысли и всякій способъ выраженія моего пріятеля, то для меня съ удивительною ясностію открылась тайна съумасшествія, по крайней мѣрѣ этого съумасшествія. Это былъ хаосъ давно знакомыхъ мнѣ словъ и мыслей; какъ будто вся душа несчастнаго Ивана Григорьевича, всѣ его мысли и чувства были изорваны въ клочки, и эти клочки путались и перепутывались самымъ неожиданнымъ образомъ. Нѣчто подобное бываетъ съ нами, когда мы засыпаемъ и когда òбразы и слова, наполняющія нашъ умъ, приходятъ въ странныя, безсмысленныя сочетанія.

Но во всемъ этомъ бредѣ была, однакоже, руководящая мысль; больной уже не имѣлъ власти надъ своимъ воображеніемъ и своими понятіями, но въ немъ неизмѣнно дѣйствовало желаніе подгонять этотъ безпорядочный потокъ къ извѣстной цѣли. Эта цѣль, эта мысль была — новое направленіе *почвенниковъ*. Читатель едва-ли себѣ представитъ, съ какимъ ужасомъ и съ какою жалостію я слушалъ этотъ бредъ; въ этихъ исковерканныхъ и изорванныхъ въ клочки мысляхъ отражались споры и разсужденія, которыя нѣсколько лѣтъ, днемъ и ночью, занимали небольшой кружокъ людей. Для меня не могла быть тайною причина съумасшествія; причина заключалась въ тѣхъ невѣроятныхъ излишествахъ, которымъ предавался когда-то нашъ пріятель и которыя совершенно его истощили; но, когда этому организму пришлось погаснуть, послѣдняя его вспышка показала только, чтò всего больше его интересовало, чѣмъ питался его умъ. Повторяю, Иванъ Григорьевичъ былъ человѣкъ умный и благород-

ный, и въ его съумасшествіи это было для меня яснѣй, чѣмъ когда нибудь.

Итакъ, направленіе *почвенниковъ* имѣло своихъ исповѣдниковъ и, какъ я уже замѣтилъ, имѣло и нѣкоторыя основанія для своего особаго существованія. Оно было, во всякомъ случаѣ, русское, патріотическое направленіе, искавшее себѣ опредѣленія, и, какъ того требовала логика, наконецъ примкнувшее къ славянофильству. Но нѣкоторое время оно держалось особнякомъ, и на это была двоякая причина: во-первыхъ, желаніе самостоятельности, вѣра въ свои силы; во-вторыхъ, желаніе проводить свои мысли въ публику какъ можно успѣшнѣе, интересовать ее, избѣгать столкновеній съ ея предубѣжденіями. Братья Достоевскіе прилагали большія старанія къ тому, чтобы журналъ ихъ былъ занимателенъ и больше читался. Заботы о разнообразномъ составѣ книжекъ, о произведеніи впечатлѣнія, объ избѣганіи всего тяжелаго и сухаго, были существеннымъ дѣломъ. Этимъ объясняется появленіе въ журналѣ такихъ статей, какъ „Бѣгство Жана Казановы изъ венеціанскихъ Пломбъ“, „Процессъ Ласенера“ и т. п., а также стремленіе другихъ статей къ легкой и шутливой говорливости, бывшей тогда въ ходу во всей журнальной литературѣ. „Время“ не хотѣло никому уступить въ легкости чтенія и въ интересѣ, и хлопотало объ успѣхѣ, не только вообще признавая его обоюдно полезнымъ, и для себя и для публики, но и прямо для того, чтобы дать возможно большее распространеніе той идеѣ, съ которою оно выступило въ литературу. И вотъ почему прямая ссылка на славянофиловъ была бы неудобна, если бы даже журналъ былъ расположенъ ее сдѣлать. Вотъ гдѣ и настоящая причина небольшихъ разногласій, возникавшихъ у журнала съ Ап. Григорьевымъ. Статьи Григорьева усердно читались нами, сотрудниками „Времени“, вѣроятно читались и серьезными литераторами другихъ кружковъ; но для публики онѣ, очевидно, не годились, такъ какъ для своего пониманія требовали и умственнаго напряженія и знакомства съ литературными преданіями, не находящимися въ обиходѣ. Для журнала представляли нѣкоторое неудобство и его рѣзкія ссылки на славянофильство. Въ чемъ тутъ было дѣло, всего лучше объяснитъ слѣдующая статья самого Ѳедора Михайловича, помѣщенная вслѣдъ за моими „Воспоминаніями объ Аполлонѣ Григорьевѣ“. Статья эта и вообще такъ полна разныхъ автобіографическихъ подробностей, что здѣсь ей настоящее мѣсто.

(Эпоха 1864. Сентябрь).

Примѣчаніе.

„Никакъ не могу умолчать о томъ, что̀ въ первомъ письмѣ Григорь-„ева касается меня и покойнаго моего брата. Тутъ есть ошибки, и по нѣ-„которымъ изъ нихъ полную правду могу возстановить только я; я былъ „тутъ самъ дѣятелемъ, а по другимъ фактамъ личнымъ свидѣтелемъ.

1) Слова Григорьева: „Слѣдовало не загонять какъ почтовую ло-„шадь высокое дарованіе Ѳ. Достоевскаго, а холить, беречь его и удер-„живать отъ фельетонной дѣятельности, которая его окончательно по-„губитъ и литературно и физически“...—никоимъ образомъ не могутъ „быть обращены въ упрекъ моему брату, любившему меня, цѣнившему „меня, какъ литератора, слишкомъ высоко и пристрастно и гораздо бо-„лѣе меня радовавшемуся моимъ успѣхамъ, когда они мнѣ доставались. „Этотъ благороднѣйшій человѣкъ не могъ употреблять меня въ своемъ „журналѣ, какъ почтовую лошадь. Въ этомъ письмѣ Григорьева оче-„видно говорится о романѣ моемъ: „Униженные и Оскорбленные“, напе-„чатанномъ тогда во „Времени“. Если я написалъ фельетонный романъ *) „(въ чемъ сознаюсь совершенно), то виноватъ въ этомъ я и одинъ только „я. Такъ я писалъ и всю мою жизнь, такъ написалъ все, что̀ издано „мною, кромѣ повѣсти „Бѣдные люди“ и нѣкоторыхъ главъ изъ „Мерт-„ваго Дома“. Очень часто случалось въ моей литературной жизни, что „начало главы романа или повѣсти было уже въ типографіи и въ наборѣ, „а окончаніе сидѣло еще въ моей головѣ, но непремѣнно должно было „написаться къ завтрему. Привыкнувъ такъ работать, я поступилъ точно „также и съ „Униженными и Оскорбленными“, но никѣмъ на этотъ разъ „непринуждаемый, а по собственной волѣ моей. Начинавшемуся жур-„налу, успѣхъ котораго мнѣ былъ дороже всего, нуженъ былъ романъ, „и я предложилъ романъ въ четырехъ частяхъ. Я самъ увѣрилъ брата, „что весь планъ у меня давно сдѣланъ (чего не было), что писать мнѣ „будетъ легко, что первая часть уже написана и т. д. Здѣсь я дѣйство-„валъ не изъ-за денегъ. Совершенно сознаюсь, что въ моемъ романѣ вы-„ставлено много куколъ, а не людей, что въ немъ ходячія книжки **), „а не лица, принявшія художественную форму (на что̀ требовалось дѣй-„ствительно время и выноска идей въ умѣ и въ душѣ). Въ то время

*) Намекъ на выраженіе Григорьева. *Н. С.*
**) Тоже. *Н. С.*

„какъ я писалъ, я, разумѣется, въ жару работы этого не сознавалъ, а „только развѣ предчувствовалъ. Но вотъ что я зналъ навѣрно, начиная „тогда писать: 1) что хоть романъ и не удастся, но въ немъ будетъ „поэзія; 2) что будетъ два-три мѣста горячихъ и сильныхъ; 3) что два „наиболѣе серьезныхъ характера будутъ изображены совершенно вѣрно „и даже художественно. Этой увѣренности было съ меня довольно. Вы„шло произведеніе дикое, но въ немъ есть съ полсотни страницъ, кото„рыми я горжусь. Произведеніе это обратило впрочемъ на себя нѣкото„рое вниманіе публики. Конечно, я самъ виноватъ въ томъ, что всю жизнь „такъ работалъ, и соглашаюсь, что это очень не хорошо, но...

„Да проститъ мнѣ читатель эту рацею о себѣ и о „высокомъ даро„ваніи“ моемъ, хотя бы въ томъ уваженіи, что я первый разъ въ жизни „заговорилъ теперь самъ о своихъ сочиненіяхъ. Но, повторяю, въ фелье„тонствѣ моемъ я самъ былъ виноватъ и никогда, никогда благородный „и великодушный братъ мой не мучилъ меня работой. Добрый Аполлонъ „Александровичъ, съ которымъ я сошелся гораздо ближе впослѣдствіи, „всегда слѣдилъ за моей работой съ горячимъ участіемъ, и это объясняетъ „слова его. Онъ только не зналъ на этотъ разъ въ чемъ дѣло.

2) „Н. Н. Страховъ хоть и представляетъ далѣе въ статьѣ своей „комментарій на слова моего брата, приведенныя Аполлономъ Григорье„вымъ, о Кирѣевскомъ, Хомяковѣ и о. Θеодорѣ, но такъ какъ я самъ „былъ тутъ, при этомъ разговорѣ, то считаю, какъ личный свидѣтель, „не лишнимъ разъяснить эти слова въ ихъ настоящемъ смыслѣ.

„Аполлонъ Григорьевъ весьма часто упоминалъ во „Времени“ о Хо„мяковѣ и Кирѣевскомъ, и упоминалъ всегда такъ, какъ хотѣлъ, потому „что сама редакція „Времени“ вполнѣ ему сочувствовала. Но то было „худо, что часто онъ неумѣло упоминалъ объ этихъ лицахъ, потому что „говорилъ о нихъ голословно. Масса читателей тянула тогда совершенно „въ другую сторону; про Хомякова и Кирѣевскаго было извѣстно ей „только то, что они ретрограды, хотя впрочемъ эта масса ихъ никогда и „не читала. Слѣдовало знакомить съ ними читателей, но знакомство это „дѣлать осторожно, умѣючи, постепенно, болѣе проводить ихъ духъ и „идеи, чѣмъ губить ихъ на то время громкими и голословными похва„лами. Оттого-то какой нибудь тогдашній прогрессистъ, раскрывая книгу „и наталкиваясь прямо на слова: „великіе мыслители Хомяковъ, Кирѣев„скій, о. Θеодоръ“—съ презрѣніемъ закрывалъ журналъ не читая, а „Григорьева называлъ съумасшедшимъ и смѣялся надъ нимъ.

„Покойный братъ мой, излагая все это Григорьеву въ совершенно дру„жескомъ разговорѣ, при которомъ я тогда присутствовалъ и въ кото-

„ромъ я участвовалъ, заключилъ такими словами: „Помилуйте, да каж-„дый читатель послѣ этого совершенно въ правѣ васъ спросить: какіе „же глубокіе мыслители Кирѣевскій и Хомяковъ?“ (т. е. когда вы не „объяснили этого, а написали голословно).

„Но Григорьевъ никогда не понималъ такихъ требованій. Въ немъ „рѣшительно не было этого такта, этой гибкости, которыя требуются пу-„блицисту и всякому проводителю идей. Даже такъ случалось, что послѣ „подобныхъ объясненій ему иногда казалось, что отъ него требуютъ от-„ступничества отъ прежнихъ убѣжденій.

„3) Совершенная правда, что въ журналѣ, въ первые годы его су-„ществованія, были колебанія,—не въ направленіи, а въ способѣ дѣйствія. „Были тоже ошибки въ нѣкоторыхъ убѣжденіяхъ. Но направленіе могло „только формулироваться съ годами. Имѣть направленіе и умѣть его „ясно и всѣмъ понятно формулировать — дѣло розное. Послѣднее пріо-„брѣтается опытомъ, временемъ, жизнію и находится въ прямомъ отно-„шеніи къ развитію самого общества. Отвлеченная формула не всегда „годится. Кому есть что̀ сказать, тотъ знаетъ, какъ иногда трудно выска-„заться. Рутинныя формулы, взятыя на прокатъ, да еще заднимъ чис-„ломъ, т. е. когда уже всѣ о нихъ имѣютъ нѣкоторое понятіе, гораздо „болѣе удаются, болѣе нравятся обществу, чѣмъ незнакомыя ему убѣжде-„нія. Только обносившіяся идеи очень понятны *). Въ прежнихъ ошиб-„кахъ мы готовы сознаться искренно: но вѣдь мы не могли ихъ тогда „видѣть сами, именно потому, что и тогда дѣйствовали по твердому „убѣжденію.

„4) Что̀ же касается до того: пускать-ли того или другаго въ сотруд-„ники, или до требованія человѣка новаго и свѣжаго для политическаго „обозрѣнія и проч. и проч., то этими требованіями Аполлонъ Григорьевъ „только доказалъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о практиче-„ской сторонѣ изданія журнала. Если, положимъ, К. и М., съ образомъ „мыслей которыхъ журналъ вполнѣ несогласенъ, представятъ къ напеча-„танію въ редакцію журнала такія статьи, которыя на этотъ разъ не про-„тиворѣчатъ его главной идеѣ, его направленію, а между тѣмъ сами по „себѣ любопытны и даже талантливы, то эти статьи, разумѣется, можно „напечатать. Иначе ни одинъ журналъ не состоится. Также точно „нельзя не ошибиться, хоть разъ, въ напечатаніи какой нибудь неудач-„ной драмы или повѣсти. Ошибался и Аполлонъ Григорьевъ, и такое

*) Очень глубокія замѣчанія,—истины, которыхъ публика вовсе не подозрѣваетъ и которыхъ обыкновенно не считаютъ нужнымъ открывать ей журналисты. *Н. С.*

„требованіе съ его стороны было слишкомъ строго. Требованіе же „новаго „и свѣжаго человѣка“ для политическаго обозрѣнія—было еще строже. „Требовать вдругъ всего — было невозможно. Впослѣдствіи „Политиче-„ское обозрѣніе“ во „Времени“ составлялось весьма талантливо и замѣ-„чательнымъ сотрудникомъ; но и оно далеко не выражало направленія „журнала. Трудно сразу отыскать для каждаго отдѣла людей съ талан-„тами, равносильными таланту Островскаго, да еще начинающему жур-„налу. Уже довольно того, что журналъ ищетъ этихъ людей и сознаетъ „ихъ необходимость. Но всего досаднѣе въ подобныхъ случахъ то, что „такого сотрудника, въ данный моментъ, можетъ и совсѣмъ на свѣтѣ не „быть.

„Сдѣлаю еще одно послѣднее, общее замѣчаніе. Въ этихъ велико-„лѣпныхъ, историческихъ письмахъ *), въ которыхъ не звучитъ ни одной „фальшивой (неискренней) ноты и въ которыхъ такъ типично, хотя все „еще не вполнѣ, обрисовывается одинъ изъ русскихъ Гамлетовъ нашего „времени (настоящихъ Гамлетовъ),—въ этихъ великолѣпныхъ письмахъ, „говорю я, не все и теперь можетъ быть взято редакціею „Эпохи“ безъ „оговорокъ. Безъ сомнѣнія, каждый литературный критикъ долженъ быть „въ то же время и самъ поэтъ; это, кажется, одно изъ необходимѣйшихъ „условій настоящаго критика. Григорьевъ былъ безспорный и страстный „поэтъ, но онъ былъ и капризенъ и порывистъ какъ страстный поэтъ. „Я не о томъ собственно говорю, что онъ увлекался, — фраза, которую „некрологисты его (изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, рѣдкій и читалъ Гри-„горьева) обратили въ пошлое выраженіе. Григорьевъ былъ хоть и на-„стоящій Гамлетъ, но онъ, начиная съ Гамлета Шекспирова и кончая „нашими русскими, современными Гамлетами и гамлетиками, былъ одинъ „изъ тѣхъ Гамлетовъ, которые менѣе прочихъ раздваивались, менѣе „другихъ и рефлектировали. Человѣкъ онъ былъ непосредственно, и во „многомъ даже себѣ невѣдомо — почвенный, кряжевый. Можетъ быть, „изъ всѣхъ своихъ современниковъ онъ былъ наиболѣе русскій человѣкъ, „какъ натура (не говорю: какъ идеалъ; это разумѣется). Отъ этого и про-„исходило, что малѣйшій порывъ свой въ общемъ дѣлѣ онъ считалъ до „того кровнымъ и необходимымъ для всего дѣла, до того неразрывнымъ „съ дѣломъ, что малѣйшее неудовлетвореніе этому порыву казалось ему „иногда паденіемъ всего дѣла. И такъ какъ раздваивался жизненно онъ „менѣе другихъ, и, раздвоившись, не могъ такъ же удобно, какъ всякій „ге-

*) Дѣло идетъ объ 11-ти письмахъ Ап. Григорьева изъ Оренбурга ко мнѣ, письмахъ, составляющихъ главное содержаніе моихъ «*Воспоминаній*».

Н. С.

„рой нашего времени“, одной своей половиной тосковать и мучиться, а „другой своей половиной только наблюдать тоску своей первой половины, „сознавать и описывать эту тоску свою, иногда даже въ прекрасныхъ „стихахъ, съ самообожаніемъ и съ нѣкоторымъ гастрономическимъ на„слажденіемъ—то и заболѣвалъ тоской своей весь, цѣликомъ, всѣмъ че„ловѣкомъ, если позволятъ такъ выразиться. Въ этомъ настроеніи напи„саны и письма его.

„Я критикъ, а не публицистъ“, говорилъ онъ мнѣ самъ нѣсколько „разъ и даже не задолго до смерти своей, отвѣчая на нѣкоторыя мои „замѣчанія. Но всякій критикъ долженъ быть публицистомъ, въ томъ „смыслѣ, что обязанность всякаго критика — не только имѣть твердыя „убѣжденія, но умѣть и проводить свои убѣжденія. А эта-то умѣлость „проводить свои убѣжденія и есть главнѣйшая суть всякаго публициста. „Но Григорьевъ, судя о словѣ *публицистъ* съ предубѣжденіемъ, — по „нѣкоторымъ частнымъ примѣрамъ бывшихъ у насъ публицистовъ — не „хотѣлъ даже понимать, чего отъ него добивались, и, кто знаетъ, по „своей гамлетовской мнительности, можетъ быть, думалъ, что отъ него „добиваются отступничества.

„Я полагаю, что Григорьевъ не могъ бы ужиться вполнѣ спокойно „ни въ одной редакціи въ мірѣ. А еслибъ у него былъ свой журналъ, то „онъ бы утопилъ его самъ, мѣсяцевъ черезъ пять послѣ основанія *). Но „я радъ чрезвычайно, что публика и литераторы могутъ яснѣе узнать по „этимъ письмамъ Григорьева, какой это былъ правдивый, высоко-честный „писатель, не говоря уже о томъ, до какой глубины доходили его тре„бованія и какъ серьезно и строго смотрѣлъ онъ всю жизнь на свои соб„ственныя стремленія и убѣжденія“.

„*Ѳедоръ Достоевскій.*“

IV.

Болѣзнь. — Писательскій трудъ.

Эта статья возвращаетъ насъ опять къ самому началу журнала. Ѳедоръ Михайловичъ принялся работать съ удивительнымъ жаромъ. Онъ печаталъ съ первой книжки свой романъ „Униженные и Оскорбленные“ и велъ критическій отдѣлъ, который открылъ статьею: „Рядъ статей о

*) Эти разсужденія о томъ, какъ слѣдуетъ вести журнальное дѣло, очень характерны и для того времени, и для Ѳедора Михайловича, какъ журнальнаго дѣятеля. *Н. С.*

русской литературѣ. Введеніе". Но кромѣ того онъ принималъ участіе въ другихъ трудахъ по журналу, въ составленіи книжекъ, въ выборѣ и заказѣ статей, а въ первомъ номерѣ взялъ на себя и фельетонъ. Фельетонъ порученъ былъ собственно Д. Д. Минаеву; но, не знаю почему, содержаніе написаннаго имъ фельетона не удовлетворило Ѳеодора Михайловича; тогда онъ наскоро написалъ свою статью, подъ заглавіемъ „Сновидѣнія въ стихахъ и прозѣ" и вставилъ въ нее всѣ стихотворенія, которыми былъ пересыпанъ фельетонъ Д. Д. Минаева, по тогдашней модѣ, введенной, кажется, Добролюбовымъ, именно его знаменитымъ „Свисткомъ" въ „Современникѣ". Такого труда, наконецъ, не выдержалъ Ѳедоръ Михайловичъ и на третій мѣсяцъ заболѣлъ. Въ апрѣльской книжкѣ „Времени" вмѣсто пяти или даже шести печатныхъ листовъ, явилось только 18 страницъ его романа, съ примѣчаніемъ отъ редакціи о болѣзни автора. Болѣзнь эта была страшный припадокъ падучей, отъ котораго онъ дня три пролежалъ почти безъ памяти.

Помню нашу общую тревогу,—не смотря на то, что вообще его припадки были дѣломъ привычнымъ для его близкихъ.

Дорого обходился ему литературный трудъ. Впослѣдствіи мнѣ случалось слышать отъ него, что для излѣченія отъ падучей доктора однимъ изъ главныхъ условій ставили—прекратить вовсе писаніе. Сдѣлать этого, разумѣется, не было возможности, даже если-бы онъ самъ могъ рѣшиться на такую жизнь, на жизнь безъ исполненія того, что̀ онъ считалъ своимъ призваніемъ. Мало того—не было возможности даже и отдохнуть хорошенько, годъ или два. Только передъ самой смертью дѣла̀ его, благодаря больше всего заботливости Анны Григорьевны, устроились такъ, что отдыхъ былъ возможенъ; но передъ самой-же смертью онъ меньше, чѣмъ когда нибудь, былъ расположенъ остановиться на своемъ пути.

Припадки болѣзни случались съ нимъ приблизительно разъ въ мѣсяцъ,—таковъ былъ обыкновенный ходъ. Но иногда, хотя очень рѣдко, были чаще; бывало даже и по два припадка въ недѣлю. За границею, то есть при бо̀льшемъ спокойствіи, а также вслѣдствіе лучшаго климата, случалось, что мѣсяца четыре проходило безъ припадка. Предчувствіе припадка всегда было, но могло и обмануть. Въ романѣ *Идіотъ* есть подробное описаніе ощущеній, которыя испытываетъ въ этомъ случаѣ больной. Самому мнѣ довелось разъ быть свидѣтелемъ, какъ случился съ Ѳедоромъ Михайловичемъ припадокъ обыкновенной силы. Это было вѣроятно въ 1863 году, какъ разъ наканунѣ Свѣтлаго Воскресенья. Поздно, часу въ 11-мъ, онъ зашелъ ко мнѣ и мы очень оживленно разговорились. Не могу вспомнить предмета, но знаю, что это былъ очень важный и

отвлеченный предметъ. Ѳедоръ Михайловичъ очень одушевился и зашагалъ по комнатѣ, а я сидѣлъ за столомъ. Онъ говорилъ что-то высокое и радостное; когда я поддержалъ его мысль какимъ-то замѣчаніемъ, онъ обратился ко мнѣ съ вдохновеннымъ лицомъ, показывавшимъ, что одушевленіе его достигло высшей степени. Онъ остановился на минуту, какъ-бы ища словъ для своей мысли, и уже открылъ ротъ. Я смотрѣлъ на него съ напряженнымъ вниманіемъ, чувствуя, что онъ скажетъ что-нибудь необыкновенное, что услышу какое-то откровеніе. Вдругъ изъ его открытаго рта вышелъ странный, протяжный и безсмысленный звукъ, и онъ безъ чувствъ опустился на полъ среди комнаты.

Припадокъ на этотъ разъ не былъ сильный. Вслѣдствіе судорогъ все тѣло только вытягивалось, да на углахъ губъ показалась пѣна. Черезъ полчаса онъ пришелъ въ себя, и я проводилъ его пѣшкомъ домой, что̀ было недалеко.

Много разъ мнѣ разсказывалъ Ѳедоръ Михайловичъ, что передъ припадкомъ у него бываютъ минуты восторженнаго состоянія. „На нѣсколько мгновеній“, говорилъ онъ, „я испытываю такое счастіе, которое невозможно въ обыкновенномъ состояніи и о которомъ не имѣютъ понятія другіе люди. Я чувствую полную гармонію въ себѣ и во всемъ мірѣ, и это чувство такъ сильно и сладко, что за нѣсколько секундъ такого блаженства можно отдать десять лѣтъ жизни, пожалуй всю жизнь“.

Слѣдствіемъ припадковъ были иногда случайные ушибы при паденіи, а также боль въ мускулахъ отъ перенесенныхъ ими судорогъ. Изрѣдка появлялась краснота лица, иногда пятна. Но главное было то, что больной терялъ память и дня два или три чувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Душевное состояніе его было очень тяжело; онъ едва справлялся со своей тоскою и впечатлительностію. Характеръ этой тоски, по его словамъ, состоялъ въ томъ, что онъ чувствовалъ себя какимъ-то преступникомъ, ему казалось, что надъ нимъ тяготѣетъ невѣдомая вина, великое злодѣйство.

Понятно, какъ вредно было для Ѳедора Михайловича все то, что̀ производитъ приливы крови къ головѣ, слѣдовательно по преимуществу писаніе. Это одинъ изъ множества примѣровъ тѣхъ страданій, которыя вообще приходится выносить писателямъ. Кажется, можно считать исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ ихъ трудъ не связанъ съ нарушеніемъ равновѣсія въ организмѣ, не сопровождается впечатлительностію и напряженіемъ, граничащими съ болѣзнью, и потому неизбѣжно ведущими къ страданію. Радости творчества и умственнаго наслажденія имѣютъ свою оборотную сторону, и рѣдко кому удается избѣжать ея.

Чѣмъ выше полетъ, тѣмъ больнѣе паденіе; тонкая чувствительность часто бываетъ выработана мучительными обстоятельствами, но во всякомъ случаѣ дѣлаетъ мучительными даже обыкновенныя обстоятельства.

Скажу здѣсь и о манерѣ писанія, о которой, съ невольной жалобой, упоминаетъ Ѳедоръ Михайловичъ въ началѣ *Примѣчанія.* Обыкновенно ему приходилось торопиться, писать къ сроку, гнать работу и нерѣдко опаздывать съ работою. Причина состояла въ томъ, что онъ жилъ одною литературою и, до послѣдняго времени, до послѣднихъ трехъ или четырехъ лѣтъ, нуждался, поэтому забиралъ деньги впередъ, давалъ обѣщанія и дѣлалъ условія, которыя потомъ и приходилось выполнять. Распорядительности и сдержанности въ расходахъ у него не было въ той высокой степени, какая требуется при житьѣ литературнымъ трудомъ, неимѣющимъ ничего опредѣленнаго, никакихъ прочныхъ мѣрокъ. И вотъ онъ всю жизнь ходилъ, какъ въ тенётахъ, въ своихъ долгахъ и обязательствахъ и всю жизнь писалъ торопясь и усиливаясь. Но была еще причина, постоянно увеличивавшая его затрудненія и гораздо болѣе важная. Ѳедоръ Михайловичъ всегда откладывалъ свой трудъ до крайняго срока, до послѣдней возможности; онъ принимался за работу только тогда, когда оставалось уже въ обрѣзъ столько времени, сколько нужно, чтобы ее сдѣлать, дѣлая усердно. Это была лѣность, доходившая иногда до крайней степени, но не простая, а особенная, *писательская лѣность,* которую съ большою отчетливостію пришлось мнѣ наблюдать на Ѳедорѣ Михайловичѣ. Дѣло въ томъ, что въ немъ постоянно совершался внутренній трудъ, происходило наростаніе и движеніе мыслей, и ему всегда трудно было оторваться отъ этого труда для писанія. Оставаясь, повидимому, празднымъ, онъ, въ сущности, работалъ неутомимо. Люди, у которыхъ эта внутренняя работа не происходитъ, или очень слаба, обыкновенно скучаютъ безъ внѣшней работы и со сластью въ нее втягиваются. Ѳедоръ Михайловичъ съ тѣмъ обиліемъ мыслей и чувствъ, которое онъ носилъ въ головѣ, никогда не скучалъ праздностію и дорожилъ ею чрезвычайно. Мысли его кипѣли; безпрестанно создавались новые образы, планы новыхъ произведеній, а старые планы росли и развивались. „Кстати", говоритъ онъ самъ на первой страницѣ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ", гдѣ вывелъ на сцену самого себя, „мнѣ всегда пріятнѣе было обдумывать мои сочиненія и мечтать, какъ они у меня напишутся, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ писать ихъ, и, право, это было не отъ лѣности. Отчего-же?"

Попробуемъ отвѣчать за него. Писаніе было у него почти всегда перерывомъ внутренней работы, изложеніемъ того, что могло-бы еще долго развиваться до полной законченности образовъ. Есть писатели, у которыхъ

разстояніе между замысломъ и выполненіемъ чрезвычайно мало; мысль у нихъ является почти одновременно съ образомъ и словомъ; они могутъ дать выраженіе только вполнѣ сложившимся мыслямъ, и разъ сказавши что нибудь, они сказать лучше не могутъ. Но большинство писателей, особенно при произведеніяхъ крупнаго объема, совершаютъ долгую и трудную работу; нѣтъ конца поправкамъ и передѣлкамъ, которыя все яснѣе и чище открываютъ возникшій въ туманѣ образъ. Ѳедоръ Михайловичъ часто мечталъ о томъ, какія-бы прекрасныя вещи онъ могъ выработать, если-бы имѣлъ досугъ; впрочемъ, какъ онъ самъ разсказывалъ, лучшія страницы его сочиненій создались сразу, безъ передѣлокъ—разумѣется, вслѣдствіе уже *выношенной* мысли.

Писалъ онъ почти безъ исключенія ночью. Часу въ двѣнадцатомъ, когда весь домъ укладывался спать, онъ оставался одинъ съ самоваромъ и, попивая не очень крѣпкій и почти холодный чай, писалъ до пяти и шести часовъ утра. Вставать приходилось въ два, даже въ три часа пополудни, и день проходилъ въ пріемѣ гостей, въ прогулкѣ и посѣщеніяхъ знакомыхъ.

На Ѳедорѣ Михайловичѣ можно было ясно наблюдать, какой великій трудъ составляетъ писаніе для такихъ содержательныхъ писателей, какъ онъ. Въ свои произведенія онъ вкладывалъ только часть той непрерывной работы, которая совершалась въ его головѣ. Читатели, какъ извѣстно, иногда питаютъ легкомысленное мнѣніе, что писаніе ничего не стоитъ даровитымъ людямъ, и обманываются въ этомъ случаѣ тою легкостію, съ которою течетъ стихъ или проза готоваго произведенія. Но въ сущности читатели рѣдко ошибаются въ оцѣнкѣ авторскаго труда, потому что обыкновенно ихъ занимаетъ или трогаетъ только то, что̀ занимало или трогало самого автора, и на сколько души и труда онъ вложилъ въ свое произведеніе, на столько оно и дѣйствуетъ на читателей.

Что̀ касается до поспѣшности и недодѣланности своихъ произведеній, то Ѳедоръ Михайловичъ, какъ видно изъ *Примѣчанія*, очень ясно видѣлъ эти недостатки и безъ всякихъ околичностей сознавался въ нихъ. Мало того; хоть ему и жаль было этихъ „недовершенныхъ созданій", но онъ не только не каялся въ своей поспѣшности, а считалъ ее дѣломъ необходимымъ и полезнымъ. Для него главное было подѣйствовать на читателей, заявить свою мысль, произвести впечатлѣніе въ извѣстную сторону. Важно было не самое произведеніе, а минута и впечатлѣніе, хотя-бы и не полное. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ вполнѣ журналистъ, и отступникъ теоріи чистаго искусства. Такъ какъ планамъ и замысламъ у него не было конца, то онъ всегда носился съ нѣсколькими темами, ко-

торыя мечталъ обработать до полной отдѣлки, но когда нибудь послѣ, когда будетъ имѣть больше досуга, когда времена будутъ спокойнѣе. А пока, онъ писалъ и писалъ полуобработанныя вещи,—съ одной стороны, чтобы добывать средства для жизни, съ другой стороны, чтобы постоянно подавать голосъ и не давать публикѣ покоя своими мыслями. Объ этой журнальной манерѣ писанія есть одно мѣсто у Добролюбова, которое кстати здѣсь привести. Разбирая „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“, Добролюбовъ говоритъ:

„Г. Достоевскій, вѣроятно, не будетъ на меня сѣтовать, что я объявляю его романъ, такъ сказать, *ниже эстетической критики*. Я вѣдь „имѣлъ въ виду вообще современную нашу литературу, и если провѣрилъ „свою мысль нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями о его романѣ, такъ это „потому, что онъ мнѣ попался подъ руку. А если бы взять другія изъ „твореній, имѣвшихъ у насъ успѣхъ въ послѣдніе годы, такъ многія изъ „нихъ оказались бы, можетъ быть, еще болѣе несостоятельными. Г. Достоевскій по крайней мѣрѣ, — какъ намъ кажется, судя по нѣкоторымъ „мѣстамъ его сочиненій,—не имѣетъ такихъ претензій, не придаетъ себѣ „такой важности, какъ другіе. Онъ изобразилъ нѣкоторыя свои литературныя отношенія въ запискахъ Ивана Петровича: я не считаю нескромнымъ сказать это, потому что самъ авторъ явно не хотѣлъ скрываться. „Онъ съ такими подробностями разсказываетъ тамъ содержаніе „Бѣдныхъ „Людей“, какъ первой повѣсти Ивана Петровича,—что нѣтъ возможности ошибиться. Такъ тутъ-то онъ, между прочимъ, сознается, что писалъ многое вслѣдствіе необходимости, писалъ къ сроку, написывалъ по „три съ половиною печатныхъ листа въ два дня и двѣ ночи; называетъ „себя почтовою клячей въ литературѣ; смѣется надъ критикомъ, увѣрявшимъ, что отъ его сочиненій пахнетъ пòтомъ и что онъ ихъ слишкомъ „обдѣлываетъ *). Словомъ г. Достоевскій смотритъ, повидимому, на свои „произведенія, *какъ мы всѣ, обыкновенные люди,—не какъ на несокрушимый памятникъ для потомства, а просто какъ на журнальную „работу. А ужь извѣстно, что такое журнальная работа:* тутъ не „до обработки, не до подробностей, не до строгости къ себѣ въ развитіи „мысли... Довольно того, что хоть *кое-какъ успѣешь бросить эту мысль „на бумагу*. Можно это сравнить вотъ съ чѣмъ: вы поэтъ, въ васъ сейчасъ родилось чувство, васъ поразило впечатлѣніе, которое вы можете „изобразить великолѣпными стихами. У васъ мелькаютъ въ головѣ об-

*) „Такой именно отзывъ былъ когда-то о г. Достоевскомъ, и даже, если не „ошибаюсь, въ „Современникѣ“.

Примѣч. Добролюбова.

„разы, готово нѣсколько стиховъ, нѣсколько мѣткихъ выраженій. Но вамъ „мѣшаютъ, отъ васъ требуютъ немедленнаго отчета въ вашемъ впечатлѣ„ніи, у васъ, наконецъ, вовсе отнимаютъ возможность предаться влеченію „вашего чувства и пріискать для него живые звуки. Дѣлать нечего, вы „берете карандашъ и записную книжку и набрасываете шероховатой про„зой остовъ того прекраснаго стихотворенія, которое уже слагалось у васъ „въ головѣ. *Такъ поступаетъ постоянно, въ теченіе всей своей карье„ры, журнальный работникъ*". („Современникъ" 1861 г. № 9. Сочи„ненія Добролюбова, т. III, стр. 604).

Въ этихъ признаніяхъ слышится, кажется, и нѣкоторая жалоба Добролюбова на то, что ему пришлось растратить свои силы въ такой работѣ. Это была его послѣдняя статья. Но какъ бы то ни было, здѣсь указывается на очень обширный и важный фактъ нашей литературы. Она давно и до сихъ поръ отличается преобладаніемъ журналовъ, а журналы отличаются спѣшностію работы; они и сами привыкли и читателей пріучили къ тѣмъ жидкимъ и безформеннымъ разглагольствіямъ, къ тѣмъ разсужденіямъ, имѣющимъ только начала, но неимѣющимъ ни конца, ни середины, которыя почти безъ исключенія наполняютъ журнальныя книжки. Такого рода складъ литературы зависитъ, конечно, отъ того, что публика читаетъ только новое, свѣжее; а въ новомъ она ищетъ не удовлетворенія своей любознательности или своихъ эстетическихъ вкусовъ, а только указаній и намековъ на то, въ чемъ состоятъ въ каждую минуту самыя современныя и самыя передовыя мнѣнія на западѣ, или пожалуй, въ нашихъ передовыхъ кружкахъ. Публика наша состоитъ не изъ судей, а изъ учениковъ, не изъ людей, имѣющихъ свое мнѣніе, а изъ людей, боящихся какъ бы не отстать отъ чужихъ мнѣній. Ей нуженъ авторитетъ, нужно чтеніе легкое и въ то же время поддерживающее ее въ увѣренности, что она знаетъ духъ и направленіе самаго новаго, самаго послѣдняго просвѣщенія. Такимъ образомъ развилась и развивается до сихъ поръ эта огромная журнальная литература, въ которой пріемы писанія могутъ падать до величайшей небрежности, до самой низшей степени, какая только возможна. Не имѣя самостоятельности, исполняя служебную роль, литература, естественно должна была испортиться, потерять строгость формы и мысли.

Тѣмъ не менѣе эта литература не была ни безполезною, ни неблагородною. Она воспитывала публику, и въ большинствѣ случаевъ была одушевлена искреннимъ усердіемъ къ своимъ цѣлямъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Ѳедоръ Михайловичъ любилъ журналистику и охотно служилъ ей, разумѣется ясно сознавая, что̀ онъ дѣлаетъ и въ чемъ от-

ступаетъ отъ строгой формы мысли и искусства. Онъ съ молодости былъ воспитанъ на журналистикѣ и остался ей вѣренъ до конца. Онъ вполнѣ и безъ раздѣленія примыкалъ къ той литературѣ, которая кипѣла вокругъ него, не становился никогда въ сторонѣ отъ нея. Обыкновенное его чтеніе были русскіе журналы и газеты. Его вниманіе было постоянно устремлено на его собратій по части изящной словесности, на всякіе критическіе отзывы и объ немъ самомъ и объ другихъ. Онъ очень дорожилъ всякимъ успѣхомъ, всякою похвалою, и очень огорчался нападками и бранью. Тутъ были его главные умственные интересы, да тутъ же были и его вещественные интересы. Онъ жилъ исключительно литературнымъ трудомъ, никогда и не предполагая для себя какого нибудь другаго занятія, не задаваясь и мыслью о какомъ нибудь мѣстѣ, казенномъ или частномъ. Въ случаяхъ нужды онъ безъ всякой щепетильности обращался съ просьбами къ различнымъ редакціямъ. Не разъ, когда его не было въ Петербургѣ, мнѣ случалось, по его просьбѣ, вести съ разными редакціями переговоры о деньгахъ, которыя онъ хотѣлъ получить за *будущую* повѣсть. Большею частію переговоры оканчивались отказомъ, и мнѣ иногда было очень больно отъ мысли, кому онъ дѣлаетъ предложенія, и притомъ напрасныя предложенія. Но онъ смотрѣлъ на эти случаи, какъ на неизбѣжные неудобства своей профессіи, и хорошо понималъ, что они никакъ не могутъ быть поставлены ему въ упрекъ. Зависимость отъ редакцій и книгопродавцевъ, всякіе торги и переговоры составляютъ всегда дѣло полюбовное, сдѣлку равныхъ между собою людей, и потому никогда не могутъ быть такъ тяжелы, какъ другія людскія отношенія.

Такимъ образомъ литература была вполнѣ родною сферою Ѳедора Михайловича; онъ избралъ ее своею профессіею и иногда даже высказывалъ гордость этимъ своимъ положеніемъ. Онъ усердно трудился и работалъ, и достигъ своего: онъ сдѣлалъ одну изъ блистательныхъ литературныхъ карьеръ, достигъ громкой извѣстности, распространенія своихъ идей, а подъ конецъ жизни и матеріальнаго достатка.

Понятно поэтому, какъ онъ любилъ литературу, особенно въ началѣ, когда еще не выразилось рѣзко то различіе, которое поставило его въ оппозицію къ общему настроенію петербургской журналистики. Вотъ причина, почему онъ не могъ сразу сойтись съ славянофилами. Онъ живо почувствовалъ ту враждебность, которую они искони, въ силу своихъ принциповъ, питали къ ходячей литературѣ. Въ 1861 году И. С. Аксаковъ началъ издавать „День“ и въ первыхъ же статьяхъ краснорѣчиво выразилъ осужденіе господствовавшихъ въ журналахъ направленій. Ѳе-

доръ Михайловичъ по этому случаю горячо вступился за литературу. (См. „Сочин.“ т. X, стр. 131 и сл.). Въ этой статьѣ очень характерна слѣдующая выходка, обращенная къ славянофиламъ:

„Читаешь иныя ваши мнѣнія и, наконецъ, по неволѣ придешь къ за„ключенію, что вы рѣшительно въ сторонѣ себя поставили, смотрите на „насъ *) какъ на чужое племя, точно съ луны къ намъ пріѣхали, точно „не въ нашемъ царствѣ живете, не въ наши годы, не ту же жизнь пере„живаете! Точно опыты надъ кѣмъ-то дѣлаете, въ микроскопъ кого-то „разсматриваете. *Да вѣдь это ваша же литература, ваша, русская? „Что же вы свысока-то на нее смотрите, какъ козявку ее раз„бираете? Да вѣдь вы сами литераторы, г-да славянофилы!*“ (стр. 137, 138).

Здѣсь очень вѣрно сказалось различіе одного и другаго отношенія, и очень живо выражается собственное чувство Ѳедора Михайловича, чувство полной принадлежности къ текущей литературѣ. Славянофилы, дѣйствительно, не вполнѣ принадлежали къ завзятымъ литераторамъ и смотрѣли на дѣло со стороны.

Приведу, наконецъ, для бо̀льшаго поясненія, и себя. Мнѣ пришлось поздно вступить въ литературу и сперва я готовился къ ученому поприщу. Поэтому и я смотрѣлъ на журналистику со стороны и принесъ въ нее нѣкоторое высокомѣріе. Всячески старался я избѣжать многописанія, и заботился о полной отдѣлкѣ своихъ статей. Эти заботы обыкновенно возбуждали насмѣшки Ѳедора Михайловича. „Вы все стараетесь для „Полнаго собранія“ своихъ сочиненій!“—говорилъ онъ. „Да никогда не будетъ этого собранія!“ отвѣчалъ я. Но скоро я втянулся въ литературу и сталъ гораздо живѣе принимать къ сердцу ея интересы. Пренебреженіе къ журналистикѣ уступило мѣсто болѣе серьезному отношенію, когда оказалось, что на подкладкѣ этихъ разглагольствій выростаютъ такія явленія, какъ нигилизмъ; вражду, которую я чувствовалъ, я старался передать и Ѳедору Михайловичу.

Какъ бы то ни было, результатъ, къ которому пришли его литературныя отношенія, извѣстенъ; въ концѣ своего поприща, когда онъ призналъ себя вполнѣ славянофиломъ, онъ готовъ былъ отзываться о нашей интеллигенціи и ея стремленіяхъ почти съ такою же горечью, какая нѣкогда такъ обидѣла его на страницахъ „Дня“. Что̀ касается до пристрастія къ фельетонной манерѣ журналовъ, то оно никогда вполнѣ у него не исчезало. Самъ онъ иногда даже насиловалъ себя, стараясь быть

*) Т. е. на дѣятелей литературы. *Н. С.*

борзописцемъ и фельетонистомъ ради принесенія общей пользы. Съ годами писаніе его становилось, однако, все строже и строже, да и прежде въ его фельетонныхъ писаніяхъ встрѣчалось не мало страницъ, явно показывавшихъ художественную силу и строгіе пріемы, далеко превышающіе задачи фельетона.

V.

Успѣхъ „Времени“.—Сотрудники.

Журналъ „Время“ имѣлъ рѣшительный и быстрый успѣхъ. Цифры подписчиковъ, которыя такъ важны были для всѣхъ насъ, мнѣ твердо памятны. Въ первомъ, 1861 году, было 2,300 подписчиковъ, и Михайло Михайловичъ говорилъ, что онъ въ денежныхъ счетахъ успѣлъ свести концы съ концами. На второй годъ было 4,302 подписчика; списокъ ихъ по губерніямъ былъ напечатанъ во „Времени“ 1863 г. Январь, стр. 189—210. На третій годъ изданія, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ было уже до четырехъ тысячъ, и Михайло Михайловичъ говорилъ, что остальные триста должны непремѣнно набраться къ концу года. Такимъ образомъ дѣло сразу стало прочно, стало со второго же года давать большой доходъ, такъ какъ 2,500 подписчиковъ вполнѣ покрывали издержки изданія; авторскій гонораръ былъ тогда менѣе нынѣшняго, онъ рѣдко падалъ ниже 50 руб. за печатный листъ, но рѣдко и подымался выше, и почти никогда не переходилъ 100 рублей.

Причинами такого быстраго и огромнаго успѣха „Времени“ нужно считать прежде всего имя Ѳ. М. Достоевскаго, которое было очень громко; исторія его ссылки въ каторгу была всѣмъ извѣстна; она поддерживала и увеличивала его литературную извѣстность и наоборотъ. „Мое имя стоитъ милліона!“ сказалъ онъ мнѣ какъ-то въ Швейцаріи съ нѣкоторою гордостію.

Другая причина была—прекрасный (при всѣхъ своихъ недостаткахъ) романъ „Униженные и Оскорбленные“, достойно награждавшій читателей, привлеченныхъ именемъ Ѳедора Михайловича. По свидѣтельству Добролюбова, въ 1861 г. этотъ романъ былъ самымъ крупнымъ явленіемъ въ литературѣ. „Романъ г. Достоевскаго“, писалъ критикъ, „очень недуренъ, до того недуренъ, что едва-ли не его только и читали съ удовольствіемъ, чуть-ли не о немъ только и говорили съ полною похвалою“... И дальше: „Словомъ сказать, романъ г. Достоевскаго до сихъ поръ *(это значитъ*

до сентября 1861 г.) представляетъ лучшее литературное явленіе нынѣшняго года". (Соч. Добролюб. Т. 3 стр. 590—591).

Третьей причиною нужно считать общее настроеніе публики, никогда такъ жадно не бросавшейся на литературныя новинки, какъ въ то время. За первымъ увлеченіемъ иногда слѣдовало быстрое разочарованіе; но на этотъ разъ дѣло пошло прекрасно. Журналъ оказался очень интереснымъ; въ немъ слышалось воодушевленіе, и кромѣ того заявилось направленіе вполнѣ либеральное, но своеобразное, не похожее на направленіе „Современника", многимъ уже начинавшее набивать оскомину. Но вмѣстѣ съ тѣмъ „Время", повидимому, въ существенныхъ пунктахъ не расходилось съ „Современникомъ". Не только въ 9-й книжкѣ „Современника" романъ Ѳедора Михайловича разбирался съ большими похвалами, изъ которыхъ мы привели нѣсколько строкъ, но при самомъ началѣ „Времени" „Современникъ" дружелюбно его привѣтствовалъ. Первая книжка „Современника" вышла въ концѣ января, недѣли черезъ три послѣ перваго нумера „Времени", и въ этой книжкѣ былъ помѣщенъ „Гимнъ Времени" (вѣроятно Добролюбова или Курочкина), въ которомъ новый журналъ предостерегался отъ враговъ и опасностей. Въ то время слово „Современника" много значило; онъ достигъ въ это время самой вершины своего процвѣтанія и рѣшительно господствовалъ надъ петербургскою публикою; его привѣтъ былъ дѣйствительнѣе всякихъ объявленій. Въ октябрской книжкѣ „Времени" 1861 г. явилось даже стихотвореніе *Некрасова* „Крестьянскія дѣти" вмѣстѣ съ комедіею *Островскаго* „Женитьба Бальзаминова"; въ апрѣльской книжкѣ „Времени" 1862 г. явились сцены *Щедрина*. Такимъ образомъ самые крупные сотрудники „Современника" по части изящной литературы, и даже Некрасовъ и Щедринъ, отдававшіе всѣ свои силы этому журналу, ясно выказали свое особенное расположеніе ко „Времени". Тутъ можно видѣть, конечно, и отраженіе успѣха „Времени", и даже нѣкоторое уваженіе къ его направленію, уваженіе, которое, какъ мнѣ думается, Некрасовъ сохранялъ до конца.

Такъ или иначе, но только „Время" быстро поднялось въ глазахъ читателей, и въ то время, какъ старые журналы, „Отечественныя Записки", „Библіотека для чтенія" и т. п., падали, „Время" процвѣтало и стало почти соперничать съ „Современникомъ", по крайней мѣрѣ имѣло право, по своему успѣху, мечтать о такомъ соперничествѣ. Этотъ успѣхъ ни въ какомъ случаѣ не былъ обманчивымъ явленіемъ, то есть не былъ однимъ минутнымъ увлеченіемъ, столь обыкновеннымъ въ нашей публикѣ. Далѣе я разскажу, какъ наступилъ послѣ него упадокъ, а теперь только замѣчу, что быстрый успѣхъ породилъ въ насъ большую самоувѣренность, кото-

рая при счастливыхъ обстоятельствахъ очень способствовала дѣлу, но зато при несчастныхъ очень ему повредила.

Тогда, въ 1861 году, всѣ мы очень радовались и собирались усердно работать. Я подалъ въ отставку изъ гимназіи и Михайло Михайловичъ собирался закрыть свою табачную фабрику. Эта фабрика заведена была имъ послѣ 1849 года, когда литература была въ очень стѣсненномъ положеніи. Фабрика имѣла сперва порядочный успѣхъ; отставной литераторъ придумалъ уловку, давшую вдругъ большой ходъ его папиросамъ; онъ сталъ изготовлять *папиросы съ сюрпризами,* т. е. въ ящикъ папиросъ вкладывать какую нибудь недорогую вещицу, которая неожиданно въ видѣ прибавки доставалась покупателю. Но понемногу фабрика падала и Михайло Михайловичъ рѣшился вполнѣ посвятить себя одному журналу. Одинъ Ап. Григорьевъ огорчилъ насъ среди лѣта своимъ непонятнымъ отъѣздомъ въ Оренбургъ. Причиною были, впрочемъ, очевидно, его домашнія обстоятельства, а не невѣріе въ журналъ, который всегда очень дорожилъ имъ и въ которомъ, спустя годъ, онъ сталъ по прежнему ревностно участвовать.

Во все существованіе „Времени“ сотрудники его составляли двѣ группы. Одна держалась вокругъ Ап. Григорьева, умѣвшаго удерживать около собя молодыхъ людей привлекательными чертами своего ума и сердца, особенно-же искреннимъ участіемъ къ ихъ литературнымъ занятіямъ; онъ умѣлъ будить ихъ способности и приводить ихъ въ величайшее напряженіе. Другую группу составляли Ѳедоръ Михайловичъ и я; мы особенно подружились и видѣлись каждый день и даже не разъ въ день. Лѣтомъ 1861 г. я переѣхалъ съ Васильевскаго Острова на Большую Мѣщанскую (нынѣ Казанскую) въ домъ противъ Столярнаго переулка. Редакція была у Михайла Михайловича, жившаго въ Малой Мѣщанской, въ угольномъ домѣ, выходившемъ на Екатерининскій каналъ; а Ѳедоръ Михайловичъ поселился въ Средней Мѣщанской. Ап. Григорьевъ съ своею молодою компаніею ютился въ меблированныхъ комнатахъ на Вознесенскомъ проспектѣ, очень долго въ домѣ Соболевскаго. Я написалъ это, чтобы сказать, что намъ было близко другъ къ другу; но мнѣ живо вспомнился тогдашній низменный характеръ этихъ улицъ, грязноватыхъ и густо населенныхъ петербургскимъ людомъ третьей руки. Во многихъ романахъ, особенно въ „Преступленіи и Наказаніи“, Ѳедоръ Михайловичъ удивительно схватилъ физіономію этихъ улицъ и ихъ жителей.

Среди этихъ мѣстъ, наводящихъ тоску и отвращеніе, всѣ мы прожили очень счастливые годы. Когда дѣло идетъ хорошо, ничего не можетъ быть занимательнѣе и возбудительнѣе журнальной работы. Въ ней

соединяется вся привлекательность общественной публичной жизни со всею прелестію уединенныхъ размышленій и усилій. Страницы, старательно обдуманныя и изготовленныя въ тишинѣ, вдругъ выступаютъ на свѣтъ на глаза множества читателей и дѣлаются предметомъ сужденій, изъ которыхъ многія тотчасъ-же до васъ доходятъ. Особенно тогда было въ привычкѣ, что каждый журналъ говорилъ о всѣхъ другихъ журналахъ, такъ что впечатлѣніе всякой статьи обнаруживалось очень быстро. Достоевскій, Ап. Григорьевъ и я могли быть увѣрены, что въ новой книжкѣ журнала непремѣнно встрѣтимъ свое имя. Соперничество разныхъ изданій, напряженное вниманіе къ ихъ направленіямъ, полемика, — все это обращало журнальное дѣло въ такую интересную игру, что, разъ ее испытавши, нельзя было потомъ не чувствовать большаго желанія опять въ нее пуститься.

Часа въ три пополудни мы сходились обыкновенно въ редакціи съ Ѳедоромъ Михайловичемъ, онъ послѣ своего утренняго чаю, а я послѣ своей утренней работы. Тутъ мы пересматривали газеты, журналы, узнавали всякія новости, и часто потомъ шли вмѣстѣ гулять до обѣда. Вечеромъ въ седьмомъ часу онъ опять иногда заходилъ ко мнѣ, къ моему чаю, къ которому всегда собиралось нѣсколько человѣкъ, въ промежутокъ до наступающаго вечера. Вообще онъ чаще бывалъ у меня, чѣмъ я у него, такъ какъ я былъ человѣкъ холостой и меня можно было навѣщать, не боясь никого обезпокоить. Если у меня была готовая статья, или даже часть статьи, онъ обыкновенно настаивалъ, чтобы я прочелъ ее. До сихъ поръ слышу его нетерпѣливый и ласковый голосъ, раздававшійся среди шумныхъ разговоровъ: „Читайте, Н. Н., читайте!“ Тогда я, впрочемъ, не вполнѣ понималъ, какъ много лестнаго было для меня въ этомъ нетерпѣніи. Онъ никогда мнѣ не противорѣчилъ; я помню всего только одинъ споръ, который возникъ изъ за моей статьи. Но онъ и никогда не хвалилъ меня, никогда не выражалъ особеннаго одобренія.

Наша тогдашняя дружба, хоть имѣла преимущественно умственный характеръ, но была очень тѣсна. Близость между людьми вообще зависитъ отъ ихъ натуры и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ не переходитъ извѣстной мѣры. Каждый изъ насъ какъ будто проводитъ вокругъ себя черту, за которую никого не допускаетъ, или лучше—не можетъ никого допустить. Такъ и наше сближеніе встрѣчало себѣ препятствіе въ нашихъ душевныхъ свойствахъ, при чемъ я вовсе не думаю брать на себя меньшую долю этого препятствія. На Ѳедора Михайловича находили иногда минуты подозрительности. Тогда онъ недовѣрчиво говорилъ: „Страхову не съ кѣмъ говорить, вотъ онъ за меня и держится“. Это минутное со-

мнѣніе показываетъ только, какъ твердо мы вообще вѣрили въ наше взаимное расположеніе. Въ первые годы, это было чувство, переходившее въ нѣжность. Когда съ Ѳедоромъ Михайловичемъ случался припадокъ падучей, онъ, опомнившись, находился сперва въ невыносимо-тяжеломъ настроеніи. Все его раздражало и пугало, и онъ тяготился присутствіемъ самыхъ близкихъ людей. Тогда братъ его или жена посылали за мной— со мной ему было легко и онъ по немножку оправлялся. Вспоминая объ этомъ, я возобновляю въ своей памяти нѣкоторыя изъ лучшихъ своихъ чувствъ и думаю, что я, конечно, былъ тогда лучше, чѣмъ теперь.

Разговоры наши были безконечны, и это были лучшіе разговоры, какіе мнѣ достались на долю въ жизни. Онъ говорилъ тѣмъ простымъ, живымъ, безпритязательнымъ языкомъ, который составляетъ прелесть русскихъ разговоровъ. При этомъ онъ часто шутилъ, особенно въ то время; но его остроуміе мнѣ не особенно нравилось, — это было часто внѣшнее остроуміе, на французскій ладъ, больше игра словъ и образовъ, чѣмъ мыслей. Читатели найдутъ образчики этого остроумія въ критическихъ и полемическихъ статьяхъ Ѳедора Михайловича. Но самое главное, что̀ меня плѣняло и даже поражало въ немъ, былъ его необыкновенный умъ, быстрота, съ которою онъ схватывалъ всякую мысль, по одному слову и намеку. Въ этой легкости пониманія заключается великая прелесть разговора, когда можно вольно отдаваться теченію мыслей, когда нѣтъ нужды настаивать и объяснять, когда на вопросъ сейчасъ получается отвѣтъ, возраженіе дѣлается прямо противъ центральной мысли, согласіе дается на то, на что̀ его просишь, и нѣтъ никакихъ недоумѣній и неясностей. Такъ мнѣ представляются тогдашніе безконечные разговоры, составлявшіе для меня и большую радость, и гордость. Главнымъ предметомъ ихъ были, конечно, журнальныя дѣла, но кромѣ того и всевозможныя темы, очень часто самые отвлеченные вопросы. Ѳедоръ Михайловичъ любилъ эти вопросы, о сущности вещей и о предѣлахъ знанія, и помню, какъ его забавляло, когда я подводилъ его разсужденія подъ различные взгляды философовъ, извѣстные намъ изъ исторіи философіи. Оказывалось, что новое придумать трудно, и онъ, шутя, утѣшался тѣмъ, что совпадаетъ въ своихъ мысляхъ съ тѣмъ или другимъ великимъ мыслителемъ.

VI.

Ѳедоръ Михайловичъ, какъ романистъ и журналистъ.

Не стану говорить о его взглядахъ и чувствахъ, относящихся къ окружающимъ дѣламъ и явленіямъ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ самъ вы-

разилъ лучшую часть своей души. Скажу только, ради нѣкоторыхъ неопытныхъ читателей, что это былъ одинъ изъ самыхъ искреннихъ писателей, что все, имъ писанное, было имъ переживаемо и чувствуемо, даже съ великимъ порывомъ и увлеченіемъ. Достоевскій — субъективнѣйшій изъ романистовъ, почти всегда создававшій лица по образу и подобію своему. Полной объективности онъ рѣдко достигалъ. Для меня, близко его знавшаго, субъективность его изображеній была очень ясна, и потому всегда на половину исчезало впечатлѣніе отъ произведеній, которыя на другихъ читателей дѣйствовали поразительно, какъ совершенно объективные образы.

Часто я даже удивлялся и боялся за него, видя, что онъ описываетъ иныя темныя и болѣзненныя свои настроенія. Такъ напр. въ „Идіотѣ“ описаны приступы падучей, тогда какъ доктора предписываютъ эпилептикамъ не останавливаться на этихъ воспоминаніяхъ, которыя могутъ повести къ припадку, какъ приводитъ къ нему зрѣлище чужаго припадка. Но Достоевскій не останавливался ни передъ чѣмъ, и, что̀ бы онъ ни изображалъ, онъ самъ твердо вѣрилъ, что возводитъ свой предметъ въ перлъ созданія, даетъ ему полную объективность. Не разъ мнѣ случалось слышать отъ него, что онъ считаетъ себя совершеннымъ реалистомъ, что тѣ преступленія, самоубійства и всякія душевныя извращенія, которыя составляютъ обыкновенную тему его романовъ, суть постоянное и обыкновенное явленіе въ дѣйствительности и что мы только пропускаемъ ихъ безъ вниманія. Въ такомъ убѣжденіи онъ смѣло пускался рисовать мрачныя картины; никто такъ далеко не заходилъ въ изображеніи всякихъ паденій души человѣческой. И онъ достигалъ своего, то есть успѣвалъ давать своимъ созданіямъ на столько реальности и объективности, что читатели поражались и увлекались. Такъ много правды, психологической вѣрности и глубины было въ его картинахъ, что онѣ становились даже понятными для людей, которымъ сюжеты ихъ были совершенно чужды.

Часто мнѣ приходило въ голову, что если бы онъ самъ ясно видѣлъ, какъ сильно окрашиваетъ субъективность его картины, то это помѣшало бы ему писать; если бы онъ замѣчалъ недостатокъ своего творчества, онъ не могъ бы творить. Такимъ образомъ извѣстная доля самообольщенія тутъ была необходима, какъ почти у всякаго писателя.

Но каждый человѣкъ имѣетъ, какъ извѣстно, не только недостатки своихъ достоинствъ, но иногда и достоинства своихъ недостатковъ. Достоевскій потому такъ смѣло выводилъ на сцену жалкія и страшныя фигуры, всякаго рода душевныя язвы, что умѣлъ или признавалъ за собою умѣнье

произносить надъ ними высшій судъ. Онъ видѣлъ Божію искру въ самомъ падшемъ и извращенномъ человѣкѣ; онъ слѣдилъ за малѣйшею вспышкою этой искры и прозрѣвалъ черты душевной красоты въ тѣхъ явленіяхъ, къ которымъ мы привыкли относиться съ презрѣніемъ, насмѣшкою, или отвращеніемъ. За проблески этой красоты, открываемые имъ подъ безобразною и отвратительною внѣшностью, онъ прощалъ людей и любилъ ихъ. Эта нѣжная и высокая гуманность можетъ быть названа его музою, и она-то давала ему мѣрило добра и зла, съ которымъ онъ спускался въ самыя страшныя душевныя бездны. Онъ крѣпко вѣрилъ въ себя и въ человѣка, и вотъ почему былъ такъ искрененъ, такъ легко принималъ даже свою субъективность за вполнѣ объективный реализмъ.

Какъ бы то ни было, зная его по его личнымъ чувствамъ и мыслямъ, я могу свидѣтельствовать, что онъ питалъ своихъ читателей лучшею кровью своего сердца. Такъ поступаютъ призванные, настоящіе писатели, и въ этомъ заключается ихъ неотразимое дѣйствіе на читателей, хотя публика часто и воображаетъ, что писатели только хорошо выдумываютъ и сочиняютъ, а критика иногда готова предписывать имъ даже какую нибудь свою цѣль, а не ту, какую указываетъ имъ ихъ собственное сердце. Поэтому мнѣ думается, что Достоевскій, не смотря на несовершенства своихъ созданій, долго останется глубоко интереснымъ писателемъ, гораздо долѣе тѣхъ, чья муза представляетъ, повидимому, больше гармоніи и стройности, но зато не имѣетъ такой искренности, такого своеобразія и сердечнаго порыва. Подъ музою я разумѣю тотъ идеализированный характеръ, тотъ складъ ума и сердца, который принимаетъ человѣкъ, когда начинаетъ писать и творить. Муза и самъ человѣкъ — два существа различныя, хотя они и выросли изъ одного и того-же корня, хотя и срослись тѣснѣе сіамскихъ близнецовъ. Изъ того, что̀ я сказалъ, видно, что въ Достоевскомъ муза и человѣкъ сливались необыкновенно тѣсно.

Обращаюсь къ чисто личнымъ чертамъ. Никогда не было замѣтно въ немъ никакого огорченія или ожесточенія отъ перенесенныхъ имъ страданій, и никогда ни тѣни желанія играть роль страдальца. Онъ былъ безусловно чистъ отъ всякаго дурнаго чувства по отношенію къ власти; авторитетъ, который онъ старался поддержать и увеличить, былъ только литературный; авторитетъ же *пострадавшаго* человѣка никогда не выступалъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда во имя его нужно было требовать свободы мысли и слова, доказывать, что его мысли о правительствѣ никто не имѣетъ права считать потворствомъ или угодливостью. Ѳедоръ Михайловичъ велъ себя такъ, какъ будто въ прошломъ у него ничего особеннаго не было, не выставлялъ себя ни разочарованнымъ, ни сохраняющимъ

рану въ душѣ, а напротивъ глядѣлъ весело и бодро, когда позволяло здоровье. Помню, какъ одна дама, въ первый разъ попавшая на редакціонные вечера Михайла Михайловича (кажется, они были по воскресеньямъ), съ большимъ вниманіемъ вглядывалась въ Ѳедора Михайловича и наконецъ сказала: „смотрю на васъ и кажется вижу на вашемъ лицѣ тѣ страданія, какія вы перенесли...“ Ему были видимо досадны эти слова. „Какія страданія!..“ воскликнулъ онъ, и принялся шутить о совершенно постороннихъ предметахъ. Помню такъ же, какъ, готовясь къ одному изъ литературныхъ чтеній, бывшихъ тогда въ большой модѣ, онъ затруднялся, что̀ ему выбрать. „Нужно что нибудь новенькое, интересное“, говорилъ онъ мнѣ.—Изъ „Мертваго Дома“?—предложилъ я.—„Я ужь часто читалъ, да и не хотѣлось бы мнѣ. Мнѣ все тогда кажется, какъ будто я жалуюсь передъ публикою все жалуюсь... Это не хорошо“.

Вообще онъ не любилъ обращаться къ прошлому, какъ будто желая вовсе его откинуть, и если пускался вспоминать, то останавливался на чемъ нибудь радостномъ, какъ будто хвалился имъ. Вотъ почему изъ его разговоровъ трудно было составить понятіе о случаяхъ его прежней жизни.

Въ отношеніи къ власти онъ всегда твердо стоялъ на той точкѣ, которая такъ ясна и тверда у всѣхъ истинно русскихъ людей. Онъ давалъ полную строгость своему сужденію, но откладывалъ всякую мысль о непокорности. Ни сплетничества, ни охоты злословить у него не было, хотя ему случалось съ великою горечью и негодованіемъ говорить объ иныхъ лицахъ и распоряженіяхъ. На себѣ же онъ переносилъ и неудобные существующіе порядки не только безпрекословно, но часто съ совершеннымъ спокойствіемъ, какъ дѣло, не его лично касающееся, а составляющее общее условіе, свойство котораго не зависитъ отъ этого частнаго случая. Такъ, напримѣръ, я не помню, чтобы онъ когда нибудь сильно раздражался противъ цензуры. Тогда существовала предварительная цензура, то есть каждая статья въ корректурѣ подвергалась исключеніямъ и поправкамъ цензора. Цензора, конечно, дѣлали при этомъ много лишняго, по тому естественному побужденію, что имъ хотѣлось исполнять долгъ, совершать нѣкоторый трудъ, то есть непремѣнно дѣлать поправки и исключенія,—если нельзя большихъ, то хоть маленькія. Съ другой стороны, они были вообще люди очень любезные, обыкновенно смотрѣвшіе съ уваженіемъ на литературу и очень доступные для авторовъ. Каждый авторъ, получивши корректуру съ помарками красныхъ чернилъ, нерѣдко отправлялся съ нею къ цензору и торговался, отстаивая свои строчки и выраженія. Такія случаи были безпрерывны и тутъ было поприще для вся-

кихъ раздраженій. Но я не помню, чтобы Θедоръ Михайловичъ когда нибудь особенно негодовалъ на подобные случаи. Вообще мы вовсе не старались въ нашемъ журналѣ о томъ, чтобы произвести какой нибудь скандалъ, обойти цензуру. Что-же касается въ частности до Θедора Михайловича, то онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ писателей, которые обыкновенно остаются въ предѣлахъ цензуры, ни мало объ ней не думая, а только потому, что слишкомъ серьезны, чтобы позволить себѣ рѣзкости и личности, останавливающія вниманіе цензоровъ.

VII.

Либерализмъ.—Студентская Исторія.

Вообще никакого слѣда революціоннаго направленія не было въ кружкѣ „Времени“, то есть не только какихъ нибудь помысловъ, но и сношеній съ людьми, замышлявшими недоброе, или какого нибудь имъ потворства и одобренія. Всѣ мы, и Θедоръ Михайловичъ во главѣ, въ самый разгаръ сумятицы, желали и думали ограничиться только литературною ролью, то есть трудиться для того нравственнаго и умственнаго поворота въ обществѣ, какой считали наилучшимъ. Мы, въ сущности, были очень отвлеченные журналисты, говорили только объ общихъ вопросахъ и взглядахъ, въ практической же области мы останавливались на *чистомъ либерализмѣ,* то есть на такомъ ученіи, которое менѣе всего согласно съ мыслью о насильственномъ переворотѣ и, если настаиваетъ на какихъ нибудь измѣненіяхъ существующаго порядка, то добивается этихъ измѣненій однимъ лишь убѣжденіемъ и вразумленіемъ. Чистый либерализмъ, какъ извѣстно, есть вѣра въ то, что отсутствіе принудительныхъ мѣръ ведетъ къ наилучшимъ результатамъ въ общественной дѣятельности, что тогда интересы всего правильнѣе уясняются и взаимно уровновѣшиваются. Словомъ, это тѣ начала, которыхъ держатся проповѣдники свободы мысли, свободы слова, свободы торговли и т. д., начала, очевидно, далеко не объемлющія своего предмета, но такія, которыхъ слѣдуетъ держаться во множествѣ случаевъ, вездѣ, гдѣ нѣтъ ясныхъ основаній для иного образа дѣйствія. Поэтому либеральная проповѣдь возможна и полезна при всякой формѣ правленія, хотя она не даетъ полной и опредѣленной теоріи никакого общества. Надъ этими началами должны господствовать другія начала, имѣющія большую силу и неотложность.

Неопредѣленный, общій либерализмъ былъ у насъ тогда въ большомъ

ходу. Имъ пробавлялись всѣ журналы, имъ больше и больше проникалось общество и даже правящія сферы. „Русскій Вѣстникъ“, начавшійся съ 1856 года, былъ, можно сказать, школою либерализма; по его книжкамъ вся Россія училась глядѣть на вещи съ этой точки зрѣнія, подвергать критикѣ тѣ слѣдствія, какія проистекали отъ принудительныхъ мѣръ и порядковъ. Самыя реформы прошлаго царствованія имѣли преимущественно освободительный характеръ, снимали юридическія и административныя стѣсненія, связывавшія народъ и общество. Понятно, что либеральный духъ овладѣлъ всѣми, и такъ какъ сперва въ этомъ движеніи не замѣчалось ничего дурнаго, то оно росло все больше и больше.

Невозможно было не заразиться общимъ оживленіемъ, радостнымъ чувствомъ нарастающей дѣятельности, простора мыслей и занятій. Нужно вспомнить при этомъ подвижность и восторженность нашей публики, обыкновенно не знающей мѣры своимъ увлеченіямъ. Все кипѣло и неслось шумнымъ потокомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство покойнаго Государя было расположено давать все больше и больше свободы этому движенію и что мы далеко бы ушли по этому пути, если бы это движеніе держалось въ границахъ того настоящаго либерализма, во имя котораго оно совершалось. Но мы оказались недостойными той свободы, какая намъ давалась. Или можно сказать—либеральныя начала оказались недостаточными для управленія нашимъ обществомъ, именно слишкомъ трудными для своего пониманія и исполненія и нимало не парализующими силы другихъ началъ, нисколько на нихъ не похожихъ. Наступило быстрое и ужасное разочарованіе. Чѣмъ кончилась либеральная эпоха, такъ называемая *заря возрожденія?* Вдругъ стали являться прокламаціи, взывавшія къ бунту и разрушенію; за прокламаціями слѣдовали пожары; за пожарами польское возстаніе, а черезъ три года первое покушеніе на жизнь Государя.

Привожу все это для того, чтобы со всею точностію обозначить, въ чемъ состоялъ тотъ либерализмъ, котораго держалось „Время“ и который слѣдовательно былъ раздѣляемъ Ѳедоромъ Михайловичемъ. Къ сожалѣнію, не смотря на всякіе историческіе опыты, не смотря на всякіе публицистическіе толки, печатные и устные, у насъ господствуетъ величайшая путаница въ понятіяхъ, конечно, поддерживаемая нашею учительницею, Европою, и истинный смыслъ либерализма почти утратился. Что либералъ по сущности дѣла долженъ быть въ большинствѣ случаевъ консерваторомъ, а не прогрессистомъ, и ни въ какомъ случаѣ не революціонеромъ, это едва-ли многіе знаютъ и ясно понимаютъ. Такой настоящій либерализмъ Ѳедоръ Михайловичъ сохранялъ до конца своей жизни, какъ

долженъ его сохранять всякій просвѣщенный и не ослѣпленный человѣкъ.

Разскажу здѣсь одинъ изъ важныхъ случаевъ того времени, такъ называемую *студентскую исторію,* разыгравшуюся въ концѣ 1861 года и какъ нельзя лучше рисующую тогдашнее состояніе общества. Въ этой исторіи вѣроятно дѣйствовали разныя внутреннія пружины; но я не буду ихъ касаться, а разскажу ея наружный, публичный видъ, имѣвшій главное значеніе для большинства и дѣйствующихъ лицъ и зрителей. Университетъ, вслѣдствіе наплыва либерализма, кипѣлъ тогда жизнью все больше и больше, но къ несчастію такою, которая топила учебныя занятія. Студенты составляли сходки, учредили свою кассу, библіотеку, издавали сборникъ, судили своихъ товарищей и т. д.; но все это такъ ихъ развлекало и возбуждало, что большинство, и даже многіе изъ самыхъ умныхъ и способныхъ, перестали учиться. Было не мало и безпорядковъ, то есть выходовъ за границы всевозможныхъ льготъ, и начальство рѣшилось наконецъ, принять мѣры для прекращенія этого хода дѣлъ. Чтобы заручиться непререкаемымъ авторитетомъ, оно исходатайствовало Высочайшее повелѣніе, которымъ запрещались сходки, кассы, депутаты и тому подобное. Повелѣніе вышло лѣтомъ и, когда студенты осенью явились въ университетъ, нужно было привести его въ исполненіе. Студенты задумали противиться, но рѣшились на то единственное сопротивленіе, какое допускается либеральными началами, то есть на *чисто пассивное.* Такъ они и сдѣлали; они привязывались ко всякимъ предлогамъ, чтобы только дать какъ можно больше работы властямъ и гласности всему дѣлу. Они очень искусно добились величайшаго скандала, какого только можно было добиться. Власти вынуждены были два или три раза забирать ихъ днемъ, на улицѣ, огромными толпами. Къ пущей радости студентовъ, ихъ посадили даже въ Петропавловскую крѣпость. Они безпрекословно подчинились этому аресту, потомъ суду и, наконецъ, ссылкѣ, для многихъ очень тяжкой и долговременной. Сдѣлавши это, они думали, что сдѣлали все, что нужно, то есть, что они громко заявили о нарушеніи своихъ правъ, сами не вышли изъ предѣловъ законности и понесли тяжкое наказаніе, какъ будто только за неотступность своихъ просьбъ.

Хотя эти юридическія понятія въ сущности не примѣнимы къ учащимся, но студенты, для поученія остальныхъ гражданъ, разыграли эту либерально-юридическую драму безъукоризненно и съ истиннымъ увлеченіемъ. Это вовсе не былъ бунтъ, хотя бы и въ маленькихъ размѣрахъ. Всего интереснѣе и характернѣе то, что тогда-же нашлись люди, которымъ очень хотѣлось обратить эту исторію въ бунтъ, что со студентами

дѣлались совѣщанія въ этомъ родѣ, что имъ предлагалось, напримѣръ, совершить злодѣйство, которымъ правительство было бы поставлено въ безвыходное положеніе и т. п. Революціонные элементы уже назрѣли въ обществѣ; но на сей разъ либерализмъ сохранилъ свою чистоту и была лишь совершена громкая демонстрація, какъ-бы публичная жалоба общественному мнѣнію. Ради этого многіе молодые люди съ веселымъ сердцемъ испортили навсегда свое житейское поприще.

Разумѣется, весь городъ только и говорилъ о студентахъ. Съ заключенными дозволялись свиданія, и потому въ крѣпость каждый день являлось множество посѣтителей. И отъ редакціи „Времени“ былъ имъ посланъ гостинецъ. У Михайла Михайловича былъ зажаренъ огромный ростбифъ и отвезенъ въ крѣпость съ прибавкою бутылки коньяку и бутылки краснаго вина. Когда студентовъ, признанныхъ наиболѣе виновными, стали, наконецъ, увозить въ ссылку, ихъ провожали далеко за городъ родные и знакомые. Прощаніе было людное и шумное, и ссыльные большею частію смотрѣли героями.

Исторія эта потомъ продолжалась совершенно въ томъ же духѣ. Университетъ закрыли, съ тѣмъ, чтобы подвергнуть полному преобразованію. Тогда профессора стали просить позволенія читать публичныя лекціи, и безъ труда получили разрѣшеніе. Дума уступила для лекцій свои залы, и вотъ университетскіе курсы открылись внѣ университета почти въ полномъ своемъ составѣ. Всѣ хлопоты по устройству лекцій и все смотрѣніе за порядкомъ студенты взяли на себя и очень были довольны и горды этимъ новымъ, вольнымъ университетомъ.

Но мысли ихъ были заняты не наукой, о которой они, повидимому, такъ хлопотали, а чѣмъ-то другимъ, и это испортило все дѣло. Поводомъ къ разрушенію думскаго университета былъ знаменитый „литературно-музыкальный вечеръ“, *въ залѣ Руадзе,* 2 марта 1862. Этотъ вечеръ былъ устроенъ съ цѣлью сдѣлать какъ бы выставку всѣхъ передовыхъ, прогрессивныхъ литературныхъ силъ. Подборъ литераторовъ сдѣланъ былъ самый тщательный въ этомъ смыслѣ, и публика была самая отборная въ томъ же смыслѣ. Даже музыкальныя пьесы, которыми перемежались литературныя чтенія, были исполняемы женами и дочерьми писателей хорошаго направленія. Ѳедоръ Михайловичъ былъ въ числѣ чтецовъ, а его племянница въ числѣ исполнительницъ. Дѣло было не въ томъ, чтò читалось и исполнялось, а въ оваціяхъ, которыя дѣлались представителямъ передовыхъ идей.

Шумъ и восторгъ былъ страшный, и мнѣ всегда потомъ казалось, что этотъ вечеръ былъ высшею точкою, до которой достигло либеральное дви-

женіе нашего общества, и вмѣстѣ кульминаціею нашей воздушной революціи. Одинъ изъ эпизодовъ этого вечера былъ началомъ быстраго паденія и разочарованія въ нашемъ тогдашнемъ прогрессѣ. Профессоръ П—въ читалъ на вечерѣ свою статью, которая, какъ и все, что̀ исполнялось, была предварительно процензурована; онъ прочиталъ ее безъ измѣненія, но съ такими выразительными интонаціями и жестами, что смыслъ получился вовсе нецензурный. Поднялся радостный гвалтъ, восторгъ невозможный для описанія.

И вотъ на другой день разносится всюду вѣсть, что профессоръ арестованъ и высланъ изъ Петербурга. Какъ тутъ быть? Какъ протестовать противъ такой мѣры? Студенты довольно послѣдовательно придумали, что высылка одного профессора представляетъ угрозу другимъ профессорамъ, что поэтому они не могутъ продолжать своихъ чтеній, если не желаютъ показать, что считаютъ своего сотоварища виновнымъ и что сами желаютъ быть невинными передъ правительствомъ. Рѣшено было закрыть Думскій университетъ и тѣмъ протестовать противъ стѣсненій. Это былъ протестъ въ родѣ выхода профессоровъ въ отставку, — дѣло, какъ извѣстно, безпрестанно повторявшееся въ русскихъ университетахъ, нѣчто похожее на японское самоубійство. Студенты предполагали, что все общество будетъ поражено скорбью и гнѣвомъ, когда вдругъ закроется главный источникъ его просвѣщенія. Профессора согласились на желаніе студентовъ и отказались отъ чтенія, кромѣ одного или двухъ, которымъ зато слушатели стали дѣлать скандалы. Наконецъ, вмѣшалось начальство и прекратило все дѣло, запретивъ вообще профессорамъ читать публичныя лекціи.

Какой-же былъ результатъ всей исторіи? Тотчасъ же обнаружилось, что хитрые замыслы возбудить общество и вооружить его противъ правительства потерпѣли полную неудачу. Общество не тронулось, и волненіе, вмѣсто того, чтобы возрастать, вдругъ погасло. Руководители дѣла слишкомъ наивно воображали, что шумъ, происходящій въ ихъ кружкахъ, есть выраженіе общаго настроенія, и что такъ легко будетъ обмануть публику. Въ сущности никто серіозно не могъ повѣрить, что правительство есть врагъ и притѣснитель просвѣщенія. Подкладка дѣла была всѣмъ слишкомъ видна, особенно когда въ то же время стали одна за другою появляться прокламаціи, изъ которыхъ первая считала въ Россіи сто тысячъ человѣкъ помѣхою общему благополучію, а послѣдняя уже прямо угрожала—„залить улицы кровью и не оставить камня на камнѣ“.

Какъ-бы то ни было, правительство, постоянно желавшее сохранить либеральный образъ дѣйствій, было поставлено въ очень трудное положеніе; оказывалось, что всякая либеральная мѣра возбуждаетъ въ обществѣ

движеніе, которое пользуется этою мѣрою для своихъ цѣлей, не либеральныхъ, а весьма радикальныхъ. Затрудненіе это прекращено было только петербургскими пожарами и польскимъ возстаніемъ, когда, наконецъ, стало ясно, что нельзя терпѣть и предоставлять естественному теченію зло, принявшее такіе ужасающіе размѣры.

VIII.

Полемика. Нигилизмъ.

Во всякомъ случаѣ, состояніе умовъ въ это время, въ 1861 и 1862 годахъ, было въ высшей степени возбужденное и *почвенники* естественно раздѣляли это возбужденіе. Казалось, всѣ старыя формы жизни готовы исчезнуть и видоизмѣниться, и можетъ начаться новая жизнь, народный духъ можетъ обнаружиться въ новомъ свободномъ творчествѣ. Этимъ объясняется, почему мы такъ легко переносили неопредѣленность нашего катихизиса. Мы пользовались тѣми преимуществами, которыя общество такъ охотно даетъ писателямъ и за которыя такъ усердно держатся сами писатели. Они, какъ извѣстно, ничему не подчинены и ни къ чему не обязаны, кромѣ внушеній своего ума и своей совѣсти. Мы не примыкали ни къ какой партіи, имѣющей практическое дѣло, практическіе интересы; мы ясно видѣли, что намъ нужно оставаться въ сферѣ общихъ отвлеченныхъ вопросовъ, и такъ какъ мы были горячіе патріоты и руссофилы, то передъ нами было множество дѣла, и въ литературной критикѣ, и въ пониманіи русской исторіи и русскаго быта, и во всевозможныхъ сужденіяхъ о Западѣ и его умственныхъ и политическихъ явленіяхъ, имѣющихъ у насъ такое могущественное вліяніе. Въ этомъ отношеніи нельзя не видѣть, что „Время“ работало усердно и никакъ не уклонялось отъ общей своей задачи.

Неизбѣжной частью этой задачи была полемика, такъ какъ все огромное большинство литературы было западническое, а самое рѣшительное вліяніе принадлежало журналамъ прямо расположеннымъ къ нигилизму. Поэтому нигилизмъ сдѣлался нѣкотораго рода спеціальностью „Времени“; оно постоянно слѣдило за нимъ и анализировало его съ различныхъ сторонъ. Въ промежутокъ отъ начала „Времени“ до появленія романа Тургенева „Отцы и Дѣти“ („Русскій Вѣстникъ“ 1862 года, февраль), „Время“ успѣло уже указать на существенныя черты нигилизма, на тѣ самыя черты, которыя въ живыхъ образахъ и сценахъ съ такою мѣткостію изобразилъ Тургеневъ.

Начало борьбы съ нигилистическимъ направленіемъ положилъ самъ Ѳедоръ Михайловичъ, въ своей статьѣ: „—бовъ и вопросъ объ искусствѣ“ („Время“ 1861 г., февраль), въ которой онъ опровергалъ стремленіе сдѣлать изъ искусства чисто служебное средство. Онъ началъ съ довольно мягкихъ возраженій; главнымъ образомъ онъ возставалъ противъ нарушенія законовъ искусства и противъ мысли о безполезности такихъ художественныхъ произведеній, которыя не имѣютъ ясной тенденціи. Но мнѣ не терпѣлось и хотѣлось скорѣе стать въ прямое и рѣшительное отношеніе къ нигилистическимъ ученіямъ. Могу сказать, что во мнѣ было постоянно какое-то органическое нерасположеніе къ нигилизму и что съ 1855 года, когда онъ сталъ замѣтно высказываться, я смотрѣлъ съ большимъ негодованіемъ на его проявленія въ литературѣ. Уже въ 1859 и въ 1860 году я дѣлалъ попытки возразить противъ нелѣпостей, которыя такъ явно и развязно высказывались; но редакторы двухъ изданій, куда я обращался, люди хорошо знакомые, рѣшительно отказались печатать мои статьи и сказали, чтобы и впередъ я объ этомъ не думалъ. Я понялъ тогда, какой большой авторитетъ имѣютъ органы этого направленія, и очень опасался, что такая-же участь меня постигнетъ и во „Времени“. Поэтому для меня было большою радостью, когда моя статья „Еще о петербургской литературѣ“, разумѣется, благодаря лишь Ѳедору Михайловичу, была принята („Время“ 1861 г., іюнь); тогда я сталъ писать въ этомъ родѣ чуть не въ каждой книжкѣ журнала. Разсказываю обо всемъ этомъ для характеристики литературы того времени. Самъ-же я искренно считалъ эти статейки болѣе забавою, чѣмъ дѣломъ, и тѣмъ веселѣе они выходили. Со стороны редакціи было, впрочемъ, сначала маленькое сопротивленіе. Въ моихъ статьяхъ иногда редакція приставляла къ имени автора, на котораго я нападалъ, какой-нибудь лестный эпитетъ, напр. *талантливый, даровитый,* или въ скобкахъ: *(впрочемъ, достойный уваженія).* Были и вставки; такъ въ статьѣ „Нѣчто о полемикѣ“ было вставлено слѣдующее мѣсто:

„Вольтеръ цѣлую жизнь свисталъ и не безъ толку и не безъ послѣд-„ствій. (А вѣдь какъ сердились за него, и именно за свистъ)“.

Эта похвала свисту вообще и Вольтеру въ частности нарушаетъ тонъ статьи и выражаетъ вовсе не мои вкусы. Но редакція не могла не вступиться за то, чтò имѣло силу въ тогдашнихъ нравахъ и на чтò признавала и за собою полное право. Вставка принадлежитъ Ѳедору Михайловичу, и я уступилъ его довольно горячему настоянію. Скоро, впрочемъ, всякія поправки такого рода вовсе прекратились.

Статьи эти писались подъ псевдонимомъ *Косицы,*—я имѣлъ дерзость выбрать себѣ образцомъ *Ѳеофилакта Косичкина* и прилагалъ большія старанія о добросовѣстности и точности въ отношеніи къ предмету своихъ нападеній. Свиста у меня не было никакого, но тѣмъ больше силы получали статьи, и тѣмъ больше интересовало Ѳедора Михайловича то разъясненіе вопроса, которое изъ нихъ выходило.

Разсказываю обо всемъ этомъ потому, что дѣло это имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія: оно повело къ совершенному разрыву „Времени" съ „Современникомъ", а затѣмъ къ общей враждѣ противъ „Времени" почти всей петербургской журналистики.

Вообще же, для нашей литературы, для общественнаго сознанія, вопросъ о народившемся у насъ отрицаніи былъ ясно поставленъ преимущественно романомъ Тургенева „Отцы и Дѣти", тѣмъ романомъ, въ которомъ въ первый разъ появилось слово *нигилистъ,* съ котораго начались толки *о новыхъ людяхъ* и, словомъ, все дѣло получило опредѣленность и общеизвѣстность. „Отцы и Дѣти", конечно, самое замѣчательное произведеніе Тургенева, не въ художественномъ, а въ публицистическомъ отношеніи. Тургеневъ постоянно слѣдилъ за видоизмѣненіями господствовавшихъ у насъ настроеній, за тѣми идеалами *современнаго героя,* которые складывались въ передовыхъ и литературныхъ кружкахъ, и на этотъ разъ совершилъ рѣшительное открытіе, нарисовалъ типъ, котораго прежде почти никто не замѣчалъ и который вдругъ всѣ ясно увидѣли вокругъ себя. Изумленіе было чрезвычайное, и произошла сумятица, такъ какъ изображенные были застигнуты въ расплохъ и сперва не хотѣли узнавать себя въ романѣ, хотя авторъ вовсе не относился къ нимъ съ рѣшительнымъ несочувствіемъ. Но молодому поколѣнію этого было мало; оно требовало, на оборотъ, безъусловнаго сочувствія и съ великимъ шумомъ объявило Тургенева, первое имя въ литературѣ, человѣкомъ отсталымъ и противникомъ общаго дѣла. Среди тогдашнихъ безпрерывныхъ разговоровъ и споровъ, много разъ мнѣ приходилось доказывать разнымъ нигилистамъ, что, если они хотятъ быть послѣдовательными, то должны держаться именно тѣхъ мнѣній, какія исповѣдуетъ Базаровъ, герой Тургенева. Большинство публики, какъ всегда, очень горячилось, но имѣло сбивчивыя, пестрыя понятія о дѣлѣ, и самые ярые приверженцы нигилистическаго направленія вовсе не подозрѣвали, напримѣръ, что наука и искусство тоже должны быть приносимы въ жертву ихъ идолу.

Во „Времени" была напечатана (1862 г., апрѣль) моя статья, въ которой превозносился Тургеневъ, какъ чисто-объективный художникъ,

и доказывалась вѣрность изображаемаго имъ типа. Тотчасъ послѣ появленія статьи, пріѣхалъ въ Петербургъ Тургеневъ, по обыкновенію собравшійся проводить лѣто въ Россіи. Онъ навѣстилъ и редакцію „Времени", засталъ насъ въ сборѣ и пригласилъ Михайла Михайловича, Өедора Михайловича и меня къ себѣ обѣдать, въ гостинницу Клея (что нынѣ Европейская). Буря, поднявшаяся противъ него, очевидно, его тревожила. За обѣдомъ онъ говорилъ съ большою живостью и прелестью, и главною темою были отношенія иностранцевъ къ русскимъ, живущимъ за границею. Онъ разсказывалъ съ художественной картинностію, какія хитрыя и подлыя уловки употребляютъ иностранцы, чтобы обирать русскихъ, присвоить себѣ ихъ имущество, добиться завѣщанія въ свою пользу и т. д. Много разъ потомъ мнѣ приходилъ на мысль этотъ разговоръ, и я жалѣлъ, что эти тонкія наблюденія, и конечно множество подобныхъ имъ, собранныхъ во время долгаго житья заграницею, остались неразсказанными печатно.

Извѣстно, какъ затѣмъ разыгралось дѣло объ нигилизмѣ. На Тургенева сыпался впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ цѣлый дождь всякихъ упрековъ и брани. Самъ онъ былъ долго смущенъ и цѣлые пять лѣтъ, до „Дыма" (1867 г.), ничего не писалъ въ родѣ своихъ прежнихъ публицистическихъ романовъ, да и вообще очень мало писалъ. Между тѣмъ въ 1866 году появилось „Преступленіе и Наказаніе", въ которомъ съ удивительною силой изображено нѣкоторое крайнее и характерное проявленіе нигилизма, и съ этого романа до предсмертной „Легенды объ великомъ инквизиторѣ" идетъ у Достоевскаго разнообразный и глубокій анализъ нашего нравственнаго и умственнаго шатанія. Если взглянуть на дѣло съ этой точки зрѣнія, то за Достоевскимъ нужно признать огромную заслугу литературѣ и обществу. Онъ одинъ взялъ задачу во всей глубинѣ и ширинѣ,—захватилъ всѣ виды и крайности той глупости и безнравственности, которая развивается въ русскихъ людяхъ, когда они покидаютъ родную почву, то есть отрекаются отъ покорности Россіи и преданности христіанскому духу. Онъ заглянулъ въ душу этихъ людей и изобразилъ борьбу ихъ заблужденій съ добрыми началами, еще живущими въ ихъ душѣ. Религіозный элементъ, а также складъ народной нравственности, народнаго патріотизма, ясно выступаютъ какъ противовѣсъ, какъ убѣжище и спасеніе отъ хаоса и безсмыслицы вывѣтрившагося слоя общества. Все дѣло взято широко, тонко, глубоко, притомъ съ постояннымъ обращеніемъ къ вѣковѣчнымъ задачамъ души человѣческой, съ художественными попытками уловить и самыя возвышенныя и самыя смрадныя тайны людскихъ сердецъ. Не мудрено, что такой писатель, такой публи-

цистъ сталъ, наконецъ, чрезвычайно занимать читателей, не смотря на то, что по художественнымъ достоинствамъ его произведенія уступали нѣкоторымъ изъ современныхъ имъ произведеній другихъ авторовъ.

При этомъ общемъ очеркѣ отношеній нашей литературы къ нигилизму, я указываю и свою маленькую роль,—прошу читателя вѣрить— не столько для похвальбы, сколько для уясненія хода дѣла. Тотчасъ послѣ обѣда у Тургенева вышла апрѣльская книжка „Современника“ съ большою статьею „О духѣ Времени“, въ высшей степени рѣзкою и направленною исключительно противъ меня, такъ что по тогдашнимъ литературнымъ понятіямъ я былъ убитъ окончательно. Сперва я принялъ это нападеніе совершенно хладнокровно, но, признаюсь, я потомъ немножко уныл, когда увидалъ, что многіе добрые мои знакомые, даже изъ числа наиболѣе любившихъ меня, стали посматривать на меня съ сожалѣніемъ и вовсе не хотѣли раздѣлять моей бодрости. Между тѣмъ, судя по всему, а особенно издали, теперь, можно сказать, что статья противъ „Времени“ была, такъ сказать, одною изъ первыхъ *осѣчекъ* „Современника“. Онъ тогда былъ въ самомъ воинственномъ духѣ, и съ начала года принялся за казни; въ первой книжкѣ совершена была казнь надъ московскимъ профессоромъ философіи *Юркевичемъ,* во второй—надъ славянофилами, въ третьей—надъ Тургеневымъ, въ четвертой—надъ „Временемъ“, то есть именно надо мною. Въ статьѣ было даже тщательно заявлено, что ея упреки и порицанія не простираются на романъ „Униженные и Оскорбленные“ и на „Записки изъ Мертваго Дома“. Такимъ образомъ мнѣ досталось весьма почетное мѣсто въ числѣ главныхъ враговъ, или, пожалуй, главныхъ жертвъ „Современника“. Эта честь заслужена мною именно тѣмъ анализомъ нигилистическаго направленія, которымъ я съ такимъ усердіемъ занимался. И къ этому-же анализу больше, чѣмъ къ нѣкоторымъ положительнымъ взглядамъ, я отношу то лестное слово, которое мнѣ сказалъ однажды Ѳедоръ Михайловичъ, уже гораздо позже, когда наша дружба была холоднѣе, во времена редактированія имъ „Гражданина“. Онъ требовалъ отъ меня, чтобы я больше писалъ, и когда я сказалъ, что у меня мало мыслей, для того чтобы такъ много писать, онъ возразилъ: „Какъ мало мыслей? Да половина моихъ взглядовъ—ваши взгляды!“ Понятно, что это замѣчаніе, сказанное сердитымъ тономъ, сохранилось въ моей памяти, какъ большая похвала, и я приписываю ее больше всего моему упорному стоянію противъ нигилизма. Люди съ художественнымъ складомъ ума часто видятъ большое достоинство въ логическомъ развитіи мыслей, къ которому сами они мало расположены, и когда въ основахъ есть совпаденіе, какъ въ боль-

шинствѣ случаевъ было у насъ съ Ѳедоромъ Михайловичемъ, то художникамъ бываетъ очень пріятна отвлеченная формулировка ихъ идей и чувствъ.

Я отвѣчалъ „Современнику“ въ майской книжкѣ „Времени“. Но „Современнику“ угрожала въ это время гораздо бо́льшая бѣда. Тогда уже шло дѣло Н. Г. Чернышевскаго, подвергшагося подозрѣнію, что онъ участвовалъ въ прокламаціяхъ. И, почти вслѣдъ за самою ярою изъ прокламацій, обѣщавшею *залить улицы кровью и не оставить камня на камнѣ,* начались петербургскіе пожары. Это была самая ужасная минута нашей *воздушной революціи,* броженія, возникшаго въ оторвавшихся отъ почвы умахъ и душахъ. По какой-то связи, по подозрѣнію или обвиненію, „Современникъ“ былъ признанъ вреднымъ изданіемъ и въ іюнѣ былъ закрытъ на восемь мѣсяцевъ.

Это закрытіе истинно огорчило насъ. У насъ былъ отнятъ противникъ, борьбѣ съ которымъ мы приписывали важное значеніе. Мы знали очень хорошо, что, не смотря на его молчаніе, и даже въ силу этого вынужденнаго молчанія, его направленіе продолжаетъ все усиливаться и развиваться; но у насъ не было уже подъ руками самаго авторитетнаго и яснаго представителя этихъ мнѣній. Такимъ образомъ, вмѣшательство власти разрушало наши внутренніе, такъ сказать, домашніе разсчеты. Предварительная цензура, подъ которою тогда всѣ писали, конечно, была помѣхою для яснаго выраженія всякихъ взглядовъ и была больше всего благопріятна для ученій отрицательныхъ, для которыхъ достаточно намека, насмѣшливаго оборота рѣчи, фигуры умолчанія, чтобы читатель прочелъ между строками несложную и удобопонятную формулу отрицанія. Вся масса нигилистическихъ ученій со всѣми ихъ видами прошла въ нашу литературу подъ предварительною цензурою. Положительнымъ ученіямъ было труднѣе; но при небольшой литературной ловкости мы мало тяготились цензурою и работали довольно весело, принимая борьбу даже при неравныхъ условіяхъ. Закрытіе-же „Современника“ выбивало насъ совершенно изъ колеи.

Но кромѣ этого домашняго огорченія, общее теченіе дѣлъ было очень тяжелое и грустное. Пожары наводили ужасъ, который трудно описать. Помню, мы вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Михайловичемъ отправились для развлеченія куда-то на загородное гулянье. Издали, съ парохода, видны были клубы дыма, въ трехъ или четырехъ мѣстахъ подымавшіеся надъ городомъ. Мы пріѣхали въ какой-то садъ, гдѣ играла музыка и пѣли цыгане. Но, какъ мы ни старались позабавиться, тяжелое настроеніе не проходило, и я скоро сталъ проситься домой. Въ поджогахъ трудно

сомнѣваться, но это дѣло, какъ и другія страшныя событія той эпохи, почему-то осталось совершенно покрытымъ мракомъ.

IX.

Первая поѣздка за границу.

Лѣтомъ этого года (1862), 7-го или 8-го іюня, Ѳедоръ Михайловичъ пустился въ свою первую поѣздку за-границу. Припомню, чтò могу, изъ этой поѣздки; самъ онъ описалъ ея впечатлѣнія въ статьѣ „Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“. Онъ поѣхалъ въ Парижъ, а потомъ въ Лондонъ, гдѣ видѣлся съ Герценомъ, какъ самъ о томъ упоминаетъ въ „Дневникѣ“ „Гражданина“. Къ Герцену онъ тогда относился очень мягко и его „Зимнія замѣтки“ отзываются нѣсколько вліяніемъ этого писателя; но потомъ, въ послѣдніе годы, часто выражалъ на него негодованіе за неспособность понимать русскій народъ и неумѣніе цѣнить черты его быта. Гордость просвѣщеніемъ; брезгливое пренебреженіе къ простымъ и добродушнымъ нравамъ—эти черты Герцена возмущали Ѳедора Михайловича, осуждавшаго ихъ даже и въ самомъ Грибоѣдовѣ, а не только въ нашихъ революціонерахъ и мелкихъ обличителяхъ.

Изъ-за границы я получилъ тогда отъ Ѳедора Михайловича письмо, которое привожу здѣсь вполнѣ, какъ носящее на себѣ слѣды всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствъ.

„Парижъ, 26 іюня (8 іюля) 1862 г.

„Вы въ первыхъ числахъ іюня трогаетесь за границу, дорогой Николай Николаевичъ. Съ Богомъ; ужь одно то, что къ тому времени вы „непремѣнно попадете на прекрасную погоду, такъ какъ теперь она вездѣ, „по всей Европѣ скверная. Но какъ вспомню: на кого-жь вы оставите Михаила Михайловича, такъ даже жутко станетъ. Голубчикъ Николай Николаевичъ, пора теперь скверная, какъ вы пишете,—пора томительнаго „и тоскливаго ожиданія. Но вѣдь журналъ дѣло великое; это такая дѣятельность, которою нельзя рисковать, потому что во чтò бы ни стало, „журналы, какъ выраженіе всѣхъ отдѣльныхъ современныхъ мнѣній, должны остаться. А дѣятельность, т. е. чтò именно дѣлать, о чемъ говорить „и чтò писать,—всегда найдется! Господи! Какъ подумаешь, сколько еще „не сдѣлано и не сказано! И потому сижу здѣсь, а рвусь отсюда, изъ такъ „называемаго прекраснаго далека, хоть не тѣломъ, такъ духомъ, къ вамъ

„въ Россію. Всякій, всякій долженъ дѣлать теперь и, главное, попасть „на здравый смыслъ. Слишкомъ у насъ перепутались въ обществѣ поня- „тія. Недоумѣніе наступило какое-то. Вы пишете, дорогой Николай Ни- „колаевичъ, что хотите съѣздить предварительно въ Москву. Чтобъ не „опутали васъ тамъ сенаторы журналистики! Чего добраго, Катковъ со- „блазнитъ васъ какой нибудь разлиневанной по безбрежному отвлеченному „полю доктриной... Нѣтъ, нѣтъ, я вѣдь шучу. Ахъ, голубчикъ, родной „мой, какъ бы хотѣлось съ вами здѣсь увидѣться! И знаете что̀: мнѣ ка- „жется, это совершенно возможная и должная вещь. Штука въ томъ, „чтобъ не сбиться въ адресахъ. Главное дѣло въ томъ, чтобъ помнить „числа. 15-го іюля (нашего стиля), но не раньше, я выѣзжаю изъ Па- „рижа въ Кельнъ. День пробуду въ Дюссельдорфѣ, потомъ на пароходѣ „вверхъ по Рейну до Майнца, а тамъ въ Oberland, т. е. можетъ быть „въ Базель и проч. Значитъ 18 или 19-го числа нашего стиля я въ Ба- „зелѣ, и 20, 21 или 22-го въ Женевѣ. Слѣдственно всякое письмо ваше, „откуда-бы то ни было, если придетъ въ Парижъ не позже 15-го іюля, „застанетъ меня тамъ, и я буду знать, гдѣ васъ найти. Даже такъ, на- „примѣръ: вы мнѣ напишете, положимъ, изъ Берлина или Дрездена, что „такого-то числа будете тамъ-то (а это вы можете разсчитывать всегда, „дней на десять впередъ), тамъ я и буду васъ искать. А если вы сдѣлаете „еще такую вещь: ку́пите себѣ guide Рейхарда, такъ что въ каждомъ „городѣ будете знать, какія отели (и какія въ нихъ цѣны), то, напри- „мѣръ, будучи въ Берлинѣ и пиша ко мнѣ, напишете: остановлюсь въ „Женевѣ такого-то числа и въ такой-то гостинницѣ. Такъ что я и буду „ужь спрашивать о васъ въ этой гостинницѣ. Вы, можетъ быть, пріѣхавъ „въ Женеву и не остановитесь въ этой гостинницѣ, найдете ее неудобной „и остановитесь въ другой, но это вамъ нисколько не помѣшаетъ оста- „вить въ прежней (условленной) гостинницѣ свой адресъ, для тѣхъ, кто „объ васъ спроситъ (т. е. для меня), и дадите за это portier гостинницы „какой нибудь франкъ на водку, и такимъ образомъ я васъ непремѣнно „найду. Какъ любопытно мнѣ тоже узнать вашъ маршрутъ. Ахъ, Нико- „лай Николаевичъ, Парижъ прескучнѣйшій городъ, и еслибъ не было въ „немъ очень много дѣйствительно слишкомъ замѣчательныхъ вещей, то „право, можно-бы умереть со скуки. Французы, ей Богу, такой народъ, „отъ котораго тошнитъ. Вы говорили о самодовольно-наглыхъ и г.......ъ „лицахъ, свирѣпствующихъ на нашихъ Минералахъ *). Но клянусь вамъ,

*) Тутъ разумѣются „Минеральныя воды“, загородное гулянье, устроенное *Излеромъ* и долго бывшее единственнымъ и моднымъ. *Н. С.*

„что тутъ стоитъ нашего. Наши—просто плотоядные подлецы и большею „частію сознательные, а здѣсь онъ вполнѣ увѣренъ, что такъ и надо. „Французъ тихъ, честенъ, вѣжливъ, но фальшивъ и деньги у него все. „Идеала никакого. Не только убѣжденій, но даже размышленій не спра„шивайте. Уровень общаго образованія низокъ до крайности (я не говорю „про присяжныхъ ученыхъ. Но вѣдь тѣхъ не много, да и наконецъ развѣ „ученость есть образованіе, въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли понимать „это слово?). Вы, можетъ быть, посмѣетесь, что я такъ сужу, всего еще „только десять дней пробывъ въ Парижѣ. Согласенъ, но 1) то, что я видѣлъ „въ эти десять дней подтверждаетъ покамѣстъ мою мысль, а во 2-хъ) есть „нѣкоторые факты, которыхъ замѣтить и понять достаточно полчаса, но „которые ясно обозначаютъ цѣлыя стороны общественнаго состоянія, а „именно тѣмъ, что эти факты возможны, существуютъ. Заѣдете-ли вы въ „Парижъ? Замѣтьте: на три дня въ Парижъ ѣхать не стоитъ, а посвя„тить ему двѣ недѣли, если вы *только туристъ*, будетъ скучно. За дѣ„ломъ сюда ѣхать можно. Много есть чего посмотрѣть, изучить. Мнѣ при„ходится еще нѣкоторое время пробыть въ Парижѣ и потому хочу не те„ряя времени обозрѣть и изучить его не лѣнясь, сколько возможно для „простаго туриста, каковъ я есмь. Не знаю, напишу-ли что нибудь? Если „очень захочется, почему не написать и о Парижѣ, но вотъ бѣда. Вре„мени тоже нѣтъ. Для порядочнаго письма изъ за границы нужно все„таки дня три труда, а гдѣ здѣсь взять три дня? Но тамъ что будетъ.

„Еще, голубчикъ Николай Николаевичъ: вы не повѣрите, какъ здѣсь „охватываетъ душу одиночество. Тоскливое, тяжелое ощущенье. Поло„жимъ, вы одинокій человѣкъ, и вамъ особенно жалѣть будетъ некого. „Но опять таки: чувствуешь, что какъ-то отвязался отъ почвы и отсталъ „отъ насущной, родной канители, отъ текущихъ собственныхъ семейныхъ „вопросовъ. Правда, до сихъ поръ все мнѣ неблагопріятствовало за гра„ницей; скверная погода и то, что я все еще толкусь на сѣверѣ Европы „и изъ чудесъ природы видѣлъ одинъ только Рейнъ съ его берегами „(Николай Николаевичъ! Это дѣйствительно чудо). Что-то будетъ дальше, „какъ спущусь съ Альповъ на равнины Италіи. Ахъ, кабы намъ вмѣ„стѣ! Увидимъ Неаполь, пройдемся по Риму, чего добраго приласкаемъ „молодую венеціанку въ гондолѣ (А? Николай Николаевичъ?). Но... „ни„чего, ничего, молчанье“, какъ говоритъ, въ этомъ же самомъ случаѣ, „Поприщинъ.

„До свиданія, Николай Николаевичъ. О заграничныхъ впечатлѣніяхъ „моихъ не сообщаю вамъ никакихъ подробностей. Всего не опишешь въ „письмѣ, а по частямъ я не могу. Да и какія еще мои впечатлѣнія-то?

„Я еще всего девятнадцать дней за границей. Обнимаю васъ отъ всей „души. Передайте мой поклонъ добрѣйшему, милому Тиблену (котораго, „я не знаю за что̀, я какъ-то сталъ любить въ послѣднее время) и ми- „лой, безконечно уважаемой Евгеніи Карловнѣ. Какъ ея здоровье? *) Да „кстати: если вы поѣдете въ Москву, то пожалуй письмо мое и не заста- „нетъ васъ въ Петербургѣ. Во всякомъ случаѣ адресую въ редакцію „Времени".

„Прощайте. Впрочемъ, лучше до свиданія. Быть того не можетъ, „чтобъ мы за границей не встрѣтились! Я никогда не простилъ-бы себѣ „этого. Крѣпко жму вамъ руку. Поклонитесь отъ меня всѣмъ общимъ „нашимъ знакомымъ. Какъ ведетъ себя вашъ неблаговоспитанный котъ? „Addio.

„Вашъ Достоевскій."

На это письмо я обѣщалъ быть къ сроку въ Женевѣ. Я выѣхалъ въ половинѣ іюля, остановился дня на два, на три въ Берлинѣ, потомъ столько же въ Дрезденѣ и прямо проѣхалъ въ Женеву. Чтобы отыскать Ѳедора Михайловича, я употребилъ извѣстный способъ: пошелъ гулять по набережной и заходить въ самыя видныя кофейни. Кажется, въ первой-же изъ нихъ я нашелъ его. Мы очень обрадовались другъ другу, какъ люди давно скучавшіе среди чужой толпы, и принялись такъ громко разговаривать и хохотать, что встревожили другихъ посѣтителей, чинно и молчаливо сидѣвшихъ за своими столиками и газетами. Мы поспѣшили уйти на улицу и стали, разумѣется, неразлучны. Ѳедоръ Михайловичъ не былъ большимъ мастеромъ путешествовать; его не занимали особенно ни природа, ни историческіе памятники, ни произведенія искусства, за исключеніемъ развѣ самыхъ великихъ; все его вниманіе было устремлено на людей, и онъ схватывалъ только ихъ природу и характеры, да развѣ общее впечатлѣніе уличной жизни. Онъ горячо сталъ объяснять мнѣ, что презираетъ обыкновенную, казенную манеру осматривать по путеводителю разныя знаменитыя мѣста. И мы, дѣйствительно, ничего не осматривали, а только гуляли, гдѣ полюднѣе, и разговаривали. У меня не было опредѣленной цѣли, и я тоже старался уловить только общую физіономію этой ни разу еще мною не виданной жизни и природы. Женеву Ѳедоръ Михайловичъ находилъ вообще мрачною и скучною. По моему предложенію,

*) Евгенія Карловна Тибленъ, жена Николая Львовича Тиблена, извѣстнаго издателя шестидесятыхъ годовъ. Его изданія отличались хорошимъ выборомъ и имѣли большой ходъ; имъ изданы Маколей, Бокль, Спенсеръ, Куно-Фишеръ и т. д. Онъ былъ прежде военнымъ и былъ подъ Севастополемъ.

мы съѣздили въ Люцернъ; мнѣ очень хотѣлось видѣть *Озеро Четырехъ Кантоновъ,* и мы дѣлали увеселительную поѣздку на пароходѣ по этому озеру. Погода стояла прекрасная, и мы могли вполнѣ налюбоваться этимъ несравненнымъ видомъ. Потомъ мнѣ хотѣлось быть непремѣнно во Флоренціи, о которой такъ восторженно писалъ и разсказывалъ Ап. Григорьевъ. Мы пустились въ путь черезъ Монсенисъ и Туринъ въ Геную; тамъ сѣли на пароходъ, на которомъ пріѣхали въ Ливорно, а оттуда по желѣзной дорогѣ во Флоренцію. Въ Туринѣ мы ночевали, и онъ своими прямыми и плоскими улицами показался Ѳедору Михайловичу напоминающимъ Петербургъ. Во Флоренціи мы прожили съ недѣлю въ скромной гостинницѣ Pension Suisse (Via Tornabuoni). Жить здѣсь намъ было не дурно, потому что гостинница не только была удобна, но и отличалась патріархальными нравами, не имѣла еще тѣхъ противныхъ притязаній на роскошь и тѣхъ пріемовъ обиранья и наглости, которые уже порядочно въ ней процвѣтали, когда въ 1875 году я опять остановился въ ней по старой и пріятной памяти. И тутъ мы не дѣлали ничего такого, что дѣлаютъ туристы. Кромѣ прогулокъ по улицамъ, здѣсь мы занимались еще чтеніемъ. Тогда только что вышелъ романъ В. Гюго „Les miserables", и Ѳедоръ Михайловичъ покупалъ его томъ за томомъ. Прочитавши самъ, онъ передавалъ книгу мнѣ, и тома три или четыре было прочитано въ эту недѣлю. Однако мнѣ хотѣлось не упустить случая познакомиться съ великими произведеніями искусства, попробовать при спокойномъ и внимательномъ разсматриваніи угадать и раздѣлить восторгъ, созидавшій эту красоту, и я нѣсколько разъ навѣстилъ galleria degli Uffizi. Однажды мы пошли туда вмѣстѣ; но, такъ какъ мы не составили никакого опредѣленнаго плана и ни мало не готовились къ осмотру, то Ѳедоръ Михайловичъ скоро сталъ скучать и мы ушли, кажется, не добравшись даже до Венеры Медицейской. Зато наши прогулки по городу были очень веселы, хотя Ѳедоръ Михайловичъ и находилъ иногда, что Арно напоминаетъ Фонтанку, и хотя мы ни разу не навѣстили *Кашинъ.* Но всего пріятнѣе были вечерніе разговоры на сонъ грядущій за стаканомъ краснаго мѣстнаго вина. Упомянувъ о винѣ (которое на этотъ разъ было малымъ чѣмъ крѣпче пива), замѣчу вообще, что Ѳедоръ Михайловичъ былъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно умѣренъ. Я не помню во всѣ двадцать лѣтъ случая, когда-бы въ немъ замѣтенъ былъ малѣйшій слѣдъ дѣйствія выпитаго вина. Скорѣе онъ обнаруживалъ маленькое пристрастіе къ сластямъ; но ѣлъ вообще очень умѣренно.

За обѣдомъ въ нашемъ Pension Suisse произошла и та сцена, которая описана въ „Замѣткахъ" на стр. 423 („Сочиненія" т. III). Помню до

сихъ поръ крупнаго француза, первенствовавшаго въ разговорѣ и, дѣйствительно, довольно непріятнаго. Но рѣчамъ его придана въ разсказѣ слишкомъ большая рѣзкость; и еще опущена одна подробность: на Өедора Михайловича такъ подѣйствовали эти рѣчи, что онъ въ гнѣвѣ ушелъ изъ столовой, когда всѣ еще сидѣли за кофе.

Изъ „Замѣтокъ" самого Достоевскаго читатели всего яснѣе увидятъ, на что было направлено его вниманіе за границею, какъ и вездѣ. Его интересовали люди, исключительно люди, съ ихъ душевнымъ складомъ, съ образомъ ихъ жизни, ихъ чувствъ и мыслей.

Во Флоренціи мы разстались; онъ хотѣлъ, если не ошибаюсь, ѣхать въ Римъ (что не состоялось), а мнѣ хотѣлось хоть недѣлю провести въ Парижѣ, гдѣ онъ уже побывалъ. Къ тѣмъ чертамъ бдительности французской полиціи, которыя приводитъ Өедоръ Михайловичъ, прибавлю еще черточку. На пароходѣ, на которомъ я ѣхалъ изъ Генуи въ Марсель, черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда, когда уже совсѣмъ стемнѣло, вдругъ отъ меня потребовали мой видъ, и только отъ меня одного. Помню, какъ это удивило нѣкоторыхъ пассажировъ и какъ кто-то предложилъ мнѣ объясненіе, что во Франціи боятся разныхъ пріѣзжихъ. Можетъ быть, полицію обмануло въ этомъ случаѣ какое нибудь сходство.

X.

Третій годъ журнала.—Польское дѣло.

Въ сентябрѣ, когда мы вернулись въ Петербургъ, редакція наша оказалась въ полномъ сборѣ: еще въ серединѣ лѣта вернулся изъ Оренбурга Ап. Григорьевъ. Всѣ принялись работать какъ могли и какъ умѣли, и дѣло шло такъ хорошо, что можно было радоваться. Первымъ дѣломъ Өедора Михайловича было написать для сентябрьской книжки то длинное объявленіе объ изданіи „Времени" въ 1863 году, которое читатели найдутъ въ „Приложеніяхъ" къ этому тому. Оно очень хорошо написано, съ искренностью и воодушевленіемъ. Главное содержаніе, кромѣ настоятельнаго повторенія руководящей мысли журнала, состоитъ въ характеристикѣ противниковъ. По терминологіи Ап. Григорьева одни изъ нихъ называются *теоретиками*—это нигилисты; другіе *доктринерами*—это ортодоксальные либералы, напр., тогдашній „Русскій Вѣстникъ". Почти все объявленіе посвящено именно теоретикамъ и обличителямъ. Есть, однако, и оговорка объ уваженіи, такъ же какъ и въ предъидущемъ объяв-

леніи на 1862 годъ. Объявленіе на 1863 годъ имѣло большой успѣхъ, то есть возбудило литературные толки, большею частію враждебные. Живописное выраженіе объ „кнутикѣ рутиннаго либерализма“, было подхвачено мелкими журналами, понявшими, что рѣчь идетъ объ нихъ.

Слѣдующій годъ, 1863-й, былъ важною эпохою въ нашемъ общественномъ развитіи. Въ началѣ января вспыхнуло польское возстаніе и привело наше общество въ великое смущеніе, разрѣшившееся крутымъ поворотомъ нѣкоторыхъ мнѣній. При либеральномъ настроеніи не только общества, но и правительственныхъ лицъ, на польскій вопросъ сперва никакъ не умѣли установить правильнаго взгляда. Вопросъ распадался на двѣ части: во первыхъ, что̀ дѣлить съ Поляками? во вторыхъ, что̀ такое Западный край? Польша, лишенная самостоятельности, представлялась источникомъ неизбѣжныхъ потрясеній; не мало патріотовъ давно говорили, что, присоединивъ къ Россіи Польшу, мы *приняли ее внутрь*, какъ какое нибудь вредно-дѣйствующее лекарство. Поэтому и въ „Днѣ“ и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, начавшихъ съ этого года выходить подъ нынѣшнею редакціею, сначала было высказано замѣчаніе, что, можетъ быть, лучшій способъ развязать узелъ — откинуть отъ себя Польшу, предоставивъ ее своей судьбѣ. Но открылись притязанія поляковъ на Западный край, и эти притязанія съ одной стороны показали невозможность какой-бы то ни было полюбовной развязки дѣла, а съ другой смутили многое множество образованныхъ людей, которые, по своему глубокому невѣжеству въ этомъ дѣлѣ, готовы были сдаться на эти притязанія. Двѣ названныя московскія газеты скоро установили правильный взглядъ на дѣло, особенно „День“ былъ тогда чрезвычайно полезенъ своими толкованіями, и также свѣдѣніями съ самаго мѣста событій. Произошелъ рѣзкій переломъ въ обществѣ: патріотизмъ заговорилъ очень горячо; „Московскія Вѣдомости“ своими энергическими статьями поддержали рѣшенія правительства; безпочвенные либералы потеряли вѣсъ, и Герценъ, вздумавшій стоять за поляковъ, навсегда упалъ въ мнѣніи читателей.

Петербургская литература съ самаго начала возстанія почти сплошь молчала, или потому, что не знала что̀ говорить, или даже потому, что со своихъ отвлеченныхъ точекъ зрѣнія готова была даже прямо сочувствовать притязаніямъ возставшихъ. Это молчаніе очень раздражало московскихъ патріотовъ и людей, настроенныхъ патріотически въ правительственныхъ сферахъ. Они чувствовали, что въ обществѣ существуетъ настроеніе, враждебное государственнымъ интересамъ той минуты, и справедливо питали гнѣвъ противъ такого настроенія. Этотъ гнѣвъ долженъ былъ обрушиться на первое такое явленіе, которое достаточно ясно обнаруживало-бы тай-

ныя чувства, выражаемыя пока однимъ молчаніемъ. Онъ и обрушился, но, по недоразумѣнію, упалъ не на виновныхъ: неожиданная кара поразила журналъ „Время“.

Нужно прямо сознаться, что этотъ журналъ дурно исполнялъ обязанности, предлежавшія тогда всякому журналу, а особенно патріотическому. „Время“ 1863 было замѣчательно интересно въ литературномъ отношеніи; книжки были не только очень толсты, но и очень разнообразны и наполнены хорошими вещами. Но о польскомъ вопросѣ ничего не было написано. Первою статьею объ этомъ дѣлѣ была моя статья „Роковой Вопросъ“ въ апрѣльской книжкѣ, и она-то была понята превратно и повела къ закрытію журнала.

Разумѣется, ни у братьевъ Достоевскихъ, ни у меня не было и тѣни полонофильства, или желанія сказать что нибудь непріятное правительству. Мысль статьи была та, что намъ слѣдуетъ бороться съ поляками не однимъ вещественнымъ, но и духовными орудіями, и что окончательное разрѣшеніе дѣла наступитъ лишь тогда, когда мы одержимъ надъ поляками духовную побѣду. Польскій вопросъ, больше чѣмъ всякій другой, требуетъ участія и всѣхъ нашихъ внутреннихъ силъ, напоминаетъ намъ наше различіе отъ Европы, требуетъ уясненія и развитія нашихъ самобытныхъ началъ. На дѣлѣ, въ жизни, мы безконечно превосходимъ поляковъ; нужно привести эту нашу мощь къ сознанію, нужно почерпнуть изъ нея ясныя формы умственнаго и культурнаго развитія.

Достоевскіе оба были сначала очень довольны моею статьею и хвалились ею. Въ сущности она была продолженіемъ того дѣла, которымъ мы вообще занимались, то есть возведеніемъ вопросовъ въ общую и отвлеченную формулу. Но жизнь со своими конкретными чувствами и фактами шла такъ горячо, что на этотъ разъ не потерпѣла отвлеченности. Эта несчастная статья въ этомъ отношеніи, конечно, была очень дурно написана. Послѣ запрещенія журнала, Өедоръ Михайловичъ слегка попрекнулъ меня за сухость и отвлеченность изложенія, и меня тогда слегка обидѣло такое замѣчаніе; но теперь охотно признаю его справедливость. Если самъ И. С. Аксаковъ былъ на минуту введенъ въ недоразумѣніе, то, конечно, я былъ виноватъ.

Мнѣ горько подумать о томъ огорченіи, которое я невольно причинилъ многимъ патріотическимъ людямъ. Но еще великимъ наказаніемъ мнѣ было то, что меня принимали часто за полонофила и по этой причинѣ обращались со мною съ особымъ уваженіемъ. Это мнѣ было больнѣе всѣхъ тѣхъ презрительныхъ взглядовъ и холодностей, которыхъ столько я вынесъ, даже отъ иныхъ близкихъ знакомыхъ, за противоположныя свой-

ства, за то, что былъ въ ихъ глазахъ консерваторомъ и ретроградомъ. Это смутное состояніе умовъ, эта крутая и узкая постановка всѣхъ вопросовъ, эта поразительная скудость категорій для сужденія встрѣчается во всякомъ обществѣ и имѣетъ большую силу въ нашемъ. Конечно, это есть великое зло, мѣшающее развитію мысли и литературы. На цензуру тутъ нельзя особенно жаловаться; она едва-ли можетъ быть выше того общества, среди котораго существуетъ. Напротивъ, справедливѣе укорять тѣхъ, кто вообще не расширяетъ, а обостряетъ вопросы, не раскрываетъ дѣло, а старается его скомкать.

Чтобы пояснить непріятное впечатлѣніе, произведенное тономъ моей статьи, рѣшаюсь прибавить еще нѣсколько строкъ. Съ дѣтства я былъ воспитанъ въ чувствахъ безграничнаго патріотизма; я росъ вдали отъ столицъ, и Россія всегда являлась мнѣ страною, исполненною великихъ силъ, окруженною несравненною славою, первою страною въ мірѣ, такъ что я въ точномъ смыслѣ слова благодарилъ Бога за то, что родился русскимъ. Поэтому я долго потомъ не могъ даже вполнѣ понимать явленій и мыслей, противорѣчившихъ этимъ чувствамъ; когда-же я, наконецъ, сталъ убѣждаться въ презрѣніи къ намъ Европы, въ томъ, что она видитъ въ насъ народъ полуварварскій, и что намъ не только трудно, а просто невозможно заставить ее думать иначе, то это открытіе было мнѣ невыразимо больно, и боль эта отзывается и до сегодня. Но я никогда и не думалъ отказываться отъ своего патріотизма и предпочесть родной землѣ и ея духу—духъ какой бы то ни было страны. Если мнѣ часто казалось, говоря словами Тютчева, что

> Умомъ Россіи не понять,
>
> Въ Россію можно только вѣрить,

то, съ другой стороны, я однако же начиналъ все яснѣе уразумѣвать, какъ и почему

> Не пойметъ и не замѣтитъ
> Гордый взоръ иноплеменный,
> Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
> Въ наготѣ ея смиренной.

Презрѣніе европейцевъ было только постояннымъ жаломъ, сильнѣе возбуждавшимъ и преданность родному духу и пониманіе этого духа. Эту-то преданность и это-то пониманіе мнѣ хотѣлось возбудить и у другихъ, и вотъ почему я разговорился о высокомѣріи поляковъ, указывая на то, что поставить себя выше ихъ притязаній мы можемъ только твердою вѣрою въ себя, сознаніемъ того духа, который въ себѣ носимъ.

Несчастіе наше пока только въ трудности и неясности этого сознанія,

но это несчастіе гнететъ только насъ, оторвавшихся отъ почвы. А за этимъ исключеніемъ Россія, конечно, есть самая могучая, самая здоровая, самая твердая и спокойная духомъ, а потому и самая счастливая страна въ мірѣ. Кто хочетъ спастись, пусть ищетъ этого духа и направитъ свой умъ на его уразумѣніе.

Польскій аристократизмъ и вообще, и особенно въ приложеніи къ захваченнымъ русскимъ областямъ, отвратителенъ для каждаго русскаго человѣка; да онъ-то больше всего и погубилъ Польшу. Между тѣмъ этотъ аристократизмъ и былъ развитъ и поддерживается давнимъ усвоеніемъ европейской образованности. Изъ этого слѣдуетъ, что зло можетъ заключаться даже въ столь хорошемъ дѣлѣ, какъ просвѣщеніе, что иногда лучше отстать въ культурѣ, но сохранить духовное здоровье и не попасть въ тотъ безвыходный разладъ стремленій и чувствъ, въ которомъ находятся поляки. Вотъ въ какомъ смыслѣ я назвалъ свою статью „Роковымъ вопросомъ“; я готовъ былъ прямо сказать, что полякамъ уже нѣтъ спасенія, что исторія осудила ихъ на гибель.

Повторяю, это было слишкомъ отвлеченно, было неясно написано, не подходило подъ ходячія понятія, и статья была превратно понята.

Когда разнеслись слухи, что журналу угрожаетъ опасность, мы не вдругъ могли этому повѣрить,—совѣсть у насъ была совершенно чиста. Когда слухи стали настойчивѣе, мы только задумывали писать объясненія и возраженія въ слѣдующей книжкѣ „Времени“. Но наконецъ оказалось, что нельзя терять ни одного дня, и тогда Ѳедоръ Михайловичъ составилъ небольшую замѣтку объ этомъ дѣлѣ, чтобы тотчасъ-же напечатать ее въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Замѣтка была принята, набрана, но — цензоръ уже не рѣшился ее пропустить. Вотъ что стояло въ ней:

Отвѣтъ редакціи „Времени“ *) на нападеніе „Московскихъ Вѣдомостей“.

„Въ № 109 „Московскихъ Вѣдомостей“ есть противъ насъ статья

*) „Мы получили эту статью при слѣдующемъ письмѣ:

„Милостивый Государь
„Валентинъ Ѳедоровичъ!

„Въ № 109 „Моск. Вѣд.“ помѣщена противъ насъ статья, требующая немедленнаго отвѣта. Въ ней насъ обвиняютъ въ томъ, что мы стоимъ за польскій „интересъ въ ущербъ русскому. Надо быть крайне несвѣдущимъ въ русской журналистикѣ, чтобы взвести на насъ подобное обвиненіе. Скорѣе можно обвинить „Время“ въ ультра-русскомъ народномъ направленіи, и конечно ужь въ поль-

„по поводу нашей статьи „Роковой вопросъ“ („Время“ № 4), полная „клеветъ и... намековъ. Подписано Петерсонъ.

Вотъ эта статья отъ слова до слова:

„Такая статья, какъ „Роковой вопросъ“, не должна была явиться безъ под-„писи автора. Только бандиты наносятъ удары съ маской на лицѣ. Quand on a son „opinion, il faut en avoir le courage. Вся статья основана на ложныхъ показа-„ніяхъ, а слѣдовательно и выводы должны быть ложны. Развѣ не ложь сравни-„вать цивилизацію высшаго класса Польши съ цивилизаціей русскаго народа „вообще? Развѣ не ложь говорить, что поляки съ цѣлью распространить цивили-„зацію завладѣли Украйной и Москвой? Странно, что съ подобною благородною „жаждой относительно чужихъ народовъ, поляки съ своими собственными кре-„стьянами обращались какъ съ скотами? Неужели поляки считали средствомъ „цивилизаціи отдачу на откупъ жидамъ церквей Малороссіи? Никогда Польша „вся не возставала; возставала только шляхта и ксендзы, а масса народа, т. е. „крестьяне, никогда не сочувствовали панамъ, потому что рабъ своему угнета-„телю сочувствовать не можетъ. Вся исторія Польши доказываетъ, что этотъ „цивилизованный народъ никогда не имѣлъ политическаго такта, а варварская „Россія еще въ 1612 году доказала, что въ высшей степени обладаетъ этимъ так-„томъ. На чьей же сторонѣ перевѣсъ государственнаго ума? Теперь бунтуетъ „только частица Польши и вся Россія единодушно даетъ ей отпоръ. Не можетъ ли „другой подумать, что въ подписи статьи словомъ: „Русскій“ таится коварный умы-„селъ? Разумѣется, поляки поторопятся перевести эту статью на всѣ языки „Европы и скажутъ: „Вотъ видите ли, какъ сами русскіе думаютъ. Не правы ли „мы?“ Поди потомъ разувѣряй Европу. Она и безъ того закидала насъ грязью и „клеветой.

„Редакція журнала „Время“ имѣла полное право напечатать статью „Роко-„вой вопросъ“, но, печатая статью безъименнаго автора, она сдѣлала бы очень „хорошо, еслибъ оговорилась: согласна ли она или нѣтъ съ мнѣніемъ автора, имя „котораго, еслибъ оно было извѣстно, произносилось бы съ презрѣніемъ каждымъ „истинно-русскимъ“.

„Мы бы, разумѣется, не стали отвѣчать г. Петерсону, ни даже „Мос-„ковскимъ Вѣдомостямъ“. Мы давно уже стараемся ничего не говорить „ни о „Русскомъ Вѣстникѣ“, ни о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Но... „обстоятельства. Надо предупредить дурныя послѣдствія.

„Итакъ г. Петерсонъ, вы изволите говорить во первыхъ, что статья „наша основана на ложныхъ показаніяхъ. Что-же въ ней ложно? Вы не „потрудились объяснить, въ чемъ состоятъ эти ложныя показанія. Вы „только говорите: „Развѣ не ложь сравнивать цивилизацію высшаго „класса Польши съ цивилизаціей русскаго народа вообще?“

„скомъ вопросѣ „Время“ не станетъ противорѣчить своей трехлѣтней дѣятель-„ности.

„Такъ какъ статья „Моск. Вѣд.“ требуетъ немедленнаго отвѣта, а слѣдующій „№ „Времени“ выйдетъ еще черезъ нѣсколько дней, то Вы меня премного обя-„жете, помѣстивъ мой отвѣтъ въ Вашей газетѣ.

„Примите, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ искреннемъ къ Вамъ „уваженіи.

„*М. Достоевскій*“.

„Но что-же это означаетъ и какая-жь тутъ можетъ быть ложь? „Почему ложь?

„Для насъ, между прочимъ, тѣмъ-то и важенъ этотъ вопросъ, что „поляки со всей своей (безспорной) европейской цивилизаціей „носили „смерть въ самомъ своемъ корнѣ". Въ статьѣ нашей это сказано ясно, „слишкомъ ясно, и указано, почему это такъ. Именно: потому, „что эта „„цивилизація была не народною, не славянскою, что въ ней не было „„никакой самобытности, и потому она не могла слится въ крѣпкое цѣлое „„съ народнымъ духомъ" *). Вотъ тутъ невозможно не сопоставить, что „цивилизація въ Польшѣ была цивилизаціей общества высшаго и лишена „была земскихъ элементовъ, удалилась отъ народнаго духа, какъ у насъ „сказано.

„И что-же мы проповѣдывали цѣлые три года въ нашемъ журналѣ? „Именно то, что наша (теперешняя русская) заемная европейская циви„лизація, въ тѣхъ точкахъ, въ которыхъ она не сходится съ широкимъ „русскимъ духомъ, не идетъ русскому народу. Что это значитъ втискать „взрослаго въ дѣтское платье. Что, наконецъ, у насъ есть свои элементы, „свои начала, народныя начала, которыя требуютъ самостоятельности и „саморазвитія. Что русская земля скажетъ свое новое слово, и это новое „слово, можетъ быть, будетъ новымъ словомъ общечеловѣческой цивили„заціи и выразитъ собою цивилизацію всего славянскаго міра. Мы такъ „вѣримъ, мы такъ говорили. Въ элементахъ нашей народной цивилиза„ціи мы всегда видѣли признаки земщины, тогда какъ въ европейской— „признаки аристократизма и исключительности. Мало того, мы при„знаемъ, что мы, т. е. всѣ цивилизованные по европейски русскіе, отор„вались отъ почвы, чутье русское потеряли, до того, что не вѣримъ въ „собственныя русскія силы, не вѣримъ въ свои особенности, падаемъ „ницъ, какъ рабы, передъ петровской голландіей, смѣемся надъ словомъ „„народныя начала", считаемъ его ретроградствомъ, мистицизмомъ.

„Таковы и вы, г. Петерсонъ. Мы въ нашей статьѣ посягнули на то, „на что̀ бы вы и во снѣ не рѣшились, на то, что̀ серьезно и искренно „уважалъ даже императоръ Александръ I, который именно во имя ува„женія къ польской цивилизаціи далъ полякамъ высшее устройство, чѣмъ „русскимъ, считая русскихъ гораздо ниже образованными поляковъ.

„Ну такъ вотъ мы даже на это посягнули, на самую ихъ европей„скую цивилизацію, на самую ихъ образованность, на самую ихъ гордость „и славу. Если для поляковъ и для васъ, г. Петерсонъ, она все еще гор-

*) Слова въ кавычкахъ—изъ „Роковаго вопроса". *Н. С.*

„дость и слава, то мы-то ее, эту польскую цивилизацію, въ грошъ не ста„вимъ. Для того-то и вся статья наша написана. А вы и не догадались? „Мы вамъ скажемъ, почему вы не догадались: потому именно, что вы „сами благоговѣете передъ польской цивилизаціей, потому что вы рев„нуете къ ней, завидуете ей. Вы обидѣлись. „И мы, дескать, тоже обра„зованные“... А почему вы обидѣлись? Да именно потому, что у васъ и „въ воображеніи никогда не было другой мѣрки достоинства и развитія „русскаго, кромѣ европейской цивилизаціи quand même. Вы ее только „одну и признаете. Вы не признаете національнаго развитія, вы не при„знаете самостоятельности народныхъ началъ въ русскомъ племени и, во „имя вашего англизированнаго патріотизма, обижаетесь, что поляки насъ „образованнѣе, въ европейскомъ смыслѣ, другими словами, что русскіе „упорно хотятъ остаться русскими и не обратились по приказу въ нѣм„цевъ или французовъ. Да вѣдь это-то и хорошо; но вѣдь поляковъ-то „и сгубила ихъ цивилизація. Не смотря на всю ихъ гордость этой циви„лизаціей, до того сгубила, что имъ теперь уже нѣтъ воскресенія, хотя „бы они и сдѣлались политически независимыми.

„Европейская цивилизація, которая есть плодъ Европы и въ сущно„сти на своемъ мѣстѣ въ Европѣ,—въ Польшѣ (можетъ быть, именно по„тому, что поляки славяне) развила антинародный, антигражданственный, „антихристіанскій духъ. Она развила у нихъ преимущественно католи„цизмъ, іезуитизмъ и аристократизмъ, да тѣмъ и порѣшила. Мало того: „нигдѣ, можетъ быть, католицизмъ не получалъ такой степени прозели„тизма, какъ въ Польшѣ. Что-же вы пишите: „Развѣ не ложь говорить, „что поляки, съ цѣлью распространить цивилизацію, завладѣли Украйной „и Москвой?“ А то какъ-же? Неужели вы этого не понимали до сихъ поръ? „У нихъ вся цивилизація обратилась въ католицизмъ, а мало-ли они „жгли, да кожи сдирали съ русскихъ за католицизмъ? Мало-ли они до„нимали насъ, плевали на насъ какъ на хлоповъ и за людей насъ не счи„тали? Изъ-за чего это было, какъ вы думаете? Именно изъ католической „пропаганды, изъ ярости уловлять прозелитовъ, изъ ярости ополячить и „окатоличить. Ясное дѣло, что народъ, который за людей не считаетъ „людей другой вѣры, не уважаетъ ничего такъ высоко, какъ себя и свою „вѣру, а слѣдовательно и способенъ употребить все, чтобъ обратить всѣхъ „въ свою вѣру. Обращенные русскіе дворяне становились тотчасъ же па„нами, а прочіе были только хлопами. Само собою разумѣется, что по„ляки должны были считать это не только благороднымъ, но даже святѣй„шимъ дѣломъ, гордиться имъ, теперь этимъ славятся, а вы и теперь „считаете это благороднымъ и прекраснымъ поступкомъ, т. е. пропаганду

„да не съ точки зрѣнія поляковъ, а *сами отъ себя* считаете. Это ясно „въ вашей статьѣ высказано, г. Петерсонъ.

„Мы въ нашей статьѣ „Роковой вопросъ“ стали на точку зрѣнія по„ляковъ и сказали, что они, страстно преданные и вѣрующіе въ свою „(аристократическую и католическую) цивилизацію, должны надмѣваться „ею, гордиться ею передъ нами, которыхъ они до сихъ поръ считаютъ за „хлоповъ и варваровъ, и даже тѣмъ болѣе гордиться, чѣмъ болѣе они „принижены передъ нами, считать наше первенство за вопіющую неспра„ведливость судьбы и возставать противъ этой судьбы; чтожь, развѣ это „именно не такъ съ ихъ точки зрѣнія? Вѣдь это фактъ, вѣдь факта не „спрячешь въ карманъ. Да въ этомъ весь и вопросъ, можетъ быть, заклю„чается, именно весь, весь! Гдѣ-жь имъ понять, допустить и увѣровать, „что русская земля, можетъ быть, заключаетъ въ себѣ земскія начала, не „низшія началъ западной цивилизаціи? Вѣдь этого и Европа не допу„скаетъ и насъ постоянно не любитъ, терпѣть даже насъ не можетъ. Мы „никогда въ Европѣ не возбуждали симпатіи и она, если можно было, „всегда съ охотою на насъ ополчалась. Она не могла не признать только „одного: нашу силу,—и эта физическая, матеріальная сила (такъ по край„ней мѣрѣ Европа должна была смотрѣть на насъ) всегда возбуждала въ „ней негодованіе. Да вѣдь и не одна Европа. Развѣ вы сами не судите „о русскихъ точно такъ же, какъ судитъ о насъ Европа? Мы еще два „года назадъ укоряли „Русскій Вѣстникъ“, что онъ русской народности „не признаетъ. Теперь московскій теймсъ горячится и не замѣчаетъ, что „вся эта горячка есть пародія на англійскій теймсъ и что самый патріо„тизмъ его — англизированный патріотизмъ. Какъ хотите, а мы отли„чаемъ патріотизмъ и, главное, руссизмъ „Московскихъ Вѣдомостей“ отъ „высокаго и искренняго патріотизма Москвы. Мы никакъ не можемъ ихъ „сливать вмѣстѣ. Тотъ патріотизмъ, который въ самостоятельность рус„скаго развитія не вѣритъ, можетъ быть искренній, но во всякомъ слу„чаѣ смѣшной патріотизмъ. Между прочимъ у васъ вотъ какая логика:

„Поляки не должны славиться своей цивилизаціей, а слѣдственно они „и не славятся своей цивилизаціей.

„Развѣ это логика?

„Я-то, положимъ, не нахожу ничего, чѣмъ поляки могутъ славиться— „но въ томъ-то и трагедія, что поляки вѣрятъ въ эту ядовитую свою ци„вилизацію слѣпо. Какъ въ величайшую славу свою вѣрятъ. Вотъ это „какъ вы порѣшите?

„Наша статья подписана „Русскій“. Вы изволите говорить:

„Не можетъ-ли другой подумать, что въ подписи статьи словомъ:

„Русскій“ таится коварный умыселъ“. И прибавляете: „Разумѣется, по-„ляки поторопятся перевести и скажутъ: вотъ какъ сами русскіе“ и т. д.

„Отвѣчаемъ: Очень можетъ быть, что поляки поторопятся перевести, „тѣмъ болѣе, что они всетаки поляки, а вы русскій, да ничего не поняли „въ нашей статьѣ.

„А что̀ касается до подписи, то писалъ статью дѣйствительно русскій, „а именно: Н. Н. Страховъ, нашъ сотрудникъ. Это объявляемъ съ по-„зволенія г. Страхова, а вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляемъ уже собственно „отъ себя, что русскій Страховъ сто̀итъ по крайней мѣрѣ русскаго Пе-„терсона. Это уже наше личное мнѣніе.

„Само собою, что редакція „Времени“ совершенно и вполнѣ согласна „съ статьею своего сотрудника. Это мы во всеуслышаніе объявляемъ.

„Наконецъ, чтобъ заключить:

„Г. Петерсонъ говоритъ: Имя автора, еслибъ оно было извѣстно, „произносилось бы съ презрѣніемъ каждымъ истинно русскимъ.

„Отвѣчаемъ:

„Вашему имени, г. Петерсонъ, мы не придаемъ никакого значенія, „да и статья ваша, собственно въ литературномъ смыслѣ, чрезвычайно пу-„стая статья. Мы бы на нее ни за что не стали вамъ отвѣчать, какъ уже „и заявили выше. Въ томъ-то и дѣло, что въ другомъ, т. е. не въ лите-„ратурномъ смыслѣ, ваша статья нехорошая статья, именно тѣмъ, что „поневолѣ требуетъ отвѣта. Она даже и не статья. Она просто — дурное „дѣло, г. Петерсонъ. Очень дурное дѣло. Вотъ почему мы и посовѣтуемъ „вамъ обратить вниманіе скорѣе на свое имя, г. Петерсонъ, и поберечь „его. Право, не худо будетъ, г. Петерсонъ.

„Редакція „Времени“.

Цензура не пропустила этой статьи, потому что было уже извѣстно, что дѣло доведено до Государя, и что журналъ положено закрыть. Мы были признаны виноватыми, и намъ не позволялось оправдываться. Журналъ былъ закрытъ безъ всякихъ условій, навсегда. Понятно, что чѣмъ грубѣе была ошибка, тѣмъ неудобнѣе было, послѣ строгой мѣры, раскрывать, что мѣра была принята по недоразумѣнію.

Съ своей стороны, я дѣлалъ все, что̀ можно, и что̀ мнѣ совѣтовали. Я тотчасъ написалъ М. Н. Каткову и И. С. Аксакову, составилъ объяснительную записку для министра внутреннихъ дѣлъ и предполагалъ подать просьбу Государю. Ничего не удавалось, ничего не дѣйствовало. И М. Н. Катковъ, и И. С. Аксаковъ отозвались сейчасъ же и принялись дѣйствовать съ великимъ усердіемъ. Нужно было печатно объяснить не-

доразумѣніе. Но ни тому, ни другому цензура не пропускала ни строчки по этому дѣлу; приходилось обращаться къ министру и настаивать у него. Я написалъ большую статью для „Дня“ — она не была пропущена. О просьбѣ Государю я совѣтовался съ покойнымъ А. В. Никитенко и предполагалъ подать ее черезъ него. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній, онъ далъ мнѣ рѣшительный совѣтъ отказаться отъ этого намѣренія.

Положеніе наше было не только въ высшей степени досадно, но отчасти и тяжело. Нѣсколько времени я предполагалъ, что меня вышлютъ куда нибудь изъ Петербурга. Всѣ работавшіе въ журналѣ потеряли мѣсто для своихъ работъ, а редакторъ имѣлъ передъ собою прекращеніе дѣла, на которое имъ возлагались большіе разсчеты. Но, не смотря на все это, нельзя сказать, чтобы мы горевали. Никто не унывалъ, и всѣ готовы были смотрѣть на это происшествіе, только какъ на одинъ изъ крупныхъ случаевъ обыкновенныхъ литературныхъ превратностей. До сихъ поръ дѣло у насъ шло очень весело и успѣшно; поэтому мы разсчитывали, что и впередъ мы успѣемъ еще десять разъ поднять его и добиться еще лучшихъ результатовъ. Громъ, который поднялся въ литературныхъ кружкахъ и въ обществѣ, представлялъ и свою выгодную сторону—распространеніе нашей извѣстности въ публикѣ. Этимъ утѣшеніямъ и надеждамъ, однако же, далеко не суждено было сбыться въ такихъ размѣрахъ, какъ мы предполагали.

Рѣшительный поворотъ дѣлу дала наконецъ замѣтка, помѣщенная въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Редакція „Московскихъ Вѣдомостей“, чувствуя себя въ нѣкоторой мѣрѣ виноватою, усиленно хлопотала о томъ, чтобы помочь бѣдѣ, и послѣ всяческихъ настояній у министра П. А. Валуева, добилась наконецъ того, что ей, но только ей одной, дана была возможность объяснить возникшую путаницу. Это объясненіе явилось въ майской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“; но такъ какъ хлопоты долго тянулись, а редакція не хотѣла выпускать книжки безъ своего объясненія, то эта майская книжка была подписана цензоромъ лишь 28-го іюня, слѣдовательно явилась въ свѣтъ въ началѣ іюля. Замѣтка называлась „По поводу статьи *Роковой вопросъ*“ и отличалась обыкновеннымъ мастерствомъ. Въ ней я былъ осыпанъ упреками очень рѣзкими по формѣ, но мало обидными по содержанію; рѣшительно отвергались и опровергались всѣ положенія моей статьи, но вмѣстѣ столь же рѣшительно утверждалась и доказывалась ея невинность. Такимъ образомъ было сдѣлано полное удовлетвореніе всѣмъ, негодовавшимъ на статью и доведшимъ дѣло до запрещенія журнала, и въ то же время редакція „Времени“ и я были ограждены отъ всякихъ дальнѣйшихъ дурныхъ послѣдствій. Только настояні-

ямъ „Русскаго Вѣстника“ и его замѣткѣ слѣдуетъ, кажется, приписывать и то, что никого изъ насъ больше не трогали, и то, что черезъ восемь мѣсяцевъ Михаилу Михайловичу Достоевскому дозволено было начать новый журналъ.

Однако же я съ этихъ поръ попалъ на замѣчаніе и состоялъ на немъ лѣтъ пятнадцать, такъ что два или три раза, когда издатели журналовъ предлагали мнѣ редакторство, цензура отказывалась утвердить меня въ званіи редактора.

Этотъ случай, какъ и многіе другіе, показываетъ, до какой степени трудно цензурное дѣло. Люди съ чистыми намѣреніями способны бываютъ, по этому самому, впадать въ наивности и неловкости, за что и подвергаются строгостямъ и запрещеніямъ; люди же не совсѣмъ чистые въ правительственномъ смыслѣ, обыкновенно очень ловки и неспособны къ наивностямъ, почему преспокойно процвѣтаютъ, вдобавокъ увѣряя и другихъ и самихъ себя, что они истинные мученики. Въ настоящемъ случаѣ мы, то есть редакція „Времени“, очень горевали особенно потому, что потеряна была возможность выразить наше патріотическое настроеніе. Если бы „Время“ не было запрещено, мы бы подняли горячую полемику съ московскими изданіями, стараясь перещеголять ихъ въ патріотизмѣ, споря о томъ, кто лучше и глубже понимаетъ русскіе интересы. Когда же „Время“ замолчало, то потомъ изъ Петербурга не было слышно уже никакого отзыва по польскому дѣлу.

Кстати, приведу здѣсь небольшія выдержки изъ письма ко мнѣ И. С. Аксакова, важныя для характеристики „Времени“ и тогдашней литературы вообще.

Отъ 6-го іюля 1863 г. онъ писалъ:

„...Вы напрасно ссылаетесь на *направленіе* „Времени“. Хотя оно „постоянно кричало о томъ, что у него есть направленіе, но никто на это „направленіе не обращалъ вниманія. Оно имѣло значеніе какъ хорошій „беллетристическій журналъ, болѣе чистый и честный, чѣмъ другіе, но „претензіи его были всѣмъ смѣшны. Тамъ могли быть помѣщаемы и помѣщались и хорошія статьи........,—но все это не давало „Времени“ „никакого цвѣта, никакой силы. Ему недоставало высшихъ нравственныхъ основъ, честности высшаго порядка. Оно имѣло безстыдство напечатать въ программѣ, что первое въ русской литературѣ провозгласило „и открыло существованіе русской народности! Нѣтъ такого врага славянофиловъ, который бы не возмутился этимъ. Потомъ—это наивное объявленіе, что славянофильство—моментъ отжившій, а пути къ жизни, „новое слово теперь у „Времени“! Славянофилы могутъ всѣ умереть до

„одного, но направленіе, данное ими, не умретъ,—и я разумѣю направ-„леніе во всей его строгости и неуступчивости, не прилаженное ко вкусу „петербургской канканирующей публики. Вотъ это волокитство за публи-„кой, это желаніе служить и нашимъ и вашимъ, это трактованіе славя-„нофиловъ *свысока* во „Времени“ и съ презрѣніемъ въ первой программѣ „Времени“, это уронило журналъ въ общемъ мнѣніи публики, а славяно-„филы, какъ вы знаете, *нигдѣ*, ни единымъ словомъ даже не задѣли „Времени“, потому что убѣжденія ихъ не вопросъ личнаго самолюбія. „Напр. „Время“ о повѣстяхъ Кохановской объявляетъ, какъ о явле-„ніяхъ пропущенныхъ нашей критикой, забывая, что „Русская Бесѣда“ „въ статьяхъ моего брата и Гилярова первая опредѣлила ея значеніе въ „литературѣ!!? Въ Петербургѣ, впрочемъ, не можетъ издаваться журналъ „съ народнымъ направленіемъ, ибо первое условіе для освобожденія въ „себѣ плѣненнаго чувства народности—возненавидѣть Петербургъ всѣмъ „сердцемъ своимъ и всѣми помыслами своими. Да и вообще, нельзя крес-„титься въ христіанскую вѣру (а славянофильство есть ничто иное, какъ „высшая христіанская проповѣдь), не отдувшись, не отплевавшись, не „отрекшись отъ сатаны“.

Чѣмъ горячѣе это письмо и чѣмъ живѣе негодуетъ оно на „Время“, тѣмъ больше цѣны имѣютъ сказанныя здѣсь похвалы нашему журналу, что это былъ *хорошій беллетристическій журналъ, болѣе чистый и и честный, чѣмъ другіе.* Упреки-же—нѣкоторые вполнѣ основательны, а другіе преувеличены, впрочемъ не безъ вины самаго „Времени“, именно по неясности того духа, въ которомъ велся журналъ. Объ отношеніяхъ къ славянофильству я уже подробно говорилъ. Очень справедливъ упрекъ въ *волокитствѣ за публикою,* но это волокитство имѣло вовсе не злостный, а скорѣе самый чистый характеръ, и подъ нимъ вовсе не скрывалось *желанія служить и нашимъ и вашимъ.* Что касается до *высшихъ нравственныхъ основъ,* до *христіанской проповѣди,* то эти основы, дѣйствительно, высказывались въ журналѣ всего менѣе и выражались развѣ только однимъ отрицательнымъ образомъ, напр. въ томъ, что въ журналѣ не было ничего ни матеріалистическаго, ни антирелигіознаго. Кругомъ царило такое ярое вольнодумство, что не одно „Время“ приберегало до болѣе удобнаго случая публичное выраженіе своихъ завѣтнѣйшихъ убѣжденій. Мало того,—изъ нашихъ частныхъ разговоровъ мнѣ не припоминается почти ни одного случая, когда бы Ѳедоръ Михайловичъ прямо высказывалъ то религіозное настроеніе, которое, повидимому, не угасало въ немъ ни въ одинъ періодъ его жизни. Помню, впрочемъ, какъ, говоря со мной о революціи, онъ съ особенной силой сослался на слова евангелія:

„поднявшіе мечъ, мечемъ и погибнутъ". Но неуваженіе къ религіи, или кощунственныя шутки надъ нею ни мало не были въ ходу во всемъ нашемъ кружкѣ, не смотря на то, что были обыкновеннѣйшимъ явленіемъ у тогдашнихъ просвѣщенныхъ людей и строго относиться къ нимъ было невозможно. Наконецъ, что̀ касается приверженности къ Петербургу, о которой можно было заключить по петербургскому тону и всѣмъ литературнымъ пріемамъ „Времени", то и ея въ сущности не было. Братья Достоевскіе и Ап. Григорьевъ были москвичи по рожденію, я пріѣхалъ въ Петербургъ шестнадцати лѣтъ, да и изъ другихъ сотрудниковъ я не помню чистыхъ Петербуржцевъ, людей, часто дѣйствительно бывающихъ влюбленными въ свою родину и обыкновенно болѣющихъ проказою того особеннаго просвѣщенія, которое въ ней завелось и укоренилось. Провинціалы, постоянно пополняющіе собою петербургское населеніе, бываютъ свободнѣе отъ этой заразы и составляютъ иногда нѣкоторое ей противоядіе.

„Роковой Вопросъ", по недоразумѣнію, нравился не только тѣмъ русскимъ, которые стыдятся патріотизма и не понимаютъ его, но и полякамъ и всякимъ врагамъ Россіи. Въ Revue de deux mondes, 1 Août 1863, появилась статья Мазада, въ которой цѣликомъ и очень точно былъ переведенъ „Роковой Вопросъ". Французскій журналъ находилъ въ немъ подтвержденіе своей мысли, той точки зрѣнія, съ которой онъ самъ смотрѣлъ на польское возстаніе; а онъ утверждалъ, что польское дѣло есть дѣло цивилизаціи и порядка, ибо русскіе распространяютъ-де всюду варварство и коммунизмъ. Статью мою Мазадъ приписалъ Достоевскому и, по этому случаю, говорилъ объ его ссылкѣ и его сочиненіяхъ. Тамъ было сказано, между прочимъ: il a écrit des livres navrants sur sa patrie; Ѳедору Михайловичу доставило маленькое удовольствіе то, что онъ извѣстенъ за границею. Смѣясь, онъ замѣчалъ однако, что слово navrants напоминаетъ ему русское слово *навралъ* *).

*) Вотъ отрывокъ изъ моего письма къ Ѳедору Михайловичу за границу, отъ 18 сентября 1863 г.

„Вѣроятно вы читали (Revue de deux mondes, 1 Août) ссылку на мою статью, „которая приписана вамъ. Статейка Мазада дурно написана, но въ ней есть „доля правды. Я слышалъ отъ пріѣзжихъ изъ за границы, что моя статья слу„жила для тамошнихъ русскихъ патріотовъ орудіемъ противъ увлеченія поль„скимъ дѣломъ, что на нее указывали, какъ на истинно-патріотическій взглядъ... „Это странное извѣстіе меня порадовало. Нашлись-же понимающіе люди!"

XI.

Вторая поѣздка за границу.

Лѣтомъ 1863 года, вѣроятно къ концу лѣта, Ѳедоръ Михайловичъ уѣхалъ за границу. Предыдущая поѣздка была такъ полезна для его здоровья, что онъ, съ тѣхъ поръ, постоянно стремился за границу, когда чувствовалъ нужду поправиться и освѣжиться. Какая тутъ была причина,—перемѣна-ли воздуха, или перемѣна его изнурительнаго образа жизни, но только эти поѣздки были для него спасеніемъ; польза ихъ доказывалась мѣриломъ, въ которомъ не могло быть никакого сомнѣнія,—быстрымъ уменьшеніемъ числа припадковъ.

Судя по всему, что̀ могу припомнить, и по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, Ѳедоръ Михайловичъ взялъ съ собою достаточно денегъ для поѣздки, но за границею попробовалъ поиграть въ рулетку и проигрался. Онъ познакомился съ рулеткой еще въ первую поѣздку, прежде чѣмъ доѣхалъ до Парижа, и тогда выигралъ тысячъ одиннадцать франковъ, что̀, разумѣется, было очень кстати для путешественника. Но эта первая удача уже больше не повторялась, а развѣ только вводила его въ соблазнъ. Въ рулеткѣ онъ не видѣлъ для себя ничего дурнаго, такъ какъ романисту было не лишнее испытать эту забаву и познакомиться съ нравами тѣхъ мѣстъ и людей, гдѣ она происходитъ. Дѣйствительно, благодаря этому знакомству, мы имѣемъ повѣсть „Игрокъ“, гдѣ дѣло изображено съ совершенною живостью.

Какъ-бы то ни было, въ концѣ сентября я получилъ отъ него слѣдующее письмо, которое привожу вполнѣ, такъ какъ оно рисуетъ почти всѣ тогдашнія обстоятельства и характеризуетъ его собственные пріемы и обычаи *).

„Римъ, 18 (30) сентября.

„Любезнѣйшій и дорогой Николай Николаевичъ, братъ въ послѣд-„немъ письмѣ своемъ, которое я получилъ дней 9 тому назадъ въ Ту-„ринѣ, писалъ мнѣ, что вы будто-бы хотите мнѣ написать письмо. Но „вотъ уже я два дня въ Римѣ, а письма отъ васъ нѣтъ. Буду ожидать

*) Письма свои Ѳедоръ Михайловичъ почти безъ исключенія писалъ очень разборчиво, отчетливо, не пропуская ни одной буквы, ни единаго знака препинанія. А адресъ всегда отличался особенною красотою почерка, полнотою и точностью. *Н. С.*

„съ нетерпѣніемъ*). Теперь-же я самъ пишу къ вамъ, но не для изліянія „какихъ нибудь вояжёрскихъ ощущеній, не для сообщенія кой-какихъ „идей, во весь этотъ промежутокъ, пришедшихъ въ голову. Все это бу-„детъ, когда я самъ пріѣду и когда мы, нѣтъ-нѣтъ да и поговоримъ, какъ „между нами часто бывало. Нѣтъ; теперь я обращаюсь къ вамъ съ огром-„ной просьбой и впередъ предупреждаю, что имѣю нужду во всемъ рас-„положеніи вашемъ ко мнѣ и во всѣхъ тѣхъ дружескихъ чувствахъ (вы „мнѣ позвольте такъ выразиться), которыя, какъ мнѣ показалось, вы ко „мнѣ не разъ высказывали.

„Дѣло въ томъ, что, исполнивъ просьбу мою, вы, буквально, спасете „меня отъ многаго до невѣроятности непріятнаго.

„Вотъ дѣло въ чемъ:

„Изъ Рима я поѣду въ Неаполь. Изъ Неаполя (дней черезъ 12 отъ „сего числа) я возвращусь въ Туринъ, т. е. буду въ немъ дней черезъ „пятнадцать. *Въ Туринѣ* у меня изсякнутъ всѣ мои деньги, и я пріѣду „въ него *буквально безъ гроша*.

„Я не думаю, чтобъ въ настоящую минуту было разрѣшено „Время“. „Да и во всякомъ случаѣ имѣю основаніе думать, что братъ ничѣмъ не „въ состояніи мнѣ теперь помочь.

„Безъ денегъ-же нельзя, и, пріѣхавъ въ Туринъ, надо-бы, чтобы я „нашелъ въ немъ непремѣнно деньги на почтѣ. Иначе, повторяю, я про-„палъ. Кромѣ того, что воротиться будетъ не на что, у меня есть и дру-„гія обстоятельства, т. е. другія здѣсь траты, безъ которыхъ мнѣ совер-„шенно невозможно обойтись.

„И потому прошу васъ Христомъ и Богомъ, сдѣлайте для меня то, „что̀ вы уже разъ для меня дѣлали, передъ самымъ моимъ отъѣздомъ.

„Вы тогда ходили къ Боборыкину („Библіотека для Чтенія“). Бобо-„рыкинъ, по запрещеніи „Времени“, самъ письменно звалъ меня въ со-„трудники. Слѣдственно обращаться къ нему можно. Но въ іюлѣ вы обра-„щались къ нему съ просьбой о 1,500 рубляхъ, и онъ вамъ не далъ, „потому что іюль для издателей время тяжелое. Впрочемъ, помнится, онъ „вамъ что-то говорилъ объ осени. Теперь-же конецъ сентября. Время „подписное и деньги должны быть. И не 1,500 рублей я прошу, а всего „только 300 (триста руб.)

„NB. Пусть знаетъ Боборыкинъ, также какъ это знаютъ „Современ-„никъ“ и „Отечественныя Записки“, что я еще (кромѣ „Бѣдныхъ Людей“) „во всю жизнь мою ни разу не продавалъ сочиненій, не бравъ впередъ

*) Относится къ письму, изъ котораго я привелъ выше выдержку. *Н. С.*

„деньги. Я литераторъ пролетарій и если кто захочетъ моей работы, то „долженъ меня впередъ обезпечить. Порядокъ этотъ я самъ проклинаю. „Но такъ завелось и, кажется, никогда не выведется. Но продолжаю:

„*Теперь* готоваго у меня нѣтъ ничего. Но составился довольно счастливый (какъ самъ сужу) планъ одного разсказа. Большею частію онъ „записанъ на клочкахъ. Я было даже началъ писать, — но невозможно „здѣсь. Жарко и, во 2-хъ, пріѣхалъ въ такое мѣсто, какъ Римъ, *на недѣлю;* „развѣ въ эту недѣлю, *при Римѣ,* можно писать? Да и устаю я очень отъ „ходьбы. Сюжетъ разсказа слѣдующій:—одинъ типъ заграничнаго рус-„скаго. Замѣтьте: о заграничныхъ русскихъ былъ большой вопросъ лѣтомъ „въ журналахъ. Все это отразится въ моемъ разсказѣ. Да и вообще отра-„зится современная минута (по возможности, разумѣется) нашей внутрен-„ней жизни. Я беру натуру непосредственную, человѣка однако же много-„развитаго, во всемъ недоконченнаго, извѣрившагося и *не смѣющаго не* „*вѣрить,* возстающаго на авторитеты и боящагося ихъ. Онъ успокаиваетъ „себя тѣмъ, что ему нечего дѣлать въ Россіи, и потому—жестокая кри-„тика на людей, зовущихъ изъ Россіи нашихъ заграничныхъ русскихъ. „Но всего не разскажешь. Это лицо живое—(весь какъ будто стоитъ „передо мною)—и его надо прочесть, когда онъ напишется. Главная же „штука въ томъ, что всѣ его жизненные соки, силы, буйство, смѣлость— „пошли на *рулетку.* Онъ—игрокъ, и не простой игрокъ—также, какъ „скупой рыцарь Пушкина не простой скупецъ. (Это вовсе не сравненіе „меня съ Пушкинымъ. Говорю лишь для ясности)*). Онъ поэтъ въ своемъ „родѣ, но дѣло въ томъ, что онъ самъ стыдится этой поэзіи, ибо глубоко „чувствуетъ ея низость, хотя потребность *риска* и облагораживаетъ его „въ глазахъ самого себя. Весь разсказъ—разсказъ о томъ, какъ онъ тре-„тій годъ играетъ по игорнымъ домамъ на рулеткѣ.

„Если „Мертвый Домъ“ обратилъ на себя вниманіе публики, какъ „изображеніе каторжныхъ, которыхъ никто не изображалъ *наглядно* до „„Мертваго Дома“, то этотъ разсказъ обратитъ непремѣнно на себя вни-„маніе какъ *наглядное* и подробнѣйшее изображеніе рулеточной игры. „Кромѣ того, что подобныя статьи читаются у насъ съ чрезвычайнымъ „любопытствомъ, игра на водахъ, собственно относительно заграничныхъ „русскихъ, имѣетъ нѣкоторое (можетъ быть, немаловажное) значеніе.

„Наконецъ, я имѣю надежду думать, что изображу всѣ эти чрезвы-„чайно любопытные предметы съ чувствомъ, съ толкомъ и безъ большихъ „разстановокъ.

*) Слова въ скобкахъ приписаны послѣ, между строками. *Н. С.*

„Объемъ разсказа будетъ minimum $1^1/_2$ печатныхъ листа, но, ка-„жется, навѣрно два, и очень можетъ быть, что больше.

„Срокъ доставки въ журналъ 10-го ноября, это крайній срокъ, *но* „*можетъ быть и раньше.* Во всякомъ случаѣ никакъ не позже десятаго, „такъ что журналъ можетъ напечатать его въ ноябрьской книжкѣ. Въ „этомъ даю *честное слово,* а я имѣю увѣренность, что въ честномъ моемъ „словѣ еще никто не имѣетъ основанія сомнѣваться.

„Плата 200 руб. съ листа. (Въ крайнемъ случаѣ 150). Но никакъ „не хотѣлось бы сбавлять цѣну. И потому лучше настаивать на двух-„стахъ. Вещь можетъ быть весьма недурная. Вѣдь былъ же любопытенъ „„Мертвый Домъ“.

„А это—описаніе своего рода ада, своего рода каторжной „бани“. „Хочу и постараюсь сдѣлать картину.

„Теперь вотъ что̀:

„Простите, многоуважаемый и дорогой Николай Николаевичъ, что „прямо и безцеремонно васъ безпокою. Я понимаю, что это—безпокой-„ство. Но что̀жь мнѣ дѣлать? Если я, пріѣхавъ дней черезъ 15 или 17 „(maximum) въ Туринъ, не найду въ немъ денегъ, то я буквально про-„палъ. Вы не знаете всѣхъ моихъ обстоятельствъ, а мнѣ слишкомъ долго „ихъ теперь описывать. Къ тому же вы были ужь разъ слишкомъ добры „ко мнѣ; а потому спасите меня еще разъ:

„Вотъ что̀ надо:

„По полученіи этого письма прошу васъ (какъ послѣднюю надежду), „сходите немедленно къ Боборыкину. Скажите, что я васъ уполномочилъ. „Покажите часть моего письма, если надо; сдѣлайте предложеніе. (Разу-„мѣется, такъ, чтобы мнѣ было не очень унизительно, хотя за границею „очень можно зануждаться. Да къ тому же вы *не* можете повести дѣло „безъ достоинства). Получите деньги и тотчасъ же вышлите ихъ мнѣ, „т. е. выдайте брату. Онъ ужь знаетъ, какъ послать.

„Если нельзя кончить дѣло съ Боборыкинымъ, то хоть въ газеты, „хоть въ „Якорь“ (поцалуйте за меня Ап. Григорьева)*), хоть во всякій „другой журналъ. (Разумѣется, не въ „Русскій Вѣстникъ“, и по воз-„можности избѣгая „Отечественныхъ Записокъ“. Ради Бога избѣгите. „Даже лучше и не надо денегъ. Даже можно въ „Современникъ“, хотя „можетъ быть тамъ Салтыковъ и Елисѣевъ не пустятъ. (А почемъ знать, „я, можетъ быть, грѣшу). Статья „Современника“ навѣрно не изуродуетъ.

*) „Якорь“ была еженедѣльная газета, съ приложеніемъ каррикатурнаго листка „Оса“. Издателемъ былъ Стелловскій, редакторомъ Ап. Григорьевъ. „Якорь“ сталъ выходить въ 1863 г. и существовалъ года полтора. *Н. С.*

„Во всякомъ случаѣ можно обратиться прямо къ Некрасову. Это *sine qua* „*non.* И съ нимъ рѣшить дѣло. Это бы даже очень не дурно. Даже лучше „„Библіотеки“. Некрасовъ, можетъ быть, не очень на меня сердитъ. Да „и человѣкъ онъ, по преимуществу, *дѣловой.* Разумѣется, голубчикъ Ни-„колай Николаевичъ, все дѣло надо-бы было окончить дня въ два, много въ „три. Я пропалъ, пропалъ буквально, если не найду въ Туринѣ денегъ. „Въ Неаполь мнѣ не пишите, а пишите прямо въ Туринъ, и умоляю васъ „написать *во всякомъ случаѣ.*—Мнѣ собственно надо 200, но никакъ „не меньше, сто же рублей остальныхъ братъ отошлетъ Марьѣ Дмитріевнѣ. „Итакъ, достать надо триста. Теперь все написалъ. Ввѣряю в мъ себя „и почти судьбу мою. Такъ это для меня важно. Можетъ быть, я вамъ „потомъ разскажу. Но теперь умоляю васъ, затѣмъ обнимаю отъ всего „сердца и остаюсь вашъ *Д.*.

(Приписка на 1-й страницѣ). „Странно: пишу изъ *Рима* и ни „слова о Римѣ! Но чтò-бы я могъ написать вамъ? Боже мой! Да развѣ это „можно описывать въ письмахъ? Пріѣхалъ третьяго дня ночью. Вчера „утромъ осматривалъ св. Петра. Впечатлѣніе сильное, Николай Нико-„лаевичъ, съ холодомъ по спинѣ. Сегодня осматривалъ *Forum* и всѣ „его развалины. Затѣмъ *Колизей!* Ну, чтòжь я вамъ скажу?..

(Приписка на 2-й страницѣ). „Поклонитесь отъ меня всѣмъ: Гри-„горьеву и всѣмъ. Брату вашему особенно. Да еще прошу васъ очень, не-„премѣнно передайте мой привѣтъ и поклонъ отъ всей души Юліи Пет-„ровнѣ. Сдѣлайте это при первомъ же свиданіи.

„Славянофилы, разумѣется, сказали *новое слово,* даже такое, которое „можетъ быть, и избранными-то не совсѣмъ еще разжевано. Но какая-то „удивительная *аристократическая сытость* при рѣшеніи обществен-„ныхъ вопросовъ.

(Приписка на 3-й страницѣ). „Не поможетъ-ли вамъ въ чемъ „нибудь Тибленъ, разумѣется въ самомъ крайнемъ случаѣ. Ему и *Евгеніи* „*Карловнѣ* мой поклонъ. Передайте ей при первомъ свиданіи.

Въ этомъ письмѣ отражаются и обыкновенныя затрудненія, среди которыхъ жилъ Θедоръ Михайловичъ, и его манера кабалить себя для добыванія средствъ, и пріемы его просьбъ, излагаемыхъ съ волненіемъ и настойчивостію, съ повтореніями, подробными поясненіями и варіаціями. Изъ письма видно также, что наша редакція была въ дурномъ положеніи. Дѣло въ томъ, что Михаилъ Михайловичъ, какъ и многое множество нашихъ дворянъ, имѣлъ очень мало свойствъ *дѣловаго*

человѣка. Жизнь онъ велъ скромную и былъ гораздо осмотрительнѣе Ѳедора Михайловича; но онъ имѣлъ большое семейство и фабрика его давно уже шла въ убытокъ, давая ему только опору для поддержанія кредита и постепеннаго нарощенія долговъ. Когда журналъ пошелъ съ чрезвычайнымъ успѣхомъ, онъ постарался развязаться съ невыгоднымъ дѣломъ, уплатилъ долги и продалъ фабрику. Въ началѣ 1863 года я помню, какъ онъ похвалился этимъ, показывая кипу разорванныхъ векселей. Разсчетъ его былъ очень хорошій, но, когда неожиданно стряслось запрещеніе журнала, онъ оказался вдругъ и безъ денегъ, и безъ всякаго торговаго дѣла. Ударъ для него былъ страшный; между тѣмъ, мы, сотрудники, не зная его дѣлъ и занятые нашими литературными мечтаніями, не догадывались объ его бѣдѣ и даже сердились на него, разсчитывая, что деньги четырехъ тысячъ подписчиковъ не могли же всѣ уйти на первыя четыре книжки журнала, и что слѣдовательно онъ напрасно охаетъ и жалуется.

Получивъ приведенное письмо, я сейчасъ же отправился къ П. Д. Боборыкину, и онъ объявилъ мнѣ, что дѣло самое подходящее и что онъ можетъ дать денегъ. Онъ былъ въ это время редакторомъ „Библіотеки для Чтенія“ и съ великимъ усердіемъ старался *поднять* этотъ журналъ. Къ 1863 году, знаменитая „Библіотека“ такъ упала, что у нея оказалось только нѣсколько сотенъ подписчиковъ. Если не ошибаюсь, съ третьей книжки редакторство принялъ на себя Петръ Дмитріевичъ. Поднимать падающее и начинать дѣло совершенно не во время было въ высшей степени не разсчетливо; и дѣйствительно, много денегъ и трудовъ были погублены въ этомъ дѣлѣ. Но работа шла тогда горячо, и редакторъ постарался не упустить такого сотрудника, какъ Ѳедоръ Михайловичъ.

На другой день зашелъ ко мнѣ Михайло Михайловичъ и вывѣдалъ у меня и данное порученіе, и мои переговоры. Онъ просилъ меня пріостановиться, говоря, что, можетъ быть, успѣетъ самъ найти деньги. Разумѣется, ему жаль было и брата, и повѣсти, которая безъ этого пошла-бы въ его собственный, ожидаемый имъ журналъ. Я имѣлъ жестокость отвѣчать, что не могу ждать, и вечеромъ-же сказалъ П. Д. Боборыкину, чтобы онъ немедлилъ. На третій день дѣло было кончено; Михайло Михайловичъ отказался отъ соперничества и послалъ брату чужія деньги.

Этой запроданной повѣсти однако не суждено было явиться въ „Библіотекѣ для Чтенія“. Редакторъ долго ея ждалъ, наконецъ, когда началась „Эпоха“, сталъ требовать денегъ назадъ и не скоро ихъ получилъ. Такой ходъ дѣла былъ очень непріятенъ, и, по невѣдѣнію, я винилъ тутъ все бѣднаго Михайла Михайловича. Что̀ касается до Ѳедора Михайловича,

то исполнить обѣщаніе ему помѣшали самыя уважительныя причины. Его жена, Марья Дмитріевна, умирала, и онъ долженъ былъ находиться при ней, т. е. въ Москвѣ, куда доктора посовѣтовали перевезти ее. Вопросъ былъ уже не объ излеченіи, а только объ облеченіи болѣзни; чахотка достигла послѣдней степени.

XII.

Разрѣшеніе новаго журнала.

Не могу сказать, когда именно Θедоръ Михайловичъ вернулся изъ за границы и переѣхалъ въ Москву къ Марьѣ Дмитріевнѣ. Но сохранилось его письмо къ Михаилу Михайловичу, изъ первыхъ дней этого времени. Вотъ оно:

„19 ноября 1863 г., Москва.

„Я очень хорошо знаю, любезный братъ, что у тебя хлопотъ и заботъ „теперь по горло, да чтожь мнѣ-то дѣлать: столько навалилось заботъ „и на меня, что и конца не вижу. Ты пишешь, что послѣ 20-го пріѣдешь „въ Москву. Когда-же? *Послѣ 25-го, разумѣется.* Если раньше, то мы „можемъ разъѣхаться, потому, что всетаки я надѣюсь 25-го быть въ Петербургѣ. А намъ о многомъ и какъ можно скорѣе надо другъ съ другомъ переговорить. Главное, чтобъ не обманывали обѣщаніями и *дѣйствительно* позволили-бы поскорѣе „Правду". Я признаюсь тебѣ, что „не очень въ отчаяніи, что совершенно нельзя воскресить „Время". „„Правда" можетъ произвести такой-же эффектъ, если не больше, разумѣется, при благопріятныхъ обстоятельствахъ,—это главное. Что-же „касается до названія „Правда", то, по моему, оно превосходно, удивительно и можно чести приписать выдумку названія. Это прямо въ точку. „И мысль *наиболѣе подходящую* заключаетъ, и къ обстоятельствамъ „идетъ, а главное — въ немъ есть нѣкоторая *наивность, вѣра,* которая „именно какъ разъ къ духу и къ направленію нашему, потому что нашъ „журналъ („Время") былъ во все время до крайности наивенъ и, чортъ „знаетъ, можетъ быть и взялъ наивностью и вѣрой. Однимъ словомъ, названіе превосходное. Обертку можно ту же, какъ и у „Времени", чтобы „напомнить собою „Время"; раздѣлъ въ журналѣ одинъ какъ въ Revue „des deux Mondes, а въ объявленіи о журналѣ, на 1-й строчкѣ, въ началѣ фразы напечатать что-нибудь въ родѣ: „Время требуетъ правды... „вызываетъ на свѣтѣ правду..." и т. д,; такъ, чтобы ясно было, что это „намекъ, что „Время" и „Правда" одно и то же. — За одно боюсь, за

„объявленіе. Другъ мой, тутъ нужно не искусство даже, не умъ, а просто „вдохновеніе. Самое первое—избѣжать рутины, такъ свойственной въ этихъ „случаяхъ всѣмъ разумнымъ и талантливымъ людямъ. Напишутъ умно, „кажется ни къ чему нельзя подкопаться, а выходитъ вяло, плачевно, а „главное похоже на всѣ другія объявленія. *Оригинальность* и приличная, „т. е. натуральная эксцентричность—теперь для насъ первое дѣло. Пи„шешь, что уже сѣлъ писать объявленіе. Знаешь, какая моя идея? Написать „лаконически, отрывочно, гордо, даже не усиливаясь дѣлать ни единаго „намека,—однимъ словомъ выказать полнѣйшую самоувѣренность. Само „объявленіе (о духѣ журнала и проч.) должно состоять изъ 4—5 строкъ. „А тамъ разсчетъ съ подписчиками, то же крайне лаконическій. Надобно „поразить благородной самоувѣренностію *). *—у *—у не понравилось „названіе „Правда". Но вѣдь это страшный рутинёръ, и даже добрый „знакъ, что не понравилось. Эти господа сначала завопятъ: не такъ, не „хорошо, а потомъ вдругъ, смотришь, всѣ разомъ и начинаютъ пощелки„вать языкомъ: хорошо, дескать, прекрасно. Это жрецы минутнаго. Что „Страхову и Разину понравилось—это я понимаю. Люди съ толкомъ и „главное—съ нѣкоторымъ чутьемъ. Но остальные должны забраковать".
„. . . . " Мы здѣсь нанимаемъ квартиру, и какъ только переѣду, какъ „только устроимся,—тотчасъ-же я и въ Петербургъ. Хлопоты не даютъ „мнѣ ровно ни капли времени писать. Припадковъ было у меня здѣсь уже „два, изъ которыхъ одинъ (послѣдній) сильный. Другая фирма журнала „(„Правда") не будетъ имѣть никакого вліянія на *передовую статью*. „Разборъ Чернышевскаго романа и Писемскаго произвелъ-бы большой „эффектъ и, главное, подходилъ-бы къ дѣлу. Двѣ противоположныя идеи, „и обѣимъ по носу. Значитъ правда. Я думаю, что всѣ эти три статьи „(если только хоть 2 недѣли будетъ работы спокойной) я напишу. Здѣсь „я никого не видалъ, кромѣ Писемскаго, котораго случайно вчера встрѣ„тилъ на улицѣ и который обратился ко мнѣ съ большимъ радушіемъ. „Вчера-же вечеромъ шла его „Горькая Судьбина" въ 1-й разъ. Я не „былъ, объ участи драмы — не знаю. Онъ говорилъ, что англійскій „клубъ и вся помѣщичья партія собираетъ кабалу. Прихвастнулъ, должно „быть. Прощай, обнимаю тебя. Во всякомъ случаѣ, скоро увидимся. „Кланяйся всѣмъ, кому слѣдуетъ. О раздѣлѣ наслѣдства здѣсь ничего „не знаютъ, кромѣ того, что въ концѣ ноября".

О хлопотахъ по журналу, которыя упоминаются въ этомъ письмѣ,

*) Въ такомъ духѣ, какъ увидимъ дальше, и было написано объявленіе. *Н. С.*

память сохранила мнѣ мало подробностей. Помню только, что цензурное вѣдомство оказалось необыкновенно тугимъ. Случай съ „Роковымъ Вопросомъ", очевидно, сбилъ цензуру съ толку. Такъ какъ промахъ оказался тамъ, гдѣ она вовсе не ожидала (статья была процензурована, какъ все, что̀ тогда печаталось, и не встрѣтила ни малѣйшаго затрудненія), то цензура уже не знала, что̀ ей останавливать и что̀ запрещать, и удесятерила свою строгость. Названіе „Правда" показалось прямымъ намекомъ и не было допущено; точно такъ было признано опаснымъ названіе „Дѣло" и другія подобныя; послѣ долгихъ переговоровъ, редакція, скрѣпя сердце, остановилась на неудачномъ названіи „Эпоха", въ которомъ, наконецъ, цензура не нашла ничего неудобнаго. Не-русское названіе было очень непріятно; насъ сердило, когда попадались читатели, которые съ трудомъ его запоминали, произносили „Эпоха̀", смѣшивали съ „Эхо" и т. д.

Кромѣ того помню, что разрѣшеніе журнала все оттягивалось и оттягивалось. Почему-то принятъ былъ срокъ *восьми мѣсяцевъ* со времени запрещенія. По этому счету новому журналу позволено было выходить съ января 1864 года; но за разными проволочками, измучившими всѣхъ насъ, объявленіе объ изданіи „Эпохи" могло появиться въ „Спб. Вѣдомостяхъ" только 31 января 1864 года. Послѣ указанія объема книжекъ, срока выхода, программы, цѣны и пр., въ объявленіи было сказано:

„Въ заключеніе М. Достоевскій считаетъ долгомъ заявить слѣдующее".

„Во первыхъ, онъ приноситъ искреннюю благодарность своимъ прежнимъ подписчикамъ. Не смотря на то, что съ его стороны до сихъ поръ „не было никакихъ объявленій, къ нему поступило не болѣе сотни писемъ „отъ подписчиковъ „Времени" съ требованіемъ разсчета".

„Во вторыхъ, мы уже слишкомъ долго толковали о почвѣ, о соединеніи общества съ чисто-народными, естественными его интересами *), „чтобы объяснять теперь еще разъ направленіе нашего новаго журнала. „Великія событія послѣдняго времени, заявившія собой первые признаки „(послѣ эпохи двѣнадцатаго года) соединенія общества съ земствомъ, „такъ что та и другая сторона начали почти понимать другъ друга— „составляютъ наглядный примѣръ того, чего мы всегда желали и къ чему „стремилось наше направленіе. Пріидетъ-же, наконецъ, время, когда „направленіе всѣхъ истинно-русскихъ будетъ слишкомъ ясно безъ всякихъ разъясненій, безъ всякихъ печальныхъ недоразумѣній".

Объявленіе мастерское, именно такое, о какомъ питалъ замыслы

*) Эта нескладная фраза отзывается цензурными поправками, о которыхъ у меня сохранилось смутное воспоминаніе. *Н. С.*

Ѳедоръ Михайловичъ. Ничего яснѣе нельзя было желать, особенно когда вверху стояло крупными буквами: *О подпискѣ на журналъ „Эпоха“ и о разсчетѣ съ подписчиками „Времени“*. Но тутъ-же видна и ошибка, сдѣланная прежде. Если только сто подписчиковъ требовали возвращенія денегъ, то тысячи другихъ, не писавшихъ писемъ въ редакцію, навѣрное ждали, однако, отъ нея какого нибудь удовлетворенія, или хоть отзыва, и, конечно, сердились, не находя въ газетахъ никакого обращенія къ себѣ. За этимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ ошибокъ и несчастій и дѣло стало идти все хуже и хуже.

Постараюсь перечислить этотъ рядъ несчастій и неудачъ, отчасти потому, что они имѣли большое значеніе для Ѳедора Михайловича, отчасти для того, чтобы указать черты тогдашняго хода литературы, и даже вообще черты *паденія* журналовъ,—дѣла, какъ извѣстно, очень обыкновеннаго у насъ.

Братья Достоевскіе принадлежали къ числу людей *непрактичныхъ*, или мало практичныхъ. Можетъ быть, есть лучшее слово для обозначенія свойствъ, о которыхъ хочу говорить, но, кажется, годится и это. Непрактичность очень часто встрѣчается у русскихъ людей, не только у однихъ дворянъ, у которыхъ она стала какъ будто наслѣдственною. Это свойство часто очень милое, достойное зависти и могущее имѣть въ основѣ высокія душевныя настроенія. Оно состоитъ въ томъ, что люди *живутъ минутою*, что для нихъ можетъ исчезать все ихъ прошедшее и все ихъ будущее. Такіе люди никакъ не могутъ завести правильнаго порядка въ своей жизни. Они принимаютъ свои рѣшенія, или дѣлаютъ обѣщанія съ величайшей искренностію, но рѣдко могутъ ихъ выполнить. Въ случаѣ неисполненія обязательствъ, принятыхъ въ отношеніи къ себѣ или къ другимъ, они или вдругъ находятъ для этого тысячи самыхъ ясныхъ основаній, или-же горько мучатся и упрекаютъ себя; но прошла тяжелая минута и они опять готовы—искренно рѣшаться и обѣщать, и столь-же искренно не сдерживать своего намѣренія. Они часто составляютъ прекрасные планы, и очень живо воодушевляются этими планами, но потомъ забываютъ дѣлать что̀ нужно для ихъ выполненія. Они непритворно каются въ своихъ ошибкахъ и промахахъ, и потомъ впадаютъ въ нихъ при первомъ-же искушеніи. Они безпрестанно падаютъ и воскресаютъ духомъ; спокойная и свѣтлая минута сейчасъ-же изглаживаетъ изъ ихъ памяти все прошлое, а будущее для нихъ почти не существуетъ.

Такіе люди, если они умны, добры, талантливы, бываютъ чрезвычайно привлекательны, и мнѣ думается, что способность жить минутою

даже не можетъ быть свойственна совершенно дурному человѣку. Но такіе люди не могутъ быть практичными, не могутъ соблюдать условій, требующихся каждымъ сложнымъ и долговременнымъ дѣломъ. Съ ними можно иногда жить съ большимъ наслажденіемъ, но приходится смотрѣть и ухаживать за ними какъ за дѣтьми; ихъ можно любить и можетъ быть крѣпче чѣмъ всякихъ другихъ, но вести съ ними дѣло, то-есть дѣла — невозможно.

Распространяюсь объ этой непрактичности не только потому, что она въ нѣкоторой мѣрѣ отзывалась у братьевъ Достоевскихъ, но что она вообще часто встрѣчается на литературномъ поприщѣ и что отъ нея погибло на моихъ глазахъ не одно журнальное дѣло, и не одна семья дошла до раззоренія, не имѣвшаго часто никакой другой причины. Что̀ касается до Достоевскихъ, то Михайла Михайловича нельзя было считать человѣкомъ вполнѣ непрактичнымъ; онъ былъ довольно осмотрителенъ и предусмотрителенъ. Өедоръ-же Михайловичъ, не смотря на свой быстрый умъ, не смотря на возвышенныя цѣли, которыхъ всегда держался въ своей дѣятельности и въ своемъ поведеніи, или скорѣе — именно по причинѣ этихъ возвышенныхъ цѣлей, — чрезвычайно страдалъ непрактичностію; когда онъ велъ дѣло, онъ велъ его очень хорошо; но онъ дѣлалъ это порывами, очень короткими, легко утѣшался и останавливался, и хаосъ возросталъ вокругъ него ежеминутно. „Эпоха“ была начата *ни съ чѣмъ;* черезъ годъ, когда она кончилась (второю книжкою 1865), на нее была убита не только вся подписка, но и та доля наслѣдства, которая приходилась братьямъ отъ богатой московской родственницы (кажется, по 10,000 руб. на каждаго) и которую они выпросили впередъ, и сверхъ того 15,000 руб. долга, съ которымъ остался Өедоръ Михайловичъ послѣ прекращенія журнала.

XIII.

„Эпоха“ и ея паденіе.

Началась „Эпоха“ въ очень неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Өедоръ Михайловичъ былъ въ Москвѣ, у постели умирающей жены, и самъ больной, такъ что не успѣлъ ничего написать. Мою статью „Переломъ“ запретила напуганная цензура, вообще очень подозрительно слѣдившая за „Эпохою“, а меня считавшая чрезвычайно опаснымъ, такъ что не пропускала тѣхъ самыхъ моихъ статей, въ которыхъ я рвался заявить свой патріотизмъ и снять съ себя обидное обвиненіе. Всѣ сотрудники были въ

какомъ-то разбродѣ. Но главное перемѣнилось настроеніе публики и литературы.

Въ 1863 году совершился глубокій переломъ общественнаго настроенія, самый глубокій и важный изъ всѣхъ подобныхъ поворотовъ, происходившихъ въ прошлое царствованіе. Въ этомъ году простодушная публика въ первый разъ замѣтила, куда ее ведетъ извѣстная партія литературы, и отшатнулась отъ этой партіи, а потому и вообще отъ литературы. Герценъ совершенно упалъ; „Московскія Вѣдомости", начавшія выходить съ 1-го января подъ нынѣшнею редакціею, скоро заявили то патріотическое и руководительное направленіе, которое такъ блистательно развиваютъ до сихъ поръ; словомъ, послѣ величайшаго прогрессивнаго опьяненія, наступило рѣзкое отрезвленіе и какая-то растерянность. По всей Россіи въ первый разъ въ то царствованіе заговорилъ тотъ патріотизмъ, которымъ такъ безконечно сильна наша земля. И такъ какъ литература была не очень патріотична, то она потеряла вкусъ для читателей. Въ Петербургѣ значительно затихла та болтовня, тѣ противуправительственныя пересуды и затѣи, которыя составляютъ главную забаву многаго множества, и стало скучно. Начался даже отливъ населенія изъ Петербурга, продолжавшійся всѣ шестидесятые годы. Общій упадокъ этого безцѣльнаго движенія отразился вездѣ, и точно также на „Эпохѣ". Редакціонныя собранія ея не походили на собранія „Времени"; они были малолюдны и неоживлены.

При такихъ обстоятельствахъ требовалась особенная энергія со стороны редакціи. Между тѣмъ Михайло Михайловичъ дѣйствовалъ вяло, можетъ быть измученный предшествовавшими волненіями, а можетъ быть уже носившій въ себѣ ту болѣзнь, которая скоро должна была свести его въ могилу. Тутъ очень повредило дѣлу и воспоминаніе о блестящемъ успѣхѣ „Времени". Во все продолженіе „Эпохи" оба Достоевскіе никакъ не хотѣли вѣрить, чтобы ихъ могла постигнуть неудача, и были поэтому часто очень небрежны. Какъ-бы то ни было, первая книжка „Эпохи", которая могла-бы явиться уже въ февралѣ, особенно если-бы была заранѣе подготовлена, не явилась и въ первой половинѣ марта; вмѣсто того рѣшено было издать двойную книжку за январь и за февраль, но и эта двойная книжка явилась лишь къ началу апрѣля. Объявленіе объ ея выходѣ напечатано въ „Спб. Вѣдомостяхъ" 24 марта 1864 г. Разумѣется, тогда подписка на журналы давно состоялась, и публика, выбитая изъ старой колеи, не обратила никакого вниманія на новое литературное явленіе.

Чтобы дать понятіе объ этой книжкѣ и о тогдашнемъ ходѣ дѣлъ,

сдѣлаю выдержку изъ письма Ѳедора Михайловича изъ Москвы отъ 26 марта.

„Любезный братъ, у Черенина я досталъ 3-го дня „Эпоху“, кото-„рую онъ неизвѣстно какъ получилъ такъ скоро, и $1^1/_2$ дня читалъ я ее „и пересматривалъ. Вотъ мое впечатлѣніе: изданіе могло-бы быть пона-„ряднѣе, опечатки безчисленныя, до *крайняго* неряшества, ни одной ру-„ководящей, вводной, хотя-бы намекающей на направленіе статьи, кромѣ „статьи Косицы (хотя и хорошей, даже очень, но для 1-го номера новаго „журнала—недостаточной). Знаю, что все это отъ запрещенія ряда ста-„тей. Но мнѣ-то тѣмъ нестерпимѣе, потому что эти 2 номера рѣшительно „имѣютъ теперь видъ сборника. Есть и ерничество, совершенно, впро-„чемъ, извинительное, когда издаешь 2 номера на скорую руку, а именно: „романъ Шпильгагена, процессъ и „Записки помѣщика“; всѣ три статьи „занимаютъ цѣлую половину 2-хъ книгъ. Жаль, что не читалъ Ержин-„скаго. Если хорошо, то все спасено, а если не хорошо, то очень плохо. „Теперь о хорошей сторонѣ: всѣ статьи, которыя я прочелъ, занимательны „(Шпильгагена я не читалъ: можетъ и хорошо. Я говорю только объ „ужасномъ объемѣ). Обертка пестра, и названія статей завлекательны. „Нѣкоторыя статьи очень порядочны, т. е. „Призраки“, статьи Стра-„хова, Ап. Григорьева, Аверкіева, „Что такое польскія возстанія“, ком-„пиляція изъ Смита, „Ерши“ и „Бѣдные жильцы“. Горскаго мнѣ очень „понравилась. Въ защиту, на всѣ нападенія на Горскаго можно сказать, „что это совсѣмъ не литература, и съ этой точки глупо разсматривать, а „просто *факты* и полезные. Не читалъ еще „Савонароллы“. Очень-бы „желалъ знать, какого рода эта статья. Но все это меркнетъ оттого, что „запрещенъ рядъ статей. Ради Бога, проси Страхова выправить свою „статью въ цензурномъ отношеніи для слѣдующаго №, или написать новый „рядъ статей. Какъ можно скорѣй статью руководящую!

„Пожалуюсь и за мою статью: опечатки ужасныя, и ужь лучше было „совсѣмъ не печатать предпослѣдней главы (самой главной, гдѣ самая-то „мысль и высказывается), чѣмъ напечатать такъ, какъ оно есть, то есть „съ надерганными фразами и противорѣча самой себѣ. *) Но чтожь дѣ-„лать! С.... и цензорà, тамъ, гдѣ я глумился надъ всѣмъ и иногда бого-„хульствовалъ *для виду*—то пропущено, а гдѣ изъ всего этого я вывелъ „потребность вѣры во Христа — то запрещено. Да что они, цензора-то „въ заговорѣ противъ правительства, что-ли?“

Изъ этого отрывка ясно видны и жалкій видъ нашего двойнаго но-

*) Дѣло идетъ о первой части „Записокъ изъ подполья“.

мера, и одна изъ причинъ этого жалкаго вида—строгость и растерянность цензуры. Но другая причина была небрежность редакціи: и дурная обертка, и избитый шрифтъ, и плохая бумага, и обиліе опечатокъ — все было до крайности непріятно и ничѣмъ не извинялось. Подобныхъ неисправностей никогда не допускали журналы, умѣвшіе пользоваться успѣхомъ и поддерживать его. Напримѣръ, „Современникъ", какія-бы слабыя и пустыя книжки ни случалось ему выпускать, всегда отличался блестящею наружностію и по части корректуры былъ замѣчательно исправенъ.

Такъ потянулась „Эпоха" и дальше: вяло, неопрятно, запаздывая книжками. Она велась собственно такъ же, какъ и „Время"; но прежде все *само собою* шло хорошо, а теперь точно такъ же все само собою шло дурно. Между тѣмъ послѣдовалъ рядъ смертей: Марьи Дмитріевны, Михаила Михайловича и Ап. Григорьева. Марья Дмитріевна умерла 16-го апрѣля и Ѳедоръ Михайловичъ сейчасъ-же переѣхалъ въ Петербургъ. 10-го іюня неожиданно умеръ Михайло Михайловичъ, хворавшій очень недолго и бывшій почти все время болѣзни на ногахъ.

Это было жестокимъ ударомъ. Журналъ, и безъ того запоздавшій, остановился на два мѣсяца,—пока былъ найденъ и утвержденъ новый редакторъ и приведены дѣла въ порядокъ. Задержка со стороны цензуры, неимѣвшей никакой причины торопиться, была очень значительна по времени. Подходящія литературныя имена состояли въ подозрѣніи у цензуры, и потому, редакторомъ попросили стать Александра Устиновича Порѣцкаго, служившаго въ Лѣсномъ департаментѣ, человѣка неизвѣстнаго въ литературѣ, но очень умнаго и образованнаго, отличавшагося сверхъ того рѣдкими душевными качествами, безукоризненной добротою и чистотою сердца. Сочувствуя всею душою направленію „Эпохи", онъ взялъ на себя оффиціальное редакторство, тогда какъ всѣмъ дѣломъ заправлялъ, разумѣется, Ѳедоръ Михайловичъ. Кстати: въ публикѣ, не слишкомъ внимательной къ именамъ, произошла путаница, и многіе считали тогда умершимъ Ѳедора Михайловича, то есть *знаменитаго* Достоевскаго. Поэтому Ѳедоръ Михайловичъ долженъ былъ употреблять даже особыя старанія, всячески давая знать, что онъ, извѣстный писатель, живъ, а умеръ его братъ.

Въ рукахъ Ѳедора Михайловича дѣло тотчасъ пошло иначе; онъ повелъ его довольно энергически, съ тою заботливостію, которою онъ отличался въ этого рода работахъ. Къ сожалѣнію, эта энергія должна была устремиться на цѣли несущественныя для дѣла и была потрачена по напрасну. Предполагалось, что главная задача состоитъ въ томъ, чтобы додать книжки за начатый годъ и, войдя въ сроки, собрать новую под-

писку, то есть, судя по прежнему, получить тысячи четыре подписчиковъ, или больше. Тогда все дѣло пошло-бы опять хорошо, и всѣ затраты и хлопоты были-бы вознаграждены. И вотъ книжки выходили за книжками; въ послѣдніе мѣсяцы 1864 года редакція выпускала по двѣ книжки въ мѣсяцъ, такъ что январь 1865 г. вышелъ уже 13 февраля, а февраль—въ мартѣ. Типографія и бумага были также измѣнены; корректура была исправная; мало того—книжки очевидно росли въ объемѣ и январская книга 1864 года дошла чуть не до 40 печатныхъ листовъ вмѣсто обѣщаемыхъ 25-ти *).

Но, чѣмъ старательнѣе были выполнены внѣшнія условія изданія, тѣмъ меньше имѣла редакція времени и силъ для выполненія внутреннихъ его условій, и публика не могла этого не замѣтить, особенно при такихъ огромныхъ размѣрахъ всего этого литературнаго явленія. Книжки составлялись съ большимъ толкомъ и вкусомъ; Ѳедоръ Михайловичъ не могъ помѣстить какой-нибудь вполнѣ негодной вещи; но и ничего выдающагося въ нихъ не было,—самъ онъ не могъ писать, и неоткуда было взять замѣчательныхъ вещей для столькихъ номеровъ. Главное-же,—эти книжки не представляли никакой современности, ничего важнаго для текущей минуты; это были простые сборники, хотя и возможные для чтенія, но ничѣмъ къ себѣ не привлекающіе. Чѣмъ чаще они выходили, чѣмъ толще были, тѣмъ яснѣе это становилось. Публика не могла чувствовать къ нимъ расположенія, такъ какъ она въ значительной мѣрѣ читаетъ *по обязанности*, для того, чтобы имѣть понятіе объ авторѣ или книгѣ, чтобы слѣдить за вопросами, чтобы имѣть возможность говорить и судить и т. д. Слѣдовательно книга не будетъ читаться, если у читателя нѣтъ заранѣе никакихъ побужденій для ея чтенія. И вотъ такихъ-то восемь или десять книгъ было издано редакціею „Эпохи“. Частое появленіе ихъ только утомляло вниманіе публики и литературы, котораго ни одна изъ нихъ и не могла и не успѣвала остановить на себѣ.

Содержанію книжекъ вредили не только совершенно ненужная строгость цензуры и отсутствіе статей самого Ѳедора Михайловича. Въ сентябрѣ 1864 года умеръ Ап. Григорьевъ, статьи котораго были такъ важны

*) Приведу здѣсь время цензурныхъ разрѣшеній, *какъ оно помѣчено на книжкахъ*. Мартовская книжка разрѣшена 23 апрѣля, майская—7 іюля, іюньская—20 августа, іюльская—19 сент., августовская—22 октября, сентябрская—22 ноября, октябрская—24 октября (!), ноябрская—24 декабря, декабрская—25 января 1865 г. Эти помѣтки не могутъ, однако, точно указывать времени, потому что дѣлались то при началѣ печатанія книжки (на первомъ ея листѣ), то при концѣ (на послѣднемъ листѣ). Безпорядокъ былъ такъ великъ, что на октябрской книжкѣ поставлено: 24 октября, очевидно вмѣсто 24 ноября; на оберткѣ іюньской книжки стояло: № 6, *іюль*, и выше: журналъ, издаваемый *семействомъ* М. М. Достоевскаго.

для журнала. Правда, публика почти не читала ихъ, какъ не читаетъ и до сихъ поръ; но въ нашихъ глазахъ и для серіозныхъ литераторовъ они придавали вѣсъ и цвѣтъ журналу. Два ряда его писемъ, напечатанные мною послѣ его смерти, принадлежатъ конечно къ истиннымъ украшеніямъ „Эпохи".

Наконецъ, была еще сторона, необыкновенно вредившая ходу дѣла,— именно безпорядокъ въ хозяйственной части, въ разсылкѣ журнала, въ скоромъ и точномъ удовлетвореніи подписчиковъ. Дѣло шло такъ плохо, что пришлось публично извиняться передъ подписчиками. Въ объявленіи о подпискѣ на 1865 годъ („Эпоха", 1864, № 8) мы читаемъ:

„Редакція обратитъ особенное вниманіе на разсылку своего журнала „въ губерніи и доставку его подписчикамъ. Хотя жалобъ на неправильную „доставку книгъ получалось въ редакціи не болѣе, чѣмъ въ прежнее „время, но тѣмъ не менѣе редакція сознается, что должны быть произ„ведены улучшенія, и она непремѣнно займется ими".

Въ этихъ сдержанныхъ выраженіяхъ слышится большое горе. Зло, которымъ страдала редакція, очевидно досталось Ѳедору Михайловичу по наслѣдству, и при немъ оно не только не исцѣлилось, а увеличилось. Хозяйство не было непосредственно въ его рукахъ, и онъ не хотѣлъ брать его крѣпче въ свои руки, не чувствуя къ нему охоты и считая литературную сторону важнѣе. Касса редакціи въ это время была очень скудна, часто совсѣмъ пуста; слѣдовательно, всякое движеніе въ хозяйствѣ задерживалось. Подъ конецъ, въ самую важную минуту новой подписки, было много случаевъ, что требованія подписчиковъ, поступавшія въ редакцію, вовсе не доходили до редактора.

И при всемъ этомъ—дѣло удивительное!—на „Эпоху" 1865 года всетаки набралось 1,300 подписчиковъ, т. е. число, съ которымъ могъ бы съ нѣкоторымъ трудомъ начинать и вести изданіе новый журналъ. Но старый журналъ, обремененный сдѣланными затратами, не могъ выдержать. Послѣ февральской книжки въ редакціи не оказалось ни копейки денегъ, никакой возможности платить сотрудникамъ, за бумагу, въ типографію. Все разсыпалось и разлетѣлось; семейство Михаила Михайловича осталось безъ всякихъ средствъ, и Ѳедоръ Михайловичъ остался съ огромнымъ долгомъ въ 15 тысячъ.

Такъ погибла „Эпоха". Разсказывая ея исторію, я не упомянулъ объ одномъ обстоятельствѣ, имѣвшемъ тоже свое значеніе,—именно объ отношеніи къ журналу остальной литературы, то есть главнымъ образомъ петербургскихъ изданій, составлявшихъ, какъ и до сихъ поръ, огромное большинство періодической печати. Отношеніе это съ начала и до конца

было враждебное, и, вслѣдствіе стараній самой „Эпохи“, вражда эта возрастала и разгаралась съ каждымъ мѣсяцемъ. Во „Времени“, не смотря на бывшую полемику съ „Современникомъ“, въ концѣ 1862 года (въ сентябрьской книжкѣ) была еще помѣщена статья Щедрина, а въ первой книжкѣ 1863 года явилось стихотвореніе Некрасова „Смерть Прокла“. Но „Эпоха“ уже не имѣла ничего общаго съ „Современникомъ“. Направленіе ея было уже сознательно славянофильскимъ; припоминаю, какъ однажды Ѳедоръ Михайловичъ, по поводу какой-то статьи въ защиту „Дня“, прямо сказалъ: „это хорошо; нужно помогать ему сколько можемъ“. Разрывъ съ нигилистическимъ направленіемъ былъ полный и противъ него исключительно направилась полемика, до которой Ѳедоръ Михайловичъ вообще былъ большой охотникъ. Онъ имѣлъ даръ язвительности, иногда очень веселой, и еще въ послѣднихъ книжкахъ „Времени“ очень остроумно задѣлъ Щедрина, хотя не по вопросу, касавшемуся направленія. Между тѣмъ, не только Щедринъ, бывшій съ 1863 года присяжнымъ сотрудникомъ „Современника“, внесъ въ него свое остроуміе и глумленіе, но въ 1864 году этотъ журналъ вообще сталъ заниматься полемикою въ неслыханныхъ дотолѣ и неповторявшихся потомъ размѣрахъ. Поднялась ужасная война, которую „Эпоха“ сперва весело поддерживала, но въ которой, наконецъ, принуждена была остаться позади своихъ противниковъ, такъ какъ не могла поровняться съ ними ни въ задорѣ и рѣзкости выраженій, ни во множествѣ печатныхъ листовъ, усыпанныхъ этими выраженіями. За „Современникомъ“ тянули въ ту же сторону другія изданія. Для людей, исполненныхъ гражданскихъ порывовъ и не имѣющихъ ни умѣнья, ни возможности въ чемъ нибудь ихъ выразить, ничего не могло быть удобнѣе, какъ отыскать себѣ врага въ собственной сферѣ и приняться всячески его казнить. Полемика становится такимъ образомъ гражданскимъ занятіемъ, и вотъ благороднѣйшая причина, по которой она иногда такъ разрастается. Въ этой чернильной войнѣ „Эпоха“ вела себя почти безукоризненно, оставаясь на чисто-литературной почвѣ и имѣя въ виду всегда принципы, и потому, конечно, была слабѣе противниковъ, которымъ не было счета и которые разрѣшали себѣ не только всякое глумленіе и ругательство, напримѣръ называли своихъ оппонентовъ *ракаліями, буттербродами, стрижами* и т. п., но и позволяли себѣ намеки на то, что мы не честны, угодники правительства, доносчики и т. д. Помню, какъ бѣдный Михаилъ Михайловичъ былъ огорченъ, когда его „разсчетъ съ подписчиками“ былъ гдѣ-то продернутъ и доказывалось, что онъ обсчиталъ своихъ подписчиковъ.

И эти крайности—дѣло естественное, потому что нравственное до-

стоинство есть высшая цѣна людей и ихъ дѣлъ, такъ что только въ этой оцѣнкѣ можно найти послѣднее основаніе, окончательное оправданіе и своей любви, и своей злобы. Вся эта буря въ стаканѣ воды очень мало насъ волновала и, при другихъ заботахъ, мы не придавали ей значенія. Понятно, что она имѣла свое дѣйствіе на читателей, но мы знали, что она же содѣйствовала и извѣстности журнала. Вотъ почему, разсказавши о паденіи „Эпохи" и его причинахъ, какъ свидѣтель и участникъ дѣла, я не внесъ въ число этихъ причинъ полемики, поднявшейся противъ этого изданія, хотя найдутся, можетъ быть, люди, которые увидятъ въ этомъ паденіи побѣду петербургской журналистики надъ органомъ, имѣвшимъ несогласное съ нею направленіе.

Послѣ многихъ опытовъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и судьба „Времени" и „Эпохи", во мнѣ составилось твердое убѣжденіе, что въ Петербургѣ можетъ имѣть полный успѣхъ самый консервативный и патріотическій журналъ. Публики для него довольно; конечно, въ публику часто набивается по дорогѣ всякій соръ выраженій и понятій, но этотъ соръ не крѣпко въ ней держится и легко выскакиваетъ при первомъ слабомъ встряхиваніи. Одного нельзя найти для такого журнала — редактора, хозяина, то есть человѣка, не только душевно преданнаго добрымъ началамъ, но и практическаго, дѣятельнаго. Наши патріоты и консерваторы, кажется, чѣмъ прекраснѣе и достойнѣе любви, тѣмъ менѣе годны для какого нибудь дѣла.

Какъ поучительный примѣръ успѣха, можно привести „Дневникъ" Ѳедора Михайловича. Это изданіе было вовсе не по сердцу Петербургу, но шло превосходно. Правда, хозяйственная часть на этотъ разъ лежала не на редакторѣ, а на его женѣ. И редакторъ, какъ мнѣ приводилось самому быть свидѣтелемъ, не разъ упрекалъ свою жену, что она слишкомъ мелочна въ своихъ хлопотахъ и разсчетахъ, что у нея недостаетъ широкаго взгляда на дѣло, размаха... Эти недостатки, однако, оказались очень полезными для этого прекраснаго изданія.

XIV.

Разсказъ Ѳедора Михайловича о дѣлахъ „Времени" и „Эпохи".

Въ подтвержденіе и дополненіе своего разсказа о дѣлахъ „Времени" и „Эпохи", приведу свидѣтельство Ѳедора Михайловича. Сохранилось драгоцѣнное письмо, въ которомъ онъ излагаетъ по порядку всѣ эти событія.

Оно писано къ Александру Егоровичу Врангелю, бывшему тогда секретаремъ русскаго посольства въ Копенгагенѣ.

Петербургъ, 31 марта 1865 г.

„Милый, добрый другъ мой, Александръ Егоровичъ, я понимаю, что „вы должны были очень удивиться и конечно, судя по чувствамъ вашимъ „ко мнѣ, оскорбиться моимъ молчаніемъ въ отвѣтъ на оба ваши задушевныя добрѣйшія письма. Не удивляйтесь и не оскорбляйтесь. Я вамъ „тотчасъ же хотѣлъ тогда отвѣтить и *не могъ*. Почему? прочтете ниже. „Но васъ, друга моего, въ то время, когда у меня не было друзей, свидѣтеля и моего безконечнаго счастья, и моего страшнаго горя (помните „ту ночь въ лѣсу, подъ Семипалатинскомъ, когда мы ихъ провожали?),— „друга моего и потомъ здѣсь, въ Петербургѣ, ходатая за меня — васъ „могъ-ли бы я забыть? Напротивъ, во всѣ эти годы много разъ я объ „васъ думалъ и вспоминалъ. Но, что̀ была моя жизнь въ это время! Я „вамъ обязанъ объясненіемъ и даже отчетомъ, чтобы разъяснить мое недавнее молчаніе на ваши письма. Слушайте же: напишу вамъ всю мою „исторію за это время,—впрочемъ не *всю*, этого нельзя, потому что въ „подобныхъ случаяхъ въ письмахъ главнѣйшаго никогда не разскажешь. „Иное просто не могу разсказывать. А потому разскажу вамъ лучше, по „возможности вкратцѣ, послѣдній годъ моей жизни.

„Вы знаете вѣроятно, что братъ затѣялъ четыре года назадъ журналъ. Я ему сотрудничалъ. Все шло прекрасно. Мой „Мертвый Домъ“ „сдѣлалъ буквально фуроръ, и я возобновилъ имъ свою литературную „репутацію. У брата были огромные долги при началѣ журнала, и тѣ „стали оплачиваться, — какъ вдругъ въ 1863 году, въ маѣ, журналъ „былъ запрещенъ за одну самую горячую и патріотическую статью, которую ошибкой приняли за самую возмутительную—противъ правительственныхъ дѣйствій и общественнаго тогдашняго настроенія. Правда, и „писатель былъ отчасти виноватъ (одинъ изъ нашихъ ближайшихъ сотрудниковъ); слишкомъ перетонилъ, и его поняли обратно. Дѣло скоро „поняли какъ надо, но ужь журналъ былъ запрещенъ. Съ этой минуты, „дѣла брата приняли крайнее разстройство, кредитъ его пропалъ, долги „обнаружились, а заплатить было нечѣмъ. Братъ выхлопоталъ себѣ позволеніе продолжать журналъ, подъ новымъ названіемъ „Эпоха“. Позволеніе вышло только въ концѣ февраля 1864 г.; 1-й номеръ не могъ „появиться раньше 20 марта *). Журналъ значитъ опоздалъ, подписка

*) Эти указанія не точны; они очевидно сдѣланы по памяти. Н. С.

„уже повсемѣстно кончилась, потому что публика подписывается на всѣ „журналы по старой привычкѣ только въ 3 мѣсяца, въ декабрѣ, январѣ „и февралѣ. Надо было удовлетворить прежнихъ подписчиковъ, которые „не получили разсчету при прекращеніи „Времени". Имъ объявлено было, „чтобы они досылали по шести рублей за „Эпоху" 1864 года. Такъ какъ „новыхъ подписчиковъ почти не было, а были все старые, досылавшіе по „шести рублей, то стало быть братъ долженъ былъ издавать журналъ „себѣ въ убытокъ. Это окончательно его разстроило и доканало. Онъ на„чалъ дѣлать долги, здоровье-же его стало разстраиваться. Меня подлѣ „него въ это время не было. Я былъ въ Москвѣ, подлѣ умиравшей жены „моей. Да, Александръ Егоровичъ, да, мой безцѣнный другъ, вы пишете „и соболѣзнуете о моей роковой потерѣ, о смерти моего ангела брата „Миши, а не знаете, до какой степени судьба меня задавила! Другое „существо, любившее меня и которое я любилъ безъ мѣры, жена моя „умерла въ Москвѣ, куда переѣхала за годъ до смерти своей, отъ чахотки. „Я переѣхалъ—вслѣдъ за нею, не отходилъ отъ ея постели всю зиму „1864 года, и 16 апрѣля прошлаго года она скончалась, въ полной памяти, „и, прощаясь, вспоминая всѣхъ, кому хотѣла въ послѣдній разъ отъ себя „поклониться, вспомнила и объ васъ. Передаю вамъ ея поклонъ, старый, „добрый другъ мой. Помяните ее хорошимъ, добрымъ воспоминаньемъ. О, „другъ мой, она любила меня безпредѣльно, я любилъ ее тоже безъ мѣры, „но мы не жили съ ней счастливо. Все разскажу вамъ при свиданіи,—те„перь-же скажу только то, что, не смотря на то, что мы были съ ней по„ложительно несчастны вмѣстѣ (по ея странному, мнительному и болѣзнен„но-фантастическому характеру)—мы не могли перестать любить другъ „друга; даже чѣмъ несчастнѣе были, тѣмъ болѣе привязывались другъ къ „другу. Какъ ни странно это, а это было такъ. Это была самая честнѣй„шая, самая благороднѣйшая и великодушнѣйшая женщина изъ всѣхъ, „которыхъ я зналъ во всю жизнь. Когда она умерла,—я, хоть мучился, „видя (весь годъ), какъ она умираетъ, хоть и цѣнилъ и мучительно чув„ствовалъ, что̀ я хороню съ нею,—но никакъ не могъ вообразить, до ка„кой степени стало больно и пусто въ моей жизни, когда ее засыпали зем„лею. И вотъ ужь годъ, а чувство все тоже, не уменьшается... Бросился „я, схоронивъ ее, въ Петербургъ, къ брату,—онъ одинъ у меня оставался; „черезъ три мѣсяца умеръ и онъ, прохворавъ всего мѣсяцъ и слегка, „такъ что кризисъ, перешедшій въ смерть, случился почти неожиданно, „въ три дня.

„И вотъ я остался вдругъ одинъ и стало мнѣ просто страшно. Вся „жизнь переломилась на-двое. Въ одной половинѣ, которую я перешелъ,

„было все, для чего я жилъ, а въ другой, неизвѣстной еще половинѣ, „все чуждое, все новое, и ни одного сердца, которое-бы могло мнѣ замѣнить тѣхъ обоихъ. Буквально, мнѣ не для чего оставалось жить. „Новыя связи дѣлать, новую жизнь выдумывать? Мнѣ противна была „даже и мысль объ этомъ. Я тутъ *въ первый разъ* почувствовалъ, что „*ихъ* некѣмъ замѣнить, что я *ихъ только* и любилъ на свѣтѣ и что новой любви не только не наживешь, да и не надо наживать. Стало все „вокругъ меня холодно и пустынно. И вотъ, когда я три мѣсяца назадъ „получилъ ваше горячее, доброе письмо, полное прежнихъ воспоминаній, „мнѣ стало такъ грустно, что и не знаю, какъ вамъ выразить. Но слушайте далѣе“.

„9 апрѣля, 1865 г. Девять дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ я „началъ къ вамъ письмо, и *буквально* въ эти девять дней я не имѣлъ ни „минуты времени, чтобы его окончить. Можете-ли вы мнѣ повѣрить, Александръ Егоровичъ, что въ эти три мѣсяца, послѣ вашихъ обоихъ писемъ, и особенно послѣ втораго, при которомъ мнѣ больно стало отъ „мысли: что̀ вы обо мнѣ подумаете,—можете-ли вы мнѣ повѣрить, что я „*ни одной минуты,* буквально, не могъ удѣлить, чтобъ отвѣчать вамъ, „и оттого молчалъ до сихъ поръ? Вѣрьте—не вѣрьте, и однакоже это „было такъ, это — истина. А почему это такъ? сейчасъ узнаете. Продолжаю прежнее:

„Послѣ брата осталось всего триста рублей, и на эти деньги его и „похоронили. Кромѣ того, до двадцати пяти тысячъ долгу, изъ которыхъ „десять тысячъ долгу отдаленнаго, который не могъ обезпокоить его семейство, но пятнадцать тысячъ по векселямъ, требовавшимъ уплаты. „Вы спросите, какими-же средствами могъ-бы онъ додать шесть книгъ „журнала за остальную половину года (онъ умеръ въ іюлѣ 1864 года)? „Но у него былъ чрезвычайный и огромный кредитъ; сверхъ того, онъ „вполнѣ могъ занять, и заемъ уже былъ въ ходу, но онъ умеръ и весь „кредитъ журнала рушился. Ни копейки денегъ, чтобы издавать его, а „додать надо было шесть книгъ, что̀ стоило 18,000 minimum, да сверхъ „того удовлетворить кредиторовъ, на что̀ надо было 15,000, — и того „надо было 33,000, чтобы кончить годъ и добиться до новой подписки „журнала. Семейство его осталось буквально безъ всякихъ средствъ, — „хоть ступай по міру. Я у нихъ остался единой надеждой, и они всѣ, и „вдова и дѣти, сбились въ кучу около меня, ожидая отъ меня спасенія. „Брата моего я любилъ безконечно, — могъ-ли я ихъ оставить? Предстояло двѣ дороги: 1) прекратить журналъ, предоставить журналъ (такъ „какъ журналъ всетаки имѣнье и чего нибудь сто̀итъ) кредиторамъ вмѣ-

„стѣ съ мебелью и домашнимъ хламомъ и взять семейство къ себѣ. За„тѣмъ работать, литературствовать, писать романы и содержать вдову и „сиротъ брата. 2-й случай) Достать денегъ и продолжать изданіе во что „бы ни стало. Какъ жаль, что я не рѣшился на первый. Кредиторы, ко„нечно, не получили-бы и 20 на сто. Но семейство, отказавшись отъ на„слѣдства, по закону не обязано было-бы ничего и платить. Я-же во всѣ „эти пять лѣтъ, работая у брата и въ журналахъ, заработывалъ отъ „восьми до десяти тысячъ въ годъ. Слѣдственно, могъ-бы прокормить и „ихъ и себя,—конечно, работая съ утра до ночи всю жизнь. Но я пред„почелъ второе, т. е. продолжать изданіе журнала. Не я, впрочемъ, одинъ „предпочелъ это. Всѣ друзья мои и прежніе сотрудники были того-же „мнѣнія."

„14 апрѣля. Опять перерывъ былъ. Еслибъ только вы могли знать, „Александръ Егоровичъ, въ какихъ ужасныхъ и давящихъ меня заня„тіяхъ проходитъ все мое время! Продолжаю прежнее:

„Къ тому-же, надо было отдать долги брата: я не хотѣлъ, чтобы на „его имя легла дурная память. Средство было: дойти до годовой под„писки, оплатить часть долгу, стараться, чтобы журналъ былъ годъ отъ „году лучше, и года черезъ три-четыре, заплативъ долги, сдать кому ни„будь журналъ, обезпечивъ семейство брата. Тогда-бы я отдохнулъ, тог„да-бы я опять сталъ писать то, что давно хочется высказать. Я рѣ„шился. Поѣхалъ въ Москву, выпросивъ у старой и богатой моей тетки „10,000, которые она назначила на мою долю въ своемъ завѣщаніи и, „воротившись въ Петербургъ, сталъ додавать журналъ. Но дѣло было „уже сильно испорчено; требовалось выпросить разрѣшеніе цензурное из„давать журналъ. Дѣло протянули такъ, что только въ концѣ августа „могла появиться іюньская книжка журнала. Подписчики, которымъ ни „до чего нѣтъ дѣла, стали негодовать. Имени моего не позволила мнѣ „цензура поставить на журналѣ, ни какъ редактора, ни какъ издателя. „Надобно было рѣшиться на мѣры энергическія. Я сталъ печатать ра„зомъ въ трехъ типографіяхъ, не жалѣлъ денегъ, не жалѣлъ здоровья „и силъ. Редакторомъ былъ одинъ я, читалъ корректуры, возился съ „авторами, съ цензурой, поправлялъ статьи, доставалъ деньги, просижи„валъ до шести часовъ утра и спалъ по 5 часовъ въ сутки, и хоть „ввелъ въ журналъ порядокъ, но уже было поздно. Вѣрите-ли: 28 ноя„бря вышла сентябрьская книжка, а 13 февраля генварьская книга „1865 года, значитъ по 16 дней на книгу, и каждая книга въ 35 ли„стовъ. Чего-же мнѣ это стоило! Но главное, при всей этой каторжной „и черной работѣ, я самъ не могъ написать и напечатать въ журналѣ ни

„строчки своего. Моего имени публика не встрѣчала и даже въ Петер-„бургѣ, не только въ провинціи, не знала, что я редактирую журналъ.

„И вдругъ послѣдовалъ у насъ всеобщій журнальный кризисъ. Во „всѣхъ журналахъ разомъ подписка не состоялась. „Современникъ“, „имѣвшій постоянныхъ 5,000 подписчиковъ, очутился съ 2,300. Всѣ „остальные журналы упали. У насъ осталось только 1,300 подписчиковъ.

„Много причинъ этого журнальнаго нашего во всей Россіи кризиса. „Главное, онѣ ясны, хотя и сложны. Но объ немъ послѣ. Посудите, „каково положеніе наше. Каково, главное, мое положеніе! Чтобъ старые „братнины долги не безпокоили хода дѣла, я перевелъ ихъ тысячъ на „десять на себя. Я разсчитывалъ, что еслибъ журналъ имѣлъ въ этомъ „году, при несчастьи, хотя-бы только 2,500 подписчиковъ вмѣсто преж-„нихъ четырехъ, то и тутъ все-бы уладилось. По крайней мѣрѣ, свои „долги расплатили-бы. Я разсчитывалъ вѣрно. Никогда еще не бывало „съ самаго начала нашего журнализма, съ тридцатыхъ годовъ, чтобы „число подписчиковъ убавилось въ одинъ годъ болѣе, чѣмъ на 25 про-„центовъ. Приписывать худому веденію дѣла я не могу. Вѣдь и „Время“ „*я* началъ, а не братъ, *я* его направлялъ и *я* редактировалъ. Однимъ „словомъ съ нами случилось тоже самое, какъ если-бы у владѣльца, или „купца сгорѣлъ-бы домъ, или его фабрика, и онъ изъ достаточнаго „человѣка обратился-бы въ банкрута.

„Въ началѣ подписки, долги, преимущественно еще покойнаго брата, „потребовали уплаты. Мы платили изъ подписныхъ денегъ, расчитывая, „что за уплатою всетаки останется чѣмъ издавать журналъ. Но под-„писка пресѣклась и, выдавъ два номера журнала, мы остались безъ „ничего.

„Въ этакое-то время и застали меня ваши письма. Я ѣздилъ въ „Москву доставать денегъ, искалъ компаньона въ журналъ на самыхъ „выгодныхъ условіяхъ, но, кромѣ журнальнаго кризиса, у насъ въ Рос-„сіи денежный кризисъ. Теперь мы не можемъ, за неимѣніемъ денегъ, „издавать журналъ далѣе и должны объявить временное банкротство, а „на мнѣ, кромѣ того, до 10,000 вексельнаго долгу и 5,000 на честное „слово.

„Изъ нихъ три тысячи надо заплатить во что-бы то ни стало. Кромѣ „того 2,000 нужно для того, чтобы выкупить право на изданіе моихъ „сочиненій, которыя въ закладѣ, и приступить къ изданію ихъ самому. „Книгопродавцы даютъ мнѣ за это право 5,000 рублей. Но это мнѣ не-„выгодно. Если я буду издавать ихъ самъ,—будетъ выгоднѣе. Теперь, „чтобы заплатить долги, хочу издавать новый романъ мой выпусками,

„какъ дѣлается въ Англіи. Кромѣ того, хочу издавать „Мертвый Домъ“ „тоже выпусками и съ иллюстраціей, роскошнымъ изданіемъ, и наконецъ, „въ будущемъ году, полное собраніе моихъ сочиненій. Все это, надѣюсь, „дастъ тысячъ пятнадцать,—но какова каторжная работа!

„О, другъ мой, я охотно-бы пошелъ опять въ каторгу на столько-же „лѣтъ, чтобы только уплатить долги и почувствовать себя опять свобод„нымъ. Теперь опять начну писать романъ изъ-подъ палки, то-есть изъ „нужды, на скоро. Онъ выйдетъ эффектенъ, но того-ли мнѣ надобно! „Работа изъ нужды, изъ-за денегъ задавила и съѣла меня.

„И всетаки для начала мнѣ нужно теперь три тысячи. Бьюсь по „всѣмъ угламъ, чтобы ихъ достать,—иначе погибну! Чувствую, что „только случай можетъ спасти меня. Изъ всего запаса моихъ силъ и „энергіи осталось у меня въ душѣ что-то тревожное и смутное, что-то „близкое къ отчаянью. Тревога, горечь, самая холодная суетня, самое „ненормальное для меня состояніе, и въ добавокъ—одинъ,—прежнихъ и „прежняго, сорокалѣтняго, нѣтъ уже при мнѣ. А между тѣмъ все мнѣ „кажется, что я только что собираюсь жить. Смѣшно, не правда-ли? „Кошачья живучесть!

„Описалъ я вамъ все, и вижу, что главнаго,—моей духовной, сер„дечной жизни я не высказалъ и даже понятія о ней не далъ. Такъ „будетъ и всегда, пока мы въ письмахъ. Я письма не умѣю писать, и „*объ себѣ* не умѣю *въ мѣру* писать. Впрочемъ, оно и трудно: много лѣтъ „легло между нами, да и какихъ лѣтъ!

„И какъ кстати вы теперь отозвались мнѣ. Все вы мнѣ напомнили „прежнее. Я люблю васъ прежняго, молодаго, добраго, и такимъ васъ „буду представлять себѣ всю мою жизнь. Кстати: я васъ еще совсѣмъ не „знаю *какъ семьянина*. Кажется мнѣ (припоминая прежнее), что вы „теперь должны быть счастливы. Но очень хочу угадать, какой новый „оттѣнокъ, мнѣ неизвѣстный, положила семейная жизнь на вашу душу.

„Благодарю васъ за фотографіи вашего семейства. Я долго разсма„тривалъ карточки, вглядывался и угадывалъ.

„Заграницей я былъ два раза—лѣтомъ 1862 и 1863 года. Каждый „разъ ѣздилъ на три мѣсяца, былъ въ Германіи (почти во всей), въ „Швейцаріи, Франціи и въ Италіи (тоже во всей). Здоровье мое за„границей, въ оба раза, воскресало съ быстротою удивительной. Я поло„жилъ ѣздить каждый годъ на три мѣсяца, тѣмъ болѣе, что это ничего „не значитъ въ денежномъ отношеніи, при дороговизнѣ нашей здѣшней „жизни. Ѣздить-же я хотѣлъ для поправки здоровья, чтобы отдыхать, „поправляться и тѣмъ удобнѣе работать остальные 9 мѣсяцевъ года въ

„Россіи. Но въ прошломъ году смерть брата заставила меня остаться, а „нынѣшніе долги и занятія доконаютъ меня здѣсь окончательно. А „какъ-бы хотѣлось хоть на мѣсяцъ съѣздить провѣтрить голову, освѣ-„житься, воскреснуть. Къ вамъ-бы заѣхалъ непремѣнно. И кто знаетъ: „можетъ быть это случится. Изданіе „Мертваго Дома“ можетъ идти безъ „меня, а заграницей я постоянно пишу, потому что тамъ времени и спо-„койствія больше, чѣмъ здѣсь, особенно если жить на одномъ мѣстѣ. Къ „вамъ-бы заѣхалъ непремѣнно.

„Карточку пришлю непремѣнно, если скоро отвѣтите—не сердясь за „долгое молчаніе. Да и за что-же, Боже мой, сердиться, развѣ я ви-„новатъ.

„Я живу одинъ, при мнѣ Паша, мой пасынокъ. Ему уже семнад-„цатый годъ, учится, васъ очень помнитъ и вамъ очень кланяется.

„А многое-бы я вамъ поразсказалъ, если-бы мы свидѣлись.

„Прощайте, добрый другъ мой, обнимаю васъ отъ всей души, горячо. „Будьте счастливы. Теперь буду аккуратно отвѣчать. Пишите скорѣй.

„Боюсь, застанетъ-ли васъ письмо это въ Копенгагенѣ.

„Вашъ весь прежній и всегдашній

„Ѳедоръ Достоевскій“.

Этимъ письмомъ можно заключить очеркъ отдѣльнаго періода въ жизни Ѳедора Михайловича, именно періода отъ возвращенія въ Петербургъ изъ ссылки до той минуты одиночества, когда онъ остался безъ жены, безъ брата и безъ журнала. Чувство живучести, о которомъ онъ говоритъ, не обмануло его. Отсюда начинается лучшая половина его жизни; его ожидали впереди величайшіе труды и затрудненія, но вмѣстѣ съ тѣмъ новыя, высшія созданія его таланта, новая прекрасная семейная жизнь, непрерывные литературные успѣхи, возрастающая извѣстность и, наконецъ, въ послѣдніе годы, уплата всѣхъ долговъ, достатокъ и порядокъ въ денежныхъ дѣлахъ.

Когда мы видимъ, что въ 1866 году является „Преступленіе и Наказаніе“, въ 1868 „Идіотъ“, въ 1870 „Бѣсы“, то невольно приходитъ на мысль, что паденіе „Эпохи“ было счастливымъ событіемъ для литературы, что Ѳедоръ Михайловичъ, поставленный въ необходимость писать какъ можно больше и какъ можно лучше, достигъ въ этихъ произведеніяхъ наибольшаго напряженія своихъ силъ. Если-бы „Эпоха“ существовала, эти силы пошли-бы на нее.

Всю остальную жизнь Ѳедора Михайловича можно раздѣлить на два періода. Первый (1865—1871), когда созданы были эти романы, очень

трудный, наиболѣе плодотворный и проведенный большею частію заграницею. Послѣдній, начинающійся съ возвращенія въ Петербургъ (1872—1881), представляетъ новыя журнальныя попытки, въ видѣ редактированія—„Гражданина“, „Дневника“; но это — періодъ менѣе трудный, относительно спокойный и все болѣе и болѣе счастливый съ внѣшней стороны, по порядку въ дѣлахъ и по успѣхамъ въ публикѣ.

XV.

Тяжелый годъ. „Преступленіе и Наказаніе“.

Лѣтомъ 1865 года, въ концѣ іюля, Ѳедоръ Михайловичъ уѣхалъ заграницу. Въ сентябрѣ и октябрѣ онъ жилъ въ Висбаденѣ (см. письма къ Врангелю). Въ ноябрѣ онъ уже опять былъ въ Петербургѣ и оставался здѣсь весь 1866 годъ. Этотъ годъ имѣлъ въ его жизни большое значеніе. Съ января сталъ появляться въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ романъ „Преступленіе и Наказаніе“, а осенью, 4-го октября 1866 года Ѳедоръ Михайловичъ познакомился съ Анной Григорьевной Сниткиной, своею будущею женою.

Въ продолженіе всего этого времени мы съ нимъ не видались. У насъ вышла первая размолвка, о которой не стану разсказывать. Отчасти, но лишь въ самой ничтожной части, тутъ участвовали и тѣ неудовольствія и затрудненія, которыя бываютъ при паденіи общаго дѣла. Приходится дѣлить общее несчастіе, и каждый изъ участниковъ естественно старается, чтобы его доля была какъ можно меньше. Грустно вспоминать черты эгоизма, которыя такимъ образомъ обнаруживаются. Но повторяю, *дѣла* не имѣли при нашей размолвкѣ никакого существеннаго значенія. Нечего и говорить, что Ѳедоръ Михайловичъ былъ очень внимателенъ къ своимъ сотрудникамъ, такъ что всѣ они сохранили къ нему уваженіе и расположеніе. Но онъ самъ былъ въ тискахъ, и невольно раздражался. Эта тѣнь неудовольствія, однако-же, быстро прошла. Д. В. Аверкіевъ и я были свидѣтелями со стороны Ѳедора Михайловича на его свадьбѣ, и много другихъ сошлись въ церкви и у него на дому послѣ совершенія таинства.

Впрочемъ, всего лучше привести ту записку, которая когда-то такъ тронула и обрадовала меня.

„Добрѣйшій и многоуважаемый

„Николай Николаевичъ!

„Въ воскресенье, 12-го февраля, если не произойдетъ чего нибудь

„слишкомъ необычайнаго, будетъ моя свадьба, вечеромъ, въ 8-мъ часу, „въ Троицкомъ (Измайловскомъ) соборѣ.— Если вы, добрѣйшій Николай Николаевичъ, захотите припомнить многіе годы нашихъ близкихъ „и пріятельскихъ отношеній, то, вѣроятно, не подивитесь тому, что я въ „счастливую (хотя и хлопотливую) минуту моей жизни припомнилъ объ „васъ и пожелалъ сердцемъ видѣть васъ въ числѣ моихъ свидѣтелей и „потомъ въ числѣ гостей моихъ по возвращеніи *молодыхъ домой.*

„Я имѣлъ твердое (и давнишнее) намѣреніе просить васъ лично; но „въ настоящую минуту я, во первыхъ, захворалъ, а во вторыхъ—столько „хлопотъ, столько еще не сдѣланныхъ и не исполненныхъ мелочей, покупокъ, распоряженій, что, при скверной моей памяти, просто растерялся, „и потому простите великодушно, что приглашаю васъ запиской. Къ „тому-же я до того одичалъ въ послѣдній годъ затворнической жизни и „отупѣлъ отъ 44-хъ печатныхъ, написанныхъ мною въ одинъ годъ, „листовъ, что даже и записочку-то эту написалъ съ чрезвычайнымъ тру„домъ, не смотря на то, что чувствую искренно и о слогѣ не старался.

„А давненько-таки мы не видались! До свиданія-же. Крѣпко жму „вашу руку.

„Вашъ искренній Θедоръ Достоевскій“.

По болѣзни Θедора Михайловича свадьба была отложена и происходила только 15-го февраля, въ среду.

Изъ этой записки уже видно, какъ тяжелы были для Θедора Михайловича эти два года, 1865 и 1866. И нельзя не удивляться той энергіи, которую онъ обнаружилъ въ этомъ случаѣ. Больной, одинокій, притѣсняемый кредиторами, обремененный заботами о семьѣ покойнаго брата, онъ успѣваетъ справиться со всѣмъ этими тягостями и пишетъ лучшее свое произведеніе „Преступленіе и Наказаніе“. Какъ будто всѣ эти потери и гнетущія обстоятельства только давали ему болѣе глубокій взглядъ, только усиливали строгость и силу его творчества. Чрезвычайно характерны его слова (въ предъидущемъ письмѣ къ Врангелю): „А между тѣмъ все мнѣ кажется, что я только что собираюсь жить. Смѣшно, не правда-ли? Кошачья живучесть!“ И дѣйствительно, его ждала новая жизнь—новый періодъ дѣятельности и извѣстности, новая семья. Можетъ быть приведенныя слова даже прямо относятся къ его мечтамъ о женитьбѣ. Ставши вдовцомъ, онъ иногда, не смотря на всю тяжесть своихъ обстоятельствъ, дѣйствительно смотрѣлъ женихомъ — такъ, по крайней мѣрѣ, замѣчали зоркіе въ этомъ отношеніи женскіе глаза. Эта энергія и эти жизненныя стремленія достигли своей цѣли. Новая женитьба скоро

доставила ему въ полной и даже необычайной мѣрѣ то семейное счастіе, котораго онъ такъ желалъ; тогда стала легче и успѣшнѣе и жестокая борьба съ нуждою и долгами, борьба, однако же, долго тянувшаяся и кончившаяся побѣдою развѣ лишь за два, за три года до смерти неутомимаго борца. Чтобы дать ясное понятіе о трудахъ и усиліяхъ Ѳедора Михайловича, приведемъ опять его письмо, писанное въ этотъ трудный періодъ его жизни къ тому же А. Е. Врангелю.

„Петербургъ, 18 февраля 1866 г.

„Добрѣйшій и старый другъ мой, Александръ Егоровичъ,—я передъ „вами виноватъ въ долгомъ молчаніи, но виноватъ безъ вины. Трудно „было-бы мнѣ теперь описать вамъ всю мою теперешнюю жизнь и всѣ „обстоятельства, чтобы дать вамъ ясно понять всѣ причины моего долгаго „молчанія. Причины сложныя и многочисленныя, и потому ихъ не описываю, но кой-что упомяну. Во 1-хъ, сижу надъ работой какъ каторжникъ. Это тотъ романъ въ „Русскій Вѣстникъ". Романъ большой въ „6 *частей*. Въ концѣ ноября было много написано и готово; я все сжегъ; „теперь въ этомъ можно признаться. Мнѣ не понравилось самому. Новая „форма, новый планъ меня увлекъ, и я началъ сызнова. Работаю я дни „и ночи и всетаки работаю мало. По разсчету выходитъ, что каждый „мѣсяцъ мнѣ надо доставить въ „Русскій Вѣстникъ" до 6-ти печатныхъ „листовъ. Это ужасно, но я-бы доставилъ, еслибъ была свобода духа. „Романъ есть дѣло поэтическое, требуетъ для исполненія спокойствія „духа и воображенія. А меня мучатъ кредиторы, т. е. грозятъ посадить „въ тюрьму. До сихъ поръ не уладилъ съ ними, и еще не знаю навѣрно,—улажу-ли?—хотя многіе изъ нихъ благоразумны и принимаютъ „предложеніе мое разсрочить имъ уплату на 5 лѣтъ; но съ нѣкоторыми „не могъ еще до сихъ поръ сладить. Поймите, каково мое безпокойство. „Это надрываетъ духъ и сердце, разстраиваетъ на нѣсколько дней, а „тутъ садись и пиши. Иногда это невозможно. Вотъ почему и трудно „найти минуту спокойную, чтобъ поговорить съ старымъ другомъ. Ей-„Богу! Наконецъ, болѣзни. Сначала, по пріѣздѣ, страшно безпокоила „падучая; казалось она хотѣла наверстать мои три мѣсяца заграницей, „когда ее не было. А теперь вотъ ужь мѣсяцъ замучилъ меня геморой. „Вы объ этой болѣзни, вѣроятно, не имѣете и понятія и каковы могутъ „быть ея припадки. Вотъ уже третій годъ сряду она повадилась мучить „меня два мѣсяца въ году, въ февралѣ и въ мартѣ. И каково-же: *пят-„надцать дней* (!) долженъ былъ я пролежать на моемъ диванѣ и 15 „дней не могъ взять пера въ руки. Теперь въ остальные 15 дней мнѣ

„предстоитъ написать 5 листовъ! И лежать совершенно здоровому всѣмъ „организмомъ потому собственно, что ни стоять, ни сидѣть не могъ отъ „судорогъ, которыя сейчасъ начинались только что я вставалъ съ дивана! „Теперь дня три какъ мнѣ гораздо легче. Лечилъ меня Bosser. Бросаюсь „на свободную минуту, чтобъ поговорить съ друзьями. Какъ меня мучило, „что я вамъ не отвѣчалъ! Но я и не вамъ, я и другимъ, которые имѣютъ „право на мое сердце, не отвѣчалъ. Упомянувъ вамъ о моихъ хлопотли-„выхъ дрязгахъ, я ни слова не сказалъ о непріятностяхъ семейныхъ, о „хлопотахъ безчисленныхъ по дѣламъ покойнаго брата и его семейства и „по дѣламъ покойнаго нашего журнала. Я сталъ нервенъ, раздражите-„ленъ, характеръ мой испортился. Я не знаю до чего это дойдетъ. Всю „зиму я ни къ кому не ходилъ, никого и ничего не видалъ, въ театрѣ „былъ только разъ, на первомъ представленіи „Рогнѣды". И такъ про-„должится до окончанія романа,—если не посадятъ въ долговое отдѣле-„ніе. Не знаю, что̀ буду дѣлать, когда кончу романъ. Главное, тогда „подновится мое литературное имя, и можно будетъ къ осени что нибудь „предпринять. У меня есть планъ, но надо быть благоразумнымъ. Вотъ „вамъ еще фактъ. Страшно усиливается подписка на всѣ журналы и „книжная торговля. Это послѣднія свѣдѣнія отъ книгопродавцевъ, да и „самъ имѣю факты.

„Теперь отвѣтъ на ваши слова. Вы пишете, что мнѣ лучше служить „въ коронной службѣ; врядъ-ли? Мнѣ выгоднѣе тамъ, гдѣ денегъ больше „можно достать. Я въ литературѣ имѣю уже такое имя, что вѣрный ку-„сокъ хлѣба (кабы не долги) — всегда бы у меня былъ, да еще сладкій, „богатый кусокъ, какъ и было вплоть до послѣдняго года. Кстати раз-„скажу вамъ о теперешнихъ моихъ литературныхъ занятіяхъ, и изъ этого „вы узнаете, въ чемъ тутъ дѣло. Изъ заграницы, будучи придавленъ „обстоятельствами, я послалъ Каткову предложеніе за самую низкую для „меня плату 125 р. съ листа ихняго, т. е. 150 р. съ листа „Современ-„ника". Они согласились. Потомъ я узналъ, что согласились съ радостію, „потому что у нихъ изъ беллетристики на этотъ годъ ничего не было: „Тургеневъ не пишетъ ничего, а съ Львомъ Толстымъ они поссорились. „Я явился на выручку (все это я знаю изъ вѣрныхъ рукъ). Но они страшно „со мной осторожничали и политиковали. Дѣло въ томъ, что они страш-„ные скряги. Романъ имъ казался великъ. Платить за 25 листовъ (а мо-„жетъ быть и за 30) по 125 р. ихъ пугало. Однимъ словомъ, вся ихъ „политика въ томъ (ужь ко мнѣ засылали), чтобъ сбавить плату съ ли-„ста, а у меня въ томъ, чтобъ набавить. И теперь у насъ идетъ глухая „борьба. Имъ очевидно хочется, чтобъ я пріѣхалъ въ Москву. Я-же вы-

„жидаю, и вотъ въ чемъ моя цѣль: если Богъ поможетъ, то романъ этотъ „можетъ быть великолѣпнѣйшею вещью. Мнѣ хочется, чтобъ не менѣе „3-хъ частей (т. е. половина всего) была напечатана, эффектъ въ публикѣ будетъ произведенъ, и тогда я поѣду въ Москву и посмотрю, какъ „они тогда мнѣ сбавятъ? Напротивъ, можетъ быть, прибавятъ. Это будетъ къ Святой. И кромѣ того стараюсь не забирать тамъ денегъ впередъ, жмусь и живу нищенски. Мое отъ меня не уйдетъ, а если забирать впередъ, то я уже нравственно не свободенъ, когда буду впослѣдствіи окончательно говорить съ ними объ уплатѣ. Недѣли двѣ тому назадъ вышла первая часть моего романа въ первой январской книгѣ „Русскаго Вѣстника“. Называется: „Преступленіе и Наказаніе“. Я уже „слышалъ много восторженныхъ отзывовъ. Тамъ есть смѣлыя и новыя „вещи. Какъ жаль мнѣ, что я вамъ не могу послать! Неужели у васъ никто не получаетъ „Русскаго Вѣстника“?

„Теперь слушайте: предположите, что мнѣ удастся хорошо окончить, „такъ, какъ-бы я желалъ; вѣдь я мечтаю, знаете, объ чемъ: продать его „нынѣшняго-же года книгопродавцу вторымъ изданіемъ, и я возьму еще „тысячи *двѣ* или *три* даже. Вѣдь этого не дастъ коронная служба? А „продамъ-то я вторымъ изданіемъ навѣрно, потому что ни одно мое сочиненіе не обходилось безъ этого. Но вотъ въ чемъ бѣда. Я могу испортить „романъ, и я это предчувствую. Если посадятъ въ тюрьму за долги, то „навѣрно испорчу и даже не докончу; тогда все лопнетъ. Но я слишкомъ „много разболтался о себѣ. Не сочтите за эгоизмъ! Это бываетъ со всѣми, „которые слишкомъ долго сидятъ въ своемъ углу и молчатъ. Вы пишете, „что вы и все ваше семейство перехворали. Это тяжело: хоть здоровьемъ-„то заграничная жизнь должна-бы васъ была вознаградить! Что̀ было-бы „съ вами и съ вашимъ семействомъ эту зиму въ Петербургѣ! Это ужасъ, „что у насъ было, а лѣтомъ еще пожалуй холера пожалуетъ. Передайте „вашей женѣ мои искреннія чувства уваженія и желаніе всевозможнаго „ей счастья, а главное—пусть начнется съ здоровья! Добрый другъ мой, „вы по крайней мѣрѣ счастливы въ семействѣ, а мнѣ отказала судьба въ „этомъ великомъ и *единственномъ* человѣческомъ счастьѣ. Да, для семейства вы многимъ обязаны. Вы мнѣ пишете о предложеніи вашего „отца и что вы отказались. Я не имѣю права ничего вамъ тутъ совѣтовать, собственно потому, что въ *полнотѣ* дѣла не знаю. Но вотъ въ „чемъ примите совѣтъ друга: не рѣшайтесь поспѣшно, не говорите послѣдняго слова и оставьте окончательное рѣшеніе до лѣта, когда сами „пріѣдете. Эти рѣшенія дѣлаются на всю жизнь; тутъ переворотъ всей „жизни. Даже, еслибъ вы и порѣшили лѣтомъ продолжать службу, то

„всетаки не говорите окончательнаго слова и оставьте разрѣшить впослѣд-„ствіи обстоятельствамъ.

„Лѣтомъ, я думаю, навѣрно буду въ Петербургѣ; стало быть мы уви-„димся. Тогда поговоримъ о многомъ. Кстати, я очень радъ, что васъ „такъ интересуетъ наша внутренняя, русская, умственная и гражданская „жизнь. Мнѣ, какъ другу, очень пріятно, что вы такой, хотя не во всемъ „съ вами согласенъ. На многое смотрите вы нѣсколько исключительно. „Не черпаете-ли вы извѣстія изъ иностранныхъ газетъ? Тамъ система-„тически искажаютъ все, что касается Россіи. Но это обширный вопросъ. „По моему, живя заграницей, дѣйствительно подпадаешь подъ вліяніе „иностранной прессы. Я это даже на себѣ испыталъ. Но однакожь во мно-„гомъ, и очень даже, я предчувствую, что съ вами согласенъ.—„Вѣсть“ „издается двумя издателями-редакторами: *Скарятинымъ* и *Юматовымъ*. „Прощайте, добрый другъ мой, до свиданія! Надѣюсь, въ будущемъ письмѣ „обмѣняться съ вами болѣе счастливыми извѣстіями. Далъ-бы Богъ! „А теперь

„Вашъ весь Ѳ. Достоевскій.“

„Поцалуйте милыхъ дѣтокъ вашихъ.

(Приписка съ боку). „Всѣ ваши оставшіяся у меня вещи въ цѣло-„сти и лежатъ въ комодѣ. Другъ мой, я вамъ долженъ. Подождите нѣ-„сколько; отдамъ. Теперь же скряжничаю, а если-бы вы знали, сколько „уже долженъ былъ истратить денегъ!

Это письмо лучше всякихъ разсказовъ изображаетъ и денежныя дѣла, и литературные труды, и состояніе духа и тѣла Ѳедора Михайловича. Прибавлю нѣсколько подробностей, сохранившихся въ моей памяти. Впечатлѣніе, произведенное романомъ „Преступленіе и Наказаніе“, было необычайное. Только его и читали въ этомъ 1866 году, только объ немъ и говорили охотники до чтенія, говорили, обыкновенно жалуясь на подавляющую силу романа, на тяжелое впечатлѣніе, отъ котораго люди съ здоровыми нервами почти заболѣвали, а люди съ слабыми нервами принуждены были оставлять чтеніе. Но всего поразительнѣе было случившееся при этомъ совпаденіе романа съ дѣйствительностію. Въ то самое время, когда вышла книжка „Русскаго Вѣстника“ съ описаніемъ преступленія Раскольникова, въ газетахъ появилось извѣстіе о совершенно подобномъ преступленіи, происшедшемъ въ Москвѣ. Какой-то студентъ убилъ и ограбилъ ростовщика и, по всѣмъ признакамъ, сдѣлалъ это изъ

нигилистическаго убѣжденія, что дозволены всѣ средства, чтобы исправить неразумное положеніе дѣлъ. Убійство было совершено, если не ошибаюсь, дня за два или за три до появленія „Преступленія и Наказанія". Не знаю, были-ли поражены этимъ читатели, но Ѳ. М. очень это замѣтилъ, часто говорилъ объ этомъ и гордился такимъ подвигомъ художественной проницательности. Припоминаю я также, что покойный М. П. Покровскій, много лѣтъ спустя, разсказывалъ, какъ сильно подѣйствовалъ этотъ романъ на молодыхъ людей, бывшихъ въ ссылкѣ въ одномъ изъ городовъ Европейской Россіи. Нашелся даже юноша, который сталъ на сторону Раскольникова и нѣкоторое время носился съ мыслью совершить нѣчто подобное его преступленію, и лишь потомъ одумался. Такъ вѣрно была схвачена авторомъ эта логика людей, оторвавшихся отъ основъ и дерзко идущихъ противъ собственной совѣсти.

Успѣхъ былъ чрезвычайный, но не безъ сопротивленія. Въ началѣ 1867 года, я помѣстилъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" разборъ „Преступленія и Наказанія", разборъ, писанный очень сдержаннымъ и сухимъ тономъ. Эта статья памятна мнѣ въ двухъ отношеніяхъ. Ѳ. М., прочитавши ее, сказалъ мнѣ очень лестное слово: „вы одни меня поняли". Но редакція была недовольна и прямо меня упрекнула, что я расхвалилъ романъ *по-пріятельски*. Я же, напротивъ, былъ виноватъ именно въ томъ, что холодно и вяло говорилъ о такомъ поразительномъ литературномъ явленіи.

XVI.

Женитьба.

Съ Анной Григорьевной Ѳедоръ Михайловичъ познакомился по тому поводу, что вздумалъ прибѣгнуть къ стенографіи. Осенью 1866 года, ему нужно было къ сроку исполнить одно обязательство. Именно,—онъ продалъ Стелловскому право на изданіе своихъ сочиненій, съ условіемъ, что въ это изданіе войдетъ повѣсть нигдѣ не напечатанная. Срокъ доставки повѣсти былъ обозначенъ въ контрактѣ; Ѳедоръ Михайловичъ началъ писать „Игрока", но видя, что не поспѣетъ, если будетъ писать обыкновеннымъ порядкомъ, пригласилъ къ себѣ стенографку; къ нему явилась незнакомая дѣвушка, — которой суждено было стать его женою. Въ послѣдствіи Анна Григорьевна постоянно продолжала ему помогать. Именно, когда у него были приготовлены черновые наброски со всевозможными поправками, помарками, вставками и т. д., онъ диктовалъ ей съ этихъ

набросковъ. Она записывала стенографически, а потомъ переписывала свою стенографію; получался четкій и отчетливый списокъ.

Подробности о дѣлахъ того времени, приведшихъ къ такому счастливому событію, сохранились въ одномъ письмѣ Ѳедора Михайловича (къ Василію Ивановичу Губину, изъ Дрездена, отъ 8-го мая 1871 года), изъ котораго мы приведемъ здѣсь выдержки.

„Стелловскій купилъ у меня сочиненія лѣтомъ 1865 года, слѣдую-„щимъ образомъ: я былъ въ обстоятельствахъ ужасныхъ. По смерти брата „въ 1864 году, я взялъ многіе изъ его долговъ на себя, и 10,000 руб., „собственныхъ денегъ (доставшихся мнѣ отъ тетки) употребилъ на про-„долженіе изданія „Эпохи", братняго журнала, въ пользу его семейства, „не имѣя въ этомъ журналѣ ни малѣйшей доли и даже не имѣя права по-„ставить на оберткѣ мое имя, какъ редактора. Но журналъ лопнулъ, „пришлось оставить. Затѣмъ, я продолжалъ платить долги брата и жур-„нальные, чѣмъ могъ. Много я надавалъ векселей, между прочимъ (сей-„часъ послѣ смерти брата) одному Д....у; этотъ Д....ъ пришелъ ко мнѣ „и умолялъ переписать векселя брата (онъ доставлялъ брату бумагу) на „мое имя и давалъ честное слово, что онъ будетъ ждать сколько угодно. „Я сдуру переписалъ. Лѣтомъ 1865 года, меня начинаютъ преслѣдовать „по векселямъ Д....а и еще какимъ-то (не помню). Съ другой стороны, „служащій въ типографіи (тогда у Праца) Гавриловъ предъявилъ тоже „свой вексель въ 1,000 рублей, который я ему выдалъ, нуждаясь въ день-„гахъ по продолженію чужаго журнала. И вотъ въ тоже самое „время Стелловскій вдругъ присылаетъ съ предложеніемъ: не продамъ ли „я ему сочиненія за три тысячи, съ написаніемъ особаго романа и проч. „и проч.—то есть на самыхъ унизительныхъ условіяхъ. Подождать бы, „такъ я бы взялъ съ книгопродавцевъ за право изданія по крайней мѣрѣ „вдвое, а если бы подождать годъ, то конечно втрое, ибо черезъ годъ одно „„Преступленіе и Наказаніе" продано было вторымъ изданіемъ за „7,000 руб. долгу (все по журналу,—Базунову, Працу и одному бумаж-„ному поставщику). Такимъ образомъ, я на братнинъ журналъ и на его „долги истратилъ 22 или 24 тысячи, т. е. уплатилъ своими силами, и „теперь еще на мнѣ долгу тысячъ до пяти. Стелловскій далъ мнѣ тогда „10 или 12 дней сроку думать. Это же былъ срокъ описи и ареста по „долгамъ. Замѣтьте, что Д.....ы векселя предъявилъ нѣкто надворный „совѣтникъ Б. (когда-то самъ пописывалъ, переводилъ Гёте; нынѣ же, „кажется, мировымъ судьей на Васильевскомъ Островѣ.). Въ эти „десять дней я толкался вездѣ, чтобы достать денегъ для уплаты вексе-„лей, чтобы избавиться продавать сочиненія Стелловскому на такихъ

„ужасныхъ условіяхъ. Былъ и у Б. разъ 8 и никогда не заставалъ „его дома. Наконецъ узналъ (отъ квартальнаго, съ которымъ сблизился „и котораго фамилію теперь забылъ), что Б. другъ Стелловскаго „давнишній, ходитъ по его дѣламъ и пр. Тогда я согласился и мы на„писали этотъ контрактъ, копія котораго у васъ въ рукахъ. Я распла„тился съ Д......ъ, съ Гавриловымъ и съ другими, и съ оставшимися „35 полуимперіалами поѣхалъ за границу.

„Я воротился въ октябрѣ, съ начатымъ за границей романомъ „Пре„ступленіе и Наказаніе“ и войдя въ сношеніе съ „Русскимъ Вѣстникомъ“, „отъ котораго и получилъ нѣсколько денегъ впередъ. По написаніи лѣ„томъ контракта съ Стелловскимъ, я прямо сказалъ Стелловскому, что я „не поспѣю написать ему романъ къ 1 ноября 1865 года. Онъ отвѣчалъ „мнѣ, что онъ и не претендуетъ, что онъ и издавать не думаетъ раньше „какъ черезъ годъ, но просилъ меня, чтобъ я къ 1 ноября 1866 года „былъ акуратнѣе. Все это было на словахъ и между четырехъ глазъ, но „страшныя неустойки, если я манкирую къ 1 ноября 1866 года, остались „въ контрактѣ“.

Вотъ обстоятельства, по которымъ никакія отсрочки въ писаніи романа оказывались невозможными и нужно было прибѣгнуть къ стенографіи. Анну Григорьевну Сниткину рекомендовалъ Ѳедору Михайловичу Павелъ Матвѣевичъ Ольхинъ, извѣстный преподаватель стенографіи. Онъ въ 1866 г. въ мартѣ мѣсяцѣ открылъ въ зданіи шестой гимназіи курсъ стенографіи, на который сначала явилось множество желающихъ пріобрѣсти средство къ независимому заработку, и въ числѣ ихъ Анна Григорьевна. Записалось сперва до 150 человѣкъ, но быстро стали отставать, такъ что къ маю осталась едва-ли половина начавшихъ курсъ, а въ сентябрѣ всѣхъ желавшихъ продолжать было не болѣе 12-ти. Самою успѣшною ученицею была Анна Григорьевна. Она незадолго передъ этими курсами кончила курсъ въ Маріинской гимназіи и въ этомъ-же году (28 апрѣля) потеряла отца; поэтому, занятія были для нея и средствомъ заглушить горе и надеждою на возможность что-нибудь зарабатывать.

На предложеніе П. М. Ольхина—взять работу у Ѳедора Михайловича Анна Григорьевна согласилась съ радостью. Достоевскій былъ однимъ изъ любимыхъ писателей ея покойнаго отца,—да и вся семья читала его съ жадностію. У другихъ своихъ родственниковъ Анна Григорьевна даже получила названіе „Неточки Незвановой“, на томъ основаніи, что приходила къ нимъ иногда незванная.

Повѣсть „Игрокъ“ была уже начата, но только начата Ѳедоромъ Михайловичемъ, и онъ сталъ диктовать Аннѣ Григорьевнѣ продолженіе.

Нужно было написать не менѣе 7 печатныхъ листовъ. Названіе было первоначально „Рулетенбургъ", но потомъ, по просьбѣ Стелловскаго, перемѣнено на „Игрокъ". Повѣсть эта появилась въ изданіи: „Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторовъ", въ которое вошли сочиненія А. Ѳ. Писемскаго, Вс. Вл. Крестовскаго, гр. Л. Н. Толстаго и наконецъ Ѳ. М. Достоевскаго. Большіе томы въ два столбца.

Анна Григорьевна обыкновенно приходила къ Ѳедору Михайловичу около полудня, и они работали до 2-хъ или 3-хъ часовъ. Сначала Ѳедоръ Михайловичъ прочитывалъ то, что̀ было имъ продиктовано наканунѣ и теперь было принесено уже переписанное, а потомъ диктовалъ дальше. Такъ продолжалось съ 4-го по 30-е октября, когда повѣсть была кончена. Этому окончанію очень радовался Ѳедоръ Михайловичъ и даже затѣвалъ по этому поводу обѣдъ съ близкими пріятелями. 31-го октября онъ повезъ рукопись къ Стелловскому, но не засталъ его дома и даже не могъ узнать, гдѣ онъ находится. Тогда Ѳедоръ Михайловичъ поѣхалъ въ магазинъ Стелловскаго (на Б. Морской) и хотѣлъ сдать рукопись подъ росписку приказчику, но тотъ отказался принять ее, говоря, что хозяинъ на это его не уполномочивалъ. Затрудненіе было не малое, и изъ него вывелъ Ѳедора Михайловича одинъ изъ знакомыхъ, посовѣтовавъ ему отвезти рукопись въ ту часть, гдѣ проживалъ Стелловскій, и вручить приставу подъ росписку для передачи Стелловскому. Такъ и сдѣлано было.

Свадьба Ѳедора Михайловича и Анны Григорьевны состоялась 15 февраля 1867 года.

Отъ этого брака было четверо дѣтей. Первымъ ребенкомъ была дочь, Софья, родившаяся въ Женевѣ 22 февраля 1868 и тамъ же скончавшаяся 12 мая того же года. Второе дитя, дочь Любовь, родилась въ Дрезденѣ 14 сентября 1869 г. Третье, сынъ Ѳедоръ, родился въ Петербургѣ 16 іюля 1871 года. Послѣдній ребенокъ, Алексѣй, родился въ Старой Руссѣ 12 августа 1875 года и умеръ въ Петербургѣ 16 мая 1878 года.

XVII.

Годы за границею.

Черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы, именно 14-го апрѣля 1867 года, молодые уѣхали за границу, гдѣ имъ суждено было пробыть гораздо дольше, чѣмъ они предполагали и желали. Они вернулись въ Петербургъ только 8-го іюля 1871 года, слѣдовательно, провели внѣ Россіи *четыре* года съ большимъ лишкомъ. За это время у меня не можетъ быть ника-

кихъ воспоминаній, кромѣ заочныхъ. Но зато къ этому времени относятся два длинные ряда писемъ, одинъ къ А. Н. Майкову, другой ко мнѣ. Читатель найдетъ эти письма въ приложеніи и изъ нихъ всего лучше можетъ познакомиться со многими чертами и внѣшней и внутренней жизни Ѳедора Михайловича.

Скажу нѣсколько словъ вообще объ этихъ письмахъ. Въ нихъ постоянно слышится чистота намѣреній, искренность, прямота. Не забудемъ, что авторъ ихъ былъ человѣкъ, въ которомъ непрерывно совершались очень сильныя и сложныя душевныя движенія; но изъ писемъ ясно, что онъ легко становился выше этихъ движеній и съ этой высоты умѣлъ судить свои дѣла и отношенія, себя и другихъ, судить безпристрастнымъ, великодушнымъ судомъ. Онъ разсказываетъ свои слабости и затрудненія, онъ волнуется и проситъ, жалуется и кается, но вездѣ видно, что онъ никогда не теряетъ совершенно ни твердости, ни правильнаго взгляда на обстоятельства и людей.

Письма эти составляли большую отраду тѣхъ, къ кому они были писаны. Скажу, по крайней мѣрѣ, про себя, что чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ наши заочныя отношенія становились все лучше и теплѣе, тѣмъ оживленнѣе шла переписка. Всякія мелочи, случайности, постороннія чувства отбрасываются въ сторону, когда мы обращаемся къ отсутствующему, и потому тутъ люди сближаются лучшими своими сторонами, и сближаются иногда тѣснѣе, чѣмъ при свиданіяхъ и разговорахъ. Но, кромѣ того, я совершенно убѣжденъ, что эти четыре съ лишнимъ года, проведенные Ѳедоромъ Михайловичемъ за границею, были лучшимъ временемъ его жизни, т. е. такимъ, которое принесло ему всего больше глубокихъ и чистыхъ мыслей и чувствъ. Онъ очень усиленно работалъ и часто нуждался; но онъ имѣлъ покой и радость счастливой семейной жизни, и почти все время жилъ въ совершенномъ уединеніи, то есть вдали отъ всякихъ значительныхъ поводовъ оставлять прямой путь развитія своихъ мыслей и глубокой душевной работы. Рожденіе дѣтей, забота объ нихъ, участіе одного супруга въ страданіяхъ другаго, даже самая смерть перваго ребенка,—все это чистыя, иногда высокія впечатлѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что именно за границей, при этой обстановкѣ и этихъ долгихъ и спокойныхъ размышленіяхъ, въ немъ совершилось особенное раскрытіе того христіанскаго духа, который всегда жилъ въ немъ. Въ его письмахъ подъ конецъ вдругъ раздались звуки этой струны; она стала звучать въ немъ такъ сильно, что онъ не могъ оставлять эти звуки для себя одного, какъ это дѣлалъ прежде. Объ этой существенной перемѣнѣ однако-же, письма, не даютъ полнаго понятія. Но она очень ясно обнаружилась для всѣхъ знакомыхъ, когда

Ѳедоръ Михайловичъ вернулся изъ заграницы. Онъ сталъ безпрестанно сводить разговоръ на религіозныя темы. Мало того; онъ перемѣнился въ обращеніи, получившемъ большую мягкость и впадавшемъ иногда въ полную кротость. Даже черты лица его носили слѣдъ этого настроенія и на губахъ появлялась нѣжная улыбка. Помню маленькую сцену въ Славянскомъ Комитетѣ. Мы входили вмѣстѣ и съ нами поздоровался И. И. Петровъ. „Кто это?“ спросилъ меня Ѳедоръ Михайловичъ, или незнавшій его, или забывшій, какъ онъ безпрестанно забывалъ людей, съ которыми даже часто встрѣчался. Я сказалъ ему и прибавилъ: „какой чудесный, чудеснѣйшій человѣкъ!“ Глаза Ѳедора Михайловича ласково заблестѣли, онъ съ большою любовью поглядѣлъ на другихъ присутствовавшихъ и потихоньку сказалъ мнѣ: „да всѣ люди — существа прекрасныя!“ Искренность и теплота такъ и свѣтились въ немъ при этихъ словахъ.

Лучшія христіанскія чувства, очевидно, жили въ немъ, тѣ чувства, которыя все чаще и яснѣе выражались и въ его сочиненіяхъ. Такимъ онъ вернулся изъ заграницы.

Указавши общій характеръ этого заграничнаго житья и его внутреннее значеніе, приведу теперь внѣшнія обстоятельства и подробности, чтобы читатель имѣлъ руководящую нить при чтеніи писемъ.

Въ 1867 году (14 апрѣля), выѣхавши заграницу, Достоевскіе черезъ Берлинъ проѣхали въ Дрезденъ и пробыли здѣсь два мѣсяца. Ѳедоръ Михайловичъ принялся тутъ за статью „Мои воспоминанія о Бѣлинскомъ“. Эта статья по условію приготовлялась имъ для литературнаго сборника „Чаша“, который затѣянъ былъ въ Москвѣ покойнымъ К. И. Бабиковымъ, однимъ изъ молодыхъ сотрудниковъ „Времени“ и „Эпохи“, авторомъ романа „Глухая Улица“ и другихъ произведеній, имѣвшихъ нѣкоторый успѣхъ и вполнѣ его стоившихъ. Статья эта была кончена только въ Женевѣ, уже въ половинѣ сентября, была отослана А. Н. Майкову, имъ передана А. Ѳ. Базунову и затѣмъ пропала безъ вѣсти, какъ и другія статьи, приготовленныя для „Чаши“. Этому сборнику не суждено было явиться въ свѣтъ.

Въ Дрезденѣ Анна Григорьевна принялась усердно изучать „Галлерею“. Ѳедоръ Михайловичъ также любилъ ходить туда, но останавливался преимущественно на своихъ любимыхъ картинахъ. Это были: „Сикстинская Мадонна“, „Ночь“ Корреджіо, „Христосъ съ монетой“ Тиціана, „Голова Христа“ Аннибала Караччи и „Abendlandschaft“ Клодъ Лоррена. О послѣдней картинѣ съ большимъ одушевленіемъ говорится въ „Подросткѣ“. Кромѣ того, онъ полюбилъ картины Рюисдаля, особенно его „Охоту“.

Въ половинѣ іюня 1867 года Достоевскіе выѣхали изъ Дрездена въ Швейцарію, по дорогѣ остановились въ Баденъ-Баденѣ и вынуждены были прожить здѣсь полтора мѣсяца. Ѳедоръ Михайловичъ увлекся рулеткою, сперва выигралъ, потомъ проигрался, и только благодаря деньгамъ, полученнымъ отъ М. Н. Каткова, могъ выѣхать изъ Баденъ-Бадена. Въ Женеву они пріѣхали съ 30-ю франками; но душевное настроеніе Ѳедора Михайловича сейчасъ-же поправилось, когда онъ избавился, наконецъ, отъ душившаго его два мѣсяца кошмара—мечты выиграть на рулеткѣ.

Въ Женевѣ проведена была зима 1867—68 года. Ѳедоръ Михайловичъ писалъ въ это время „Идіота", который сталъ появляться въ „Русскомъ Вѣстникѣ" съ января 1868 г. Жизнь Достоевскіе вели уединенную и однообразную. Ѳедоръ Михайловичъ вставалъ въ 11 или 12 часовъ, пилъ кофе, садился за работу и работалъ до 3-хъ; потомъ со своей черновой диктовалъ Аннѣ Григорьевнѣ. Въ четыре часа они шли обѣдать въ какой нибудь ресторанъ; послѣ обѣда Ѳедоръ Михайловичъ шелъ читать русскія газеты. Вечеромъ передъ чаемъ шли гулять; потомъ въ 10 часовъ Ѳедоръ Михайловичъ снова садился за работу и занимался до 4 или 5 часовъ утра.

Знакомыхъ въ Женевѣ не было никого, кромѣ Огарева, который иногда заходилъ и даже выручалъ Достоевскихъ въ случаѣ крайней нужды, давая въ займы пять или десять франковъ. Рожденіе дочери (22 февраля 1868) было большимъ счастьемъ для обоихъ супруговъ и очень оживило Ѳедора Михайловича. Всѣ свободныя минуты онъ проводилъ у ея колясочки и радовался каждому ея движенію. Но это продолжалось менѣе трехъ мѣсяцевъ. Смерть ея была страшнымъ и неожиданнымъ ударомъ. Ѳедоръ Михайловичъ всю жизнь не могъ забыть свою первую дѣвочку и всегда вспоминалъ о ней съ сердечной болью. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Эмсъ онъ нарочно съѣздилъ въ Женеву, чтобы побывать на ея могилѣ.

Въ Женевѣ, кромѣ того, что все напоминало Достоевскимъ объ ихъ потерѣ, было вообще неудобно и непріятно. Въ концѣ мая 1868 года имъ удалось, наконецъ, изъ нея выбраться, и они поселились въ Vevey, на Женевскомъ озерѣ, и тутъ провели лѣто. Въ началѣ сентября перебрались черезъ Симплонъ въ Италію, пробыли два мѣсяца въ Миланѣ и поселились на зиму (1868—69) во Флоренціи. Все это время продолжалось писаніе „Идіота", окончаніе котораго появилось отдѣльнымъ приложеніемъ къ „Русскому Вѣстнику" 1869 (къ январской или февральской книжкѣ).

Жизнь во Флоренціи была такъ же однообразна, какъ въ Женевѣ. Но

здѣсь были знаменитыя галлереи, и не только Анна Григорьевна, но и Ѳедоръ Михайловичъ часто посѣщали Uffizi и Palazzo Pitti. Любимыя его картины были: „Madonna della sedia“ и „Іоаннъ Креститель“ Рафаэля. Посѣщались также, разумѣется всегда вдвоемъ, различныя церкви и монастыри. Ѳедоръ Михайловичъ особенно восхищался колокольнею (campanile) собора Maria del Fiore, а также удивительными дверями Battisterio, porta Ghiberti. Восхищеніе его доходило до того, что онъ не разъ мечталъ, какъ хорошо-бы имѣть столько денегъ, чтобы купить фотографію этихъ дверей въ натуральную величину.

Во Флоренціи была читальня, гдѣ получались и русскіе газеты и журналы. Кромѣ того, Ѳедоръ Михайловичъ перечитывалъ здѣсь писателей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, особенно Бальзака и Жоржа Занда. Знакомыхъ и во Флоренціи никого не было, такъ что въ теченіе десяти мѣсяцевъ житья въ Италіи Достоевскимъ не пришлось ни разу говорить съ кѣмъ-нибудь по-русски. Ѳедоръ Михайловичъ всегда впрочемъ съ чрезвычайной симпатіей относился къ итальянцамъ, находилъ ихъ простыми и добродушными, а людей изъ простаго народа похожими на русскихъ мужиковъ и бабъ.

Иногда Достоевскіе ходили и въ театръ, но очень рѣдко, такъ какъ постоянно нуждались въ деньгахъ.

Въ іюлѣ 1869 г., они оставили Флоренцію и черезъ Венецію, Тріестъ, Вѣну и Прагу вернулись въ Дрезденъ.

Венеція произвела на Ѳедора Михайловича чарующее впечатлѣніе; часто онъ говорилъ потомъ, какъ о любимой мечтѣ, о желаніи поѣхать опять въ Венецію, а потомъ на востокъ, въ Константинополь и Іерусалимъ.

Сначала рѣшено было поселиться въ Прагѣ; Ѳедоръ Михайловичъ очень интересовался тогда славянами и хотѣлъ познакомиться съ Ригромъ и Палацкимъ. По несчастію, въ Прагѣ невозможно было найти меблированной квартиры, а покупать мебель было не на что. Пришлось поселиться въ Дрезденѣ. Здѣсь 14 сентября родилась вторая дочь и наполнила жизнь скитающихся супруговъ новыми заботами и радостями. Ѳедоръ Михайловичъ былъ очень счастливъ, что родилась дѣвочка, какъ онъ этого постоянно желалъ послѣ смерти первой дочери. Онъ былъ занятъ новымъ дитятею безпрестанно, и первый вопросъ его по пробужденіи былъ: „что Лиля“? Онъ угадывалъ и исполнялъ всѣ ея малѣйшія желанія.

Въ концѣ 1869 г., писалась повѣсть „Вѣчный Мужъ“, а весь 1870 г. романъ „Бѣсы“, который „Русскій Вѣстникъ“ сталъ печатать съ начала 1871 года.

Знакомыхъ и въ Дрезденѣ было очень мало; Ѳедоръ Михайловичъ

вообще не любилъ сближаться съ русскими за границею. Газеты читались по прежнему; Ѳедоръ Михайловичъ, какъ и вся Россія, живо интересовался военными дѣйствіями во время франко-прусской войны и приходилъ въ отчаяніе отъ пораженія французовъ, на сторонѣ которыхъ были всѣ его симпатіи.

Ѳедоръ Михайловичъ во все время пребыванія за границею получалъ „Русскій Вѣстникъ", а съ 1869 года и „Зарю". Но кромѣ того онъ читалъ и другія русскія книги. Нѣкоторыя были взяты имъ съ собою, напр. „Странствія Инока Парѳенія", „Сочиненія Бѣлинскаго", „Исторія Россіи Соловьева"; другія онъ выписывалъ, напр., „Войну и Миръ" Л. Н. Толстаго. Но постояннымъ чтеніемъ его было Евангеліе; онъ читалъ его по той самой книгѣ, которую имѣлъ въ каторгѣ и съ которою никогда не разставался.

Въ Дрезденѣ пришлось пробыть почти два года и, по свидѣтельству Анны Григорьевны, которой мы обязаны многими изъ предъидущихъ подробностей, житье заграницею стало особенно тяжело въ эти годы для Ѳедора Михайловича. Онъ все больше тяготился мыслью, что отсталъ отъ Россіи, не знаетъ ея. Въ своихъ письмахъ онъ часто выражаетъ эту мысль и тоску по Россіи. Но воротиться было трудно, потому что нужно было сразу имѣть порядочныя деньги; приходилось бы не только расплатиться на мѣстѣ, не только обзаводиться въ Петербургѣ, но и платить по векселямъ и долгамъ, оставшимся отъ „Эпохи". Долго Достоевскіе поджидали благопріятныхъ обстоятельствъ; но собрать сколько нибудь денегъ имъ не удавалось. Не смотря на чрезвычайно скромную жизнь, всѣ получавшіяся деньги уходили; значительная часть ихъ шла на поддержку вдовы покойнаго брата, а также пасынка, кромѣ того на уплату процентовъ за заложенныя при отъѣздѣ вещи (которыя въ концѣ концовъ все-таки пропали). Не видя выхода изъ этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ и въ то же время чувствуя, что имъ стало совершенно невыносимо долѣе оставаться заграницею, Достоевскіе рѣшились наконецъ принять всѣ тяжелыя послѣдствія своего пріѣзда и вернулись въ Петербургъ 8-го іюля 1871 г. Здѣсь 16-го іюля у нихъ родился первый ихъ сынъ, Ѳедоръ.

XVIII.

Жизнь въ Петербургѣ.

Послѣднее десятилѣтіе своей жизни Ѳедоръ Михайловичъ провелъ въ Петербургѣ, дѣлая конечно нѣкоторыя поѣздки, особенно лѣтомъ.

Характеръ этого періода—болѣе и болѣе порядка и опредѣленности всѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, отсутствіе всякихъ передрягъ и переворотовъ, лучшее и лучшее денежное положеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, все шире и шире развертывающаяся дѣятельность и все быстрѣе и быстрѣе возрастающая популярность.

Особенные эпизоды этого періода составляютъ редактированіе „Гражданина“ въ 1873 году и изданіе „Дневника Писателя“ въ 1876 и 1877 годахъ.

Редакція „Гражданина“ была предложена Ѳедору Михайловичу княземъ Вл. П. Мещерскимъ, который, познакомившись съ Ѳедоромъ Михайловичемъ, почувствовалъ къ нему чрезвычайное расположеніе, охотно и искренно поддавался его вліянію. За редактированіе Ѳедоръ Михайловичъ получалъ 250 р. въ мѣсяцъ, сверхъ платы за статьи. Читатели, которые вздумаютъ перечесть „Гражданинъ“ за этотъ годъ, тотчасъ увидятъ, какъ много старанія и труда положено было на журналъ его редакторомъ. Заботливость была величайшая. Съ своей стороны, не смотря на нѣсколько охладившіяся отношенія, я считалъ долгомъ усердно писать тогда въ „Гражданинѣ“, въ которомъ впрочемъ былъ сотрудникомъ съ самаго его начала; только въ первыхъ мѣсяцахъ 1873 года мнѣ не пришлось участвовать въ журналѣ, потому что меня не было въ Петербургѣ. Около Святой, мнѣ помнится, произошла въ кружкѣ „Гражданина“ большая тревога; говорили, что изданіе невозможно продолжать и Ѳедоръ Михайловичъ былъ нѣкоторое время въ большомъ безпокойствѣ. Но все кончилось благополучно, и журналъ до конца года издавался подъ тою же редакціею и съ тою же заботливостію. Не могу ничего сказать о томъ, какой успѣхъ имѣлъ „Гражданинъ“ въ этомъ году и по какимъ поводамъ и соображеніямъ Ѳедоръ Михайловичъ отказался потомъ отъ его редакціи.

„Дневникъ Писателя“, который сталъ выходить съ 1876 года, имѣлъ величайшій успѣхъ и былъ истинно счастливой мыслью, вполнѣ соотвѣтствовалъ потребностямъ и пріемамъ писанія Ѳедора Михайловича. Это былъ собственно рядъ фельетоновъ, касавшихся всевозможныхъ предметовъ, но преимущественно посвященныхъ общественнымъ вопросамъ и литературѣ. Достоевскій получалъ такимъ образомъ возможность высказывать въ совершенно вольной формѣ тѣ мысли, которыя постоянно въ немъ кипѣли и были возбуждаемы его всегдашнимъ пристальнымъ вниманіемъ къ совершающейся вокругъ него жизни. Тонъ этихъ фельетоновъ былъ необыкновенно живой и горячій, но подъ ихъ волненіемъ слышалась полная твердость убѣжденій и взглядовъ. Ѳедоръ Михайловичъ говорилъ здѣсь съ

авторитетомъ, и его рѣчи иногда достигали удивительнаго мастерства, соединяя серьезность съ шутливостью, важность мысли съ простотою и легкостію болтовни. Нигдѣ, мнѣ кажется, душевная бодрость и энергія Достоевскаго не выражается такъ ясно, какъ въ „Дневникѣ“.

При этихъ общихъ достоинствахъ, читатели были еще поражаемы и увлекаемы особымъ направленіемъ изданія. Это направленіе рѣзко противорѣчило ходячимъ вкусамъ и мнѣніямъ петербургской публики, было очевиднымъ протестомъ противъ господствующихъ умственныхъ теченій. Можно себѣ представить, какъ такое изданіе должно было обрадовать всѣхъ тѣхъ, кто негодовалъ на господствующее направленіе и нигдѣ не находилъ въ литературѣ выраженія своего протеста и своихъ любимыхъ мыслей. Такихъ людей много у насъ и они принадлежатъ къ тѣмъ, которые очень рѣдко расположены сами пускаться въ литературу.

Успѣхъ „Дневника“ былъ чрезвычайный. Приведемъ цифры, которыя всего яснѣе укажутъ этотъ успѣхъ:

„Дневникъ Писателя“ на 1876 годъ имѣлъ 1,982 подписчика и кромѣ того въ розничной продажѣ каждый номеръ расходился въ 2,000—2,500 экземплярахъ. Нѣкоторые номера потребовали 2-го и даже 3-го изданія, напр. январскій.

Въ 1877 году было около 3,000 подписчиковъ и столько же расходилось въ розничной продажѣ.

Одинъ номеръ, выпущенный въ 1880 году (августъ) и содержавшій въ себѣ рѣчь о Пушкинѣ, былъ напечатанъ въ 4,000 экземплярахъ и разошелся въ нѣсколько дней. Было сдѣлано новое изданіе въ 2,000 экз. и разошлось безъ остатка.

„Дневникъ“ на 1881 г. печатался въ 8,000 экземплярахъ и имѣлъ въ январѣ, прежде выхода перваго номера, 1,074 подписчика. Всѣ 8,000 были распроданы въ дни выноса и погребенія. Сдѣлано было второе изданіе въ 6,000 экземплярахъ и разошлось безъ остатка.

За три года, когда былъ веденъ „Дневникъ“, за 1873 г. (въ „Гражданинѣ“) и за 1876 и 1877 гг. (въ особомъ изданіи), Достоевскій, можно сказать, самъ написалъ свою біографію, указалъ и объяснилъ то, чѣмъ онъ былъ занятъ, что̀ думалъ и чувствовалъ въ каждый изъ двѣнадцати мѣсяцевъ этихъ трехъ годовъ. Тутъ выразилось главное содержаніе его жизни. Что̀ же касается до внѣшнихъ обстоятельствъ и до событій чисто личной жизни, то мы постараемся дать здѣсь канву или рамку, которая вѣроятно еще долго можетъ наполняться воспоминаніями знавшихъ его лю-

дей, или вновь найденными письмами, записками и другими подобными матеріалами.

Всѣ зимы, кромѣ одной (1874—75 гг.) были проведены въ Петербургѣ. Первую зиму (1871—72 гг.) Ѳедоръ Михайловичъ квартировалъ въ Серпуховской улицѣ Семеновскаго полка, въ домѣ г-жи Архангельской. Въ 1872 году переѣхалъ во 2-ю роту Измайловскаго полка, въ д. Мебеса. Зиму 1873—74 гг. жилъ на Лиговкѣ, № 27, въ домѣ Сливчанскаго (томъ самомъ, гдѣ дѣлается это изданіе его сочиненій). Три года, съ сентября 1875 по май 1878 г., жилъ въ домѣ Струбинскаго, противъ Греческой церкви, и три послѣдніе года, 1878—1881, въ Кузнечномъ переулкѣ, д. № 5, тамъ, гдѣ умеръ.

Первое лѣто по возвращеніи изъ-за границы, лѣто 1872 года, Достоевскіе проводили въ Старой Руссѣ, и съ тѣхъ поръ не только стали проводить тамъ каждое лѣто, но въ 1874—75 годахъ прожили тамъ и всю зиму. Это была та зима, въ которую Ѳедоръ Михайловичъ писалъ „Подростка“. Когда дѣла поправились, Достоевскіе нашли удобнымъ даже купить себѣ въ Старой Руссѣ домъ, куда регулярно и переѣзжали вмѣсто дачи. Исключеніе составляетъ лѣто 1877 года, проведенное въ Курской губерніи, въ имѣніи Ивана Григорьевича Сниткина, брата Анны Григорьевны (Суджанскаго уѣзда, деревня Малый Приколъ). Домъ въ Старой Руссѣ былъ купленъ въ 1876 году, весной. При немъ есть старый большой садъ и заплачено за все 1,150 рублей.

Оставляя въ сторонѣ переѣзды съ квартиры на квартиру, — дѣло общераспространенное въ Петербургѣ, мы видимъ, такимъ образомъ, что жизнь Ѳедора Михайловича принимала подъ конецъ полную правильность и опредѣленность, изъ скитальческой превратилась въ совершенно осѣдлую.

Былъ еще у Ѳедора Михайловича рядъ отлучекъ изъ дома, регулярно повторявшихся; это—его поѣздки въ Эмсъ для леченія, ради котораго онъ долженъ былъ покидать семью и навѣщать немилую ему Европу. Такихъ поѣздокъ было пять, въ 1874, 1875, 1876, 1878 и 1879 годахъ. Вмѣстѣ съ проѣздомъ на это требовалось не менѣе семи недѣль и не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Обыкновенно Ѳедоръ Михайловичъ уѣзжалъ въ началѣ іюля и возвращался къ концу августа. Сверхъ того, въ 1879 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ была сдѣлана вмѣстѣ съ Вл. С. Соловьевымъ поѣздка въ Оптину Пустынь, гдѣ они оставались почти недѣлю. Отраженіе этой поѣздки читатели найдутъ въ описаніи монастыря въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“.

XIX.

Изданія. Доходы.

Весь этотъ порядокъ, правильный уходъ за своимъ здоровьемъ и свобода въ выборѣ мѣста и времени стали возможны только потому, что поправились дѣла. А поправились они всего больше потому, что Анна Григорьевна взяла на себя дѣлать новыя изданія прежнихъ сочиненій Ѳедора Михайловича. Эти изданія, дѣлаемыя на собственный счетъ и потому доставлявшія наибольшую выгоду самому автору, начались съ 1873 года и шли въ слѣдующемъ порядкѣ.

Въ 1873 г. 24-го января вышли „Бѣсы“ въ 3,500 экземплярахъ.

Въ 1874 г., 24-го января „Идіотъ“ въ 2,000 экз., а 21-го декабря 1875 г. „Записки изъ Мертваго Дома“ въ 2,000 экз.

Въ 1876 г. 18-го декабря „Преступленіе и Наказаніе“ въ 2,000 экз.

Въ 1879 г., 10-го ноября „Униженные и Оскорбленные“ въ 2,400 экземплярахъ.

Въ концѣ 1880 года „Братья Карамазовы“ въ 4,000 экзеплярахъ.

Ѳедоръ Михайловичъ необыкновенно радовался поправленію своихъ денежныхъ дѣлъ. Онъ истинно гордился не только успѣхомъ своихъ сочиненій, но и тѣмъ, что они даютъ ему хорошій доходъ, позволили ему расплатиться съ долгами и принесли ему достатокъ. Вспоминая о тѣхъ трудахъ, въ которыхъ онъ прожилъ свою жизнь, онъ иногда горько жаловался на свою судьбу и особенно мучился мыслью, что, если скоро умретъ (а плохое здоровье часто наводило на эти мысли), то оставитъ семью въ бѣдности. Поэтому всякій успѣхъ въ денежныхъ дѣлахъ былъ ему истинною отрадою, давалъ ему надежду на лучшую судьбу дорогихъ ему существъ, утѣшалъ и оправдывалъ его въ собственныхъ его глазахъ. Въ одной изъ его записныхъ книгъ сохранился листокъ, на которомъ онъ тщательно подводилъ итогъ *чистаго дохода*, выручавшагося со всѣхъ его изданій. Вотъ эта записка:

въ 1877 г.

„Преступленіе и Наказаніе“ продано на	487	р.	12 к.
Переплетенныхъ экз. „Дневника“ 1876 г.	497	„	80 „
„Бѣсы“, „Идіотъ“ „Записки изъ Мертваго Дома“	561	„	63 „
Отъ 1876 года	+ (295)	„	40 „
Итого	1,841	р.	95 к.

въ 1878 г.

„Бѣсы“, „Идіотъ“ и „Записки изъ Мертваго Дома“	1,199	„	50	„
„Преступленіе и Наказаніе“.	548	„	98	„
Переплетенныхъ экз. 1877 года	346	„	50	„
Переплетенныхъ экз. 1876 года	281	„	68	„
Итого.	2,376	р.	66	к.

въ 1879 г.

„Бѣсы“, „Идіотъ“ и „Записки изъ Мертваго Дома“	1,271	„	99	„
„Преступленіе и Наказаніе“.	797	„	16	„
Переплетенныхъ „Дневника“ 1877 года.	121	„	2	„
Переплетенныхъ „Дневника“ 1876 года	98	„	61	„
+ „Униженные и Оскорбленные“.	227	„	24	„
Итого.	2,516	р.	2	к.

въ 1880 г.

„Бѣсы“, „Идіотъ“ и „Записки изъ Мертваго Дома“	1,287	„	20	„
„Преступленіе и Наказаніе“.	933	„	99	„
„Дневникъ“ 1877 года	219	„	14	„
„Дневникъ“ 1876 года	247	„	6	„
Итого	2,687	р.	39	к.
+ „Униженные и Оскорбленные“ . . .	548	„	51	„
+ „Дневникъ“ 1880 года.	893	„	87	„
Итого.	4,129	р.	77	к.
„Бр. Карамазовы“	3,681	„	50	„
	7,811	р.	27	к.

Прибавимъ къ этому для полнаго понятія о дѣлахъ Ѳедора Михайловича тѣ суммы, какія получались за новые романы, печатавшіеся въ журналахъ. За „Подростка“, печатавшагося, въ „Отечественныхъ Запискахъ“, получалось по 250 р. съ печатнаго листа; за „Братьевъ Карамазовыхъ“ по 300 р.

Въ 1878 году, Ѳедоръ Михайловичъ въ послѣдній разъ обращался

съ просьбой о деньгахъ къ редакціи „Русскаго Вѣстника", такъ долго и радушно поддерживавшей своего сотрудника и большими и малыми ссудами. Послѣ 1878 года уже никакихъ займовъ не дѣлалось и началось собираніе небольшаго капитала.

XX.

Пушкинскій праздникъ (1880).

Какъ свидѣтель торжества, которое выпало на долю Ѳедора Михайловича на пушкинскомъ праздникѣ, той „пальмы первенства", которую онъ получилъ на этомъ мирномъ состязаніи, постараюсь разсказать это событіе со всѣми подробностями, какія успѣлъ замѣтить. Я не принималъ никакого дѣятельнаго участія въ этомъ чествованіи памяти Пушкина, былъ лишь простымъ зрителемъ, но оно глубоко меня интересовало; поэтому для меня была яснѣе, чѣмъ для многихъ другихъ, та внутренняя драма, которая разыгралась на этомъ праздникѣ и въ которой главная роль оказалась принадлежащею Ѳедору Михайловичу.

Приготовиться къ празднику было довольно времени. Открытіе памятника назначено было на 26 мая, день рожденія Пушкина; но за нѣсколько дней до этого числа скончалась Государыня и торжество было отложено на двѣ недѣли глубокаго траура. Между тѣмъ многіе участники уже собрались въ Москвѣ и ожидали тутъ, когда дано будетъ разрѣшеніе. Въ числѣ ихъ былъ и Ѳедоръ Михайловичъ, пріѣхавшій изъ Старой Руссы, гдѣ проводилъ лѣто со своею семьею. Онъ явился на праздникъ въ оффиціальномъ званіи депутата отъ славянскаго благотворительнаго общества. Другимъ депутатомъ былъ И. Ѳ. Золотаревъ. Я пріѣхалъ наканунѣ самаго открытія и только потомъ узналъ, что во время этого ожиданія въ Москвѣ почитатели Ѳедора Михайловича давали ему обѣдъ, но не имѣлъ никакого понятія о томъ, что̀ тамъ говорилось и дѣлалось *).

*) Вотъ подробности, извлеченныя изъ писемъ Ѳедора Михайловича къ Аннѣ Григорьевнѣ. Ѳедоръ Михайловичъ пріѣхалъ въ Москву 23 мая въ 10 ч. вечера и дорогой узналъ о смерти Государыни. Въ вокзалѣ ждали его: Юрьевъ, Лавровъ, Н. Аксаковъ, Барсовъ и человѣкъ 10 другихъ сотрудниковъ „Русской Мысли". Звали на ужинъ, онъ отказался; остановился въ „Лоскутной гостинницѣ", гдѣ, какъ потомъ оказалось, назначено было безплатное помѣщеніе для депутатовъ. 25-го мая Ѳедора Михайловича пригласили обѣдать въ „Эрмитажъ". На обѣдѣ было 22 человѣка, именно С. А. Юрьевъ, В. М. Лавровъ, И. С. Аксаковъ, Н. Аксаковъ, Н. А. Рубинштейнъ, директоръ гимназіи Поливановъ, нѣсколько человѣкъ профессоровъ и т. д. Гостю было сказано шесть рѣчей, нѣкоторыя довольно длинныя. Говорили— С. А. Юрьевъ, оба Аксаковы, три профессора, Н. Рубенштейнъ. Тема была—ве-

Собираясь на праздникъ, откровенно признаюсь, я не ожидалъ ничего особенно хорошаго. Мнѣ живо представлялось, что долженъ произойти большой шумъ и восторгъ, то явленіе, которое Ѳедоръ Михайловичъ такъ хорошо называлъ — „увизжаться отъ восторга“. Но легко могло случиться, что изъ этого воодушевленія ничего не выйдетъ. Мы чрезвычайно легко приходимъ въ энтузіазмъ, и нельзя не любить всею душою этой благородной способности, въ основѣ которой, можетъ быть, у насъ лежатъ очень высокіе задатки. Но этотъ энтузіазмъ, иногда вспыхивающій такимъ чистымъ пламенемъ, обыкновенно гаснетъ безъ слѣда; въ большинствѣ случаевъ это энтузіазмъ безплодный, самъ собою питающійся и удовлетворяющійся, не пораждающій ни твердыхъ и опредѣленныхъ убѣжденій, ни усердной и опредѣленной дѣятельности. Я предполагалъ, что, можетъ быть, мнѣ предстоитъ и теперь видѣть подобное зрѣлище. Но на этотъ разъ, къ счастью, я обманулся; рѣчь Ѳедора Михайловича дала празднику нѣкоторое существенное содержаніе, и осталась послѣ него, какъ твердое и блестящее украшеніе, не улетѣвшее вмѣстѣ съ дымомъ и пламенемъ этого фейерверка.

6-го іюня всѣ мы съ 10 часовъ утра собрались въ Страстной монастырь слушать обѣдню и панихиду. Церковь наполнилась литераторами и вообще отборною интеллигенціею, которая сдержанно разговаривала подъ звуки сладкаго пѣнія. Служилъ митрополитъ Макарій; въ концѣ службы онъ говорилъ проповѣдь на ту простую тему, что нужно благодарить Бога, пославшаго намъ Пушкина, и нужно молиться Богу, чтобы онъ даровалъ намъ для всякихъ другихъ поприщъ подобныхъ сильныхъ дѣятелей. Проповѣдь показалась мнѣ нѣсколько холодною, и не было замѣтно, чтобы она произвела особенное впечатлѣніе. Первая минута восторга наступила, какъ мнѣ кажется, когда мы вышли на площадь, когда былъ сдернутъ холстъ со статуи и мы, при звукахъ музыки, пошли класть свои вѣнки къ подножію памятника. Церемонія у памятника имѣла совершенно свѣтскій характеръ и состояла изъ этого положенія вѣнковъ и изъ чтенія бумаги, которою коммисія, сооружавшая памятникъ, передавала его въ собственность городу Москвѣ. Бумагу читалъ съ высокой эстрады Ѳ. П.

ликое значеніе гостя, какъ художника „всемірно-отзывчиваго“, какъ публициста и русскаго человѣка. Ѳедоръ Михайловичъ отвѣчалъ рѣчью, которая была восторженно принята и въ которой онъ свелъ дѣло на Пушкина. За обѣдомъ получены были двѣ привѣтственныя телеграммы, одна отъ профессора, выѣхавшаго внезапно изъ Москвы.

26-го мая Ѳедоръ Михайловичъ былъ на званомъ вечерѣ и ужинѣ у В. М. Лаврова, который оказался страстнымъ поклонникомъ Ѳедора Михайловича, многіе годы питающимся его сочиненіями.

Корниловъ. Почему-то нельзя было совершить окропленія памятника святою водою, какъ это принято при всякихъ сооруженіяхъ.

Начиная съ этой короткой церемоніи, всѣми овладѣло радостное, праздничное настроеніе, непрерывавшееся цѣлыхъ три дня и ненарушенное никакимъ печальнымъ или досаднымъ случаемъ. Того, что̀ называется скандаломъ, легко можно было ожидать; во первыхъ, легко могла обнаружиться вражда, которой всегда не мало бываетъ между литераторами; во вторыхъ, кто нибудь могъ соблазниться случаемъ и сказать рѣзкое словцо противъ дѣлъ и лицъ, стоящихъ внѣ литературы. Литературныя несогласія, правда, успѣли таки сказаться и на этомъ праздникѣ. Въ самой Москвѣ обнаружилось у нѣкоторыхъ лицъ враждебное настроеніе къ „Московскимъ Вѣдомостямъ" и заявило себя настолько, что редакція этой газеты положила не присутствовать на праздникѣ. Участіе ея, поэтому, ограничилось только рѣчью М. Н. Каткова на обѣдѣ, данномъ думою, рѣчью, послѣ которой, какъ разсказываютъ, одинъ изъ присутствовавшихъ тоже сдѣлалъ молчаливую попытку заявить свою вражду къ говорившему. Слѣдствіемъ такихъ отношеній было, что въ то время, какъ петербургскія газеты печатали множество телеграммъ и писемъ обо всемъ, что̀ происходило на праздникѣ, „Московскія Вѣдомости" не только не описывали его и не разсуждали объ немъ, но даже вовсе не помѣщали никакихъ объ немъ извѣстій.

Кромѣ этого прискорбнаго факта, нѣкоторыя другія разногласія заявили себя развѣ тѣмъ, что на общее торжество литературы не явились иные писатели; затѣмъ все остальное прошло совершенно благополучно. Могу свидѣтельствовать, что въ продолженіи трехъ дней, когда я слушалъ съ утра до вечера, не было сказано ни одного слова дѣйствительно враждебнаго; напротивъ были примѣры дружелюбныхъ отношеній, завязавшихся между враждовавшими. Вотъ одно изъ чудесъ, которыя совершило воспоминаніе о Пушкинѣ. Общее впечатлѣніе праздника было чрезвычайно увлекающее и радостное. Многіе говорили мнѣ, что были минуты, когда они едва удерживали, или даже не успѣвали удержать слезы. Эта радость все росла и росла, не возмущаемая ни единымъ печальнымъ или досаднымъ обстоятельствомъ, и только на третій день достигла наибольшаго напряженія, совершеннаго восторга.

„Ну, что̀-то будетъ сказано объ Пушкинѣ?" думалъ я, когда ѣхалъ на праздникъ; и праздникъ самъ собою все больше и больше направлялся на этотъ вопросъ, все сильнѣе устремлялся къ единой мысли—воздать нашему великому поэту самую высокую и самую справедливую похвалу. Это была цѣль мирнаго состязанія и соперники, наконецъ, дѣйствительно

все забыли, кромѣ этой цѣли. Участниками были люди самыхъ различныхъ направленій и кружковъ; тутъ были не только ученые и писатели, но и депутаты отъ всякаго рода нашихъ государственныхъ и частныхъ учрежденій; присланъ былъ депутатъ отъ французскаго министерства просвѣщенія; тутъ читались телеграммы и письма отъ иностранныхъ учрежденій и писателей; особенно важны были телеграммы и привѣтствія отъ чеховъ, поляковъ и отъ другихъ славянскихъ земель, привѣтствія, искренность и теплота которыхъ была невольна замѣчена. Но все это была только обстановка; главная роль, существенное значеніе, очевидно, принадлежали нашимъ ученымъ и литераторамъ; имъ предстояла трудная и важная задача—растолковать духъ и величіе Пушкина.

Первый день состоялъ изъ торжественнаго засѣданія въ университетѣ и изъ обѣда, который московская дума давала депутатамъ. Отъ памятника всѣ отправились въ университетъ. Здѣсь академики и профессора читали свои статьи; въ этихъ статьяхъ были интересные факты, точныя подробности и вѣрныя замѣчанія, но вопросъ о Пушкинѣ не былъ поднимаемъ во всемъ своемъ объемѣ. Самою оживленною минутою засѣданія, конечно, была та, когда ректоръ провозгласилъ, что Тургеневъ избранъ почетнымъ членомъ университета. Тутъ раздались потрясающія, восторженныя рукоплесканія, въ которыхъ всего больше усердствовали студенты. Сейчасъ-же почувствовалось, что большинство выбрало именно Тургенева тѣмъ пунктомъ, на который можно устремлять и изливать весь накопляющійся энтузіазмъ. Каждый разъ, когда и потомъ въ теченіе праздника произносилось это знаменитое имя, или упоминалось объ его произведеніяхъ, толпа откликалась рукоплесканіями. Тургенева вообще чествовали, какъ-бы признавая его главнымъ представителемъ нашей литературы, даже какъ-бы прямымъ и достойнымъ наслѣдникомъ Пушкина. И такъ какъ Тургеневъ былъ на праздникѣ самымъ виднымъ представителемъ западничества, то можно было думать, что этому литературному направленію достанется главная роль и побѣда въ предстоявшемъ умственномъ турнирѣ. Извѣстно было, что Тургеневъ приготовилъ рѣчь, и, какъ разсказывали, нарочно ѣздилъ въ свое помѣстье, чтобы на свободѣ обдумать и написать ее.

За университетскимъ засѣданіемъ слѣдовалъ думскій обѣдъ въ залахъ Дворянскаго Собранія, тѣхъ залахъ, которыя съ этой минуты и до конца, были мѣстомъ праздника, такъ какъ въ нихъ происходили и публичныя засѣданія Общества Любителей Русской Словесности (утромъ 7 и 8 іюня) и литературно-драматическіе вечера. Никакого уличнаго торжества нельзя было устроить вслѣдствіе траура по императрицѣ, и потому среди

будничной Москвы празднованіе шло только въ этихъ залахъ, гдѣ три дня съ утра до вечера толпился народъ и раздавались взрывы рукоплесканій. Думскій обѣдъ былъ по всему истинно великолѣпенъ; а особенно пріятно вспомнить, что самъ Н. Г. Рубинштейнъ дирижировалъ оркестромъ, такъ что увертюра изъ „Руслана" была исполнена вполнѣ художественно (дѣло рѣдкое). За обѣдомъ были произнесены небольшія рѣчи преосвященнымъ Амвросіемъ, М. Н. Катковымъ, И. С. Аксаковымъ и читалъ свои стихи А. Н. Майковъ. Все было къ мѣсту и содержало прекрасныя мысли, но еще не захватывало всего предмета, т. е. значенія Пушкина. Больше всего мое вниманіе было поражено рѣчью Аксакова. Какъ представитель славянофильства, онъ сдѣлалъ, какъ мнѣ казалось, важный шагъ, признавъ, въ короткихъ, но ясныхъ и торжественныхъ словахъ, за Пушкинымъ значеніе „перваго истинно-русскаго, истинно-великаго народнаго поэта". Мнѣ припомнились знаки нѣкоторой холодности, обнаруженной къ Пушкину прежними славянофилами; извѣстно, что они истинно-народнаго поэта готовы были видѣть лишь въ Гоголѣ, съ такою рѣзкостью показавшемъ полную оригинальность въ творчествѣ. Теперь-же, какъ то и указывалъ самъ Аксаковъ, этимъ торжествомъ, принявшимъ неожиданно огромные размѣры, „всевластно объявилось дѣйствительное, доселѣ, можетъ быть, многимъ сокрытое значеніе Пушкина для русской земли". Эти мысли очень занимали меня, и я чувствовалъ большое любопытство къ рѣчи, которую Аксаковъ долженъ былъ говорить на другой день. Не могу однако-же сказать, чтобы краткое заявленіе Аксакова многихъ поразило. Послѣ обѣда толки шли больше объ выходкѣ противъ Каткова, о рѣчи преосвященнаго Амвросія и т. д. Эту рѣчь понемногу такъ переиначили, что, наконецъ, кто-то разсказывалъ, будто преосвященный назвалъ Тургенева *первымъ нигилистомъ*.

Прошу читателя извинить мнѣ эти подробности. Едва-ли удастся мнѣ, но очень хотѣлось-бы изобразить то необыкновенное возбужденіе, которое овладѣло всѣми дѣятельными участниками торжества. Они волновались и напрягались, какъ борцы, которымъ предстоитъ побѣда или пораженіе. Рукоплесканія публики, смотрѣвшей на нихъ съ уваженіемъ и постоянно готовой къ восторгу, поддерживали ихъ оживленіе и силы. Мнѣ встрѣтились двѣ дамы, пріѣхавшія изъ Петербурга, большія поклонницы просвѣщенія и литературы; онѣ горько жаловались, что просто не узнаютъ знакомыхъ имъ литераторовъ: такъ они стали надменны и заняты лишь собою, своимъ участіемъ въ праздникѣ.

Настоящее состязаніе и дѣйствительная литературная оцѣнка Пушкина должна была начаться 7 іюня, въ первомъ публичномъ засѣданіи нашего

„Общества“. Въ этотъ день, среди другихъ рѣчей, долженъ былъ читать свою рѣчь Тургеневъ, а потомъ Аксаковъ, т. е. оба представителя противоположныхъ направленій. Но такъ какъ засѣданіе затянулось за множествомъ рѣчей, стиховъ, вызывовъ и т. д., то успѣлъ читать одинъ Тургеневъ. Его рѣчь, разумѣется, была встрѣчена и провожена громкими, восторженными рукоплесканіями. Но между литераторами поднялись оживленные толки о мысляхъ, высказанныхъ въ этой рѣчи, и обнаружилось даже прямое желаніе какъ нибудь возразить на нее и дополнить ее. Иначе и не могло быть въ „Обществѣ“, заключавшемъ въ себѣ такъ много славянофильствующихъ писателей. Главный пунктъ, на которомъ остановилось общее вниманіе, состоялъ въ опредѣленіи той *ступени*, на которую Тургеневъ ставилъ Пушкина. Онъ признавалъ его вполнѣ-народнымъ, т. е. самостоятельнымъ поэтомъ. Но онъ ставилъ еще другой вопросъ: есть-ли Пушкинъ поэтъ *національный?* Національнымъ, по мнѣнію оратора, можетъ быть названъ только поэтъ великій и всемірный; потому что, если поэтъ вполнѣ выражаетъ духъ своей націи, то онъ тѣмъ самымъ есть великій поэтъ, а потому вмѣстѣ и всемірный поэтъ, вносящій свой вкладъ въ сокровищницу человѣчества. Такъ поставилъ ораторъ вопросъ, но поставилъ только затѣмъ, чтобы отказаться отвѣчать на него. „Я не утверждаю“, сказалъ онъ, „такого значенія Пушкина, но и не осмѣливаюсь отрицать его“. Эти слова возбудили большіе толки; нѣкоторые изъ сочленовъ собирались даже обратиться къ Тургеневу съ вопросомъ о причинахъ его нерѣшительности; потому что въ своей рѣчи онъ ничего не сказалъ ни о томъ, почему не рѣшается утверждать, ни о томъ, почему не осмѣливается отрицать національное значеніе Пушкина. Много говорили такъ же о тѣхъ разсужденіяхъ Тургенева, въ которыхъ онъ старался показать историческую необходимость порицаній и глумленій надъ Пушкинымъ, долго происходившихъ въ нашей литературѣ и едва недавно затихшихъ. Ораторъ упоминалъ также, что *муза мести и печали* имѣла свои права на вниманіе и естественно отвлекла умы отъ великаго поэта.

Все это, и другое подобное, было инымъ не совсѣмъ по душѣ. Въ группѣ дѣятельныхъ участниковъ торжества пронеслось чувство нѣкоторой неудовлетворенности, неясной досады. Одни критически разбирали слова Тургенева; другіе, которымъ самимъ приходилось читать на слѣдующій день, надѣялись выразить мысли, ниспровергающія тургеневскіе взгляды; кто-то успѣлъ написать даже насмѣшливые стихи—конечно, не для публичнаго чтенія. Но то, что̀ случилось на другой день, превзошло всѣ ожиданія и разсчеты. По порядку слѣдовало-бы читать сперва Аксакову и потомъ Достоевскому; но, не знаю по какой причинѣ, рѣшено было, что

Достоевскій будетъ читать въ первую половину засѣданія, а Аксаковъ во вторую (эти половины раздѣлялись маленькимъ антрактомъ); эта перемѣна порядка оказалась важнѣе, чѣмъ сперва думали сами ораторы. Какъ только началъ говорить Ѳедоръ Михайловичъ, зала встрепенулась и затихла. Хотя онъ читалъ по писанному, но это было не чтеніе, а живая рѣчь, прямо, искренно выходящая изъ души. Всѣ стали слушать такъ, какъ будто до тѣхъ поръ никто и ничего не говорилъ о Пушкинѣ. То одушевленіе и естественность, которыми отличается слогъ Ѳедора Михайловича, вполнѣ передавались и его мастерскимъ чтеніемъ. Не говорю ничего о содержаніи рѣчи, но, разумѣется, оно давало главную силу этому чтенію. До сихъ поръ слышу, какъ надъ огромною притихшею толпою раздается напряженный и полный чувства голосъ: „Смирись, гордый человѣкъ, потрудись, праздный человѣкъ!“

Восторгъ, который разразился въ залѣ по окончаніи рѣчи, былъ неизобразимый, непостижимый ни для кого, кто не былъ его свидѣтелемъ. Толпа, давно зарядившаяся энтузіазмомъ и изливавшая его на все, что̀ казалось для того удобнымъ, на каждую громкую фразу, на каждый звонко произнесенный стихъ, эта толпа вдругъ увидѣла человѣка, который самъ былъ весь полонъ энтузіазма, вдругъ услышала слово, уже несомнѣнно достойное восторга, и она захлебнулась отъ волненія, она ринулась всею душою въ восхищеніе и трепетъ. Мы тутъ же всѣ принялись цѣловать Ѳедора Михайловича; нѣсколько человѣкъ, вопреки правиламъ, стали пробираться изъ залы на эстраду; какой-то юноша, какъ говорятъ, когда добрался до Ѳедора Михайловича, упалъ въ обморокъ.

Восторгъ толпы заразителенъ. И на эстрадѣ и въ „комнатѣ для артистовъ“, куда мы ушли съ эстрады въ перерывъ засѣданія, всѣ были въ радостномъ волненіи и предавались похваламъ и восклицаніямъ. „Вы сказали рѣчь“, обратился Аксаковъ къ Достоевскому, „послѣ которой И. С. Тургеневъ, представитель западниковъ, и я, котораго считаютъ представителемъ славянофиловъ, одинаково должны выразить вамъ величайшее сочувствіе и благодарность“. Не помню другихъ подобныхъ заявленій; но живо осталось въ моей памяти, какъ П. В. Анненковъ, подошедши ко мнѣ, съ одушевленіемъ сказалъ: „вотъ что̀ значитъ геніальная, художественная характеристика! Она разомъ порѣшила дѣло!“

Кстати, замѣчу здѣсь одинъ маленькій случай, очень характерный. Въ первой половинѣ своей рѣчи, говоря о Пушкинской Татьянѣ, Ѳедоръ Михайловичъ, сказалъ: „такой красоты положительный типъ русской женщины почти уже и не повторялся въ нашей художественной литературѣ— кромѣ развѣ образа Лизы въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“ Тургенева...“ При

имени Тургенева, зала, какъ всегда, загрохотала отъ рукоплесканій и заглушила голосъ Ѳедора Михайловича. Мы слышали, какъ онъ продолжалъ: „...и Наташи въ „Войнѣ и Мирѣ“ Толстаго“. Но никто въ залѣ не могъ этого слышать, и онъ долженъ былъ остановиться, чтобъ переждать, пока утихнетъ вновь и вновь подымавшійся шумъ. Когда онъ сталъ продолжать рѣчь, онъ не повторилъ этихъ заглушенныхъ словъ, и потомъ выпустилъ ихъ въ печати, такъ какъ они дѣйствительно не были произнесены во всеуслышаніе. Такова была горячка этого засѣданія и такъ горячо шла внутренняя борьба въ публикѣ и въ представителяхъ литературы.

Приходилось затѣмъ еще говорить передъ публикой И. С. Аксакову. Его рѣчью должна была открыться вторая половина засѣданія. Онъ вышелъ и, какъ давнишній любимецъ Москвы, былъ встрѣченъ жаркими и долгими рукоплесканіями. Но вмѣсто того, чтобы начать рѣчь, онъ вдругъ объявилъ съ каѳедры, что не будетъ говорить. „Я не могу говорить“, сказалъ онъ, „послѣ рѣчи Ѳедора Михайловича Достоевскаго; все, что̀ я написалъ, есть только слабая варіяція на нѣкоторыя темы этой *геніальной* рѣчи“. Слова эти вызвали громъ рукоплесканій. „Я считаю“, продолжалъ Аксаковъ, „рѣчь Ѳедора Михайловича Достоевскаго *событіемъ* въ нашей литературѣ. Вчера еще можно было толковать о томъ, великій-ли всемірный поэтъ Пушкинъ, или нѣтъ; сегодня этотъ вопросъ упраздненъ; истинное значеніе Пушкина показано, и нечего больше толковать!“ И Аксаковъ сошелъ съ каѳедры. Восторгъ опять овладѣлъ залою, восторгъ, относившійся и къ благородной горячности Аксакова и еще болѣе къ той рѣчи, которою была она вызвана и которую публика слышала часъ тому назадъ. Аксаковъ высказалъ приговоръ, составившійся въ массѣ читавшихъ и слушавшихъ, объявилъ, что словесный турниръ кончился и что первый вѣнокъ принадлежитъ Достоевскому, что его состязатели явно превзойдены.

Когда шумъ затихъ, Аксакова стали, однако, просить и понуждать прочесть свою рѣчь. Онъ уступилъ и прочелъ бо̀льшую часть того, что̀ написалъ. Прекрасное чтеніе часто вызывало рукоплесканія. Напримѣръ, когда прочитавъ стихи:

> Не для житейскаго волненья,
> Не для корысти, не для битвъ,
> Мы рождены для вдохновенья,
> Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Аксаковъ воскликнулъ: „какой-же пользы еще нужно? Да вѣдь такіе стихи—*благодѣяніе!*“

Рѣчь его, по содержанію, конечно не повторяла рѣчи Достоевскаго, но вполнѣ согласовалась съ нею, содержала даже канву нѣкоторыхъ ея мыслей.

Въ концѣ засѣданія, на эстрадѣ вдругъ появилась группа дамъ; онѣ принесли огромный вѣнокъ Достоевскому. Его упросили взойти на каѳедру, сзади его, какъ рамку для головы, держали вѣнокъ, и долго не смолкали рукоплесканія всей залы.

Такимъ образомъ Достоевскій былъ чествуемъ какъ герой этого дня. Всѣ чувствовали себя довольнѣе, всѣ, очевидно, были благодарны ему за то, что онъ разрѣшилъ, наконецъ, томительныя ожиданія, далъ всему празднику содержаніе и цвѣтъ. Поэтому публика уже не упускала его изъ виду и осыпала его наиболѣе громкими знаками одобренія. День этотъ, послѣдній день торжества, кончился литературно-музыкальнымъ вечеромъ, на которомъ и Достоевскій читалъ нѣкоторыя стихотворенія Пушкина. Всего значительнѣе было чтеніе стихотворенія „Пророкъ". Достоевскій дважды читалъ его, и каждый разъ съ такой напряженной восторженностію, что жутко было слушать. Зная его, я не могъ безъ невольной жалости и умиленія видѣть его истощенное маленькое тѣло, охваченное этимъ напряженіемъ. Правая рука, судорожно вытянутая внизъ, очевидно удерживалась отъ напрашивающагося жеста; голосъ былъ усиливаемъ до крика. Чтеніе выходило слишкомъ рѣзкимъ, хотя произношеніе стиховъ было прекрасное. Въ этомъ отношеніи я вполнѣ раздѣлялъ вкусъ Ѳедора Михайловича, любившаго напирать на музыкальность, на ритмъ стиховъ,—разумѣется, безъ нарушенія естественности. При концѣ жизни онъ достигъ въ такомъ чтеніи удивительнаго мастерства и любилъ читать и передъ публикою и въ частныхъ кружкахъ.

Этотъ второй и послѣдній вечеръ заключился, какъ и первый, увѣнчаніемъ бюста Пушкина на сценѣ, на которую выходили для этого всѣ исполнители. Въ первый вечеръ вѣнокъ былъ возложенъ Тургеневымъ, въ послѣдній—Достоевскимъ, котораго при всѣхъ пригласилъ къ тому самъ-же Тургеневъ.

Такъ кончилось это торжество. Замолкли послѣднія восторженныя рукоплесканія, и мы разошлись, утомленные и довольные. Впечатлѣніе было для меня не только сильное, но и совершенно ясное. Мнѣ живо вспомнилось все литературное движеніе, въ которомъ когда-то я такъ близко участвовалъ. Прежде всего вспомнилось то постоянное поклоненіе Пушкину, которое исповѣдывалъ Достоевскій. Онъ, еще въ „Бѣдныхъ Людяхъ", указалъ на Пушкина, какъ на образецъ и руководство (въ сужденіяхъ о „Станціонномъ Смотрителѣ") и потомъ всю жизнь питалъ и

заявлялъ безграничный восторгъ къ главному герою нашей литературы. Побѣда, думалъ я, досталась Ѳедору Михайловичу по всей справедливости, потому что во всей этой толпѣ онъ, конечно, больше всѣхъ любилъ Пушкина.

Потомъ мнѣ вспомнился весь нашъ литературный кружокъ, „Русское Слово“ (1859), „Время“, „Эпоха“, „Заря“, „Гражданинъ“... Это были полосы и кучки людей, всегда придававшихъ литературному художеству высокое значеніе и потому видѣвшихъ въ Пушкинѣ свое главное свѣтило. Никто лучше Аполлона Григорьева не писалъ о Пушкинѣ, и никакіе другіе кружки не были больше преданы литературѣ. Къ этимъ кружкамъ примыкалъ Ѳедоръ Михайловичъ, въ иныхъ изъ нихъ былъ руководителемъ и когда-то далъ этому направленію особое названіе *почвенниковъ*... Вотъ какое направленіе, думалось мнѣ, одержало верхъ на пушкинскомъ праздникѣ. Если тутъ Ѳедоръ Михайловичъ побѣдилъ западниковъ и превзошелъ славянофиловъ, то, конечно, только въ силу того широкаго взгляда, который избѣгаетъ нѣкоторыхъ крайностей тѣхъ и другихъ, который, хотя отвергаетъ безусловное преклоненіе передъ Западомъ, но не столько чуждается его духовной жизни, какъ исключительное славянофильство, и видитъ и въ современной нашей умственной жизни больше здороваго содержанія, чѣмъ успѣвали находить славянофилы. Итакъ, то, что̀ случилось, было естественно и неизбѣжно. На пушкинскомъ торжествѣ должна была одержать верхъ та партія, которая во все продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ питала и исповѣдывала поклоненіе Пушкину, и Достоевскій, самый важный и дѣятельный представитель этой партіи, долженъ былъ получить вѣнокъ первенства, какъ то, что̀ ему принадлежало по всѣмъ правамъ и заслугамъ.

И, наконецъ, живо представилось мнѣ, какъ въ этомъ случаѣ выступили и засіяли передъ всѣми личныя свойства ума и сердца Ѳедора Михайловича, его широкая способность всему симпатизировать, его умѣнье примирять въ себѣ, повидимому, несогласимыя настроенія, его стремленіе ничего не отвергать, ничего не исключать безъусловно и оставаться вѣрнымъ въ любви къ тому, что̀ разъ онъ полюбилъ.

Онъ представляетъ намъ великій примѣръ въ двухъ отношеніяхъ: онъ образецъ истиннаго консерватора и образецъ того, какъ слѣдуетъ намъ держать себя въ отношеніи къ тому, съ чѣмъ мы враждуемъ, что̀ считаемъ ложнымъ и гибельнымъ. По направленію, по духу, онъ самый широкій изъ современныхъ писателей и потому естественна его любовь къ самому широкому изъ нашихъ геніевъ, къ Пушкину.

Консерватизмъ, патріотизмъ часто понимаются, какъ нѣчто узкое,

тупое, глупое. Такъ оно, конечно, нерѣдко и бываетъ, потому что это душевное настроеніе свойственно огромнымъ массамъ людей, а умы людскіе вообще слабы и ограничены. Но это не относится къ существу дѣла, точно такъ, какъ, напримѣръ, глупые ученые или глупыя книги, встрѣчающіеся такъ часто, не составляютъ возраженія противъ учености и книгъ вообще. По сущности-же, что̀ можетъ быть естественнѣе и правильнѣе, чѣмъ любовь къ тому, что̀ насъ окружаетъ, и желаніе сохранить то, что̀ мы любимъ? Мы и любить учимся на людяхъ близкихъ къ намъ, и понимать на томъ умственномъ содержаніи, которое сообщается намъ сначала. Сердце чуткое, умъ чуткій постепенно открываетъ и усвояетъ положительную сторону окружающей жизни, то добро, тотъ свѣтъ ума, ту красоту, которыя составляютъ главный нервъ всякаго человѣческаго существованія, безъ которыхъ это существованіе невозможно. А разъ что нибудь полюбивши, разъ что нибудь понявши, глубокая натура уже не забываетъ этого потомъ, уже не можетъ этого выкинуть изъ себя, какъ ненужный соръ. Такимъ образомъ процессъ самый простой и обыкновенный можетъ достигать въ одаренныхъ людяхъ самаго высокаго значенія. Люди мало способные къ консерватизму, легко и безъ слѣда отвергающіе тѣ чувства и мысли, которыя нѣкогда въ нихъ жили, очевидно, свидѣтельствуютъ этимъ о малой своей чуткости, о слабости своей сердечной памяти. Они обыкновенно увлекаются своею энергіею, и въ ней заключается ихъ оправданіе; но зло непониманія, презрѣнія, насилія неизбѣжно примѣшивается къ ихъ дѣятельности и часто искажаетъ дѣла, совершаемыя во имя благороднѣйшихъ цѣлей.

Достоевскій былъ консерваторомъ по натурѣ. Въ немъ сильно, но быстро совершился тотъ процессъ, которымъ почти неизмѣнно характеризуется развитіе всѣхъ значительныхъ русскихъ писателей: сперва они увлекаются отвлеченными мыслями, идеалами, заимствованными съ Запада, потомъ возникаетъ внутренняя борьба и разочарованіе и, наконецъ, пробуждаются—лишь на время подавленныя чувства, любовь къ родной святынѣ, къ тому, чѣмъ жива и крѣпка русская земля. У каждаго бываетъ минута возрожденія, когда онъ говоритъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ:

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней.

Но, отказавшись отъ исканія на Западѣ высшихъ руководительныхъ началъ, Достоевскій сохранилъ любовь и уваженіе къ духовной жизни Европы. Да и у насъ, среди разлива того крайняго западничества, кото-

рое называется нигилизмомъ, онъ умѣлъ видѣть корень и этихъ извращенныхъ стремленій, умѣлъ понимать и жалѣть и эти заблудшія души. Этотъ взглядъ, находящій возможность выхода и примиренія, эта тонкая и широкая симпатія, обнимающая оба полюса нашей умственной жизни и ищущая соединенія ихъ въ нѣкоторомъ высшемъ началѣ и дѣлѣ,— есть прекрасная и характерная черта Достоевскаго. Его вражда, такая горячая и волнующаяся, никогда не была безъусловнымъ отверженіемъ. *Покаявшійся нигилистъ*, вотъ тема, которую онъ любилъ, на которую написано „Преступленіе и Наказаніе“ и которая отзывается во всѣхъ послѣдующихъ его произведеніяхъ. Понятно, почему онъ имѣлъ такую привлекательность для молодыхъ людей, почему на многихъ изъ нихъ онъ успѣвалъ производить самое благотворное дѣйствіе. Та-же самая черта примиряющей симпатіи обнаружилась и на Пушкинскомъ праздникѣ. Онъ нашелъ формулу, которая объединяла стремленія западниковъ и славянофиловъ, направляя ихъ къ общей высшей цѣли; естественно, что восторгъ овладѣлъ въ эту минуту давнишними противниками, и они искренно подали другъ другу руки.

XXI.

Послѣдніе дни.—Впечатлительность.—Герой литературы.

Послѣ торжества на Пушкинскомъ праздникѣ, конечно, бывшаго одною изъ лучшихъ минутъ жизни Ѳедора Михайловича, самымъ блестящимъ изъ тѣхъ литературныхъ успѣховъ, которыми онъ такъ дорожилъ, ему уже не много оставалось жить на свѣтѣ. Между тѣмъ онъ находился въ полномъ развитіи силъ и въ самомъ разгарѣ своей дѣятельности. Во вторую половину 1880 года онъ кончилъ „Братьевъ Карамазовыхъ“ и составилъ: „Дневникъ Писателя, единственный выпускъ за 1880 годъ, Августъ“. Въ этомъ выпускѣ онъ помѣстилъ свою рѣчь о Пушкинѣ, обставилъ ее разными поясненіями и отвѣчалъ на поднявшіяся противъ нея возраженія. Въ то время, когда въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ еще не было кончено печатаніе „Карамазовыхъ“, было уже объявлено, что на слѣдующій 1881 годъ будетъ выходить „Дневникъ“. Январскій номеръ уже печатался и былъ почти готовъ къ выходу, когда, ни для кого неожиданно, явилась смерть и прекратила эту кипучую дѣятельность.

Эта смерть, наступившая такъ быстро, имѣла характеръ довольно ясный для тѣхъ, кто зналъ Ѳедора Михайловича въ послѣднее его время.

Онъ былъ необыкновенно худъ и истощенъ, легко утомлялся, онъ страдалъ отъ своей эмфиземы. Онъ жилъ, очевидно, одними нервами, и все остальное его тѣло дошло до такой степени хрупкости, при которой его могъ разрушить первый, даже небольшой толчекъ. Всего поразительнѣе была при этомъ неутомимость его умственной работы. Онъ былъ чрезвычайно занятъ. Онъ писалъ 25 или 30 печатныхъ листовъ въ годъ, а работа, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ, стала ему труднѣе. „Теперь мнѣ нужно вдвое, втрое больше времени, чтобы написать столько же, какъ прежде“. Жизнь, спокойная и правильная съ внѣшней стороны, безъ переѣздовъ и помѣхъ, давала ему больше времени, но тѣмъ усерднѣе онъ отдавалъ это время своему призванію. Потомъ, въ послѣдніе годы, особенно съ начала „Дневника Писателя“, онъ былъ заваленъ перепиской и замученъ посѣтителями. Къ нему писали и шли люди совершенно незнакомые, со всѣхъ концовъ Петербурга и краевъ Россіи. Приходили съ просьбами о помощи, такъ какъ онъ усердно помогалъ бѣднымъ и принималъ участіе въ чужихъ затрудненіяхъ и несчастіяхъ; но также безпрерывно приходили съ выраженіями своего поклоненія, съ вопросами, съ жалобами на другихъ и съ возраженіями противъ него. Такого же рода были и письма. Нужно было разговаривать, разспрашивать, отписываться, объяснять. Популярность его радовала; много онъ встрѣтилъ заявленій, которыя показывали, что слова его не пропали даромъ; много узналъ людей, принесшихъ ему отраду своими душевными качествами. Эти сношенія онъ считалъ прямымъ долгомъ поддерживать и направлять въ хорошую сторону. Особенно онъ былъ внимателенъ къ молодымъ людямъ, къ студентамъ, къ курсисткамъ.

Затѣмъ—сыпались приглашенія на засѣданія всякихъ обществъ, на обѣды по разнымъ случаямъ, на литературныя чтенія съ благотворительной цѣлью. Нужно было сговариваться о времени, выбирать что̀ прочесть, готовиться и читать. Но нельзя было вовсе забросить и знакомыхъ и хоть изрѣдка да не побывать у нихъ въ заведенныя среды или субботы. И все это помимо домашнихъ, и семейныхъ, и родственныхъ дѣлъ и заботъ, тоже бравшихъ время и силы. А когда-же было думать и читать? То-есть, когда было совершать дѣло, требующее очень много времени и неподдающееся никакому сокращенію? Понятно, что онъ жилъ въ постоянномъ напряженіи, что внутри его кипѣла непрерывная работа, о которой не имѣютъ понятія люди, не занимавшіеся писательствомъ. Писателю нельзя, какъ профессору, изъ году въ годъ повторять одно и то же; а писателю творческому приходится напрягать всѣ силы своей души, отдаваться вдохновенію до высшаго полета, къ какому оно способно. Вотъ почему писатель,

погружающійся въ свою работу, часто бываетъ совершенно другимъ человѣкомъ, чѣмъ въ то время, когда не занимается писаніемъ. Напряженіе отзывается во всемъ, и въ подъемѣ самолюбія, и въ повышенной чуткости ко всѣмъ впечатлѣніямъ. „Нельзя писать хорошія вещи“, говорилъ мнѣ одинъ первостепенный и знаменитый своею искренностію писатель, „не будучи убѣжденнымъ въ это время, что дѣлаешь самое важное дѣло, какое есть на свѣтѣ“. Такова причина того глубокаго обращенія внутрь себя, той щекотливости и даже раздражительности, которыя были замѣтны въ Ѳедорѣ Михайловичѣ, особенно въ послѣдніе годы. Въ эти годы онъ почти уже не приходилъ въ расположеніе духа, свойственное людямъ спокойно и просто идущимъ по житейской дорогѣ. Внутреннее напряженіе почти не оставляло его. Это одно изъ тѣхъ бѣдствій, которыми сопровождается литературная карьера, бѣдствіе иногда очень тяжелое и составляющее тѣневую сторону радостей творчества.

Мнѣ хотѣлось объяснить здѣсь нормальную сторону той чрезвычайной впечатлительности, которую обнаруживалъ Ѳедоръ Михайловичъ. Но вѣдь онъ сверхъ того былъ человѣкъ больной; припадки „священной болѣзни“, такъ часто совмѣщающейся съ высокими нервными организаціями, отнимали у него память, приводили его въ мрачное настроеніе и удвоивали его мнительность и щекотливость. Здѣсь было-бы у мѣста привести анекдоты о его забывчивости, неожиданныхъ вспышкахъ и рѣзкостяхъ, тѣ анекдоты, изъ которыхъ иные, конечно, сохранились въ памяти множества людей, приходившихъ въ соприкосновеніе съ замѣчательнымъ человѣкомъ. Не останавливаясь на этихъ случаяхъ, замѣчу только, что соль подобныхъ анекдотовъ состоитъ не только въ противорѣчіи между тѣми признаками раздраженія, которые иногда обнаруживалъ Ѳедоръ Михайловичъ, и тѣмъ большимъ и всеобщимъ уваженіемъ, которое его окружало въ послѣднее время, но также въ умѣ и мѣткости, которые пробивались и въ этихъ, вовсе ненужныхъ и странныхъ выходкахъ.

Я самъ очень обижался на Ѳедора Михайловича, тѣмъ болѣе обижался, чѣмъ ближе мы когда-то были. Непобѣдимая мнительность иногда заставляла его смотрѣть и на меня, какъ на человѣка, имѣющаго къ нему что-то враждебное, недостаточно къ нему расположеннаго, и это очень огорчало меня. „Онъ несправедливъ“, думалъ я, „онъ могъ бы знать мои чувства и вѣрить въ нихъ“. Я старался побѣдить въ себѣ раздраженіе, вѣроятно, черезчуръ самолюбивое, дѣлалъ нѣкоторые приступы къ большему сближенію и до послѣдняго времени все мечталъ, какъ о большомъ благополучіи, о возможности возстановить вполнѣ наше прежнее взаимное расположеніе. Охотно признаю себя виновнымъ, что не вполнѣ

съумѣлъ и успѣлъ въ этомъ; съ его стороны, я увѣренъ, было такое-же желаніе.

Дѣло въ томъ, что вся эта внѣшность, вся сила этихъ наружныхъ мелочей и слабостей почти вовсе не имѣли вліянія на его поступки, на его образъ чувствъ и дѣйствій, всегда сохранявшій благородство и высоту. Онъ былъ строгъ къ себѣ и даже щепетиленъ; его великодушіе не могло помириться не только съ темнымъ или недобрымъ поступкомъ, но и съ темнымъ или недобрымъ чувствомъ. Онъ трудился и жилъ, постоянно воспитывая въ себѣ наилучшія чувства и дѣйствуя не только безукоризненно и безкорыстно, а часто самоотверженно.

Но тяжесть его положенія и той дѣятельности, которой онъ предавался всѣми силами, была такъ велика, что онъ невольно сгибался подъ нею. Онъ умеръ въ самый разгаръ своей дѣятельности, какъ будто эта тяжесть вдругъ и неожиданно сломила его, когда онъ стоялъ на своемъ посту, когда боролся и напрягался, какъ того требовало его призваніе. И нельзя отказать ему въ нашемъ умиленіи и удивленіи, если мы вспомнимъ, сколько этотъ человѣкъ вынесъ труда и горя и сколько онъ сдѣлалъ.

Съ низменной, пошлой точки зрѣнія, на Достоевскаго можно смотрѣть, какъ на зауряднаго литератора. Иные пожалуй скажутъ такъ: „Онъ шелъ самымъ обыкновеннымъ путемъ, торною дорогою этого по-„прища. Еще въ школѣ онъ почувствовалъ страсть писать,—очень обы-„кновенное явленіе въ порѣ самолюбивой молодости. По выходѣ изъ „школы, онъ бросаетъ профессію, къ которой готовился, не продолжаетъ „своего образованія, а весь отдается литературѣ. Онъ скоро увлекается „противуправительственными мнѣніями и подвергается ссылкѣ въ ка-„торгу. По возвращеніи онъ получаетъ, въ силу этого, особенный вѣсъ „въ либеральной публикѣ и пользуется этимъ. Онъ пишетъ какъ можно „больше и эффектнѣе, берется за различныя литературныя предпріятія, „обыкновенно неудачныя, но усиленно и постоянно хлопочетъ объ успѣхѣ. „Онъ очень высокаго мнѣнія о себѣ, безпорядоченъ въ дѣлахъ, вѣчно „въ долгахъ и нуждается, и вѣчно погруженъ въ литературныя дрязги. „Критики, газетные отзывы, соперники по ремеслу, полемика — вотъ „чѣмъ онъ занятъ постоянно и усердно. Нападки на него его раздра-„жаютъ, какъ-будто онъ только-что начинающій фельетонистъ. Пишетъ „онъ, вѣчно торопясь, не успѣвая ни вполнѣ обдумать, ни вполнѣ обдѣ-„лать свои произведенія, потому что онъ живетъ одною только литера-„турою. Такъ онъ достигаетъ шестидесяти лѣтъ, написавши очень много; „понятно, что его вещи далеко не равнаго достоинства, и лишь нѣко-„торыя дѣйствительно замѣчательны“.

Такъ могутъ сказать иные. Но вспомнимъ, что литература имѣетъ двѣ стороны, и что мы ничего не поймемъ въ ней, если станемъ смотрѣть не съ того конца. Писаніе, конечно, есть дѣло пустое и даже презрѣнное, когда оно дѣлается изъ попугайства, по глупости, по самолюбію или изъ разсчета. Но оно есть очень высокое дѣло, когда человѣкъ видитъ въ немъ свое дѣйствительное призваніе. Ѳедоръ Михайловичъ не только всегда былъ, что называется завзятымъ литераторомъ, но былъ, можно сказать, *урожденнымъ* литераторомъ. Можетъ быть еще мальчикомъ, но лѣтъ съ пятнадцати навѣрное, онъ сталъ питать въ себѣ и горячую вѣру въ себя, какъ писателя, и горячую вѣру въ литературу, какъ великое и прекрасное поприще. И онъ до конца не измѣнилъ своей вѣрѣ, и она оправдалась блистательнымъ образомъ. Онъ былъ очень высокаго мнѣнія о своихъ дарахъ, но вѣдь онъ-же имѣлъ на это и не малыя права, да и безъ увѣренности въ себѣ нельзя было выступать на поприще проповѣдничества, къ которому онъ чувствовалъ такое влеченіе. По правилу поэта

Стрѣла тогда летитъ далеко,
Когда здорова тетива.

Онъ долженъ былъ сознавать свои силы. Но, хотя онъ и считалъ себя богато одареннымъ, хотя готовъ былъ въ минуту вдохновенія видѣть въ своихъ мысляхъ и чувствахъ нѣчто высшее, почти пророческое, онъ, при этомъ, съ самаго начала и до конца признавалъ своимъ поприщемъ только одну литературу, не литературу вообще, а именно нашу текущую литературу; онъ никогда не желалъ и не искалъ никакихъ другихъ успѣховъ, кромѣ успѣховъ въ нашей читающей публикѣ и среди нашей пишущей братіи. Онъ принималъ литературу какъ она есть, со всѣми ея условіями, никогда не становился отъ нея въ сторонѣ и не бросалъ на нее взглядовъ свысока. Это отсутствіе малѣйшаго *литературнаго аристократизма* есть въ немъ черта прекрасная и даже трогательная. Русская литература была, какъ будто, тоже *почвою,* на которой выросъ Ѳедоръ Михайловичъ, отъ которой онъ никогда не отрывался, къ которой питалъ кровную любовь и преданность. Мнѣ уже приходилось въ началѣ указывать, что онъ былъ даже прямымъ питомцемъ петербургской литературы, раздѣлялъ ея вкусы и употреблялъ ея пріемы. Всѣ литературныя формы, отъ фельетоннаго дурачества до высшаго художественнаго творчества имѣли въ его глазахъ свою законность, свое мѣсто, и онъ готовъ былъ упражняться во всякихъ родахъ. Всѣ чисто-литературные способы дѣйствовать на публику, возбуждать ея вниманіе и имѣть въ ней успѣхъ онъ считалъ дѣломъ хорошимъ, такъ какъ это были условія его ремесла,

и уже одно распространеніе чтенія было въ его глазахъ великою пользою. Журналъ, который-бы вѣчно блестѣлъ новизною, который-бы и смѣшилъ, и развлекалъ, и серьезно наставлялъ читателя, былъ его постоянною мечтою. Онъ хорошо зналъ, что, выступая въ публику и въ литературную сферу, онъ выходитъ на базаръ, на площадь, и ни мало не думалъ стыдиться ни своего ремесла, ни своихъ собратій по ремеслу. Напротивъ, онъ гордился этимъ дѣломъ, считалъ его великимъ, священнымъ, — и вотъ гдѣ истинный смыслъ всего его поведенія, всѣхъ его стараній и пріемовъ.

Дѣло въ томъ, что онъ несъ на площадь свою мысль, свою душу. Онъ съ самаго начала выступилъ какъ *новый* писатель, глядящій на вещи съ своей, съ особенной стороны. Это тотчасъ поняли и признали Бѣлинскій и Некрасовъ, хотя и не вся глубина и ширина этой *новости* была имъ доступна. Самъ Достоевскій всю жизнь рвался выразить тотъ рой мыслей и чувствъ, которымъ полна была его голова, и все не успѣвалъ вполнѣ высказаться, все оставался недоволенъ тѣмъ, что̀ писалъ. И такъ, не изъ подражанія или разсчета онъ писалъ, а, напротивъ, онъ былъ отъ начала твердо увѣренъ, что другіе должны ему подражать, и что драгоцѣнности, которыя онъ предлагаетъ читателямъ, несравненно выше всякихъ денегъ, всякой цѣны. Успѣхъ его былъ, однакоже, медленный и очень трудный, отчасти потому, что талантъ его хотя и значительно обнаружился съ перваго-же раза, но продолжалъ медленно зрѣть до полной силы, отчасти потому, что онъ не умѣлъ вести своихъ дѣлъ, а между тѣмъ брался за разныя литературныя предпріятія, воображая, что можетъ соперничать съ иными изъ самыхъ практичныхъ своихъ собратій по профессіи. Но наконецъ онъ всетаки достигъ своего; послѣ долгой и тяжкой борьбы онъ достигъ огромной извѣстности, достигъ распространенія въ публикѣ своихъ чувствъ и мыслей и наконецъ, достатка, если не богатства, котораго, конечно, стоилъ, хоть и не желалъ.

Если, такимъ образомъ, взять въ цѣломъ эту жизнь и эту карьеру, то нельзя не быть пораженнымъ. Ему досталась на долю тяжкая кара со стороны власти, которая не безъ причины подозрительно смотритъ на иные кружки интеллигенціи, но на этотъ разъ была черезчуръ строга, да и потомъ ошибалась по отношенію къ нему. Ему досталось на долю разоренье, то есть не только потеря всякаго имущества, но еще большіе долги и обязанность поддерживать большую семью покойнаго брата. Ему, наконецъ, досталось на долю все неустройство литературной жизни, десятки лѣтъ невѣрнаго, непостояннаго заработка, забиранья денегъ впередъ, выжиданья, выпрашиванья, неразсчетливыхъ тратъ и сидѣнья безъ копѣйки. Все онъ перенесъ, все побѣдилъ, не измѣняя своей цѣли, не

покидая своего поприща, не теряя ни бодрости, ни пламеннаго желанія высказаться, оставаясь себѣ вѣрнымъ отъ „Бѣдныхъ людей“ и до „Братьевъ Карамазовыхъ“. Это не простой литераторъ, а настоящій герой литературнаго поприща. Въ его сочиненіяхъ много мыслей, приводящихъ въ умиленіе; но и самъ онъ, какъ человѣкъ, съ такимъ трудомъ создавшій свою судьбу, бодро вынесшій столько тягостей и волненій, достоинъ умиленія.

XXII.

Послѣднія минуты *).

Дней за десять до той кратковременной болѣзни, которая свела Өедора Михайловича въ могилу, зашелъ къ нему О. Ө. Миллеръ напомнить ему о данномъ имъ обѣщаніи участвовать въ Пушкинскомъ вечерѣ 29-го января (въ день смерти поэта). Незванный гость, какъ это и часто случалось съ Өедоромъ Михайловичемъ, оказался для него хуже татарина. О. Ө. Миллеръ не сообразилъ, что Өедоръ Михайловичъ какъ разъ дописывалъ тогда январьскій номеръ возобновляемаго имъ „Дневника Писателя“. Онъ выбѣжалъ къ посѣтителю въ прихожую съ перомъ въ рукѣ, страшно взволнованный — отчасти, какъ самъ тутъ и высказалъ, опасеніемъ, пропуститъ ли ему цензура нѣсколько такихъ строкъ, содержаніе которыхъ должно развиваться въ дальнѣйшихъ номерахъ „Дневника“,—въ теченіи всего года. „Не пропустятъ этого“, говорилъ онъ, — „и все пропало“ (извѣстно, что не имѣя средствъ для внесенія залога, онъ долженъ былъ издавать свой „Дневникъ“ подъ предварительною цензурою). Строки, такъ его безпокоившія, надо думать, тѣ, которыми открывается 5-й отдѣлъ 1-й главы „Дневника“ (подъ заглавіемъ: **„пусть первые скажутъ, а мы пока постоимъ въ сторонкѣ, единственно чтобъ уму разуму поучиться“**): „На это есть одно магическое словцо, именно: „Оказать довѣріе“. Да, нашему народу можно оказать довѣріе, ибо онъ достоинъ его. Позовите сѣрые зипуны и спросите ихъ самихъ объ ихъ нуждахъ, о томъ, чего имъ надо, и они скажутъ вамъ правду, и мы всѣ въ первый разъ, можетъ быть, услышимъ настоящую правду“.

Если въ дальнѣйшихъ номерахъ „Дневника“ Өедоръ Михайловичъ предполагалъ развивать эту мысль—подробно говорить о томъ, чтò называлось у Посошкова „народосовѣтіемъ“, и чтò, такъ сказать, прошло

*) Глава эта составлена общими силами очевидцевъ.

мимо ушей у нашей интеллигенціи, то къ самому Ѳедору Михайловичу смѣло могутъ быть отнесены послѣднія слова его рѣчи о Пушкинѣ: „жилъ-бы онъ долѣе, такъ и между нами, было-бы, можетъ быть, менѣе недоразумѣній и споровъ, чѣмъ видимъ теперь. Но Богъ судилъ иначе. Онъ умеръ въ полномъ развитіи своихъ силъ и безспорно унесъ съ собою въ гробъ нѣкоторую великую тайну. И вотъ мы теперь безъ него эту тайну разгадываемъ“.

Какъ ни понятно было то возбужденное состояніе, при которомъ Ѳедоръ Михайловичъ не принялъ тогда для переговоровъ о литературномъ вечерѣ Ореста Ѳедоровича Миллера, изъ письма къ послѣднему Анны Григорьевны, написаннаго день или два спустя, видно, что Ѳедоръ Михайловичъ безпокоился, не обидѣлъ-ли онъ неласковымъ пріемомъ своего знакомаго. „Вотъ и еще, пожалуй, человѣка потеряю“, говорилъ онъ Аннѣ Григорьевнѣ, поручая ей извиниться за себя въ письмѣ и сказать, что онъ непремѣнно будетъ участвовать въ Пушкинскомъ вечерѣ. Въ воскресенье, 25-го января, разсчитавъ, что „Дневникъ“ уже долженъ быть дописанъ, О. Ѳ. Миллеръ отправился къ Ѳедору Михайловичу и засталъ у него А. Н. Майкова и Н. Н. Страхова. Сдавъ работу, такъ его безпокоившую, и обнадеженный стоявшимъ тогда во главѣ управленія по дѣламъ печати г. Абазой, что у цензуры рука не поднимется ни на одну его мысль, Ѳедоръ Михайловичъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Но когда рѣчь зашла о чтеніи, онъ вдругъ настоятельно заявилъ, что желаетъ прочесть на вечерѣ нѣкоторыя любимыя имъ небольшія стихотворенія Пушкина. О. Ѳ. Миллеръ замѣтилъ ему, что онъ заранѣе указалъ на отрывокъ изъ „Евгенія Онѣгина“, какъ уже и значится въ афишѣ вечера, и что выборъ Ѳедоромъ Михайловичемъ другаго предмета для чтенія заставитъ опять хлопотать у попечителя учебнаго округа и у градоначальника. Ѳедоръ Михайловичъ нѣсколько раздражился и сказалъ, что кромѣ указываемыхъ имъ теперь небольшихъ стихотвореній онъ ничего другаго читать не будетъ. О. Ѳ. Миллеръ, въ свою очередь раздражившись, неосторожно попрекнулъ Ѳедора Михайловича недостаточнымъ вниманіемъ къ его, Миллера, не легкому положенію въ качествѣ устроителя вечера. Тогда Ѳедоръ Михайловичъ уже не раздражился, а огорчился. „И не грѣхъ вамъ“, сказалъ онъ, „говорить это; сколько разъ я по вашей просьбѣ читалъ для студентовъ“. Небольшая размолвка окончилась миролюбиво. О. Ѳ. Миллеръ далъ слово выхлопотать разрѣшеніе на замѣну прежняго отрывка другими стихотвореніями, только бы Ѳедоръ Михайловичъ участвовалъ въ вечерѣ. Когда онъ уходилъ, хозяинъ, совершенно уже успокоенный, проводилъ до дверей О. Ѳ. Миллера, которому такъ и

не пришлось уже болѣе увидать живымъ Ѳедора Михайловича. На другой же день узналъ онъ о внезапной его болѣзни (разрывъ легочной артеріи) и поспѣшилъ къ Аннѣ Григорьевнѣ въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ о томъ, не вчерашнія-ли объясненія повредили Ѳедору Михайловичу. Къ успокоенію своему, О. Ѳ. Миллеръ узналъ, что, вслѣдъ затѣмъ, Ѳедоръ Михайловичъ былъ дѣйствительно сильно взволнованъ другимъ совсѣмъ посѣщеніемъ. Вызвавшись съѣздить сейчасъ-же за проф. Кашлаковымъ, О. Ѳ. Миллеръ, отправился къ нему снова въ среду узнать его мнѣніе о болѣзни Ѳедора Михайловича. Проф. Кашлаковъ далеко не терялъ надежду на выздоровленіе больнаго, но когда нѣсколько часовъ спустя О. Ѳ. Миллеръ отправился на квартиру къ Ѳедору Михайловичу, то къ ужасу своему узналъ, что его только что не стало. Сильный припадокъ обыкновенной его болѣзни сразу сокрушилъ давно надломленный организмъ.

Послѣднія 9 лѣтъ своей жизни Ѳедоръ Михайловичъ страдалъ эмфиземой, вслѣдствіе катарра дыхательныхъ путей. Смертельный исходъ болѣзни произошелъ отъ разрыва легочной артеріи и былъ случайностію, которой никто изъ докторовъ не предвидѣлъ. Предсмертная болѣзнь началась въ ночь съ 25 на 26 января небольшимъ кровотеченіемъ изъ носа, на которое Ѳедоръ Михайловичъ не обратилъ никакого вниманія. 26 января онъ былъ, повидимому, совершенно здоровъ, но хотѣлъ посовѣтоваться съ докторами на счетъ кровотеченія. Въ 4 часа пополудни сдѣлалось первое кровотеченіе горломъ. Тотчасъ привезли всегдашняго доктора Ѳедора Михайловича, Якова Богдановича Фонъ-Бретцеля. Уже при немъ, часа черезъ полтора послѣ перваго кровотеченія, произошло второе, болѣе сильное, при чемъ больной потерялъ сознаніе. Когда онъ пришелъ въ себя, то тотчасъ пожелалъ исповѣдаться и причаститься. До прихода священника, онъ простился съ женой и дѣтьми и благословилъ ихъ. Послѣ причащенія почувствовалъ себя гораздо лучше.

Кромѣ фонъ-Бретцеля былъ приглашенъ еще докторъ, А. А. Пфейферъ и потомъ, какъ уже сказано, профессоръ Кошлаковъ, который былъ трижды, 26, 27 и 28 января.

Весь день 27 января кровотеченіе не повторялось и Ѳедоръ Михайловичъ чувствовалъ себя сравнительно хорошо. Очень заботился онъ о томъ, чтобы „Дневникъ Писателя“ вышелъ непремѣнно 31 января. Просилъ Анну Григорьевну прочесть принесенныя корректуры и поправить ихъ. Потомъ просилъ читать ему газеты.

28 января до 12 часовъ все шло благополучно, но затѣмъ опять пошла кровь и Ѳедоръ Михайловичъ очень ослабѣлъ.

Въ это время къ нему заѣхалъ А. Н. Майковъ и провелъ у него все

предобѣденное время, наблюдая и ухаживая за нимъ вмѣстѣ съ домашними. Разговоровъ не было, потому что больному было строго запрещено говорить.

Около двухъ часовъ, ему было, повидимому, лучше. Часу въ пятомъ А. Н. Майковъ уѣхалъ домой обѣдать.

Во всю свою жизнь въ рѣшительныя минуты Ѳедоръ Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе, по словамъ Анны Григорьевны, раскрывать на удачу то самое евангеліе, которое было съ нимъ въ каторгѣ, и читать верхнія строки открывшейся страницы. Такъ поступилъ онъ и тутъ и далъ прочесть женѣ. Это было: Матѳ. гл. III, ст. 11: „Іоаннъ-же удерживалъ его и говорилъ: мнѣ надобно креститься отъ тебя и ты-ли приходишь ко мнѣ? Но Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: не удерживай, ибо такъ надлежитъ намъ исполнить великую правду“. Когда Анна Григорьевна прочла это, Ѳедоръ Михайловичъ сказалъ: „ты слышишь—„не удерживай“,—значитъ я умру“, и закрылъ книгу. Предчувствіе вскорѣ оправдалось. За два часа до кончины, Ѳедоръ Михайловичъ просилъ, чтобы Евангеліе было передано его сыну, Ѳедѣ.

Послѣ обѣда А. Н. Майковъ вернулся къ больному уже не одинъ, а съ женою, и при нихъ, въ 6½ часовъ вечера, случилось послѣднее кровотеченіе, за которымъ слѣдовало безпамятство и агонія. Анна Ивановна Майкова сейчасъ пустилась отыскивать еще доктора и привезла съ собой Н. П. Черепнина, котораго нашла у одного изъ его знакомыхъ. Но когда они пріѣхали, уже наступалъ конецъ, и Н. П. Черепнину довелось только услышать послѣднія біенія сердца Ѳедора Михайловича.

Нѣсколько ранѣе пріѣхалъ Б. М. Маркевичъ, описавшій потомъ печальную минуту смерти. (См. „Русскій Вѣстникъ“, 1881 г. февраль).

Ѳедоръ Михайловичъ скончался въ 8 часовъ 38 минутъ вечера.

XXIII.

Похороны.

Похороны Достоевскаго представляли явленіе, которое всѣхъ поразило. Такого огромнаго стеченія народа, такихъ многочисленныхъ и усердныхъ заявленій уваженія и сожалѣнія не могли ожидать самые горячіе поклонники покойнаго писателя. Можно смѣло сказать, что до того времени никогда еще не бывало на Руси такихъ похоронъ.

Всего яснѣе покажутъ дѣло цифры: въ погребальной процессіи, при выносѣ тѣла изъ квартиры (Кузнечный переулокъ, № 5) въ церковь Св. Духа, въ Невской лаврѣ, было несено 67 вѣнковъ и пѣли 15 хо-

ровъ пѣвчихъ. 67 вѣнковъ—это значитъ 67 различныхъ депутацій, 67 различныхъ обществъ и учрежденій, пожелавшихъ оказать почести умершему. 15 хоровъ пѣвчихъ—значитъ 15 различныхъ кружковъ и вѣдомствъ, имѣвшихъ возможность для этого снарядить пѣвчихъ. Какимъ образомъ составилась такая громадная манифестація—это составляетъ не малую загадку. Очевидно, она составилась вдругъ, безъ всякой предварительной агитаціи, безъ всякихъ подготовленій, уговоровъ и распоряженій, потому что никто не ожидалъ смерти Достоевскаго, и время между неожиданнымъ извѣстіемъ о ней и похоронами (три дня) было слишкомъ коротко для какихъ нибудь обширныхъ приготовленій. Слѣдовательно, почти каждая изъ 67 депутацій имѣетъ свою особую исторію, независимую отъ другихъ. Свойство и смыслъ тѣхъ побужденій, по которымъ шли эти депутаціи—вотъ что̀ важно въ высшей степени и о чемъ трудно говорить съ опредѣленностію, для чего требовалось-бы больше свѣдѣній, чѣмъ мы имѣемъ.

Извѣстно, однако, что въ разныхъ мѣстахъ города, въ учебныхъ заведеніяхъ, въ церквахъ—служились по Достоевскомъ панихиды по собственному желанію преподавателей и духовныхъ лицъ. Извѣстно, что лица иныхъ оффиціальныхъ вѣдомствъ едва успѣвали по краткости времени получить надлежащее разрѣшеніе для участія въ церемоніи, и были случаи, что даже обходились безъ разрѣшенія. Наканунѣ выноса, Аннѣ Григорьевнѣ было извѣстно о 8-ми депутаціяхъ, желавшихъ нести вѣнки, и она съ радостію думала о такомъ великомъ почетѣ, оказываемомъ покойному мужу. Между тѣмъ, къ минутѣ похоронъ оказалось на лицо 72 депутаціи. Главная масса провожавшихъ состояла изъ разнообразнѣйшихъ классовъ публики, и очень было замѣтно множество молодыхъ людей, мужчинъ и женщинъ. Характеръ самой процессіи былъ удивительно ясенъ. Она была нѣсколько безпорядочна, вслѣдствіе поспѣшности, съ которою собралась, но безъ всякой тѣни волненія, безъ признаковъ того возбужденія, которое обнаруживается, когда толпа дѣлаетъ демонстрацію. Это была настоящая похоронная процессія. И такой-же спокойный, чистый, грустный характеръ имѣли всѣ обряды погребенія и тѣ рѣчи, которыя были сказаны въ церкви и на могилѣ. Церковь Св. Духа была удивительно красива во время заупокойной обѣдни. Не только гробъ, стоявшій на высокомъ катафалкѣ, былъ покрытъ цвѣтами и вѣнками, но огромные вѣнки подымались еще со всѣхъ сторонъ по сторонамъ и даже по стѣнамъ и давали всему храму особенный видъ, необыкновенно прекрасный. Тѣснота была большая, но, несмотря на то, тишина была вполнѣ благоговѣйная.

Такъ просто, спокойно и прилично дѣлу совершились эти похороны, несмотря на то, что по своимъ размѣрамъ они были истиннымъ событіемъ, не меньшимъ, а даже несравненно большимъ, чѣмъ событіе рѣчи о Пушкинѣ. Почести, которыя отдавались покойному писателю, вдругъ обнаружили, что онъ имѣлъ необычайно широкій кругъ искреннихъ поклонниковъ и были изумительны для всѣхъ, и для его близкихъ, и для литературной сферы, и даже для самихъ поклонниковъ, неожиданно увидѣвшихъ другъ друга въ такомъ множествѣ. Въ городѣ поднялись горячіе толки и пересуды о значеніи и причинахъ этого событія. Изъ людей подозрительныхъ и равнодушныхъ къ литературѣ иные говорили, что публику привлекло больше всего желаніе почтить бывшаго каторжника и такимъ образомъ выразить извѣстнаго рода протестъ; но изъ людей, ближе знакомыхъ съ движеніемъ литературы и болѣе преданныхъ прогрессивнымъ идеямъ, нѣкоторые судили правильнѣе. Они огорчались этими знаками сочувствія писателю патріотическому и, по ихъ мнѣнію, ретроградному. Была, наконецъ, и третья странная категорія судей, нашедшая выходъ изъ дилеммы въ томъ, что Достоевскій есть будто-бы изобразитель всего мрака и ужаса русской жизни, что онъ уже не смѣялся надъ нею, какъ Гоголь, а плакалъ.

Разумѣется, въ огромной толпѣ, провожавшей покойника, попадались люди, которые могли подать поводъ къ каждому изъ этихъ толкованій. Но главная масса, составлявшая ядро толпы и менѣе другихъ расположенная ораторствовать, конечно, руководилась другими чувствами. Она очевидно хоронила въ Достоевскомъ наставника, нравственнаго учителя, того, кто ей говорилъ: „смирись, гордый человѣкъ! Потрудись, праздный человѣкъ!“ Проповѣдь любви и мира, съ которою онъ выступилъ отъ начала и которая составила его особое направленіе среди литературы, не всегда отказывавшейся отъ распространенія вражды и отъ возбужденія всякаго рода страстей, — вотъ главная причина сочувствія къ нему. Общество, утомленное пустымъ и ненавистнымъ броженіемъ, измученное господствующею смутою умовъ и сердецъ и жаждущее твердой нравственной опоры, видѣло въ немъ одного изъ руководителей, указывавшаго на тѣ пути, гдѣ можно и должно искать спасенія. Дѣйствительно, поклонники чтили въ немъ человѣка пострадавшаго, но не такого, который въ силу этого питалъ-бы какую нибудь мысль о враждѣ или мести. Дѣйствительно, въ немъ чтили патріота и консерватора; но онъ былъ для многихъ отраднымъ явленіемъ не потому, что какъ нибудь бичевалъ и поражалъ революціонныя стремленія, грозящія нарушить порядокъ и наше спокойствіе, а потому, что умѣлъ сочувствовать самымъ высокимъ, чисто духовнымъ инте-

ресамъ русскихъ людей; въ его словахъ обнаруживалось религіозное настроеніе, преданность ученію Христа и православію; онъ благоговѣлъ передъ нравственными силами и идеалами народа, не только вѣрилъ въ народъ, а любилъ его, какъ родную почву, какъ родныхъ людей; наконецъ, ему дорого было наше государственное могущество, наше единство и его политическія задачи, ради которыхъ издавна и всегда русскіе люди такъ много жертвовали и готовы жертвовать. Вотъ чтò дѣлало его дорогимъ для людей, видѣвшихъ и слышавшихъ каждый день, какъ оскорбляются словомъ и дѣломъ самые святые для нихъ предметы. Но всего меньше можно принять Достоевскаго за обличителя, толковать его писанія въ смыслѣ обличеній,—т. е. употреблять излюбленный манёвръ, къ которому прибѣгаетъ наша критика въ затруднительныхъ случаяхъ. Такое толкованіе было-бы прямымъ извращеніемъ дѣла. Съ самаго начала, съ „Бѣдныхъ Людей“, онъ выступилъ съ мыслью, которая несравненно выше обличенія и отвергаетъ обличеніе, какъ слишкомъ узкую точку зрѣнія. Онъ сталъ доказывать, что всякимъ несчастнымъ, всякимъ „униженнымъ и оскорбленнымъ“ нужно сочувствовать не потому лишь, что они терпятъ страданія, что судьба искажаетъ ихъ, ломаетъ, уродуетъ, а напротивъ потому, что они бываютъ прекрасны, что въ ихъ душахъ иногда проявляются лучшія человѣческія черты, что искра Божія въ нихъ не гаснетъ; слѣдовательно, что нужно не только сожалѣть и горевать объ нихъ, а нужно ихъ *любить*. На эту тему онъ писалъ отъ начала до конца; весь мракъ и ужасъ, который онъ захватилъ въ свои картины, служитъ ему для того, чтобы показать тотъ свѣтъ, который горитъ въ этомъ мракѣ. Обличенія въ обыкновенномъ смыслѣ, то есть, обличенія среды, обстоятельствъ, строя общества и т. п., тутъ никакъ не выйдетъ; скорѣе выйдетъ иногда старинная мысль, что страданіе очищаетъ душу, а счастіе ее портитъ. Но во всякомъ случаѣ выйдетъ постоянная проповѣдь любви, постоянный призывъ къ тому, чтобы мы въ забитыхъ, искаженныхъ существахъ умѣли видѣть и любить своихъ братьевъ.

Не нужно забывать притомъ, что Достоевскій умеръ неожиданно, умеръ тогда, когда его голосъ сталъ раздаваться всего чаще и всего громче. Это была не смерть заслуженнаго литератора, на покоѣ доживающаго свои дни, а смерть журналиста, застигшая его наканунѣ выпуска горячаго номера. Популярность его росла въ послѣдніе годы съ удивительною быстротою, и онъ умеръ въ минуту этого быстраго нарастанія. Поэтому пробѣлъ, образовавшійся въ литературѣ, былъ живо всѣми почувствованъ, утрата была явная, поразительная. Его „Дневникъ“ и по своему внутреннему вѣсу и по внѣшнему вліянію на читателей, конечно, равнялся цѣлому

толстому журналу, самому популярному и живому. Въ послѣдніе годы Достоевскій пріобрѣлъ стариковскую увѣренность и твердость въ писаніи, выступалъ съ настоящимъ авторитетнымъ тономъ, простымъ и живымъ, и поэтому производилъ могущественное впечатлѣніе. Точно такъ и его романы всегда стояли въ первомъ ряду художественныхъ произведеній текущей литературы, были выдающимися ея явленіями. Размѣры-же всей этой дѣятельности были необыкновенные; никто еще изъ нашихъ крупныхъ писателей не писалъ такъ много. Поэтому понятно, что для многихъ читателей со смертью Достоевскаго сошла въ могилу огромная доля, чуть не половина наличной литературы.

Подумайте сверхъ того, сколько было людей, для которыхъ эта утрата была незамѣнима. Достоевскій не былъ просто *частью* петербургской литературы; скорѣе онъ былъ ея *противовѣсомъ*, контрастомъ этой литературѣ. Онъ и вообще не былъ поклонникомъ минуты, не плылъ по вѣтру, а всегда былъ писателемъ независимымъ, слѣдовалъ своимъ собственнымъ мыслямъ. Но меньше всего онъ потворствовалъ какимъ нибудь моднымъ направленіямъ, ходячему литературному настроенію; напротивъ, онъ объявилъ себя ихъ врагомъ, онъ открыто преклонялся передъ началами, которыя для нашей интеллигенціи только „соблазнъ и безуміе“. Свою преданность искусству, свою любовь къ народнымъ началамъ, свое отвращеніе къ язвамъ Европы, свою вѣру въ безсмертіе души, свою религіозность, все это онъ смѣло и настойчиво проповѣдывалъ, и всего смѣлѣе и настойчивѣе въ ту минуту, когда его настигла смерть. И такъ не мода, не заднія мысли собрали ту огромную толпу, которая шла за его гробомъ.

Въ этой толпѣ особенно важно и полно смысла появленіе множества молодыхъ людей. Проповѣдникъ любви и прощенія сдѣлался имъ дорогъ потому, что онъ, жарко нападая на ихъ заблужденія, жалѣлъ самихъ заблуждающихся, умѣлъ понимать ихъ и указывать имъ выходъ на другую дорогу. Тутъ были вѣроятно и нераскаянные, но непремѣнно были и *кающіеся нигилисты,* то есть люди, дающіе намъ надежду на исцѣленіе отъ этого великаго зла. Что касается до самого покойника, то въ немъ эта надежда горѣла постоянно. Онъ вѣрилъ, что трудился для началъ спасительныхъ, животворныхъ и радовался своимъ успѣхамъ, и трудился неутомимо. Мнѣ радостно вспомнить, что въ послѣдніе годы и даже передъ самою его смертью я выражалъ ему свое удивленіе передъ его дѣятельностію, говорилъ ему, что онъ дѣлаетъ чудеса и что нельзя не восхищаться огромными успѣхами такой прекрасной проповѣди. Зная настроеніе петербургской публики и литературы, я не могъ не придавать великаго значенія той жадности, съ которою расхватывался „Дневникъ Писателя“. Поэтому

похороны хотя очень удивили и меня, но все же не такъ, какъ многихъ другихъ. И я думаю, смыслъ ихъ болѣе или менѣе понятенъ былъ только тому, кто сохранилъ въ себѣ слѣды патріотическаго и религіознаго духа. Этотъ духъ еще силенъ неизмѣримо; онъ еще проявляется при каждомъ удобномъ случаѣ, хотя большею частію чувствомъ, а не мыслію, дѣломъ, а не словомъ. Если-же окажется надобность въ полномъ его напряженіи, то тѣ, кто не чуждъ этого духа, хорошо знаютъ, что передъ нимъ ничто не устоитъ и разлетятся, какъ пустая шелуха, всѣ труды и созиданія его противниковъ.

Н. Страховъ.

Вотъ нѣсколько телеграммъ, полученныхъ Анною Григорьевною:

Сергіевскій посадъ, 31 января 5 час. дня.

Глубокоуважаемая Анна Григорьевна!

Жгучею болью отозвалась въ сердцахъ нашихъ вѣсть о смерти глубоко уважаемаго нами супруга вашего. Позвольте-же намъ раздѣлить съ вами великое горе свое. Прискорбно и больно видѣть намъ смерть эту, отнявшую у Россіи труженика, печальника и доброй души человѣка. Жалка потеря дѣятеля, который радовался радостями русскаго народа и страдалъ его страданіями, который носилъ въ сердцѣ своемъ тяготы алчущихъ, жаждущихъ, униженныхъ и оскорбленныхъ, который любилъ свою родину истинною любовію. Онъ любилъ не идеализированную Русь, а Русь со всѣми ея слабостями и недостатками. Будучи далекимъ отъ того, чтобы восторгаться идеальными совершенствами русской жизни и русскаго народа, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ далекъ былъ и отъ намѣренія бросать грязью въ эту жизнь и въ этотъ народъ. Въ самыхъ невылазныхъ болотахъ русской жизни и русскаго быта онъ старался находить драгоцѣнную жемчужину широкой доброй русской души и дѣйствительно находилъ ее. Самая даже маленькая черточка образа Божія въ человѣкѣ дорога была ему, потому что она являлась для него залогомъ лучшаго будущаго, возможныхъ лучшихъ отношеній между людьми. Жалка намъ потеря общаго друга, который имѣлъ столь всеобъемлющее и любвеобильное сердце, что способенъ былъ примирить съ собою самыхъ разномыслящихъ людей, что почти всѣхъ ихъ заставилъ подать ему руку. Больно и горько намъ видѣть смерть истинно-русскаго человѣка, который всѣхъ больше понялъ

душу и сердце своего народа, и уже поэтому болѣе другихъ способенъ былъ указать ему его истинный идеалъ.

Почившій о Бозѣ любимецъ нашъ! Ты самъ совѣтовалъ намъ повторять всегда: упокой, Господи, всѣхъ усопшихъ. Въ этотъ день съ великою скорбію мы примѣняемъ теперь эти слова твои къ тебѣ-же самому. Миръ праху твоему, честный труженикъ на русской нивѣ! Да будетъ тебѣ, добрый человѣкъ, любовь Божія на небесахъ наградою за любовь твою къ братьямъ о Христѣ!

От лица всѣхъ студентовъ Московской Духовной Академіи

Иванъ Яхонтовъ.

Харьковъ, 31 января 1881 г.

Харьковцы глубоко поражены смертью незабвеннаго Ѳедора Михайловича. Завтра въ унивеуситетской церкви соберемся почтить его память

Сыхра.

Тверь, 1 февраля 12 ч. 10 м. дня.

Почитатели таланта усопшаго супруга вашего, служащіе тверской гимназіи и реальнаго училища, помолившись за упокой души его, шлютъ вамъ глубокое сочувствіе къ поразившему васъ горю и выражаютъ сожалѣніе объ утратѣ, постигшей васъ и всю Россію, лишившуюся въ лицѣ Ѳедора Михайловича глубокаго русскаго мыслителя и истиннаго патріота.

Протоіерей Первухинъ, Геречанъ, Ѳедоровъ, Львовъ, Кирсикъ, Голейшовскій, Шмелевъ, Крыловъ, Крупаръ, Горнманъ, Одинцовъ, Кизлингъ, Розовъ, Некрасовъ.

Харьковъ, 1 февраля 2 ч. 59 м. дня.

Позвольте выразить вамъ сочувствіе къ вашему личному горю, близкому также всѣмъ намъ. Мы, учительницы женской воскресной школы въ Харьковѣ, со всѣми нашими ученицами возвратились сейчасъ съ панихиды, на которой молились о незабвенномъ Ѳедорѣ Михайловичѣ. Панихида происходила въ университетской церкви при огромномъ стеченіи народа. Уважаемымъ профессоромъ Бекетовымъ была произнесена прочувствованная рѣчь, вызвавшая слезы.

Алчевская.

Старая Русса, 2 февраля 1881 г.

Старорусское городское общество, считая въ числѣ своихъ согражданъ великаго писателя и человѣка, супруга вашего, Ѳедора Михайловича Достоевскаго, сегодня въ общемъ составѣ въ городскомъ соборѣ молилось о немъ и скорбь свою о потерѣ его считаетъ долгомъ выразить предъ вами искреннимъ своимъ сочувствіемъ.

Городской голова Иванъ Дьячковъ.

Кронштадтъ, 3 февраля 1881 г.

Анна Григорьевна! Ученики старшихъ классовъ Кронштадтской классической гимназіи, возвратившись только что съ панихиды по незабвенномъ супругѣ вашемъ, Ѳедорѣ Михайловичѣ, единогласно рѣшили выразить вамъ свое искреннее душевное сочувствіе въ понесенной вами утратѣ. Вѣримъ, что утрата эта самою жгучею болью отозвалась въ вашемъ сердцѣ, но повѣрьте и вы, Анна Григорьевна, что смерть того, кто цѣлую жизнь ратовалъ за человѣческія права „Униженныхъ и Оскорбленныхъ", смерть того не можетъ не сжать болѣзненно сердца всякаго русскаго человѣка, не испорченнаго, не искалѣченнаго и умѣющаго еще молодо и горячо сочувствовать всему честному, всему искреннему. Память о томъ человѣкѣ, который еще нѣсколько дней до смерти такъ горячо вѣрилъ въ подростающее молодое поколѣніе, кто умѣлъ прощать его увлеченія и сочувствовать его стремленіямъ, кто предсказывалъ ему свѣтлую дорогу труда и чести, кто осѣнялъ эту дорогу примѣромъ своей безукоризненной жизни, память о томъ человѣкѣ не умретъ въ сердцахъ русской молодежи, въ сердцахъ нашихъ. А кончая нашъ жизненный путь, мы научимъ дѣтей нашихъ уважать и любить того, кончину кого мы сами такъ горько и безутѣшно оплакиваемъ. И мы вѣримъ, что наши дѣти поймутъ насъ.

Отъ лица трехъ старшихъ классовъ, воспитанникъ *М. Кольцовъ.*

Саратовъ, 7 февраля 1881 г.

Кружокъ саратовскихъ литераторовъ вмѣстѣ съ издателями и редакторами газетъ: „Саратовскій Листокъ", „Волга", „Дневникъ" и „Губернскія Вѣдомости", чтя память великаго нашего писателя Ѳедора Ми-

хайловича Достоевскаго, шлетъ вамъ выраженіе глубокаго сожалѣнія о потерѣ вашей и всей мыслящей Россіи.

Ѳ. М. Достоевскій, Илья Саловъ, Михаилъ Поповъ, Петръ Лебедевъ, Леонидъ Блюммеръ, Иванъ Ларіоновъ, Ананій Кущъ, Иванъ Горизонтовъ, Сергѣй Гусевъ, Ѳедоръ Соколовъ, Александръ Кулаковъ, Юреневъ, Редакторъ „Волги" Дмитрій Авксентьевъ.

Одесса, 8 февраля 1881 г.

Просимъ передать вдовѣ Ѳедора Михайловича Достоевскаго. Одесское Славянское Общество въ сегодняшнемъ торжественномъ собраніи постановило высказать телеграммою сочувствіе ея горю и свою скорбь о потерѣ милаго, добраго, хорошаго русскаго мыслителя.

Предсѣдатель Бухтеевъ.

Казань, 9 февраля 1881 г.

Любвеобильное сердце усопшаго Ѳедора Михайловича чистой и горячей любовью билось и къ бѣднымъ дѣтямъ. Совѣтъ Казанскаго общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ, принявшій на себя тяжелую, но святую заботу нравственнаго перевоспитанія и исправленія несчастныхъ дѣтей, не можетъ не чтить его свѣтлой памяти и вмѣстѣ съ вами и всей Россіей не оплакивать тяжкой потери. Примите выраженіе и нашей скорби къ постигшему всѣхъ горю.

Предсѣдатель Молоствовъ. Члены совѣта: Профессоръ Осокинъ, Николаи, Юшковъ, Петръ Купріяновъ, Сергѣй Ивановъ, Моисей Струзеръ, Петръ Месетниковъ, смотритель Злобинъ.

[3.]

ПИСЬМА Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

С.-Петербургъ. Іюля 23 дня 1837 г.

Любезнѣйшій Папенька!

Сегодня суббота и мы, слава Богу, имѣемъ время вамъ написать хоть нѣсколько строкъ: такъ мы заняты въ продолженіи всего времени. Вотъ уже близко къ сентябрю, а вмѣстѣ съ этимъ и къ экзаменамъ, и мы не можемъ потерять ни минуты въ недѣлю. Только въ субботу и въ воскресенье мы бываемъ свободны, т. е. Коронадъ Филипповичъ намъ ничего не показываетъ въ эти дни; а слѣдовательно только теперь сыскали время поговорить съ Вами письменно.

Математика и науки идутъ теперь у насъ своимъ чередомъ; также фортификація и артиллерія. По воскресеньямъ и субботамъ мы чертимъ планы и рисунки. Почти каждый день занимается со всѣми Коронадъ Филипповичъ, а съ нами двоими и особенно, потому что изъ всѣхъ, у него приготовляющихся, только мы хотимъ вступить во 2-й классъ, а всѣ прочіе въ низшій. Коронадъ Филипповичъ на насъ надѣется болѣе нежели на всѣхъ 8-рыхъ, которые у него приготовляются. Скоро мы начнемъ учиться фронту у унтеръ-офицера, котораго пригласилъ Коронадъ Филипповичъ, и займемся этимъ до самаго вступленія, т. е. до декабря мѣсяца. На фронтъ чрезвычайно смотрятъ и хоть знай все превосходно, то за фронтомъ можно попасть въ низшіе классы. И притомъ этимъ однимъ мы можемъ выиграть у Его Высочества Михаила Павловича. Онъ чрезвычайный любитель порядка. И такъ судите-же сколько мы должны этимъ заняться, не смотря на то, что послѣ сентябрьскаго экзамена всѣ должны ходить въ Инженерный замокъ учиться фронту.— Что-то будетъ? Теперь одна надежда на Бога. Мы не преминемъ приложить все свое старанье.

Теперь у васъ идетъ въ деревнѣ уборка хлѣба, а это, какъ мы знаемъ, самое любимое для Васъ занятіе; мы не знаемъ каковъ-то въ вашей сторонѣ урожай, какова-то у васъ погода? Что касается до петер-

бургской, то у насъ прелестнѣйшая, итальянская.—Съ Шидловскимъ мы еще не видались и слѣдовательно не могли ему отдать Вашего поклона.

Что-то подѣлываютъ въ деревнѣ наши братцы и сестрицы? Всѣ должно быть до-сыта нагулялись, набѣгались, налакомились ягодами и загорѣли. Сашенька, думаемъ, чрезвычайно какъ подросла; ей полезенъ свѣжій воздухъ. Варенька, навѣрно, что нибудь рукодѣльничаетъ и вѣрно ужь не позабываетъ заниматься науками и прочитывать Русскую Исторію Карамзина. Она намъ это обѣщала. Чтò касается до Андрюши, то навѣрно онъ и среди удовольствій деревни не позабываетъ исторіи, которую онъ бывало и частенько мнѣ плохо зналъ. Осенью вы повезете его повидимому въ Москву къ Чермаку на порожнее мѣсто.—Такъ! Еще долго Вамъ будетъ пещись о воспитаніи дѣтей: насъ у Васъ много. Судите же какъ мы должны просить Бога о сохраненіи Вашего драгоцѣннаго для насъ здоровья.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностью пребываемъ васъ сердечно любящіе.

Михаилъ и Ѳедоръ Достоевскіе.

Поцѣлуйте за насъ всѣхъ братцевъ и сестрицъ.

С.-Петербургъ. Сентября 6 дня 1837 г.

Любезнѣйшій Папенька!

Долго мы не писали къ Вамъ и наше долгое молчанье, должно быть, приноситъ Вамъ не мало безпокойства, а особливо въ такихъ обстоятельствахъ.—Мы теперь только нашли время увѣдомить Васъ; такъ заняты; экзаменъ близко, безпрестанныя приготовленія; все совершенно сбиваетъ съ толку.

1-го сентября, какъ объявлено было въ программѣ отъ Инженернаго Училища, мы должны быть представлены въ замокъ. Мы явились всѣ въ назначенный срокъ и были представлены Коронадомъ Филипповичемъ инспектору Ломновскому и генералу Шарнгорсту, главному начальнику Инженернаго Училища. Генералъ обошелся со всѣми ласково и всѣмъ приказано быть въ готовности; ибо насъ довольно часто будутъ призывать въ Инженерное Училище. Такая скука! Вотъ сейчасъ пришла бумага отъ генерала къ Коронаду Филипповичу, чтобы насъ всѣхъ представили въ Инженерное Училище. Не знаю для чего. Кажется, для аттестатовъ, ибо генералъ приказалъ принести аттестаты отъ прежнихъ заведеній, гдѣ

кто находился. — Насилу дождались главнаго экзамена, который назначенъ 15-го числа. — Всѣхъ кандидатовъ 43. Мы такъ рады, что такъ мало. Прошлаго года было 120, а въ прежніе года 150 и болѣе. И ученики Костомар. всегда были изъ первыхъ. Что же нынѣ, когда такъ мало! Правда, комплектъ есть 25, но, кажется, довольно забракуютъ, ибо все, повидимому, пустые люди, и всѣ въ четвертый классъ. Они, повидимому, чрезвыч. боятся учениковъ Костомарова. — Всѣмъ намъ такое уваженье. Что-то дальше?

Уже долго и мы объ васъ не имѣли никакого извѣстія. Но мы и утруждать не смѣемъ Васъ въ вашихъ занятіяхъ. — Это письмо придетъ къ Вамъ въ то время, когда уже будетъ рѣшаться наша участь, т. е. будетъ настоящій экзаменъ.—Въ будущемъ письмѣ постараемся увѣдомить обо всемъ. Теперь наши занятія утроились. Самое время не поспѣваетъ за нами. Всегда за книгой. Ждемъ не дождемся экзамена. Теперь пишу къ вамъ на почтовыхъ. Сколько дѣлъ послѣ письма. Не больше 1/4 часа я писалъ къ Вамъ его. Еще скажу Вамъ, что принуждены были купить новыя шляпы къ экзамену. Это намъ обошлось въ 14 руб. Съ Шидловскимъ мы не видались долгое время. Только нынче провели съ нимъ часъ въ Казанскомъ соборѣ.—Намъ это хотѣлось давно, особенно передъ экзаменомъ. Шидловскій и Коронадъ Фил. Вамъ кланяются. Прощайте до будущаго письма. Честь имѣемъ пребыть всегда Васъ любящіе сыновья

Михаилъ и Ѳедоръ Достоевскіе.

10 мая 1839 г.

Странно: эти глупыя обстоятельства моей теперешней жизни многаго лишаютъ меня. — Я на 5 дней долженъ былъ удержать посылку письма моего. Парадъ былъ отложенъ до 10 мая. Я хотѣлъ сдѣлать вамъ эту приписку, и вѣрите-ли, любезнѣйшій Папенька, мнѣ не удавалось за фронтовымъ ученьемъ (которымъ насъ мучатъ) и за экзаменами.—Теперь пишу къ Вамъ на почтовыхъ.

Милый, добрый Родитель мой! Неужели Вы можете думать, что сынъ Вашъ, прося отъ Васъ денежной помощи, проситъ у Васъ лишняго. — Богъ свидѣтель, ежели я хочу сдѣлать Вамъ хоть какое бы то ни было лишенье, не только изъ моихъ выгодъ, но даже изъ необходимости. — Какъ горько то одолженье, которымъ тяготятся мои кровные. У меня есть голова, есть руки. Будь я на волѣ, на свободѣ, отданъ самому себѣ, я бы не требовалъ отъ Васъ копѣйки; я обжился бы съ желѣзной нуждою.

Стыдно было бы тогда мнѣ и заикнуться о помощи.—Теперь я Вамъ высказываю себя одними обѣщаньями въ будущемъ; но это будущее недалеко и Вы со временемъ увидите. —

Теперь же, любезн. Папенька, вспомните, что я *служу* въ полномъ смыслѣ слова. — Волей или неволей, а я долженъ сообразоваться вполнѣ съ уставами моего теперешняго общества. — Къ чему же дѣлать исключенье собою? — Подобныя исключенія подвергаютъ иногда ужаснымъ непріятностямъ. Вы сами это понимаете, любезный Папенька. Вы жили съ людьми. — Теперь: лагерная жизнь каждаго воспитанника военно-учебныхъ заведеній требуетъ по крайней мѣрѣ 40 р. денегъ. (Я вамъ пишу все это потому, что я говорю съ отцомъ моимъ). — Въ эту сумму я не включаю такихъ потребностей, какъ напримѣръ: имѣть чай, сахаръ и проч. Это и безъ того необходимо, и необходимо не изъ одного приличія, а изъ нужды. Когда вы мокнете въ сырую погоду подъ дождемъ въ полотняной палаткѣ, или въ такую погоду, прійдя съ ученья усталый, озябшій, безъ чаю, можно заболѣть, что̀ со мною случилось прошлаго года на походѣ. — Но всетаки я, уважая Вашу нужду, не буду пить чаю. Требую только необходимаго на 2 пары простыхъ сапоговъ 16 р. — Теперь мои вещи: книги, сапоги, перья, бумага и т. д. и т. д. должны же лежать гдѣ нибудь. Для этого я долженъ имѣть сундукъ, ибо въ лагеряхъ нѣтъ никакихъ строеній, кромѣ палатокъ. Койки наши—это куча соломы, покрытая простынею. Спрашивается, не имѣя сундука, куда я положу все это.— Нужно знать, что казна не заботится, нужно-ли мнѣ мѣсто или нѣтъ; не заботится, имѣю-ли я сундукъ. Ибо экзамены кончатся; слѣд. книги не нужны; казна одѣваетъ меня, слѣд. сапоги не нужны и т. д.. Но безъ книгъ какъ я проведу время? 3-хъ паръ казенныхъ сапогъ не станетъ и въ городѣ на полгода!—Слѣд. мнѣ нѣтъ казеннаго мѣста поставить сундука, который необходимъ для меня. Въ палаткѣ общей я стѣсню товарища, слѣд. сдѣлаю непріятность другимъ, да и мнѣ просто не позволятъ держать сундукъ въ палаткѣ, ибо никто въ палаткѣ не держитъ; слѣд. для моей поклажи я долженъ буду имѣть мѣсто. Мѣсто я найду уговорившись (какъ всѣ дѣлаютъ) съ какимъ нибудь изъ солдатъ-служителей нашихъ поставить сундукъ мой. За это надобно заплатить. Слѣд. за покупку сундука по крайней мѣрѣ цѣлковый.

За провозъ туда и сюда. 5 цѣлковыхъ.
За мѣсто. 2 „
За чистку мнѣ сапоговъ. 5 „

Это условная такса съ служителемъ. — Въ городѣ дѣло другое, а въ

лагерѣ имъ должно платить за каждый шагъ ихъ. А начальство не входитъ въъ это.

Теперь:

16	
3, 75.	
5	
7	(2 цѣлковыхъ)
5	
36 или около 40.	

(За отсылку писемъ, за перья, бумагу и т. д.)

Я сберегъ отъ вашей посылки 15 р. — Вы видите, любезный Папенька, что мнѣ крайне необходимо нужны 25 р. еще. Въ первыхъ числахъ іюня мы выйдемъ въ лагери. И такъ пришлите мнѣ эти деньги къ 1-му іюня, ежели Вамъ хочется помочь Вашему сыну въ ужасной нуждѣ. Не смѣю требовать; не требую излишняго, но благодарность моя будетъ безпредѣльна. Письмо адресуйте опять на имя Шидловскаго.

Прощайте мой любезный Папенька.

Вашъ весь, весь

Ѳ. Достоевскій.

С.-Петербургъ. Августа 9 дня. 1838 г.

Братъ!

Какъ удивило меня письмо твое, любезный братъ: неужели же ты не получилъ отъ меня ни полстрочки; я тебѣ со времени отъѣзда твоего переслалъ 3 письма: 1-ое вскорѣ послѣ твоего отъѣзда; на 2-ое не отвѣчалъ потому, что не было ни копѣйки денегъ (я не бралъ у Меркуровыхъ). Это продолжалось до 20 іюля когда я получилъ отъ Папеньки 40 руб. И наконецъ недавно 3-е. — Слѣд. ты не можешь похвалиться, что не забывалъ меня и писалъ чаще. Слѣд. и я былъ всегда вѣренъ своему слову. Правда я лѣнивъ, очень лѣнивъ. Но что же дѣлать, когда мнѣ осталось одно въ мірѣ: дѣлать безпрерывный кейфъ! Не знаю стихнутъ-ли когда мои грустныя идеи? Одно только состоянье и дано въ удѣлъ человѣку: атмосфера души его состоитъ изъ сліянья неба съ землею; какое-же противузаконное дитя человѣкъ; законъ духовной природы нарушенъ... Мнѣ кажется, что міръ нашъ — чистилище духовъ небесныхъ,

отуманенныхъ грѣшною мыслію. Мнѣ кажется, міръ принялъ значенье отрицательное и изъ высокой, изящной духовности вышла сатира. Попадись въ эту картину лицо, не раздѣляющее ни еффекта, ни мысли съ цѣлымъ, словомъ совсѣмъ постороннее лицо, что-жь выйдетъ? Картина испорчена и существовать не можетъ!

Но видѣть одну жесткую оболочку, подъ которой томится вселенная, знать что одного взрыва воли достаточно разбить ее и слиться съ вѣчностью, знать и быть какъ послѣднее изъ созданій... Ужасно! Какъ малодушенъ человѣкъ! Гамлетъ! Гамлетъ! Когда я вспомню эти бурныя, дикія рѣчи, въ которыхъ звучитъ стенанье оцѣпенѣлаго міра, тогда ни грустный ропотъ, ни укоръ не сжимаютъ груди моей... душа такъ подавлена горемъ, что боится понять его, чтобы не разтерзать себя. Разъ Паскаль сказалъ фразу: кто протестуетъ противъ философіи, тотъ самъ философъ. Жалкая философія!

Но я заболтался. Изъ твоихъ писемъ я получилъ только 2 (кромѣ послѣдняго). Ну, братъ! ты жалуешься на свою бѣдность. Нечего сказать и я не богатъ. Вѣришь-ли, что я во время выступленія изъ лагерей не имѣлъ ни копѣйки денегъ; заболѣлъ дорогою отъ простуды (дождь лилъ цѣлый день, а мы были открыты) и отъ голода и не имѣлъ ни гроша, чтобъ смочить горло глоткомъ чаю. Но я выздоровѣлъ и въ лагерѣ участь моя была самая бѣдственная до полученья папенькиныхъ денегъ. Тутъ я заплатилъ долги и издержалъ остальное. Но описанье твоего состоянія превосходитъ все. — Можно-ли не имѣть 5 копѣекъ; *питаться* Богъ знаетъ чѣмъ и лакомымъ взоромъ ощущать всю сладость прелестныхъ ягодъ, до которыхъ ты такой охотникъ! Какъ мнѣ жаль тебя! Спросишь что̀ сталось съ Меркуровыми и деньгами твоими? А вотъ что̀: я бывалъ у нихъ нѣсколько разъ послѣ твоего отъѣзда. Потомъ я не могъ быть потому, что отсиживалъ. Въ крайности я послалъ къ нимъ, но они прислали такъ мало, что мнѣ стало стыдно просить у нихъ. Тутъ я получилъ на мое имя письмо къ нимъ отъ тебя. У меня ничего не было и я рѣшился просить ихъ вложить мое письмо въ ихнее. Ты же, какъ видно, не получалъ ни котораго. — Кажется, они не писали къ тебѣ. Передъ лагерями (не имѣя денегъ прежде отослать, давно приготовленное Папенькѣ письмо) я обратился къ нимъ съ просьбою прислать мнѣ хоть что нибудь; они прислали мнѣ всѣ наши вещи, но ни копѣйки денегъ, и не написали отвѣта; я сѣлъ какъ ракъ на мели! Изъ всего я заключилъ, что они желаютъ избавиться отъ докучныхъ требованій нашихъ. Хотѣлъ объясниться въ письмѣ съ ними, но я отсиживаю послѣ лагеря, а они съѣхали съ прежней квартиры. Знаю домъ, гдѣ они квартируютъ, но не знаю адреса.

Его я *сообщу* тебѣ послѣ. Но давно пора перемѣнить матерію разговора. Ну, ты хвалишься, что перечиталъ много... но прошу не воображать, что я тебѣ завидую. Я самъ читалъ въ Петергофѣ по крайней мѣрѣ не меньше твоего. Весь Гофманъ русскій и нѣмецкій (т. е. непереведенный Котъ Муръ), почти весь Бальзакъ (Бальзакъ великъ! Его характеры — произведенія ума вселенной! Не духъ времени, но цѣлыя тысячелѣтія приготовили бореньемъ своимъ такую развязку въ душѣ человѣка). Фаустъ Гете и его мелкія стихотворенія, Исторія Полеваго, Уголино, Ундина (объ Уголино напишу тебѣ кой что послѣ). Также Викторъ Гюго кромѣ Кромвеля и Гернани.

Теперь прощай. Пиши же, сдѣлай одолженье, утѣшь меня и пиши какъ можно чаще.—Отвѣчай немедля на это письмо. Я разсчитываю получить отвѣтъ черезъ 12 дней.—Самый долгій срокъ! Пиши же, или ты меня замучаешь.

Твой братъ

Ѳ. Достоевскій.

У меня есть прожектъ: сдѣлаться съумасшедшимъ. Пусть люди бѣсятся, пусть лечатъ, пусть дѣлаютъ умнымъ.—Ежели ты читалъ всего Гофмана, то навѣрно помнишь характеръ Альбана. Какъ онъ тебѣ нравится? Ужасно видѣть человѣка, у котораго во власти непостижимое, человѣка, который не знаетъ что̀ дѣлать ему, играетъ игрушкой, которая есть—Богъ!—

Часто ли ты пишешь къ Куманинымъ? И напиши, не сообщилъ ли тебѣ Кудрявцевъ что нибудь о Чермакѣ. Ради Бога пиши и объ этомъ: мнѣ хочется знать объ Андрюшѣ.

Но послушай, братъ. Ежели наша переписка будетъ идти такимъ образомъ, то, кажется, лучше не писать. Условимся же писать черезъ недѣлю каждую субботу другъ къ другу, это будетъ лучше. Я получилъ еще письмо отъ Шренка и не отвѣчалъ ему 3 мѣсяца. Ужасно! Вотъ что̀ значитъ нѣтъ денегъ!

С.-Петербургъ. 1838 года 31 октября.

О, какъ долго, какъ долго я не писалъ къ тебѣ, милый мой братъ... Скверный экзаменъ! Онъ задержалъ меня писать къ тебѣ, Папенькѣ и видѣться съ Иваномъ Николаев. и что̀ же вышло? Я не переведенъ! О, ужасъ! Еще годъ, цѣлый годъ лишній! Я бы не бѣсился такъ, ежели бы не зналъ что подлость, одна подлость низложила меня; я бы не жалѣлъ

ежели бы слезы бѣднаго отца не жгли души моей. До сихъ поръ я не зналъ что̀ значитъ оскорбленное самолюбіе. — Я бы краснѣлъ, ежели бы это чувство овладѣло мною... но знаешь? Хотѣлось бы раздавить весь міръ за одинъ разъ... Я потерялъ, убилъ столько дней до экзамена, заболѣлъ, похудѣлъ, выдержалъ экзаменъ отлично въ полной силѣ и объемѣ этого слова и остался... Такъ хотѣлъ одинъ преподающій (алгебры), которому я нагрубилъ въ продолженіи года и который нынче имѣлъ подлость напомнить мнѣ это, объясняя причину отчего остался я... При 10-и полныхъ я имѣлъ $9^1/_2$ среднихъ, и остался... Но къ чорту все это. — Терпѣть такъ терпѣть... Не буду тратить бумаги, я что-то рѣдко разговариваю съ тобой.

Другъ мой! Ты философствуешь какъ поэтъ. И какъ не ровно выдерживаетъ душа градусъ вдохновенья, такъ не ровна, не вѣрна и твоя философія. Чтобъ больше *знать*, надо меньше *чувствовать* и обратно, правило спрометчивое, бредъ сердца. — Что̀ ты хочешь сказать словомъ *знать?* Познать природу, душу, Бога, любовь... это познается сердцемъ, а не умомъ. Ежели бы мы были духи, мы бы жили, носились въ сферѣ той мысли, надъ которою носится душа наша, когда хочетъ разгадать ее. Мы же, прахъ, люди, должны разгадывать, но не можемъ обнять вдругъ мысли. Проводникъ мысли сквозь бренную оболочку въ составъ души есть *умъ*. Умъ способность матеріальная... душа же или духъ живетъ мыслію, которую нашептываетъ ей сердце... Мысль зарождается въ душѣ. Умъ — орудіе, машина, движимая огнемъ душевнымъ... При томъ (2-я статья) умъ человѣка, увлекшись въ область знаній, дѣйствуетъ независимо отъ *чувства*, слѣд. отъ *сердца*. Ежели же цѣль познанія будетъ любовь и природа, тутъ открывается чистое поле *сердцу*... Не стану съ тобою спорить, но скажу, что не согласенъ въ мнѣньи о поэзіи и философіи... Философію не надо полагать простой математической задачей, гдѣ неизвѣстное — природа!.. Замѣть, что поэтъ въ порывѣ вдохновенья разгадываетъ Бога, слѣд. исполняетъ назначенье философіи. Слѣд. поэтическій восторгъ есть восторгъ философіи... Слѣд. философія есть та-же поэзія, только высшій градусъ ея!.. Странно, что ты мыслишь въ духѣ нынѣшней философіи. Сколько безтолковыхъ системъ ея родилось въ умныхъ пламенныхъ головахъ; чтобы вывести вѣрный результатъ изъ этой разнообразной кучи надобно подвесть его подъ математическую формулу.—Вотъ правила нынѣшней философіи... Но я замечтался съ тобою... Не допуская твоей вялой философіи, я допускаю однакожъ существованіе вялаго выраженія ея, которымъ я не хочу утомлять тебя...

Братъ, грустно жить безъ надежды... Смотрю впередъ и будущее меня ужасаетъ... Я ношусь въ какой-то холодной, полярной атмосферѣ, куда не заползалъ лучъ солнечный... Я давно не испытывалъ взрывовъ вдохновенья... зато часто бываю и въ такомъ состояніи, какъ, помнишь, Шильонскій Узникъ послѣ смерти братьевъ въ темницѣ... Не залетитъ ко мнѣ райская птичка поэзіи, не согрѣетъ охладѣлой души... Ты говоришь, что я скрытенъ; но вотъ уже и прежнія мечты мои меня оставили и мои чудныя арабески, которыя создавалъ я нѣкогда, сбросили позолоту свою. Тѣ мысли, которыя лучами своими зажигали душу и сердце, нынче лишились пламени и теплоты, или сердце мое очерствѣло, или... Дальше ужасаюсь говорить... Мнѣ страшно сказать, ежели все прошлое было одинъ золотой сонъ, кудрявыя грезы...

Братъ, я прочелъ твое стихотвореніе... Оно выжало нѣсколько слезъ изъ души моей и убаюкало на время душу привѣтнымъ нашептомъ воспоминаній. Говоришь, что у тебя есть мысль для драмы... Радуюсь... Пиши ее... О, ежели бы ты лишенъ былъ и послѣднихъ крохъ съ райскаго пира, тогда что̀ тебѣ оставалось бы... Жаль, что я прошлую недѣлю не могъ увидѣться съ Иваномъ Николаев., боленъ былъ!—Послушай! Мнѣ кажется, что слава такъ же содѣйствуетъ вдохновенью поэта. Байронъ былъ эгоистъ; его мысль о славѣ была ничтожна, суетна... Но одно помышленье о томъ, что нѣкогда вслѣдъ за твоимъ былымъ восторгомъ вырвется изъ праха душа чистая, возвышенно-прекрасная, мысль, что вдохновенье, какъ таинство небесное, освятитъ страницы, надъ которыми плакалъ ты и будетъ плакать потомство, не думаю, чтобы эта мысль не закрадывалась въ душу поэта и въ самыя минуты творчества. — Пустой же крикъ толпы ничтоженъ. Ахъ! Я вспомнилъ 2 стиха Пушкина, когда онъ описываетъ толпу и поэта:

И плюетъ (толпа) на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ!..

Не правда-ли прелестно! Прощай. Твой другъ и братъ

Ѳ. Достоевскій.

Да! Напиши мнѣ главную мысль Шатобріанова сочиненья Genie du Christianisme.—Недавно въ „Сынѣ Отечества" я читалъ статью критика Низара о Victor Hugo.—О, какъ низко стоитъ онъ во мнѣньи французовъ.—Какъ ничтожно выставляетъ Низаръ его драмы и романы.—Они несправедливы къ нему и Низаръ (хотя умный человѣкъ) а вретъ. — Еще: напиши мнѣ главную мысль твоей драмы: увѣренъ, что она прекрасна; хотя для обдумыванія драмматическихъ характеровъ мало 10-и

лѣтъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, я думаю.—Ахъ, братъ, какъ жаль мнѣ, что ты бѣденъ деньгами! Слезы вырываются. Когда это было съ нами? Да кстати. Поздравляю тебя мой милый и съ днемъ ангела и съ прошедшимъ рожденьемъ.

Въ твоемъ стихотвореньи: „Видѣнье матери“, я не понимаю въ какой странный абрисъ облекъ ты душу покойницы. — Этотъ замогильный характеръ не выполненъ.—Но за то стихи хороши, хотя въ одномъ мѣстѣ есть промахъ. Не сердись за разборъ. — Пиши чаще и будь аккуратнѣе.

Ахъ скоро, скоро перечитаю я новыя стихотворенія Ивана Николаевича. Сколько поэзіи! Сколько геніальныхъ идей! Да еще позабылъ сказать: Ты, я думаю, знаешь, что Смирдинъ готовитъ Пантеонъ нашей словесности книгою: „Портреты 100 литтераторовъ съ приложеніемъ къ каждому портрету по образцовому сочиненію этого литтератора“. И вообрази Зотовъ (!?) и Орловъ (Александ. Анфимов.) въ томъ же числѣ. Умора! Послушай, пришли мнѣ еще одно стихотвореніе. То прелестно. Меркуровы скоро уѣдутъ въ Пензу, или, кажется, уже совсѣмъ уѣхали.

Мнѣ жаль бѣднаго отца! Странный характеръ! Ахъ сколько несчастій перенесъ онъ! Горько до слезъ что нечѣмъ его утѣшить.—А знаешь ли? Папенька совершенно не знаетъ свѣта. Прожилъ въ немъ 50 лѣтъ и остался при своемъ мнѣніи о людяхъ, какое онъ имѣлъ тридцать лѣтъ назадъ. Счастливое невѣдѣнье. Но онъ очень разочарованъ въ немъ, это, кажется, общій удѣлъ нашъ. — Прощай еще разъ.

С.-Петербургъ. 1840 года Генваря 1-го дня.

Благодарю тебя отъ души, добрый братъ мой, за твое милое письмо. Нѣтъ, я не таковъ какъ ты; ты не повѣришь какъ сладостный трепетъ сердца ощущаю я, когда приносятъ мнѣ письмо отъ тебя; и я изобрѣлъ для себя новаго рода наслажденье—престранное—томить себя. Возьму твое письмо, перевертываю нѣсколько минутъ въ рукахъ, щупаю его, полновѣсно-ли оно, и насмотрѣвшись, налюбовавшись на запечатанный конвертъ, кладу его въ карманъ... Ты не повѣришь, что за сладострастное состояніе души, чувствъ и сердца! И такимъ образомъ жду иногда съ четверть часа; наконецъ съ жадностію нападаю на пакетъ, рву печать и пожираю твои строки, твои милыя строки. О, чего не перечувствуетъ сердце, читая ихъ! Сколько ощущеній толпятся въ душѣ, и милыхъ и непріятныхъ, и сладкихъ и горькихъ; да, братъ милый, и непріятныхъ и горькихъ; ты не повѣришь какъ горько, когда не разберутъ, не

поймутъ тебя, поставятъ все совершенно въ другомъ видѣ, совершенно не такъ, какъ хотѣлъ сказать, но въ другомъ безобразномъ видѣ. Прочитавъ твое послѣднее письмо, я былъ *un engagé*, потому что не былъ съ тобою вмѣстѣ: лучшія изъ мечтаній сердца, священнѣйшія изъ правилъ, данныхъ мнѣ опытомъ, тяжкимъ, многотруднымъ опытомъ, исковерканы, изуродованы, выставлены въ прежалкомъ видѣ. Самъ ты пишешь ко мнѣ: „пиши, возражай, спорь со мною“ и находишь въ этомъ какую-то пользу! Никакой, милый братъ мой, рѣшительно никакой; только то, что твой эгоизмъ (который есть у всѣхъ насъ грѣшныхъ) выведетъ *превыгодное* заключеніе о другомъ, о его мнѣніяхъ, правилахъ, характерѣ и скудоуміи... Вѣдь это преобидно, братъ! Нѣтъ! Полемика въ дружескихъ письмахъ — подслащенный ядъ. Что-то будетъ, когда мы увидимся съ тобою? Это будетъ, кажется, всегдашнимъ предлогомъ раздора между нами... Но оставляю это! Объ этомъ еще можно поговорить на послѣднихъ страницахъ.

Военная академія — c'est du sublime! Знаешь ли, что это преблистательный проектъ (?!) Я много думаю о судьбѣ твоей, чтобы согласить ее съ нашими обстоятельствами, и самъ остановился на Военной академіи; но ты предупредилъ меня; слѣдовательно и тебѣ это нравится... Но вотъ что: вѣдь надо прослужить по крайней мѣрѣ годъ, предъ вступленіемъ въ Военную академію; останься при чертежной на этотъ годъ.

Ну что ты бредишь *тетрадками*, когда я не знаю твоей программы; что же я пришлю тебѣ? Артиллерію, впрочемъ, курсъ кондукторскихъ классовъ (что именно, кажется, вамъ и надобно) пришлю непремѣнно, записки генералъ-маіора Дядина, который самъ, собственною особою, будетъ экзаменовать тебя. Но не иначе посылаю тебѣ эти тетрадки, какъ на мѣсяцъ. Онѣ чужія. Я на силу досталъ ихъ. Ни дня больше одного мѣсяца. Спиши ихъ, или отдай списать (Дядинъ человѣкъ съ причудами, ему надо вызубрить или говорить своими словами, какъ по книгѣ). Полевая фортификація такая глупость, которую можно вызубрить въ 3 дня. Впрочемъ, въ маѣ пришлю и ее тебѣ. Другое дѣло долговременная; постараюсь объ ней. Есть у насъ и изъ аналитики литографированныя тетрадки; но это взято слово въ слово изъ Брашмана и, разумѣется, сокращено. Итакъ, у насъ проходятъ Брашмана, и ты его зубри. Купи себѣ.

Знаешь ли геодезію? У насъ курсъ Болотова. Физика (курсъ Оземова). О литографированныхъ дифференціалахъ постараюсь. Исторіи у насъ курсъ преполнѣйшій и преогромнѣйшій (литографированный)—достать не могу. Словесность и литтература русская—Плаксина, который самъ учитъ у насъ. Скажу тебѣ, что вашъ экзаменъ въ полевые инженеры прелегкій.

Глядятъ сквозь пальцы и у всѣхъ та логика, чтобы не притѣснять своего брата инженера. Этому вижу я пречастые примѣры.

Къ Куманинымъ я отправилъ преблагопристойное письмо. Не безпокойся. Я жду хорошихъ послѣдствій. Къ опекуну еще не писалъ: ей-Богу нѣтъ времени!

Поздравляю тебя съ новымъ годомъ, милый, что-то принесетъ онъ намъ? Что хочешь, а послѣднія 5 лѣтъ для нашего семейства были ужасны. Я читалъ твое прошлогоднее посланье къ новому году. Мысль хорошая; духъ и выраженье стиховъ подъ сильнымъ вліяніемъ Barbier; между прочимъ, у тебя были въ свѣжей памяти его слова о Наполеонѣ.

Теперь о твоихъ стихахъ: послушай, милый братъ! Я вѣрю: въ жизни человѣка много, много печалей, горя и — радостей. Въ жизни поэта это и тернъ, и розы. Лирика — всегдашній спутникъ поэта, потому что онъ существо словесное. Твои лирическія стихотворенья были прелестны; „Прогулка“, „Утро“, „Видѣнье матери“, „Роза“ (кажется такъ), „Ѳебовы кони“, и много другихъ прелестны. Какая живая повѣсть о тебѣ, милый! И какъ близко она сказалась мнѣ. Я могъ тебя понимать тогда, потому что тѣ мѣсяцы были такъ памятны для меня, такъ памятны. О сколько случилось тогда и страннаго и чудеснаго въ моей жизни. Это предолгая повѣсть, и я ее никому не разскажу. Шидловскій показалъ мнѣ тогда твои стихотворенья... О! какъ ты несправедливъ къ Шидловскому. Не хочу защищать того, что развѣ не увидитъ тотъ, кто не знаетъ его, и кто не очень перемѣнчивъ въ мнѣньяхъ — знаній и правилъ его. Но ежели бы ты видѣлъ его прошлый годъ. Онъ жилъ цѣлый годъ въ Петербургѣ безъ дѣла и безъ службы! Богъ знаетъ для чего онъ жилъ здѣсь; онъ совсѣмъ не былъ такъ богатъ, чтобы жить въ Петербургѣ для удовольствій. Но это видно, что именно для того онъ и пріѣзжалъ въ Петербургъ, чтобы убѣжать куда нибудь. Взглянуть на него: это мученикъ! Онъ изсохъ; щеки впали; влажные глаза его сухи и пламенны. Духовная красота его лица возвысилась съ упадкомъ физической. Онъ страдалъ! Тяжко страдалъ! Боже мой, какъ любитъ онъ какую-то дѣвушку (Marie, кажется). Она же вышла за кого-то замужъ. Безъ этой любви онъ не былъ бы чистымъ, возвышеннымъ, безкорыстнымъ жрецомъ поэзіи... Пробираясь къ нему на его бѣдную квартиру, иногда въ зимній вечеръ (н. п. ровно годъ назадъ), я невольно вспоминалъ о грустной зимѣ Онѣгина въ Петербургѣ (8-я глава). Только предо мной не было холоднаго созданья, пламеннаго мечтателя поневолѣ, но прекрасное, возвышенное созданье, правильный очеркъ человѣка, который представили намъ

и Шекспиръ и Шиллеръ; но онъ уже готовъ былъ тогда пасть въ мрачную манію характеровъ Байроновскихъ. Часто мы съ нимъ просиживали цѣлые вечера, толкуя Богъ знаетъ о чемъ! О, какая откровенная чистая душа! У меня льются теперь слезы, какъ вспомню прошедшее! Онъ не скрывалъ отъ меня ничего, а что я былъ ему? Ему надо было сказаться кому нибудь; ахъ! для чего тебя не было при насъ! Какъ онъ желалъ тебя видѣть! Назвать тебя лично другомъ — названье, которымъ гордился онъ. Я помню, когда слезы лились у него при чтеньи стиховъ твоихъ; онъ зналъ ихъ наизусть. И про него ты могъ сказать, что онъ смѣялся надъ тобою! О, какое бѣдное, жалкое созданье былъ онъ! Чистая ангельская душа! И въ эту тяжкую зиму онъ не забылъ любви своей. Она разгоралась все сильнѣе и сильнѣе. Наступила весна; она оживила его. Воображенье его начало создавать драмы, и какія драмы, братъ мой. Ты бы перемѣнилъ мнѣніе о нихъ, ежели бы прочелъ передѣланную „Марію Симонову". Онъ передѣлывалъ ее всю зиму, старую же форму ея самъ назвалъ уродливою. А лирическія стихотворенья его! О, ежели бы ты зналъ тѣ стихотворенья, которыя написалъ онъ прошлою весною. Напримѣръ, стихотворенье, гдѣ онъ говоритъ о славѣ. Ежели бы ты прочелъ его, братъ! Пришедъ изъ лагеря, мы мало пробыли вмѣстѣ. Въ послѣднее свиданье мы гуляли въ Екатерингофѣ. О, какъ провели мы этотъ вечеръ! Вспоминали нашу зимнюю жизнь, когда мы разговаривали о Гомерѣ, Шекспирѣ, Шиллерѣ, Гофманѣ, о которомъ столько мы говорили, столько читали. Мы говорили съ нимъ о насъ самихъ, о будущемъ, о тебѣ, мой милый. Теперь онъ уже давно уѣхалъ и вотъ ни слуху, ни духу о немъ! Живъ-ли онъ? Здоровье его тяжко страдало; о, пиши къ нему!

Прошлую зиму я былъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи. Знакомство съ Шидловскимъ подарило меня столькими часами лучшей жизни; но не то было тогда причиною этого. Ты можетъ быть упрекалъ и упрекнешь меня, почему я не писалъ къ тебѣ. Глупыя ротныя обстоятельства тому причиною. Но сказать-ли тебѣ, милый; я никогда не былъ равнодушенъ къ тебѣ; я любилъ тебя за стихотворенья твои, за поэзію твоей жизни, за твои несчастья — и не болѣе; братской любви, дружеской любви не было... Я имѣлъ у себя товарища, одно созданье, которое такъ любилъ я! Ты писалъ ко мнѣ, братъ, что я не читалъ Шиллера. Ошибаешься, братъ! Я вызубрилъ Шиллера, говорилъ имъ, бредилъ имъ; и я думаю, что ничего болѣе кстати не сдѣлала судьба въ моей жизни, какъ дала мнѣ узнать великаго поэта въ такую эпоху моей жизни; никогда бы я не могъ узнать его такъ, какъ тогда. Читая съ *нимъ* Шиллера,

я повѣрялъ *надъ нимъ* и благороднаго, пламеннаго донъ-Карлоса, и маркиза Позу и Мортимера. Эта дружба такъ много принесла мнѣ и горя и наслажденья! Теперь я вѣчно буду молчать объ этомъ; имя же Шиллера стало мнѣ роднымъ, какимъ-то волшебнымъ звукомъ, вызывающимъ столько мечтаній; они горьки, братъ; вотъ почему я ничего не говорилъ съ тобою о Шиллерѣ, о впечатлѣньяхъ имъ произведенныхъ: мнѣ больно, когда я услышу хоть имя Шиллера.

Хотѣлъ было много написать тебѣ въ отвѣтъ на твои нападки на меня, на то, что ты не понялъ словъ моихъ. Также и потолковать кой о чемъ; но нынѣшнее письмо къ тебѣ доставило мнѣ столько сладкихъ минутъ, мечтаній, воспоминаній, что я рѣшительно не способенъ говорить о другомъ. Оправдаюсь только въ одномъ: я не сортировалъ великихъ поэтовъ, и тѣмъ болѣе не зная ихъ. Я никогда не дѣлалъ подобныхъ параллелей, какъ напр. Пушкинъ и Шиллеръ. Не знаю съ чего ты взялъ это; выпиши мнѣ, пожалуйста, слова мои; а я отрекаюсь отъ подобной сортировки; можетъ быть говоря о чемъ нибудь, я поставилъ рядомъ Пушкина и Шиллера, но я думаю, что̀ между этими словами есть запятая. Они ни мало не похожи другъ на друга. Пушкинъ и Байронъ такъ. Что же касается до Гомера и Victor'а Hugo, то ты, кажется, нарочно не хотѣлъ понять меня. Вотъ какъ я говорю: Гомеръ (баснословный человѣкъ можетъ быть какъ Христосъ, воплощенный Богомъ и къ намъ посланный) можетъ быть параллелью только Христу, а не Гёте. Вникни въ него, братъ, пойми Иліаду, прочти ее хорошенько (ты вѣдь не читалъ ее, признайся). Вѣдь въ Иліадѣ Гомеръ далъ всему древнему міру организацію и духовной и земной жизни, совершенно въ такой же силѣ, какъ Христосъ новому. Теперь поймешь-ли меня? Victor Hugo, какъ лирикъ, чисто съ ангельскимъ характеромъ, съ христіанскимъ младенческимъ направленіемъ поэзіи, и никто не сравнится съ нимъ въ этомъ, ни Шиллеръ (сколько не христіанскій поэтъ Шиллеръ), ни лирикъ Шекспиръ, ни Байронъ, ни Пушкинъ. Я читалъ его сонеты на французскомъ. Только Гомеръ съ такою же неколебимою увѣренностью въ призваніи, съ младенческимъ вѣрованіемъ въ Бога поэзіи, которому служитъ онъ, похожъ въ направленьи источника поэзіи на Victor'а Hugo, но только въ направленьи, а не въ мысли, которая дана ему природою и которую онъ выражалъ, я и не говорю про это. Державинъ, кажется, можетъ стоять выше ихъ обоихъ въ лирикѣ. Прощай, милый.

Твой другъ и братъ

Ѳ. Достоевскій.

Нынѣшнее письмо заставило меня пролить нѣсколько слезъ отъ воспоминаній о прошломъ.

Сюжетъ твоей драммы прелестенъ, видна вѣрная мысль, и особенно то нравится мнѣ, что твой герой, какъ Фаустъ, ища безпредѣльнаго, необъятнаго, дѣлается сумасшедшимъ именно тогда, когда онъ нашелъ это безпредѣльное и необъятное—когда онъ любимъ.—Это прекрасно! Я радъ, что тебя чему нибудь научилъ Шекспиръ.

Сердишься, зачѣмъ не отвѣчаю на всѣ вопросы. Радъ бы да нельзя! Ни бумаги, ни времени нѣтъ. Впрочемъ ежели на все отвѣчать, наприм. и на такіе вопросы: „Есть-ли у тебя усы?" то вѣдь никогда не найдешь мѣста написать что нибудь лучшаго. Прощай, мой милый, добрый братъ. Прощай еще. Пиши.

Вотъ тебѣ распеканціи: говоря о формѣ, ты почти съ ума сошелъ; я давно уже подозрѣваю это маленькое безпокойство ума твоего, и не шутя! Недавно ты что-то такое говорилъ о Пушкинѣ! Я пропустилъ это и не безъ причины. О формѣ твоей потолкую въ слѣдующ. письмѣ, теперь нѣтъ ни мѣста, ни времени. Но скажи, пожалуйста: говоря о формѣ, съ чего ты взялъ сказать: намъ не могутъ нравиться ни Расинъ, ни Корнель (?!?!) оттого, что у нихъ форма дурна. Жалкій ты человѣкъ! Да еще такъ умно говоритъ мнѣ: *Неужели ты думаешь, что у нихъ нѣтъ поэзіи?* У Расина нѣтъ поэзіи? У Расина, пламеннаго, страстнаго, влюбленнаго въ свои идеалы Расина, у него нѣтъ поэзіи? И это можно спрашивать. Да читалъ-ли ты Andromaque? А? Братъ! Читалъ-ли ты Iphigenie; неужели ты скажешь, что это не прелестно. Развѣ Ахиллъ Расина не Гомеровскій? Расинъ и обокралъ Гомера, но какъ обокралъ! Каковы у него женщины! Пойми его. Расинъ не былъ геній; могъ ли (?) онъ создать драмму? Онъ только долженъ былъ подражать Корнелю. *А Phèdre?* Братъ! Ты Богъ знаетъ что̀ будешь, ежели не скажешь, что это не высшая, чистая природа и поэзія. Вѣдь это Шекспировскій очеркъ, хотя статуя изъ гипса, а не изъ мрамора.

Теперь о Корнелѣ? Послушай братъ. Я не знаю какъ говорить съ тобою; кажется à la Иванъ Никифорычъ: *„гороху наѣвшись"*. Нѣтъ, не повѣрю, братъ! Ты не читалъ его и оттого такъ промахнулся. Да знаешь ли, что онъ по гигантскимъ характерамъ, духу романтизма,—почти Шекспиръ. Бѣдный! У тебя на все одинъ отпоръ: „классическая форма". Бѣднякъ! Да знаешь-ли, что Корнель появился только 50 лѣтъ послѣ жалкаго, безталаннаго горемыки Jodel'я, съ его пасквильною Клеопатрою, послѣ Тредьяковскаго Ronsard'а и послѣ холоднаго Рифмача Malherb'а почти его современника. Гдѣ же ему было выдумать форму плана! Хорошо,

что онъ ее взялъ хоть у Сенеки. Да читалъ-ли ты его „Cinna“. Предъ этимъ божественнымъ очеркомъ Октавія, предъ которыми Карлъ Моръ, Фіеско, Тель, Донъ Карлосъ. Шекспиру честь принесло бы это. Бѣднякъ! Ежели ты не читалъ этого, то прочти, особенно разговоръ Августа съ Cinna, гдѣ онъ прощаетъ ему измѣну (но какъ прощаетъ (?)), Увидишь, что такъ только говорятъ оскорбленные ангелы. Особенно тамъ гдѣ Августъ говоритъ: „Soyons amis Cinna“. Да читалъ-ли ты „Horace“. Развѣ у Гомера найдешь такіе характеры. Старый Horace — это Діомедъ. Молодой Horace — Аяксъ Теламонидъ, но съ духомъ Ахилла, а Куріасъ — это Патроклъ, это Ахиллъ, это все, что̀ только можетъ выразить грусть любви и долга. Какъ это велико все. Читалъ-ли ты: „Le Cid“. — Прочти, жалкій человѣкъ, прочти и пади въ прахъ предъ Корнелемъ. Ты оскорбилъ его! Прочти, прочти его. Чего же требуетъ романтизмъ, ежели высшія идеи его неразвиты въ Cid'ѣ. — Каковъ характеръ Don Rodrigue' а, молодаго сына его, и его любовницы! А каковъ конецъ!

Впрочемъ не сердись, милый, за обидныя выраженія, не будь Иваномъ Ивановичемъ Перерепенко.

Петергофъ. 19 іюля 1840 г.

Снова беру письмо, милый, хотя и неумолимый братъ мой, и снова долженъ начинать письмо просьбою о незлопамятности, просьбою тѣмъ сильнѣйшею, чѣмъ ты будешь болѣе упорствовать и сердиться. Нѣтъ, мой милый, добрый братъ! Я отъ тебя не отстану, пока ты не протянешь по прежнему ко мнѣ руки своей. — И не знаю, милый мой! Ты всегда былъ справедливъ ко мнѣ (бывали хотя и исключенья), всегда извинялъ меня въ случаѣ долгаго молчанья, а теперь, когда я представляю причину, причину неопровержимую, самъ знаешь, ты какъ будто глухъ къ словамъ моимъ; извини эти упреки, добрый другъ мой; я не скрою отъ тебя, что они вышли прямо изъ сердца; я люблю тебя, мой милый, и мнѣ больно видѣть твое равнодушіе. — На твоемъ мѣстѣ я бы давно забылъ все, чтобы только скорѣе извинить друга своего, чѣмъ заставить его еще долѣе выпрашивать извиненье! — По крайней мѣрѣ я съ моей стороны, видя себя теперь въ порядочныхъ обстоятельствахъ, т. е. при деньгахъ (опекунъ уже прислалъ мнѣ), хотя не при большихъ, непремѣнно обѣщаюсь писать рѣшительно каждую недѣлю. Теперь же пишу наскоро, потому что

не смѣю распространиться большимъ письмомъ; поминутно ожидаемъ тревоги и маневровъ, которые будутъ продолжаться дня 3.

Ахъ, милый братъ! пиши мнѣ ради Бога хоть что нибудь. Ежели бы ты только зналъ какъ я безпокоюсь о твоей участи, о твоихъ рѣшеньяхъ, намѣреньяхъ, о твоемъ экзаменѣ, милый мой; потому что вотъ уже и онъ и на дворѣ. Богъ знаетъ, застанетъ-ли это письмо тебя еще въ Ревелѣ; дай-то Богъ тебѣ, милый другъ; ахъ, ежели мы еще далѣе будемъ продолжать эти несогласія, это разстройство въ нашей *неразрывной* дружбѣ, то я не знаю что̀ за мученье испытаю я черезъ твое молчаніе. — Вѣдь вотъ уже наступаетъ эта глупая и между тѣмъ эта рѣшительная развязка въ судьбѣ твоей, развязка, которой я ожидалъ всегда съ какимъ-то трепетомъ. Въ самомъ дѣлѣ: что̀ отъ этого зависитъ? Вспомни-ка. Твоя жизнь, твой досугъ, твое счастье, милый мой, да, твое счастье; потому, что ежели ты не перемѣнился самъ, или не перемѣнилась судьба твоя съ тѣхъ поръ, когда ты съ такимъ восторгомъ писалъ мнѣ о своихъ надеждахъ, о своей Эмиліи, то разумѣется можешь самъ разсудить, какую перемѣну можетъ произвести твой удачный экзаменъ въ судьбѣ твоей. Ну вотъ хоть и это обстоятельство въ судьбѣ твоей, добрый братъ мой! Неужели ты думаешь, что это было бы не слишкомъ ужь жестоко лишать довѣренности брата своего, когда, можетъ быть, я бы могъ своею дружбою раздѣлить съ тобой или счастье или... горе, милый другъ; ахъ! добрый мой! Богъ тебѣ судья за то, что ты оставляешь меня въ такой неизвѣстности, въ такой тяжкой неизвѣстности.

Да, что̀-то сталось съ тобою, братъ мой! Сбылись-ли, я не говорю, мечты твои, но сбылось-ли то, чѣмъ блеснула тебѣ въ глаза судьба, показавъ въ темной перспективѣ жизни твоей свѣтлый уголокъ, гдѣ сердце сулило себѣ столько надеждъ и счастья; время, время много показываетъ; только одно время можетъ оцѣнить, ясно опредѣлить все значенье этихъ эпохъ жизни нашей.—Оно можетъ опредѣлить, прости мнѣ за слова мои, братъ мой, можетъ опредѣлить, была-ли эта дѣятельность душевная и сердечная чиста и правильна, ясна и свѣтла какъ наше естественное стремленье къ полной жизни человѣка, или неправильная, безцѣльная, тщетная дѣятельность, заблужденье, вынужденное у сердца одинокаго, часто не понимающаго себя, часто еще безсмысленнаго какъ младенецъ, но также чистаго и пламеннаго, невольно ищущаго для себя пищи вокругъ себя и истомляющаго себя въ неестественномъ стремленьи „неблагороднаго мечтанья“. — Въ самомъ дѣлѣ, какъ грустна бываетъ жизнь твоя, и какъ тягостны остальныя ея мгновенья, когда человѣкъ, чувствуя свои заблужденья, сознавая въ себѣ силы необъятныя, видитъ, что они

истрачены въ дѣятельности ложной, въ неестественности, въ дѣятельности недостойной для природы твоей; когда чувствуешь, что пламень душевный задавленъ, потушенъ Богъ знаетъ чѣмъ; когда сердце разорвано по клочкамъ, и отчего? Отъ жизни, достойной пигмея, а не великана; ребенка, а не человѣка.

И здѣсь опять необходима дружба; потому что сердце само осѣтитъ себя тогда неразрывными путами и человѣкъ падетъ духомъ, поникнетъ передъ случаемъ, передъ причудами сердца своего, какъ передъ велѣньями судьбы, и сочтетъ ничтожную паутину за эти ужасныя сѣти, изъ нитей которыхъ не выбивается никто, передъ которыми все никнетъ:—это тогда, когда судьба бываетъ истинно велѣньемъ Провидѣнья, т. е. дѣйствуетъ на насъ неотразимою силою цѣлой природы нашей.

—

Я на время прервалъ письмо мое; былъ развлеченъ службою; ахъ, братъ, ежели бы ты только имѣлъ понятіе о томъ, какъ мы живемъ! Но пріѣзжай скорѣе, милый другъ мой; ради Бога пріѣзжай. — Ежели бы зналъ ты какъ необходимо для насъ быть вмѣстѣ, милый другъ! Цѣлые годы протекли со времени нашей разлуки. Клочекъ бумаги, пересылаемый мною изъ мѣсяца въ мѣсяцъ — вотъ была вся связь наша; между тѣмъ, время текло, время наводило и тучи и вёдро на насъ и все это протекло для насъ въ тяжкомъ, грустномъ одиночествѣ; ахъ! ежели бы ты зналъ, какъ я одичалъ здѣсь, милый, добрый другъ мой; любить тебя—это для меня вполнѣ потребность. Я совершенно свободенъ, не завишу ни отъ кого; но наша связь такъ крѣпка, мой милый, что я кажется сросся съ кѣмъ-то жизнію.

Сколько перемѣнъ въ нашемъ возрастѣ, мечтахъ, надеждахъ, думахъ ускользнуло другъ отъ друга межъ нами незамѣченными, и которыя мы сохранили у себя на сердцѣ. О! когда я увижу тебя, чувствую, что мое существованье обновится; — я чувствую себя какъ-то неспокойнымъ теперь; теченье моего времени такъ неправильно... Я самъ не знаю что̀ со мною. Пріѣзжай, ради Бога пріѣзжай, другъ мой, милый братъ мой.

Не знаю, опасаться-ли мнѣ на счетъ твоего экзамена. Какъ-то ты приготовленъ? Что̀ касается до вашихъ экзаменаторовъ, то я увѣренъ въ нихъ. Васъ экзаменуютъ у насъ всегда такъ легко и просто, что ежели ты чѣмъ нибудь да занимался, то выдержишь; и не такіе выдерживали. Примѣровъ я видалъ кучу. — Я думаю, ты не сердишься на меня за тетрадки; опять повторяю: онѣ не нужны для тебя по ихъ ничтожности, это все прежалкія сокращенья, стыдно сказать; да ихъ и нѣтъ ни у кого. . . .

Сестры не было въ Петербургѣ. Мы скоро выйдемъ изъ Петергофа. Адресъ въ Петербургъ. Прощай, добрый, милый другъ мой. Вотъ тебѣ нѣсколько строкъ, писалъ такими урывками. Ежели бы ты зналъ какъ намъ теперь несносно жить.

Прощай же, мой милый, мой добрый другъ, братъ. Пиши скорѣе непремѣнно.

Ѳ. Достоевскій.

С.-Петербургъ, 27-го февраля (1841 г.?).

Вотъ и опять письма, милый другъ мой! Давно ли думали мы почти на вѣкъ не разлучаться и кое-какъ, весело, безпечно проводили время, и вдругъ въ одинъ мигъ ты отнятъ отъ меня на долго, на долго. Мнѣ очень стало грустно одному, милый мой. Не съ кѣмъ слова молвить, да и некогда. Такое зубренье, что и Боже упаси, никогда такого не было. Изъ насъ жилы тянутъ, милый мой. Сижу и по праздникамъ, а вотъ ужь наступаетъ мартъ мѣсяцъ — весна, таетъ, солнце теплѣе, свѣтлѣе, вѣетъ югомъ — наслажденье да и только! Что дѣлать! Но зубрить осталось не много.

Вѣроятно ты догадаешься отчего это письмо на 1/4 листа. Пишу его ночью, урвавъ время.

Ну, милый мой, радъ, очень радъ хоть однимъ тебя порадовать — ежели ты доселѣ еще не обрадованъ и если письмо мое еще застанетъ тебя въ Нарвѣ. Въ понедѣльникъ (въ день твоего отъѣзда) пріѣзжаетъ ко мнѣ Кривопишинъ; мы обѣдали тогда и я не видалъ его. Оставилъ записку, приглашенье къ нимъ. Въ воскресенье я былъ у него вечеромъ и онъ мнѣ показываетъ донесенье Пол.т.к.в.скаго о сдѣланномъ распоряженьи на счетъ твоей командировки въ Ревель. Вѣроятно (да и безъ сомнѣнія) ты уже въ Ревелѣ, цалуешь свою Эмилію (не забудь и отъ меня); иначе ничѣмъ не объяснится медленность командировки. Только на счетъ денегъ вѣроятно у тебя сильная чахотка. Писалъ я къ опекуну и въ понедѣльникъ отослалъ письмо (въ день отъѣзда твоего). Но письмо его, ежели и будетъ отъ него что нибудь, придетъ въ Нарву, слѣдовательно всетаки не скоро получишь, а между тѣмъ задолжаешь. Изъ кассы остается получить немного. Вообще обстоятельства не благопріятны. Нѣтъ надежды ни на настоящее, ни на будущее. Правда ошибаюсь! Есть одна на 1.000,000, который я выиграю — надежда довольно вѣроятная! 1 противъ 1.000,000!

Не умри, голубчикъ мой, съ тоски въ Нарвѣ прежде полученья дальнѣйшей командировки.

Благодари Кривопишина. Вотъ безцѣннѣйшій человѣкъ! Поискать! Принятъ я у нихъ Богъ знаетъ какъ. Меня одного принимаютъ, когда всѣмъ отказываютъ, какъ въ послѣдній разъ. Твое дѣло рѣшилось въ минуту, а безъ того

„не жить тебѣ съ людьми!"

Благодари его. Они стоютъ того. Чѣмъ заслужили мы ихъ вниманіе? Не понимаю! Ни у кого еще не былъ у кое-кого изъ знакомцевъ Петербурга. Ни у... ни у Григоров., ни у Ризенкампфа, ни въ крѣпости. Жду погоды.

Голова болитъ смертельно. Передо мной системы Марино и Жилломе и приглашаютъ мое вниманье. Мочи нѣтъ, мой милый.

Ожидай большей связи въ слѣдующемъ письмѣ моемъ, а теперь ей Богу не могу. Хочется застать тебя въ Нарвѣ оттого и пишу теперь.

О, братъ! Милый братъ! Скорѣе къ пристани, скорѣе на свободу! Свобода и призванье — дѣло великое. Мнѣ снится и грезится оно опять, какъ не помню когда-то. Какъ-то расширяется душа, чтобы понять великость жизни. Въ слѣдующемъ письмѣ болѣе объ этомъ!

Ты же, милый — дай Богъ тебѣ счастья въ мирномъ, прелестномъ кругу семейственномъ, въ любви, въ наслажденьи — и свободѣ. О, ты будешь свободнѣе меня — ежели устроится внѣшность!

Прощай, другъ мой.

Твой Ѳ. Достоевскій.

22-го декабря (1841 г.?).

Ты пишешь мнѣ, безцѣнный другъ мой, о горести защемившей сердце твое, о твоемъ бѣдствіи, пишешь, что ты въ отчаяніи, мой любезный, милый братъ! Но посуди же самъ о тоскѣ моей, объ *моей* горести, когда я узналъ все это. Мнѣ стало грустно, очень грустно: это было невыносимо. Ты приближаешься къ той минутѣ жизни, когда расцвѣтаютъ всѣ надежды и желанія наши; когда счастіе прививается къ сердцу, и сердце полно блаженствомъ; и что же? Минуты эти осквернены, потемнены горестію, трудомъ и заботами. Милый, милый мой! Еслибъ ты зналъ, какъ я счастливъ, что могу хоть чѣмъ нибудь помочь тебѣ. Съ какимъ наслажденіемъ посылаю я эту бездѣлку, которая хоть сколько нибудь мо-

жетъ возстановить покой твой; этого мало — я знаю это. Но что же дѣлать, если болѣе, братъ—клянусь, не могу! Самъ посуди. Если бы я былъ одинъ, то я бы для тебя, дорогой мой, остался бы безъ необходимаго; но у меня на рукахъ братъ; а писать скоро въ Москву — Богъ знаетъ, что они подумаютъ. Итакъ, посылаю эту бездѣлицу. Но Боже мой — какъ же несправедливъ ты, мой милый, безцѣнный другъ, когда пишешь подобныя слова — *взаймы* — *заплачу*. Не совѣстно-ли, не грѣшно-ли, и между братьями: Другъ мой, другъ мой, неужели ты не знаешь меня. Не этимъ могу я для тебя пожертвовать!! Нѣтъ! Ты былъ не въ духѣ и я это тебѣ прощаю.

Когда сватьба! Желаю тебѣ счастія и жду длинныхъ писемъ. Я же даже и теперь не въ состояніи написать тебѣ порядочнаго. Вѣришь-ли, я къ тебѣ пишу въ 3 часа утра, а прошлую ночь и совсѣмъ не ложился спать. Экзамены и занятія страшныя. Всѣ спрашиваютъ — и репутаціи потерять не хочется, — вотъ и зубришь, „*съ отвращеніемъ*“ — а зубришь.

Чрезвычайно много виноватъ передъ твоей дорогой невѣстой — моей сестрицею, милой, безцѣнной какъ и ты, но извини меня, добрый другъ мой — не понятнаго характеромъ. Неужели такъ мало ко мнѣ родственнаго довѣрія, или уже обо мнѣ составлено чудовищное понятіе — неучтивости, невѣжливости, непріязни, наконецъ всѣхъ пороковъ, чтобы быть такъ противъ меня предубѣжденной, не вѣрить моимъ увѣреніямъ въ совершенномъ отсутствіи времени, а сердиться за молчаніе; но я этого не заслужилъ — *по чести нѣтъ*. Извиняюсь передъ нею нижайше, прошу ея снисхожденія, и наконецъ совершеннаго прощенія и отпущенія во грѣхахъ мнѣ окаянному. Лестно было бы мнѣ называться братомъ, добрымъ, искренно любящимъ, но что же дѣлать? Но всегда льщу и буду льстить себя надеждою, что наконецъ достигну этого. Объ себѣ въ письмѣ этомъ не пишу ничего. Не могу; некогда — до другаго времени. Андрюша боленъ, я разстроенъ чрезвычайно.

Прощай, безцѣнный мой! Счастіе да будетъ съ тобой.

Твой Достоевскій.

Посылаю тебѣ 150 рублей. (Это для вѣрности).

31 декабря 1843 г.

Мы весьма давно не писали другъ другу, любезный братъ, и повѣрь мнѣ, что обоимъ намъ это не дѣлаетъ чести. Ты тяжелъ на подъемъ, лю-

безнѣйшій!.. Но такъ какъ дѣло сдѣлано, то ничего не остается, какъ схватить за хвостъ будущность, а тебѣ пожелать счастья на новый годъ, да еще малютку.—Ежели будетъ у тебя дочка, то назови Маріей.

Эмиліи Ѳедоровнѣ свидѣтельствую нижайшее почтеніе мое, желаю при семъ новаго года, съ которымъ тутъ же и поздравляю. Желаю ей наиболѣе здоровья, а Ѳедю цалую и желаю ему выучиться ходить.

Теперь, милѣйшій мой, поговоримъ о дѣлахъ. Хотя Карепинъ и прислалъ мнѣ 500, но, слѣдуя прежней системѣ, которой невозможно не слѣдовать, имѣя долги въ домѣ, я опять съ 200 руб. сер. долгу.—Изъ долговъ какъ нибудь нужно выбраться. Подъ сидячъ камень вода не потечетъ.—Судьба благословила меня идеею, предпріятіемъ, назови какъ хочешь.—Такъ какъ оно выгодно до нельзя, то спѣшу тебѣ сдѣлать предложеніе участвовать въ трудахъ, рискѣ и выгодахъ. Вотъ въ чемъ сила.

2 года тому назадъ на русскомъ языкѣ появился переводъ 1/2 первой книжки „Матильда“ (Eug. Sue), т. е. 1/16 доля романа. Съ тѣхъ поръ не являлось ничего. Между тѣмъ вниманіе публики было разожжено; изъ одной провинціи прислали 500 требованій и запросовъ о скоромъ продолженіи „Матильды“.

Но продолженія не было.—Серчевскій, переводчикъ ея, безтолковый спекулянтъ, не имѣлъ ни денегъ, ни перевода, ни времени. Такъ шли дѣла 1 1/2 года. Около Святой недѣли, нѣкто Черноглазовъ, купилъ за 2000 р. асс. у Серчевскаго право продолжать переводъ „Матильды“ и уже переведенную 1-ю часть. Купивши, онъ нанялъ переводчика, который перевелъ ему всю „Матильду“ за 1600 руб. Черноглазовъ получилъ переводъ, отложилъ его къ сторонкѣ, не имѣя ни гроша не только издать на свой счетъ, но даже заплатить за переводъ. „Матильда“ канула въ вѣчность. — Паттонъ, я и, ежели хочешь, ты соединяемъ трудъ, деньги и усилія для исполненія предпріятія и издаемъ переводъ къ Святой недѣлѣ. Предпріятіе держится нами въ тайнѣ, разсмотрѣно со всѣхъ сторонъ, и irrévocablement принято нами.

Вотъ какъ будетъ происходить дѣло.

Мы раздѣляемъ трудъ на 3 ровныя части, и усидчиво трудимся надъ нимъ. Разсчитано, что ежели каждый можетъ переводить по 20 страничекъ Bruxell'скаго маленькаго изданія „Матильды“, то къ 15 февраля кончитъ свой участокъ. Переводить нужно начисто прямо, т. е. разборчиво. У тебя хороша рука и ты можешь это сдѣлать. По мѣрѣ выхода перевода онъ будетъ цензурованъ. Паттонъ знакомъ съ Никитенко, главнымъ цензоромъ, и дѣло будетъ сдѣлано скорѣе обыкновеннаго.—Чтобы

напечатать на свой счетъ, нужно 4,500 руб. ассигн., цѣны бумаги, типографіи—нами узнаны.

За бумагу требуютъ 1/3 цѣны, а остальное даютъ въ долгъ. Долгъ обезпечивается экземплярами книги.

Знакомый типографщикъ, французъ, сказалъ мнѣ, что ежели я дамъ 1000 руб., то онъ мнѣ напечатаетъ всѣ экземпляры (въ числѣ 2,500), а остальное будетъ ждать до продажи книги.

Денегъ нужно самое малое 500 руб. сер. У Паттона готовы 700, мнѣ пришлютъ въ генварѣ руб. 500 (ежели же нѣтъ, то я возьму впередъ жалованіе). Съ своей стороны ты распорядись, чтобы имѣть къ февралю 500 руб. (къ 15 числу), хоть возьми жалованіе. Съ этими деньгами мы печатаемъ, объявляемъ и продаемъ экземпляры по 4 руб. сер. (Цѣна дешевая, французская).

Романъ раскупается. *Никитенко* предсказываетъ успѣхъ. Притомъ любопытство возбуждено. 300 экземпляровъ окупаютъ всѣ издержки печати. Пусти весь романъ въ 8 томахъ по цѣлковому — у насъ барыша 7 тысячъ. Книгопродавцы увѣряютъ, что книга раскупится *въ 6 мѣсяцевъ*. Барышъ на 3 части. Если мы пустимъ романъ весь по рублю ассигн., то твои 500 руб. возвратятся къ тебѣ и изданіе окупится.

Вотъ наше предпріятіе: хочешь вступить въ союзъ или нѣтъ. Выгоды очевидны. Если хочешь, то начни переводить съ „la cinquième partie". Переводи какъ можно болѣе, насчетъ границъ перевода твоего напишу.

Пиши не медля хочешь или нѣтъ?

Ѳ. Достоевскій.

Отвѣчай немедля. Прощай.

1844 г.

Любезный братъ!

Твой отвѣтъ имѣлъ я удовольствіе получить и спѣшу самъ написать тебѣ нѣсколько строкъ. Пишешь, что не зналъ моего адреса. Но, милый мой, вѣдь ты зналъ, что я служу въ Чертежной Инженернаго Департамента. Можно-ли ошибиться адресуя въ мѣсто службы. Твой адресъ совершенно вѣренъ. Но радуюсь твоей отговоркѣ, и принимаю ее. По крайней мѣрѣ ты не совсѣмъ забылъ меня, милый братъ. Весьма радъ вашему счастью, желаю дочку и хорошѣть Ѳедашкѣ. — Ужь если мнѣ суждено крестить у тебя, то да будетъ воля Господня. Только дай Богъ счастья

крестникамъ. Цалую ручки Эмиліи Θедоровнѣ и благодарю за память.—На счетъ Ревеля *мы подумаемъ*, nous verrons cela (выраженіе Papa Grandet.)

Теперь къ дѣлу; это письмо дѣловое. Наши обстоятельства идутъ хорошо, до nec plus ultra. Редакторство поручено мнѣ, и переводъ хорошъ будетъ. Паттонъ человѣкъ драгоцѣнный, когда дѣло дойдетъ до интереса. А вѣдь ты знаешь, что подобные товарищи въ аферахъ лучше самыхъ безкорыстныхъ друзей.—Ты непремѣнно намъ помоги и постарайся перевесть щегольски. Книгу я тебѣ хотѣлъ послать съ этой же почтой, но она у Паттона, а онъ куда-то пропалъ. Пришлю съ слѣдующею. Но ради Бога не выдай, милѣйшій! Переводи съ перепиской. Не худо, если бы крайнимъ срокомъ прислалъ ты намъ переводъ къ 1-му марта. Тутъ мы сами всѣ кончимъ свои участки и переводъ пойдетъ въ цензуру. Цензоръ Никитенко знакомъ Паттону, и обѣщалъ процензуровать въ 2 недѣли. 15 марта печатаемъ все разомъ и много что къ половинѣ апрѣля выдаемъ. Спросишь гдѣ достали деньги; я сколочусь и дамъ 500. Паттонъ 700; у него они есть; и маменька Паттона 2000. Она даетъ сыну деньги по 40 процентовъ. Этихъ денегъ вельми довольно для печатанія. Остальное въ долгъ.

Мы обѣгали всѣхъ книгопродавцевъ и издателей и вотъ что узнали.

Черноглазовъ, переводчикъ Матильды — un homme, qui ne pense à rien, не имѣетъ ни денегъ, ни смысла. Переводъ же у него есть. Мы объявимъ о переводѣ, когда половина будетъ напечатана и Черноглазовъ погибъ. Онъ виноватъ самъ; зачѣмъ между 1-ю и 2-ю частями протекло три года.—Всякій имѣетъ право выдавать по 2 по 3 перевода одного и того же сочиненія. Книгопродавцы ручаются за 1,000 экземпл. въ провинціи, причемъ деньги получаются тотчасъ; только берутъ они по 40 коп. съ руб. Книгопродавцы сказали намъ, что безразсудно пускать книгу менѣе 6-ти руб. сер. (цѣна француз. книги Брюссел. Изд.). Слѣдовательно мы разомъ въ маѣ получимъ 3,500 руб. сер. Теперь въ Петербургѣ, по увѣренію тѣхъ же самыхъ книгопрод. выйдетъ непремѣнно 350 экземп., 20 проц. въ пользу лавочниковъ; считая за 1500 экземпляровъ, нельзя получить менѣе 5000 руб. сер. На насъ будетъ 1000 руб. с. долгу, 4000 р. сер. барыша. Мы рѣшились дѣлить по братски, трое, и ты непремѣнно получишь 4000 асс. на свою долю. Переведи только теперь.

Въ перепискѣ оставляй собственныя имена въ карандашѣ или мы перепишемся насчетъ этого.

Миленькой побратимъ, есть до тебя субтильная просьбица. Я теперь безъ денегъ. Нужно тебѣ знать, что на праздникахъ я перевелъ Евгенію

Grandet Бальзака (чудо! чудо!). Переводъ безподобный. Самое крайнее мнѣ дадутъ за него 350 руб. асс. Я имѣю ревностное желаніе продать его, но у будущаго тысячника нѣтъ денегъ переписать; времени тоже. Ради ангеловъ небесныхъ пришли 35 руб. ассиг. (цѣна переписки). Клянусь Олимпомъ и моимъ жидомъ Янкелемъ (оконченной драмой) и чѣмъ еще? развѣ усами, кои надѣюсь когда нибудь выростутъ, что половина того, что возьму за Евгенію, будетъ твоя. — dixi. —

До свиданія.

Достоевскій.

Понимаешь, что съ первою почтою.

14 февраля 1844 г.

Любезный Братъ!

Ты мнѣ приказалъ увѣдомить себя на счетъ обстоятельствъ перевода. Къ крайнему прискорбію моему, безцѣнный другъ мой, скажу тебѣ, что дѣло кажется не пойдетъ на ладъ;—и потому прошу тебя повременить, и не переводить далѣе, доколѣ не получишь, милый мой, отъ меня болѣе вѣрнаго увѣдомленія. Видишь-ли: я по настоящему не имѣю никакого основанія подозрѣвать неудачу. Но осторожность не излишня ни въ какомъ случаѣ. Что до меня—я переводить продолжаю. Тебя же прошу остановиться до времени, чтобы во всякомъ случаѣ не утруждать себя по напрасну. Мнѣ и такъ очень прискорбно, милый мой, что можетъ быть ты и теперь уже потерялъ время. — Подозрѣваемая мною неудача находится не въ самомъ переводѣ и не въ литературномъ его успѣхѣ (предпріятіе было бы блистательно), но въ странныхъ обстоятельствахъ, возникшихъ между переводчиками. 3-й переводчикъ былъ Паттонъ, который за условленную цѣну отъ себя нанялъ капитана Гартонга поправить свой переводъ. Это тотъ самый Гартонгъ, который переводилъ „Пликъ и Плокъ", „Хромоногій бѣсъ" и написалъ въ „Библіотеку для Чтенія" повѣсть „*Панихида*". Дѣло шло очень хорошо. Деньги намъ давала въ займы мать Паттона, которая дала въ томъ честное слово. Но Паттонъ въ апрѣлѣ ѣдетъ на Кавказъ служить подъ командою отца вмѣстѣ съ своею матерью; онъ говоритъ, что непремѣнно окончитъ переводъ и мнѣ поручитъ печатаніе и продажу. Но мнѣ что-то не вѣрится, чтобы такіе люди какъ Паттоны захотѣли повѣрить до 3,000 руб. мнѣ на дѣло, какъ бы то ни было а рискованное; для нихъ двойной рискъ. Не смотря на то, Паттонъ переводитъ. Я это знаю и видѣлъ своими глазами.

Всѣ эти причины понудили меня просить тебя, другъ мой, оставить покамѣстъ переводъ. Весьма въ недолгомъ времени увѣдомлю тебя о послѣднемъ рѣшеніи; но вѣроятно не въ пользу перевода: — самъ суди. А какъ жалко, другъ мой, какъ мнѣ-то тебя жалко. Извини, голубчикъ, и меня бѣдняка; вѣдь я Мурадъ несчастный. — Желаю Эмиліи Ѳедоровнѣ прехорошенькую дочку и много, много здоровья. Цалую у ней и у Ѳеди ручки.

Твой всегда

Ѳ. Достоевскій.

Напиши, что у тебя было съ Егоромъ Ризенкампфомъ. Отецъ писалъ что-то своему сыну. А я тебѣ въ будущемъ письмѣ напишу про моего Ризенкампфа Алексѣя!

(Начало 1844 г.).

Любезный братъ!

Пишу къ тебѣ на скоро и нѣсколько строчекъ. Я полагаю, что ты, получа письмо мое, немедленно принялся за работу. Ради Бога займись переводомъ донъ-Карлоса. Славная будетъ вещь! Займись и поскорѣе. На дняхъ въ головѣ моей блеснула идея. Это: напечатать Донъ-Карлоса немедленно по полученіи на свой счетъ. Деньги я достану, именно возьму впередъ жалованье (что я уже не разъ дѣлывалъ). Вотъ счетъ, что будетъ стоить печать, что я накинулъ примѣрно: Бумаги лучшей веленевой на 1,000 экземпляровъ, листовъ 5,000, 500 листовъ лучшей бумаги стоятъ 10 руб., итого 100 руб.

Печатать мелкимъ разбористымъ шрифтомъ (немного крупнѣе бельгійскаго) за листъ 30 руб. асс., всѣхъ листовъ будетъ 5 (наиб.)

слѣд. всего 150
да 100 за бумагу.
250

Красивая лососиновая или свѣтло-зеленая обертка. . 30 р. асс.
всего. 280 р.

Экземпляръ стоитъ 1 руб. сер. 100 экземпляровъ окупятъ изданіе съ большими процентами. Остальные, если продать по 10 коп. сер. за экземпляръ — то выручишь въ случаѣ неудачи 350 руб. ассигн. — цѣну, которую дадутъ тебѣ въ репертуаръ — это наибольшее.

Подумай братъ. Переводъ Донъ-Карлоса будетъ отрадною новостію въ литтературѣ. Его купятъ любители, продадутъ по крайней мѣрѣ 300 экземпляровъ. Подумай! Ты ничѣмъ не рискуешь. За меня не безпокойся. Я эти дѣла понимаю и не войду въ просакъ, всегда окупимъ изданіе.

У тебя семейство. Сидя или колотясь на работахъ смотря, какъ кладутъ кирпичи, немного отрадныхъ мыслей войдетъ въ голову. Жалованье маленькое. Будете съ хлѣбомъ, но ты будешь безъ новаго сюртука, когда надобно его имѣть. Непремѣнно. Горе въ молодости опасно! Слѣдовательно нужно работать. Стихомъ ты владѣешь прекрасно. И съ французскаго переводчикъ можетъ быть съ хлѣбомъ въ Петербургѣ; да еще съ какимъ; я на себѣ испытываю, перевожу Жоржъ Зандъ и беру 25 руб. асс. съ листа печатнаго. Отчего Струговщиковъ уже славенъ въ нашей литтературѣ? Переводами. А ты хуже его, что-ли, переводишь. Тотъ нажилъ состояніе. Ты бы давно могъ, а прежде мы приняться не умѣли только. Я напишу предисловіе, а ты стихи къ Шиллеру. Можно начать печать въ іюнѣ и къ 1-му іюлю я бы тебѣ прислалъ экземпляръ въ золотой оберткѣ. Въ литтературѣ—поле чисто. Примутъ съ восторгомъ. Я увѣренъ, что ты переводишь. Пиши ради Бога скорѣе и успокой меня. Эполеты не прислалъ оттого, что позабылъ. Пришлю непремѣнно. Жду отвѣта ради Бога.

Твой Достоевскій.

Служба надоѣдаетъ.

Служба надоѣла, какъ картофель. Прощай. Кланяйся Эмиліи Ѳедоровнѣ. Цалуй племянниковъ. Пріѣхать къ вамъ не могу. Не пускаютъ, душа моя. Но пріѣду на 2 недѣли въ сентябрѣ, когда выйду въ отставку. То-то поговоримъ.

30-го сентября (1844 г.?).

Любезный братъ!

Я получилъ Донъ-Карлоса и спѣшу отвѣчать какъ можно скорѣе (времени нѣтъ). Переводъ весьма хорошъ, мѣстами удивительно хорошъ, строчками плохъ; но это оттого, что ты переводилъ на-скоро. Но можетъ быть всего-то пять-шесть строчекъ дурныхъ. Я взялъ смѣлость кое-что поправить, также кой-гдѣ сдѣлать стихъ позвучнѣе. Всего досаднѣе, что мѣстами ты вставлялъ иностранныя слова, н. п. *комплотъ*. Этого допустить нельзя. Также (впрочемъ, я не знаю какъ въ подлинникѣ), ты употребляешь слово Сиръ. Сколько мнѣ извѣстно, этого слова въ Испаніи не было,

а употреблялось только въ Западной Европѣ въ государствахъ Нормандскаго происхожденія. Но это все пустяки сущія. Переводъ удивительно какъ хорошъ. Лучше чѣмъ я ожидалъ. Я отнесу его этимъ дуракамъ въ „Репертуаръ“. Пусть рты разинутъ. Если же (чего я боюсь), есть уже у нихъ переводъ Ободовскаго, то въ „О. Записки“. За мелочь не продамъ, будь покоенъ. Какъ только продамъ, пришлю деньги. Что же касается до изданія Шиллера, то, разумѣется, я съ тобой согласенъ, даже самъ хотѣлъ предложить тебѣ раздѣлить на 3 выпуска. Пустимъ сперва: „Разб.“, „Фіеско“, „Донъ-Карлосъ“, „Коварство“, „Письма о Сент. и Наивн.“. Это будетъ очень хорошо. На счетъ издателей посмотримъ. Но штука въ томъ, что гораздо лучше самимъ; иначе нѣтъ барыша. Ты только переводи, а на счетъ денегъ не безпокойся; какъ нибудь ихъ найдемъ, такъ-ли, этакъ-ли — все равно. Только вотъ что, братъ, черезъ мѣсяцъ это дѣло нужно кончить, т. е. рѣшиться, ибо *объявленіе* не можетъ быть выпущено послѣ, а безъ *объявленія* мы погибли. Вотъ почему я и прикажу припечатать нѣсколько словъ о семъ въ „Репертуарѣ“. Переводъ произведетъ сансацію. (Малѣйшій успѣхъ и барышъ удивительный).

Ну, братъ,—я и самъ знаю, что я въ адскихъ обстоятельствахъ; вотъ я тебѣ объясню:

Подалъ я въ отставку оттого, что подалъ, т. е. клянусь тебѣ не могъ служить болѣе. Жизни не радъ, какъ отнимаютъ лучшее время даромъ. Дѣло въ томъ, что я, наконецъ, никогда не хотѣлъ служить долго, слѣд. зачѣмъ терять хорошіе годы? А наконецъ, главное: меня хотѣли командировать — ну, скажи пожалуйста, чтобы я сталъ дѣлать безъ Петербурга. Куда я бы годился? Ты меня хорошо понимаешь?

На счетъ моей жизни не безпокойся. Кусокъ хлѣба я найду скоро. Я буду адски работать. Теперь я свободенъ. Но что я буду дѣлать теперь, въ настоящую-то минуту — вотъ вопросъ. Вообрази себѣ, братъ, что я долженъ 800 руб., изъ коихъ хозяину 525 руб. асс. (я написалъ домой, что долговъ у меня 1,500 руб., зная ихъ привычку присылать 1/3 чего просишь). Никто не знаетъ, что я выхожу въ отставку. Теперь если я выйду — что тогда будетъ дѣлать. У меня нѣтъ ни копѣйки на платье. Отставка моя выходитъ къ 14 октября. Если свиньи москвичи промедлютъ я пропалъ. И меня пресерьезно стащутъ въ тюрьму (это ясно). Прекомическое обстоятельство. Ты говоришь семейный раздѣлъ. Но знаешь-ли ты, чего прошу я? За отстраненіе мое отъ всякаго участія въ имѣніи теперь, и за совершенное отчужденіе, когда позволятъ обстоятельства, т. е. за уступку съ сей минуты моего имѣнія имъ — я требую 500 руб. сер. разомъ и другіе 500 уплатою по

10 руб. сер. въ мѣсяцъ (вотъ все, что я требую). Согласись, что немного и никого не обижаю. Они и знать не хотятъ. Согласись еще, что не мнѣ предлагать имъ это теперь. Они мнѣ *не довѣряютъ*. Они думаютъ, что я ихъ обману. Поручись, душа моя, пожалуйста за меня. Скажи именно такъ: *что ты готовъ вѣсьмъ поручиться за меня въ томъ, что я не простру далѣе моихъ требованій.* Если у нихъ нѣтъ столько денегъ, то въ моемъ положеніи 700 даже 600 руб. могутъ быть отрадными; я еще могу обернуться, и за это поручись, *что это приметси въ уплату всей суммы 500 руб. сер. и 500 руб. сер. интервалами.*

Ты говоришь: спасеніе мое драма. Да вѣдь постановка требуетъ времени. Плата также. А у меня на носу отставка (впрочемъ, милый мой, если бы я еще не подавалъ отставки, то подалъ бы сейчасъ. Я не каюсь). У меня есть надежда. Я кончаю *романъ* въ объемѣ Eugénie Grandet. Романъ довольно оригинальный. Я его уже переписываю, къ 14-му я навѣрно уже и отвѣтъ получу за него. Отдамъ въ „О. З.“. (Я моей работой доволенъ). Получу можетъ быть руб. 400, вотъ и всѣ надежды мои. Я бы тебѣ болѣе распространился о моемъ романѣ, да некогда. (Драму поставлю непремѣнно. Я этимъ жить буду).

Эти москвичи невыразимо самолюбивы, глупы и резонеры. Въ послѣднемъ письмѣ К. ни съ того ни съ сего совѣтовалъ мнѣ не увлекаться Шекспиромъ! Говоритъ, что Шекспиръ и мыльный пузырь все равно. Мнѣ хотѣлось, чтобы ты понялъ эту комическую черту, озлобленіе на Шекспира. Ну, къ чему тутъ Шекспиръ? Я ему такое письмо написалъ! Однимъ словомъ, образецъ полемики. Какъ я его отдѣлалъ. Мои письма chef d'oeuvre *летристики*.

Братъ, пиши домой какъ можно скорѣе, пожалуйста, ради самого Создателя. Я въ страшномъ положеніи; 14 самый дальній срокъ; я уже 1 1/2 мѣсяца какъ подалъ. Ради небесъ! Проси ихъ, чтобы прислали мнѣ. Главное, я буду безъ платья. Хлестаковъ соглашается идти въ тюрьму, только *благороднымъ образомъ*. Ну, а если у меня *штановъ* не будетъ, будетъ-ли это благороднымъ образомъ?

Мой адресъ: У Владимірской церкви, въ домѣ Прянишникова, въ Графскомъ переулкѣ. Спросить Достоевскаго.

Я чрезвычайно доволенъ романомъ моимъ. Не нарадуюсь. Съ него-то я деньги навѣрно получу, — а тамъ.

Извини, что письмо безо всякой связи.

24 марта, (1845 г.?).

Любезный братъ!

Ты вѣрно заждался письма моего, л. б. Но меня задерживала неустойчивость моего положенія. Я никакъ не могу заниматься вполнѣ чѣмъ бы то ни было, когда передъ глазами одна неизвѣстность и нерѣшительность. Но такъ какъ я и до сихъ поръ ничего не сдѣлалъ хорошаго по части моихъ собственныхъ обстоятельствъ, то все равно пишу; ибо давно бы было нужно писать.

Я получилъ отъ москвичей 500 руб. сер. Но у меня столько было долговъ, старыхъ и вновь накопившихся, что на печать не достало. Это бы еще ничего. Можно бы было задолжать въ типографіи или уплатить не все изъ домашнихъ долговъ, но романъ еще не былъ готовъ. Кончилъ я его совершенно чуть-ли еще не въ ноябрѣ мѣсяцѣ, но въ декабрѣ вздумалъ его весь передѣлать; передѣлалъ и переписалъ, но въ февралѣ началъ опять снова обчищать, обглаживать, вставлять и выпускать. Около половины марта я былъ готовъ и доволенъ. Но тутъ другая исторія: цензора не берутъ менѣе, чѣмъ на мѣсяцъ. Раньше отцензировать нельзя. Они де работой завалены. Я взялъ назадъ рукопись, не зная на что рѣшиться. Ибо кромѣ четырехнедѣльнаго цензурованья печать съѣстъ тоже недѣли три. Выйдетъ къ маю мѣсяцу. Поздно будетъ! Тутъ меня начали толкать и направо и налѣво, чтобы отдать мое дѣло въ „Отечеств. Записки“. Да пустяки. Отдашь, да не радъ будешь. Во первыхъ и не прочтутъ, а если прочтутъ, такъ черезъ полгода. Тамъ рукописей довольно и безъ этой. Напечатаютъ, денегъ не дадутъ. Это какая-то олигархія. А на что мнѣ тутъ слава, когда я пишу изъ хлѣба? Я рѣшился на отчаянный скачекъ; ждать, войти пожалуй опять въ долги и къ 1-му сентября, когда всѣ переселятся въ Петербургъ и будутъ какъ гончія собаки искать носомъ чего нибудь новенькаго, тиснуть на послѣднія крохи, которыхъ можетъ быть и не достанетъ, мой романъ. Отдавать вещь въ журналъ значитъ идти подъ яремъ не только главнаго Maître d'hotel'я, но даже всѣхъ чумичекъ и поваренковъ, гнѣздящихся въ гнѣздахъ, откуда распространяется просвѣщеніе. Диктаторовъ не одинъ; ихъ штукъ двадцать. Напечатать самому значитъ пробиться впередъ грудью, и если вещь хорошая, то она не только не пропадетъ, но окупитъ меня отъ долговой кабалы и дастъ мнѣ ѣсть.

А теперь на счетъ ѣды! Ты знаешь, братъ, что я въ этомъ отношеніи предоставленъ собственнымъ силамъ. Но какъ бы то ни было, а я далъ клятву, что коль и до зарѣзу будетъ доходить,—крѣпиться и не писать

на заказъ. Заказъ задавитъ, загубитъ все. Я хочу, чтобы каждое произведеніе мое было отчетливо хорошо. Взгляни на Пушкина, на Гоголя. Написали не много, а оба ждутъ монументовъ. И теперь Гоголь беретъ за печатный листъ 1,000 руб. сер., а Пушкинъ, какъ ты самъ знаешь, продавалъ 1 стихъ по червонцу. За то слава ихъ, особенно Гоголя, была куплена годами нищеты и голода. Старыя школы исчезаютъ, новыя мажутъ, а не пишутъ. Весь талантъ уходитъ въ одинъ широкій размахъ, въ которомъ видна чудовищная недодѣланная идея и сила мышцъ размаха, а дѣла крошечку. Béranger сказалъ про нынѣшнихъ фельетонистовъ французскихъ, что это бутылка Chambertin въ ведрѣ воды. У насъ имъ тоже подражаютъ. Рафаель писалъ года, отдѣлывалъ, отнизывалъ, и выходило чудо! Боги создавались подъ его рукою. Vernet пишетъ въ мѣсяцъ картину, для которой заказываютъ особенныхъ размѣровъ залы, перспектива богатая, наброски, размашисто, а дѣла нѣтъ ни гроша. Декораторы они!

Моимъ романомъ я серьезно доволенъ. Это вещь строгая и стройная. Есть, впрочемъ, ужасные недостатки. Печатаніе вознаградитъ меня. Теперь покамѣстъ я пустъ. Думаю что нибудь написать для дебюта или для денегъ, но пустяки писать не хочется, а на дѣло нужно много времени.

Приближается время, въ которое я обѣщалъ быть у васъ, милые друзья. Но не будетъ средствъ, т. е. денегъ. Я рѣшилъ остаться на старой квартирѣ. Здѣсь по крайней мѣрѣ сдѣлалъ контрактъ и знать ничего не знаешь мѣсяцевъ на шесть. Такъ дѣло въ томъ, что я все это хочу выкупить романомъ. Если мое дѣло не удастся, я, можетъ быть, повѣшусь.

Мнѣ бы хотѣлось спасти хоть 300 руб. къ августу мѣсяцу. И на триста можно напечатать. Но деньги ползутъ, какъ раки, все въ разныя стороны. У меня долговъ было около 400 руб. сер. (съ расходами и прибавкою платья), по крайней мѣрѣ я на два года одѣтъ прилично. Впрочемъ, я непремѣнно пріѣду къ вамъ. Пиши мнѣ поскорѣе какъ ты думаешь на счетъ моей квартиры. Это рѣшительный шагъ. Но что̀ дѣлать!

Ты пишешь, что ужасаешься будущности безъ денегъ. Но Шиллеръ выкупитъ все, а въ добавокъ, кто знаетъ, сколько раскупится экземпляровъ моего романа. Прощай. Отвѣчай мнѣ скорѣе. Я тебѣ объявлю въ слѣдующую почту всѣ мои рѣшенія.

Твой братъ

Достоевскій.

Цалуй дѣтей и кланяйся Эмиліи Ѳедоровнѣ. Я о васъ часто думаю. Ты, можетъ быть, хочешь знать, чѣмъ я занимаюсь, когда не пишу,—читаю. Я страшно читаю и чтеніе странно дѣйствуетъ на меня. Чтò нибудь, давно перечитанное прочитаю вновь и какъ будто напрягусь новыми силами, вникаю во все, отчетливо понимаю и самъ извлекаю умѣніе создавать.

Писать драмы—ну, братъ. На это нужны годы трудовъ и спокойствія, по крайней мѣрѣ для меня. Писать нынѣ хорошо. Драма теперь ударилась въ мелодраму. Шекспиръ блѣднѣетъ въ сумракѣ и сквозь туманъ слѣпондасовъ-драматурговъ кажется богомъ, какъ явленіе духа на Брокенѣ или Гарцѣ. Впрочемъ, лѣтомъ я можетъ быть буду писать. 2, 3 года, и посмотримъ, а теперь подождемъ! Братъ, въ отношеніи литературы я *не тотъ* что былъ тому назадъ два года. Тогда было ребячество, вздоръ. Два года изученія много принесли и много унесли.

Въ „Инвалидѣ“, въ фельетонѣ, только что прочелъ о нѣмецкихъ поэтахъ, умершихъ съ голоду, холоду и въ съумасшедшемъ домѣ. Ихъ было штукъ 20, и какія имена! Мнѣ до сихъ поръ какъ-то страшно. Нужно быть шарлатаномъ...

4 мая 1845 г.

Любезный братъ!

Извини, что такъ давно не писалъ къ тебѣ. Я до сей самой поры былъ чертовски занятъ. Этотъ мой романъ, отъ котораго я никакъ не могу отвязаться, задалъ мнѣ такой работы, что если бы зналъ, такъ не начиналъ бы его совсѣмъ. Я вздумалъ его еще разъ переправлять и ей-Богу къ лучшему: онъ чуть-ли не вдвое выигралъ. Но ужь теперь онъ конченъ и эта переправка была послѣдняя. Я слово далъ до него не дотрогиваться. Участь первыхъ произведеній всегда такова, ихъ переправляешь до безконечности. Я не знаю была-ли Atala Chateaubrian'а его первымъ произведеніемъ, но онъ, помнится, переправлялъ ее 17 разъ. Пушкинъ дѣлалъ такія переправки даже съ мелкими стихотвореніями. Гоголь лощитъ свои чудныя созданія по два года и если ты читалъ Voyage Sentimental Stern'а, — крошечную книжечку, то ты помнишь, что Valter Scott въ своемъ Notice о Стернѣ говоритъ, ссылаясь на авторитетъ Ла-Флёра, слуги Стерна. Лафлёръ говорилъ, что баринъ его исписалъ чуть-ли не сотню дестей бумаги о своемъ путешествіи во Францію. Ну, спрашивается, куда это пошло? Все-то это

составило книжоночку, которую хорошій писака какъ Плюшкинъ н. п. умѣстилъ бы на полудести. Не понимаю, какимъ образомъ этотъ же самый Вальтеръ-Скоттъ могъ въ нѣсколько недѣль писать такія, вполнѣ оконченныя созданія, какъ Маннерингъ, напримѣръ! Можетъ быть оттого, что ему было 40 лѣтъ.

Не знаю, братъ, что со мною будетъ! Ты несправедливо говоришь, что меня не мучаетъ мое положеніе. До дурноты, до тошноты мучаетъ, часто я по цѣлымъ ночамъ не сплю отъ мучительныхъ мыслей. Мнѣ говорятъ толковые люди, что я пропаду, если напечатаю мой романъ отдѣльно. Говорятъ — положимъ книга будетъ хороша, очень хороша. Но вы не купецъ. Какъ вы будете публиковать о немъ. Въ газетахъ что-ли? Нужно непремѣнно имѣть на своей рукѣ книгопродавца; а книгопродавецъ себѣ на умѣ; онъ не станетъ себя компрометировать объявленіями о неизвѣстномъ писателѣ. Онъ потеряетъ кредитъ у своихъ pratiques. Каждый изъ порядочныхъ книгопродавцевъ хозяинъ нѣсколькихъ журналовъ и газетъ. Въ журналахъ и газетахъ участвуютъ первѣйшіе литераторы или претендующіе на первенство. Объявляется о новой книгѣ, въ журналѣ скрѣпляютъ ихъ подписью, а это много значитъ. Слѣд. книгопродавецъ пойметъ, когда ты придешь къ нему съ своимъ напечатаннымъ товаромъ, что онъ можетъ прижать тебя до нельзя. Вотъ дѣло какое! А книгопродавецъ — алтынная душа, прижметъ непремѣнно, и я сяду въ болото, непремѣнно сяду.

Итакъ, я рѣшилъ обратиться къ журналамъ и отдать мой романъ за безцѣнокъ — разумѣется, въ „Отечеств. Записки". Дѣло въ томъ, что „Отечеств. Записки" расходятся въ 2,500 экземплярахъ, слѣдовательно читаютъ ихъ по крайней мѣрѣ 100,000 человѣкъ. Напечатай я тамъ — моя будущность литературная, жизнь — все обезпечено. Я вышелъ въ люди. Мнѣ въ „От. Записки" всегда доступъ, я всегда съ деньгами, а въ добавокъ пусть выйдетъ мой романъ, положимъ, въ августовскомъ номерѣ или въ сентябрѣ, я въ октябрѣ перепечатываю его на свой счетъ, уже въ твердой увѣренности, что романъ раскупятъ тѣ, которые покупаютъ романы. Къ тому же, объявленія мнѣ не будутъ стоить ни гроша. Вотъ дѣло какое!

Въ Ревель я пріѣхать не могу раньше пристройки романа, а то и времени нечего напрасно терять. Нужно хлопотать. Есть у меня много новыхъ идей, которыя если 1-ый романъ пристроится, упрочатъ мою литературную извѣстность. Вотъ всѣ мои надежды въ будущемъ.

Что же касается до денегъ, то увы! Ихъ нѣтъ. Чортъ знаетъ куда они исчезли. За то мало долговъ. Что же касается до квартиры, то во-

1-хъ, я еще кое-что долженъ; 2-е я въ неизвѣстномъ положеніи — поѣду-ли я въ Ревель, нѣтъ-ли? Пристрою-ль романъ, нѣтъ-ли? Если поѣду, то успѣю тогда же съѣхать; ибо расходы и хлопоты на переселеніе обойдутся дороже, чѣмъ оставаться, какую бы ни нанять квартиру. Я ужь считалъ. Квартира, романъ, Ревель — 3 неподвижныя идеи — Ma femme et mon parapluie!

Прощай, въ будущемъ письмѣ будетъ все рѣшено. А теперь до свиданья, и желаю тебѣ всѣхъ благъ вмѣстѣ съ твоею супругой и дѣтками.

Твой Достоевскій.

У насъ погода страшная. Разверзлись хляби небесныя и Провидѣніе послало на С. Пальмиру по нѣскольку 1,000 насморковъ, кашлей, чахотокъ, лихорадокъ, горячекъ и т. п. даровъ. Иже согрѣшихомъ! Читалъ-ли ты Емелю Вельтмана, въ послѣд. „Библ. для Чт.“ — что за прелесть! Тарантасъ хорошо написанъ. Что за гадость иллюстраціи.

Эмиліи Ѳедоровнѣ мое нижайшее почтеніе. Хочется мнѣ со всѣми вами увидѣться.

Устрой я романъ, тогда *Шиллеръ* найдетъ себѣ мѣсто, или я не я. „Вѣчный Жидъ“ недуренъ. Впрочемъ, Сю весьма недалекъ.

Я только не хочу писать, братъ, но меня такъ мучаетъ твое положеніе и Шиллеръ, что я о себѣ забываю. А мнѣ самому не легко.

А не пристрою романа, такъ можетъ быть и въ Неву! Что же дѣлать? Я ужь думалъ обо всемъ! Я не переживу смерти моей idée fixe!

Отвѣчай поскорѣе, ибо скучно.

(1845 г.).

Драгоцѣннѣйшій другъ мой!

Пишу къ тебѣ тотчасъ же по пріѣздѣ моемъ, по условію. Сказать тебѣ, возлюбленный другъ мой, сколько непріятностей, скуки, грусти, гадости, пошлости было вытерпѣно мною во время дороги и въ первый день въ Петербургѣ — свыше пера моего. Во первыхъ, простившись съ тобою и съ милой Эмиліей Ѳедоровной, я взошелъ на пароходъ въ самомъ несносномъ расположеніи духа. Толкотня была страшная, а моя тоска была невыносимая. Отправились мы въ двѣнадцать часовъ съ минутами перваго. Паро-

ходъ ползъ, а не шелъ. Вѣтеръ былъ противный, волны хлестали черезъ всю палубу; я продрогъ, прозябъ невыносимо и провелъ ночь неописанную, сидя, и почти лишась чувствъ и способности мыслить. Помню только, что меня раза три вырвало. На другой день ровно въ четыре часа по полудни пришли мы въ Кронштадтъ, т. е. въ 28 часовъ. Прождавъ часа три, мы отправились уже въ сумеркахъ на гадчайшемъ, мизернѣйшемъ пароходѣ „Ольга", который плылъ часа три съ половиною въ ночи и въ туманѣ. Какъ грустно было мнѣ въѣзжать въ Петербургъ; я смутно перечувствовалъ всю мою будущность въ эти смертельные три часа нашего въѣзда. Особенно привыкнувъ съ вами и сжившись такъ какъ будто-бы я цѣлый вѣкъ уже вѣковалъ въ Ревелѣ, мнѣ Петербургъ и будущая жизнь петербургская показались такими страшными, безлюдными, безотрадными, а необходимость такою суровою, что еслибъ моя жизнь прекратилась въ эту минуту, то я, кажется, съ радостію бы умеръ. Я право не преувеличиваю. Весь этотъ спектакль рѣшительно не стоитъ свѣчей. Ты, братъ, желаешь побыть въ Петербургѣ. Но если пріѣдешь, то пріѣзжай сухимъ путемъ, потому что нѣтъ ничего грустнѣе и безотраднѣе въѣзда въ него съ Невы и особенно ночью. По крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось. Ты вѣрно замѣчаешь, что мои мысли и теперь отличаются пароходной качкою. Когда я пріѣхалъ на квартиру, ночью въ 12-мъ часу, то человѣка моего дома не оказалось; онъ служилъ на время въ другомъ мѣстѣ, и дворникъ, неизвѣстно чему обрадовавшійся, вручилъ мнѣ осиротѣлый ключъ моей шестисотъ рублевой квартиры (въ долгахъ). Я даже не могъ чаю напиться и такъ и легъ въ рѣшительномъ апатическомъ состояніи. Сегодня, проснувшись въ восемь часовъ, я увидѣлъ передъ собой моего человѣка. Поразспросилъ его. Все какъ было, по старому. Квартира моя слегка подновлена. Григоровича и Некрасова нѣтъ еще въ Петербургѣ, а извѣстно лишь по слухамъ, что они явятся развѣ-развѣ къ 15-му сентября, да и то сомнительно. Давъ самую коротенькую, но весьма рѣшительную аудіенцію кой-какимъ кредиторамъ, я отправился *по дѣламъ* и ровно ничего не сдѣлалъ. Познакомился съ журналами, поѣлъ кое-что, купилъ бумаги и перьевъ — да и кончено. Къ Бѣлинскому не ходилъ. Намѣреваюсь завтра отправиться, а сегодня я страшно не въ духѣ. Вечеромъ присѣлъ за письмо, которое уже почти кончается, письмо вялое, тоскливое, вполнѣ отзывающееся тяжкимъ моимъ теперешнимъ положеніемъ — „Скучно на бѣломъ свѣтѣ, господа!"

Это письмо пишу къ тебѣ, во первыхъ, вслѣдствіе обѣщанія написать поскорѣе, а во вторыхъ, оттого, что тоска, и письмо просилось написаться. Ахъ, братъ, какое грустное дѣло одиночество, и я начинаю

тебѣ теперь завидовать. Ты, братъ, счастливъ, право счастливъ, самъ не зная того. Съ слѣдующею почтою напишу тебѣ еще. Занимаетъ меня немного то, что я почти совсѣмъ (до 15-го) безъ рессурсовъ, но только немного, потому что я въ настоящее время и думать ни объ чемъ не могу. Впрочемъ, все это вздоръ. Я ослабъ страшно и хочу теперь лечь спать, потому что уже ночь на дворѣ. Что-то скажетъ будущность. Какъ жаль, что нужно работать, чтобы жить. Моя работа не терпитъ принужденія. Ахъ, братъ, ты не повѣришь, какъ бы я желалъ теперь хоть два часочка еще пожить вмѣстѣ съ вами. Что-то будетъ, что-то будетъ впереди? Я теперь настоящій Голядкинъ, которымъ я между прочимъ займусь завтра же. Покамѣстъ прощай! До слѣдующей почты. Прощай, возлюбленный другъ мой; кланяйся и поцалуй за меня Эмилію Ѳедоровну. Дѣтямъ тоже кланяюсь. Помнитъ-ли еще меня Ѳедя или оказываетъ равнодушіе. Ну, прощай, дражайшій мой. Прощай.

Твой Достоевскій.

Голядкинъ выигралъ отъ моего сплина. Родились двѣ мысли и одно новое положеніе. Ну, прощай, мой голубчикъ. Послушай, что-то съ нами будетъ лѣтъ черезъ двадцать? Не знаю, что со мной будетъ; знаю только, что я теперь мучительно чувствую.

М. И-нѣ и А-ру Ада-чу Бергманамъ мое нижайшее почтеніе. Петербургъ еще пустъ. Все порядочно вяло.

8 октября 1845 г.

Любезнѣйшій братъ!

До сихъ поръ не было у меня ни времени, ни расположенія духа увѣдомлять тебя о чемъ нибудь до меня касающемся. Такъ все было скверно и гадко, что самому было тошно глядѣть на свѣтъ Божій. Во первыхъ, дражайшій, единственный другъ мой, все это время я былъ безъ копѣйки и жилъ на кредитъ, что весьма скверно. Во вторыхъ, было вообще какъ-то грустно, такъ что поневолѣ упадаешь духомъ, не заботишься о себѣ и становишься не безмозгло-равнодушнымъ, но—что хуже этого—переходишь за предѣлъ и бѣсишься и злишься до крайности. Въ началѣ этого мѣсяца явился Некрасовъ, отдалъ мнѣ часть долга, а другую получаю на дняхъ. Нужно тебѣ знать, что Бѣлинскій недѣли двѣ тому назадъ прочелъ мнѣ полное наставленіе, какимъ образомъ можно ужиться въ нашемъ литературномъ мірѣ, и въ заключеніе объявилъ мнѣ, что я непре-

мѣнно долженъ, ради спасенія души своей, требовать за мой печатный листъ не менѣе 200 руб. асс. Такимъ образомъ мой Голядкинъ пойдетъ по крайней мѣрѣ въ 1,500 рубляхъ асс. Терзаемый угрызеніями совѣсти, Некрасовъ забѣжалъ впередъ и къ 15 генваря обѣщалъ мнѣ 100 руб. серебромъ за купленный имъ у меня романъ „Бѣдные люди“. Ибо самъ чистосердечно сознался, что 150 руб. сер. плата не христіанская и посему 100 руб. сер. набавляетъ мнѣ сверхъ изъ раскаянія. Все это покамѣстъ хорошо. Но вотъ что скверно, что еще ровнешенько ничего не слыхать изъ цензуры насчетъ „Бѣдныхъ людей“. Такой невинный романъ таскаютъ, таскаютъ, и я не знаю чѣмъ они кончатъ. Ну, какъ запретятъ? Исчеркаютъ сверху до низу? Бѣда да и только, просто бѣда, а Некрасовъ поговариваетъ, что не успѣетъ издать Альманаха, а уже истратилъ на него 4,000 руб. ассигн.

Яковъ Петровичъ Голядкинъ выдерживаетъ свой характеръ вполнѣ. Подлецъ страшный, приступу нѣтъ къ нему; никакъ не хочетъ впередъ идти, претендуя, что еще вѣдь онъ не готовъ, а что онъ теперь покамѣстъ самъ по себѣ, что онъ ничего, ни въ одномъ глазу, а что пожалуй, если ужь на то пошло, то и онъ тоже можетъ, почему же и нѣтъ, отчего же и нѣтъ? Онъ вѣдь такой, какъ и всѣ, онъ только такъ себѣ, а то такой, какъ и всѣ. Что ему! Подлецъ, страшный подлецъ! Раньше половины ноября никакъ не соглашается окончить карьеру. Онъ ужь теперь объяснился съ Е. Превосходительствомъ, и пожалуй (отчего же нѣтъ) готовъ подать въ отставку. А меня, своего сочинителя, ставитъ въ крайне негодное положеніе.

Я бываю весьма часто у Бѣлинскаго. Онъ ко мнѣ до-нельзя расположенъ и серьезно видитъ во мнѣ *доказательство передъ публикою* и оправданіе мнѣній своихъ. Познакомился я на дняхъ съ Кронебергомъ, переводчикомъ Шекспира (сыномъ стар. Кронеберга харьк. проф.). Вообще говоря будущность (и весьма недалекая) можетъ быть хороша и можетъ быть и страхъ какъ дурна. Бѣлинскій понукаетъ меня дописывать Голядкина. Ужь онъ разгласилъ о немъ во всемъ литературномъ мірѣ и чуть не запродалъ Краевскому, а о „Бѣдныхъ людяхъ“ говоритъ уже полъ-Петербурга. Одинъ Григоровичъ чего стоитъ! Онъ самъ мнѣ говоритъ: „Je suis votre claqueur-chauffeur“.

Некрасовъ аферистъ отъ природы, иначе онъ не могъ бы и существовать, онъ такъ съ тѣмъ и родился и посему въ день же пріѣзда своего, у меня вечеромъ, подалъ проектъ *летучему маленькому альманаху*, который будетъ созидаться посильно всѣмъ литературнымъ народомъ, но главными его редакторами будемъ я, Григоровичъ и Некрасовъ. Послѣдній

беретъ издержки на свой счетъ. Альманахъ будетъ въ 2 печатн. листа и выходить будетъ *одинъ разъ* въ двѣ недѣли 7-го и 21-го каждаго мѣсяца. Названіе его „Зубоскалъ". Дѣло въ томъ, чтобы острить и смѣяться надо всѣмъ, не щадить никого, цѣпляться за театръ, за журналы, за общество, за литературу, за происшествія на улицахъ, за выставку, за газетныя извѣстія, за иностранныя извѣстія, словомъ за все, все это въ одномъ духѣ и въ одномъ направленіи. Начнется онъ съ 7-го ноября. Составился онъ у насъ великолѣпно. Во первыхъ, онъ будетъ съ иллюстраціями. Эпиграфомъ берутся знаменитыя слова *Булгарина* изъ фельетона „Сѣверной Пчелы", что „мы готовы умереть за правду, не можемъ безъ правды" и т. д. и подпишетъ Ѳаддей Булгаринъ. Тоже будетъ написано въ объявленіи, которое пойдетъ 1-го числа ноября. Статьи для 1-го нумера будутъ Некрасова: *о нѣкоторыхъ* (разумѣется, на дняхъ случившихся) *петербург. подлостяхъ*. 2) Будущій романъ *Евг. Сю:* „Семь смертныхъ грѣховъ" (на 3-хъ страничкахъ весь романъ). Обозрѣніе всѣхъ журналовъ. Лекція *Шевырева* о томъ, какъ гармониченъ стихъ Пушкина, до того, что когда онъ былъ въ *Колизеѣ* и прочелъ двумъ дамамъ съ нимъ бывшимъ нѣсколько стансовъ *Пушкина, то всѣ лягушки и ящерицы, бывшія въ Колизеѣ, сползлись его слушать*. (Шевыревъ читалъ это въ московск. университетѣ). Потомъ послѣднее засѣданіе *славянофиловъ*, гдѣ торжественно докажется, что Адамъ былъ славяниномъ и жилъ въ Россіи и посему случаю покажется вся необыкновенная важность и польза разрѣшенія такого великаго соціальнаго вопроса для благоденствія и пользы всей русской націи. Потомъ въ отдѣлѣ искусствъ и художествъ „Зубоскалъ" отдаетъ полную справедливость *иллюстраціи* Кукольника, причемъ даже сошлется на слѣдующій пунктъ иллюстраціи, гдѣ она говоритъ, что: ɐІЭЯШПЗЕЛДТООМ — ДУЭУРН и т. д. нѣсколько строкъ такимъ образомъ. (Извѣстно, что иллюстрація весьма неисправна въ корректурѣ; переставленіе словъ, слова оборотомъ для нея вовсе ничего не значатъ). Григоровичъ напишетъ „Исторію недѣли" и помѣститъ нѣсколько своихъ наблюденій. Я буду писать: „Записки лакея о своемъ баринѣ" и т. д. Видишь, что журналъ будетъ весьма веселый, въ родѣ *guêpes Карра*. Дѣло это доброе; ибо самый малый доходъ можетъ дать на одну мою часть 100—150 руб. въ мѣсяцъ. Книжка пойдетъ. Некрасовъ будетъ помѣщать и стихи.

Ну, прощай. Въ другой разъ напишу больше. Теперь страшно занятъ, а видишь, между прочимъ, что настрочилъ тебѣ цѣлое письмо, а ты мнѣ ни полстрочки не напишешь безъ моего письма, считаешься визитами. Лѣнтяй ты такой, Ѳетюкъ, просто Ѳетюкъ!

Прочти *Теверина* (Жоржъ Зандъ въ „Отечеств. Записк." октябрь). Ничего подобнаго не было еще въ нашемъ столѣтіи. Вотъ люди первообразы.

Прощай, другъ мой. Эмиліи Өедоровнѣ кланяюсь и цалую у ней ручки. Здоровы-ли дѣти? Пиши мнѣ подробнѣе.

Шиллера переводи исподволь, хотя изданіе его рѣшительно нельзя сказать, когда осуществится. Я теперь пронюхиваю какой нибудь переводъ для тебя. Но бѣда! Въ „Отеч. Записк." три оффиц. переводчика. Авось уладимъ мы, братъ, что нибудь вмѣстѣ съ тобой. Все впереди, впрочемъ. Если я пойду, то *театръ Шиллера* тоже пойдетъ — вотъ, что я только знаю.

Твой Ө. Достоевскій.

16 ноября 1845 г.

Любезный братъ!

Пишу къ тебѣ теперь наскоро, и тѣмъ болѣе, что временемъ теперь совсѣмъ не богатъ. Голядкинъ до сей поры еще не конченъ; а нужно кончить непремѣнно къ 25-му числу. Ты мнѣ весьма долго не отвѣчалъ и я было началъ крайне за тебя безпокоиться. Пиши почаще; а что ты отговариваешься неимѣніемъ времени, то это просто вздоръ. Времени тутъ надо немного. Лѣнь провинціальная губитъ тебя въ цвѣтѣ лѣтъ, любезнѣйшій, а больше ничего.

Ну, братъ, никогда, я думаю, слава моя не дойдетъ до такой апогеи, какъ теперь. Всюду почтеніе неимовѣрное, любопытство насчетъ меня страшное. Я познакомился съ бездной народу самаго порядочнаго. Князь Одоевскій проситъ меня осчастливить его своимъ посѣщеніемъ, а графъ С. рветъ на себѣ волосы отъ отчаянія. Панаевъ объявилъ ему, что есть талантъ, который ихъ всѣхъ въ грязь втопчетъ. С. обѣгалъ всѣхъ и зашедши къ Краевскому, вдругъ спросилъ его: Кто этотъ Достоевскій? Гдѣ мнѣ *достать Достоевскаго?* Краевскій, который никому въ усъ не дуетъ и рѣжетъ всѣхъ на пропалую, отвѣчаетъ ему, что Достоевскій не захочетъ вамъ сдѣлать чести осчастливить васъ своимъ посѣщеніемъ. Оно и дѣйствительно такъ: аристократишка теперь становится на ходули и думаетъ, что уничтожитъ меня величіемъ своей ласки. Всѣ меня принимаютъ, какъ чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всѣхъ углахъ не повторяли, что Достоев. то-то сказалъ, Достоев. то-то хочетъ дѣлать. Бѣлин-

скій любитъ меня какъ нельзя болѣе. На дняхъ воротился изъ Парижа поэтъ Тургеневъ (ты вѣрно слыхалъ) и съ перваго раза привязался ко мнѣ такою привязанностію, такою дружбой, что Бѣлинскій объясняетъ ее тѣмъ, что Тургеневъ влюбился въ меня. Но, братъ, что это за человѣкъ! Я тоже едва-ль не влюбился въ него. Поэтъ, талантъ, аристократъ, красавецъ, богачъ, уменъ, образованъ, 25 лѣтъ, — я не знаю въ чемъ природа отказала ему? Наконецъ: характеръ неистощимо прямой, прекрасный, выработанный въ доброй школѣ. Прочти его повѣсть въ „Отечеств. Записк." „Андрей Колосовъ" — это онъ самъ, хотя и не думалъ тутъ себя выставлять.

Деньгами же я до сихъ поръ не богатъ, — но и не нуждаюсь. На дняхъ я былъ безъ гроша. Некрасовъ между тѣмъ затѣялъ „Зубоскала" — прелестный юмористическій альманахъ, къ которому объявленіе написалъ я. Объявленіе надѣлало шуму; ибо это первое явленіе такой легкости и такого юмору въ подобнаго рода вещахъ. Мнѣ это напомнило 1-й фельетонъ Lucien de Rubenpré. Объявленіе мое напечатано уже въ „Отеч. Запискахъ" въ „Разныхъ извѣстіяхъ". За него взялъ я 20 руб. серебр. Итакъ, на дняхъ, не имѣя денегъ, зашелъ я къ Некрасову. Сидя у него у меня пришла идея романа въ 9 письмахъ. Прійдя домой я написалъ этотъ романъ въ одну ночь; величина его $^1/_2$ печатнаго листа. Утромъ отнесъ къ Некрасову и получилъ за него 125 руб. асс., т. е. мой листъ въ „Зубоскалѣ" цѣнится въ 250 руб. асс. Вечеромъ у Тургенева читался мой романъ во всемъ нашемъ кругѣ, т. е. между 20 человѣками по крайней мѣрѣ и произвелъ фуроръ. Напечатанъ онъ будетъ въ 1-мъ нумерѣ „Зубоскала". Я тебѣ пришлю книгу къ 1-му декабря. Бѣлинскій сказалъ, что онъ теперь увѣренъ во мнѣ совершенно, ибо я могу браться за совершенно различные элементы. На дняхъ Краевскій, услышавъ, что я безъ денегъ, упросилъ меня покорнѣйше взять у него 500 руб. въ займы. Я думаю, что я ему продамъ листъ за 200 руб. асс.

У меня бездна идей; и нельзя мнѣ разсказать что нибудь изъ нихъ хоть Тургеневу н. п., чтобы назавтра почти во всѣхъ углахъ Петербурга не знали, что Достоев. пишетъ вотъ то-то и то-то. Ну, братъ, если бы я сталъ исчислять тебѣ всѣ успѣхи мои, то бумаги не нашлось бы столько. Я думаю, что у меня будутъ деньги. Голядкинъ выходитъ превосходно; это будетъ мой chef-d'oeuvre. Вчера я въ первый разъ былъ у П. и, кажется, влюбился въ жену его. Она умна и хорошенькая, въ добавокъ любезна и пряма до-нельзя. Время я провожу весело. Нашъ кружокъ пребольшой. Но я все пишу о себѣ; извини, любезнѣйшій; я откровенно тебѣ скажу, что я теперь почти упоенъ собственной славой своей.

Съ будущимъ письмомъ пришлю „Зубоскала“. Бѣлинскій говоритъ, что я профанирую себя, помѣщая свои статьи въ „Зубоскалѣ“.

Прощай, мой голубчикъ. Желаю счастья тебѣ. Поздравляю съ чиномъ. Цалую ручки Эмиліи Ѳедоровнѣ и дѣтей твоихъ. Что они?

Твой Достоевскій.

Бѣлинскій охраняетъ меня отъ антрепренеровъ. Я перечелъ мое письмо и нашелъ, что я, во 1-хъ, безграмотенъ, а во 2-хъ, самохвалъ.

Прощай, ради Бога пиши.

Нашъ Шиллеръ пойдетъ на ладъ непремѣнно. Бѣлинскій хвалитъ предпріятіе *полнаго изданія.* Я думаю современемъ его можно выгодно продать, хоть Некрасову н. прим.

Прощай.

Минушки, Кларушки, Маріанны и т. п. похорошѣли до-нельзя, но стоятъ страшныхъ денегъ. На дняхъ Тургеневъ и Бѣлинскій разбранили меня въ прахъ за безпорядочную жизнь. Эти господа ужь и не знаютъ, какъ любить меня, влюблены въ меня всѣ до одного. Мои долги на прежней точкѣ.

1 февраля 1846 г.

Любезный братъ!

Во первыхъ, не сердись, что долго не писалъ. Ей Богу некогда было, и сейчасъ докажу. Главное, что̀ меня задержало, было то, что я до самаго послѣдняго времени, т. е. до 28-го числа кончалъ моего подлеца Голядкина. Ужасъ! Вотъ каковы человѣческіе разсчеты: хотѣлъ было кончить до августа и протянулъ до февраля! Теперь посылаю тебѣ Альманахъ. „Бѣдные люди“ вышли еще 15-го. Ну, братъ! Какою ожесточенною бранью встрѣтили ихъ вездѣ! Въ Иллюстраціи я читалъ не критику, а ругательство. Въ „Сѣверной Пчелѣ“ было чортъ знаетъ что такое, но я помню какъ встрѣчали Гоголя и всѣ мы знаемъ какъ встрѣчали Пушкина. Даже публика въ остервенѣніи: ругаютъ 3/4 читателей, но 1/4 (да и то нѣтъ) хвалитъ отчаянно. Debats пошли ужаснѣйшіе. Ругаютъ, ругаютъ, ругаютъ, а всетаки читаютъ. (Альманахъ расходится неестественно, ужасно. Есть надежда, что черезъ 2 недѣли не останется ни одного экземпляра). Такъ было и съ Гоголемъ. Ругали, ругали его, ругали — ругали, а всетаки читали и теперь помирились съ нимъ и стали хвалить. Сунулъ-же я имъ всѣмъ собачью кость! Пусть грызутся — мнѣ славу дурачье строятъ.

До того осрамиться какъ „Сѣверная пчела“ своей критикой есть верхъ посрамленія. Какъ неистово-глупо! За то какія похвалы слышу я, братъ! Представь себѣ, что наши всѣ и даже Бѣлинскій нашли, что я даже далеко ушелъ отъ Гоголя. Въ „Библіотекѣ для Чтенія“, гдѣ критику пишетъ Никитенко, будетъ огромнѣйшій разборъ Бѣдныхъ людей въ мою пользу. Бѣлинскій подымаетъ въ мартѣ мѣсяцѣ трезвонъ. Одоевскій пишетъ отдѣльную статью о Бѣдныхъ людяхъ. Соллогубъ, мой пріятель, тоже. Я, братъ, пустился въ высшій свѣтъ и мѣсяца черезъ три лично разскажу тебѣ всѣ мои похожденія.

Въ публикѣ нашей есть инстинктъ, какъ во всякой толпѣ, но нѣтъ образованности. Не понимаютъ какъ можно писать такимъ слогомъ. Во всемъ они привыкли видѣть рожу сочинителя; я же моей не показывалъ. А имъ и не въ догадъ, что говоритъ Дѣвушкинъ, а не я, и что Дѣвушкинъ иначе и говорить не можетъ. Романъ находятъ растянутымъ, а въ немъ слова лишняго нѣтъ. Во мнѣ находятъ новую оригинальную струю (Бѣлинскій и проч.), состоящую въ томъ, что я дѣйствую анализомъ, а не синтезисомъ, т. е. иду въ глубину и, разбирая по атомамъ, отыскиваю цѣлое, Гоголь же беретъ прямо цѣлое и оттого не такъ глубокъ какъ я. Прочтешь и самъ увидишь. А у меня будущность преблистательная, братъ!—Сегодня выходитъ Голядкинъ. *4 дня* тому назадъ я еще писалъ его. Въ „Отечест. Запискахъ“ онъ займетъ 11 листовъ. Голядкинъ въ 10 разъ выше Бѣдныхъ людей. Наши говорятъ, что послѣ „Мертвыхъ душъ“ на Руси не было ничего подобнаго, что произведеніе геніальное и чего-чего не говорятъ они! Съ какими надеждами они всѣ смотрятъ на меня! Дѣйствительно Голядкинъ удался мнѣ до-нельзя. Понравится онъ тебѣ, какъ не знаю что̀! Тебѣ онъ понравится даже лучше Мертвыхъ душъ, я это знаю. Получаютъ-ли у васъ „Отечеств. Записки“? Не знаю, дастъ ли мнѣ экземпляръ Краевскій.

Ну, братъ, я тебѣ такъ давно не писалъ, что не помню на чемъ я тогда остановился. Такъ много воды утекло! Скоро увидимся. Лѣтомъ я непремѣнно къ вамъ, друзья мои, и все лѣто буду страшно писать: мысли есть. Теперь я тоже пишу.

За Голядкина взялъ я ровно 600 руб. серебромъ. Сверхъ того я еще получилъ бездну денегъ, такъ что истратилъ 3 тысячи послѣ разлуки съ тобою. Живу-то я безпорядочно—вотъ въ чемъ вся штука! Я переѣхалъ съ квартиры и нанимаю теперь двѣ превосходно-меблированныя комнаты отъ жильцовъ. Мнѣ очень хорошо жить. Адресъ мой: у Владимірской церкви, на углу Гребецкой улицы и Кузнечнаго переулка, домъ купца Кучина, въ № 9-мъ. Пиши пожалуйста, ради Бога. Напиши, понравились-ли

Бѣдные люди. Кланяйся Эмиліи Ѳедоровнѣ, цалуй дѣтей. Я былъ влюбленъ не на шутку въ П., теперь проходитъ, а не знаю еще. Здоровье мое ужасно разстроено; я боленъ нервами и боюсь горячки или лихорадки нервической. Порядочно жить я не могу, до того я безпутенъ. Если не удастся лѣтомъ купаться въ морѣ, то просто бѣда. Прощай, ради Бога пиши. Извини, что скверно написалъ письмо. Спѣшу. Цалую тебя. Прощай. Твой

Достоевскій.

Ну, братъ, ради Бога извини, что ничего не прислалъ до сихъ поръ. Лѣтомъ все привезу. Ну, прощай, уже третій часъ.

Всѣмъ вамъ привезу подарки.

Мы съ тобою лѣтомъ, дружище, проведемъ время повеселѣе нынѣшняго. Деньгами-то я буду не богатъ, но на 800 руб. или на 1000 надѣюсь. На лѣто довольно.

Вѣрочка выходитъ замужъ. Знаешь ты это?

1 апрѣля 1846 г.

Любезный братъ!

Посылаю тебѣ каску съ принадлежностями и пару эполетъ. Чешуи на каскѣ не вдѣланы; потому что, какъ сказали, въ дорогѣ киверъ попортится. Не знаю, хорошо-ли услужилъ. Если же не хорошо, то не я виноватъ, потому что рѣшительно ничего не понимаю въ этихъ вещахъ. Отсталъ отъ вѣка, другъ мой. — Теперь 2-й вопросъ. Спросишь почему такъ поздно. Но я, милѣйшій мой, въ такой каторгѣ, что какъ бы ни показалось оно страннымъ тебѣ, ей Богу не сыскалъ времени для коммиссіи твоей. Правда, двѣ почты пропустилъ рѣшительно только по своей оплошности. Виноватъ. Не сердись.

Теперь далѣе. Другъ мой. Ты вѣрно пѣняешь, что я такъ долго тебѣ не пишу, но я совершенно согласенъ съ Гоголевымъ *Поприщинымъ:* — „*Письмо вздоръ, письма пишутъ аптекари*“. Чтò мнѣ было написать тебѣ? Мнѣ нужно было бы исписать томы, еслибы начать говорить такъ, какъ бы хотѣлось мнѣ. Въ моей жизни каждый день столько новаго, столько перемѣнъ, столько впечатлѣній, столько хорошаго и для меня выгоднаго, столько и непріятнаго и невыгоднаго, что и раздумывать некогда. Во первыхъ я весь занятъ. Идей бездна и пишу безпрерывно. Не думай,

чтобы я совсѣмъ былъ на розахъ. Вздоръ. Во первыхъ я прожилъ много денегъ, т. е. ровно 4,500 руб. со времени нашей разлуки съ тобою и на 1,000 руб. ассигн. продалъ впередъ своего товару. Такимъ образомъ, при извѣстной тебѣ моей аккуратности я себя обокралъ совершенно и начинаю опять по прежнему бывать безъ копѣйки. Но это ничего. — Слава моя достигла до апогеи. Въ 2 мѣсяца обо мнѣ, по моему счету, было говорено около 35 разъ въ различныхъ изданіяхъ. Въ иныхъ хвала до небесъ, въ другихъ съ исключеніями, а въ третьихъ руготня на пропалую. Чего лучше и выше? Но вотъ что̀ гадко и мучительно: свои, наши, Бѣлинскій, и всѣ мною недовольны за Голядкина. Первое впечатлѣніе было безотчетный восторгъ, говоръ, шумъ, толки. Второе—критика. Именно: всѣ, всѣ съ общаго говору, т. е. *наши* и вся публика нашли, что до того Голядкинъ скученъ и вялъ, до того растянутъ, что читать нѣтъ возможности. Но что̀ всего комичнѣе, такъ это то, что всѣ сердятся на меня за растянутость и всѣ до одного читаютъ на пропалую и перечитываютъ на пропалую. А одинъ изъ нашихъ тѣмъ только и занимается, что каждый день прочитываетъ по главѣ, чтобы не утомить себя, и только чмокаетъ отъ удовольствія. Иные изъ публики кричатъ, что это совсѣмъ невозможно, что глупо и писать и помѣщать такія вещи, другіе же кричатъ, что это съ нихъ и списано и снято, а отъ нѣкоторыхъ я слыхалъ такіе мадригалы, что говорить совѣстно. Что-же касается до меня, то я даже на нѣкоторое мгновеніе впалъ въ уныніе. У меня есть ужасный порокъ: неограниченное самолюбіе и честолюбіе. Идея о томъ, что я обманулъ ожиданія и испортилъ вещь, которая могла бы быть великимъ дѣломъ, убивала меня. Мнѣ Голядкинъ опротивѣлъ. Многое въ немъ писано на-скоро и въ утомленіи. 1-ая половина лучше послѣдней. Рядомъ съ блистательными страницами, есть скверность, дрянь, изъ души воротитъ, читать не хочется. Вотъ это-то создало мнѣ на время адъ и я заболѣлъ отъ горя. Братъ, я тебѣ пришлю Голядкина черезъ двѣ недѣли. Ты прочтешь. Напиши мнѣ свое полное мнѣніе.

Пропускаю жизнь и мое *ученіе* и скажу кое-что о нашихъ новостяхъ. 1) Огромная новость. *Бѣлинскій* оставляетъ „Отечеств. Записки". Онъ страшно разстроилъ здоровье, отправляется на воды, можетъ быть за границу. Онъ не возьмется за критику года два. Но для поддержанія финансовъ издаетъ *исполинской* толщины альманахъ (въ 60 печатн. листовъ). Я пишу ему двѣ повѣсти 1) „Сбритыя бакенбарды", 2) „Повѣсть объ уничтоженныхъ канцеляріяхъ", обѣ съ потрясающимъ трагическимъ интересомъ и уже, отвѣчаю — сжатыя до нельзя. Публика ждетъ моего съ нетерпѣніемъ. Обѣ повѣсти небольшія... Кромѣ того, что нибудь

Краевскому и романъ Некрасову. Все это займетъ меня годъ. „Сбритыя бакенбарды“ я кончаю.

2-я новость. Явилась цѣлая тьма новыхъ писателей. Иные мои соперники. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ Герценъ (Искандеръ) и Гончаровъ. 1-й печатался, второй начинающій и не печатавшійся нигдѣ. Ихъ ужасно хвалятъ. Первенство остается за мною покамѣстъ и надѣюсь что навсегда. Вообще никогда такъ не закипала литература, какъ теперь. Это къ лучшему.

Третье. Я или очень рано пріѣду къ вамъ, или очень поздно, или даже совсѣмъ не пріѣду. Я долженъ, у меня денегъ не будетъ (а безъ денегъ я ни за что не пріѣду, въ третьихъ, я заваленъ работой. Все скажетъ будущее).

4-е. Шидловскій отозвался. Его братъ былъ у меня. Я съ нимъ начинаю переписку.

5-е. Если хочешь, мой возлюбленный другъ, что нибудь заработать на литератури. поприщѣ, то есть случай и щегольнуть и эффектъ произвести однимъ переводомъ. Переведи: Рейнеке-Фуксъ по Гете. Меня даже просили поручить тебѣ перевести, ибо вещь нужна въ альманахъ Некрасову. Если захочешь — переведи. Не торопись. И даже, если я не пріѣду къ 15-му маю или къ 1-му іюню, то присылай, если будетъ готово. Всѣ разъѣзжаются на лѣто; но если возможно будетъ, то я, можетъ быть, и весной помѣщу его куда нибудь и тебѣ деньги привезу. Если же не весной, то осенью, — *но непремѣнно.* Деньги будутъ непремѣнно. Некрасовъ издатель, онъ купитъ, Бѣлинскій купитъ, Ратьковъ купитъ, а Краевскій въ полномъ моемъ распоряженіи. Дѣло выгодное. У насъ говорили объ этомъ переводѣ. Итакъ начни, если хочешь, а за успѣхъ я ручаюсь головой. Если переведешь главы три, то пришли мнѣ, я *покажу* господамъ и случиться можетъ, что денегъ дадутъ впередъ.

Никогда еще не былъ я такъ богатъ дѣятельностію, какъ теперь. Все кипитъ, идетъ... Но что-то будетъ? Прощай, мой возлюбленный.

Вѣрочка уже 3 мѣсяца какъ вышла замужъ. Говорятъ, счастлива. Дядя далъ столько же, сколько и Варѣ. Пиши дядѣ. Она вышла за Иванова (его высокобл.). Ему 30 лѣтъ. Онъ гдѣ-то профессоръ химіи. Мнѣ писала Вѣрочка, говоритъ, что и тебѣ тоже.

Прощай, милый мой. Цалую васъ всѣхъ и желаю вамъ всего. У Эмиліи Ѳедоровны цалую обѣ ручки. Дѣтей тоже. Какъ ты? Напиши о себѣ. Ахъ, другъ мой. Я хочу тебя видѣть. Но что дѣлать.

Твой весь Ѳ. Достоевскій.

16 мая 1846 г.

Любезный братъ!

Передъ тобою госпожи, вручившія тебѣ сіе посланіе. Пожалуйста, прими хорошенько и если можно, то даже не худо бы было пригласить ихъ къ обѣду — и m-me Бѣлинскую и ея интереснѣйшую сестрицу. Просятъ онѣ тоже зарекомендоваться и къ Эмиліи Ѳедоровнѣ. Попитай ихъ дамскій эгоизмъ какъ можно болѣе участіемъ къ нимъ, и разумѣется, какъ можно менѣе толкуй о литературѣ. Впрочемъ, ты и самъ смыслишь лучше меня въ этихъ *дѣлахъ;* научи ихъ гдѣ имъ остановиться и что дѣлать... Я не знаю, что для нихъ лучше, остаться-ли въ Ревелѣ или ѣхать въ Гапсаль.

Про себя скажу, что я рѣшительно не знаю, что̀ еще со мною будетъ. Денегъ у меня нѣтъ ни копѣйки, да и не знаю еще откуда я ихъ получу. Подняться мнѣ нельзя отсюдова не имѣя 500 руб. собственно для отдачи петербург. долговъ. Слѣд. суди самъ. Вѣроятно, да и всего вѣроятнѣе, что мы просто не увидимся, братъ, и что я не пріѣду. Мнѣ скучно и тяжело здѣсь. Я пишу и не вижу конца работѣ. Посылаю мой поклонъ Эмиліи Ѳедоровнѣ. Прошу ея о г-жахъ Бѣлинскихъ и надѣюсь на все ея снисхожденіе и любезность. Не дурно, если Ѳедя и Маша окажутъ тоже со своей стороны какую нибудь пріязнь, и откровенно выскажутъ свое мнѣніе въ предѣлахъ ихъ извѣстной солидности. Ну, прощай, братъ, некогда. Я рѣшительно никогда не имѣлъ у себя такого тяжелаго времени. Скука, грусть, апатія и лихорадочное судорожное ожиданіе чего-то лучшаго мучатъ меня. А тутъ болѣзнь еще. Чортъ знаетъ что̀ такое? Кабы какъ нибудь пронеслось все это.

Твой Ѳ. Достоевскій.

5 сентября 1846 ј.

Спѣшу тебя увѣдомить, любезный братъ, что я кое-какъ добрался до Петербурга и остановился какъ желалъ у Трутовскаго. Качки я не чувствовалъ, но въ дорогѣ и здѣсь въ Петербургѣ промокъ до костей и простудился совсѣмъ, кашель, насморкъ и все это у меня въ самой сильной степени. Первое время было ужасно скучно. Я ходилъ нанимать квартиру и нанялъ уже за 14 руб. сер. отъ жильцовъ двѣ маленькія комнатки, съ хорошею мебелью и прислугою, но еще не переѣхалъ. Адресъ же: напро-

тивъ Казанскаго Собора, въ домѣ Кохендорфа въ номерѣ 25. По этому адресу ты мнѣ и пиши поскорѣе; ибо очень желаю отъ тебя письма. На мнѣ грусть страшная.

Бѣлинскія доѣхали хорошо и съ самой пристани я еще не видался съ ними. Зашелъ на другой день къ Некрасову. Онъ живетъ въ одной квартирѣ съ Панаевыми, и потому я видѣлся со всѣми. Альманахъ идетъ; нужно спѣшить. Про лавку я не хотѣлъ спрашивать и не знаю; навѣрно тоже идетъ. Но вотъ извѣстіе: чтобъ узнать адресъ Некрасова, я зашелъ къ Прокоповичу. Онъ мнѣ объявилъ причину пріѣзда Некрасова въ Ревель — причину, которую онъ держалъ въ тайнѣ, по разнымъ политичнымъ видамъ, и не говорилъ даже и Прокоповичу;—да тотъ догадался по разнымъ даннымъ. Пріѣзжалъ онъ видѣться съ Масальскимъ, чтобы купить у него „Сынъ Отечества", дѣло-то кажется пошло на ладъ и къ Новому году у насъ можетъ быть новый журналъ.

Я тебѣ ничего не говорю о Гоголѣ, но вотъ тебѣ фактъ. Въ „Современникѣ" въ слѣдующемъ мѣсяцѣ будетъ напечатана статья Гоголя—его духовное завѣщаніе, въ которой онъ отрекается отъ всѣхъ своихъ сочиненій и признаетъ ихъ безполезными и даже болѣе. Говоритъ, что не возьмется во всю жизнь за перо, ибо дѣло его молиться. Соглашается со всѣми отзывами своихъ противниковъ. Приказываетъ напечатать свой портретъ въ огромнѣйшемъ количествѣ экземпляровъ и выручку за него опредѣлить на вспомоществованіе путешествующимъ въ Іерусалимъ и проч. Вотъ.— Заключай самъ.

Былъ я и у Краевскаго. Онъ началъ набирать Прохарчина; появится онъ въ октябрѣ. Я покамѣстъ о деньгахъ не говорилъ; онъ же ласкается и заигрываетъ. У другихъ ни у кого не былъ еще. Языковъ открылъ контору и выставилъ вывѣску. На дворѣ страшный дождь, а потому трудно выходить. Я еще живу у Трутовскаго, завтра же переѣзжаю на квартиру. На счетъ шинели тоже никакъ нельзя было хлопотать за хлопотами и дождемъ. Хочу жить скромнѣйшимъ образомъ. Желаю и тебѣ того же. Нужно дѣла дѣлать по маленьку. Поживемъ и увидимъ. А теперь прощай. Я спѣшу. Много бы хотѣлось написать, да иногда лучше и не говорить. Пиши. Жду отъ тебя отвѣта въ наискорѣйшемъ времени. Цалуй дѣтей. Кланяйся Эмиліи Ѳедоровнѣ. Тоже поклонись и другимъ кому слѣдуетъ. Съ слѣдующей почтой напишу гораздо болѣе. Это только увѣдомленіе. Прощай. Желаю тебѣ всего лучшаго, безцѣнный другъ мой — а главное покамѣстъ терпѣнія и здоровья. Твой братъ

Ѳ. Достоевскій.

17 сентября 1846 г.

Любезный братъ!

Посылаю тебѣ шинель. Извини, что поздно. Задержка была не съ моей стороны, отыскивалъ моего человѣка и, наконецъ-то, нашелъ. Безъ него же купить не могъ. Шинель имѣетъ свои достоинства и свои неудобства. Достоинство то, что необыкновенно полна, точно двойная, и цвѣтъ хорошъ, самый форменный, сѣрый; недостатокъ тотъ, что сукно только по 8 руб. ассигнаціями. Лучше не было. За то стоила только 82 руб. асс. Остальныя деньги употреблены на посылку. Что̀ дѣлать: были сукна и по 12 руб. ассигн., но цвѣта — свѣтло-стальнаго, отличнаго, но ты ими брезгаешь. Впрочемъ, не думаю, чтобъ тебѣ не понравилась. Она еще немного длинна.

И не писалъ тебѣ до сихъ поръ изъ за шинели. Я уже тебѣ объявлялъ, что нанялъ квартиру. Мнѣ не дурно, только средствъ въ будущемъ почти не имѣю. Краевскій далъ 50 руб. сер. и по виду его можно судить, что больше не дастъ; мнѣ нужно сильно перетерпѣть.

Прохарчинъ страшно обезображенъ въ извѣстномъ мѣстѣ. Эти господа извѣстнаго мѣста запретили даже слово *чиновникъ* и Богъ знаетъ изъ за чего; ужь и такъ все было слишкомъ невинное, и вычеркнули его во всѣхъ мѣстахъ. Все живое исчезло. Остался только скелетъ того, что̀ я читалъ тебѣ. Отступаюсь отъ своей повѣсти.

Новаго у насъ ничего не слышно. Все по старому; ждутъ Бѣлинскаго. М-me Бѣлинская тебѣ кланяется. Всѣ затѣи, которыя были, кажется, засѣли на мѣстѣ; или ихъ, можетъ быть, держутъ въ тайнѣ — чортъ знаетъ.

Я обѣдаю въ складчинѣ. У Бекетова собралось шесть человѣкъ знакомыхъ, въ томъ числѣ я и Григоровичъ. Каждый даетъ 15 коп. сер. въ день, и мы имѣемъ хорошихъ чистыхъ кушаній за обѣдомъ 2 и довольны. Слѣд. обѣдъ мнѣ обходится не болѣе, какъ 16 руб.

Пишу къ тебѣ на-скоро. Ибо запоздалъ и человѣкъ ждетъ съ посылкой, чтобы нести на почту. У меня еще больше нескладицы, чѣмъ когда у тебя зубы болѣли. Очень боюсь, что шинель тебѣ поздно придетъ. Что̀ дѣлать? Я старался всѣми силами.

Пишу все „Сбритыя Бакенбарды“. Такъ медленно дѣло идетъ. Боюсь опоздать. Я слышалъ отъ двухъ господъ, именно отъ одного 2-го Бекетова и Григоровича, что „Петербургскій Сборникъ“ въ провинціи не

иначе называется, какъ „Бѣдными Людьми“. Остальнаго и знать не хотятъ, хотя на расхватъ берутъ его тамъ, перекупаютъ другъ у друга, кому удалось достать за огромную цѣну. А въ книжныхъ лавкахъ напр. въ Пензѣ и въ Кіевѣ, онъ оффиціально стоитъ 25 и 30 руб. ассигнац. Чтò за странный фактъ: здѣсь сѣлъ, а тамъ достать нельзя.

Григоровичъ написалъ удивительно хорошенькую повѣсть; стараніями моими и Майкова, который, между прочимъ, хочетъ писать обо мнѣ большую статью къ 1-му января, эта повѣсть будетъ помѣщена въ „Отеч. Записки“, которыя, между прочимъ, совсѣмъ обѣднѣли. Тамъ нѣтъ ни одной повѣсти въ запасѣ.

У насъ здѣсь ужаснѣйшая тоска. И работаешь хуже. Я у васъ жилъ, какъ въ раю, и чортъ знаетъ, давай мнѣ хорошаго, я непремѣнно самъ сдѣлаю своимъ характеромъ худшее. Желаю Эмиліи Ѳедоровнѣ удовольствій, а всего болѣе здоровья, искренно желаю; я много объ васъ всѣхъ думаю. Да, братъ: деньги и обезпеченіе — хорошая вещь. Цалую племянниковъ. Ну, прощай. Въ слѣдующемъ письмѣ напишу болѣе. А теперь ради Бога не сердись на меня. Да будь здоровъ, и не ѣшь такъ много говядины.

Адресъ мой:

У Казанскаго собора, на углу Большой Мѣщанской и Соборной площади, въ домѣ Кохендорфа, № 25.

Прощай. Твой братъ

Ѳ. Достоевскій.

Старайся ѣсть какъ можно здоровѣе, и пожалуйста безъ грибковъ, горчицъ и тому подобной дряни. Ради Бога.

7 октября 1846 г.

Любезный братъ!

Спѣшу отвѣчать тебѣ на твое письмо, и вмѣстѣ съ тѣмъ написать то, объ чемъ хотѣлъ увѣдомить тебя и безъ твоего письма.

Прошлый разъ писалъ я тебѣ, что собираюсь за границу. Книгопродавцы даютъ мнѣ четыре тысячи ассигн. за все. Некрасовъ давалъ было 1,500 руб. серебр. Но, кажется, у него денегъ на это не будетъ и онъ отступится. Если цѣна мнѣ покажется низкою (судя по моимъ расходамъ), то я не возьму, и самъ издамъ свой томикъ, можетъ быть даже къ 15-му

ноября. Оно же и лучше, ибо на глазахъ дѣло будетъ, не изуродуютъ изданія, напримѣръ, и однимъ словомъ будутъ свои выгоды. Потомъ къ 1-му января продамъ всѣ экземпляры гуртомъ книгопродавцамъ. Можетъ быть выручу 4,000, и хотя это то же самое, что даютъ книгопродавцы, но я буду въ своемъ томѣ печатать не все. Слѣд., если немного прибавить, то по возвращеніи изъ Италіи выйдетъ 2-й томъ, и я пріѣду прямо на деньги.

Я ѣду не гулять, а лечиться. Петербургъ адъ для меня. Такъ тяжело, такъ тяжело жить здѣсь! А здоровье мое слышно хуже. Къ тому же я страшно боюсь. Что-то скажетъ, напримѣръ, октябрь; до сихъ поръ дни ясные. Я очень жду твоего письма; ибо желаю знать твое мнѣніе. А покамѣстъ вотъ тебѣ слѣдующее: помоги мнѣ, братъ, до 1-го декабря самое дальнее. Ибо до 1-го декабря я совершенно не знаю, гдѣ взять денегъ. Т. е. деньги-то будутъ, Краевскій наприм. навязываетъ, но я взялъ уже у него 100 руб. сер. и теперь отъ него бѣгаю. Ибо что̀ 50 цѣлковыхъ, то и листъ печатный. А я въ Италіи, на досугѣ, на свободѣ хочу писать романъ для себя и быть въ возможности накинуть, наконецъ, цѣну. А система всегдашняго долга, которую такъ распространяетъ Краевскій, есть система моего рабства и зависимости литературной. Итакъ, дай же мнѣ средства, если можешь. Уѣзжая за границу, я тебѣ писалъ ужь, что отдамъ 100 руб. сер.; но если мнѣ пришлешь теперь 50 руб. серебр., то отдамъ и ихъ, все будетъ обдѣлано къ 1-му января. Разсчитайся, если можешь ссудить меня до 1-го января, то дай. На меня же въ отношеніи отдачи надѣйся, какъ на каменную гору. Пишу послѣднее собственно для того, чтобъ тебѣ яснѣе было можно разсчитать.

Деньги эти мнѣ нужны на шинель. Платья себѣ я ужь не шью, занятый весь моею системою литературной эманципаціи, а оно, т. е. платье, уже неприличное. Шинель же нужна. На нее употреблю съ воротникомъ 120 р., а на остальные хочу кое-какъ пробиться до напечатки. Вызвался хлопотать за меня самъ Краевскій. Печатаютъ же по его рекомендаціи Ратьковъ и Кувшинниковъ. Я уже съ ними говорилъ. Давали же они 4,000 за рукопись.

Къ 1-му января намѣренъ еще настрочить какую нибудь мелочь Краевскому и потомъ удеру отъ всѣхъ. Чтобы мнѣ подняться въ Италію нужно заплатить разныхъ долговъ (тутъ же и тебѣ) всего 1,600 руб. асс. Слѣд. останется развѣ-развѣ 2,400 руб. асс. Я обо всемъ разспрашивалъ: проѣздъ стоитъ 500 р. (крайнее). Да въ Вѣнѣ я сдѣлаю платья и бѣлья на 300 руб., тамъ дешево, всего 800; останется стало быть 1,600. Я проживу восемь мѣсяцевъ. Пришлю въ „Современникъ“ *1-ю часть ро-*

мана, получу 1,200 р. и изъ Рима на 2 мѣсяца съѣзжу въ Парижъ и обратно. Пріѣхавъ издамъ тотчасъ же 2-ю часть, а романъ буду писать до осени 1848 года и тутъ издамъ 3 или 4 части его. Первая же, прологъ, будетъ напечатана уже въ „Современникѣ“ въ видѣ пролога. И сюжетъ и мысль у меня въ головѣ. Я теперь почти въ паническомъ страхѣ за здоровье. Сердцебіеніе у меня ужасное, какъ въ первое время болѣзни.

„Современникъ“ издаетъ Некрасовъ и Панаевъ 1-го января. Критикъ Бѣлинскій. Подымаются разные журналы и чортъ знаетъ что̀ еще. Но я бѣгу отъ всего затѣмъ, что хочу быть здоровымъ, чтобы написать что нибудь здоровое. Лавка падаетъ у Некрасова. Но Языковъ и комп. процвѣтаютъ. У него тоже коммиссіонерство книгами. Я уже съ нимъ говорилъ для сдачи ему экземпляровъ для хозяйственнаго командованія ими.

Кланяйся всѣмъ. Эмиліи Ѳедоровнѣ особенно. Дѣтямъ тоже и ради Бога отвѣчай мнѣ по первой почтѣ. Жду твоего письма. Напиши скорѣе; ибо если не пришлешь денегъ, то по крайней мѣрѣ скажи, что нѣтъ (за что̀ ей-Богу не буду претендовать), чтобъ мнѣ можно было хлопотать въ другомъ мѣстѣ.

Твой весь

Ѳ. Достоевскій.

Я тебѣ буду теперь писать письма очень часто.

Мы, братъ, долго теперь не увидимся. Но по пріѣздѣ изъ за границы прямо заѣду къ тебѣ, гдѣ бы ты ни былъ.

Къ 20 октября время окончанія сыраго матеріала, т. е. „Сбритыхъ Бакенбардъ“, мое положеніе означится наияснѣйшимъ образомъ, ибо уже съ 15-го октября начнется печатаніе съ „Бѣдныхъ Людей“.

17 октября 1846 г.

Спѣшу тебя увѣдомить, л. б., что я твои деньги получилъ, за что несказанно благодаренъ, ибо не чувствую болѣе холода и другихъ непріятностей. Спѣшу тоже сказать тебѣ, что всѣ мои надежды и разсчеты отлагаются кажется до болѣе удобнаго времени. По крайней мѣрѣ теперь самъ еще немного знаю. Предлагаются все такія условія, какихъ и принять нельзя: то деньги маленькія, то деньги порядочныя, но не всѣ, а

ждать нужно. Разумѣется, если продавать, то я могу исполнить это только на наличныя деньги. Наконецъ совѣтуютъ мнѣ подождать. Оно и худо и хорошо. Худо за здоровье. Хорошо то, что если выждать, такъ можно получить болѣе значительную сумму. Издавать же въ послѣднемъ случаѣ никакъ не предстоитъ къ Рождеству. Ибо нужно жить чѣмъ нибудь; слѣд. нужно продавать повѣсти въ журналы; и потомъ нужно будетъ выжидать; и потому изданіе можетъ развѣ состояться къ 1-му мая. Къ тому же нужно будетъ потрудиться все пообдѣлать, и издать 2 томика толстыхъ, и не за 2 р. 50 коп., какъ я предполагалъ, а уже за *3* и, можетъ быть, болѣе. И такъ можетъ быть увидимся лѣтомъ еще разъ и развѣ осенью осуществится поѣздка, при большихъ деньгахъ.

Меня все это такъ разстраиваетъ, братъ, что я какъ одурѣлый. Экъ сколько труда и тягости разной нужно перенести сначала, чтобъ устроить себя. Здоровье свое, наприм., нужно пускать на *авось,* а обезпеченіе чортъ знаетъ еще будетъ когда. Я тебѣ пишу письмо маленькое, ибо самъ еще навѣрно не знаю ничего. Я впрочемъ не совсѣмъ унываю. Какъ-то ты живешь? Пишешь, что ожидаешь новаго гостя въ семейство. Дай Богъ, чтобы это все обошлось хорошо. Кабы и у тебя тоже поправлялись обстоятельства. Я, братъ, не перестаю думать о своихъ цѣляхъ. Наша ассоціація можетъ осуществиться. Я все мечтаю. Мнѣ, братъ, нужно рѣшительно имѣть *полный успѣхъ;* безъ того ничего не будетъ, и я буду только существовать съ горемъ пополамъ. Все же это зависитъ не отъ меня, а отъ силъ моихъ.

„Сбрит. Бак.“ еще не совсѣмъ кончены. Прохарчина очень хвалятъ. Мнѣ разсказывали много сужденій. Бѣлинскій еще не пріѣхалъ. Господа въ „Современникѣ“ все таятся. Такъ что я еще придерживаюсь съ „Сбрит. Бакенбард.“ и не обѣщалъ. Можетъ быть будутъ у Краевскаго. Впрочемъ, я еще не знаю какъ устроюсь и съ этимъ. Буду пользоваться обстоятельствами и пущу повѣсть въ драку, кто больше? Стащу-то я денегъ ужь навѣрно порядочно. Но если случится издавать отдѣльно, такъ что дадутъ извѣстную сумму впередъ, то я не отдамъ въ журналы.

Братъ Андрей тебѣ кланяется. Бѣлинскія тоже, и тебѣ и Эмиліи Ѳедоровнѣ. Я у нихъ бываю. Вотъ играютъ-то на авось! Цалую дѣтей; я объ нихъ часто вспоминаю. Если продамъ хорошо повѣсть, то непремѣнно пришлю имъ къ Рождеству конфектовъ и разныхъ сластей. Свидѣтельствую всю мою преданность Эмиліи Ѳедоровнѣ. Потерпимъ, братъ, авось разбогатѣемъ. Нужно работать. Но ради Бога храни здоровье. И я бы тебѣ совѣтовалъ и просилъ—не работай много. Чтò къ чорту! Пожалуй-

ста береги себя. И главное ѣшь здоровѣе пищу. Меньше кофею и мяса. Это ядъ. Прощай, братъ. Скоро еще напишу. Такія потемки.

Ѳ. Достоевскій.

У насъ октябрь сухой, ясный и холодный. Болѣзней мало. Не забывай меня и пиши. Кланяйся форштадтскимъ, Рейнгардту и прочимъ.

(1846 г.?).

Любезный братъ!

Хочу тебѣ написать слова два, но не болѣе, ибо хлопочу и бьюсь объ ледъ, какъ рыба. Дѣло въ томъ, что всѣ мои планы рухнули и уничтожились сами собою. Изданіе не состоится. Ибо не состоялось ни одной изъ тѣхъ повѣстей, о которыхъ я тебѣ говорилъ. Я не пишу и „Сбритыхъ Бакенбардъ". Я все бросилъ: ибо все это есть ни что иное, какъ повтореніе стараго, давно уже мною сказаннаго. Теперь болѣе оригинальныя, живыя и свѣтлыя мысли просятся изъ меня на бумагу. Когда я дописалъ „Сбр. Бак." до конца, все это представилось мнѣ само собою. Въ моемъ положеніи однообразіе — гибель.

Я пишу другую повѣсть, и работа идетъ, какъ нѣкогда въ „Бѣдныхъ Людяхъ" — свѣжо, легко и успѣшно. Назначаю ее Краевскому. Пусть господа „Современника" сердятся, это ничего. Между тѣмъ, написавъ повѣсть къ январю, перестаю печатать совсѣмъ до самаго будущаго года, а пишу романъ, который ужь и теперь не даетъ мнѣ покоя.

Но чтобъ жить я рѣшаюсь издать „Бѣдныхъ Людей" и обдѣланнаго „Двойника" отдѣльными книжками. Я не ставлю, напримѣръ, на нихъ 1-я часть, 2-я часть, это просто будетъ „Бѣдные Люди" отдѣльно и „Двойникъ" тоже — вся дѣятельность моя за годъ. Также точно надѣюсь я поступить и относительно будущаго романа. И, наконецъ, развѣ года черезъ 2 приступлю къ полному изданію, и тѣмъ чрезвычайно выиграю, ибо возьму деньги два раза и сдѣлаю себѣ извѣстность.

„Бѣдные Люди" начинаю печатать завтра или послѣ завтра. Сдѣлаю это черезъ Ратькова, онъ обѣщаетъ. И теперь только кляну судьбу, что нѣтъ у меня 700 руб. ассигн., чтобъ издать на свой счетъ. Издавать на свой счетъ — это все. На чужой — это значитъ на страхъ, можно погибнуть. Книгопродавцы подлецы. Бездна есть у нихъ уловокъ, которыхъ не знаю я, и которыми можно облапошить. Но самая варварская вещь у нихъ слѣдующая: Напечатаетъ онъ изданіе на свой

счетъ и получитъ за это отъ меня 350 или 400 экземпляровъ (цѣна, окупающая ему издержки), проценту беретъ онъ 40 на 100, то есть 40 к. сер. съ экземпляра (я пущу по рублю). Это за *оборотъ его капитала* и за *страхъ*. У него въ рукахъ, положимъ, 300 экземпляр. Онъ ужь ихъ и продаетъ. Я же не имѣю права продать ни одного экземпляра до тѣхъ поръ, пока онъ все свое не продастъ, ибо его подрываю. Онъ продастъ все и скажетъ мнѣ, что публика не требуетъ болѣе и что у него нейдутъ. Повѣрять его невозможно. Это значитъ разссориться съ нимъ. Это дѣлается только въ крайнихъ случаяхъ. У меня экземпляры лежатъ. Мнѣ нужны деньги. Онъ покупаетъ, наконецъ, у меня, проморивъ меня, сотни двѣ экземпляровъ за половинную цѣну. Наконецъ, есть такія канальи, которыя задерживаютъ иногородныя требованія и не даютъ требующей даже въ Петербургѣ публикѣ. Теперь: издай я самъ, я вдругъ продаю всѣмъ книгопродавцамъ въ Петербургѣ на чистыя. Процентъ берется законный. Они даютъ каждый больше, подрывая другъ друга, если книга идетъ и, наконецъ, въ конторѣ Языкова учреждается главный складъ.

Слушай, братъ: требую отъ тебя немедленнаго отвѣта и вотъ что̀ предлагаю. Если только у тебя есть деньги 200 руб. сер. (нужно болѣе, но можно войти въ маленькій долгъ), то не хочешь-ли спекуляцію. Если ты копишь, то деньги у тебя пролежатъ даромъ. Я же тебѣ предлагаю, дай мнѣ денегъ на изданіе. Къ 15-му ноября можно уже напечатать. До 1-го января окупится изданіе. Я тебѣ присылаю деньги твои 200 р. сер. тотчасъ же. Потомъ, со всего остальнаго барыша тебѣ $^1/_4$ долю. Изданіе окупится 350 экземпл. (всего 1,200 экз.). Останется 850 по 75 к. сер.— 635 руб. асс. Книгопродавцу я дамъ же этотъ барышъ. Но я бы лучше желалъ взять тебя въ долю. Мои деньги бы не пропали. Потомъ, если бы попахло успѣхомъ, мы бы издали „Двойника“. Наконецъ, во всякомъ случаѣ, твои деньги воротятся къ тебѣ до генваря мѣсяца. Свидѣтельствуюсь честнымъ словомъ моимъ, что я не вовлеку тебя въ ложное положеніе. Наконецъ, я ожидаю успѣха. Хотя и медленнаго. Все изданіе разойдется развѣ въ годъ. Вотъ примѣръ: „Панъ Халявскій“ Основьяненко былъ напечатанъ въ „Отеч. Запискахъ“ 3 года назадъ. Потомъ изданъ отдѣльно и теперь уже хотятъ дѣлать 3-е изданіе.

Если хочешь, братъ, то отвѣчай мнѣ немедленно и деньгами. Я же поправлю въ это время кое-что, буду въ цензурѣ и уговорюсь въ типографіи. Если пришлешь и у тебя нѣтъ столько, то пришли на 1-ый разъ хоть 120 р. сер. не менѣе для задатка, и потомъ непремѣнно къ 15-му ноября остальные 80 р. сер.

Наконецъ, если ты не можешь всего этого сдѣлать, то ты меня не стѣснишь, по крайней мѣрѣ, во времени. Я обращусь къ книгопродавцамъ и мы издадимъ уже потомъ „Двойника“.

Отбрось въ этомъ дѣлѣ всю братскую любовь, деликатность и проч. разности. Смотри на дѣло, какъ на спекуляцію. Изъ желанія мнѣ добра, не обкради себя самъ, хотя даже и не на большое время. У тебя рождается новое дитя. Прощай, цалуй всѣхъ. Кланяйся кому нужно. Мнѣ все нездоровится. Но вѣдь ты меня знаешь.

Твой Достоевскій.

Прощай, любезный братъ. Ожидаю отвѣта немедленнаго. Ради Бога не ставь себя самъ въ ложное положеніе, т. е. еслибъ ты, напр., давалъ свои послѣднія. Тогда лучше не нужно. Я вѣдь только предлагаю. Но если ты богатъ и *согласенъ,* то высылай деньги съ 1-ою почтою, напр., ко 2-му или 3-му числу.

Ну, слушай же: Я тебѣ написалъ все и послѣдній разъ говорю; если есть деньги, не бойся и соглашайся. Нѣтъ, или мало, то ради Бога не вступай въ долю. Отвѣчай сейчасъ.

Кланяйся Эмиліи Ѳедоровнѣ. Желаю вамъ всѣмъ счастья, друзья мои. Гоголь умеръ во Флоренціи 2 мѣсяца назадъ.

26 ноября 1846 г.

Ну какъ ты могъ, драгоцѣннѣйшій другъ мой, писать, будто бы я на тебя разсердился за неприсылку денегъ и потому молчу. Какъ могла такая идея придти тебѣ въ голову? И чѣмъ, наконецъ, я могъ подать тебѣ поводъ такъ думать обо мнѣ? Если ты меня любишь, то сдѣлай одолженіе откажись впредь навсегда отъ подобныхъ идей. Постараемся, чтобъ между нами было все прямо и просто. Я вслухъ и прямо скажу тебѣ, что я тебѣ ужь и такъ много обязанъ и что было бы смѣшнымъ и подлымъ свинствомъ съ моей стороны не сознаться въ этомъ. Теперь объ этомъ довольно. Буду писать лучше о моихъ обстоятельствахъ и постараюсь обо всемъ тебя пояснѣе увѣдомить.

Во первыхъ всѣ мои изданія лопнули и не состоялись. Не стоило, брало много времени и рано было. Публика, можетъ быть, не подалась бы. Изданіе сдѣлаю къ будущей осени. Со мной къ тому времени публика болѣе ознакомится и положеніе мое будетъ яснѣе. Къ тому же я ожидаю

нѣсколькихъ авансовъ. „Двойникъ“ уже иллюстрированъ однимъ московскимъ художникомъ. „Бѣдные люди“ иллюстрируются здѣсь въ двухъ мѣстахъ—кто сдѣлаетъ лучше. Бернардскій говоритъ, что не прочь начать со мной переговоры въ февралѣ мѣсяцѣ и дать мнѣ извѣстную толику денегъ на право издать въ иллюстраціи. До того времени онъ возится съ „Мертвыми душами“. Однимъ словомъ, къ изданію я сталъ равнодушенъ. Къ тому же и некогда возиться съ этимъ. Работы и заказовъ у меня бездна. — Скажу тебѣ, что я имѣлъ непріятность окончательно поссориться съ „Современникомъ“ въ лицѣ Некрасова. Онъ досадуетъ на то, что я всетаки даю повѣсти Краевскому, которому я долженъ, и что я не хотѣлъ публично объявить, что не принадлежу къ „Отечеств. Запискамъ“. Отчаявшись получить отъ меня въ скоромъ времени повѣсть, надѣлалъ мнѣ грубостей и неосторожно потребовалъ денегъ. Я его поймалъ на словѣ и обѣщалъ заемнымъ письмомъ выдать ему сумму къ 15-му декабря. Мнѣ хочется, чтобы сами пришли ко мнѣ. Когда я разругалъ Некрасова въ пухъ, онъ только что сѣменилъ и отдѣлывался какъ жидъ, у котораго крадутъ деньги. Однимъ словомъ, грязная исторія. Теперь они выпускаютъ, что я зараженъ самолюбіемъ, возмечталъ о себѣ и передаюсь Краевскому затѣмъ, что Майковъ хвалитъ меня. Некрасовъ же меня собирается ругать. Что̀ же касается до Бѣлинскаго, то это такой слабый человѣкъ, что даже въ литературныхъ мнѣніяхъ у него пять пятницъ на недѣлѣ. Только съ нимъ я сохранилъ прежнія добрыя отношенія. Онъ человѣкъ благородный. Между тѣмъ, Краевскій, обрадовавшись случаю, далъ мнѣ денегъ и обѣщалъ сверхъ того уплатить за меня всѣ долги къ 15 декабря. За это я работаю ему до весны.—Видишь-ли что̀, братъ: изъ всего этого я извлекъ премудрое правило. 1-е убыточное дѣло для начинающаго таланта—это дружба съ пропріетерами изданій, изъ которой необходимымъ слѣдствіемъ исходитъ кумовство и потомъ разныя сальности. Потомъ независимость положенія и, наконецъ, работа для святаго искусства, работа святая, чистая въ простотѣ сердца, которое еще никогда такъ не дрожало и не двигалось у меня, какъ теперь, передъ всѣми новыми образами, которые сознаются въ душѣ моей. Братъ, я возрождаюсь не только нравственно, но и физически. Никогда не было во мнѣ столько обилія и ясности, столько ровности въ характерѣ, столько здоровья физическаго. Я много обязанъ въ этомъ дѣлѣ моимъ добрымъ друзьямъ Бекетовымъ, Залюбецкому и другимъ, съ которыми я живу; это люди дѣльные, умные, съ превосходнымъ сердцемъ, съ благородствомъ, съ характеромъ. Они меня вылечили своимъ обществомъ. Наконецъ, я предложилъ жить вмѣстѣ. Нашлась квартира большая и всѣ издержки, по

всѣмъ частямъ хозяйства, все не превышаетъ 1,200 руб. ассигнац. съ человѣка въ годъ. Такъ велики благодѣянія ассоціаціи! У меня своя комната и я работаю по цѣлымъ днямъ. Адресъ мой новый, куда прошу адресовать ко мнѣ: — на Васильевскомъ островѣ, въ 1-й линіи, у Большаго проспекта, въ домѣ Солошича, № 26, противъ лютеранской церкви.

Поздравляю, милѣйшій мой другъ, съ 3-мъ племянникомъ. Желаю всѣхъ благъ и ему и Эмиліи Ѳедоровнѣ. Я васъ всѣхъ теперь втрое больше люблю. Но не сердись на меня, безцѣнный мой, что пишу не письмо, а какой-то клочекъ исписанный; времени нѣтъ, меня ждутъ. Но зато въ пятницу еще разъ буду писать. Считай же это письмо недоконченнымъ.

Твой другъ Ѳ. Достоевскій.

С.-Петербургъ. 17 декабря 1846 г.

Чтò это съ тобою сталось, любезный братъ, что ты совершенно замолкъ? Съ каждой почтой жду чего нибудь отъ тебя и ни слова. Я въ безпокойствѣ, часто думаю о тебѣ, о томъ, что ты хвораешь иногда, и боюсь дѣлать заключенія. Ради Бога, напиши мнѣ хоть двѣ строчки. Пожалуйста напиши и успокой меня. Ты, можетъ быть, все выжидалъ продолженія моего недавняго посланія. Но на меня не сердись, что я такъ неточно исполняю слово мое. Я теперь заваленъ работою и къ 5-му числу генваря обязался поставить Краевскому 1-ю часть романа „Неточка Незванова“, о публикаціи которой ты уже вѣрно прочелъ въ „Отеч. Запискахъ“. Это письмо пишу я урывками, ибо пишу день и ночь, развѣ отъ семи часовъ вечера для развлеченія хожу въ итальянскую оперу въ галлерею слушать нашихъ несравненныхъ пѣвцовъ. Здоровье мое хорошо, такъ что объ немъ ужь и нечего писать болѣе. Пишу я съ рвеніемъ. Мнѣ все кажется, что я завелъ процессъ со всею нашею литературою, журналами и критиками, и тремя частями романа моего въ „Отечеств. Запискахъ“ и устанавливаю и за этотъ годъ мое первенство на зло недоброжелателямъ моимъ. Краевскій повѣсилъ носъ. Онъ почти погибаетъ. „Современникъ“ же выступаетъ блистательно. У нихъ уже завязалась перестрѣлка.

Итакъ, братъ, я не поѣду за границу ни нынѣшнюю зиму, ни лѣто, а пріѣду опять къ вамъ въ Ревель. Я самъ съ нетерпѣніемъ жду лѣта. Лѣ-

томъ буду передѣлывать старое и подготовлять къ осени изданіе, а тамъ что̀ будетъ. Что̀ здоровы-ли всѣ у тебя, братъ? Не больна-ли ужь Эмилія Ѳедоровна? На это письмо я немедленно требую отвѣта. Я живу, какъ я уже писалъ тебѣ, братъ, съ Бекетовыми на Васильевскомъ островѣ, не скучно, хорошо и экономно. Бываю у Бѣлинскаго. Онъ все хвораетъ, но съ надеждами. M-me Бѣлинская родила.

Я плачу все долги мои, посредствомъ Краевскаго. Вся задача моя заработать ему все въ зиму и быть ни копѣйки не должнымъ на лѣто. Когда-то я выйду изъ долговъ. Бѣда работать поденьщикомъ! Погубишь все: и талантъ, и юность, и надежду, омерзѣетъ работа и сдѣлаешься, наконецъ, пачкуномъ, а не писателемъ.

Прощай, братъ. Ты меня оторвалъ отъ моей самой любопытной страницы въ романѣ, а дѣла еще куча впереди. Ахъ, милый мой, кабы тебѣ удалось. Мнѣ все хочется съ тобою свидѣться поскорѣе, да и свидѣться-то хочется, установивъ и разрѣшивъ мое положеніе. Я связалъ себя по рукамъ и по ногамъ моими антрепренерами. А между тѣмъ, со стороны дѣлаютъ блистательныя предложенія. „Современникъ", который въ лицѣ Некрасова меня хочетъ ругать, даетъ мнѣ за листъ 60 р. сер., что равняется 300 руб. въ „Отеч. Записк.", „Библіотека для Чтенія" 250 руб. асс. за свой листъ и т. д. и я ничего не могу туда: все взялъ Краевскій за свои 50 руб. сер., давъ денегъ впередъ. Кстати: Григоровичъ написалъ физіологію: „Деревня" въ „Отеч. Запискахъ", которая здѣсь дѣлаетъ *фурор*ъ. Ну, прощай, любезный братъ. Кланяйся Эмиліи Ѳедоровнѣ, Ѳединькѣ, Машенькѣ и Мишѣ. Забыли-ль дѣти меня или нѣтъ? Кланяйся Рейнгарту и другимъ. Ходитъ-ли къ вамъ Анна Ивановна? Всѣмъ старымъ знакомымъ тоже поклонъ. Твой всегда

Ѳ. Достоевскій.

Адресъ мой: На Васильевскомъ островѣ, въ 1-й линіи, по Большому проспекту, въ домѣ Солошича, № 26, въ квартирѣ Бекетова.

Теперь братъ вотъ что̀: пріѣзжай этотъ годъ на масляницу въ Петербургъ. Хоть на двѣ недѣли. Но пріѣзжай непремѣнно. Квартира и столъ тебѣ не будутъ ничего стоить. Чай, сахаръ и все содержаніе тоже. Карманнаго ты почти ничего не истратишь. Вся поѣздка обойдется въ пустяки. А? Какъ ты думаешь? Подумай объ этомъ. Что̀ тебѣ? Я бы былъ такъ радъ тебя видѣть. Да и тебѣ-то было бы пріятно пожить въ Петербургѣ. Тебѣ даже не нужно совсѣмъ денегъ брать, чтобъ ѣхать сюда. Я тебѣ долженъ и заплачу за все. Денегъ достанемъ. Ради Бога пріѣзжай, братъ. Ты сидень. Неужели ты хочешь дойти до того, что тебя изъ

Ревеля будутъ клещами вытаскивать. Пріѣзжай, кромѣ шутокъ, на масляницѣ.

Твой Д.

(1847 г.?).

Любезный братъ. Опять прошу твоего отпущенія за то, что не исполнилъ слова, и не написалъ съ слѣдующею почтою. Но такая тоска находила на меня все это время, что невозможно было писать. Думалъ я о тебѣ очень много и мучительно. Тяжела судьба твоя, милый братъ! Съ твоимъ здоровьемъ, съ твоими мыслями, безъ людей кругомъ, съ скукой вмѣсто праздника, и съ семействомъ, о которомъ, хоть и свята и сладка забота, но тяжело бремя — жизнь невыносима. Но не унывай духомъ, братъ. Просвѣтлѣетъ время. Видишь-ли, чѣмъ больше въ насъ самихъ духа и внутренняго содержанія, тѣмъ краше нашъ уголъ и жизнь. Конечно, страшенъ диссонансъ, страшно неравновѣсіе, которое представляетъ намъ общество. *Внѣ* должно быть уравновѣшено съ *внутреннимъ*. Иначе, съ отсутствіемъ внѣшнихъ явленій, внутреннее возьметъ слишкомъ опасный верхъ. Нервы и фантазія займутъ очень много мѣста въ существѣ. Всякое внѣшнее явленіе съ непривычки кажется колоссальнымъ и пугаетъ какъ-то. Начинаешь бояться жизни. Счастливъ ты, что природа обильно надѣлила тебя любовью и сильнымъ характеромъ. Въ тебѣ есть еще крѣпкій здравый смыслъ и блестки бриллiантоваго юмора и веселости. Все это еще спасаетъ тебя. Я много думаю о тебѣ. Но Боже, какъ много отвратительныхъ подло-ограниченныхъ сѣдобородыхъ мудрецовъ, знатоковъ, фарисеевъ жизни, *гордящихся* опытностію, т. е. своею безличностію (ибо всѣ въ одну мѣрку сточаны) негодныхъ, которые вѣчно проповѣдуютъ довольство судьбой, вѣру во что-то, ограниченіе въ жизни и довольство своимъ мѣстомъ, не вникнувъ въ сущность словъ этихъ, — довольство, похожее на монастырское истязаніе и ограниченіе, и съ неистощимою мелкою злостью осуждающихъ сильную, горячую душу невыносящаго ихъ пошлаго дневнаго росписанія и календаря жизненнаго. Подлецы они съ ихъ водевильнымъ земнымъ счастьемъ. Подлецы они! Встрѣчаются иногда и бѣсятъ мучительно. Вотъ сейчасъ меня прервалъ своимъ остроумно свѣтскимъ визитомъ несносный болтунъ Свиридовъ. Онъ, братъ, кажется, самый назойливый дуракъ. Привезъ вопросъ изъ аналитики, и привезъ-то какіе-то дряннѣйшіе, старые, разрозненные листы, изъ которыхъ, кажется, ничего нельзя сдѣлать. Проситъ меня похлопотать у Бекетова о поправкѣ этихъ

листовъ. Смѣшной человѣкъ. Самъ въ нихъ ничего не разбираетъ и хочетъ, чтобы другіе что нибудь сдѣлали. Я какъ нибудь похлопочу о твоемъ отвѣтѣ. Поѣду по всѣмъ, у кого есть записки.

Но время уходитъ. Хотѣлъ тебѣ написать многое. Какъ досадно, что все перебито. И потому ограничусь самымъ послѣднимъ, напишу кое-что о себѣ. Я, братъ, работаю; не хочу ничего выдавать раньше, чѣмъ кончу. Денегъ, между тѣмъ, нѣтъ, и если бы не было добрыхъ людей, я бы погибъ. Разложеніе моей славы въ журналахъ доставляетъ мнѣ болѣе выгоды, чѣмъ невыгоды. Тѣмъ скорѣе схватятся за новое мои поклонники, которые, кажется, очень многочисленны и отстоятъ меня. Я живу очень бѣдно и всего, съ того времени, какъ я тебя оставилъ, прожилъ 250 р. с., до 300 руб. сер. употребилъ на долги. Меня сильнѣе всѣхъ подрѣзалъ Некрасовъ, которому я отдалъ его 150 руб. сер., не желая съ нимъ связываться. Къ веснѣ сдѣлаю у Краевскаго большой заемъ и пришлю тебѣ 400 руб. непремѣнно. Это какъ Богъ святъ; ибо мысль о тебѣ мучаетъ меня болѣе, чѣмъ все. Въ Гельсингфорсъ же врядъ-ли пріѣду рано. Ибо, можетъ быть, буду лечиться окончательно по методѣ Присница холодной водой. И потому пріѣду развѣ въ іюнѣ. Впрочемъ, ничего еще не знаю, мой милый. Мое будущее впереди. Но, хоть громъ трещи надо мной, я теперь не подвинусь, я знаю все, что̀ могу сдѣлать, работы своей не испорчу, и поправлю свои обстоятельства денежныя успѣшнымъ ходомъ книги, которую издамъ осенью. Проклятый Свиридовъ. Уже почти два часа. Вообрази: я всѣми силами давалъ ему замѣтить, что у меня нѣтъ времени. Онъ все сидѣлъ и болталъ о томъ, какъ онъ вопросъ твой составлялъ, давалъ знать, какъ важно тебѣ его въ этомъ помощничество, какъ онъ на Кавказъ поѣдетъ, и напишетъ о тамошней флорѣ такое сочиненіе, какого и не бывало. Чортъ съ нимъ... Шутъ! Право съ иными людьми поговоришь и точно выйдешь изъ какой нибудь канцеляріи. Онъ меня оторвалъ отъ тебя, мой возлюбленный. Береги себя, братъ. Особенно здоровье. Развлекайся, и пожелай мнѣ скорѣе кончить работу. За ней сейчасъ послѣдуютъ деньги и я у тебя. Леченіе у Присница въ моемъ воображеніи. Можетъ быть, доктора и отсовѣтуютъ мнѣ. Какъ бы я желалъ тебя видѣть. Иногда меня мучаетъ такая тоска. Мнѣ вспоминается иногда, какъ я былъ угловатъ и тяжелъ у васъ въ Ревелѣ. Я былъ боленъ, братъ. Я вспоминаю, какъ ты разъ сказалъ мнѣ, что мое обхожденіе съ тобою исключаетъ взаимное равенство. Возлюбленный мой. Это совершенно было несправедливо. Но у меня такой скверный отталкивающій характеръ. Я тебя всегда цѣнилъ выше и лучше себя. Я за тебя и за твоихъ готовъ жизнь отдать, но иногда, когда сердце мое плаваетъ въ любви, не до-

бьешься отъ меня ласковаго слова. Мои нервы не повинуются мнѣ въ эти минуты. Я смѣшонъ и гадокъ, и вѣчно посему страдаю отъ несправедливаго заключенія обо мнѣ. Говорятъ, что я черствъ и безъ сердца. Сколько разъ я грубилъ Эмиліи Ѳедоровнѣ, благороднѣйшей женщинѣ въ 1,000 разъ лучше меня. Помню, какъ иногда я нарочно злился на Ѳедю, котораго любилъ въ то же самое время даже больше тебя. Я тогда только могу показать, что я человѣкъ съ сердцемъ и любовью, когда самая внѣшность, обстоятельства, случай, вырветъ меня насильно изъ обыденной пошлости. До того времени я гадокъ. Неравенство это я приписываю болѣзни. Читалъ-ли ты „Лукрецію Флоріани“, посмотри „Кароля“. Но скоро ты прочтешь „Неточку Незванову“. Это будетъ исповѣдь, какъ *Голядкинъ,* хотя въ другомъ тонѣ и родѣ. О Голядкинѣ я слышу изъ подтишка (и отъ многихъ) такіе слухи, что ужасъ. Иные прямо говорятъ, что это произведеніе *чудо* и не понято. Что ему страшная роль въ будущемъ, что еслибъ я написалъ одного Голядкина, то довольно съ меня, и что для иныхъ оно интереснѣе Дюмасовскаго интереса. Но вотъ самолюбіе мое разхлесталось. Но, братъ! Какъ пріятно быть понятымъ. Братъ, за что ты такъ любишь меня! Постараюсь тебя обнять поскорѣе. Будемъ любить другъ друга горячо. Пожелай мнѣ успѣха. Я пишу мою „Хозяйку“. Уже выходитъ лучше „Бѣдныхъ Людей“. Это въ томъ же родѣ. Перомъ моимъ водитъ родникъ вдохновенія, выбивающійся прямо изъ души. Не такъ какъ въ Прохарчинѣ, которымъ я страдалъ все лѣто. Какъ бы мнѣ хотѣлось помочь тебѣ, братъ, поскорѣе. Но надѣйся, братъ, на тѣ деньги, которыя я обѣщалъ тебѣ, какъ на стѣну, какъ на гору. Цалуй всѣхъ твоихъ. А покамѣстъ

Твой Достоевскій.

Сойдемся-ли мы, братъ, когда-нибудь вмѣстѣ въ Петербургѣ. Чтобы ты сказалъ о статской службѣ съ приличнымъ жалованьемъ.

Не знаю что родила m-me Бѣлинская. Слышалъ, что кричитъ за двѣ комнаты ребенокъ, а спросить какъ-то совѣстно и странно.

(Весною 1847 г.?).

Любезный братъ!

Напишу тебѣ двѣ строчки, ибо занятъ. Не знаю, гдѣ застанетъ тебя письмо мое. Всѣми силами постараюсь такъ окончить свои дѣла, чтобы

хоть даже въ сентябрѣ побывать къ тебѣ на недѣлю. Что же касается до денегъ, то я немножко ошибся въ разсчетѣ. Мнѣ придется писать едва-ли и два фельетона въ недѣлю, т. е. ужь не болѣе какъ 250 — 300 руб. ассигн. И такъ какъ я долженъ уплачивать Майковымъ, которымъ я очень много задолжалъ (хотя они и не спрашиваютъ) и за квартиру, то ужь я и не знаю сколько я тебѣ буду присылать; но буду присылать. Я, братъ, въ такомъ положеніи, что если отдамъ тебѣ до 1-го октября только 100 руб. сер., то почту себя счастливѣйшимъ человѣкомъ. Но съ 1-го октября или сентября *) дѣла перемѣнятся. Я возьму у Краевскаго послѣ окончанія романа 1,000 руб. сер. впередъ и не иначе, какъ на *неопредѣленный срокъ.* Такъ какъ „Современникъ“ идетъ, и съ ожесточеніемъ переманиваетъ къ себѣ сотрудниковъ „Отечеств. Записокъ“, то онъ, *Андр. Алекс. Краевскій,* сильно труситъ. Онъ будетъ согласенъ на все. Къ тому же, счастье его и *мое,* что романъ мой печатается въ концѣ года. Онъ завершитъ годъ, пойдетъ во время подписки и, главное, будетъ, если не ошибаюсь теперь, капитальною вещью въ году, и утретъ носъ друзьямъ Современникамъ, которые рѣшительно стараются похоронить меня. Но къ чорту ихъ. Тогда, получа 1,000 руб. сер., я пріѣду къ тебѣ съ деньгами и съ окончательнымъ рѣшеніемъ на счетъ тебя. Ты можешь пріѣхать въ Петербургъ хоть одинъ, взявъ отпускъ на 28 дней, получить мѣсто и — или продолжать службу въ инженерахъ, или навѣки оставить ее.

Адресъ мой: На углу Малой Морской и Вознесенскаго проспекта, въ домѣ Шиля, въ квартирѣ Бреммера, спросить Ѳ. Достоевскаго.

На счетъ перевода не знаю, буду хлопотать все лѣто, искать его. У насъ былъ въ Петербургѣ (онъ теперь за границей) одинъ дуракъ Фурманнъ, тотъ получаетъ до 20,000 р. въ годъ одними переводами! Еслибъ у тебя былъ хоть одинъ годъ обезпеченный, то ты бы непремѣнно пошелъ. Ты молодъ; можно бы даже сдѣлать литературную карьеру. Теперь всѣ ее дѣлаютъ. Лѣтъ черезъ десять можно бы и забыть о переводахъ. Я пишу очень прилежно, авось кончу. Тогда мы увидимся ранѣе. Чтò говоритъ Эмилія Ѳедоровна? Я ей нижайше кланяюсь, дѣтямъ тоже. Прощай, братъ. У меня маленькая лихорадка. Я вчера простудился выйдя ночью безъ сюртука въ одномъ пальто, а по Невѣ шелъ ледъ. У насъ холодно, какъ въ ноябрѣ. Но уже я разъ до шести простуживался, — вздоръ! Вообще, здоровье мое очень поправилось! Прощай, братъ, пожелай мнѣ успѣха. Послѣ романа, я приступаю къ изданію моихъ 3-хъ романовъ

*) Тогда-то я и пріѣду къ тебѣ съ послѣдними пароходами.

(„Бѣдн. люд.“, „Дв.“ передѣл. и послѣдняго) на свой счетъ, и тогда авось прояснится судьба.

Дай Богъ тебѣ счастья, мой милый.

Тв. Ѳ. Достоевскій.

Ты не повѣришь. Вотъ уже третій годъ литературнаго моего поприща я какъ въ чаду. Не вижу жизни, некогда опомниться; наука уходитъ за невременьемъ. Хочется установиться. Сдѣлали они мнѣ извѣстность сомнительную, и я не знаю, до которыхъ поръ пойдетъ этотъ адъ, тутъ бѣдность, срочная работа, — кабы покой!!

Мой всенижайшій поклонъ Николаю Ивановичу Рейнгардту, Бергманамъ.

9 сентября 1847 г.

Спѣшу отвѣчать на твое письмо, братъ. Ну ужь какъ хочешь съ семействомъ, какъ самъ лучше разсчитываешь, но ты, относительно себя самого, ужь ни за что не измѣняй своей диспозиціи. Ты боишься, что тебѣ не дадутъ отсрочки; но развѣ ты не можешь взять отпуска на 2, на 3 мѣсяца? А если не можешь, то справься у окружнаго командира и просто попроси его, чтобы задержки въ отсрочкѣ не было. Вѣдь это если захотятъ прижать; но, я думаю, прижимать выходящаго въ отставку не будутъ. Только ты всетаки пріѣзжай. Ты пишешь, что пріѣдешь къ 1-му октября; но въ такомъ случаѣ ты только 2-го сентября подашь въ отпускъ, слѣд. срокъ ему въ $^{1}/_{2}$ ноября, а въ половинѣ ноября можетъ выйти твоя отставка.

Ты говоришь, что покачиваютъ головами; а я тебѣ говорю: не приходи въ разстройство отъ этого. Пишешь, что и у меня первый блинъ комомъ. Но вѣдь это только теперь; погоди, братъ, поправимся. А у насъ ассоціація. Невозможно, чтобъ мы оба не выбились на дорогу; вздоръ! Вспомни, какіе люди покачиваютъ головами! Свое, что теперь получаешь, ты всегда получишь здѣсь, въ Петербургѣ, да еще не такой тяжелой работой. Буду сидѣть на своей квартирѣ и ждать тебя. Я теперь нездоровъ и кончаю повѣсть, чтобъ напечатать ее въ октябрѣ мѣсяцѣ. И потому тороплюсь. Не пишешь какого числа ты отправляешься въ Ревель. Но все равно; письмо мое, можетъ быть, застанетъ тебя наканунѣ отъѣзда. Какъ-то ты устроишь тамъ семейство? 125 руб. сер. мало денегъ. Я напишу

къ москвичамъ, но ты напиши тоже изъ Гельсингфорса и самъ объяви, чтобъ деньги высылались на мое имя *).

Пріѣзжай, братъ, скорѣе. Въ припадкѣ страшной нужды я могу достать денегъ. Но знаешь-ли сколько мнѣ нужно самому? По крайней мѣрѣ 300 руб. сер. къ 1-му октября. Изъ этихъ денегъ 200 будутъ отданы за долги, а 100 истратятся на меня самого, и все это если еще будутъ деньги. На всякій случай я тебѣ напишу все то, что̀ я могу осуществить до 1-хъ чиселъ октября, еслибъ предстояла крайняя надобность.

Отъ Краевскаго	50	руб. сер.
Отъ Некрасова	100	„ „
Въ одномъ мѣстѣ. . . .	50	„ „
И продавъ право изданія „Бѣдн. люд.“.	200	„ „
	400	руб. сер.

Этотъ кушъ хорошій, но онъ меня разоритъ, принявъ въ соображеніе продажу „Бѣдныхъ Людей“. Мнѣ некогда издавать „Бѣдныхъ Людей“. Но чрезъ одну типографію я надѣюсь ихъ напечатать безъ денегъ. Еслибы ты здѣсь случился, ты бы похлопоталъ объ этомъ, и тогда мы бы всю зиму получали да получали. Ты не дурно сдѣлаешь, если пріѣдешь какъ можно скорѣе. Скажу тебѣ, что можетъ быть есть надежда, что работа, о которой я тебѣ писалъ прошлый разъ, будетъ у тебя, если ты будешь въ городѣ. Кромѣ того, есть одно изданіе къ новому году, колоссальное, затѣваемое съ огромнымъ капиталомъ, въ которомъ тебѣ можно будетъ доставить много работы переводно-компиляціонной. Кромѣ того, можно будетъ достать переводовъ у Краевскаго или у Некрасова, съ которымъ я сойдусь для этого окончательно, чего онъ донельзя желаетъ. Кромѣ того, есть еще одно изданіе къ новому году, да еще *одно.* И всѣ будутъ осуществлены.

Какъ жаль, что ты недоперевелъ театръ Шиллера. Еслибъ онъ былъ весь, его бы можно было продать. Собери все что̀ есть. На дняхъ, когда я говорилъ Краевскому, что ты бы могъ перевесть книгу для Географическаго Общества (въ прошломъ письмѣ) и что ты знаешь нѣмецкій языкъ и перевелъ всего Шиллера, Краевскій вдругъ спросилъ необдуманно: а гдѣ его переводъ? — И потомъ вдругъ замолчалъ, одумавшись. Хоть не въ „Отечественныя Записки“, а Краевскій могъ бы содѣйствовать пріобрѣтенію.

*) Это непремѣнно нужно.

Ну прощай, мой милый. Многаго не написалъ, что̀ хотѣлъ, ей-Богу некогда.

Твой весь Ѳ. Достоевскій.

Поклонъ Эмиліи Ѳедоровнѣ. Цалуй дѣтей.

Видишь-ли, что̀ значитъ ассоціація. Работай мы врозь, упадемъ, оробѣемъ и обнищаемъ духомъ. А двое вмѣстѣ для одной цѣли — тутъ другое дѣло. Тутъ бодрый человѣкъ, храбрость, любовь и вдвое больше силъ.

Пиши обо всемъ какъ можно обстоятельнѣе. Внимательнѣе и точнѣе пиши мнѣ о цифрахъ (денегъ, времени и т. д.).

(Изъ крѣпости). 18 іюля, 1849 г. *).

Я несказанно обрадовался, любезный братъ, письму твоему. Получилъ я его 11 іюля. Наконецъ-то ты на свободѣ, и воображаю, какое счастье было для тебя увидѣться съ семьей. То-то они, думаю, ждали тебя! Вижу, что ты уже начинаешь устраиваться по новому. Чѣмъ-то ты теперь занятъ и, главное, чѣмъ ты живешь? Есть-ли работа, и что̀ именно ты работаешь? Лѣто въ городѣ тяжело! Да къ тому же ты говоришь, что взялъ другую квартиру и уже вѣроятно тѣснѣе. Жаль, что тебѣ нельзя кончить лѣтняго времени за городомъ. Благодарю за посылки; онѣ мнѣ доставили большое облегченіе и развлеченіе. Ты мнѣ пишешь, любезный другъ, чтобы я не унывалъ. Я и не унываю; конечно, скучно и тошно, да что̀ же дѣлать! Впрочемъ, не всегда и скучно. Вообще мое время идетъ чрезвычайно не ровно, — то слишкомъ скоро, то тянется. Другой разъ даже чувствуешь, какъ будто уже привыкъ къ такой жизни и что все равно. Я конечно гоню всѣ соблазны отъ воображенія, но другой разъ съ нимъ не справишься, и прежняя жизнь такъ и ломится въ душу съ прежними впечатлѣніями, и прошлое переживается снова. Да впрочемъ, это въ порядкѣ вещей. Теперь ясные дни, большею частію по крайней мѣрѣ, и немножко веселѣе стало. Но ненастные дни невыносимы, казематъ смотритъ суровѣе. У меня есть и занятія. Я времени даромъ не потерялъ: выдумалъ три повѣсти и два романа; одинъ изъ нихъ пишу теперь, но боюсь работать много.

Эта работа, особенно если она дѣлается съ охотою (а я никогда не

*) Это и два слѣдующихъ письма были уже напечатаны въ газетѣ „Недѣля“, 1882 г. № 1.

работалъ такъ con-amore, какъ теперь), всегда изнуряла меня, дѣйствуя на нервы. Когда я работалъ на свободѣ, мнѣ нужно было безпрерывно прерывать себя развлеченіями, а здѣсь волненіе послѣ письма должно проходить само собою. Здоровье мое хорошо, развѣ только геморой, да разстройство нервовъ, которое идетъ crescendo. У меня по временамъ стало захватывать горло, какъ прежде, аппетитъ очень небольшой, а сонъ очень малый, да и то съ сновидѣніями болѣзненными. Сплю я часовъ пять въ сутки и раза по четыре въ ночь просыпаюсь. Вотъ только это и тяжело. — Всего тяжелѣе время, когда смеркается, а въ 9 часовъ у насъ уже темно. Я иногда не сплю до часа, до двухъ за полночь, такъ что часовъ пять темноты переносить очень тяжело. Это болѣе всего разстраиваетъ здоровье. О времени окончанія нашего дѣла ничего сказать не могу, потому что всякій разсчетъ потерялъ, и только веду календарь, въ которомъ пассивно отмѣчаю ежедневно прошедшій день — съ плечъ долой! Я здѣсь читалъ немного: два путешествія къ св. мѣстамъ и сочиненія св. Димитрія Ростовскаго. Послѣднія меня очень заняли; но это чтеніе — капля въ морѣ, и какой нибудь книгѣ я бы, мнѣ кажется, былъ бы до невѣроятности радъ. Тѣмъ болѣе, что это будетъ даже цѣлительно, затѣмъ, что перебьешь чужими мыслями свои, или перестроишь свои по новому складу.

Вотъ всѣ подробности о моемъ житьѣ-бытьѣ; больше нѣтъ ничего. Радъ очень, что нашелъ ты все семейство свое здоровымъ. Писалъ-ли ты въ Москву о своемъ освобожденіи? Жаль очень, что тамошнее дѣло не складывается. Какъ-бы я желалъ хоть одинъ день пробыть съ вами! Вотъ уже скоро три мѣсяца нашему заключенію; что-то дальше будетъ. Можетъ быть и не увидишь зеленыхъ листьевъ за это лѣто. Помнишь, какъ насъ выводили иногда гулять въ садикъ въ маѣ мѣсяцѣ? Тамъ тогда начиналась зелень, и мнѣ припомнился Ревель, въ которомъ я бывалъ у тебя къ этому времени, и садъ въ инженерномъ домѣ. Мнѣ все казалось тогда, что и ты сдѣлаешь это сравненіе,—такъ было грустно. Хотѣлось бы видѣть и другихъ кой-кого. Съ кѣмъ-то ты теперь видишься? Всѣ должно быть за городомъ. Братъ Андрей непремѣнно долженъ быть въ городѣ; видѣлъ-ли ты Николю? Кланяйся имъ отъ меня. Перецѣлуй за меня дѣтей, кланяйся женѣ, скажи ей, что очень тронутъ тѣмъ, что она меня помнитъ, и много обо мнѣ не безпокойся. Я только и желаю, чтобы быть здоровымъ, а скука дѣло переходное, да и хорошее расположеніе духа зависитъ отъ одного меня. Въ человѣкѣ бездна тягучести и жизненности, и я, право, не думалъ, чтобы было столько, а теперь узналъ по опыту. Ну, прощай! Вотъ два слова отъ меня и желаю, чтобы они тебѣ доста-

вили удовольствіе. Кланяйся всѣмъ, кого увидишь и кого я зналъ, не обойди никого. Я же обо всѣхъ припоминалъ. Чтò-то думаютъ дѣти обо мнѣ и любопытно знать, какія они дѣлаютъ обо мнѣ предположенія: куда, дескать, онъ дѣлся! Ну, прощай. Если можно будетъ, пришли мнѣ „Отечественныя Записки". Хоть что нибудь да прочтешь. Напиши тоже два слова. Это меня чрезвычайно обрадуетъ.

До свиданія

Твой братъ Ѳ. Достоевскій.

(Изъ крѣпости). 27 августа, 1849 г.

Очень радъ, что могу тебѣ отвѣчать, любезный братъ, и поблагодарить тебя за присылку книгъ. Особенно благодаренъ за „Отечеств. Записки". Радъ тоже, что ты здоровъ, и что заключеніе не оставило никакихъ дурныхъ слѣдовъ для твоего здоровья. Но ты очень мало пишешь, такъ что мои письма гораздо подробнѣе твоихъ. Но это въ сторону: послѣ поправишься.

Насчетъ себя ничего не могу сказать опредѣленнаго. Все та же неизвѣстность касательно нашего дѣла. *Частная* жизнь моя попрежнему однообразна; но мнѣ опять позволили гулять въ саду, въ которомъ почти семнадцать деревьевъ. И это для меня цѣлое счастье. Кромѣ того, я могу имѣть теперь свѣчу по вечерамъ—и вотъ другое счастье. Третье будетъ, если ты мнѣ поскорѣе отвѣтишь и пришлешь „Отечественныя Записки"; ибо я, въ качествѣ иногороднаго подписчика, жду ихъ какъ эпохи, какъ соскучившійся помѣщикъ въ провинціи. Хочешь мнѣ прислать историческихъ сочиненій? Это будетъ превосходно. Но всего лучше, если бы ты мнѣ прислалъ Библію (оба Завѣта). Мнѣ нужно. Но если возможно будетъ прислать, то пришли во французскомъ переводѣ. А если къ тому-же прибавишь и славянскій, то все это будетъ верхомъ совершенства.

О здоровьѣ моемъ ничего не могу сказать хорошаго. Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ я просто ѣмъ касторовое масло и тѣмъ только и пробиваюсь на свѣтѣ. Геморой мой ожесточился до послѣдней степени, и я чувствую грудную боль, которой прежде никогда не бывало. Да къ тому-же, особенно къ ночи, усиливается впечатлительность; по ночамъ длинные, безобразные сны и сверхъ того, съ недавняго времени, мнѣ все кажется, что подо мной колышется полъ, и я въ моей комнатѣ сижу словно въ пароходной каютѣ. Изъ всего этого я заключаю, что нервы мои разстраиваются. Когда такое нервное время находило на меня прежде, то я поль-

зовался имъ, чтобы писать,—всегда въ такомъ состояніи напишешь лучше и больше, но теперь воздерживаюсь, чтобы не доканать себя окончательно. У меня былъ промежутокъ недѣли въ три, въ которомъ я ничего не писалъ; теперь опять началъ. Но все это еще ничего; можно жить. Авось, успѣю поправиться.

Ты меня просто удивилъ, написавъ, что, по твоему мнѣнію, московскіе ничего не знаютъ объ нашемъ приключеніи. Я подумалъ, сообразилъ и вывелъ, что это никакимъ образомъ невозможно. Знаютъ, навѣрно, и въ молчаніи ихъ я вижу совершенно другую причину. Впрочемъ, этого и ожидать должно было. Дѣло ясное.

Какъ здоровье Эмиліи Ѳедоровны? Что̀ это, какое ей несчастіе! Вотъ уже второе лѣто ей приходится такъ нестерпимо скучать! Прошлый годъ холера и другія причины, а нынѣшній ужь Богъ знаетъ что̀! Право, братъ, грѣшно впадать въ апатію: усиленная работа con amore — вотъ настоящее счастье. Работай, пиши, — чего лучше?

Ты пишешь, что литература хвораетъ. А тѣмъ не менѣе номера „Отечественныхъ Записокъ“ по прежнему пребогатые, конечно, не по части беллетристики. Нѣтъ статьи, которая читалась бы безъ удовольствія. Отдѣлъ наукъ блестящій. Одно „Завоеваніе Пѣру“ — цѣлая Иліада и, право, не уступитъ прошлогодней: „Завоеваніе Мехики“. Что̀ за нужда, что статья переводная? Прочелъ я съ величайшимъ удовольствіемъ вторую статью разбора Одиссеи; но эта вторая статья далеко хуже первой, Давыдова. Та была статья блистательная; особенно то мѣсто, гдѣ онъ опровергаетъ Вольфа, написано съ такимъ глубокимъ пониманіемъ дѣла, съ такимъ жаромъ, что этого трудно было и ожидать отъ такого стариннаго профессора. Даже въ этой статьѣ онъ умѣлъ избѣжать педантизма, свойственнаго всѣмъ ученымъ вообще, а московскимъ въ особенности.

Изъ всего этого ты можешь заключить, братъ, что твои книги доставляютъ мнѣ чрезвычайное удовольствіе и что я благодаренъ тебѣ за нихъ до-нельзя. Ну, прощай; желаю тебѣ всякаго успѣха. Пиши поскорѣе. Весьма не худо бы ты сдѣлалъ, еслибъ написалъ москвичамъ о нашихъ дѣлахъ и формально спросилъ бы ихъ, въ какомъ состояніи дѣло о деревнѣ?—Цѣлую всѣхъ дѣтей. Я думаю, что въ Лѣтній садъ ихъ водятъ. Кланяйся Эмиліи Ѳедоровнѣ и всѣмъ, кого увидишь изъ знакомыхъ. Ты пишешь, что хотѣлъ бы видѣть меня... Когда-то это будетъ! Ну, до свиданія.

Твой Ѳедоръ Достоевскій.

Напиши мнѣ, кто такой Г. (Вл. Ч.), помѣщающій свои статьи въ

„Отеч. Зап.“ Да еще, кто авторъ разбора стихотвореній Шаховской въ іюльскомъ номерѣ „Отеч. Зап.“. Узнай, если можно.

Между 10-мъ и 15-мъ сентября мои деньги, братъ, выйдутъ. Если можно будетъ, помоги мнѣ опять. Нужно немного. Есть у меня счетъ съ Сорокинымъ за „Бѣдныхъ Людей“, но позабылъ сколько; впрочемъ, сумма крайне ничтожная. Онъ почти все заплатилъ.

Ѳедоръ Достоевскій.

(Изъ крѣпости). 14 сентября 1849 г.

Письмо твое, любезный братъ, книги (Шекспиръ, Библія, „Отеч. Записки“) и деньги (10 р. сереб.) я получилъ и за все это тебя благодарю. Радъ, что ты здоровъ. Я же все по-прежнему. Тоже разстройство желудка и геморой. Не знаю ужь, когда это пройдетъ. Вотъ подходятъ теперь трудные осенніе мѣсяцы, а съ ними моя ипохондрія. Теперь небо ужь хмурится, а свѣтлый клочекъ неба, видный изъ моего каземата, — гарантія для здоровья моего и для добраго расположенія духа. Но все же, покамѣстъ, я еще живъ, здоровъ. А ужь это для меня фактъ. И потому ты, пожалуйста, не думай обо мнѣ чего нибудь особенно дурнаго. Покамѣстъ все хорошо относительно здоровья. Я ожидалъ гораздо худшаго и теперь вижу, что жизненности во мнѣ столько запасено, что и не вычерпаешь.

Еще разъ благодарю за книги. Это все хоть развлеченіе. Вотъ уже пять мѣсяцевъ, безъ малаго, какъ я живу своими средствами, т. е. одной своей головой и больше ничѣмъ. Покамѣстъ еще машина не развинтилась и дѣйствуетъ. Впрочемъ, вѣчное думанье и одно только думанье, безъ всякихъ внѣшнихъ впечатлѣній, чтобъ возрождать и поддерживать думу—тяжело! Я весь какъ будто подъ воздушнымъ насосомъ, изъ подъ котораго воздухъ вытягиваютъ. Все изъ меня ушло въ голову, а изъ головы въ мысль, все, рѣшительно все, и несмотря на то, эта работа съ каждымъ днемъ увеличивается.—Книги хоть капля въ морѣ, но всетаки помогаютъ. А собственная работа только, кажется, выжимаетъ послѣдніе соки. Впрочемъ, я ей радъ.

Перечитывалъ присланныя тобою книги. Особенно благодарю за Шекспира. Какъ это ты догадался! Въ „Отечественныхъ Записк.“ англійскій романъ чрезвычайно хорошъ. Но комедія Т. непозволительно плоха. Чтò это ему за несчастье? Неужели же ему такъ и суждено непремѣнно испортить каждое произведеніе свое, превышающее объемомъ пе-

чатный листъ? Я не узналъ его въ этой комедіи. Никакой оригинальности: старая, торная дорога. Все это было сказано до него и гораздо лучше его. Послѣдняя сцена отзывается ребяческимъ безсиліемъ. Кое-гдѣ мелькаетъ что нибудь, но это что нибудь хорошо только за неимѣніемъ лучшаго. Что за прекрасная статья о банкахъ! И какъ общедоступно! Благодарю всѣхъ, которые обо мнѣ помнятъ; кланяйся Эмиліи Ѳедоровнѣ, брату Андрею и поцѣлуй дѣтей, которымъ особенно желаю здоровѣть. Ужь не знаю, братъ, какъ и когда мы увидимся! Прощай и не забывай меня, пожалуйста. Напиши мнѣ хоть черезъ двѣ недѣли.

До свиданія.

Твой Ѳ. Достоевскій.

Пожалуйста же, будь обо мнѣ покойнѣе. Если добудешь что нибудь читать, то пришли.

(Изъ крѣпости). 22 декабря 1849 г.*).

Сегодня, 22 декабря, насъ отвезли на Семеновскій плацъ. Тамъ всѣмъ намъ прочли смертный приговоръ, дали приложиться къ кресту, переломили надъ головою шпаги и устроили намъ предсмертный туалетъ (бѣлыя рубахи). Затѣмъ трехъ поставили къ столбу для исполненія казни. Я стоялъ шестымъ, вызывали по трое, слѣдовательно я былъ во второй очереди и жить мнѣ оставалось не болѣе минуты. Я вспомнилъ тебя, братъ, всѣхъ твоихъ; въ послѣднюю минуту ты, только одинъ ты, былъ въ умѣ моемъ, я тутъ только узналъ какъ люблю тебя, братъ мой милый! Я успѣлъ тоже обнять Плещеева, Дурова, которые были возлѣ, и проститься съ ними. Наконецъ ударили отбой, привязанныхъ къ столбу привели назадъ и намъ прочли, что Его Императорское Величество даруетъ намъ жизнь. Затѣмъ послѣдовали настоящіе приговоры. Одинъ *Пальмъ* прощенъ. Его тѣмъ же чиномъ въ армію.

Ѳ. Д.

Семипалатинскъ, 30 іюля 1854 г.

Вотъ уже два мѣсяца, какъ не писалъ я къ тебѣ, любезный другъ и братъ мой. Нельзя было, почти невозможно. Но скажи мнѣ, отчего ты

*) Было напечатано въ „Новомъ Времени“ № 1790. Перепечатано въ „Русск. Старинѣ“ 1881 г., мартъ, стр. 706 и 708 (въ статьѣ А. П. Милюкова).

молчишь? Сколько писемъ уже послалъ я тебѣ! Ты же, кромѣ своего январьскаго письма, отвѣчалъ мнѣ только на одно, на первое. Этотъ отвѣтъ, т. е. второе письмо твое, писанное въ апрѣлѣ, я получилъ въ началѣ іюня, и до сихъ поръ не отвѣчалъ тебѣ на него. Увѣряю тебя, дорогой мой, что почти совсѣмъ не было времени до самой настоящей минуты. Наконецъ, если и было хоть сколько нибудь свободныхъ минутъ, то я нарочно откладывалъ до времени болѣе удобнаго, все ожидая, что оно скоро придетъ. Мнѣ же не хотѣлось бы писать тебѣ урывками и наскоро. Конечно ты знаешь или, наконецъ, можешь угадать чѣмъ я теперь занятъ. Ученье, смотры бригаднаго и дивизіоннаго командировъ и приготовленія къ нимъ. Пріѣхалъ я сюда въ мартѣ мѣсяцѣ. Фрунтовой службы почти не зналъ ничего и между тѣмъ въ іюлѣ мѣсяцѣ стоялъ на смотру на ряду съ другими и зналъ свое дѣло не хуже другихъ. Какъ я уставалъ и чего это мнѣ стоило — другой вопросъ; но мною довольны и слава Богу! Конечно все это для тебя не очень интересно; но по крайней мѣрѣ ты знаешь чѣмъ я былъ исключительно занятъ. Чтò ни пиши, однакоже на письмѣ никогда ничего не разскажешь. Какъ ни чуждо все это тебѣ, но я думаю ты поймешь, что солдатство не шутка, что солдатская жизнь со всѣми обязанностями солдата не совсѣмъ-то легка для человѣка съ такимъ здоровьемъ и съ такой отвычкой, или лучше сказать съ такимъ полнымъ ничего незнаніемъ въ подобныхъ занятіяхъ. Чтобъ пріобрѣсти этотъ навыкъ надо много трудовъ. Я не ропщу; это мой крестъ и я его заслужилъ. Я пишу это только для того, чтобы вынудить отъ тебя хоть нѣсколько строкъ, безъ которыхъ мнѣ, право, тяжко жить на свѣтѣ. Сообрази, наконецъ, что если на каждое письмо ждать другъ отъ друга отвѣта и безъ того не писать, то вѣдь промежутки будутъ, пожалуй, мѣсяца по три. Каково же переносить все это! Ты знаешь чтò значитъ для меня письмо отъ тебя. Неужели же мы будемъ съ тобою считаться письмами, какъ визитами. И такъ уже давно не видались, и такъ ужь давно ничего не писали другъ другу! Отъ сестеръ Вариньки и Вѣрочки я получилъ, наконецъ, письма. Какіе ангелы! Я увѣренъ, что онѣ меня такъ же любятъ, какъ говорятъ. Какъ мило написала Варинька. Вся душа въ этомъ прекрасномъ письмѣ. Я думалъ имъ отвѣчать съ первой же почтой, но вотъ уже третью почту откладываю. Очень былъ занятъ, а маленькаго письма имъ писать не хочу. Я не знаю чѣмъ показать имъ мою любовь и вниманіе. Да благословитъ ихъ Богъ! Теперь ты знаешь мои главнѣйшія занятія. По правдѣ, болѣе не было никакихъ кромѣ служебныхъ. Внѣшнихъ событій, переворотовъ жизненныхъ, экстренныхъ случаевъ тоже никакихъ. А душу, сердце, умъ, — чтò выросло, чтò со-

зрѣло, что̀ завяло, что̀ выбросилось вонъ, вмѣстѣ съ плевелами, того не передашь и не разскажешь на клочкѣ бумаги. Живу я здѣсь уединенно; отъ людей по обыкновенію прячусь. Къ тому-же я пять лѣтъ былъ подъ конвоемъ, и потому мнѣ величайшее наслажденіе очутиться иногда одному. Вообще каторга много вывела изъ меня и много привила ко мнѣ. Я, напримѣръ, уже писалъ тебѣ о моей болѣзни. Странные припадки, похожіе на падучую и однакожь не падучая. Когда нибудь напишу о ней подробнѣе.

Впрочемъ, сдѣлай одолженіе и не подозрѣвай, что я такой же меланхоликъ и такой же мнительный, какъ былъ въ Петербургѣ въ послѣдніе годы. Все совершенно прошло, какъ рукой сняло. Впрочемъ, все отъ Бога и у Бога. Благодарю брата Колю за приписку. Я было хотѣлъ и самъ написать ему, но пусть до времени подождетъ и извинитъ меня, горемычнаго. Въ одномъ пусть будетъ увѣренъ, что онъ очень милъ и близокъ моему сердцу, и что я вспоминаю о немъ съ горячимъ чувствомъ. Расцалуй его за меня и пожелай ему всего хорошаго. Расцалуй тоже дѣтей. Поклонись отъ меня Эмиліи Ѳедоровнѣ. Я иногда съ ужасомъ вспоминаю объ 49 годѣ и объ тѣхъ двухъ мѣсяцахъ, которые она провела одна, тогда какъ ты былъ арестованъ. Здорова-ли, довольна-ли она теперь? Въ каторгѣ я тамъ много промечталъ и продумалъ о прошедшемъ и будущемъ, и, главное, объ васъ всѣхъ. Иныя воспоминанія мнѣ больны и горьки, но я не гоню ихъ. Мнѣ и горькое сладко.

Поклонись отъ меня сестрѣ Сашенькѣ; поцалуй и поздравь ее отъ меня. Здорова-ли она теперь. Поцалуй ее отъ меня и скажи ей обо мнѣ что нибудь хорошее. Вообще рекомендуй меня. Пожелай ей отъ меня много, много всякаго счастья.

Милый мой, ты пишешь мнѣ о деньгахъ и спрашиваешь надо-ли мнѣ? Но ты самъ знаешь мое положеніе. Можешь прислать, такъ пришли. Вѣдь ты моя главная надежда. Такъ какъ на тебя я ни на кого не надѣюсь.

Прощай, мой милый! Пиши побольше о себѣ. Пиши мнѣ непремѣнно о своемъ здоровьѣ, и болѣе подробностей о томъ, какъ воспитываются твои дѣти. Прощай, другъ мой, вотъ и письмо ко̀нчено, а что̀ написалъ? Грустно жить въ письмахъ, не видавшись 5 лѣтъ. Теперь буду писать и больше и чаще. Но самъ отвѣчай мнѣ какъ можно скорѣе. Прощай, до свиданія.

Твой братъ

Ѳедоръ Достоевскій.

Семипалатинскъ, 6 ноября 1854 г.

Любезнѣйшій и дорогой братъ Андрей Михайловичъ.

Письмо твое, безцѣнный мой, отъ 14 сентября, получилъ я только въ концѣ октября, пропустилъ одну почту и теперь спѣшу отвѣчать тебѣ. Во первыхъ благодарю тебя за твой привѣтъ и за то, что не забылъ меня, горемычнаго. Ты не повѣришь до какой степени обрадовало меня письмо твое! Никто-то не забылъ обо мнѣ изъ всей нашей семьи! Всѣ до одного писали ко мнѣ, всѣ до одного берутъ во мнѣ самое искреннее, братское участіе, а мнѣ, отвыкшему отъ всего ласковаго, привѣтливаго и родственнаго, все это было цѣлымъ счастьемъ. Вотъ уже скоро 10 мѣсяцевъ, какъ я вышелъ изъ каторги и началъ мою новую жизнь. А тѣ 4 года считаю я за время, въ которое я былъ похороненъ живой и закрытъ въ гробу. Чтò за ужасное было это время, не въ силахъ я разсказать тебѣ, другъ мой. Это было страданіе невыразимое, безконечное, потому что всякій часъ, всякая минута тяготѣла какъ камень у меня на душѣ. Во всѣ 4 года не было мгновенія, въ которое бы я не чувствовалъ, что я въ каторгѣ. Но чтò разсказывать! Даже еслибы я написалъ къ тебѣ 100 листовъ, то и тогда ты не имѣлъ бы понятія о тогдашней жизни моей. Это нужно по крайней мѣрѣ видѣть самому,—я уже не говорю испытать. Но это время прошло и теперь оно сзади меня, какъ тяжелый сонъ, такъ же какъ выходъ изъ каторги представлялся мнѣ прежде, какъ свѣтлое пробужденіе и воскресеніе въ новую жизнь. Все это время я не имѣлъ обо всѣхъ васъ ни вѣсточки. Я былъ какъ ломоть отрѣзанный. Выйдя изъ каторги, я вскорѣ получилъ письмо отъ Михаила Михайловича, моего вѣрнаго брата, друга и благодѣтеля. Послѣ того, въ скоромъ времени, обрадовали меня сестры. Изъ этихъ писемъ узналъ я все, о каждомъ изъ нашего семейства и объ тебѣ, милый другъ. Наконецъ, вотъ пишешь и ты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и любезнѣйшая сестрица Домника Ивановна удостоила меня своимъ милымъ привѣтствіемъ. Ради Бога, любезный братъ, не сердись на меня, что не я первый написалъ тебѣ. Я, впрочемъ, написалъ бы непремѣнно. Но въ новой жизни моей встрѣтилось столько новыхъ заботъ и хлопотъ, что, право, я до сихъ поръ едва успѣлъ оглядѣться! Поступилъ я согласно съ конфирмаціею въ 7-й Линейный батальонъ. Тутъ началась для меня новая забота: служба. Здоровье и силы мои помогали мнѣ мало. Вышелъ я изъ каторги рѣшительно больной. А между тѣмъ надо было заняться фрунтомъ, ученьемъ, смотрами. Все лѣто я былъ такъ занятъ, что едва находилъ время спать. Но теперь немного при-

выкъ. Здоровье мое тоже стало получше. И не теряя надежды смотрю я впередъ довольно бодро. Но довольно обо мнѣ; поговоримъ о другомъ, болѣе интересномъ.

Во первыхъ я радъ несказанно, что ты, судя по всему, счастливъ. Поздравляю тебя съ женитьбой, хотя уже срокъ минулъ 4-хъ лѣтній. Я всегда и прежде считалъ, что нѣтъ ничего выше на свѣтѣ счастья семейнаго. Искренно желаю тебѣ его безъ конца. Твоя доля тихая, скромная, но вѣрная, а это прекрасно. Тяжело пробивать дорогу вкривь и вкось, направо и налѣво, какъ было со мной во всю жизнь мою. Пишутъ о братѣ Николѣ очень много хорошаго, да и самъ онъ приписываетъ мнѣ аккуратно въ каждомъ письмѣ. Съ братомъ Мих. Михайловичемъ переписываемся мы какъ только можемъ, но письма мои ходятъ въ Россію медленно, ровно два мѣсяца, поэтому и теперешнее письмо мое ты получишь, дорогой мой, развѣ что къ Рождеству. Не писалъ я только къ одной сестрицѣ Сашенькѣ, хотя приписываю ей поклоны въ братниныхъ письмахъ. Она ко мнѣ не писала, а мнѣ какъ-то щекотливо. Не подумали бы, что я заискиваю изъ выгодъ, будучи въ положеніи, во всякомъ случаѣ, бѣдномъ. Я не объ ней говорю, а объ ея мужѣ, котораго еще не знаю. Но я, впрочемъ, напишу, а все это послѣднее пусть будетъ между нами. Прощай, дорогой мой, пиши чаще; благодарю тебя, не забывай меня. А я объ васъ всѣхъ никогда не забуду.

Любящій тебя братъ

Ѳ. Достоевскій.

Прошу убѣдительнѣйше, и не откладывая, поцаловать за меня моихъ дорогихъ и, конечно, премиленькихъ племянницъ Евочку и Машеньку.

Семипалатинскъ 6 ноября, 1854 г.

Любезнѣйшая сестрица

Домника Ивановна!

Ваше милое, родственное письмо, въ которомъ вы прямо называете меня именемъ вашего брата, доставило мнѣ неизъяснимое наслажденіе. Черезъ него я узналъ, что у меня есть еще сестра, есть еще сердце любящее и сострадающее, которое не отказало мнѣ въ привѣтѣ и участіи. Мнѣ вдвойнѣ это было пріятно. Пріятно было узнать такую сестру, и видѣть ее женою моего дорогаго брата. Но что-то странное есть въ этомъ обмѣнѣ чувствъ и мыслей между нами. Знать, что мы съ вами никогда не сойдемся, никогда не увидимся, — развѣ чудо вмѣшается въ судьбу

мою и Богъ сдѣлаетъ его, наконецъ, для меня,—знать это, и какъ, скажите, какъ не почувствовать тоски, хоть по родинѣ и по всему, что въ ней мило, тоски, которая омрачаетъ свѣтлое чувство, посѣщающее меня при перечитываніи письма вашего? Дай вамъ Богъ всякаго счастья и радости. Желаю вамъ этого какъ братъ; ибо вы уже милы и близки мнѣ какъ сестра. Еще разъ благодарю васъ за ваше письмо. Любите меня какъ я васъ люблю, и не забывайте

Преданнаго вамъ душею брата

Ѳ. Достоевскаго.

Къ брату Михаилу Михайловичу.

Семипалатинскъ, 14 мая 1855 г.

Любезный братъ и дорогой мой другъ!

Письмо твое отъ 26-го января и 21 марта я, наконецъ, получилъ и благодарю тебя за него и за посылку отъ всей души. Пришло оно кстати, но я долженъ сознаться — и ради Бога не сердись на меня за это сознаніе, — что я почти перестаклъ надѣяться получить отъ тебя письмо, хоть когда нибудь. Шутка-ли! Съ 3-го октября, отъ котораго ты писалъ ко мнѣ въ предпослѣдній разъ, до сихъ поръ ничего, ни одной строки! Чего, чего я ни надумался! Во первыхъ твое здоровье: я думалъ, я совершенно увѣренъ былъ, что ты или тяжко боленъ или умеръ. Ты знаешь какъ я мнителенъ. Какъ же я мучился!

Но, къ счастью, передъ весной попались газеты съ твоими объявленіями. Тогда другія мысли замучили меня. Именно: каково-то идутъ твои дѣла торговыя? Стало быть, думаю про себя, худо, когда или оторваться отъ нихъ не можетъ, или написать объ нихъ не хочетъ. Замѣть себѣ, милый мой, что ни разу я не подумалъ, что ты оттого не пишешь, что я надоѣлъ тебѣ и что письма ко мнѣ пишутся тобою такъ, изъ какого-то приличія. Ни разу не усумнился я въ твоемъ прекрасномъ сердцѣ. Я писалъ сестрѣ Варинькѣ, которая тоже уже очень долго не пишетъ ко мнѣ—(а остальные совсѣмъ перестали писать), — что ты меня вѣрно забылъ и что это мнѣ было очень тяжело. По эти слова вырвались изъ сердца отъ горечи, и ты не сердись на нихъ; мнѣ было очень тяжело.—Очень радъ, что твои дѣла кое-какъ удаются. Не покидай ихъ, другъ мой. Это единственная надежда твоя и семьи твоей. Всегда съ наслажденіемъ читаю твои разсказы о семействѣ. Какъ я радъ за дѣтей твоихъ! Я ихъ такъ люблю, какъ будто

никогда не покидалъ. Вѣрить не хочу, чтобъ Маша не была хорошенькая. Это невозможно. Въ другихъ письмахъ пиши мнѣ побольше про Москву. Какъ я радъ, что ты съ ними сошелся и хорошо принятъ у дяди и тетки. Знаешь что̀, напиши мнѣ подробно обо всемъ ихъ бытѣ (т. е. объ дядѣ), что̀ они и какъ? Тоже познакомь меня съ нашими новыми родственниками, съ Голеновскимъ, съ Ивановымъ, поподробнѣе. Я очень мало слышалъ отъ тебя объ нихъ особеннаго и подробнаго. Что̀ тебѣ сказать о моемъ житьѣ. Живу день за день и больше ничего. Здоровье не совсѣмъ хорошо и потому жизнь не совсѣмъ красна. Разные припадки не оставляютъ меня, и хоть черезъ большіе промежутки, но все-же очень непріятны. Теперь занимаюсь службой. — Не сердись ради Бога, что пишу о себѣ такъ мало!

Какъ здоровье Эмиліи Ѳедоровны?

Дай Богъ ей всего лучшаго. Скажи, братъ, всю-то жизнь я былъ на твоемъ содержаніи, былъ тебѣ долженъ. Что̀ за судьба! Спасибо тебѣ, спасибо, что не оставляешь меня, а безъ тебя что̀-бы я былъ!

Прощай, родной мой. Люби меня, какъ я тебя люблю.

Твой Ѳ. Достоевскій.

Къ барону А. Е. Врангелю.

Семипалатинскъ, 14 августа 1855 г.

Съ перваго же слова прошу у васъ извиненія, дорогой мой Александръ Егоровичъ, за будущій безпорядокъ моего письма. Я уже увѣренъ, что оно будетъ въ безпорядкѣ. Теперь два часа ночи, я написалъ два письма. Голова у меня болитъ, спать хочется и къ тому же я весь разстроенъ. Сегодня утромъ получилъ изъ Кузнецка письмо. Бѣдный, несчастный Александръ Ивановичъ Исаевъ, скончался. Вы не повѣрите какъ мнѣ жаль его, какъ я весь растерзанъ. Можетъ быть, я только одинъ изъ здѣшнихъ и умѣлъ цѣнить его. Если были въ немъ недостатки, на половину виновата въ нихъ его черная судьба. Желалъ бы я видѣть, у кого бы хватило терпѣнія при такихъ неудачахъ? Зато сколько доброты, сколько истиннаго благородства! Вы его мало знали. Боюсь, не виноватъ-ли я передъ нимъ, что подчасъ въ жолчную минуту, передавалъ вамъ, и, можетъ быть, съ излишнимъ увлеченіемъ, одни только дурныя его стороны. Онъ умеръ въ нестерпимыхъ страданіяхъ, но прекрасно, какъ дай Богъ умереть и намъ съ вами. И смерть красна на человѣкѣ. Онъ умеръ твердо, благо-

словляя жену и дѣтей и только томясь объ ихъ участи. Несчастная Марья Дмитріевна сообщаетъ мнѣ о его смерти въ малѣйшихъ подробностяхъ. Она пишетъ, что вспоминать эти подробности — единственная отрада ея. Въ самыхъ сильныхъ мученіяхъ (онъ мучился два дня) онъ призывалъ ее, обнималъ и безпрерывно повторялъ: „Что̀ будетъ съ тобою, что̀ будетъ съ тобою?“ Въ мученіяхъ о ней онъ забывалъ свои боли. Бѣдный! Она въ отчаяніи. Въ каждой строкѣ письма ея видна такая грусть, что я не могъ безъ слезъ читать, да и вы, чужой человѣкъ, но человѣкъ съ сердцемъ, заплакали бы. Помните вы ихъ мальчика, Пашу? Онъ обезумѣлъ отъ слезъ и отъ отчаянія. Среди ночи вскакиваетъ съ постели, бѣжитъ къ образу, которымъ его благословилъ отецъ за 2 часа до смерти, самъ становится на колѣни и молится, съ ея словъ, за упокой души отца.— Похоронили бѣдно, на чужія деньги (нашлись добрые люди), она же была какъ безъ памяти. Пишетъ, что чувствуетъ себя очень нехорошо здоровьемъ. Нѣсколько дней и ночей сряду она не спала у его постели. Теперь пишетъ, что больна, потеряла сонъ и ни куска съѣсть не можетъ. Жена исправника и еще одна женщина помогаютъ ей. У ней ничего нѣтъ, кромѣ долговъ въ лавкѣ. Кто-то прислалъ ей три руб. сер. „Нужда руку толкала принять,—пишетъ она,—и приняла... подаяніе!“

Если вы, Александръ Егоровичъ, еще въ тѣхъ мысляхъ, какъ нѣсколько дней тому назадъ, въ Семипалатинскѣ (а я увѣренъ, что у васъ благородное сердце и вы отъ добрыхъ мыслей не отказываетесь *изъ за какой нибудь пустой причины, совершенно не идущей къ дѣлу)*, то пошлите теперь, съ письмомъ, которое я прилагаю отъ себя къ ней, ту сумму, о которой мы говорили. Но повторяю вамъ, любезнѣйшій Александръ Егоровичъ, — я болѣе чѣмъ когда въ мысляхъ считать всѣ эти 75 руб. (прежнія 25) моимъ долгомъ вамъ. Я вамъ отдамъ непремѣнно, но не скоро. Я знаю очень хорошо, что ваше сердце само жаждетъ сдѣлать доброе дѣло... Но разсудите: вы ихъ знакомый недавній, знаете ихъ очень мало, такъ мало, что хотя покойный Ал. Ив. и занялъ у васъ денегъ на поѣздку, но предлагать вамъ ей отъ себя — тяжело! Съ своей стороны я пишу ей въ письмѣ моемъ всю готовность вашу помочь и что безъ васъ я бы ничего не могъ сдѣлать. Пишу это не для того, чтобы вамъ была честь добраго дѣла, или чтобъ вамъ были благодарны. Я знаю; вы, какъ христіанинъ, въ томъ не нуждаетесь. Но я-то самъ не хочу, чтобъ *мнѣ* были благодарны, тогда какъ я того не стою, ибо взялъ изъ чужаго кармана, и хоть постараюсь отдать вамъ скорѣе — но взялъ почти-что на неопредѣленный срокъ.

Если намѣрены послать деньги, то вложите ихъ въ мое письмо ей,

которое при семъ прилагаю (незапечатанное). Очень было бы хорошо отъ васъ, еслибъ вы написали ей хоть нѣсколько строкъ. Положимъ вы были очень мало знакомы. Но онъ остался вамъ долженъ; теперь она знаетъ, что вы дали мнѣ деньги, и потому написать есть случай, даже бы надо было, — какъ вы думаете? Не много, нѣсколько строкъ... Но Боже мой! Я кажется васъ учу какъ писать! Повѣрьте мнѣ, Алекс. Егоровичъ, я очень хорошо знаю, что вы понимаете, можетъ быть, лучше другаго, какъ должно обходиться съ человѣкомъ, котораго пришлось одолжить. Я знаю, что вы съ нимъ удвоите, утроите учтивость; съ человѣкомъ одолженнымъ надо поступать осторожно; онъ мнителенъ; *ему такъ и кажется, что небрежностью съ нимъ, фамильярностью хотятъ его заставить заплатить за одолженіе, ему сдѣланное.* Все это вы знаете такъ же, какъ и я; если Богъ далъ намъ смыслъ и благородство, то мы иначе и не можемъ быть. Noblesse oblige, а вы благородны, это я знаю.

Но я знаю тоже, по вашимъ словамъ, что вашъ кошелекъ не совсѣмъ исправенъ въ эту минуту. И потому, если послать не можете, то и моего письма къ ней не посылайте, а послѣ возвратите мнѣ. Меня-же, сдѣлайте мнѣ милость, увѣдомьте съ 1-й почтой, *послали вы письмо или нѣтъ?*

Онъ васъ вспомнилъ при смерти. Кажется такъ было, что онъ *) *„не смѣетъ и думать предложить вамъ взамѣнъ долга,* но проситъ передать вамъ книгу, *въ память о себѣ“* (Сподвижниковъ Александра, помните это богатое изданіе; онъ получилъ ее изъ Петропавловска, гдѣ оставилъ). Вамъ книгу пришлютъ.

Пишу къ вамъ въ Барнаулъ, по адресу, который вы мнѣ дали, а еще не знаю, въ Барнаулѣ-ли вы? Кажется, вы написали тогда, что писать въ Барнаулъ надо послѣ 23-го числа. Посылаю на авось, черезъ Крутова. Хорошо-ли черезъ Крутова? Напишите мнѣ. Что вы подѣлываете, весело-ли вамъ? Кстати правда-ли я слышалъ (впрочемъ, уже не разъ) что m-elle А...за выходитъ замужъ?

Если будете посылать деньги, не мѣшкайте. Ужь конечно, никогда не можетъ быть болѣе затруднительнаго положенія, какъ теперь.

Не знаю застанетъ-ли васъ это письмо въ Барнаулѣ и не пролежитъ-ли до вашего пріѣзда. Пишу къ Марьѣ Дмитріевнѣ съ этой же почтой другое письмо, которое посылаю завтра, *на ура!* Посылаю вамъ тоже вашу субботнюю корреспонденцію. Я распечаталъ письмо, какъ вы говорили. Если Крутовъ завтра успѣетъ принесть и понедѣльничьи письма, то вложу и ихъ.

*) Его слова.

Bayerische Staats-Bibliothek München

MAX [illegible] MÜNCHEN

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Miller, Orest F. / Miller, Orest F. / Strachov, Nikolaj Nikolaevič

Biografija, pis'ma i zamětki iz zapisnoj knižki F. M. Dostoevskago s portretom F. M. Dostoevskago i priloženijami

S.-Peterburg 1883

4 Biogr. 300 v
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11480444-5